

РАСНИЦАРАНАТ ТАГОР

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

ПЕСЧИНКА

(ЧОКЕРВАЛИ)

Роман

КРУШЕНИЕ

Роман

РАССКАЗЫ

Переводы с бенгальского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1962

Послесловие и комментарии

В. Новиковой

Редактор тома

В. Новикова

Оформление художника

Н. Крылова

**ПЕСЧИНКА
(ЧОКЕРБАЛИ)**

Роман

Перевод

Е. Смирновой и И. Товстых

С. С. Смирнов
И. И. Товстых

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хоримоти, мать Бинодини, поделилась своей печалью с Раджлокхи. Обе они были из одной деревни и в детстве часто играли вместе.

Раджлокхи принялась уговаривать сына.

— Мохим, — сказала она, — нужно выручить бедную девочку. Я слышала, она настоящая красавица, да к тому же образованная. Теперешним молодым людям именно такие и нравятся.

— Молодых людей и без меня хватает, — отозвался Мохендро.

— Беда с тобой, Мохим. Ну почему ты так упорно не хочешь говорить о женитьбе?

— Какая же в этом беда? Есть многое другое, о чем стоит поговорить. Совсем не обязательно говорить о женитьбе.

Мохендро рано потерял отца. Возможно, поэтому отношения его с матерью сложились несколько иначе, нежели у других юношей его возраста. Двадцатидвухлетний Мохим уже окончил колледж и приступил к занятиям медициной, а с матерью капризничал, как малый ребенок. Он напоминал детеныша кенгуру, которого и после рождения мать продолжает носить с собой. Без матери Мохендро не мог ни поесть, ни отдохнуть. И теперь, когда Раджлокхи стала уговаривать его жениться, он в конце концов уступил:

— Хорошо, я зайду взглянуть на невесту.

Но в назначенный день он заявил:

— Зачем мне на нее смотреть? Я ведь женюсь ради тебя, — не все ли равно, красавица она или урод.

В его голосе слышалось легкое раздражение. Но Раджлокхи была уверена, что в момент благоприятного взгляда Мохендро останется доволен и вполне одобрит выбор своей матери. Поэтому она с легким сердцем назначила день свадьбы. Однако Мохендро день ото дня делался все мрачнее и беспокойнее. Наконец, уже незадолго до свадьбы, он заявил, что не намерен жениться.

С детства судьба и люди баловали Мохендро, и поток его желаний не встречал препятствий на своем пути. Мохендро не выносил давления чужой воли. Теперь же, связанный собственным словом, он испытывал беспричинное отвращение к предстоящей женитьбе. Это чувство все нарастало, пока не настал день, когда он наотрез отказался выполнить свое обещание.

Был у Мохендро близкий друг Бихари. Он называл Мохендро старшим братом, а Раджлокхи — матерью. Раджлокхи по-своему любила Бихари, хотя считала его чем-то вроде неуклюжей баржи, навсегда привязанной к пароходу — Мохендро. К нему-то и обратилась Раджлокхи, когда Мохендро отказался жениться.

— Сынок, — сказала она, — придется теперь тебе жениться, иначе бедная девушка...

— Нет, ма, этого я не могу сделать, — запротестовал Бихари, умоляюще сложив руки. — Я мог съесть сладости, которые ему не нравились, но ведь сейчас речь идет о девушке... Нет, это невозможно.

«Где уж бедному Бихари жениться! — с возросшей симпатией подумала Раджлокхи о юноше. — Он все время с Мохимом, ему и в голову не придет обзаводиться семьей».

Отец Бинодини не был особенно богат, но для своей единственной дочери он пригласил «мэм» из миссионерок и очень заботился о том, чтобы девочка научилась грамоте и рукоделию. Шли годы, девушка стала невестой, но отец как бы не замечал этого. Когда он умер, овдовевшая мать оказалась в весьма затруднительном положении с выбором жениха — и денег нет, и дочка совсем взрослая.

После того как Мохендро, а за ним и Бихари отказались жениться, Раджлокхи удалось устроить свадьбу Бинодини с сыном своего дальнего родственника из деревни Барашат. Вскоре Бинодини овдовела. Мохендро, смеясь, сказал тогда: «Хорошо, что я не женился на ней. Если бы моя жена стала вдовой, где бы я был теперь?»

Прошло года три, и однажды между матерью и сыном произошел следующий разговор:

— Люди осуждают меня, сынок.

— За что? Что ты им сделала?

— Болтают, будто я нарочно не ищу тебе невесту из страха, как бы ты не разлюбил меня, когда женишься.

— Что же, — ответил Мохендро, — может, они и правы. Если бы я был на месте матери, ни за что не позволил бы сыну жениться!.. Пусть себе люди болтают, что хотят.

— Нет, вы только послушайте, что он говорит, этот мальчик! — рассмеялась Раджлокхи.

— Жена войдет в дом — сразу мужа приберет к рукам, — продолжал Мохендро. — О своей матери, такой заботливой, такой любящей, он и не вспомнит! Может быть, тебе это и нравится, но мне нет!

Раджлокхи в душе ликовала.

— Послушай, медж-боу, — окликнула она свою родственницу, тоже вдову, которая в это время вошла в комнату, — нет, ты только послушай, что говорит мой Мохим: он не хочет жениться, не хочет, чтобы жена стала между ним и матерью. Слыхала ты что-нибудь подобное?

— Это уж чересчур, сынок, все хорошо в свое время, — отвечала тетушка Аннапурна. — Хватит Мохиму держаться за материнский подол, пора ему жениться, зажечь своим домом. По-моему, стыдно, что он ведет себя, как малый ребенок.

Этот ответ не понравился Раджлокхи, и она ответила довольно прозрачным и колким намеком:

— Чего ж тут стыдиться, если сын любит меня сильнее, чем другие сыновья своих матерей? Конечно, если бы тебя был сын, ты поняла бы это.

Раджлокхи была уверена, что в Аннапурне говорит зависть бездетной женщины к счастливой матери.

— Я не стала бы вмешиваться, ты ведь сама завела этот разговор, — только и могла сказать Аннапурна.

— И вообще, почему тебя так беспокоит, что Мохим не желает жениться? Если я одна сумела вырастить сына, в люди его вывести, то и впредь смогу сама о нем позаботиться — без советчиков обойдусь.

Со слезами на глазах Аннапурна молча вышла из комнаты. Мохендро был расстроен этим разговором; вернувшись с занятий пораньше, он сразу же зашел к тетке. Юноша прекрасно знал, что Аннапурна сказала так, желая ему добра. Знал он и то, что у его тетушки была сирота-племянница. Одинокая женщина втайне мечтала выдать девушку за него, чтобы постоянно жить рядом с племянницей. И хотя Мохендро был против женитьбы, заветное желание тетки казалось ему понятным и трогательным.

Когда он зашел к Аннапурне, было еще не поздно. Тетушка сидела в своей комнате у окна, положив голову на подоконник. Лицо ее было бледно и печально. В соседней комнате ее ждал рис, прикрытый тарелкой, но она не приглядывалась к еде.

Немного нужно было, чтобы растрогать Мохендро. Вот и теперь, стоило ему взглянуть на тетку, как его глаза наполнились слезами. Подойдя ближе, он ласково окликнул ее:

— Тетушка!

— Иди сюда, Мохим, садись, — проговорила она, заставив себя улыбнуться.

— Я очень проголодался, окажи мне честь и дай отвезти рис из твоих рук.

Поняв хитрость Мохендро, Аннапурна сама с трудом удержала слезы. Она поела и накормила Мохендро.

Сердце Мохендро совсем растаяло от жалости. Поддавшись минутному порыву, он вдруг сказал:

— Тетя, познакомь меня как-нибудь со своей племянницей.

Не успел он произнести эти слова, как сразу же испугался.

Аннапурна улыбнулась.

— Ты что, Мохим, опять захотел жениться?

— Нет, нет, — поспешил объяснить Мохендро. — Я не для себя стараюсь, для Бихари. Назначь только день смотри.

— Да разве может выпасть на ее долю подобное счастье! — вздохнула Аннапурна. — Такие, как Бихари, не для нее.

Выходя от тетки, Мохендро у самых дверей столкнулся с матерью.

— О чем это вы так долго совещались, Мохендро? — спросила она.

— Ни о чем. Просто я заходил, чтобы взять пан.

— Пан для тебя приготовлен в моей комнате.

Мохендро ничего не ответил.

Раджлокхи заглянула к Аннапурне и, увидев ее опухшие от слез глаза, вообразила невесть что.

— Так, так, дорогая, теперь ты пристала к моему сыну? — прошипела она и, не слушая оправданий Аннапурны, пошла прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мохендро очень скоро забыл о своем разговоре с Аннапурной, но Аннапурна помнила о нем. Она отправила письмо в Шембаджар, к дяде, у которого воспитывалась ее племянница, и в письме назначила день смотрин.

Услыхав об этом, Мохендро забеспокоился:

— Зачем ты так поторопилась, тетя. Ведь Бихари до сих пор ничего не знает.

— Как «не знает»? — встревожилась Аннапурна. — Что подумают опекуны девочки, если вы не придете?

Пришлось Мохендро обо всем рассказать Бихари.

— Ну, посмотреть-то ты можешь, — уговаривал он Бихари, — не понравится, никто неволить не станет.

— Что ты! Разве смогу я отказаться! — воскликнул Бихари. — Да у меня язык не повернется сказать «не нравится» про племянницу тети Аннапурны.

— Ну вот и хорошо!

— Ты нечестно поступаешь, Мохим. Сам остаешься свободным, а на меня взваливаешь такую тяжесть. Конечно, мне очень не хочется огорчать тетю Аннапурну. — Бихари относился к Аннапурне с большим уважением.

Слегка смутившись, Мохендро раздраженно спросил:

— Что же ты собираешься делать?

— Придется жениться, раз уж ты от моего имени обнадежил тетю. Только торжественные смотрины устраивать ни к чему.

Аннапурна сама пригласила к себе Бихари.

— Что ж это такое, сынок! — воскликнула она. — Разве можно жениться, не взглянув на невесту. Я всегда считала, что нельзя соглашаться на женитьбу, если невеста не нравится.

В назначенный день Мохендро, придя с занятий, попросил мать достать ему шелковую рубашку и дхоти из даккского муслина.

— Зачем? — спросила Раджлокхи. — Идешь куда-нибудь?

— Так нужно, мама, я потом тебе все объясню. Доставай скорее, — торопил Мохендро.

Хотя юноша и шел на чужие смотрины, он все же пригладил волосы и надушил одежду. Таков уж закон молодости!

Наконец друзья отправились.

Дядя невесты, Онукул-бабу, нажил большое состояние, и его трехэтажный дом, окруженный садом, возвышался над всем кварталом. После смерти своего обедневшего брата он взял сироту-племянницу к себе в дом. Аннапурна очень просила отдать девочку ей на воспитание. Но хотя это предложение казалось Онукулу-бабу вполне приемлемым в материальном отношении, оно могло повредить его доброму имени. Поэтому он не только наотрез отказался отдать племянницу, но никогда не отпускал ее к тетке даже погостить. Вот насколько бережно относился Онукул-бабу к своей чести!

Настало время позаботиться о замужестве девушки. Но в нынешнее время слова «по заботам и воздастся» не подходят к такому делу, как свадьба: ведь заботы о свадьбе неизбежно влекут за собой расходы. Как только заходил разговор о приданом, Онукул говорил: «У меня самого дочери растут, откуда же я возьму столько денег?» Так шло время, пока наконец на горизонте не появился благоухающий духами, разодетый Мохендро и с ним Бихари.

Был месяц чойтро. День клонился к вечеру. На южной веранде гостей ждало серебряное блюдо с фруктами и сла-

достями и покрытые сетью капелек серебряные стаканы с ледяной водой. Мохендро и Бихари нерешительно принялись за угощение. Внизу садовник поливал кусты и деревья; теплый весенний ветер, напоенный ароматом влажной земли, слегка шевелил надушенный конец белоснежного чадора Мохендро. Через неплотно прикрытые двери и окна из соседней комнаты доносился приглушенный смех, шепот, перезвон украшений. Угостив молодых людей, Онукул-бабу обернулся к двери и крикнул:

— Чуни, принеси-ка пан!

Через некоторое время одна из дверей тихонько открылась, и на веранду с пленительной застенчивостью вошла девушка. Она остановилась перед Онукулом-бабу, держа в руках коробочку с бетелем.

— Не смущайся, доченька, — сказал Онукул-бабу, — передай бетель гостям.

Девушка наклонилась и дрожащей рукой поставила коробочку перед Мохендро и Бихари. Луч заходящего солнца упал на ее смущенное личико и позволил Мохендро как следует разглядеть девушку.

Она хотела уйти, но Онукул-бабу остановил ее:

— Подожди, Чуни! Господин Бихари, это дочь моего младшего брата, Опурбы. Он умер. Теперь, кроме меня, у бедной девочки никого не осталось! — Онукул-бабу глубоко вздохнул.

Сердце у Мохендро сжалось. Он еще раз взглянул на сироту.

Трудно было сказать, сколько ей лет. Родные говорили, что тринадцать, но девушке можно было дать и все пятнадцать. Воспитанная в строгих правилах, она робко таила в своем сердце пробуждающуюся юность.

Растроганный Мохендро спросил:

— Как тебя зовут?

— Скажи свое имя, не стесняйся! — подбодрил ее Онукул-бабу.

Девушка потупилась и покорно ответила:

— Ашалота.

«Аша. Какое нежное имя! И голос какой приятный, — подумал Мохендро. — Сиротка Аша!»

Отпустив извозчика, друзья пошли домой пешком.

— Бихари, — начал Мохендро, — не отказывайся от этой девушки.

Бихари уклонился от прямого ответа:

— Она похожа чем-то на тетю Аннапурну: наверное, станет такой же Лакшми.

— Видно, «бремя», которое я взвалил на твои плечи, теперь уже не кажется тебе таким тяжелым, — заметил Мохендро.

— Да, — согласился Бихари, — я думаю, что смогу его вынести.

— Нет, зачем же! Если тебе тяжело, я могу принять эту ношу на себя. Что ты на это скажешь?

Бихари пристально посмотрел на Мохендро и спросил:

— Ты это серьезно, Мохим? Отвечай честно. Если женишься ты, а не я, тетя еще больше обрадуется, — ведь тогда она все время будет жить рядом со своей племянницей.

— Ты с ума сошел! Если бы она действительно хотела, это могло бы произойти давно...

Бихари не стал больше спорить и простился. Мохендро пошел окольной дорогой и домой вернулся поздно. Мать была занята приготовлением лучи. Тетка еще не вернулась от Онукула-бабу. Мохендро поднялся на крышу и лег на циновку.

Над крышами и куполами Калькутты кудесничал тонкий месяц.

Мать позвала Мохендро ужинать.

— Мне не хочется уходить отсюда, — лениво отозвался Мохендро.

— Может, принести наверх? — спросила Раджлокхи.

— Не надо. Я уже ел.

— Где же ты был?

— Это долгая история, потом расскажу.

Обиженная странным поведением сына, Раджлокхи хотела уйти, но Мохендро опомнился и, движимый раскаянием, сказал:

— Принеси мне поесть сюда, мама.

— Зачем же? Если тебе не хочется...

После недолгого препирательства Мохендро пришлось еще раз поужинать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мохендро провел беспокойную ночь и, едва рассвело, помчался к Бихари.

— Знаешь, друг, — сказал он, — я думаю, что раз этого так хочет тетя Аннапурна, я женюсь на ее племяннице.

— Тут и раздумывать не стоило. Она ведь много раз давала понять, что хочет этого.

— Вот-вот! Мне кажется, если я не женюсь на Аше, тетя огорчится!

— Возможно.

— Нехорошо, если я расстрою ее, — продолжал Мохендро.

— Правильно! — с несколько преувеличенной горячностью подхватил Бихари. — Ты это верно сказал! Дело только за тобой. Правда, было бы лучше, если бы тебе пришло это в голову вчера.

— Днем раньше, днем позже — какое это имеет значение! — воскликнул Мохендро.

Мысль о женитьбе, казалось, совершенно лишила его рассудка. Терпеливо ждать Мохендро был уже не в состоянии. «Лучше без лишних проволочек поскорее все устроить», — думал он.

— Ма, — заявил он Раджлокхи, — я решил исполнить твое желание и согласен жениться.

«Теперь понятно, зачем Аннапурна ездила к своей племяннице и Мохендро так вырядился! — возмутилась про себя Раджлокхи. — И что за порядки на свете! Происли тетки оказались успешнее, чем непрестанные просьбы матери!» Вслух же она сказала:

— Хорошо, я подыщу тебе подходящую невесту.

— Невеста уже есть, — ответил Мохендро, — ее зовут Аша.

— А я говорю, она не пара тебе! — воскликнула Раджлокхи.

— Почему же? Девушка она неплохая, — сдержанно возразил Мохендро.

— Она круглая сирота. Такая женитьба оскорбит моих родственников.

— Меня не особенно беспокоят огорчения родственников, а девушка мне очень нравится!

Упрямство сына еще больше ожесточило Раджлокхи. Она пошла к Аннапурне.

— Так это ты хочешь женить моего единственного сына на какой-то безродной девчонке? — закричала она. — Хочешь отнять его у меня? Какая подлость!

Аннапурна расплакалась.

— Не было и речи о том, чтобы женить Мохима, — оправдывалась она, — он сам что-то выдумал! Я тут ни при чем!

Раджлокхи не поверила ей. Тогда Аннапурна позвала Бихари.

— Ведь мы как будто решили этот вопрос, зачем же ты опять все запутал?! — воскликнула она со слезами на глазах. — Скажи же, что ты согласен жениться. Иначе я буду опозорена. Девушка она хорошая и тебе ровня!

— Ты могла бы и не говорить мне всего этого, тетя, — почтительно ответил Бихари, — речь ведь идет о твоей племяннице, и ни о каком отказе разговора быть не может. Но Мохендро...

— Нет, нет, сынок, — прервала его Аннапурна, — ей никак нельзя выходить за Мохендро! Правду тебе говорю, больше всего я бы хотела видеть Ашу твоей женой. За Мохендро я ее не отдам!

— Если так, тетя, то все улажено. Ма, — обратился он к Раджлокхи, — моя свадьба с Ашей дело решенное! Женщин-родственниц у меня нет, поэтому мне придется забыть о приличии и самому сообщить вам об этом.

— Ну что же, Бихари, — сказала Раджлокхи, — я очень рада. Девушка — настоящая Лакшми, она достойна тебя. Только смотри больше не отказывайся от нее!

— Зачем же? Мохим сам пошел мне невесту.

Препятствия на пути к задуманной женитьбе лишь подзадорили Мохендро. Рассердившись и на мать и на тетку, он ушел в студенческое общежитие.

Раджлокхи с плачем прибежала к Аннапурне.

— Сестра, сестра, — говорила она, — Мохендро обиделся и ушел из дома, — верни мне его!

— Потерпи, диди, — успокаивала ее Аннапурна. — Пройдет несколько дней, и от его обиды следа не останется, сам вернется.

— Ты не знаешь Мохима, — причитала Раджлокхи. — Он не успокоится, пока не получит то, чего хочет. Ничего, видно, не поделаешь. Придется твою племянницу...

— Это невозможно, диди, — прервала ее Аннапурна, — уже все решено. Она будет женой Бихари.

— Еще можно все изменить, позови Бихари.

— Сынок, — сказала она, когда Бихари пришел, — я сама найду тебе хорошую невесту, а эту девушку ты оставь: она не для тебя.

— Нет, ма, все решено окончательно, — проговорил юноша.

Тогда Раджлокхи снова обратилась к Аннапурне:

— Припадаю к твоим стопам, уговори Бихари. Ты одна можешь это сделать.

— У меня язык не поворачивается просить тебя, Бихари, — проговорила Аннапурна. — Но что поделаешь! Я была бы очень счастлива, если бы именно ты женился на Аше, но видишь сам...

— Я все понял, тетя. Будет так, как ты скажешь. Но впредь никогда больше не уговаривай меня жениться. — С этими словами Бихари вышел.

Глаза Аннапурны наполнились слезами, она поспешно смахнула их, боясь, что это навлечет беду на Мохендро, снова и снова бедная женщина твердила себе: «Что ни делается, все к лучшему».

Так, в мелких тайных схватках между Раджлокхи, Аннапурной и Мохендро незаметно подошел день свадьбы. В доме зажгли яркие лампы, нежно запели флейты. Угощения было вдоволь.

Аша, стройная и нарядная, с личиком стыдливым и восхищенным, вступила в свою новую семью. Не предчувствовало ее замиравшее от счастья юное сердце, что в этом гнездышке могут быть шипы. Наоборот, радостная уверенность в том, что теперь она будет всегда рядом с заменившей ей мать Аннапурной, отогнала прочь все опасения и страхи.

После свадьбы Раджлокхи позвала к себе Мохендро.

— Я думаю, — сказала она, — твоей жене пока лучше пожить у дяди.

— Почему? — спросил Мохендро.

— Скоро экзамены, а ты будешь отвлекаться.

— Я не ребенок, ма. И сам знаю, что лучше для меня, а что хуже.

— Так ведь это ненадолго, сынок, всего на год.

— Были бы у нее родители, тогда другое дело, но я не могу оставлять Ашу в доме дяди.

— Горе мне! Но что поделаешь! — воскликнула Раджлокхи, словно обращаясь к самой себе. — Он ведь теперь хозяин, а я только свекровь, я — никто! Вчера женился, и уже такая любовь! В свое время мы тоже выходили замуж, но наши мужья вели себя скромнее.

— Не беспокойся, ма, на экзаменах это не отразится, — уверенно сказал Мохендро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раджлокхи с увлечением принялась учить невестку хозяйничать. Дни Аши протекали в кладовых, на кухне, в молельне. На ночь Раджлокхи брала ее к себе, чтобы девушка не чувствовала себя одинокой вдали от родных.

После долгих размышлений Аннапурна решила ни во что не вмешиваться.

Как невыносимо обидно бывает мальчику, когда старший отбирает у него сахарный тростник, не дав насладиться его соком! Точно так же чувствовал теперь себя Мохендро. Разве мог он равнодушно относиться к тому, что его молодая жена растрчивает всю свою прелесть на хозяйственные заботы!

Придя как-то к Аннапурне, он сказал:

— Тетя, я не могу видеть, как мать изводит Ашу!

Аннапурна знала, что Раджлокхи совсем замучила Ашу, но все же попыталась успокоить Мохендро.

— Что ты, Мохим! — возразила она. — Научиться вести хозяйство необходимо. А то теперешние девушки только и знают, что романы читать да коврики вышивать. Настоящие белоручки. Разве это хорошо?

— Плохо это или хорошо, я не знаю, но современная девушка должна быть современной, — с жаром возразил Мохендро. — И я не вижу ничего смешного и обидного в том, что моя жена получит от чтения такое же удовольствие, как и я.

Услышав голос сына в комнате Аннапурны, Раджлокхи бросила все дела, вошла к ним и ехидно спросила:

— Что случилось? О чем это вы все совещаетесь?

— Ни о чем, мама, — взволнованно ответил Мохендро. — Просто я не могу позволить, чтобы ты превращала Ашу в служанку.

Раджлокхи, подавив закипавшую ярость, проговорила медленно и язвительно:

— Так что же прикажешь с ней делать?

— Я сам займусь ею, буду обучать ее грамоте.

Ничего не ответив, Раджлокхи быстро вышла и через минуту вернулась, ведя за руку Ашу. Она поставила девушку перед Мохендро и сказала:

— Вот тебе твоя жена, можешь учить ее, чему хочешь.

Затем она повернулась к Аннапурне и, сложив руки, с преувеличенным смирением проговорила:

— Уж ты прости меня! Позабыла о знатности твоей племянницы: запачкала ее нежные ручки кухонной посудой. Уж, пожалуйста, отмой ее, приодень и вручи Мохиму. Пусть она усядется за книги, а служанкой в доме буду я.

С этими словами Раджлокхи ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Аннапурна в отчаянии опустилась на пол.

Аша, не понимая причины этой внезапной домашней бури, побледнела от стыда и страха.

«Довольно! — сказал себе раздраженный Мохендро. — Пора мне самому позаботиться о жене».

Когда желание совпадает с чувством долга, результат получается тот же, что от встречи ветра с огнем. Занятия, экзамены, друзья больше не интересовали Мохендро. Он занялся образованием жены и забыл обо всем на свете.

Оскорбленная Раджлокхи говорила себе: «Если Мохендро раскается и с женой придет ко мне, я и не взгляну на них! Посмотрим, как он обойдется без матери!»

Но шли дни, а у ее дверей все не раздавались шаги раскаявшихся. Раджлокхи была уже готова простить их,

если они придут. Но они не шли. Тогда Раджлокхи решила сама пойти к молодым. Разве может мать долго сердиться на сына!

На крыше третьего этажа, в углу, была небольшая комнатка, где Мохендро спал и занимался. Последние несколько дней Раджлокхи не чистила ему одежду, не убирала кровать, не вытирала пыль. И оттого что она пренебрегла привычными материнскими заботами, сердце ее болело, на душе лежал камень. Как-то после полудня она подумала: «Пока Мохендро на занятиях, пойду уберу его комнату. Вернется — сразу узнает руку матери». Она поднялась по лестнице. Дверь в комнату Мохендро была приоткрыта. Раджлокхи вздрогнула и остановилась, будто ее укололи. На постели лежал Мохендро, спиной к двери сидела Аша и тихонько гладила ноги спящего мужа.

Увидев в ярком свете полуденного солнца эту картину супружеского счастья, Раджлокхи вся сжалась от стыда и горькой обиды и неслышно сошла вниз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В засуху нива сохнет и желтеет, но прольется дождь — она не медлит ни секунды, поднимается, забыв долгий голод, отбрасывает уныние, беззаботно и бесстрашно заявляет свои права на все огромное пространство поля. Так случилось и с Ашей. От тех, с кем ее связывали узы родства, она никогда не смела ждать родственной любви. Теперь же, когда, попав в чужую семью, она вдруг стала любимой и обрела неоспоримые права, когда муж сам увенчал ее, бездомную сироту, короной Лакшми, Аша не замедлила принять как должное свое высокое положение. Отбросив подобающую молодой жене скромность, она сразу заняла место рядом с мужем, сияя гордостью любимой жены. Раджлокхи видела, что чужая девушка сидит около ее Мохима с таким дерзким видом, словно всегда была здесь. С невыносимой обидой ушла Раджлокхи и, не помня себя от возмущения, бросилась в комнату Аннапурны.

— Иди взгляни, какие манеры принесла твоя госпожа из своего благородного дома! — крикнула она. — Если бы наши мужья были живы...

— Диди, сама учи свою невестку, — горестно возразила Аннапурна, — сама ее наказывай. К чему ты мне рассказываешь об этом?

Голос Раджлохи звенел, как натянутая и готовая лопнуть струна:

— Вот как! Моя невестка?! Имея такую советчицу, как ты, она разве станет меня слушаться!

Тогда Аннапурна, нарочно громко ступая, чтобы разбудить молодых, поднялась наверх и вошла в комнату Мохендро.

— Ты зачем меня позоришь, негодница? — крикнула она Аше. — Ни стыда, ни совести у тебя нет! О времени позабыла, все хозяйство на старуху свекровь взвалила, а сама здесь отдыхаешь? Несчастливая, зачем только я тебя в этот дом привела! — Слезы бежали из глаз Аннапурны. Девушка молча стояла перед ней, опустив голову, и тербила край сари. Не выдержав, она тоже заплакала.

— Ты зря бранишь ее, тетя, — вступился Мохендро. — Ведь это я удерживаю здесь Ашу.

— А ты разве хорошо поступаешь? Она девочка, сирота, матери не привелось воспитать ее, откуда ей знать, что можно, чего нельзя. Чему же ты ее учишь?!

— Вот посмотри, я купил ей грифельную доску, тетради, книги. Я буду заниматься ее образованием, как бы меня не осуждали за это и чужие и свои.

— Не весь же день ей учиться. Достаточно, если ты будешь заниматься с ней по полчаса каждый вечер.

— Это не так просто, тетя. На ученье нужно много времени.

Раздосадованная Аннапурна ушла к себе. Аша хотела было последовать за ней. Но Мохим встал и загородил дверь, не обращая внимания на робкую мольбу в нежных, влажных от слез глазах жены.

— Мы проспали, любимая моя, — сказал он, — теперь надо наверстать упущенное время.

Какой-нибудь серьезный, но простодушный читатель может принять слова Мохендро на веру. Но дело обстояло не совсем так. Надо сказать, что ни один школьный

инспектор не одобрил бы систему, по которой Мохендро занимался с Ашей.

Аша всецело доверилась мужу. Она знала, что ей трудно будет научиться писать. Но раз муж приказывает, значит, нужно. Поэтому она, как могла, старалась привести в порядок свои рассеянные мысли. С серьезным видом усаживалась Аша на край тахты и, уткнувшись в учебник, покачивая головкой, принималась что-то заучивать.

В другом конце комнатки, разложив на маленьком столе книги по медицине, сидел в кресле сам «господин учитель». Он то и дело поглядывал на «ученицу», чтобы проверить ее внимательность. Проходило немного времени, и Мохендро неожиданно захлопывал книгу:

— Чуни, пойди сюда.

Испуганная Аша поднимала голову.

— Принеси-ка мне книгу, — говорил он, — посмотрим, сколько ты прочла.

Аша пугалась, думая, что Мохендро сейчас начнет ее спрашивать, в то время как она еще совсем не была готова держать подобный экзамен. Ее рассеянный ум никак не желал поддаваться очарованию «Чарупатха». И как ни старалась она пополнить свои знания, касающиеся построек термитов, буквы расплзались у нее перед глазами, как цепочки черных муравьев.

Услышав, что «учитель» зовет ее, Аша робко брала книги и с виноватым видом подходила к его креслу.

Мохендро одной рукой обнимал ее за талию, другой брал книгу и говорил:

— Сейчас посмотрим, сколько ты прочла.

Аша указывала строчку, на которой остановилась.

— Ого! Так много? — удивленно говорил Мохендро. — А я — только вот это. — И он показывал на заголовок какой-нибудь главы в учебнике.

— Что же ты делал все это время? — спрашивала Аша, широко раскрыв глаза от удивления.

— Думал об одном человеке, — отвечал Мохендро, беря Ашу за подбородок, — а этот самый человек забыл обо всем на свете, читая увлекательный рассказ о термитах.

Аша могла бы достойно ответить на такое необоснованное обвинение, но, увы, стыд мешал ей, и она молча

должна была мириться с несправедливым поражением в поединке любви. Теперь вы можете себе представить, насколько методы преподавания Мохендро были чужды как государственным, так и частным школам.

Случалось иногда, что Мохендро не бывало дома. Пользуясь этим, Аша пыталась настроиться на серьезный лад. Но тут, откуда ни возьмись, являлся муж и, прикрыв ей глаза руками, отбирал книгу.

— Жестокая, — говорил он, — стоит мне уйти, как ты тотчас же забываешь обо мне.

— Неужели ты хочешь, чтобы я осталась невеждой? — как-то сказала ему Аша.

— Но ведь и мои занятия из-за тебя почти совсем не подвигаются, — заметил Мохендро.

Эти слова неожиданно больно задели Ашу.

— Разве я мешаю тебе? — огорчилась она и хотела уйти. Но Мохендро схватил ее за руку.

— Что ты понимаешь! — воскликнул он. — Тебе легче заниматься, когда меня нет, а мне — наоборот, без тебя еще труднее.

Серьезное обвинение! Естественно, что вслед за этим следовали обильные, словно осенний ливень, слезы, но через мгновение они высыхали под лучами любви, оставляя лишь влажный блеск в глазах. Как могла неопытная ученица пробираться по дебрям знаний, когда главным препятствием к занятиям был сам учитель? Иногда Аше вспоминались гневные упреки тетки, и ей становилось не по себе; она ведь понимала, что учение — всего лишь предлог. При виде свекрови Аша каждый раз готова была умереть от стыда. Но Раджлокхи ей ничего не поручала, ни о чем не просила. А когда Аша все же являлась помогать и не знала, за что взяться, Раджлокхи говорила ей:

— Тебе нечего здесь делать! Иди к себе, а то твое учение пострадает!

Наконец и Аннапурна сказала Аше:

— Теперь я вижу, как ты учишься, но неужели ты и Мохиму не дашь заниматься?

И тогда Аша приняла решение.

— Ты совсем не готовишься к экзаменам, — сказала она мужу, — поэтому я сегодня же перехожу в комнату к тете.

Легко ли в таком возрасте дать столь суровый обет?! Отправиться в добровольное изгнание из супружеской спальни в теткин комнату!

Едва с уст Аши сорвалось это суровое обещание, как в уголках ее глаз заблестели слезинки, нижняя губа задрожала и голос дрогнул.

— Хорошо, ступай туда, — улыбнулся Мохендро, — но тогда тете Аннапурне придется перейти в нашу комнату.

Услышав шутку в ответ на свое серьезное и такое великодушное предложение, Аша рассердилась. Мохендро предложил другой выход:

— Будет гораздо лучше, если ты сама станешь следить за мной днем и ночью, увидишь, как я все вызубрю.

Так и решили. Я думаю, излишне подробно рассказывать о том, как проходили эти занятия. Достаточно сказать, что в тот год Мохендро провалился на экзаменах, а Аша, хоть и читала рассказы из «Чарупатха», осталась в полном неведении относительно различного рода полипов.

Правда, этот своеобразный процесс обучения не обходился без осложнений. Время от времени являлся Бихари и поднимал страшный шум. Своими криками «Мохим! Мохим!» он будоражил весь квартал. Каждый раз он пытался вытащить Мохендро из спальни, без устали отчитывал друга за то, что тот запустил занятия.

— Ботхан, — говорил он Аше, — нельзя глотать пищу, не разжевывая, живот заболит. Потом будете искать лекарство.

— Не слушай его, Чуни, — смеялся Мохендро, — он просто завидует нашему счастью.

— А ты умей наслаждаться своим счастьем так, чтобы не раздражать других, — замечал Бихари.

— Люблю, когда мне завидуют, — не унимался Мохендро, — а ведь еще немного, Чуни, и я, осел, отдал бы тебя Бихари!

— Замолчи! — смущался Бихари.

Аша испытывала к юноше неприязнь, может, отчасти потому, что когда-то ее прочили за него. Бихари чувствовал это, а Мохендро лишь посмеивался.

Раджлокхи часто жаловалась Бихари на сына.

— Пока гусеница в коконе, за нее можно не беспокоиться, ма, — говорил он обычно в таких случаях, — но когда она становится бабочкой и, разорвав кокон, взлетает в воздух, трудно удержать ее. Кто знал, что Мохим так быстро вырвется из-под вашей опеки!

Когда стало известно, что Мохендро провалился на экзаменах, Раджлокхи разразилась гневом, вспыхнув, как внезапный летний пожар. И от пламени ее гнева больше всех пострадала Аннапурна. Бедная женщина лишилась сна и аппетита.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Однажды в свежий, шелестящий дождем вечер Мохендро радостный, в новом, надушенном чадоре, с гирляндой жасмина на шее вошел в спальню. Он хотел напугать Ашу своим неожиданным появлением и старался ступать неслышно. Но, заглянув в комнату, он увидел, что окно распахнуто, сильный ветер с брызгами дождя, ворвавшись внутрь, погасил лампу, а жена лежит на тахте и тихо плачет.

— Что случилось? — воскликнул Мохендро, бросаясь к Аше.

Аша зарыдала еще сильнее. Он не сразу добился у нее, в чем дело. Оказывается, Аннапурна не вытерпела и уехала к своему двоюродному брату.

«Уехала! — с досадой подумал Мохендро. — Такой хороший вечер испортила».

Весь его гнев обратился на мать. Она одна — причина всех неурядиц!

— Где тетя, там будем и мы! Посмотрим, с кем тогда ма станет ссориться! — сказал он Аше и стал с шумом укладывать вещи и звать носильщиков.

Раджлокхи все поняла. Медленно подойдя к сыну, она спокойно спросила:

— Куда это ты собираешься?

Сначала Мохендро ничего не ответил и только, когда мать повторила вопрос, сказал:

— Мы уезжаем к тете.

— Вам незачем ехать, — так же спокойно ответила Раджлокхи, — я сама съезжу к тетке и верну ее домой.

Она тут же отправилась к Аннапурне.

— Сжался надо мной, прости меня, невестка, — сказала она и умоляюще сложила руки.

Растерянная Аннапурна склонилась перед ней в глубоком поклоне и горестно воскликнула:

— Зачем ты обижаешь меня, диди! Как ты скажешь, так я и сделаю!

— Мохендро с женой собираются покинуть меня, потому что ты уехала. — Раджлокхи не выдержала и разрыдалась от гнева, унижения и обиды.

Женщины возвратились домой. Дождь все еще продолжался. К тому времени, когда Аннапурна вернулась, Аша уже перестала плакать, и Мохендро даже пытался развеять ее. У него появилась надежда, что вечер этот все же не будет испорчен до конца.

Вдруг в комнату вошла Аннапурна.

— Чуни, — обратилась она к Аше, — дома ты мне жить не даешь, хочу уехать — за мной тянешься. Скажи, неужели мне нигде так и не будет покоя?

Аша вздрогнула, как раненая лань.

— Послушай, тетя! — вспыхнул Мохендро. — Что тебе сделала Аша?

— Я уехала потому, что не могу больше видеть такую распушенную жену! Зачем ты довела до слез свою свекровь? Зачем заставила меня возвращаться в этот дом?

«Как нарушают поэзию жизни все эти тетки и матери», — подумал Мохендро.

На следующий день Раджлокхи позвала Бихари и сказала:

— Сынок, уговори Мохендро отпустить меня на родину, я так давно не была у себя в Барашате.

— Если долго не были, может, лучше совсем не ездить? — заметил Бихари. — Я передам Мохендро. Только едва ли он согласится отпустить вас.

Но Мохендро согласился.

— Интересно ведь взглянуть на места, в которых родился, — сказал он Бихари. — Только пусть долго не остается в деревне — сейчас сезон дождей и там, должно быть, прескверно.

Увидев, как легко Мохендро отпускает мать, Бихари рассердился.

— Твоя мать собирается ехать совсем одна! — воскликнул он. — Кто поможет ей, кто за ней присмотрит? Отпусти с ней жену.

Уязвленный этим скрытым упреком, Мохендро коротко ответил:

— Аша останется со мной.

На этом разговор окончился.

Так каждый раз Бихари невольно восстанавливал против себя Ашу. Но мысль, что она сердится на него, доставляла ему какую-то горькую радость.

Раджлокхи отнюдь не горела желанием посетить родные места. Но как лодочник, который то и дело бросает лот, когда мелеет река, выясняя, где глубже, так и Раджлокхи, с тех пор как отношения в семье изменились, неустанно промеряла глубину сыновней привязанности. Она никак не ожидала, что сын так легко и быстро согласится на ее отъезд.

«Да, — думала Раджлокхи, — какая разница между отъездом Аннапурны и моим! Еще бы, Аннапурна — добрая фея, а я всего лишь мать. Да, лучше уж мне уехать».

Аннапурна угадала горькие мысли Раджлокхи и заявила Мохендро, что тоже покидает этот дом.

— Послушай, ма, — сказал тогда Мохендро, — ты уезжаешь, тетя — тоже, кто же будет вести хозяйство?

На какое-то мгновение Раджлокхи перестала сдерживать себя:

— Как, ты собираешься уехать, медж-боу? — заметила она злорадно. — Но это невозможно! Кто же будет следить за домом? Придется тебе остаться!

Раджлокхи не стала больше откладывать свой отъезд. Назавтра в полдень она собралась в дорогу. Ни Бихари, ни кто другой не сомневался, что Мохендро сам проводит ее до деревни. Но вместо этого он приказал сопровождать ее двум слугам.

— Мохим, ты еще не готов? — окликнул его Бихари, когда подошло время отъезда.

— У меня дела, я должен заниматься, — смущенно пробормотал Мохендро.

— Хорошо, я сам провожу мать, — сказал Бихари.

Мохендро был очень раздосадован.

— Слишком уж много берет на себя Бихари, — сказал он вечером Аше. — Все хочет показать, что беспокоится о матери больше, чем я.

Аннапурне пришлось остаться, но от досады и стыда она окончательно замкнулась в себе. Заметив враждебность тетки, Мохендро рассердился. Обиделась и Аша.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Раджлокхи приехала в Барашат. Сначала думали, что Бихари проводит ее в деревню и сразу же вернется, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось остаться. В доме Раджлокхи теперь жили только две дряхлые вдовы. Со всех сторон к дому подступали джунгли и заросли бамбука, пруд затянулся зеленой ряской. Среди бела дня совсем рядом раздавался вой шакалов, и сердце Раджлокхи сжималось от страха.

— Конечно, — говорил Бихари, — это твоя родина, но про нее уж никак не скажешь «прекрасней рая». Возвратимся в Калькутту, ма, не могу я оставить тебя здесь одну!

Раджлокхи действительно было не по себе, но в это время пришла Бинодини и стала успокаивать ее.

Это была та самая Бинодини, которую собирались выдать замуж сначала за Мохендро, а потом за Бихари. Наконец по воле судьбы она была выдана замуж за человека из своей деревни. Единственной особенностью этого человека была его сильно увеличенная печень. Ее непомерной тяжести бедняга не вынес и вскоре скончался.

После смерти мужа Бинодини, словно одинокий вьюнок среди джунглей, вела монотонную жизнь в унылой деревушке. И вот теперь она пришла к своей дальней родственнице, тетушке Раджлокхи. С глубокой любовью Бинодини склонилась перед ней. С этого дня она посвятила себя служению Раджлокхи.

Да, это было именно служение! Она не знала ни минуты покоя. А как превосходно Бинодини все делала, как замечательно готовила, как умела занять разговором!

— Уже поздно, милая, — говорила Раджлокхи, — пойди поешь хоть немного.

Где там! Бинодини и не думала уходить и обмахивала веером старую женщину до тех пор, пока та не засыпала.

— Так и заболеть недолго, — говорила ей Раджлокхи. Но Бинодини не думала о себе.

— Такие, как мы, не болеют, тетя, — отвечала она. — А ты столько времени не была у себя на родине! Чем я порадую тебя, чем услужу, как не своим вниманием!

За два дня Бихари успел стать первым человеком в деревне. Кто приходил к нему за лекарством; кто посоветоваться о судебном деле; одни надоедали ему просьбами об устройстве сына в какую-нибудь контору посolidнее; другие просили составить жалобу. Всегда веселый и сердечный, он с одинаковым удовольствием бывал и в кругу почтенных любителей карточных игр, и в шумной компании, где предпочитали пан и тари. Бихари уважали и относились к нему, как к своему. Бинодини старалась, как могла, скрасить городскому юноше жизнь в непривычной для него обстановке. Возвращаясь с прогулки, Бихари всякий раз находил свою комнату чисто убранной: кто-то ставил цветы и листья в медный кувшин, а около постели оставлял стопку книг Бонкима и Динобондху Миттро. На внутренней стороне обложки женским четким почерком было написано имя Бинодини. Такое внимание отличалось от обычного деревенского гостеприимства.

— И такую девушку вы с Мохендро упустили, — говорила Раджлокхи Бихари, когда он хвалил Бинодини.

— Что ж, может, и напрасно мы отказались от нее, — усмехался Бихари, — но уж лучше отказаться от девушки до свадьбы. Когда женишься, тогда трудно будет от нее избавиться!

А Раджлокхи все думала об одном и том же: «Ведь эта девушка могла бы стать моей невесткой! Почему этого не случилось!»

Стоило Раджлокхи заговорить о возвращении в Калькутту, как глаза Бинодини наполнялись слезами.

— Зачем ты приехала так ненадолго, тетя! — горевала она. — Пока я не знала тебя, то могла еще жить

здесь, а теперь даже страшно подумать, как я без тебя останусь!

— Ах, почему ты не стала моей невесткой! — невольно восклицала Раджлокхи. — Тогда ты всегда была бы рядом со мной!

При этих словах Бинодини каждый раз смущалась и спешила выйти из комнаты.

Раджлокхи ждала из Калькутты покаянного письма от сына. Она еще никогда не оставляла Мохима одного на такой срок. Конечно, он соскучится! И Раджлокхи с нетерпением ждала письма, полного сыновней обиды и нежности.

Но письмо от Мохендро получил Бихари. Мохим писал, что мать, наверно, очень счастлива через столько лет снова вернуться в родные места.

«Ага, — подумала Раджлокхи, — Мохендро обиделся». Счастлива! Будто бедная мать могла быть где-нибудь счастлива без своего Мохендро!

— А ну-ка, Бихари, что еще пишет Мохим?

— Больше ничего, ма. — Бихари скомкал письмо, сунул его в какую-то книгу и, выйдя в другую комнату, с досадой швырнул книгу в угол.

Что оставалось думать Раджлокхи? Она решила, что Мохим написал что-нибудь очень обидное, поэтому Бихари и не стал читать письмо целиком.

Но когда теленок-сосунок ударит мать-корову копытцем, это вызывает у нее лишь прилив нежности и обилие молока; так и обида Мохендро: она причинила Раджлокхи боль и вместе с тем всколыхнула в ее душе любовь к сыну. Раджлокхи все простила ему!

«Ну что же, — думала она, вздыхая, — Мохим счастлив с женой — и хорошо! Что бы там ни было, только бы он был счастлив. Никогда больше я не буду из-за нее ссориться с сыном. Ах, ведь прежде я не могла прожить без него и минуты, а теперь вдруг уехала. Конечно, Мохим имел право обидеться!»

Глаза Раджлокхи застилали слезы.

В тот день Раджлокхи как бы невзначай несколько раз говорила Бихари:

— Сходил бы ты искупаться, сынок! Ты здесь совсем отказался от своих привычек.

Но Бихари вовсе не хотелось купаться.

— Таким, как я, беспутным, лучше ни к чему не привыкать... — смеялся он.

Но Раджлокхи взволнованно настаивала:

— Нет, нет, пожалуйста, иди выкупайся. Жарко ведь.

Наконец Бихари сдался. Едва он вышел, как Раджлокхи торопливо достала смятое письмо сына и позвала Бинодини:

— Прочти-ка мне, милая, что там пишет Мохим!

Бинодини стала читать. В самом начале письма было несколько строк о матери. Но это Бихари уже прочел Раджлокхи. Дальше Мохендро писал об Аше. Можно было подумать, что он обезумел от счастья. Бинодини прочла вслух несколько строк и в смущении замолчала.

— Будете слушать дальше, тетя?

Лицо Раджлокхи, растроганной первыми строками, мгновенно окаменело.

— Довольно, — сказала она после недолгого молчания и, не взяв письма, вышла. Бинодини унесла письмо к себе в комнату, заперла дверь и, бросившись на постель, принялась перечитывать его. Какое удовольствие находила в этом Бинодини, знала только она сама. Но это не было простое любопытство. Временами глаза ее начинали сверкать, как песок на полуденном солнце, а дыхание становилось прерывистым и горячим, словно ветер пустыни. Она всеми силами старалась представить себе, какой должна быть Аша, каким — Мохендро, как горячо они любят друг друга. Откинувшись к стене и вытянув ноги, она долго сидела так, положив листок на колени и глядя прямо перед собой.

Бихари так и не нашел письма Мохендро.

В полдень неожиданно приехала Аннапурна. Сердце Раджлокхи сжалось от недобрых предчувствий. Боясь спрашивать, бледная как мел, она молча смотрела на Аннапурну.

— Дома все благополучно, диди, — поспешила та успокоить Раджлокхи.

— Тогда зачем же ты приехала?

— Придется тебе принять на себя бремя хозяйственных забот, диди, — отвечала Аннапурна, — мне опостылел

мир. Я отправляюсь в паломничество, в Бенарес, и приехала поклониться тебе. Прости, если в чем нечаянно или нарочно провинилась перед тобой. А твоя невестка, твоя невестка... — Аннапурна заплакала, — она совсем еще ребенок, выросла без матери... Плохая она или хорошая — ты ведь ей теперь не чужая...

Слезы мешали Аннапурне говорить.

Взволнованная Раджлокхи пошла приготовить ей воду для омовения и чего-нибудь поесть.

Узнав, что приехала Аннапурна, из храма Дурги прибежал Бихари. Он почтительно приветствовал ее и воскликнул:

— Что же это такое, тетя?! Неужели ты так рассердилась, что покидаешь нас?

— Не отговаривай меня, Бихари, — сдерживая слезы, ответила Аннапурна. — Будьте счастливы, а меня ничто уже не удержит в мире.

— Я знаю, ты уезжаешь из-за Мохендро. Он еще пожалеет об этом!

— Что ты, что ты, Бихари! Не говори так! — испуганно воскликнула Аннапурна. — Я совсем не сержусь на Мохима, но, пока я не уеду, мира в семье все равно не будет.

Бихари растерянно молчал. Аннапурна развязала конец сари, достала два массивных золотых браслета и протянула их Бихари.

— Храни эти браслеты, сынок, — сказала она. — А когда будешь жениться, передай их невесте вместе с моим благословением.

Бихари с благоговением приложил браслеты ко лбу и, едва сдерживая слезы, вышел в соседнюю комнату.

Когда пришло время прощаться, Аннапурна сказала Бихари:

— Не забывай о Мохиме и Аше, сынок.

Затем она передала Раджлокхи какую-то бумагу:

— По этой дарственной свою долю в наследстве свекра я передаю Мохиму. Мне хватит и пятнадцати рупий в месяц.

Она наклонилась, почтительно коснулась ног Раджлокхи и, распрощавшись со всеми, отправилась к святым местам.

Что же это получается? Свекровь уехала, тетья — тоже. Любовь молодых словно разогнала всех. Беспричинный страх охватил Ашу: может, теперь пришла ее очередь покинуть этот дом? Их любовные забавы в пустых комнатах стали казаться ей почему-то неуместными.

Любовь как цветок: она не может жить своими соками; когда ее отрывают от стебля сложных домашних обязанностей, она начинает сохнуть и постепенно увядает. Аша стала замечать в их непрерывных свиданиях какое-то утомление и холодок. Отношения утратили свою прежнюю живость и непосредственность, не было прочной и дружной семьи, которая бы сохранила их. Если любовь не связана с повседневным трудом, с жизнью, то счастье не может быть полным и долгим.

Мохендро, подняв бунт против семьи, зажег сразу все лампы на празднике любви. В унылой обстановке пустого дома он попытался придать их встречам особую, радостную приподнятость.

— Чуни, — сказал он ей однажды, — объясни, что с тобой происходит? Стоит ли из-за отъезда тети Аннатурны напускать на себя такую мрачность? Разве наша любовь не заменяет все другие привязанности?

Эти слова отозвались болью в сердце Аши, и она грустно подумала: «Нашей любви все же не хватает чего-то. Как часто я теперь думаю о тете. Свекровь уехала, и мне отчего-то страшно». И Аша старалась изо всех сил исправить ошибки, совершенные из-за любви.

Но хозяйство шло плохо; слуги совсем от рук отбились. Однажды не явилась служанка, сказавшись больной. Повар напился и пропал.

— Вот интересно! — заметил Мохендро, узнав об этом. — Сегодня мы будем готовить сами!

Он отправился на рынок в экипаже. Мохендро, разумеется, совершенно не знал, что покупать и в каком количестве. С тяжелой ношей он торжественно вернулся домой. Но Аша тоже очень смутно представляла себе, что можно из всего этого приготовить. Однако, когда через несколько часов Мохендро отведал довольно странных кушаний, приготовленных Ашей, он остался очень доволен.

Аша не разделяла его восторгов, наоборот, ей было очень стыдно за свое невежество в кулинарии.

Вещи в комнатах валялись в таком беспорядке, что трудно было отыскать сразу что-нибудь нужное. Хирургические инструменты Мохендро употреблялись теперь для резки овощей, пока не исчезли неизвестно куда; его тетрадь для записей, побывав в роли веера, отдыхала в кухонном мусоре.

Мохендро веселился вовсю среди этого беспорядка, но Аша постоянно мучилась. Ей казалось чудовищным плыть вот так, по течению, беззаботно улыбаясь, в то время как хозяйство гибло.

Однажды в сумерках они вдвоем сидели на крытой веранде. Только что прошел дождь. Уходящая вдаль панорама крыш и куполов Калькутты была залита лунным светом. Аша плела гирлянду из влажных цветов бокула, принесенных из сада. Мохендро поминутно дергал цветы, мешал ей, затевая возню. Она хотела было шутя отругать мужа, но он быстро зажал ей рот рукой.

Вдруг со стороны соседнего дома донесся крик кукушки. Мохендро и Аша невольно взглянули на клетку, качавшуюся над их головами. Их кукушка никогда не оставляла без ответа зов своей подружки. Но сейчас она почему-то молчала.

— Что это сегодня с птицей? — с беспокойством спросила Аша.

— После твоего нежного голоса ей стыдно своего крика, — засмеялся Мохендро.

— Брось шутить, — Аша умоляюще посмотрела на него, — посмотри лучше, что с ней.

Мохендро спустил клетку. Он снял покрывавшую ее ткань и увидел, что птица мертва. После отъезда Аннапурны слуга надолго отлучился и за птицей смотреть было некому.

Аша мгновенно побледнела. Пальцы ее разжались, и цветы упали на колени. На Мохендро смерть птицы тоже произвела неприятное впечатление, но, чтобы вечер не был испорчен, он попробовал превратить все в шутку.

— Вот и хорошо, — сказал он. — А то пока я буду ходить по больным, она тебя с ума сведет своим кри-

ком. — И, схватив Ашу за руки, Мохендро хотел притянуть ее к себе.

Аша медленно высвободилась из его объятий. Она сбросила цветы на пол и сказала:

— Перестань. Зачем это? Лучше съезди в деревню, пусть мать скорее возвращается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В это время внизу у наружной двери кто-то закричал:

— Мохим! Мохим!

— Кто там? Войдите! — откликнулся Мохендро.

Услышав в ответ голос Бихари, Мохендро обрадовался. Сразу после свадьбы Бихари своим приходом часто мешал их счастью. Сегодня же Мохендро вдруг почувствовал, как не хватало ему Бихари последнее время.

Аша тоже была рада. Она встала и прикрыла лицо краем сари, собираясь выйти, но Мохендро остановил ее:

— Ты куда? Это ведь Бихари.

— Я приготовлю что-нибудь, надо угостить его, — ответила Аша.

Мысль, что у нее нашлось наконец какое-то дело в доме, принесла ей облегчение. Но она не ушла сразу, а задержалась, чтобы узнать новости о свекрови, — ведь сама она еще ни разу не разговаривала с юношей и не осмелилась бы его расспрашивать.

Бихари, едва переступив порог, воскликнул:

— Боже мой, какой разгром! Можно подумать, что здесь живут поэты! Не беспокойтесь, сидите, ботхан, я сейчас же уйду!

Аша взглянула на Мохендро, тот понял и спросил:

— Как поживает ма, Бихари?

— К чему говорить сейчас о матерях и тетках! — воскликнул Бихари. — На это еще будет время. «Такая ночь не создана для сна, не создана для матерей и теток!» — продекламировал он зачем-то по-английски и собрался было уходить, но Мохендро усадил его.

— Заметьте, Аша, — сказал Бихари, — я тут ни при чем, меня удержали насильно! Ты согрешил, брат Мохим,

и да не коснется меня проклятие, которое падет на тебя за этот грех!

Аша не нашлась что ответить и поэтому рассердилась. А Бихари словно нарочно злил ее.

— Ну и порядок у вас в доме! — как бы не замечая ее досады, продолжал он. — Не пора ли привезти мать домой?

— Конечно, пора, — отозвался Мохендро. — Мы давно уже ждем ее.

— У тебя заняло бы всего несколько минут написать ей об этом, зато как была бы она счастлива! Прошу вас, ботхан, — обратился Бихари к Аше, — освободите его на несколько минут, пусть напишет матери!

Аша обиделась и со слезами на глазах вышла.

— Видно, не в добрый час вы встретились, — воскликнул Мохендро, — никакого согласия, только и знаете, что поддевать друг друга!

— Мать тебя испортила, жена продолжает портить. Не могу я видеть этого равнодушно, поэтому нет-нет да и вмешиваюсь!

— А что толку!

— Ну от тебя толку действительно никакого, — вздохнул Бихари. — А вот я...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бихари сел рядом с Мохендро и заставил его написать матери. На следующий день он уехал в Барашат. Раджлокхи поняла, что письмо было написано под влиянием Бихари, но оставаться в деревне больше не могла. Вместе с ней в Калькутту поехала и Бинодини.

Когда Раджлокхи увидела, как запущено хозяйство — кругом пыль, грязь, беспорядок, — ее неприязнь к невестке возросла.

Но что случилось с Ашей? Ее словно подменили. Она ходила за Раджлокхи, как тень, старалась во всем помочь свекрови, хотя никто ее об этом не просил. Раджлокхи это даже злило.

— Оставь, оставь, — говорила она раздраженно, — ты все испортишь. Зачем братья, раз не умеешь!

Раджлокхи решила, что это отъезд Аннапурны так подействовал на невестку. «Теперь Мохендро будет думать, — рассуждала она, — что при тетке он беспрепятственно наслаждался счастьем, а стоило приехать матери, как началась возня с хозяйством». Опять получалось, что Аннапурна хорошая, а мать — причина всех бед. Что делать!

Однажды среди дня Мохендро позвал Ашу к себе. Та колебалась, но тут Раджлокхи сердито сказала:

— Мохендро зовет, а она будто не слышит! Очень сильная любовь всегда так кончается! Иди, нечего тут тебе с овощами возиться!

Опять началась фальшивая игра с букварем, грифельной доской и карандашами; нелепые взаимные обвинения в нелюбви; бессмысленные шумные споры о том, кто сильнее любит; превращение дождливых дней в ночи и лунных почей — в дни; с трудом подавляемые утомление и вялость. Аша и Мохим так привыкли друг к другу, что даже близость не приносила радости их охладевшим сердцам. Но разомкнуть объятия им было страшно. Жар их любви постепенно покрывался пеплом, однако они не смели даже подумать об этом. В том и состоит страшное проклятие любви, что дни счастья коротки, а узы брака неразрывны.

Однажды к Аше пришла Бинодини и, обняв ее, сказала:

— Пусть счастье твое будет вечно, сестра, но неужели оттого, что жизнь моя сложилась так несчастливо, ты даже взглянуть не хочешь на меня?

Аша росла в доме родственников, как чужая, и к незнакомым людям всегда относилась настороженно: боялась, как бы ее не оскорбили пренебрежением. Поэтому, когда ослепительно красивая Бинодини появилась у них в доме, Аша не решилась сама предложить ей дружбу.

От пронизательного взгляда Бинодини ничто не ускользало. Она ничуть не боялась Раджлокхи. Раджлокхи же всячески старалась показать Аше, с каким уважением относится к Бинодини; к месту и не к месту рассыпалась в похвалах молодой женщине. Аша видела, как опытна Бинодини в хозяйственных делах. Управление домом давалось ей без труда. Поручать слугам работу, распекать их, отдавать приказания — все это было для нее делом

привычным. Наблюдая за нею, Аша думала о том, как ничтожна она по сравнению с Бинодини.

Когда же эта наделенная всеми добродетелями Бинодини сама явилась искать ее дружбы, радость робкой Аши была безмерна. Семя их дружбы, словно зерно волшебного дерева, в один день дало побеги, выросло и пышно расцвело.

— Давай придумаем имена друг для друга, — предложила Аша.

Бинодини рассмеялась:

— Какие же?

Аша предложила Гангаджоль, Бокулпхул и еще много красивых имен.

— Все эти имена устарели, — прервала ее Бинодини, — и ничего особенного в них нет!

— А как бы тебе хотелось, чтобы я тебя звала?

— Чокербали! — рассмеялась Бинодини. — Чокербали!

Аше хотелось придумать для подруги что-нибудь более звучное, но раз Бинодини так хочет...

— Чокербали! Соринка в глазу! Песчинка! — повторила Аша и, обняв руками шею Бинодини, весело рассмеялась. — Тогда и меня зови так!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Аше была необходима подруга. Даже праздник любви перестает быть праздником, если влюбленные все время вдвоем. Надо же с кем-нибудь поделиться своим счастьем. Что же касается Бинодини, то душа ее истосковалась по сердечному теплу, и она жадно слушала рассказы молодой женщины о любви. Они туманили ей голову, горячили кровь.

Однажды в тихий полдень, когда Раджлокхи прилегла отдохнуть, слуги были внизу и Мохендро, уступив просьбам Бихари, ненадолго отправился на занятия, когда из далекой голубизны неба временами доносился слабый крик коршуна, Аша расположилась в спальне на тахте и распустила свои длинные волосы. Рядом, облокотившись на подушку, устроилась Бинодини. Забыв обо всем на свете,

она слушала журчащую, словно ручей, речь Аши; лицо ее пылало, грудь высоко вздымалась.

Она расспрашивала Ашу, выпытывая мельчайшие подробности, снова и снова выслушивала одно и то же, а порой принималась мечтать о том, что было бы, если бы все сложилось не так, а иначе. Аше тоже нравилось говорить о своей любви, блуждая по тропинкам воображаемых ситуаций. Бинодини начинала:

— А что, если бы ты стала женой Бихари?

— Что ты! Как можно говорить об этом! Мне даже слушать стыдно! Вот если бы ты вышла за него замуж! А ведь когда-то собирались устроить вашу свадьбу!

— Мало ли кто думал жениться на мне! Не вышло — ну и ладно, мне и так хорошо...

Аша возражала. Да и как могла она согласиться, что Бинодини живется лучше, чем ей, Аше!

— Послушай, — говорила она, — а что, если бы ты стала женой моего мужа, ведь могло же так случиться!

Да, это действительно могло случиться. Эта постель, эта тахта, где сейчас сидит Аша, когда-то ждали ее, Бинодини. Бинодини смотрела на нарядную спальню и не могла не думать о том, что все могло быть иначе. Но сейчас она всего лишь гостя в этом доме — сегодня ее терпят, а завтра, может быть, придется уезжать...

К вечеру Бинодини тщательно и искусно причесала Ашу и отправила к мужу. А сама мысленно последовала за нарядной женщиной в тихую комнату, где ее ждал влюбленный Мохендро.

Иногда Бинодини подолгу не отпускала от себя Ашу.

— Ну посиди еще немного, — говорила она. — Никуда твой муж не денется. Он ведь ручной олень, а не заколдованная антилопа из сказки. — Различными хитростями Бинодини старалась задержать Ашу около себя как можно дольше.

— Что-то твоя подруга и не вспоминает про отъезд, — сердился Мохендро. — Скорее бы уезжала.

— Не смей сердиться на мою Песчинку, — напускалась на него Аша. — Ты не знаешь, как она любит слушать, когда я рассказываю про тебя, как старательно одевает меня и причесывает, прежде чем отослать к тебе.

Раджлокхи не хотела, чтобы Аша хозяйничала. Бинодини же, наоборот, старалась занять Ашу домашними делами. Она сама хлопотала по хозяйству без отдыха почти целый день и Аше тоже не давала сидеть сложа руки. Бинодини так повела дело, что у Аши не было ни минуты свободной. Представляя себе, как муж Аши рвет и мечет, сидя один в пустой комнате наверху, Бинодини горько и зло усмехалась про себя.

— Теперь я пойду, милая Песчинка, а то он опять будет сердиться, — волнуясь, говорила ей Аша.

— Мы сейчас все кончим, дорогая, — отвечала Бинодини, — и ты сразу же пойдешь...

— Немного погодя Аша опять жалобно просила:

— Отпусти меня, а то он действительно рассердится!

— Пусть посердится немного! Любовь без ревности пресна, как овощи без перца!

Бинодини прекрасно знала, что за вкус у этого перца — только у нее не было овощей! Ее словно жгло огнем. Куда ни взглянет, в глазах вспыхивает целый сноп искр. «Такое хозяйство! Такой нежный муж! — подумала она. — И этим хозяйством я могла бы управлять! Этого мужа я могла бы обратить в своего раба! Разве тогда хозяйство было бы в таком состоянии? Разве таким был бы этот мужчина? А на моем месте этот несмышлениш, эта кукла!» И, обнимая Ашу, она говорила:

— Ну, дорогая моя, расскажи-ка мне, о чем вы вчера говорили? Сказала ли ты ему все, как я тебя учила? Ты же знаешь, рассказами о вашей любви я утоляю жажду своего сердца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Однажды Мохендро, потеряв терпение, позвал к себе мать и сказал:

— Разве это дело вводить в семью совершенно постороннюю молодую женщину, да еще вдову? Совсем не обязательно брать на себя такую ответственность. Я против этого. Кто знает, к чему это может привести!

— Она жена нашего Бипина, — возразила Раджлокхи, — я не считаю ее чужой.

— Нет, ма, ни к чему все это. По-моему, ее не следует держать у нас.

Раджлокхи знала, что переспорить Мохендро нелегко. Поэтому она призвала на помощь Бихари и попросила его убедить сына.

— Только благодаря ей я хоть немного отдыхаю на старости лет, — говорила она, — пускай Бинодини и чужая, но от своих я никогда не дождусь такого внимания.

— Ты думал о Бинодини, Мохим? — спросил Бихари.

— Как же, ночей не сплю, только о ней и думаю! — невесело рассмеялся Мохендро. — Пусть тебе лучше невестка скажет. Ведь теперь как Бинодини пожелает, так все и делается в этом доме.

Аша с молчаливым упреком взглянула на мужа.

— Неужели? — удивился Бихари. — У вас, я смотрю, все как в романе «Ядовитое дерево».

— Совершенно верно. Вот почему Чуни так жаждет избавиться от нее.

Из-под покрывала снова сердито блеснули на Мохендро глаза Аши.

— Ну хорошо, ты ее отправишь обратно, а она захочет и вернется, — заметил Бихари. — Лучше выдай ее замуж, вот сразу и вырвешь ядовитый зуб.

— Кундо тоже была выдана замуж, — проворчал Мохендро.

— Ладно, хватит проводить параллели. Я часто думаю о Бинодини. Остаться с вами всегда она, разумеется, не может. Но отправить ее в эту глушь — было бы очень жестоко.

Мохендро до сих пор не видел Бинодини, зато Бихари видел ее и хорошо понимал, что обречь такую женщину на жизнь где-то в джунглях несправедливо. Понимал он также, что пламя светильника, которое освещает дом, может обратить дом в пепел, и смутно опасался этого.

Мохендро посмеялся над участием Бихари, Бихари тоже посмеялся, но в глубине души он хорошо понимал, что с этой женщиной играть опасно, а пренебречь ею просто невозможно.

Раджлокхи решила предостеречь Бинодини.

— Смотри, доченька, — сказала она, — держись подалеже от моей невестки. Ты выросла в деревне, здешних нравов не знаешь. Но ты умница, подумай хорошенько, и сама поймешь, к чему я это говорю.

После этого разговора Бинодини стала сторониться Аши.

— Кто я здесь? — говорила она Аше. — Никто. И неизвестно еще, что могло бы случиться, забудь я на минуту, как мне надо себя держать в моем положении.

Аша упрашивала ее, плакала, но Бинодини оставалась непреклонной.

Тем временем объятия Мохендро стали слабее, его влюбленный взгляд словно затуманился усталостью. Беспорядок во всем, который раньше казался таким забавным, начинал раздражать его. Неопытность Аши в житейских делах порою становилась невыносимой. Однако он молчал. Несмотря на молчание, Аша чувствовала, что свет их любви меркнет. В нежности Мохендро проскальзывала фальшь, — он был преувеличенно внимателен, он обманывал самого себя. В таких случаях нет иного спасения, кроме бегства, нет иного лекарства, кроме разлуки. Повинуясь своему женскому инстинкту, Аша старалась избегать Мохендро. Но, избегая его, к кому могла она идти, кроме Бинодини?

Когда Мохендро вдруг очнулся после сна любви, в нем постепенно стал пробуждаться интерес ко всему происходящему за стенами его комнаты, интерес к занятиям. Разыскав учебники по медицине в самых невероятных местах, куда он их засунул, Мохендро принялся стряхивать с книг пыль. Затем он достал свою куртку и брюки, в которых ходил в колледж, и вывесил их на солнце.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бинодини продолжала сторониться Аши, и бедняжка решила пойти на хитрость.

— Милая Песчинка, — сказала она как-то, — почему ты не хочешь познакомиться с моим мужем? Зачем избегаешь его?

— Ну как же тебе не стыдно! — воскликнула Бинодини,

— Почему? — продолжала настаивать Аша. — Ты ведь не чужая нам, свекровь сама так говорит.

— В семье не может быть чужих, — серьезно ответила Бинодини. — В семье все свои. А чужие всегда чужие, даже если они родственники!

Аше нечего было возразить. Ее муж действительно несправедлив к Бинодини, он действительно считает ее чужой и без причины сердится на нее.

В тот вечер Аша капризно заявила Мохендро:

— Ты должен поговорить с моей Песчинкой, я так хочу!

— Однако ты смела! — рассмеялся Мохендро.

— Чего же мне бояться?

— Судя по тому, как ты мне расписываешь свою подругу, она далеко не безопасна!

— Оставь свои шутки и скажи прямо: встретишься ты с ней или нет?

Нельзя сказать, чтобы Мохендро вовсе не хотел знакомиться с Бинодини. Напротив, теперь он нередко думал о том, что неплохо бы взглянуть на нее. Однако этот интерес самому ему казался чем-то недостойным. Мохендро придерживался весьма строгих взглядов на верность. Если прежде он слушать не желал о женитьбе, боясь хоть в чем-то ущемить мать, то теперь он решил навсегда сохранить любовь к Аше и забыть о существовании всех других женщин. Мохендро даже несколько бравировал этой своей щепетильностью и непреклонностью в делах любви и дружбы. Например, кроме Бихари, он никого больше не желал называть своим другом. Если кто-нибудь стремился сблизиться с Мохендро, он недвусмысленно показывал ему свое презрение, а придя к Бихари, зло высмеивал беднягу. Когда же Бихари возражал ему, Мохендро обижался.

— Это ты так можешь, — говорил он, — куда ни пойдешь, везде у тебя друзья. А я не желаю заводить дружбу с каждым встречным.

Однако теперь мысли Мохендро с жадным любопытством постоянно устремлялись к этой незнакомой ему молодой женщине. Его принципы, которыми он так гордился, начинали мешать ему, стесняли его. Тогда, досадуя на самого себя, Мохендро принялся надоедать матери, чтобы она отослала Бинодини обратно в Барашат.

— Перестань, Чуни, — ответил Мохендро Аше, когда она снова завела разговор о Бинодини. — Нет у меня времени болтать с твоей Песчинкой. Весь мой день поделен между занятиями и тобой, где же мне взять еще время для твоей подруги?

— Я не покушаюсь на занятия. Но ты можешь отдать ей то время, которое тратишь на меня!

— Могу, но не хочу этого! — рассмеялся он. Мохендро часто упрекал Ашу в том, что ее горячая привязанность к Бинодини свидетельствует о недостаточной любви к мужу, и постоянно повторял, что его любовь гораздо сильнее и крепче ее чувства. Аша спорила, плакала, но не могла одержать победы.

Мохендро очень гордился, что так и не уступил Аше и не пожелал знакомиться с Бинодини. Это возмутило Ашу, но на сей раз она только сказала:

— Ну хорошо, не ради нее, ради меня, пожалуйста, познакомься с Бинодини.

Доказав чистоту и прочность своей любви, Мохендро великодушно согласился на встречу, но просил не надоедать ему впредь.

— Что за чудо, — заметила Бинодини, когда Аша пришла к ней на следующий день рано утром, — сегодня чакора предпочитает облако луне?

— Я ничего не смыслю во всех этих поэтических сравнениях, — отвечала Аша, — ты бы лучше обратилась к тому, кто сумеет их по достоинству оценить!

— Кто же этот великий ценитель?

— Твой свояк и мой муж. Нет, серьезно, сестричка, ему очень хочется поболтать с тобой.

«Ах, со мною хотят встретиться по настоянию жены! — подумала Бинодини. — Так нет же, я ускользну! Он меня не увидит».

И Бинодини наотрез отказалась. Аше пришлось вернуться к мужу ни с чем.

В глубине души Мохендро был раздосадован. Не хочет даже выйти к нему?! Неужели она считает, что он такой же, как все мужчины? Другой бы на его месте давно нашел предлог познакомиться с ней. Будто Бинодини не видит, что он совершенно не ищет с ней встреч! Если бы

она знала его хоть немного, то поняла бы разницу между ним, Мохендро, и всеми другими мужчинами.

Бинодини тоже затаила обиду на Мохендро. «Столько времени я здесь, а Мохендро ни разу даже не попытался увидеть меня! — думала она. — Что ему стоило выйти под каким-нибудь предлогом, когда я бываю у тети в комнате! Отчего такое равнодушие? Разве я не человек, не женщина? Если бы он увидел меня, то сразу понял бы разницу между мною и своей ненаглядной Чуни».

— Я скажу, что ты ушел на занятия, и приведу Песчинку к себе, — предложила Аша мужу. — А потом ты как будто случайно войдешь — так она и попадетя!

— За что же ее так жестоко наказывать?

— Я очень сердита на нее! Подумать только, она не хочет с тобой видеться! Хоть обманом, но я добьюсь своего!

— Да не умру же я, если и вовсе не встречу с твоей драгоценной подругой! Против ее воли я не хочу этого делать!

Аша схватила Мохендро за руки и умоляюще сказала:

— Ну, пожалуйста, сделай это для меня! Надо же как-то сломить ее гордость.

Мохендро молчал.

— Ну, дорогой, ну, пожалуйста, выполни мою просьбу!

Говоря откровенно, Мохендро очень хотелось познакомиться с Бинодини, поэтому, сделав вид, что ему это совершенно безразлично, он согласился поступить так, как предлагала Аша.

В полдень, прозрачный и неподвижный, Бинодини сидела с Ашей в комнате Мохендро и учила ее вязать туфли. Аша была рассеянна, она то и дело поглядывала на плотно закрытую дверь, путалась, считая петли, и обнаружила явную неспособность к этому занятию.

В конце концов Бинодини сердито вырвала из рук Аши туфлю и воскликнула:

— Ничего у тебя не выйдет! Я лучше пойду. У меня и без того дел много!

— Ну посиди еще немножко! Не уходи! — стала упрашивать ее Аша. — Вот увидишь, я не ошибусь больше. — И она прилежно взялась за работу.

В это время Мохендро неслышно открыл дверь, которая находилась позади Бинодини, и остановился на пороге. Аша увидела его и, не поднимая головы от рукоделия, вдруг заулыбалась.

— Вспомнила что-нибудь смешное? — спросила Бинодини.

Аша не могла больше сдерживаться. Звонко рассмеявшись, она кинула шитьем в Бинодини и, воскликнув: «Ты была права, ничего у меня не получится!» — бросилась на шею подруге и расхохоталась еще звонче.

Бинодини сразу все поняла. Недаром Аша так веселилась и гримасничала. Она хорошо слышала, как Мохендро вошел и остановился позади нее. Но, продолжая притворяться, она стала разыгрывать наивную тихоню и дала Аше поймать себя в эту нехитрую ловушку.

— Отчего мне, несчастному, не дано разделять вашего веселья? — раздался вдруг голос Мохендро.

Бинодини вскочила и, накинув на голову покрывало, хотела выйти, но Аша удержала ее.

— Как вам угодно, — усмехнулся Мохендро. — Хотите, я уйду, а вы оставайтесь, а можем оба остаться.

Бинодини не стала поднимать шум и разыгрывать смущение, как сделала бы другая на ее месте. Она просто сказала:

— Хорошо, я останусь, если я не лишняя. Только не проклинайте меня в душе.

— Я прокляну вас, но так, чтобы вы надолго остались здесь с нами.

— Ну, этого проклятия я не боюсь: ведь ваше «надолго» недолго продлится! Его время, кажется, уже истекло! — С этими словами Бинодини сделала вид, что хочет уйти. Но Аша, схватив ее за руку, упростила посидеть еще немного.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Скажи по совести, понравилась тебе моя Песчинка? — спрашивала Мохендро Аша.

— Не знаю, — отвечал Мохендро.

— Никто тебе не правится!

— За исключением одного человека...

— Если бы ты поговорил с ней еще немного, то наверняка понял бы, нравится она тебе или нет.

— Опять! Теперь этому конца не будет!

— Нужно же поговорить с человеком хотя бы из вежливости. Что она подумает, если ты, после того как познакомился с ней, даже не захочешь ее видеть? Все ты делаешь по-своему, не так, как другие! Иной на твоём месте сам искал бы случая поболтать с такой женщиной. А для тебя это несчастье!

Мохендро очень понравилось упоминание о разнице между ним и остальными.

— Ну ладно, — согласился он, — так и быть! Бежать мне все равно некуда, да и твоя подруга, я вижу, не из жеманных. Живя в одном доме, мы с ней так или иначе увидимся. И правила вежливости в этих случаях будут соблюдены, уж этому твой муж немного обучен!

Мохендро думал, что Бинодини под разными предложениями сама будет искать встречи с ним. Но он ошибся. Бинодини не подходила к нему и не попадалась на глаза.

Чтобы не выдать себя, Мохендро не заговаривал с Ашей о Бинодини. И оттого что он часто подавлял и скрывал довольно естественное желание встретиться с Бинодини, нетерпение его становилось все сильнее. К тому же равнодушные Бинодини задело его.

На следующий день после встречи с ней Мохендро, как бы невзначай, шутливо спросил Ашу:

— Ну как, понравился Песчинке твой недостойный супруг?

Мохендро давно ждал восторженного и подробного отчета, но Аша ничего не говорила ему, тогда он решил сам спросить.

Аша оказалась в затруднении. Бинодини ничего не говорила ей, и теперь Аша досадовала из-за этого на свою подругу.

— Но, дорогой мой, — ответила она мужу, — слишком быстро ты хочешь услышать ее мнение. К тому же и виделись-то вы совсем немного, едва перемолвились друг с другом.

Мохендро испытал горькое разочарование, и ему стало еще труднее прикидываться безразличным.

Во время этого разговора пришел Бихари.

— В чем дело, Мохим? — спросил он. — О чем вы спорите?

— Видишь ли, Бихари, моей жене взбрело в голову подружиться с какой-то там Кумудини или Промодини, и они придумали себе ласкательное имя, — что-то вроде Веревочки или Рыбьей Косточки. Видно, и мне придется выдумать для себя и для жены какое-нибудь прозвище, ну Пепел Сигары или Спички или что-нибудь еще в этом роде, а то житья не будет.

Аша была полна молчаливого негодования. Некоторое время Бихари молча смотрел на Мохендро.

— Невестка, — улыбнулся он, — имейте в виду, это плохой признак. Мохендро говорит так, чтобы сбить всех с толку. Я видел вашу Песчинку. И могу поклясться, что ничего страшного со мной не случится, если я взгляну на нее еще раз. Но если Мохим так противится, дело становится подозрительным!

Так Аша еще раз убедилась в том, насколько Мохендро отличается от Бихари — в лучшую сторону, разумеется.

Неожиданно для всех Мохендро стал увлекаться фотографией. Когда-то он уже начинал заниматься этим, но вскоре бросил. Теперь он снова привел в порядок фотоаппарат, купил пленку и начал фотографировать. Вскоре он переснимал всех, вплоть до слуг. Аша стала просить, чтобы он непременно сфотографировал Песчинку. Мохендро коротко сказал: «Хорошо». Бинодини так же коротко ответила: «Нет». Аше опять пришлось прибегнуть к хитрости, но и эту хитрость Бинодини разгадала.

Было условлено, что в полдень Аша как-нибудь уговорит подругу отдохнуть у себя в комнате. Когда она уснет, Мохендро сфотографирует ее и, таким образом, поймает упрямую Песчинку.

Удивительное дело: обычно Бинодини никогда не спала днем, но на этот раз, когда она вошла в комнату к Аше, у нее уже слипались глаза. Набросив шаль, она повернулась лицом к раскрытому окну и, подложив под голову руки, заснула в такой красивой позе, что Мохендро,

Р. Тагор и его жена

войдя, подумал: «А она будто и вправду приготовилась сниматься».

Он вошел на цыпочках и стал устанавливать фотоаппарат. Ему нужно было долго и пристально рассматривать Бинодини, чтобы решить, с какой стороны лучше ее снимать; пришлось идти на все ради искусства и осторожно раскинуть по подушке ее распущенные волосы — получилось некрасиво, и нужно было снова подобрать их.

— Подвинь немного влево шаль у ног, — шепнул он Аше.

— Я не сумею, — так же тихо ответила Аша. — Боюсь разбудить, поправь сам.

Наконец в тот момент, когда он вставил кассету, чтобы сделать снимок, Бинодини пошевелилась и, глубоко вздохнув, немного приподнялась. Аша громко расхохоталась. Бинодини же приняла рассерженный вид и, метнув в Мохендро огненную стрелу своих лучистых глаз, воскликнула:

— Это нечестно!

— Конечно, нечестно, — согласился Мохендро. — Но если я и украл, то не успел унести украденное. Разрешите уж мне сначала совершить нечестный поступок, а потом наказывайте!

Аша тоже стала упрашивать Бинодини. Снимок был сделан, но оказался неудачным. Поэтому Мохендро не успокоился, пока на следующий день не сделал еще одного снимка. Потом он предложил сфотографировать обеих друг вместе «на вечную память о дружбе». Не могла же Бинодини отказаться!

— Но это последний! — заявила она.

Приняв ее слова к сведению, Мохендро испортил снимок. Так благодаря занятиям фотографией знакомство их продолжалось.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стоит пошевелить угли, и пламя костра вспыхивает с новой силой. Любовь молодой четы, уже начавшая гаснуть, от вмешательства третьего человека опять разгорелась.

Аша не умела поддерживать шутливого разговора, Бинодини могла вести его до бесконечности. Поэтому в Бинодини Аша нашла бесценного помощника. Теперь ей не нужно было прилагать мучительных усилий, чтобы постоянно поддерживать веселое настроение Мохендро. В течение того короткого времени, которое успело пройти со дня свадьбы, Мохендро и Аша вели себя так, словно задались целью истратить сразу то, что отпущено на всю жизнь. Их любовная песня началась с самой высокой ноты. Они как будто торопились израсходовать весь свой запас чувств, пока не пропала любовь. Как могли они вместить это безумное половодье чувств в спокойные берега будничной семейной жизни? После опьянения мужчина обычно чувствует себя разбитым и требует еще вина. Но откуда было взять его Аше? В этот момент Бинодини, наполнив новый кубок, вручила его своей подруге. И Чуни снова почувствовала себя счастливой, видя, что муж доволен. Ей самой не приходилось теперь прилагать ни малейших усилий: Мохендро и Бинодини перебрасывались шутками, а она только беззаботно вторила их смеху. Когда во время игры в карты Мохендро плутовал, Аша, избирая Бинодини судьей, требовала справедливости. Когда же муж подшучивал над Ашей или делал ей несправедливое замечание, она знала, что Бинодини должным образом ответит за нее. Так втроем они коротали время.

Между тем Бинодини не забросила хозяйственных дел. Она по-прежнему присматривала за домом и стряпней, ухаживала за Раджлокхи и, только закончив все дела, принимала участие в развлечениях. Мохендро ворчал:

— Я вижу, вы места себе не находите, пока не зададите работы слугам.

— Это все же лучше, чем предаваться безделью и стать ничтожеством! — отвечала Бинодини. — Идите, вам пора на занятия.

— Ох, сегодня такой приятный пасмурный день!

— Ничего! Экипаж уже подан, отправляйтесь!

— Я же отослал экипаж!

— А я велела ему подождать, — спокойно говорила Бинодини и приносила ему одежду для колледжа.

— Вам следовало родиться среди воинственных раджпутов, тогда бы вы снаряжали своих близких на битву.

Отлынивание от дел ради развлечений и пропуски занятий Бинодини не одобряла. При ее суровом правлении всякие развлечения в течение дня прекратились вовсе. Поэтому вечерние часы стали для Мохендро самым прекрасным и желанным временем. Уже с утра он с нетерпением ждал вечера.

Прежде Мохендро часто пользовался тем, что завтрак не бывал готов вовремя, и с радостью пропускал занятия. Теперь же Бинодини заботилась обо всем, и, когда кончался завтрак, экипаж уже ждал. Раньше будничное платье Мохендро далеко не всегда бывало приведено в порядок. То оказывалось, что его не принесли от прачки, то оно пропало где-то в неведомых уголках шкафа, и без длительных розысков его невозможно было обнаружить.

Сначала Бинодини шутливо бранила Ашу за этот беспорядок, и Мохендро вместе с нею весело смеялся над нерасторопностью жены. В конце концов, из дружеского участия, Бинодини взяла на себя заботу о том, чтобы Мохендро всегда был вовремя накормлен и прилично одет. В комнате был наконец водворен порядок.

Оторвется ли пуговица от куртки Мохендро и Аша сразу не сообразит, как помочь этому горю, — появляется Бинодини и, отобрав у растерянной Аши куртку, ловко пришивает пуговицу. Однажды кошка отведала блюдо, приготовленное для Мохендро. Аша растерялась. Бинодини сейчас же побежала на кухню и принесла другую еду.

Постепенно Мохендро во всем стал ощущать заботливую руку Бинодини. Сделанные ею шерстяные туфли, связанный Бинодини шарф ласкали его, как нежное прикосновение. И когда, умытая и благоухающая, Аша, принаряженная подругой, появлялась перед Мохендро, в ней было что-то от Бинодини. Теперь обе женщины в сознании Мохендро сливались в одно очаровательное создание, как воды Ганги и Джамуны.

Бихари был в немилости — его не звали. Однажды он написал Мохендро, что на следующий день, в воскресенье, придет обедать к Раджлокхи. Мохендро решил, что тогда воскресенье будет испорчено, и поспешил послать ему записку, сообщая, что в воскресенье его не будет дома, что он должен отлучиться по важному делу.

В воскресенье, во второй половине дня, Бихари все же зашел, чтобы выяснить, куда отправился Мохендро. Но привратник сказал ему, что Мохендро дома. Бихари взбежал по лестнице и вошел в комнату друга. Мохендро, захваченный врасплох, простонал: «Ох, как у меня разболелась голова!» — и откинулся на подушки. Услышав это и увидев выражение лица Мохима, Аша испуганно вскочила и, не зная что делать, вопросительно взглянула на Бинодини. Бинодини понимала, что с Мохимом ничего серьезного не случилось, но тем не менее с тревогой сказала:

— Вы очень много занимались сегодня, отдохните. Сейчас я принесу одеколон.

— Зачем? Не надо, — запротестовал было Мохендро, но Бинодини не слушала его. Она мгновенно вернулась, неся одеколон, смешанный с холодной водой, намочила платок и отдала его Аше, чтобы та сделала компресс.

Мохендро время от времени повторял «не надо», а Бинодини, сдерживая улыбку, молча наблюдала за этим представлением.

«Пусть видит Бихари, как меня любят», — самодовольно думал Мохендро.

У Аши в присутствии Бихари от смущения дрожали руки, и несколько капель одеколona попали Мохендро в глаз, когда она пыталась сделать компресс. Тогда Бинодини взяла из рук Аши платок, положила его на лоб Мохендро и стала осторожно смачивать одеколоном.

Аша, закутавшись в покрывало, принялась обмахивать мужа веером.

— Ну как, Мохендро-бабу, лучше вам? — спросила Бинодини. Она говорила нарочито встревоженно, но, кинув быстрый взгляд на Бихари, встретила с его смеющимися глазами. Бихари отлично видел, что все происходящее — комедия. И Бинодини поняла, что этого человека нелегко провести, от него ничто не скроется.

— Знаете, Биноди-ботхан, от такого внимательного ухода болезнь не пройдет, а скорее, наоборот, усилится! — смеясь, воскликнул Бихари.

— Нам, глупым деревенским женщинам, это неизвестно. А что, разве в ваших медицинских книгах об этом написано?

— Конечно. Вот я, например, увидел, как вы ухаживаете за этим больным, и у меня тоже разболелась голова. Но мне, бедному, придется поправляться без лекарства. Мохиму повезло.

Бинодини отложила компресс.

— Друга должен лечить друг, — заметила она.

Все происходящее возмутило Бихари. Последние дни он был очень занят и не подозревал, что за это время между Мохендро, Бинодини и Ашей завязалась такая тесная дружба. Он пристально посмотрел на Бинодини. Молодая женщина спокойно встретила его взгляд.

Бихари резко сказал:

— Правильно! Только так — друга должен лечить друг. Я принес сюда головную боль, я же ее и унесу. Так что не расходуйте зря одеколон. А вообще, — продолжал он, глядя на Ашу, — чем лечить, лучше не доводить дело до болезни.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Нельзя, чтобы это зашло далеко, — думал Бихари. — Я не должен оставлять Мохендро. Правда, никто из них не желает меня видеть, но я обязан вмешаться».

И Бихари стал без приглашения появляться в доме Мохендро.

— Этого юнца, — говорил он Бинодини, — баловала мать, портил друг, а теперь его портит жена. Умоляю вас, Биноди-ботхан, портите лучше кого-нибудь другого!

— Кого же? — смеялся Мохендро.

— Да хотя бы такого, как я. На меня еще никому не удавалось влиять...

— Такого, как ты! — проворчал Мохендро. — Эх, Бихари, не так-то легко быть достойным того, чтобы тебя портили! Попросить — мало!

— Чтобы испортиться, надо еще обладать особым талантом, Бихари-бабу! — подхватила Бинодини.

— Но если я лишен такого таланта, мне должно помочь ваше искусство. Попробуйте побаловать меня немного!

— Если вы будете готовиться заранее, ничего не получится! — возразила Бинодини. — Нужно быть совершенно неподготовленным. Но как ты думаешь, дорогая Аша, может быть, лучше тебе взяться за Бихари?

Аша легонько толкнула Бинодини. Бихари тоже не поддержал шутки. Бинодини поняла, что Бихари не потерпит насмешек над Ашей. Это больно кольнуло ее самолюбие. Вот как! Значит, Ашу Бихари уважает, а ее, Бинодини, он не принимает всерьез?!

— Хотя этот попрошайка Бихари и обратился ко мне, — снова повернулась она к Аше, — но милостыню он жаждет получить именно от тебя. Удели ему что-нибудь, дорогая...

Аша окончательно рассердилась. Бихари вспыхнул, но через мгновение сказал, смеясь:

— Почему же вы предпочитаете Мохендро, а меня перепоручаете кому-то другому? Но ладно, торговаться из-за этого с Мохимом я не стану.

От Бинодини не укрылось стремление Бихари разрушить все ее планы, и она сказала себе, что с ним нужно быть осторожной.

От хорошего настроения Мохендро не осталось и следа. Ему казалось, что своей болтовней Бихари испортил все поэтическое очарование вечера.

— Твой Мохим тоже не собирается торговаться, Бихари, — недовольно сказал Мохендро. — Он вполне доволен тем, что имеет.

— Он-то, возможно, и не собирается, — ответил Бихари, — но это может произойти помимо его желания, раз ему так суждено...

— Вам ли говорить о торговле, Бихари-бабу, ведь в ваших руках ничего нет! — вмешалась Бинодини. И с резким смехом она игриво ущипнула Ашу за щеку. Рассерженная Аша вышла из комнаты. Бихари, разбитый наголову, сердито молчал.

Он уже собрался уходить, когда Бинодини вдруг сказала:

— Не падайте духом, Бихари-бабу. Сейчас я пришлю Ашу.

Бинодини вышла. Мохендро был раздосадован, что из-за Бихари их компания расстроилась. При виде его недовольного лица Бихари не выдержал.

— Ты погубишь себя, Мохим! — воскликнул он. — Но с собой делай что хочешь, только не губи ни в чем не повинную женщину, которая доверилась тебе всем сердцем! Я еще раз тебе говорю: не губи ее! — От волнения у Бихари прервался голос.

Сдерживая раздражение, Мохендро ответил:

— Я не понимаю тебя, Бихари. Не говори загадками, скажи прямо!

— И скажу! — Бихари не заметил, как повысил голос. — Бинодини нарочно сбивает тебя с пути, а ты ничего не понимаешь и, как глупый осел, идешь вперед, не разбирая дороги!

— Неправда! — загремел Мохендро. — Если ты будешь несправедливо подозревать уважаемую женщину, лучше тебе совсем не появляться в онтохпуре!

В комнату вошла улыбающаяся Бинодини с подносом сладостей и поставила его перед Бихари.

— Это еще зачем? — воскликнул Бихари. — Я не голоден.

— Ну как же так?! Неужели вы уйдете, ничего не попробовав?

Бихари рассмеялся:

— Понимаю, моя просьба принята! Теперь меня будут портить, началось ухаживание!

Бинодини лукаво улыбнулась.

— Вы же названный брат Мохендро. И поэтому можете пользоваться всеми родственными привилегиями. Зачем просить там, где можно требовать? Вы сами можете взять нашу любовь и внимание. Правда, Мохендро-бабу?

Мохендро от возмущения лишился дара речи.

— Бихари-бабу, — продолжала Бинодини, — вы что же это, стесняетесь есть или, может, сердитесь? Позвать вам кого-нибудь сюда?

— Никого и ничего мне не нужно. С меня довольно...

— Вы шутите? С вами просто невозможно справиться, Даже сладостями вас не подкупишь!

Ночью Аша призналась мужу, что терпеть не может Бихари, но Мохендро, вопреки обыкновению, не стал высмеивать жену.

Утром он отправился к другу.

— Знаешь, Бихари, — сказал он, — Бинодини у нас все же чужая, и ей неприятно, что ты приходишь на женскую половину дома.

— Неужели?! — удивился Бихари. — Ах, как нехорошо получилось! Что ж, если она против, я больше не покажусь ей на глаза.

Мохендро успокоился. Он не ожидал, что это неприятное дело так просто уладится. По правде говоря, он побаивался Бихари.

Но в тот же день Бихари явился на женскую половину дома.

— Биноди-ботхан, — сказал он, — простите меня!

— За что, Бихари-бабу?

— Я слышал от Мохендро, будто вы сердитесь за то, что я прихожу сюда. Скажите, что вы прощаете меня, и я сейчас же уйду.

— Что вы говорите, Бихари-бабу?! Я ведь здесь только гостья, зачем же вам уходить из-за меня! Знала бы я, что доставлю кому-то столько неприятностей, ни за что не приезжала бы. — Бинодини изобразила на лице глубокое страдание и, будто с трудом удерживая слезы, быстро вышла.

У Бихари мелькнула мысль, что, может, он напрасно так плохо думает об этой женщине.

В тот же день к Мохендро пришла взволнованная Раджлокхи.

— Мохим, Бинодини просит отпустить ее домой, — сказала она.

— Почему, ма, разве ей плохо здесь?

— Нет, конечно. Но Бинодини говорит, что люди могут осудить ее за то, что она, молодая вдова, так долго живет в чужом доме.

— Значит, этот дом уже стал ей чужим! — обиженно заметил Мохендро.

Бихари сидел тут же, и Мохендро сердито взглянул на него. Бихари с раскаянием подумал о том, что вчера своими словами, очевидно, причинил боль Бинодини.

Аша и Мохендро разыскали Бинодини и принялись дружески упрекать ее.

— Как ты можешь считать нас чужими, сестра, — говорила Аша.

— Столько времени жили как свои, и вдруг мы оказались чужими для тебя! — вторил ей Мохендро.

— Но вы не можете держать меня здесь вечно...

— Мы не посмели бы...

— Зачем только мы так привязались к тебе! — воскликнула Аша.

— Все равно через несколько дней я уеду, так стоит ли обманывать себя, — сказала Бинодини, при этом смущенно взглянув на Мохендро.

В тот день так ничего и не решили.

— Биноди-ботхан! Зачем вы говорите об отъезде? — сказал ей Бихари на следующий день. — Я немного виноват перед вами. Но не надо так наказывать меня!

— Вы ни в чем не виноваты, — отвернувшись, проговорила Бинодини. — Во всем виновата моя судьба.

— Если вы уедете, я буду думать, что вы сделали это из-за меня.

В нежных глазах Бинодини появилось умоляющее выражение.

— Ну скажите сами, разве должна я остаться?

Бихари растерялся. Как мог он сказать, что она должна остаться?

— Разумеется, когда-нибудь вам нужно будет уехать, но ничего страшного не случится, если вы еще немного задержитесь, — сказал он наконец.

Бинодини опустила глаза.

— Вы все так уговариваете меня, что мне трудно послушаться. Но это очень жестоко с вашей стороны.

Крупные слезы задрожали на ее густых длинных ресницах.

Бихари совсем растерялся.

— За это короткое время вы всех успели покорить своими редкими достоинствами, — заговорил он, — поэтому никто не желает расставаться с вами. Не подумайте ничего плохого, Биноди-ботхан, но кому захочется добровольно отпустить такую Лакшми!

Закутанная в покрывало Аша, которая сидела тут же, принялась поспешно вытирать глаза краем своего сари. После этого разговора Бинодини больше не заводила речи об отъезде.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Для того чтобы окончательно забыть о размолвке, Мохендро предложил в воскресенье устроить прогулку за город. Аша пришла в восторг от этой затеи, но Бинодини ни за что не соглашалась принять участие в прогулке. Аша и Мохим приуныли. Они недоумевали, почему Бинодини стала сторониться их.

Вечером, когда пришел Бихари, Бинодини сразу же сказала ему:

— Бихари-бабу, Мохим предлагает устроить пикник в Домдомá, а я не соглашаюсь ехать с ними. И вот из-за этого они оба сердятся на меня с самого утра.

— И правильно делают, что сердятся, — ответил Бихари, — без вас из их прогулки такое получится, что и врагу не пожелаешь.

— Поедемте с нами, Бихари-бабу, — вдруг оживилась Бинодини. — Тогда я тоже поеду.

— Предложение заманчивое! Но ведь это затея Мохендро, а еще неизвестно, что он скажет!

И муж и жена были очень недовольны непонятным единодушием Бихари и Бинодини. У Мохендро моментально испарился весь его энтузиазм. Ему так хотелось, чтобы Бихари раз и навсегда понял, как неприятен он Бинодини. Но вслух Мохендро сказал:

— Что ж, хорошо, очень хорошо. Но послушай, Бихари, ни одна твоя поездка еще не обходилась без происшествий. Неизвестно, что взбредет тебе на ум. Ты можешь притащить к нам в компанию какого-нибудь местного князька или затеять ссору с европейцем!

Заметив недовольство Мохендро, Бихари усмехнулся про себя.

— Ну, это все невинные шутки — с кем такого не бывает, — сказал он. — Конечно, трудно знать заранее, какая может случиться неприятность. Биноди-ботхан, выезжать надо на рассвете, я приду точно в назначенный час.

Когда в воскресенье рано утром Бихари явился с огромной тяжелой корзиной, двуколка для слуг и вещей и экипаж для хозяев уже стояли у ворот.

— Что это ты притащил? — проворчал Мохендро. — В двуколке нет места.

— Не волнуйся, дада, я все устрою, — отозвался Бихари.

Бинодини и Аша сразу сели в экипаж, а Мохендро все медлил, не зная куда усадить Бихари. Тем временем Бихари укрепил корзину на верху экипажа, а сам уселся на козлы. Мохендро облегченно вздохнул: «Хорошо, что он не сел в экипаж, а то выкинул бы еще какую-нибудь штуку».

— Вы не свалитесь оттуда, Бихари-бабу? — забеспокоилась Бинодини.

— Не волнуйтесь, падения и обмороки не в моих привычках!

Едва экипаж тронулся, как Мохендро сказал:

— Лучше я пересяду наверх, а Бихари пусть идет сюда.

Аша испуганно ухватилась за чадор мужа:

— Нет, нет! Не надо!

— Зачем вам это? — поддержала ее Бинодини. — Вы ведь не привыкли ездить на козлах, еще упадете!

— Упаду? — вспыхнул Мохендро. — Никогда!

— Вы обвиняли Бихари, но теперь я вижу, что любите происшествия не меньше его!

Мохендро обиделся.

— Ладно, — сказал он, — не будем спорить. Пусть Бихари идет сюда, а я возьму себе другой экипаж.

— Тогда и я с тобой! — заявила Аша.

— А мне что прикажете, прыгнуть на ходу? — спросила Бинодини.

На этом разговор прекратился. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный. Наконец экипаж прибыл в Домдома. Двуколка с вещами и слугами еще не прибыла, хотя ее отправили гораздо раньше.

Стояло ясное осеннее утро. Солнце уже поднялось, и роса на траве высохла, но влажная листва деревьев еще блестела в солнечных лучах. Вдоль ограды тянулись ряды деревьев шефали, под ними расстился ковер душистых цветов.

Вырвавшись на простор из каменных оков Калькутты, Аша резвилась, как лань. Вместе с Бинодини они собирали цветы, рвали плоды и ели их, сидя под деревом. И мягкий солнечный свет, и тень деревьев, и цветущие кустарники — все вокруг, казалось, радостно встретилось от безудержной веселости двух молодых женщин.

Подруги вернулись с купанья, а двуколки со слугами все еще не было. Мохендро сидел в кресле на веранде бунгало и с упрямым видом читал объявления какой-то иностранной фирмы.

— А где же Бихари-бабу? — спросила Бинодини.

— Не знаю! — буркнул Мохендро.

— Пойдемте поищем его.

— Никто его не похитит, будьте спокойны! Сам найдется.

— А может, он разыскивает вас, боится, как бы не пропало такое сокровище. Надо пойти успокоить его.

Они нашли Бихари под огромным баньяном, который рос у самого пруда. Под ним Бихари распаковал свою корзину, вынул оттуда таганок и вскипятил воду. Когда все подошли, он гостеприимно усадил их на плетеную скамью, подал чай и сладости на небольшом подносе.

Бинодини то и дело повторяла:

— Какое счастье, что Бихари-бабу обо всем позаботился. Что случилось бы с Мохендро-бабу без чая!

Мохендро с удовольствием пил чай, однако не преминул сказать:

— Вечно этот Бихари хочет отличиться. Мне хотелось устроить настоящий пикник, а у него, оказывается, уже готов завтрак, как в городе. Никакого удовольствия!

— Тогда давай сюда свою чашку, Мохим, — откликнулся Бихари, — развлекайся голодный, мы не будем тебе мешать.

Время шло, а слуг все не было. Из корзины Бихари стали появляться на свет различные припасы. Извлекли рис, горох, овощи и разные приправы в маленьких бутылочках. Бинодини удивилась:

— Бихари-бабу, вы и нас, хозяек, превзошли. У вас ведь нет женщин в доме — где вы научились всему этому?

— Жизнь научила, — ответил Бихари. — Приходится самому о себе заботиться, больше некому.

Бихари сказал это шутя, но Бинодини вдруг загрустила и кинула на него взгляд, полный сочувствия.

Бихари и Бинодини занялись стряпней. Когда Аша делала робкие попытки помочь, Бихари отстранял ее. Ничего не смысливший в хозяйстве Мохендро даже не пытался помогать. Он прислонился к дереву и, закинув ногу на ногу, следил за пляской солнечных зайчиков на трепетавшей листве баньяна.

Когда стряпня подходила к концу, Бинодини сказала: — Мохендро-бабу, все равно вам не сосчитать всех листьев на дереве, идите искупайтесь.

В это время прибыли наконец слуги с провизией. Оказывается, по дороге у двуколки сломалось колесо.

Наступил полдень.

После обеда решили расположиться под деревом и сыграть в карты. Но Мохендро наотрез отказался, сел в тени и задремал. Аша ушла отдохнуть в бунгало.

— Что ж, я, пожалуй, тоже пойду, — натягивая на голову край сари, сказала Бинодини.

— Не уходите, поболтаем немного, — предложил Бихари. — Расскажите мне о ваших родных местах.

Жаркий полуденный ветер шелестел в ветвях деревьев, временами доносился крик кукушки. Бинодини стала рассказывать о своем детстве, о родителях, о подругах детских лет. Пока она говорила, сари постепенно соскользнуло с ее головы. Тень светлых воспоминаний детства легла на ее лицо, сделала черты его мягче, чуть притушила огонь молодости, сверкавший в ее глазах. Насмешливые и пронизательные, эти глаза всегда вызывали у Бихари смутное недоверие. Но сейчас, когда их темное пламя померкло, превратившись в спокойное сияние, ему показалось, что перед ним не Бинодини, а другой человек. Под этой ослепительно сверкающей оболочкой билось нежное, чувствительное сердце; неудержимое желание нравиться не иссушило душу этой женщины.

Раньше Бихари не мог представить себе Бинодини в роли скромной, преданной жены или добродетельной матери, держащей на коленях ребенка. Но сейчас перед

ним на мгновение словно открылся занавес, и он увидел непривычное зрелище: счастливый домашний очаг. «Бинодини кажется легкомысленной, но в сердце ее живет суровая отшельница, — подумал Бихари, и с глубоким вздохом сказал себе: — Ни один человек по-настоящему не знает самого себя. Лишь создателю это доступно. Для окружающих же человек таков, каким проявляет себя в решающие моменты своей жизни».

Бихари не прерывал рассказа Бинодини, — наоборот, он задавал ей вопросы, стараясь продлить беседу. Никогда еще Бинодини не встречала человека, который умел бы слушать, как Бихари. И, конечно, ни одному мужчине не рассказывала она обо всем так просто и легко. Они разговаривали вполголоса, и Бинодини всем существом своим чувствовала, что после этой откровенной беседы стала чище, — словно омылась в прозрачном потоке.

Мохендро не привык вставать так рано и проспал до пяти часов.

— Пора возвращаться! — раздраженно сказал он, проснувшись.

— Поедем попозже, — заметила было Бинодини.

— Вам, видимо, хочется попасть в руки пьяных европейцев?

Пока собирались, совсем стемнело. Наконец появился слуга и сообщил, что экипаж, на котором они приехали, исчез и его нигде не могут отыскать. Оказалось, экипаж ожидал их у входа в парк, но двое белых заняли его и заставили кучера везти их к станции.

Пришлось послать слугу за другим экипажем. Мохендро еще больше нахмурился и все твердил про себя, что день испорчен окончательно. Он был настолько раздражен, что даже не скрывал своей досады.

Тем временем полная луна выбралась из паутины ветвей и засияла в ночном небе. Застывший в безмолвии сад преобразился, весь в бликах света. В этом заколдованном мире Бинодини испытала странное чувство. И когда в тенистой аллее она обняла Ашу, в ее ласке не было обычной фальши. Аша заметила слезы на глазах подруги и с беспокойством спросила:

— Что с тобой, милая моя Песчинка, почему ты плачешь?

— Ничего, Аша, все хорошо. Просто мне очень понравился сегодняшний день.

— Чем же?

— Знаешь, мне сейчас кажется, что я умерла и попала в совершенно иной мир.

Аша удивилась, ничего не поняла, только, услышав о смерти, испуганно вскрикнула:

— Что ты! Что ты! Не смей так говорить.

Наконец разыскали экипаж. Бихари снова взобрался на козлы. Бинодини молча смотрела в окно. Залитые лунным светом деревья густым черным потоком бежали перед ее глазами. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный и злой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

После пикника Мохендро захотелось вернуть потерянное расположение Бинодини. Но на следующий день у Раджлокхи началась инфлюэнца — болезнь не серьезная, но вызывавшая слабость и недомогание. Бинодини ни днем, ни ночью не отходила от ее постели.

— Так вы и сами скоро сляжете, — заметил ей Мохендро. — Я найму человека для ухода за матерью.

— Не вмешивайся, Мохим, — уговаривал его Бихари, — она хочет заботиться о больной, пусть заботится. Разве сможет кто-нибудь другой так ухаживать за Раджлокхи?

Мохендро стал часто заглядывать к больной матери. Трудолюбивая Бинодини терпеть не могла, когда человек сам ничего не делал и другим мешал. Не раз в сердцах она говорила Мохендро:

— Все равно здесь от вас никакой пользы нет. Шли бы лучше на занятия, зачем напрасно время терять!

Бинодини было приятно, что Мохендро ходит за ней по пятам, но она презирала его за то, что даже у постели больной матери он мог думать только о своем увлечении. Когда Бинодини должна была выполнить какое-нибудь дело, она забывала обо всем остальном. Касалось ли это стряпни, ухода за больными или хозяйства — никто не мог бы упрекнуть Бинодини в невнимательности.

За работой она никогда не думала ни о чем постороннем.

Часто заходил Бихари справиться о здоровье Раджлокхи. Едва войдя в комнату, он сразу замечал, что нужно сделать, чего не хватает, и быстро сделав то, что следовало, уходил. Бинодини видела, с каким уважением относится он к ее заботам о Раджлокхи, поэтому приходы Бихари стали для нее своего рода наградой.

Мохендро теперь регулярно посещал занятия, но делал это с каким-то ожесточением. У него постоянно было плохое настроение, которое усугублялось беспорядком в доме. С тех пор как Бинодини полностью посвятила себя уходу за больной, еда подавалась не вовремя, кучер куда-то исчезал, на носках появились дырки; но теперь это не казалось Мохендро забавным, как прежде. Он понял, как удобно, когда все необходимое под рукой и каждая вещь в порядке. Его больше не забавляли нерасторопность и неумение Аши.

— Чуни, сколько раз я говорил тебе, чтобы моя одежда, когда я иду купаться, была приготовлена и запонки пристегнуты, но, видно, толку от тебя не добьешься! После купанья я трачу целых два часа на то, чтобы разыскать все необходимое.

Бледнея от стыда, Аша виновато проговорила:

— Я сказала слуге.

— Могла и сама позаботиться. Ах, если бы ты хоть что-нибудь умела!

На Ашу эти слова подействовали как гром среди ясного неба. Никогда еще Мохендро не отчитывал ее так. Она могла сказать ему, что он сам мешал ей учиться хозяйничать, что для всего нужны навыки и опыт, но ей и в голову не пришло оправдываться. Она сама считала себя неспособной, даже тупой, не годной ни на какое дело. И когда Мохендро, рассердившись, поставил ей в пример Бинодини, она припала это покорно и без ревности.

Аша слонялась возле комнаты больной свекрови, иногда подходила к двери и в нерешительности останавливалась у порога. Ей так хотелось стать полезной, сделать что-нибудь, но никто не нуждался в ее помощи. Аша не знала, за что взяться, как найти свое место в доме. Смущенная собственной беспомощностью, она оставалась

в стороне от семьи. С каждым днем терзания бедной женщины становились все невыносимее. Она не отдавала себе ясного отчета в своих страхах, смутных опасениях. Чувствовала, что собственными руками губит свое счастье, но как это случилось, почему все вокруг рушится, этого она не знала. Бывали минуты, когда ей хотелось закричать в иступлении: «Ну да, я недостойная, неспособная, — другой такой тупицы нет на свете!»

Раньше Аша и Мохендро любили уединяться в каком-нибудь укромном уголке дома. Иногда они разговаривали, иногда молчали, но всегда бывали счастливы. Теперь же, когда не было Бинодини и Мохендро приходилось оставаться с глазу на глаз с Ашей, он не знал, о чем говорить с ней. Наступало тягостное молчание.

— Кому это письмо? — спросил однажды Мохендро привратника, увидев в его руке конверт.

— Бихари-бабу.

— Кто передал?

— Госпожа Бинодини.

— Дай-ка сюда.

Мохендро взял письмо. Как ему хотелось вскрыть его! Но, повертев конверт в руках, он небрежно вернул его привратнику. Если бы он открыл письмо, то прочел бы там: «Тетя не хочет есть ни ячменя, ни саго. Можно ли дать ей гороховый суп?» Бинодини никогда не обращалась к Мохендро с такого рода вопросами, она полагалась только на Бихари.

Некоторое время Мохендро беспокойно ходил взад и вперед по веранде. Потом пошел в комнату и тут заметил, что у одной из картин почти перетерлась веревка и картина висит криво.

— Ничего ты не видишь! — резко бросил он Аше. — Так все в доме скоро пойдет прахом.

Букет, который Бинодини поставила в бронзовую вазу после пикника, давно уже завял, но никто его не выбрасывал. В другое время Мохендро не заметил бы этого, но только не сегодня!

— Бинодини не выбросила, значит больше некому! — крикнул он и, схватив вазу с цветами, швырнул ее за дверь. Было слышно, как она со звоном покатила по ступеням.

«Почему Аша не такая, какой я бы желал ее видеть? Почему она все делает не так, как я хочу? Почему она бесхарактерна и не может взять верх в супружеской жизни, а всегда во всем лишь потакает мне?» Так думал Мохендро в ту минуту. Вдруг Аша побелела, губы ее задрожали, и она с плачем выбежала из комнаты.

Мохендро медленно вышел, поднял вазу и поставил ее на место. Потом он сел в кресло у стола и долго сидел так, опустив голову на руки.

Сгустились сумерки, в комнату внесли лампу. Аша все не приходила. Мохендро поднялся на крышу и стал там нетерпеливо расхаживать. Пробило девять, в полупустом доме стало тихо, как ночью. Аша все не шла. Наконец Мохендро послал за ней. Послышались нерешительные шаги, и, войдя, Аша остановилась у двери. Мохендро подошел и привлек ее к себе, Аша судорожно разрыдалась на груди мужа. Она не могла остановиться, слезам, казалось, не будет конца, плач переходил в громкие рыдания, Аша и не пыталась удержать их. Прижав жену к груди, Мохендро целовал ее волосы...

С темного неба на них смотрели притихшие звезды.

Ночью Мохендро сказал ей:

— У нас начинаются ночные дежурства, поэтому на некоторое время мне придется поселиться недалеко от колледжа.

«Все еще сердится, — подумала Аша. — Неужели он уходит оттого, что рассердился на меня? Это я своей глупостью выживаю мужа из дома! Лучше бы мне умереть!»

Но по тому, как Мохендро держался, не было заметно, чтобы он продолжал сердиться на нее. Долго, не говоря ни слова, он прижимал к груди жену, распустил ее косы и перебирал пряди волос. Раньше, в те счастливые далекие дни, Мохендро часто, вот так же, как теперь, распустил ей волосы, хотя она и противилась этому. Сегодня Аша не сопротивлялась. Она замерла от счастья. Вдруг ей на лоб упала слеза, и она услышала прерывающийся от нежности голос Мохендро:

— Чуни!

Аша молча обвила руками его шею.

— Я виноват перед тобой, прости меня.

Прикрыв рот мужа своей гибкой и нежной, как цветок кусума, рукой, Аша сказала:

— Нет, нет, не говори так! Ты не виноват. Я сама причина всех бед. Накажи меня, как свою служанку, — только позволь мне остаться у ног твоих.

На заре, перед тем как уйти, Мохендро сказал:

— Чуни, сокровище мое, ты одна будешь царить в моем сердце, никому я не позволю вытеснить тебя оттуда.

Тогда Аша, решившись мужественно перенести разлуку с мужем, предъявила ему свое скромное требование.

— Пиши мне каждый день по коротенькому письму, хорошо?

— А ты будешь отвечать?

— Разве я сумею!

Мохендро ласково потянул ее за локон.

— Лучше, чем сам Окхойкумар Дотто, автор «Чарупатха». Это будет для меня поистине «приятное чтение».

— Перестань, не смейся надо мной, — воскликнула Аша.

Перед тем как проводить Мохендро, Аша, как умела, принялась укладывать его вещи. С теплыми вещами пришлось намучиться, в чемодан они вообще не влезали. С грехом пополам, вдвоем, они кое-как управились. Однако то, что поместилось бы в одном чемодане, заняло два. Оставшиеся вещи они увязали отдельными свертками. Аше было стыдно своего неумения, но эти шумные сборы и шуточные пререкания, казалось, перенесли их к счастливым ушедшим дням. Она позабыла даже, что это — приготовления к отъезду. Кучер уже раз десять напоминал Мохендро, что экипаж подан, но тот пропускал его слова мимо ушей. В конце концов Мохендро приказал ему распрячь лошадей.

Утро сменилось днем, день — вечером. Только тогда, после взаимных наставлений беречь здоровье и обещаний непременно писать друг другу, супруги нежно распрощались.

Еще накануне Раджлокхи поднялась с постели. Сегодня, завернувшись в теплую шаль, она играла в карты с Бинодини и выглядела совсем здоровой. Мохендро вошел в комнату и, даже не взглянув на Бинодини, сказал:

— Ма, у нас начинаются ночные дежурства, и я вре-

менно поселюсь недалеко от колледжа. Сегодня я переезжаю.

— Поезжай, — обиженно отвечала Раджлокхи, — раз это нужно для занятий. Зачем тебе оставаться дома?

Узнав, что Мохендро уезжает, Раджлокхи снова почувствовала себя больной и слабой.

— Передай мне подушку, дочка, — обратилась она к Бинодини.

Раджлокхи прилегла, и Бинодини стала растирать ей ноги.

Мохендро хотел проверить пульс, но мать отстранила его:

— Пульс очень слабый, ты не найдешь его. Но я здорова, не беспокойся.

В изнеможении она откинулась на подушки.

Мохендро низко склонился перед Раджлокхи и ушел, так и не сказав Бинодини ни слова на прощанье.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Бинодини недоумевала. «Что это? Обида, досада или страх? — спрашивала она себя. — Хочет показать, что я ему безразлична? Уезжает. Что ж, посмотрим, сколько он выдержит!»

На душе у Бинодини было беспокойно. Лишившись возможности поддразнивать Мохендро, она почувствовала растерянность. Домашние дела потеряли для нее всякую привлекательность. Аша тоже стала ей безразлична. Нежность Мохендро к Аше всегда больно ранила лишнюю радость любви Бинодини. Поэтому отъезд Мохендро вызвал в ней и досаду и жгучую радость. Бинодини не могла как следует разобраться, любит она или ненавидит Мохендро, ведь это из-за него она потеряла свое место в жизни. Ради глупенькой, пустой Аши Мохендро отверг такую женщину, как она. Бинодини еще не знала, будет она жестоко мстить или отдаст ему свое сердце. Мохендро зажег в ее душе пламя, но она не могла понять, было то пламя ненависти или любви или и то и другое вместе.

«Ни одной женщине, наверное, не случалось бывать в таком положении, — говорила она себе с горькой усмеш-

кой. — Сама ведь не знаю, чего мне больше хочется: погнубить или его погубить». Но в обоих случаях ей нужен был Мохендро. Ее огненная, напоенная ядом стрела достигнет его повсюду. «Куда он уйдет? Он вернется! Он мой!» — повторяла Бинодини, глубоко вздыхая.

Вечером под предлогом уборки Аша пробралась в комнату мужа. Она протерла кресло, спинка которого была вся в пятнах от напомаженной головы Мохендро, вытерла заваленный бумагами стол, книги, картины. Так, перебирая вещи Мохендро, перекладывая их с места на место, Аша коротала этот одинокий вечер. Бинодини тихо вошла и стала рядом с ней. Аша немного смутилась, перестала убирать и сделала вид, будто что-то ищет.

— Что с тобой, дорогая? — с серьезным видом спросила Бинодини.

— Ничего. — Аша скривила губы в улыбке.

Тогда Бинодини обняла ее и спросила:

— Скажи мне, почему твой муж так внезапно уехал?

Аша вздрогнула.

— Ты же знаешь. Уехал потому, что ему нужно быть в колледже...

Бинодини взяла Ашу за подбородок и, как будто с искренним сочувствием, долго и внимательно всматривалась в ее лицо. Потом глубоко вздохнула.

Сердце Аши сжалось. Она ведь считала себя глупой, а Бинодини — умницей! Когда Аша увидела выражение лица Бинодини, весь мир померк в ее глазах. Она не решалась ни о чем расспрашивать и молча опустила на тахту. Бинодини села рядом, крепко обняла ее и прижала к своей груди. Тут Аша не выдержала и разрыдалась. Под окнами слепой нищий пел под аккомпанемент тамбурина:

О, благослови меня, мать!

О, спаси, избавленья дающая!

Пришел Бихари. Он хотел зайти в комнату Мохендро, но замер на пороге, увидев Ашу, плачущую в объятиях Бинодини, которая нежно утирала ей слезы. Бихари поспешил войти в соседнюю пустую комнату, и там сел, обхватив голову руками. Он пытался догадаться, почему

Аша плачет. Какое чудовище заставило плакать ее, эту девочку, которая никому не может причинить зла! Он видел, как утешала ее Бинодини, и еще раз поверил в то, что ошибся в этой женщине.

«Участлива, внимательна, бескорыстно верна подружке — настоящая богиня, сошедшая на землю», — думал он.

Бихари долго сидел в темноте. Наконец, когда песня слепого за окном смолкла, он, покашливая, появился на пороге комнаты. Аша накинула на голову покрывало и торопливо скрылась в онтохпуре.

Едва Бихари вошел, как Бинодини воскликнула:

— Что с вами, Бихари-бабу? Не больны ли вы?

— Нет.

— Почему же у вас красные глаза?

— Биноди-ботхан, куда делся Мохендро? — спросил Бихари, не отвечая на ее вопрос.

Бинодини сразу сделалась серьезной.

— Я слышала, у него много работы в больнице, поэтому он сейчас поселился недалеко от колледжа. Разрешите мне пройти, Бихари...

По рассеянности Бихари продолжал стоять на пороге, загораживая выход. Он очнулся от своих мыслей и поспешно отошел в сторону. Только сейчас ему вдруг пришло в голову, что разговаривать с Бинодини во внешней половине дома, в вечернее время, да еще наедине просто неприлично. Что подумают люди? Бинодини уже собиралась выйти, когда Бихари торопливо сказал:

— Биноди-ботхан, берегите Ашу. Она так простосердечна, ей и в голову не придет обидеть кого-нибудь, она даже себя не умеет уберечь от ударов судьбы...

В темноте Бихари не видел, как молния ненависти скользнула по лицу Бинодини. Наконец-то она поняла, что Бихари сочувствует одной только Аше! Бинодини для него — ничто! Защищать Ашу, убирать тернии с пути Аши, заботиться о счастье Аши — этим он только и дышит! Уважаемый господин Мохендро женился на милой Аше, которая «так простосердечна», поэтому Бинодини должна дичать среди обезьян в джунглях Барашата! Уважаемый господин Бихари не может видеть слез на глазах невинной Аши, поэтому Бинодини должна быть всегда готова утирать ей слезы! О, когда-нибудь она заставит и

этого Мохендро, и этого Бихари ползать за ней в пыли вместе с ее тенью!

Аша — и Бинодини! Разве можно их сравнивать! Злая судьба не дала красоте Бинодини одержать полной победы ни над одним мужским сердцем, и раскаленные стрелы этой красоты сделались теперь смертельными.

— Будьте спокойны, Бихари-бабу, — ласково сказала Бинодини. — Я позабочусь о моей Аше.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прошло несколько дней, и в студенческое общежитие, где поселился теперь Мохендро, на его имя пришло коротенькое письмо, написанное знакомым почерком. Он не стал читать его днем, среди шума и суеты, а спрятал в карман, ближе к сердцу. В течение дня, слушая лекции и делая обход по палатам, он все время помнил, что на его груди дремлет крылатая вестница любви. Стоит только разбудить ее — и она пропоет Мохендро свою прекрасную песню.

Вечером у себя в комнате Мохендро зажег лампу и с чувством облегчения опустил в кресло. Он вынул из кармана согретое теплом собственного тела письмо, какое-то время не открывал его, внимательно разглядывая надпись на конверте. Он знал заранее, что в письме нет ничего особенного. Аша не умела хорошо выражать то, что чувствовала. По неровным буковкам и кривым строчкам можно было только догадаться о тех нежных словах, которые теснились в ее сердце. Читая свое имя, старательно выведенное неуверенной рукой, он словно слышал какую-то мелодию, — это была вечная песня женского сердца, песня любви, долетавшая, казалось, с заоблачных высот.

За несколько дней разлуки Мохендро совершенно забыл о мучительной натянутости последних встреч с Ашей, и счастливые воспоминания о ее бесхитростной нежности снова засияли перед ним. Забыл Мохендро и о беспорядке в домашних делах, который особенно раздражал его последнее время, и теперь перед его восторженным взором стоял образ Аши, озаренный чистым светом любви и радости.

Очень осторожно Мохендро разорвал конверт, вынул письмо и приложил его ко лбу. Как-то он подарил Аше духи, и сейчас их аромат, словно вздох любимой, донесся до него. Мохендро стал читать. Что это? Почерк, конечно, скверный, но зато как безупречен стиль! Буквы неровны — но слова?!

«Любимый, — писала Аша, — не знаю, зачем этим письмом я напоминаю тебе о той, из-за которой ты уехал, чтобы забыть ее. Лиана, которую ты оторвал от своей одежды и отшвырнул прочь, позабыв стыд, снова пытается уцепиться за тебя. О, зачем она не превратилась в пыль!

Если бы это случилось, о таком пустяке и горевать не стоило бы, господин мой! Но, может, иногда ты хоть вспоминал бы о ней. Может, пожалел бы немного. Твое равнодушие ранит меня, как нож, вонзенный в сердце. Ночью ли, днем ли, за любым делом, среди любых забот я чувствую эту боль. Дай лекарство, которое помогло бы мне забыть так, как позабыл ты!

Господин мой, виновата ли я, что ты полюбил меня? Мне и во сне не снилось такое счастье. Да и кто я такая, откуда я взялась, чтобы осмелиться стать твоей женой?

Если бы ты не пожелал видеть меня, если бы пришлось мне, как рабыне, прислуживать тебе, без надежды на награду, я и тогда не стала бы жаловаться. Какие несуществующие достоинства открыл ты во мне, дорогой мой, за что полюбил меня? А если уж суждено было в ясный день сверкнуть молнии, то почему она лишь обожгла меня? Почему не обратила в пепел душу мою и тело?

За эти два дня я много выстрадала, много передумала, но одного так и не поняла: неужели ты не мог избавиться от меня, оставаясь дома? Совершенно незачем было уезжать куда-то. Разве я стесняю тебя? В самом дальнем углу твоего дома скрылась бы я — и никогда не попала бы тебе на глаза.

Зачем же, зачем ты ушел из дома? Лучше уйти мне, — из неизвестности я появилась, в неизвестности и скроюсь...»

Мохендро знал, кто автор этих строк. Ошеломленный, он застыл с письмом в руках. Мысли его неслись по строчкам, как поезд, отталкивались от них и спутывались

в какой-то удивительно сложный невообразимый клубок. Долго сидел он в задумчивости, потом снова перечитал письмо. Зарницы, которые раньше вспыхивали где-то в дальнем уголке его сознания, сделались близкими и яркими. Огненный след кометы, тенью мелькнувшей в небе его жизни, теперь стал отчетливо виден.

Письмо принадлежало Бинодини. Наивная Аша думала, что пишет от себя. После того как она переписала сочиненное Бинодини письмо, новые и неожиданные мысли пустили глубокие корни в ее душе. Чужие слова Аша приняла за свои собственные. Никогда не удалось бы ей самой так красиво рассказать о своих переживаниях!

«Как правильно поняла Бинодини мои самые сокровенные мысли!» — думала Аша. И она стала еще больше нуждаться в любимой подруге, потому что все ее горести Бинодини умела выразить словами, без нее Аша чувствовала себя беспомощной.

Мохендро поднялся с кресла и нахмурил брови, пытаясь заставить себя рассердиться на Бинодини, но на самом деле он был зол на Ашу: «Подумать только, какая глупость! Тоже — вздумала влиять на мужа!» Он опустился в кресло и в третий раз стал перечитывать письмо. Окончив его, Мохендро почувствовал, что из глубины его сердца поднимается ликование. Напрасно он пытался убедить себя, что читает письмо от Аши, слог письма выдавал его тайну. Стоило Мохендро прочесть несколько строк, как наплывали пьяняще-радостные мечты и, словно вино, кружили голову. Свет любви — туманный и яркий, отталкивающий и манящий, нежный и опасный, дерзкий и робкий — сводил Мохендро с ума. Ему захотелось изрезать себя ножом или одурманить вином, чтобы только не думать об этом. Внезапно он вскочил с кресла и, ударив кулаком по столу, закричал:

— Прочь от меня! Прочь! Я сожгу его!

Он поднес письмо к огню... но не сжег, а перечитал еще раз.

На следующий день слуга долго смахивал со стола пепел от сожженных бумаг. Но это не было письмо Аши. Мохендро жег неудачные варианты ответного послания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Скоро пришло еще одно письмо.

«Ты не ответил мне? — писала Аша. — Что ж, ты поступил правильно. Правду писать не обязательно. Я поняла, каков твой ответ. Когда верующий вопрошает бога, то разве бог отвечает словами?»

Послания несчастной уже лежат у ног владыки.

Пусть не гневается властелин моего сердца, если приношения его вечной рабы прервут его благочестивые размышления. Откликнешься ты или нет, захочешь открыть глаза и понять все или не захочешь, иного пути для того, чтобы понять друг друга, у нас нет. Поэтому и написала я тебе эти письма. Что ж, суровый мой владыка, оставайся непреклонным, если можешь».

Мохендро снова принялся составлять ответ. Письмо адресовал он Аше, но из-под пера сами собой выходили слова, обращенные к Бинодини. Скрыть же истинное назначение письма и схитрить он не мог. Просидев до глубокой ночи и изорвав кучу бумаги, он наконец написал несколько строк. Но когда Мохендро уже готов был написать на конверте имя Аши, ему вдруг показалось, будто его ударили хлыстом и чей-то голос воскликнул: «Чудовище! Так обманывать ни в чем не повинную девочку!» Мохендро разорвал письмо на тысячи клочков и остаток ночи просидел за столом, закрыв лицо руками, словно пытаясь спрятаться от себя самого.

Через несколько дней пришло третье письмо. «Кто не умеет быть гордым, тот, наверное, не достоин любви. Разве смею я предлагать тебе свою любовь, если не могу уберечь ее от презрения и унижений? Может, я стала так дерзка с тобой потому, что не совсем тебя понимаю. Поэтому, когда ты уехал, я первая послала письмо. Ты молчал, но я продолжала писать и высказала все, что было у меня на сердце. Если я ошиблась — разве одна я в этом виновата? Подумай сам. Неужели ты еще не понял того, что мне давно уже ясно?»

Как бы там ни было, права я была или нет, написанного не сотрешь. Сделанного не исправишь. А жаль! Так что, видишь, и женщины порой испытывают чувство сожаления. Не думай, что тот, кто любит, может без конца

унижать свое чувство. Не желаешь моих писем — не надо! Если не ответишь — прощай!»

После этого письма Мохендро не мог не вернуться. «Хоть все это и возмутительно, — думал он, — мне следует съездить домой. Пусть Бинодини не думает, что я бежал от нее! Надо же разуверить ее в столь дерзком предположении!»

Пришел Бихари. При виде его тайная радость Мохендро возросла. Последнее время он косо посматривал на Бихари и в душе ревновал его. Они уже не были, как прежде, друзьями. Теперь же, после всех этих писем, Мохендро отбросил свои подозрения и радостно приветствовал друга. Он бросился ему навстречу, хлопнул его по плечу, взяв за руку, усадил в кресло.

Но лицо Бихари было пасмурно. «Бедняга, — подумал Мохендро, — он, наверное, часто бывал у нас в доме, встречался с Бинодини и слышал от нее, конечно, одни колкости».

— Ты был у нас, Бихари? — спросил он.

— Я только сейчас оттуда, — без улыбки ответил Бихари.

Представив себе страдания Бихари, Мохендро оживился. «Несчастный! — подумал он. — Женщины совсем лишили его своего расположения!» И Мохендро незаметно потрогал карман, где лежали письма.

— Ну как там все? — спросил он.

— Зачем ты ушел из дому?

— Теперь у нас часто ночные дежурства, а ездить из дому неудобно.

— Раньше тоже бывали дежурства, но я что-то не помню, чтобы ты уходил.

— У тебя, кажется, какие-то подозрения? — рассмеялся Мохендро.

— Я не шучу, тебе нужно сейчас же возвратиться домой.

Всего минуту назад Мохендро и сам так думал. Но после слов Бихари он вдруг решил убедить себя, что ему вовсе не нужно возвращаться.

— Что ты, Бихари, — возразил он, — тогда у меня пропадет целый учебный год.

— Мохим! Я знаю тебя с детства, и не пытайся обманывать меня! Ты поступаешь нехорошо.

— А что я делаю, господин судья?

Бихари потерял терпение:

— Послушай, Мохим, ты всегда говоришь о своем сердце, о своих чувствах, но где сейчас оно, твое сердце?

— Сейчас оно здесь, в больнице.

— Перестань, Мохим, довольно! Ты со мной шутки шутишь, а там Аша места себе не может найти, все плачет.

Мохендро словно кто-то толкнул. Он не думал, что еще кто-то, кроме него, может страдать или радоваться. Опомнившись, он спросил:

— Почему же Аша плачет?

— Ты не знаешь? По-твоему, я должен об этом знать? — сердито спросил Бихари.

— Тебе угодно сердиться на то, что твой Мохим не всеведущ, но в этом следовало бы винить не меня, а создателя.

Тогда Бихари подробно рассказал ему о том, что видел. В памяти Бихари так ясно всплыло залитое слезами личико Аши, прильнувшей к груди Бинодини, что голос его дрогнул.

Заметив волнение Бихари, Мохендро изумился. Он всегда был уверен, что у Бихари не может быть никаких увлечений. Когда же это началось? Неужели с того дня, когда друзья приходили смотреть на Ашу в дом ее дяди? Бедняга Бихари! Но хотя Мохендро про себя и назвал Бихари «беднягой», жалости к нему он не испытывал, ему даже стало весело. Уж он-то знал, кому навсегда отдано сердце Аши. «Те, что для других желанны, но недоступны, сами льнут ко мне», — подумал Мохендро, и гордость переполнила его сердце.

— Что ж, тогда поедем, — наконец сказал он. — Пойди найми экипаж.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стоило Аше увидеть Мохендро, и все ее страхи рассеялись как дым. Она вспоминала свои письма и от стыда не смела поднять глаз.

— Как ты могла писать мне такие обидные письма? — с укором сказал ей Мохендро и вытащил из кармана три читанные и перечитанные послания.

— О, пожалуйста, порви их! — взмолилась Аша. Она хотела вырвать листки из рук Мохендро, но он спрятал их в карман.

— Ведь я покинул дом ради занятий, — сказал он, — а ты этого не поняла! Как ты могла усомниться во мне?!

— Прости. — На глазах у Аши выступили слезы. — Это никогда больше не повторится!

— Никогда-никогда?

— Никогда.

Мохендро привлек ее к себе и поцеловал.

— Дай мне письма, я порву их, — попросила Аша.

— Нет, нет, ни за что!

Аша смиренно подумала, что письма он сохранил ей в наказание. Из-за всей этой истории Аша несколько охладела к Бинодини. Она не только не поспешила поделиться с подругой радостным известием о возвращении мужа, но стала избегать ее.

Бинодини заметила это и под тем предлогом, что у нее дела по хозяйству, не появлялась совсем.

«Странно! — размышлял Мохендро. — Я думал, что теперь буду особенно часто видеть Бинодини, а получилось наоборот. К чему же тогда были письма?» И он решил, что не станет пытаться проникнуть в тайну женского сердца. «Если даже Бинодини и будет стремиться к сближению, я навстречу ей шага не сделаю», — говорил он себе. Но потом ему стало казаться, что он поступает неправильно. «Можно подумать, что между нами действительно что-то есть, — пожалуй, лучше восстановить прежние непринужденные отношения и положить конец этой натянутости».

— Что-то подруги твоей не видно, — сказал он как-то Аше.

— Не знаю, почему она не показывается... — равнодушно ответила Аша.

В это время вошла заплаканная Раджлокхи и сказала, что Бинодини просит непременно отпустить ее.

— Почему, ма? — спросил Мохендро, пытаясь скрыть тревогу.

— Откуда мне знать? Но только на этот раз она непреклонна. Ты не умеешь быть внимательным! — восклик-

нула она. — Как может уважаемая женщина оставаться в чужом доме, если ты не проявляешь по отношению к ней родственных чувств?

Бинодини сидела у себя в спальне и вышивала покрывало, когда вошел Мохендро.

— Песчинка! — окликнул он молодую женщину.

— Что угодно, господин Мохендро? — сухо отозвалась Бинодини.

— С каких это пор Мохендро стал «господином Мохендро»?

— Как же мне называть вас?

— Так же, как и свою подругу, — Песчинка.

Но Бинодини не откликнулась на шутку и продолжала молча шить.

— Мне кажется, это самое подходящее обращение? — вопросительно проговорил Мохендро.

Бинодини наклонилась и, спокойно откусив нитку, сказала:

— Не знаю, вам виднее. — Затем, словно стремясь поскорее закончить этот разговор, проговорила: — Так, значит, вы все-таки вернулись из колледжа!

— Сколько же можно резать мертвецов!

Бинодини снова откусила нитку и, не поднимая головы, проронила:

— А теперь вам, кажется, понадобились живые?

Мохендро подумал было, что сейчас самое время вставить какое-нибудь шутовское замечание. Но на него так подействовала серьезная невозмутимость Бинодини, что он не мог найти нужных слов. Мохендро понял, что Бинодини решила держать его на расстоянии, и это еще больше распалило его. Ему захотелось во что бы то ни стало разрушить возникшую между ними стену. Не ответив на последнюю колкость Бинодини, он сел рядом с ней и спросил:

— Почему вы хотите уехать от нас? В этом виноват я?

Бинодини слегка отодвинулась, подняла голову и, глядя прямо в лицо Мохендро своими огромными лучистыми глазами, сказала:

— У каждого есть свои обязанности. Никто не виноват, что вам пришлось уехать в колледж. Почему бы мне

тоже не уехать? Разве у меня не может быть обязанностей?

Мохендро помолчал, не зная, что сказать.

— Что же это за обязанности, — спросил он наконец, — ради которых вы покидаете нас?

— Что за обязанности, это уже мое дело, — заметила Бинодини, осторожно вдевая нитку. — Я не должна давать вам отчета.

Мохендро не ответил и долго сидел в задумчивости, глядя в окно на верхушку пальмы. Бинодини молча шила. Было так тихо, что казалось, иголка упадет — будет слышно. После долгого молчания Мохендро вдруг заговорил снова:

— А если очень вас попросить, вы не уедете?

Бинодини вздрогнула от неожиданности и уколола палец. Слизнув капельку крови, она сказала:

— Зачем просить? Уеду или останусь, не все ли вам равно!

В голосе ее звучала горечь. Низко склонив голову, Бинодини делала вид, что всецело поглощена рукоделием. В уголках ее глаз блестели слезы. Пасмурный день кончился, спускались сумерки. Мохендро вдруг схватил руку Бинодини и, сжав ее в своей, спросил прерывающимся голосом:

— А если мне не все равно, тогда ты останешься?

Бинодини торопливо вырвала руку и отодвинулась. Мохендро стало стыдно своего порыва. Последние слова будто в насмешку все еще звучали в его ушах. Он прикусил язык и умолк.

В комнате воцарилась тишина. Но когда неожиданно вошла Аша, Бинодини, словно продолжая ранее начавшийся разговор, со смехом обратилась к Мохендро:

— Ну, вы достаточно потешили мою гордость, и теперь мне придется выполнять каждое ваше желание. Пусть будет по-вашему, — я останусь в этом доме, пока вы меня сами не выгоните.

Обрадованная тем, что мужу удалось уговорить Бинодини, Аша обняла подругу и сказала:

— Значит — решено! Ну-ка повтори три раза: «Пока не выгонят, останусь, останусь, останусь!»

Бинодини повторила.

— Но если так, зачем ты просила, тебя отпустить? — продолжала Аша. — Ведь все равно пришлось покориться моему мужу.

Тогда Бинодини, улыбаясь, проговорила:

— Ну, уважаемый родственник, как вы считаете, я покорилась или вас покорила?

Мохендро остолбенел. Ему показалось, что вся комната кричит о его вине, и стыд охватил его. Как он теперь сможет спокойно разговаривать с Ашей? Как обратиться в шутку свою ужасную растерянность? Дьявольская сеть опутала его, он не знал, что сказать.

— Да, поражение потерпел я, — мрачно заметил наконец Мохендро и вышел из комнаты.

Через некоторое время он вернулся и сказал, обращаясь к Бинодини:

— Простите меня.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Я не имел права насильно удерживать вас здесь.

— Почему «насильно»? Разве вы применили силу? Я что-то не заметила, — рассмеялась Бинодини. — Вы так ласково, так нежно упрашивали меня остаться. Разве нежность и насилие одно и то же? — обратилась она к Аше.

— Конечно, нет, — ответила Аша, принимая ее сторону.

— Я исполняю ваше желание, Мохендро, — продолжала Бинодини. — Мое счастье, что вы не можете обойтись без меня! Таких чутких людей мало на свете! Если уж нашелся такой, который разделяет все мои радости и печали, то зачем же мне самой бежать от него?

Аша заметила, что Мохендро растерянно молчит, и ей стало отчего-то не по себе.

— Кто же переспорит тебя, диди? — сказала она. — Мой муж признал себя побежденным, теперь ты можешь успокоиться.

Мохендро опять поспешно вышел из комнаты. Как раз в это время Бихари после короткого разговора с Радж-локхи разыскивал Мохендро. Увидев его в дверях, Мохендро воскликнул:

— Бихари, если бы ты знал, какая я скотина!

P. Tarop
(1903)

Он говорил так громко, что его слова были услышаны в комнате. Оттуда тотчас же раздался голос Бинодини:

— Господин Бихари!

— Подождите минутку, Биноди-ботхан.

— Идите сюда сейчас же!

Войдя в комнату, Бихари прежде всего бросил быстрый взгляд на Ашу. Насколько позволяло видеть покрывало, которое она поспешно набросила, лицо ее не выражало ни горя, ни грусти. Аша хотела тотчас же уйти, но Бинодини удержала ее.

— Вы с Ашей относитесь друг к другу как жены-соперницы, — сказала она Бихари, — стоит ей вас увидеть, как она почему-то обращается в бегство.

Смушенная Аша сердито подтолкнула подругу.

— Это оттого, что всевышний не создал меня привлекательным, — смеясь, ответил Бихари.

— Слышишь, милая сестра? Господин Бихари, оказывается, очень находчив! Не осуждая твоего вкуса, он всю вину взвалил на всевышнего. Но твоя вина в том, что к деверю красивому, как Лакшман, ты не научилась ласково относиться.

— Ну, если вы жалеете меня, Биноди-ботхан, я очень рад, мне больше не о чем грустить.

— Увы! На свете существуют моря, но ведь птица чатака почему-то утоляет жажду только дождевой водой!

Аша, вырвавшись от Бинодини, вышла. Бихари тоже хотел уйти, но Бинодини неожиданно спросила:

— Господин Бихари, объясните мне, что творится с Мохендро?

Услыхав этот странный вопрос, Бихари обернулся.

— Я ничего не заметил. А разве что-нибудь случилось?

— Не знаю, но мне не нравится его состояние.

Бихари в волнении опустился на стул. Ожидая разъяснения, он с тревогой смотрел на Бинодини, но та сосредоточенно вышивала и не говорила ни слова.

— Вы заметили что-нибудь в поведении Мохендро? — спросил он наконец.

— Откуда мне знать, Бихари-бабу, но мне все это не нравится. Я беспокоюсь за Ашу. — Она тяжело вздохнула и отложила работу, словно собираясь встать.

Бихари взволнованно сказал:

— Не уходите, останьтесь!

Бинодини открыла в комнате все окна и двери, зажгла лампу и села со своим вышиванием на тахту.

— Бихари-бабу, — сказала она, — долго я здесь не пробуду, когда уеду, присматривайте за Ашей. Только бы она была счастлива. — И Бинодини отвернулась, словно подавляя глубокий вздох.

— Вы должны остаться! — воскликнул Бихари. — Ее судьба зависит только от вас, оберегайте эту чистую девочку! Если вы бросите ее, я не знаю, что с ней будет!

— Вы же знаете жизнь, Бихари-бабу. Как могу я остаться здесь навсегда? Что скажут люди?

— Люди? Да пусть говорят что угодно, не обращайтесь внимания. Вы — настоящая богиня, защитите беспомощную девочку от жестоких ударов жизни — дело достойное вас. Я вначале не понял вас, ботхан, простите меня. Как и прочие мелкие людишки, я плохо думал о вас. Иногда мне даже казалось, что вы завидуете счастью Аши, что вы... даже и сказать грешно. Но потом я узнал ваше доброе сердце. Велико мое уважение к вам, и я не был бы спокоен, если бы не повинился перед вами.

Бинодини почувствовала себя счастливой. Она обманывала всех, но, несмотря на это, уважение Бихари приняла как должное. Ни от кого еще не получала Бинодини такого ценного дара — уважения! На какое-то мгновение она в самом деле почувствовала себя честной, благородной женщиной, и искренняя жалость к Аше вызвала у нее слезы. Она не скрыла их от Бихари. Эти слезы уверили Бинодини, что она и вправду достойна уважения.

Увидев, что Бинодини плачет, Бихари вышел, чтобы скрыть свое волнение. Он отправился к Мохендро, недоумевая, отчего тот вдруг назвал себя скотиной, но комната друга была пуста. Ему сказали, что Мохендро ушел гулять. Прежде Мохендро никогда не выходил из дома просто так. Казалось, его утомляло и раздражало все, что находилось вне дома, — незнакомые люди, непривычная обстановка.

В глубокой задумчивости Бихари медленно направился к своему дому.

Между тем Бинодини привела Ашу к себе в спальню и, обняв ее, со слезами на глазах воскликнула:

— О моя дорогая, до чего же я несчастна! Я приношу людям одно горе.

— Что ты, милая, зачем так говорить! — встревожилась Аша.

Бинодини, как обиженный ребенок, спрятала у нее на груди лицо и проговорила:

— Всюду я приношу одно несчастье. Отпусти меня, разреши мне вернуться в мои джунгли.

— Дорогая моя Лакшми! — воскликнула Аша, приподнимая за подбородок лицо Бинодини. — Не говори так! Я не могу жить без тебя! Скажи мне, что случилось?

Между тем, так и не дойдя до дома, Бихари решил под каким-нибудь предлогом вернуться, чтобы попросить Бинодини откровенно рассказать ему об опасениях насчет Мохендро и Аши. Решено! Он передаст через Бинодини, что придет утром завтракать к Мохендро. Но на пороге он вдруг остановился, увидев при свете лампы двух обнявшихся друг друга. Аше неожиданно пришла в голову мысль, что Бихари, наверное, нагрубил Бинодини или как-то ее обидел, и поэтому та заговорила об отъезде.

— Нехороший Бихари-бабу! — выпалила Аша. — У него только плохое на уме! — И, рассерженная, она вышла из комнаты.

Попрощавшись с Бинодини, Бихари ушел взволнованный и исполненный еще большего уважения к Бинодини.

Вечером Мохендро сказал Аше:

— Чуни, завтра я уезжаю утренним пассажирским в Бенарес.

— Зачем? — Сердце Аши болезненно сжалось.

— Давно не видел тетю Аннапурну, нужно навестить ее.

Аше стало стыдно. Ей самой следовало бы подумать об этом. Из-за собственных переживаний она совсем забыла о своей дорогой тете. Теперь, когда Мохендро вспомнил о живущей на чужбине отшельнице, Аша стала укорять себя за черствость.

— Уходя от мира, тетя вверила мне свое единственное сокровище, — продолжал Мохендро, — и я не успокоюсь, пока не навещу ее.

Голос его неожиданно прервался. Мохендро медленно провел рукой по лбу Аши, словно хотел передать ей свое

молчаливое благословение и пожелание счастья. Аша не поняла истинного смысла его волнения, но, тронутая до глубины души, расплакалась.

Неожиданно ей вспомнился порыв нежности Бинодини и ее слова. Аша была далека от мысли, что между этими двумя изъятиями чувств существует какая-то связь.

Но почему-то ей казалось, что сегодняшний день положит начало чему-то новому в ее жизни — плохому ли, хорошему, — как знать?

Испуганная и взволнованная, Аша крепко обняла Мохендро. Он почувствовал смутный страх жены и постарался успокоить ее.

— Не бойся, Чуни. С тобой благословение тети. Ради твоего счастья она покинула мир, поэтому ничто не может грозить тебе!

Аша успокоилась и постаралась отогнать прочь свои страхи. Как могущественный талисман приняла она благословение мужа. Мысленно она склонялась к святым стопам тети Аннапурны и горячо молила, чтобы ее Мохендро всегда был счастлив.

На следующий день Мохендро уехал, не попрощавшись с Бинодини. «Сам виноват, а на меня сердится! — говорила себе Бинодини. — Таких святош я еще не видела! Ну ничего, недолго он продержится!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Аннапурна после длительной разлуки вновь увидела Мохендро, в первую минуту она почувствовала не только радость, но и страх. Ей показалось, что Мохендро опять поссорился с матерью из-за жены и приехал к ней за утешением. С детства Мохендро привык в самые трудные и горькие минуты обращаться к своей тете. Рассердится на кого-нибудь — Аннапурна смягчит его гнев, расстроен — она посоветует, как легче перенести горе. Но после свадьбы Аннапурна уже ничем не могла помочь ему, даже успокоить его была не в силах. Ее вмешательство лишь разжигало возмущение Мохендро против семьи. Как только Аннапурна поняла это, она сразу же уехала.

Подобно тому как несчастная мать спешит выйти из комнаты, когда ребенок с плачем просит пить, а доктор запретил давать ему воду, так и Аннапурна заставила себя уехать в чужие края. За выполнением ставших привычными обрядов она начала забывать мир, который оставила навсегда. Мохендро же своим неожиданным приездом мог разбередить ее раны.

Однако Мохендро не стал жаловаться на то, как мать относится к Аше. Тогда опасения Аннапурны направились по иному руслу: почему Мохендро, который никогда раньше не оставлял Ашу, даже ради занятий в колледже, теперь решил отправиться к тетке в Бенарес? Может, ослабли узы, соединяющие его с Ашей?

— Мохим, дорогой, заклинаю тебя, скажи, как Чуни? — спросила она с беспокойством.

— Чуни? Прекрасно, тетя!

— Чем она теперь занимается, Мохим? Вы и сейчас все ребячитесь или за ум взялись?

— С ребячеством покончено. «Чарупатх» — причина всех ссор — девался неизвестно куда. Теперь ты была бы очень довольна нами: если долг жены — пренебрегать науками, то Чуни выполняет этот долг очень старательно.

— А что поделывает Бихари?

— Занимается всеми делами, кроме своих собственных. Управляющий ведет его дела и следит за поместьем. Правда, чьи интересы он при этом соблюдает, не знаю. У Бихари всегда так получается. За его делами следят другие, а он сует свой нос в чужую жизнь.

— Уж не собирается ли Бихари жениться, Мохим?

— Что ты! По-моему, у него к этому нет ни малейшей охоты! — усмехнулся Мохендро.

Эти слова болью отозвались в сердце Аннапурны. Она то прекрасно знала, как хотел Бихари жениться на ее племяннице, но это его желание было безжалостно растоптано. В ее ушах до сих пор звучали горькие слова Бихари: «Только уж, пожалуйста, больше никогда не просите меня жениться, тетя». Она была безутешна, сознавая, какой удар нанесла своему дорогому Бихари. «Неужели он все еще думает об Аше?» — с испугом подумала Аннапурна бледнея.

Между тем Мохендро полушутя-полусерьезно передавал тетке новости их домашней жизни. О Бинодини он не обмолвился ни словом.

В колледже возобновились занятия, и Мохендро не мог долго задерживаться в Бенаресе. С Аннапурной он чувствовал себя легко и спокойно, как чувствует себя человек, вышедший на свежий воздух после тяжелой болезни. Поэтому он со дня на день откладывал свой отъезд. Недовольство собой, которое последнее время так угнетало его, прошло без следа. Всего несколько дней провел он рядом с приветливой и благочестивой тетей Аннапурной, и исполнение семейного долга начало казаться ему настолько легким и приятным, что прежние опасения стали попросту смешны. Бинодини перестала для него существовать. Он даже не мог ясно представить себе ее лицо.

«Пусть в моем сердце будет всегда только Аша, больше я никого знать не желаю», — решил в конце концов Мохендро.

— Тетушка, — сказал он Аннапурне, — в колледже уже начались занятия, я должен ехать. Хоть ты и окончательно отошла от всего, что связано с мирской жизнью, разреши мне все же иногда навещать тебя.

Когда, вернувшись домой, Мохендро передал Аше подарок от тети — коробочку с синдуром и кувшин из белого камня с инкрустацией, Аша расплакалась.

Ей вспомнилась терпеливая, нежная и любящая тетя, обиды, которые приходилось сносить ей от самой Аши и от Раджлокхи, и у нее стало тяжело на сердце.

— Мне так хочется съездить к тете, получить ее прощение! — сказала она Мохендро.

Мохендро понимал состояние Аши и согласился отпустить ее на несколько дней в Бенарес. Но снова пропускать занятия, чтобы проводить Ашу, ему не хотелось. Тогда Аша сказала, что может отправиться со своей тетей, которая тоже едет в Бенарес.

Когда Мохендро сказал Раджлокхи о намерении Аши, та с иронией заметила:

— Конечно, раз твоя жена желает, пусть едет. И ты поезжай с ней, поезжай! — Ей очень не нравилось, что сын навестил Аннапурну. Узнав, что и Аша едет туда, Раджлокхи совсем рассердилась.

— У меня занятия, я не смогу проводить Ашу, — ответил Мохендро. — Она отправится с семьей своей старшей тетки.

— Прекрасно! Какая великая честь выпала на ее долю! Ведь наши родственники такие богачи, что и знать нас не желают.

Насмешливый тон матери рассердил и обидел Мохендро. Он ушел, ничего не ответив, и твердо решил отправить Ашу в Бенарес.

Пришел Бихари.

— Слышал новость, Бихари? Наша невестка хочет ехать в Бенарес!

— Что ты говоришь, ма! Неужели Мохиму снова придется пропускать занятия?

— Нет-нет. Зачем ему провожать жену? Это было бы старомодно. Мохим останется, а невестка отправится с семьей своей благородной тетушки. Теперь все воображают себя важными особами!

Бихари встревожился, но вовсе не потому, что Аша собиралась ехать с тетушкой. «В чем дело? — спрашивал он себя. — То Мохендро уехал один в Бенарес, теперь Аша собирается ехать. Неужели между ними разлад? Долго ли это будет продолжаться? И мы, их друзья, ничем не можем помочь? Остаемся в стороне?»

Раздраженный разговором с матерью, Мохендро сидел в спальне. Бинодини теперь его избегала. Напрасно уговаривала Аша подругу поговорить с Мохендро.

— Аша-ботхан едет в Бенарес? — спросил Бихари, входя в спальню.

— А почему бы ей не поехать?

— Что это вдруг вам пришло в голову?

— Видишь, ли, — съязвил Мохендро, — у людей еще иногда возникают такие чувства, как тревога за родственников, живущих на чужбине, или просто желание повидать их.

— Ты проводишь Ашу?

Мохендро решил, что Бихари тоже не одобряет поездку Аши с теткой. Но, не желая показать Бихари свое раздражение, он не стал ничего объяснять, лишь сказал, что Аша едет без него.

Бихари хорошо знал Мохендро и сразу понял, что тот злится. А уж если Мохендро заупрямится, его не

переспоришь, — это тоже было известно Бихари. Поэтому он не стал уговаривать Мохендро сопровождать жену. Но подумал, что было бы лучше, если бы рядом с Ашей была Бинодини, а не тетка. Она сумела бы ободрить и утешить Ашу.

— Разве нельзя отправить с ней Биноди-ботхан? — осторожно спросил Бихари.

Мохендро не выдержал.

— Говори прямо, что ты имеешь в виду! — загремел он. — Нечего хитрить! Знаю, ты подозреваешь, что я влюблен в Бинодини! Ложь! Она мне ничуть не нравится! И нечего оберегать меня. Лучше о себе позаботься! Если ты и в самом деле такой бескорыстный друг, то надо было давно мне все высказать, а самому держаться подалеже от онтохпура своего друга. Скажу тебе прямо: ты любишь Ашу, в этом все дело!

Как раненый, несмотря на страшную боль, стремительно бросается вперед, чтобы нанести врагу ответный удар, так и смертельно бледный, утративший дар речи Бихари вскочил со стула и хотел кинуться на Мохендро. Но внезапно он остановился и, с трудом овладев собой, произнес:

— Да простит тебя бог. Я уйду. — И он вышел нетвердым шагом.

Из соседней комнаты навстречу ему выбежала Бинодини.

— Бихари-бабу!

Бихари прислонился к стене и, пытаясь улыбнуться, спросил:

— Что случилось, Биноди-ботхан?

— Я поеду в Бенарес с Ашей.

— Нет, нет! — воскликнул Бихари. — Это невозможно! Не надо этого делать! Прошу вас, не придавайте значения моим словам. Я здесь посторонний и не желаю ни во что вмешиваться — из этого ничего хорошего не выйдет. Вы добры, Биноди-ботхан, словно сама богиня; поступайте, как подскажет вам сердце. — И Бихари, почтительно поклонившись ей, направился к выходу.

— Послушайте, Бихари, я совсем не богиня! — крикнула ему вслед Бинодини. — Я не знаю, что будет, если вы уйдете! Не вините меня потом.

Но Бихари ушел. Мохендро продолжал сидеть неподвижно. Бинодини, бросив на него горящий негодованием взгляд, скрылась в соседней комнате. Там ожидала ее Аша. После того как Мохендро заявил, будто Бихари влюблен в нее, она не могла поднять головы от стыда. Но Бинодини не чувствовала ни малейшей жалости к ней в ту минуту. Если бы Аша посмотрела на нее, она испугалась бы, встретив взгляд Бинодини, полный слепой ярости.

Мохендро сказал, что это неправда! Значит, она, Бинодини, никому не нужна. Все влюблены в эту скромницу, в эту смазливую куклу!

Как-то под влиянием настроения Мохендро в разговоре с Бихари назвал себя скотиной. С тех пор он стал опасаться, что Бихари обо всем догадался. Но ведь это неправда, Бинодини несколько ему не нравится, а Бихари уверен, что он, Мохендро, влюблен в нее!

Мохендро чувствовал, как растет его раздражение против Бихари. После того случая ему стало казаться, что Бихари каждый раз ищет в его словах какой-то скрытый смысл. Раздражение все накапливалось, пока наконец от легкого толчка не прорвалось наружу.

Волнение Бинодини, когда она кинулась вслед за Бихари, пытаясь его удержать, ее умоляющий голос, ее готовность последовать совету Бихари и сопровождать Ашу в Бенарес — все это явилось для Мохендро совершенной неожиданностью и нанесло тяжелый удар его самолюбию.

Но ведь он сам сказал, что не влюблен в Бинодини, что она не нравится ему, почему же все случившееся лишило его покоя? «Зачем я сказал, что не люблю ее, — твердил про себя Мохендро. — О, как жаль, что она слышала это!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Конечно, было жестоко с моей стороны говорить, что мне ничуть не нравится Бинодини, — размышлял Мохендро. — Я не влюблен в нее, разумеется, но прямо заявить об этом было просто грубо. Какую женщину это не задело бы? Теперь, пожалуй, не оправдаюсь перед ней. То, что

я чувствую, — не совсем любовь. Но надо как-нибудь загладить свою грубость! Нехорошо, если у Бинодини останется горький осадок после того разговора».

Мохендро достал из ящика стола письма, которые прислала ему Аша, и снова перечитал их. «Несомненно, Бинодини любит меня. Но зачем тогда она так держала себя с Бихари? Наверное, я виноват в этом. Я сказал, что не люблю ее, — поэтому и она решила показать свое презрение ко мне! Теперь она с горя способна полюбить и Бихари!» — размышлял он.

Мохендро сам был смущен и напуган тем, что так близко принял к сердцу все происшедшее. Допустим, Бинодини слышала, как он сказал Бихари, что не любит ее. Допустим, она действительно оскорбилась и постарается забыть его — какое ему до этого дело?

Как якорная цепь во время шторма дергает якорь, будто проверяя его прочность, так и у Мохендро в минуту душевного смятения появилось желание испытать прочность уз, которые связывали его с Ашей. Ночью, прижав ее голову к своей груди, он спросил:

— Скажи правду, Чуни, ты сильно любишь меня?

«Что за странный вопрос? — подумала Аша. — Неужели, если Бихари пришла в голову постыдная мысль, то и на нее, Ашу, пала тень подозрения?»

Пылая от стыда, она ответила:

— Как ты можешь спрашивать меня об этом? Разве у тебя был повод усомниться в моей любви?

Тогда Мохендро, желая измерить глубину ее любви и нисколько не заботясь о том, что заставляет Ашу страдать, спросил:

— Почему же ты хочешь ехать в Бенарес?

— Не хочу я ехать в Бенарес! Никуда я не поеду!

— Но хотела же...

— Ты ведь знаешь, почему я хотела ехать! — воскликнула Аша, вконец измученная этим разговором.

— Тебе, наверное, лучше с тетей, чем со мной, — продолжал Мохендро.

— Нет, конечно нет! И не ради удовольствия я хотела туда ехать!

— По правде говоря, Чуни, ты была бы гораздо счастливее, если бы вышла замуж за кого-нибудь другого.

Услышав эти слова, Аша выскользнула из объятий Мохима, спрятала лицо в подушку и замерла. Через мгновение послышались ее рыдания. Мохендро попытался обнять жену и успокоить, но Аша была холодна и неподвижна. Видя, как оскорбили Ашу его слова, и убедившись в силе ее любви, Мохендро почувствовал, что сердце его забилося от гордости и счастья.

То, о чем раньше боялись даже думать, Мохендро произнес вслух, — и это вызвало целую бурю в умах всех домашних. Бинодини досадовала, что Бихари сразу не отверг нелепого обвинения Мохендро. Даже если бы оно оказалось верным, но Бихари все отрицал, она осталась бы довольна. В конце концов она решила, что Мохендро правильно поступил, сказав все Бихари. «Зачем Бихари, такой умный, влюбился в эту девочку? Хорошо, что Мохендро одним ударом отбросил его далеко от Аши». Так думала Бинодини, успокаивая себя.

Смертельно бледное лицо Бихари все время преследовало ее. При воспоминании об этом измученном лице в Бинодини страдала любящая женщина. Как мать нянчит больного ребенка, так Бинодини вынашивала в своем сердце этот скорбный образ. В душе ее поднялось непреодолимое желание вернуть Бихари к жизни, снова увидеть на его лице румянец и дыхание радости, проблеск улыбки. Несколько дней провела так Бинодини, волнуемая этими мыслями, равнодушная ко всем домашним делам, и наконец не выдержала — написала Бихари письмо: «Тхакурпо! С тех пор как я увидела ваше лицо, окаменевшее от обиды, я всем сердцем желаю, чтобы вы успокоились и стали таким, как прежде. Когда я снова увижу вашу простую улыбку, услышу вашу искреннюю речь?

Известите меня запиской, как себя чувствуете. Ваша Биноди-ботхан».

Бинодини отослала письмо с привратником.

Бихари и в голову не приходило, что Мохендро способен так открыто, так грубо сказать о его, Бихари, чувствах к Аше. Ведь сам Бихари никогда не признавался себе в том, что любит ее. Вначале слова Мохендро словно громом поразили его; потом, задыхаясь от гнева и презрения, он мог лишь повторять: «Какое несправедливое,

какое гнусное обвинение!» Но сказанного не воротить. Крохотное семя правды, которое было в обвинении Мохендро, проросло и стало бурно развиваться. Снова и снова вспоминалось Бихари освещенное заходящим солнцем личико стыдливой девочки. Ведь было время, когда Бихари со сладким волнением в душе называл Ашу своей. Воспоминание о восторженном взгляде, каким он смотрел тогда на Ашу, до сих пор преследовало его, и временами он впадал в тяжелое отчаяние, от которого становилось трудно дышать. Все, что было туманным, непонятым для него в те долгие ночные часы, когда он лежал без сна на крыше или беспокойно шагал перед домом, вдруг приобрело отчетливые очертания. Долго сдерживаемое чувство вырвалось из глубины его сердца. То, во что он сам прежде не верил, теперь, после слов Мохендро, возникло перед ним с неумолимой очевидностью.

И тогда Бихари обвинил во всем себя. «Не возмущаться мне надо было, — думал Бихари, — а вымолить у Мохендро прощение и уйти. В тот день я вел себя так, будто Мохендро — преступник, а я — обвинитель. Надо пойти и признаться, что я был не прав!»

Бихари думал, что Аша уехала в Бенарес. Поэтому однажды вечером он нерешительно подошел к дверям дома Мохендро, где встретил Шадхучорона, дальнего родственника Раджлокхи.

— Шадху-да, я несколько дней не был здесь. Как у вас, все здоровы?

— Да, слава богу.

— Когда уехала Аша-ботхан? — спросил Бихари.

— Она не уезжала и, кажется, не собирается.

Услышав это, Бихари забыл обо всем. Ему захотелось снова оказаться на женской половине дома. Как просто и легко поднимался он прежде по знакомой лестнице, входил в комнаты, весело шутил со всеми! От сознания, что теперь он уже не может так себя вести, у Бихари мутился рассудок. О, если бы еще хоть раз, последний раз войти сюда, как прежде, по-сыновнему поболтать с Раджлокхи, назвать закутанную в покрывало Ашу «ботхан», сказать ей несколько ничего не значащих слов! Сейчас это казалось ему таким счастьем.

— Что же ты стоишь в темноте? — сказал Шадхучорон. — Входи в дом.

Бихари сделал было несколько шагов, но тут же пошел обратно.

— Нет, нет, я пойду, у меня дела, — пробормотал он и торопливо удалился.

В ту же ночь Бихари уехал в Западные провинции.

Привратник, который носил ему письмо Бинодини, вернулся домой. Мохендро в это время прогуливался в садике перед домом. Заметив конверт в руке привратника, он спросил:

— Кому письмо?

Привратник ответил. Тогда Мохендро взял у него конверт. Он решил, что сам отдаст его Бинодини, посмотрит, как она смутится, но не скажет ей ни слова. В том, что Бинодини смутится, он не сомневался. Мохендро вспомнил, что до этого было еще одно письмо на имя Бихари. Он места себе не находил, сгорая от любопытства, стараясь убедить себя, что несет ответственность за судьбу Бинодини, раз она находится на его попечении. И наконец решил, что вскрыть это подозрительное письмо — его прямая обязанность. Нельзя же допустить, чтобы Бинодини сбилась с пути! Мохендро распечатал конверт. Письмо было написано просто, в нем чувствовалось неподдельное участие к Бихари. Мохендро, несколько раз прочитав письмо, долго раздумывал над ним, но так и не смог разобраться в истинных чувствах Бинодини. Может быть, оскорбленная его равнодушием, Бинодини пытается теперь обратить на себя внимание другого? Ведь от досады она даже Ашу совсем забыла. Придя к такому выводу, Мохендро решил действовать немедленно. Он возмущался при одной мысли, что ту самую Бинодини, которая, казалось, уже отдала ему свое сердце, из-за какой-то минутной глупости он может потерять. «Если Бинодини тайно влюблена в меня, то ей это принесет только пользу, — рассуждал про себя Мохендро, — привяжет ее к нашему дому. Я знаю, что никогда не поступлю с ней бесчестно. Я могу лишь позволить ей любить меня, но сам всегда буду верен Аше. Если же Бинодини вдруг полюбит кого-либо другого, тогда бог знает что может случиться!» И Мохендро решил при первом же удобном случае вер-

нать симпатии Бинодини. Сам же он, разумеется, не даст себя увлечь.

Мохендро вошел на женскую половину дома и сразу же увидел Бинодини; она быстро обернулась, словно с терпением ожидая кого-то. В сердце Мохендро вспыхнула ревность.

— Напрасно ждете, — сказал он. — Ваше письмо вернулось обратно. — И он швырнул ей конверт.

— Но оно распечатано?!

Мохендро вышел, ничего не ответив.

Бинодини решила, что Бихари, прочтя письмо, отослал его обратно. Кровь сотнями молоточков застучала у нее в висках. Бинодини послала за привратником, который отнес письмо, но его не оказалось на месте. Как от зажженного светильника разлетаются брызги шипящего масла, так и из горящих глаз Бинодини вдруг брызнули горькие слезы. Она изорвала на мелкие клочки свое письмо, но это не принесло ей успокоения. О, если бы можно было вычеркнуть эти несколько строк, эти несколько букв из прошлого, из настоящего, чтобы их совсем не было.

Как разозленная оса, которая жалит каждого, кто ей попадется, Бинодини готова была погубить весь мир. Он вздумал оттолкнуть ее, Бинодини?! Ни в чем ей нет удачи! Пусть счастье не для нее, но теперь она не успокоится, пока не повергнет в прах всех, кто помешал ее счастью, кто разбил ее надежды, кто лишил ее самого драгоценного в жизни!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как-то в один из теплых вечеров месяца фальгун Аша, расстелив циновки, отдыхала на крыше, с увлечением читая при меркнувшем свете дня журнал. После долгой разлуки герой рассказа возвращался домой на праздник Пуджи и вдруг попал в руки разбойников. Сердце Аши учащенно билось. Бедная героиня в этот самый момент увидела дурной сон и с плачем проснулась. Аша тоже не смогла удержаться от слез. Она была горячей поклонницей бенгальских рассказов, и все в них казалось ей замечательным.

— Песчинка, милая, — говорила она Бинодини, — обязательно прочти этот рассказ. Он такой трогательный! Я все время плакала, когда читала его.

Бывало, что Бинодини вдруг принималась критиковать рассказ, тогда наивные восторги Аши подвергались довольно чувствительному удару.

Кончив читать, Аша закрыла журнал и решила отнести его Мохендро, чтобы и он прочел рассказ, но Мохендро в это время сам поднялся к ней.

При виде мужа смутная тревога сжала сердце Аши.

— Ну, какой счастливеец занимает твои мысли, пока ты сидишь тут одна? — обратился Мохендро к жене, пытаясь казаться жизнерадостным и беззаботным.

Но Аша уже позабыла обо всех злоключениях героев и героинь.

— Уж не заболел ли ты? — спросила она.

— Нет, я здоров.

— Кажется, тебя беспокоит что-то, скажи мне, что случилось?

Мохендро взял пан из коробочки, положил его в рот и сказал:

— Я сейчас думал о бедной тете Аннапурне, она давно не видела тебя. Как бы она обрадовалась твоему приезду!

Не отвечая, Аша молча смотрела на Мохендро. Она не могла понять, почему он снова заговорил об этом.

— Разве тебе не хочется ехать?

Аше было нелегко ответить на этот вопрос. Конечно, ей хотелось повидать тетю, но оставить Мохендро она не могла.

— Поедем, когда у тебя будут каникулы... — сказала она.

— Я и в каникулы не смогу. Нужно будет готовиться к экзаменам.

— Тогда нечего говорить об этом. Ведь не обязательно же мне ехать.

— Но почему же? Почему не поехать, если хочется?

— Мне не хочется.

— Раньше так просила, а теперь вдруг расхотелось!

Аша сидела, опустив глаза, и молчала. Если бы Аша уехала, Мохендро легче было бы помириться с Бинодини. Однако Аша молчала, и он вдруг почувствовал беспричинное раздражение против жены.

— Может быть, ты меня подозреваешь в чем-нибудь? — неожиданно обратился он к Аше. — Поэтому намерена следить за мной днем и ночью?

Обычная мягкость, покорность и терпение Аши вдруг показались ему невыносимыми. «Хочет схать, так и сказала бы: поеду! Отправляй меня как знаешь! Так нет же: то «да», то «нет», а то сидит и молчит. Что же это такое, в самом деле!»

Аша заметила раздражение Мохендро и перепугалась. Она стала лихорадочно думать, что бы ответить ему, но не находила слов. Аша не понимала, почему Мохендро бывает теперь с ней то очень нежен, то неожиданно груб. Но чем непонятнее становились для нее поступки Мохендро, тем сильнее тянулось к нему ее трепетное сердце.

Она, Аша, подозревает Мохендро, выслеживает его?! Что это — злая насмешка или несправедливое подозрение? Клясться, что это не так, или обратить все в шутку?

Аша продолжала молчать. Мохендро, потеряв терпение, резко повернулся и вышел.

Последние отблески солнечных лучей исчезли, наступили сумерки, теплый весенний ветер сменился вечерней прохладой, а бедная Аша все еще лежала ничком на циновке.

Когда глубокой ночью она заглянула в спальню, то увидела, что Мохендро лег без нее. Аша подумала, что Мохендро стал презирать ее за равнодушие к тете Аннапурне.

Аша присела на постель, обняла его ноги и замерла. Тогда Мохендро, сжалившись, попытался обнять ее, но Аша не поднималась.

— Прости, если я в чем-нибудь виновата, — шепнула она мужу.

— Ты ни в чем не виновата, Чуни, — растроганно ответил Мохендро. — Я просто скотина, что мучаю тебя напрасно.

Слезы брызнули из глаз Аши, орошая ноги Мохендро. Он встал и, взяв жену на руки, уложил рядом с собой. Аша немного успокоилась и снова заговорила:

— Неужели ты думаешь, что мне не хочется повидать тетью?! Но сердце мне подсказывает не оставлять тебя одного. Поэтому я и не поехала. Не сердись на меня, пожалуйста!

Нежно вытирая ее влажный лоб, Мохендро сказал:

— На что же мне сердиться, Чуни! На то, что ты не хочешь ехать без меня? Никуда тебе не нужно ездить!

— Нет, я все-таки поеду.

— Почему?

— Как ты мог подумать, что я подозреваю тебя! Но раз уж у тебя вырвались такие слова, я обязательно уеду хоть на несколько дней.

— Я виноват, а искупать вину должна ты?

— Может, я сама виновата в чем-то, иначе тебе и в голову не пришли бы такие странные мысли. Мне никогда и во сне не снилось, что я могу услышать от тебя что-нибудь подобное.

— А снилось тебе когда-нибудь, какой я дурной человек?

— Опять! — жалобно воскликнула Аша. — Не говори о себе так! Все равно я поеду в Бенарес.

Мохендро рассмеялся:

— Ну, хорошо, поезжай. А что, если я испорчусь тут без тебя, что тогда будет?

— Не пугай меня напрасно, а то я раздумаю и останусь.

— А подумать стоит. Такому мужу, как я, только дай волю! Кого потом будешь винить?

— Успокойся, не тебя!

— Может, себя?

— Сто раз!

— Ну хорошо, завтра я переговорю с твоим дядюшкой насчет поездки. — Заметив, что уже поздно, Мохендро повернулся было на другой бок, собираясь уснуть, но через минуту обернулся вдруг к Аше и сказал: — А может, тебе все-таки не стоит ехать, Чуни?

— Зачем ты споришь со мной? — умоляюще проговорила Аша.

— Если я не уеду, твой упрек будет всегда преследовать меня. Кроме того, я ведь уезжаю всего на несколько дней.

Накануне отъезда Аша обняла Бинодини и сказала:

— Милая Песчинка, обещай исполнить мою просьбу.

— Говори, дорогая, — ответила Бинодини, ласково ушипнув Ашу за щеку. — Разве могу я отказать тебе?

— Не знаю. В последнее время ты очень изменилась. Мужа моего даже видеть не желаешь.

— Почему не желаю? Ты сама знаешь, в чем дело. Разве ты не слышала, что Мохендро сказал Бихари-бабу? Ну, а если вообще пошли такие разговоры, я думаю, мне не следует появляться на вашей половине. Разве я не права?

Аша чувствовала, что Бинодини права. Не укрылся от нее и постыдный смысл слов Бинодини. И все же Аша сказала:

— Мало ли глупостей говорят! Чего стоит наша любовь, если мы будем обращать на все внимание! Ты должна об этом забыть.

— Хорошо, забуду.

— Завтра я уезжаю, присмотри за моим мужем. И не избегай его, как ты делала до сих пор.

Бинодини долго молчала. Тогда Аша, схватив ее за руку, стала просить:

— Умоляю тебя, выполни, пожалуйста, мою просьбу.

— Хорошо, — сказала наконец Бинодини.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда на одном краю неба заходит луна, на другом встает солнце. Но Аша уехала, а Бинодини все еще не появлялась на горизонте Мохендро. Он бродил по дому, то и дело под разными предлогами заглядывал в комнату матери, но Бинодини по-прежнему ускользала от него.

Раджлокхи заметила, что Мохендро ходит с каким-то отсутствующим видом, ничем не может заняться. И решила, что сын потерял покой из-за отъезда жены. Ее больно ранила мысль о том, что теперь мать, видно, совсем

уже не нужна ему. Потерянный и унылый вид сына встревожил Раджлокхи, и она позвала Бинодини.

— Я стала сильно задыхаться после болезни, — сказала она. — Сегодня шла по лестнице, думала — не поднимусь. Тебе, доченька, самой придется присматривать за Мохимом. Он ведь привык, чтобы о нем всегда кто-нибудь заботился. Посмотри, что с ним стало после отъезда жены. Да и жена тоже хороша! Зачем только она уехала?

Бинодини слушала молча, чуть отвернувшись, пальцы ее нервно теребили бахрому покрывала на постели.

— Ну, что ты об этом думаешь? — продолжала Раджлокхи. — Да тут и думать нечего, умница моя. Что ни говори, ты нам не чужая!

— Пожалуйста, не уговаривайте меня, ма.

— Ах, так? Ну что ж, хорошо! Я сама буду делать что смогу. — И Раджлокхи встала, собираясь идти на третий этаж убирать комнату Мохендро.

Но Бинодини остановила ее:

— Вы же больны, тетя, не ходите туда, — с тревогой сказала она. — Я сделаю все, как вы велите. Простите меня!

Раджлокхи давно привыкла не обращать внимания на то, что говорят окружающие. После смерти мужа она не признавала в этом мире никого, кроме Мохендро.

Одна мысль, что люди могут сплетничать о ее сыне и Бинодини, приводила ее в негодование. Она привыкла считать, что лучше ее сына нет никого на свете. И люди посмели осуждать его?! Да чтоб язык отсох у того, кто занимается этими сплетнями! Раджлокхи была упряма в своих вкусах и суждениях и поэтому всегда пренебрегала мнением окружающих.

Когда в тот день Мохендро, возвратившись из колледжа, вошел в свою комнату, он был поражен. Комната благоухала сандалом и душистыми смолами; к сетке от москитов был прикреплен шнур из розового шелка; на низкой тахте сверкало белизной покрывало, а вместо старых валиков лежали четырехугольные европейские подушечки, расшитые шелком и шерстью. Это рукоделие было плодом долгого труда Бинодини. Аша частенько допытывалась у нее, для кого она вышивает эти подушки. «Для своего

смертного ложа, — со смехом отвечала Бинодини. — Ведь у меня не может быть другого жениха, кроме Ямы».

В рамке на стене висела фотография Мохендро. В каждом углу рамки был красиво завязан бант из цветных лент. Под фотографией на треножнике, словно приношение неизвестного почитателя изображению Мохендро, с обеих сторон стояли вазы с цветами. Аккуратно прибранная комната приняла совсем иной вид. Постель была немного отодвинута, комната делилась на две части: высокие вешалки с развешанной на них одеждой, стоявшие перед широкой тахтой, служили своего рода ширмой. Благодаря им тахта и постель оказались совершенно отделенными друг от друга. На дверце шкафчика, в котором обычно лежали любимые безделушки и китайские куклы Аши, была сделана драпировка из красной шали. Самих безделушек в шкафчике уже не было. Все, что в этой комнате хоть сколько-нибудь напоминало о прошлом, совершенно исчезло благодаря перестановке, сделанной руками другой женщины.

Усталый Мохендро опустился на чистую постель, но едва он коснулся головой подушки, как сразу почувствовал нежный аромат — в подушку были положены душистые травы. Мохендро закрыл глаза, и ему стало казаться, что до него доносится аромат нежных, как лепестки чампака, пальцев той, которая касалась этой подушки.

Вошла служанка с подносом, на котором были фрукты, сладости и стакан холодного ананасного шербета. Все не походило теперь на то, что было прежде, во всем были видны забота и аккуратность.

Вид комнаты, аромат цветов, вкусная еда и новизна всей обстановки обострили чувства Мохендро. Когда он кончил есть, в комнату неторопливо вошла Бинодини, неся ему серебряную коробочку с бетелем и пряностями; она сказала улыбаясь:

— Простите меня, господин, эти несколько дней я не могла присутствовать при вашей трапезе. Только прошу вас, не жалуйтесь моей Аше, что за вами плохо ухаживали. Я делаю, что могу, для вас... Но ведь на моих плечах все хозяйство. — И Бинодини протянула Мохендро коробочку с бетелем. Даже у бетеля был сегодня какой-то особый аромат.

— Я хотел бы, чтобы в ваших заботах обо мне всегда были какие-нибудь упущения, тогда бы вы оставались в долгу передо мной.

— Зачем это вам?

— О, я бы требовал проценты.

— И много их уже набралось, этих процентов, господин ростовщик?

— Во-первых, вас не было во время обеда — это следует возместить, и еще мне кое-что причитается.

— Вы все учитываете, как настоящий ростовщик! Попадешь к вам в руки, потом не вырвешься, — со смехом проговорила Бинодини.

— А что толку? Что с вас возьмешь?

— Верно, взять с меня нечего, и все же вы держите меня в заключении...

Внезапно погрузнев, Бинодини тихонько вздохнула.

— Разве этот дом — тюрьма для вас? — серьезно спросил Мохендро.

Слуга внес лампу, поставил ее на треножник и ушел.

Прикрыв глаза ладонью от яркого света, Бинодини ответила, потупившись:

— Тюрьма?.. Не знаю... Мне трудно с вами спорить. Ну, я пойду, у меня дела...

Вдруг Мохендро схватил ее руку и, крепко сжав, сказал:

— Но если вы смирились с оковами, зачем бежать?

— Пустите меня, как вам не стыдно! К чему удерживать того, кому все равно бежать некуда? — Бинодини решительно вырвалась от Мохендро и быстро вышла.

Мохендро откинулся на благоухающую подушку. Сердце его учащенно билось. Это безмолвие сумерек, пустая комната, ласковый весенний ветер... и сердце Бинодини, которое, кажется, бьется здесь, рядом с ним! Мохендро совсем потерял голову... Он погасил свет, запер дверь, опустил жалюзи и сразу же лег.

Постель тоже словно подменили, матрац стал гораздо мягче. И снова этот аромат — то ли сандаловое дерево, то ли еще что-то, — не разобрать. Мохендро ворочался с боку на бок, тщетно призывая и стараясь удержать в памяти прежние образы.

Часов около девяти вечера в запертую дверь постучали.

— Откройте, — услышал он голос Бинодини. — Вам принесли поесть.

Мохендро вскочил и кинулся было к двери. Он уже положил руку на засов, но... не открыл его.

Без сил опустился он на циновку.

— Нет, нет, я не голоден, я не хочу есть... — тихо сказал он.

— Может, вам нездоровится? — услышался снаружи встревоженный голос. — Хотите, я принесу воды или еще чего-нибудь?

— Нет, мне ничего не нужно.

— Не обманывайте меня, вы больны. Откройте!

— Нет, нет, — воскликнул Мохендро. — Ни за что! Уходите.

Он снова лег. В темноте он пытался отыскать на опустевшем ложе и в своем изменчивом сердце хотя бы память об отсутствующей Аше. Когда Мохендро наконец убедился, что ему не уснуть, он зажег лампу и сел за письмо к жене.

«Аша, возвращайся скорее, не оставляй меня одного, — писал он. — Ты Лакшми моя. Когда тебя нет, мои желания сбрасывают оковы и влекут меня куда-то. Но ничто не озарит дорогу, по которой я пойду. Мне нужен свет твоих любящих, доверчивых глаз. Приезжай скорее, моя вера, мое счастье, моя единственная! Успокой меня, защити, заполни мое сердце! Спаси меня от греха, от страшного кошмара забвения...»

Так изливался Мохендро перед Ашей. Много еще написал он ей за долгую ночь. Издалека чуть слышно донесся бой храмовых часов. Пробило три. Улицы притихли. Не стало слышно шума экипажей. Даже голос певицы, доносившийся из верхнего этажа соседнего дома, потонул в объившем землю сне и покое. Воспоминания об Аше и письмо, в котором он излил волновавшие его чувства, успокоили Мохендро. Он лег и тотчас же заснул.

Когда Мохендро проснулся, был уже день и в комнату заглядывало солнце. Он торопливо сел на постели. Теперь почему-то все события прошедшего вечера не казались ему такими серьезными. Мохендро встал, и вдруг

ему попало на глаза письмо, лежавшее на столике под чернильницей.

«Чего только я тут не написал! — думал он, перечитывая письмо. — Прямо как в романе! Хорошо еще, что не отослал. Что подумала бы Аша, если бы прочла все это! Скорее всего, она мало бы что поняла из написанного». Мохендро стало стыдно, что из-за пустяка он поддался слабости. Он изорвал письмо на мелкие клочки и написал Аше спокойную, коротенькую записку: «Долго ли ты еще пробудешь в Бенаресе? Если дядя пока не собирается возвращаться, напиши — я приеду за тобой. Без тебя скучно».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Аннапурна встревожилась, когда через несколько дней после отъезда Мохендро к ней явилась Аша, и поэтому принялась подробно расспрашивать племянницу.

— Ты так расхваливаешь свою подругу, Чуни, что можно подумать, будто лучше ее на свете нет, — сказала она.

— Это правда, тетя, я не преувеличиваю. Она умна, красива, а как хозяйничает!

— Ну, конечно, она твоя подруга, поэтому ты и видишь в ней одни достоинства. А что говорят о ней другие?

— Ма ею не нахвалится. Стоит лишь заикнуться, что Бинодини когда-нибудь уедет к себе в деревню, как ей плохо делается. Одна Бинодини умеет угодить Радж-локхи. Заболеет кто-нибудь из прислуги, Бинодини и за ними ухаживает, словно сестра или мать.

— Что думает о ней Мохендро?

— Ну, ты же его знаешь, он чувствует себя хорошо только в кругу самых близких. Все любят Песчинку, только Мохендро с ней до сих пор не в ладах.

— Что же это он?

— Если бы я сама не устраивала им встреч, он бы, пожалуй, совсем перестал с ней разговаривать. Ты же знаешь, какой он замкнутый. Люди думают, что он гордый. Но ведь это не так, тетя, просто он с очень немногими чувствует себя непринужденно.

Едва Аша сказала это, как ей сразу же стало стыдно своих слов, и щеки ее вспыхнули. Обрадованная Аннапурна усмехнулась про себя.

— А ведь верно, — сказала она, — когда Мохендро был здесь, он ни словом не обмолвился о твоей Песчинке.

— Вот нехороший, — обиженно сказала Аша. — Уж кого он невзлюбит, тот для него — пустое место. Держит себя так, будто никогда его и в глаза не видел.

— Зато если Мохим кого полюбил, то кажется, во всех рождениях только его одного и знал. Правда, Чуни? — с улыбкой заметила Аннапурна.

Аша молча опустила глаза и улыбнулась.

— Ну, Чуни, а что нового у Бихари? Он так и не собирается жениться?

Веселость Аши мгновенно пропала. Она не знала, что ответить. Встревоженная ее молчанием, Аннапурна воскликнула:

— Говори правду, Чуни! Бихари здоров?

У Аннапурны не было детей, и она любила Бихари, как сына. Здесь, на чужбине, ее постоянно угнетала мысль, что она не сможет навещать Бихари, когда тот обзаведется семьей. В ее тесном мирке жизнь текла размеренно и налаженно, но стоило ей вспомнить, как одинок Бихари, и она начинала раскаиваться в том, что ушла от мира.

— Не спрашивай, пожалуйста, меня о господине Бихари, тетя, — сказала наконец Аша.

— Почему?!

— Я не могу сказать. — проговорила Аша и вышла из комнаты.

«Неужели Бихари, мой ненаглядный мальчик, за это короткое время так изменился, что Аша даже имени его слышать не может? Чего не делает судьба! — размышляла Аннапурна. — Зачем только сватали за него Чуни! Как жаль, что Мохендро отнял Чуни у него!»

Думая об этом, она не могла сдержать слез. «Если даже мой Бихари и совершил что-нибудь недостойное, — говорила себе Аннапурна, — то нелегко это далось ему. Сам, наверное, пережил немало». Она представила себе горе Бихари, и сердце ее больно сжалось.

Вечером, когда Аннапурна молилась, около дома остановился экипаж. Кучер стал стучать в дверь.

— Ах, Чуни, я совсем забыла! Сегодня ко мне должна приехать из Аллахабада свекровь с двумя племянницами, — крикнула Аннапурна из моленной. — Это, наверно, они! Возьми лампу, отопри им!

Аша открыла дверь. На пороге стоял Бихари.

— Как же это, ботхан? — растерянно воскликнул он. — Я слышал, вы решили не ехать в Бенарес?

Лампа выпала из рук Аши. Словно увидев привидение, она одним духом взбежала на второй этаж и оттуда жалобно крикнула:

— Тетя, припадаю к твоим ногам. Вели ему сейчас же уйти!

— Кому, Чуни, кому? — удивилась Аннапурна, поспешно вставая.

— Бихари-тхакур сюда явился! — Аша бросилась в комнату и заперлась там.

Бихари все слышал. Ему сразу же захотелось убежать куда-нибудь, но когда Аннапурна спустилась вниз, то увидела, что Бихари сидит на ступеньках тут же, у двери. У него не хватило сил уйти.

Аннапурна не принесла с собой лампы и в темноте не видела выражения лица Бихари, он тоже почти не видел ее.

— Бихари! — сказала Аннапурна. Увы, куда делся ее ласковый, согретый любовью голос! Сейчас в нем звучало только суровое осуждение.

О мать Аннапурна, над кем занесла ты свой карающий меч! Ведь несчастный Бихари шел сегодня к тебе во мраке ночи только за тем, чтобы найти утешение у твоих ног!

Бихари вздрогнул, пораженный, словно молнией, укоризненным тоном Аннапурны.

— Не нужно, тетя, не говори мне больше ничего, — поспешно сказал он. — Я ухожу.

Он поклонился ей до земли, даже не посмев коснуться ее ног. И как мать приносит в жертву Ганге свое дитя, Аннапурна бросила Бихари в ночную темноту. Она даже не окликнула юношу, когда он ушел. Экипаж Бихари скрылся во мраке.

Этой же ночью Аша написала письмо Мохендро: «Сегодня вечером Бихари-гхакур неожиданно приехал сюда. Когда дядя вернется в Калькутту, неизвестно, поэтому приезжай и поскорее заведи меня отсюда».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Наутро, после сильных волнений минувшего вечера, Мохендро чувствовал какую-то вялость. Была середина месяца пхальгун, начиналась жара. Обычно по утрам Мохендро занимался, но сегодня он, откинувшись на подушки, остался лежать на тахте. Время шло, а он и не думал вставать и идти купаться. По улице, громко зазывая покупателей, проходили торговцы; шум экипажей под окнами не смолкал ни на минуту. Рядом, за забором, только на днях построили новый дом. Жена соседа и ее дочери дружно утрамбовывали крышу и пели. Теплый южный ветер ласкал Мохендро, который чувствовал себя совсем разбитым, и, казалось, восстанавливал его силы. Клятвы, зарок, отчаянные усилия, вражда — все это стало вдруг таким далеким в это нежное, расслабляющее все тело весеннее утро.

— Что с вами сегодня, господин мой? — воскликнула Бинодини, входя в комнату. — Вы не пошли купаться? А завтрак уже готов. О, да он все еще лежит! Плохо себя чувствуете? Голова разболелась? — И, подойдя к тахте, Бинодини положила руку ему на лоб.

Мохендро, полузакрыв глаза, едва слышно произнес:

— Мне нездоровится. Я не пойду купаться...

— Тогда поешьте хоть немного, — сказала Бинодини с трогательной заботливостью.

После завтрака Мохендро снова лег, а Бинодини, присев у его изголовья, принялась осторожно массировать ему голову.

— Милая Песчинка, — не открывая глаз, сказал Мохендро, — ты еще не завтракала, пойдешь.

Но Бинодини не ушла. Жаркое дыхание полдня колебалось занавес у окна, и в комнату долетал неясный шепот трепетавшей у ограды листвы пальмы.

Сердце Мохендро закружилось в быстром танце, ритм его становился все стремительнее. И словно в такт ему, от горячего дыхания Бинодини слегка зашевелились волосы на голове Мохендро. Оба молчали. Мохендро стало казаться, что он плывет по бесконечному потоку в беспредельной вселенной. Вот его лодка приближается к берегу — может, кто и войдет в нее, но надолго ли?..

Сидя у изголовья и медленно проводя рукой по лбу Мохендро, Бинодини все ниже и ниже склоняла голову, пока наконец прядь ее волос не коснулась лба Мохендро. От этого нежного прикосновения у Мохендро перехватило дыхание и дрожь пробежала по всему телу. Он порывисто сел на постель и, сказав: «Довольно. Мне нужно идти на занятия», — встал, избегая взгляда Бинодини.

— Не беспокойтесь, я сейчас принесу вашу одежду, — сказала она.

Мохендро отправился в колледж, но и там никак не мог успокоиться. После бесплодных попыток сосредоточиться он вернулся с занятий раньше обычного. Войдя в комнату, он сразу же увидел Бинодини, которая, лежа на тахте, читала какую-то книгу. Ее густые черные волосы были распущены. Казалось, она не слышала шагов Мохендро. Он подошел на цыпочках и остановился. Увлеченная чтением, Бинодини тяжело вздохнула.

— О красавица, — окликнул ее Мохендро, — не трать жар своего сердца на выдуманных героев. Что ты читаешь?

Бинодини испуганно вскочила и торопливо спрятала книгу в складках сари. Мохендро стал отнимать книгу. После долгой борьбы Бинодини наконец уступила. Она сидела отвернувшись, тяжело дыша и сердито молчала. Мохендро прочел название. Это был роман «Ядовитое дерево».

Сердце Мохендро громко стучало. Наконец он через силу улыбнулся.

— Ну и одурачила же ты меня! — сказал он. — Я-то думал, тут какая-нибудь тайна, а это, оказывается, всего лишь «Ядовитое дерево»!

— Какие же, по-вашему, у меня могут быть тайны?

— Ну, скажем, письмо от Бихари?

Молния сверкнула в глазах Бинодини. Только что тут резвился бог любви, и теперь его вторично обратили в пепел.

Бинодини стремительно поднялась, — словно пламя взметнулось ввысь. Мохендро схватил ее за руку.

— Прости меня, я пошутил! Прости, пожалуйста! — воскликнул он.

— Пошутили? Над кем? — возмутилась Бинодини и гневно вырвала руку. — Если бы вы хоть были достойны его дружбы, я простила бы вашу шутку. Но вы, ничтожный человек, на дружбу не способны — только и умеете, что насмехаться.

Она повернулась, чтобы уйти, но Мохендро обнял ее ноги.

Вдруг на них упала чья-то тень. Мохендро, вздрогнув, разжал руки, поднял голову и увидел перед собой Бихари.

Юноша уничтожающе посмотрел на обоих и сказал очень спокойно и холодно:

— Вижу, что явился не вовремя, но я сейчас уйду. Мне нужно сказать тебе два слова. Я не знал, что твоя жена в Бенаресе, и поехал туда. Невольно я оказался виноватым перед ней. Но просить прощения у нее самой я не мог, поэтому и пришел к тебе. Если когда-нибудь вольно или невольно я и поддаюсь нехорошим мыслям, то, очень прошу тебя, пусть это не станет причиной неприятностей для нее.

Появление Бихари взорвало Мохендро. Нашел время выказывать свое благородство!

— Ты, я вижу, разыгрываешь простофилю из сказки: признаться — боишься, а не признаться — не можешь, — насмешливо сказал он. — Зачем же тогда просить прощения и изображать из себя святого?

Бихари словно оцепенел. Потом он сделал над собой усилие, губы его зашевелились.

— Бихари-тхакур, умоляю вас, не отвечайте! — воскликнула Бинодини. — Не говорите ничего. Слова этого человека опорочили его самого, вас эта грязь не коснулась!

Трудно было понять, слышал Бихари то, что сказала Бинодини, или не слышал. Как во сне вышел он из ком-

наты и стал спускаться по лестнице. Бинодини бросилась за ним.

— Бихари-тхакур! — окликнула она юношу. — Неужели вам нечего сказать мне? Ну, отругайте меня, если хотите!

Бихари, ничего не отвечая, продолжал идти. Тогда она забежала вперед и схватила его за руку. С невыразимым презрением Бихари оттолкнул ее и вышел из дома. Он даже не видел, что Бинодини упала, когда он ее толкнул. На шум прибежал Мохендро. Падая, Бинодини в кровь разбила локоть.

— О, у тебя кровь! — воскликнул Мохендро и, оторвав кусок от своей тонкой рубашки, хотел перевязать ей руку.

— Нет, нет! — воскликнула Бинодини. — Не нужно, ничего, пусть течет! Пусть!

— Я перевяжу и смажу лекарством.

Бинодини снова отстранилась.

— Не нужно! Эта боль моя, и я не хочу избавляться от нее!

— Прости меня! Я не сдержался и поставил тебя в неловкое положение...

— За что мне тебя прощать? Ты правильно поступил. Мне все равно, что скажут люди. Неужели мне будет дорог тот, кто оттолкнул меня, а не тот, кто хочет меня удержать?

Опьяненный ее словами, Мохендро воскликнул дрогнувшим голосом:

— Значит, ты не оттолкнешь мою любовь, Бинодини?

— Я буду хранить ее в сердце. Не так много любви доставалось мне в жизни, чтобы отвергнуть ее.

Мохендро схватил Бинодини за руки.

— Тогда пойдем ко мне, — быстро проговорил он, — мы причинили друг другу много огорчений, и теперь я не успокоюсь, пока не исцелю тебя.

— Не сегодня. Пустите меня. Простите, если обидела.

— И ты меня прости, иначе я не буду спать всю ночь.

— Я уже простила.

Мохендро потерял голову. Он тут же захотел получить от Бинодини доказательство ее прощения и любви,

но выражение ее лица удержало его. Бинодини ушла. Мохендро медленно поднялся на крышу.

Он был счастлив, что освободился от угнетавшей его тайны. Теперь Бихари знает о его любви! Мохендро казалось, что раз все стало известно, то его тайная игра перестала быть позорной. «Я не желаю больше ничего скрывать. Я тайлся перед самим собой, чтобы не упасть в собственных глазах, — говорил он себе. — Но ведь я люблю ее, люблю, — и это не обман!» Мохендро был так горд своей любовью, что чувствовал даже какую-то радость, ощущая себя грешным человеком. В этот тихий вечер он презрительно бросал вызов небу, повторяя: «Пусть я негодяй, но я люблю!» Образ Бинодини заслонил от него и небо, и землю, и все земные обязанности. Бихари своим приходом словно открыл и опрокинул запечатанную чернильницу его тайных мыслей, и в один миг чернила волос и глаз Бинодини залили все чистые листы и все записи прошлого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

На следующий день, проснувшись, Мохендро почувствовал, что волна нежности захлестнула его сердце. Солнечные лучи, казалось, окрасили в золотистый цвет все его мысли и желания. Как прекрасен мир, какое восхитительное небо! Мохендро чудилось, будто душа его плывет по воздуху, словно цветочная пыльца, подгоняемая ветром.

Нищий-вишнуит, аккомпанируя себе на барабанах и цимбалах, затянул под окнами песню. Привратник хотел прогнать его, но Мохендро отругал привратника и бросил певцу рупию.

Слуга, вынося из комнаты керосиновую лампу, уронил ее и разбил. Замирая от страха, он смотрел на молодого хозяина, но тот не стал бранить его, а лишь мягко заметил:

— Подмети и тщательно убери осколки, а то кто-нибудь ногу поранит.

Сегодня ничто не могло огорчить Мохендро.

Занавес поднялся. Любовь, так долго прятаясь за кулисами, вышла на сцену. Глазам Мохендро открылся

новый мир, исчезли будни с их мелочными заботами. Деревья, звери, птицы, толпы людей на дорогах, шум города — все было исполнено очарования. Где же до сих пор таился этот новый мир?

Мохендро казалось, что сегодня его встреча с Бинодини не будет такой прозаичной, как прежде. Сегодня они должны говорить друг с другом стихами, а чувства свои выражать в песне.

Молодому человеку хотелось, чтобы этот день был столь же прекрасным и удивительным, как чудесная, ничему не подвластная жизнь, о которой рассказывается в арабских сказках; чтобы он был похож и на явь и на сновидение и чтобы в этот единственный день ничто не напоминало о законах общества, долге, грубой действительности!

С самого утра Мохендро взволнованно расхаживал по дому. Он не мог заставить себя пойти в колледж, ведь ни в одном календаре не прочтешь, когда наступит благословенный момент для встречи!

То из кладовой, то из кухни до ушей Мохендро доносился голос Бинодини, хлопотавшей по хозяйству. Влюбленному юноше это было неприятно. В своих мечтах он поместил Бинодини далеко от всех будничных дел.

Время словно остановилось. Мохендро умылся, поел, полуденная тишина воцарилась в доме, а Бинодини все не приходила. Нервы Мохендро были напряжены до предела, горе сменяло радость, нетерпение — надежду.

На постели лежал роман «Ядовитое дерево», который ему с таким трудом удалось вчера отнять у Бинодини. При воспоминании об этом Мохендро почувствовал волнение: он взял подушку, еще хранившую аромат волос Бинодини, положил ее под голову и раскрыл книгу. За чтением Мохендро не заметил, как пробило пять часов.

В комнату вошла Бинодини с мурадабадским подносом, уставленным тарелками с фруктами, сладостями и дольками замороженной в сахарном сиропе ароматной дыни.

— Чем вы заняты? — спросила она, ставя поднос перед Мохендро. — Что с вами? Уже пять часов, а вы еще не переоделись.

Ее слова укололи Мохендро. Разве нужно спрашивать, что с ним? Бинодини самой следовало бы это знать. Неужели нынешний день похож на всякий другой? Боясь, что надежды его разлетятся в прах, Мохендро не посмел заявить о правах, которые, как ему казалось, появились у него вчера, и стал есть.

Бинодини проворно сбегала на крышу, там на солнце сушились вещи Мохендро, принесла их и принялась ловко складывать в шкаф.

— Подожди, — заговорил наконец Мохендро. — Я поем и помогу тебе.

— Ради бога, не надо! — взмолилась Бинодини. — Делайте что хотите, только не помогайте мне.

— Ты считаешь меня ни на что не способным? — возмутился Мохендро. — Давай устроим мне экзамен! — И он принялся складывать вещи.

— Оставьте! — воскликнула Бинодини. — Не прибавляйте мне работы.

— Хорошо, укладывай сама. Я буду смотреть, как ты это делаешь, и учиться.

И Мохендро уселся рядом с молодой женщиной на полу.

Бинодини, будто для того, чтобы выбить пыль, хлопала каждой вещью Мохендро по спине, а затем уже аккуратно укладывала ее в шкаф.

Такова была их первая встреча после памятного для Мохендро дня. В ней не было ничего от той необычности, о которой мечтал Мохендро. О такой встрече не сложишь ни поэмы, ни песни, не напишешь романа. Но удивительно, Мохендро не почувствовал разочарования, наоборот, — он даже испытал облегчение. Ведь он понятия не имел, как осуществить свои мечты, как уберечь необыкновенное от обыденности, не знал, как вести себя, что говорить, не представлял, что должен чувствовать.

И вот сейчас, среди шутилой возни, он освободился из-под власти той надуманной встречи, которую нарисовало его воображение.

В комнату вошла Раджлокхи.

— Мохим, — обратилась она к сыну, — Бинодини складывает вещи, а ты что здесь делаешь?

— Вы видите, тетя, — сказала Бинодини, — он только мешает мне!

— Какая неблагодарность! — запротестовал Мохендро. — Я же помогаю!

— О боже! — воскликнула старая женщина. — Оказывается, он помогает! Ты знаешь, милая, я и тетка так избаловали Мохима, что он совсем ничего не умеет.

Раджлокхи устремила полный любви взгляд на своего незадачливого сына. Раджлокхи говорила с Бинодини только об одном — как окружить заботой Мохендро, этого взрослого, но совсем беспомощного баловня материнской любви. Старая женщина была безмерно счастлива, что Бинодини взяла на себя заботу о ее сыне. Радовало ее и то, что Мохендро наконец оценил по достоинству Бинодини и теперь всеми силами стремится удержать ее в доме.

— Дорогая, — сказала Раджлокхи, — теплые вещи Мохима просушены, завтра можешь заняться его новыми посовыми платками. Надо вышить на них метки. С тех пор как ты появилась в доме, дитя мое, я всю работу взвалила на тебя, вместо того чтобы за тобой ухаживать.

— Не говорите так, тетушка, а то я подумаю, что вы считаете меня чужой! — обиженно сказала Бинодини.

— Ну, что ты, кто мне родней тебя! — ласково возразила Раджлокхи и, когда Бинодини убрала все вещи в шкаф, добавила: — Если тебе нечего делать, мы можем заняться приготовлением сладостей.

— Конечно, тетя, — с готовностью ответила молодая женщина. — Я свободна, пойдемте.

— Только что, ма, ты каялась, что заставляешь ее работать, и вот опять нашла для нее занятие, — вмешался Мохендро.

Раджлокхи нежно взяла Бинодини за подбородок.

— Наша девочка настоящая Лакшми — она любит трудиться.

— Сегодня у меня свободный вечер, — сказал Мохендро. — Я хотел почитать ей вслух.

— Тетя, а что, если мы вместе с вами придем послушать Мохендро? — предложила Бинодини.

«Бедному Мохиму очень одиноко. Нужно развлечь его», — подумала Раджлокхи и сказала:

— Хорошо, мы приготовим еду для Мохендро, а по-

том придем послушать его чтение. Что ты на это скажешь, Мохим? — обратилась она к сыну.

Бинодини бросила быстрый взгляд на молодого человека.

Мохендро согласился без особого энтузиазма. И женщины покинули комнату.

«Сейчас же уйду из дома! — злился Мохендро. — Вернусь, когда все уже будут спать». Он оделся, но так куда и не ушел. Поднявшись на крышу, он стал нервно ходить взад и вперед, то и дело поглядывая на лестницу, потом вернулся в комнату.

«Не прикаснусь сегодня к сладостям, — негодовал Мохендро. — Пусть мать поймет, что и сироп, если его долго держать на огне, теряет свою сладость».

Когда настало время ужинать, Бинодини пришла вместе с Раджлокхи. Старая женщина страдала астмой и не хотела подниматься наверх, но Бинодини уговорила ее.

Мохендро сидел насупившись.

— Что с вами? — спросила Бинодини. — Почему вы не едите?

— Уж не заболел ли? — забеспокоилась Раджлокхи.

— Может, вы все-таки отведаете сладостей? Мы так старались, — сказала Бинодини. — Но если они не получились, не надо. Нельзя заставить человека есть, когда ему не нравится.

— Ну что вы делаете со мной! — взмолился Мохендро. — Мне очень хочется сладостей, и они мне нравятся, а вы говорите — «не надо»...

И Мохендро съел все до последней крошки. После ужина все трое прошли в его комнату. Но Мохендро словно и не собирался читать им.

— Ты обещал почитать нам, — напомнила Раджлокхи.

— В книге, о которой я говорил, нет ничего о боге, она не понравится тебе.

«Как же так — не понравится?» Раджлокхи готова была с наслаждением слушать любую книгу, какую бы сын ни читал, даже если бы он читал по-турецки.

«Бедный Мохим! — с нежностью подумала она. — Жена уехала, а он тут совсем один. Все, что приятно ему, не может не доставить удовольствия мне, матери!»

— Может, лучше вместо этого романа почитать сборник религиозных наставлений, который лежит в комнате тети? — предложила Бинодини. — Тете это будет приятно, и мы хорошо проведем вечер.

Мохендро жалобно посмотрел на молодую женщину.

В комнату вошла служанка и обратилась к Раджлокхи:

— Пришла госпожа Кхает.

Госпожа Кхает была близкой приятельницей Раджлокхи.

Нелегко было старой женщине устоять перед искушением поболтать вечером с подругой. Тем не менее она сказала:

— Передай гостье, что я у сына и занята. Пусть она непременно зайдет завтра.

— Зачем же, ма? — поспешно вмешался в разговор Мохендро. — Почему бы тебе не поговорить с ней сегодня?

— Оставайтесь здесь, тетя, — предложила Бинодини, — а я пойду посижу с вашей гостьей.

— Не нужно, милая, — сдалась Раджлокхи. — Я сама пойду, выпровожу ее и вернусь. Вы не ждите меня, начинайте читать.

Как только мать удалилась, Мохендро обернулся к Бинодини, не в силах больше сдерживать себя.

— Неужели тебе доставляет удовольствие так мучить меня? — начал он.

— В чем дело? — с притворным удивлением спросила Бинодини. — Чем я тебя мучаю? Вероятно, моя вина в том, что я пришла сюда. Но я уйду, — печально проговорила молодая женщина, вставая.

— Нет, этой пытки на медленном огне я не вынесу.

— А я и не подозревала, что во мне столько огня, — усмехнулась Бинодини. — У тебя, видно, много терпения! Впрочем, судя по твоему виду, ты не очень страдаешь.

— Разве? — Мохендро с силой прижал руку Бинодини к своей груди.

Бинодини вскрикнула, и он поспешно выпустил руку.

— Я причинил тебе боль?

На руке Бинодини в том месте, где она ее ушибла накануне, показалась кровь.

— Я совсем забыл, что у тебя болит рука, — оправдывался Мохендро. — Прости, пожалуйста. Разреши, я смажу ранку лекарством и забинтую.

— Пустяки! Не надо! — возразила Бинодини.

— Почему?

— Странный вопрос! Я просто не позволю тебе лечить меня!

Мохендро сразу стал серьезным.

«Совершенно невозможно понять женщин!» — подумал он.

Бинодини поднялась. Оскорбленный Мохендро не стал удерживать ее и лишь спросил:

— Ты куда?

Бинодини, сославшись на дела по хозяйству, медленно вышла.

Но уже через минуту Мохендро бросился следом за ней. Однако, дойдя до лестницы, он передумал и, вернувшись на крышу, принялся прогуливаться в полном одиночестве.

Бинодини влекла его, ни на мгновение не давая приблизиться к себе. Мохендро всегда гордился тем, что он неуязвим, но сегодня он принес в жертву и это свое преимущество. Неужели он вынужден будет признать, что, несмотря на все усилия, не способен завосвать сердце женщины? Мохендро потерпел поражение, но, в свою очередь, не одержал победы. Никогда еще Мохендро не был так унижен! Сегодня вся его уверенность развеялась как дым. Он поступился чувством собственного достоинства и ничего не получил взамен.словно нищий, перед которым захлопнули дверь, стоял он в сумерках с протянутой рукой на дороге.

Каждый год в месяце пхальгун или чойтро Бихари присылали из поместья горчичный мед. Этот мед он отправлял Раджлокхи. Так сделал он и в этом году.

— Бихари прислал мед, тетушка, — сообщила Бинодини.

Раджлокхи велела отнести мед в кладовую.

— Бихари не забывает вас, — заметила Бинодини, вернувшись из кладовой. — Вы ему все равно что мать родная. Ведь он — сирота.

Для Раджлокхи Бихари всегда был только тенью Мохендро, она видела в нем преданного их семье человека, о котором не нужно заботиться и чьи услуги можно принимать безвозмездно. Но слова Бинодини неожиданно тронули сердце Раджлокхи. «А ведь правда, — подумала она, — Бихари относится ко мне, как к матери». Она вспомнила, что всегда, когда случалось кому-нибудь заболеть или когда их семью постигало горе, Бихари сам, не дожидаясь зова, появлялся в доме и трогательно ухаживал за ней или помогал. Для Раджлокхи это стало таким же естественным и привычным, как то, что она дышит. Ей и в голову не приходило поблагодарить его. Когда он исчезал надолго, она не справлялась о нем. Если же Аннапурна делала это, Раджлокхи всегда казалось, что та проявляет притворное беспокойство о Бихари, чтобы удержать его под своим влиянием.

— Бихари действительно мне как сын, — вздохнула Раджлокхи. Она подумала, что Бихари делал для нее больше, чем Мохендро. Он всегда с великим почтением относился к их семье, ничего не получая взамен.

— Бихари так любит кушанья, приготовленные вами, — заметила Бинодини.

— Больше всего на свете он любит рыбный суп, сваренный мною, — с гордостью сказала Раджлокхи.

Разговор с Бинодини напомнил ей, что Бихари давно уже не навещал их.

— В чем дело, дорогая? Почему Бихари так давно не показывается у нас? — спросила Раджлокхи.

— Я и сама об этом думала, тетя. Но судите сами, с тех пор как ваш сын женился, он занят только женой. Его друзьям уже нечего делать в доме.

Это замечание показалось Раджлокхи не лишеным смысла. И правда, с тех пор как Мохендро женился, он отдалился от всех, кто любил его. Бихари мог обидеться и поэтому не приходит. Значит, Мохендро обидел не ее одну. Почувствовав еще большую симпатию к молодому человеку, Раджлокхи пустилась в воспоминания о том, как Бихари всегда, еще с детства, самоотверженно помогал Мохендро и сколько страдал по его вине! Говоря о Бихари, она изливала свою обиду на сына. Где же тогда справедливость на земле, если Мохендро ради жены, которую

знает совсем недавно, смог забыть своего старого друга!

— Завтра воскресенье. Пригласите Бихари к обеду, — предложила Бинодини. — Он будет очень рад.

— Хорошая мысль, — подхватила Раджлокхи. — Надо позвать Мохендро. Пусть пошлет ему приглашение.

— Нет, тетя, — возразила молодая женщина, — лучше сами пригласите его.

— Я ведь не умею писать, не то что все вы...

— Я напишу за вас.

Бинодини от имени Раджлокхи написала Бихари приглашение.

Мохендро с нетерпением ждал воскресенья. Его фантазия разыгралась после того памятного вечера, хотя до сих пор не случилось ничего, о чем он так мечтал. Воскресная заря показалась влюбленному Мохендро золотисто-медовой. Шум пробуждающегося города восхитительной песней звучал в его ушах.

Но что случилось в доме? Может, мать дала какой-нибудь обет? Сегодня она не отдыхала, как в другие дни, перепоручив все заботы по хозяйству Бинодини. Сегодня она сама хлопотала по дому.

Пробило уже десять часов, а Мохендро так и не удалось, несмотря на все его усилия, хоть на минуту увидеться с Бинодини наедине. Он пытался читать, но чтение не шло ему на ум. Некоторое время он сидел с газетой в руках, уставившись на страницу с объявлениями, наконец не выдержал и спустился на веранду, где на маленькой плите стряпала Раджлокхи. Бинодини, обвязав вокруг талии свободный конец сари, помогала ей.

— Что случилось? — удивился Мохендро. — Почему такая суета?

— Разве Бинодини не сказала тебе? Я пригласила Бихари.

Бихари приглашен! Мохендро вспыхнул.

— Но меня не будет дома, ма! — выпалил он.

— Почему?

— Я должен уйти.

— Пообедаешь, а потом пойдешь. Это займет немного времени.

— Но я уже приглашен в другое место!

— Что же делать, тетя, раз он приглашен, пусть идет, — вмешалась Бинодини, мельком взглянув на Мохендро. — Бихари и без него пообедает.

Но Раджлокхи было трудно примириться с мыслью, что ее сын не отведаст блюд, которые она с таким усердием готовила. Однако чем больше она настаивала, тем упрямее становился Мохендро: у него очень важное свидание, и он никак не может отменить его; нужно было посоветоваться с ним, прежде чем приглашать Бихари...

Рассерженный Мохендро таким образом мстил матери. Радостное оживление Раджлокхи угасло. Она готова была бросить все и уйти к себе.

— Тетя, не волнуйтесь, — вмешалась в разговор Бинодини. — Мохендро только пугает, он никуда не уйдет.

— Нет, дитя, — покачала головой Раджлокхи. — Ты не знаешь Мохима. Он поступит так, как решил.

Но, как выяснилось, Бинодини знала Мохендро лучше матери. Молодой человек догадался, что Бихари пригласили по настоянию Бинодини. Глухая ревность терзала его сердце, и у него не хватало сил уйти. Он не будет знать ни минуты покоя, если не увидит, как будут держать себя Бинодини и Бихари при встрече! И как ни мучительно видеть их вместе, он все равно останется.

Прошло много дней с тех пор, как Бихари последний раз был на женской половине дома. Он с детства хорошо знал эти комнаты; когда-то, еще совсем маленьким мальчиком, он бегал и шалил там; сегодня же он остановился перед знакомой дверью, не решаясь войти. Сердце его учащенно билось, из глаз, казалось, вот-вот брызнут слезы.

Чтобы скрыть волнение, Бихари вошел улыбаясь; он взял прах от ног только что совершившей омовение Раджлокхи, и она благословила его ласковым прикосновением руки. Прежде, когда Бихари бывал здесь часто, он не здоровался так торжественно. Но сегодня он будто возвратился с чужбины после долгой разлуки. Раджлокхи, исполненная глубокой симпатии к юноше, встретила его с большей любовью и сердечностью, чем в былые времена.

— Почему ты так долго не приходил, Бихари? — спросила она. — Я каждый день думала: «Сегодня он непременно придет», — и все напрасно...

— Если бы я бывал у вас часто, — улыбнулся молодой человек, — вы едва ли каждый день ждали бы меня с нетерпением. А где же Мохим?

Раджлокхи помрачнела.

— Его куда-то пригласили.

Сердце Бихари болезненно сжалось. Неужели это конец их дружбы?

— А что вы сегодня приготовили, ма? — спросил Бихари со вздохом, пытаясь отогнать печальные мысли. Он стал перечислять свои самые любимые кушанья.

В дни, когда обед готовила Раджлокхи, Бихари всегда старался делать вид, что у него чрезмерный аппетит, и это неизменно льстило материнскому сердцу хозяйки. Так и сегодня: стоило Бихари проявить интерес к приготовленным блюдам, как Раджлокхи добродушно рассмеялась, ободряя своего прожорливого гостя.

Неожиданно в комнату вошел Мохендро.

— А, Бихари. Как поживаешь? — сухо поздоровался он.

— Это ты, Мохим? — удивилась Раджлокхи. — Ты разве не в гостях?

— Мне удалось отказаться, — ответил Мохендро, пытаясь скрыть замешательство.

Пришла с купанья Бинодини.

Бихари, смутившись, долго не мог вымолвить ни слова. В его памяти еще свежо было воспоминание о том, что произошло между Бинодини и Мохендро.

— Не узнаете? — тихо спросила молодая женщина, подходя к Бихари.

— Нелегко каждого узнать! — многозначительно ответил Бихари.

— Надо быть проницательнее, — тихо сказала Бинодини и объявила: — Тетя, обед готов.

Мохендро и Бихари сели за стол, Бинодини прислуживала. А Раджлокхи смотрела, как едят молодые люди.

Мохендро ел с неохотой и все время следил за Бинодини. Ему казалось, что она с большим удовольствием угощает Бихари: она подкладывала ему лучшие куски под предлогом того, что Бихари гость. Мохендро не мог высказать своего недовольства вслух, а поэтому все больше приходил в ярость.

Когда Бинодини хотела положить на тарелку Бихари редкую в это время года мангровую рыбу с икрой, Бихари запротестовал.

— Нет, нет! Мне не надо! — воскликнул он. — Эту рыбу очень любит Мохим.

— Я не хочу, — заявил оскорбленный Мохендро.

Бинодини не стала его упрашивать и положила рыбу Бихари.

После обеда, когда оба друга собрались уходить, Бинодини быстро подошла к ним.

— Господин Бихари, не уходите, — попросила она. — Пойдемте наверх, посидим немного.

— А вы разве не будете обедать? — спросил молодой человек.

— Нет, ведь сегодня пост.

На губах Бихари заиграла усмешка, полная жестокой иронии, — неужели Бинодини так благочестива, что соблюдает пост?

Молодая женщина заметила эту усмешку, но снесла ее так же покорно, как рану на руке.

— Не уходите, посидите немного, — смиренно попросила она снова.

— Вам, женщинам, все равно! — неожиданно вспыхнул Мохендро. — Есть у человека дело или нет, хочет он или не хочет — сиди. Не понимаю. Это у вас называется предпочтением?

Бинодини громко рассмеялась:

— Бихари, вы только послушайте, что говорит Мохендро-дада. Предпочтение есть предпочтение, словарь не дает иного значения этого слова. И уж кому-кому, а вам-то смысл его с детских лет хорошо знаком, — обернулась она к Мохендро.

— Мне нужно поговорить с тобой, Мохим, — вмешался Бихари и, не простившись с Бинодини, увлек Мохендро за собой.

Оставшись одна, Бинодини долго стояла у железных перил веранды, задумчиво глядя на опустевший сад.

— Неужели кончилась наша дружба? — спросил Бихари, когда друзья вышли на улицу.

В душе Мохендро бушевало пламя, насмешка Бинодини словно молния обожгла его.

— Тебе, конечно, было бы очень удобно, если бы мы помирились, но я не желаю этого. Я не хочу вводить в свою семью чужого человека. Женская половина дома должна оставаться женской половиной.

Бихари ничего не ответил, повернулся и пошел прочь.

«Больше никогда не увижусь с Бинодини», — поклялся мучимый ревностью Мохендро.

Однако вечером он долго нетерпеливо бродил по дому, втайне надеясь встретить ее.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— Тетя, ты вспоминаешь своего мужа? — спросила однажды Аша.

— Мне было одиннадцать лет, когда я овдовела, — ответила Аннапурна. — Я смутно помню его.

— О ком же ты все время думаешь?

Аннапурна слегка улыбнулась.

— О всевышнем, мой муж слился с ним.

— Ты счастлива?

Аннапурна ласково погладила по голове племянницу.

— Разве ты сможешь понять, дитя, что таю я в своем сердце? Это знает лишь оно само да тот, о ком все мои думы.

«А я? — думала Аша. — Знает ли тот, о ком я думаю день и ночь, что творится в моей душе? Я не умею интересно отвечать на его письма, не потому ли он перестал писать мне?»

Уже несколько дней Аша не получала писем от мужа. «Если бы Песчинка была здесь, со мной, — вздыхала она, — она смогла бы описать все, что я чувствую».

Аша не решалась писать сама. Она была уверена, что ее жалкие, неумелые письма не понравятся мужу. Чем больше она старалась, тем безобразнее выходили буквы! Чем лучше она пыталась рассказать в письме, что у нее на сердце, тем хуже у нее это выходило. Если бы можно было ограничиться одной фразой «припадаю к твоим лотосоподобным стопам» и подписаться, а Мохендро, словно всеведущий бог, понял бы все, что она хотела этим

сказать! Почему всевышний наделил ее умением так сильно любить и лишил дара красноречия!

Вернувшись домой после вечерней молитвы, Аша села у постели Аннапурны и принялась осторожно массировать ей ноги.

— Тетя, вот вы говорите, — нарушила она наконец продолжительное молчание, — что жена обязана почитать мужа, как бога. Но как должна поступать глупая, невежественная женщина, если она даже не знает, как это делать.

Аннапурна долго смотрела на Ашу, потом, вздохнув, сказала:

— Ведь я тоже не так уж умна, милая. Но все же я служу всевышнему.

— Всевышнему ведомо все, что сокрыто в твоей душе, и он доволен этим, — возразила племянница. — Но ведь мужу может не понравиться, как служит ему глупенькая жена.

— Не каждому дано угождать всем, дорогая. Если жена с уважением и любовью ухаживает за мужем и заботится о семье, муж может и не замечать ее стараний, но всевышний всегда их отметит.

Аша промолчала. Она пыталась найти утешение в словах тетки, но не могла согласиться с тем, чтобы муж не замечал ее любви, даже если всевышний и будет благосклонен к ней. Низко опустив голову, она продолжала массировать ноги тетушки.

Аннапурна притянула Ашу к себе и, поцеловав в лоб, заговорила, едва сдерживая слезы:

— Одних поучений мало, Чуни, надо пройти через страдания и горе, тогда ты многое поймешь. И тетка твоя в былые годы вела свои счета с миром. Тогда я, как и ты, считала, что тот, о ком я забочусь, кому поклоняюсь, должен чувствовать себя счастливым. Почему он не милостив ко мне? Почему не замечает моих стараний? Но постепенно я поняла, что напрасно жду этого. И пришел день, когда у меня не стало сил терпеть. Мне показалось, будто все, что я делаю, лишено смысла. В тот день я решила уйти от мира. Теперь же, оглядываясь назад, я вижу, что мои усилия не пропали даром. О дитя мое, тот, кто ведет счет нашей жизни, кто является единственным

хозяином цен на ее ярмарке, отняв у меня все, завладел моей душой и открыл мне истину. Знай я тогда, что, выполняя свой долг перед семьей, я служу всевышнему и что, посвящая себя ему, я тем самым отдаю свое сердце миру, никто не мог бы причинить мне горя!

Ночью, лежа в постели, Аша долго думала над словами тетки. Она многого не поняла, но ее благоговение перед этой святой женщиной было безгранично. И она решила слепо следовать ее примеру. В темноте Аша, распростершись ниц, почтила того, кто вытеснил из сердца ее тетки весь мир.

— Я еще молода и не знаю тебя, — молилась она, — я знаю только своего мужа! Поэтому не сочти себя оскорбленным. О всевышний, вразуми его принять мое поклонение: Я не смогу жить, если он оттолкнет меня! Я не такая благочестивая, как тетя, и не смогу найти успокоения в лоне твоём.

И Аша еще и еще раз распростерлась ниц.

Близился день, когда дядя Аши должен был возвращаться в Калькутту.

Вечером накануне отъезда Аннапурна позвала племянницу.

— Чуни, девочка моя, — сказала она, — не в моих силах уберечь тебя от горя, несчастий и страданий, которыми полон мир. Но вот тебе мой совет. Какие бы испытания ни выпали на твою долю, держись веры и неуклонно выполняй свой долг.

— Благослови меня, тетя. Пусть так и будет. — И Аша поклонилась, беря прах от ног Аннапурны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда Аша вернулась, Бинодини долго журила ее.

— Неужели за все это время ты не могла написать ни одного письма, дорогая?

— Но ты тоже не писала, Песчинка, — возразила Аша.

— Почему я должна была писать первой? Это следовало сделать тебе.

И Аша, обняв подругу, признала себя виновной.

— Ты же знаешь, сестра, — созналась она, — я не умею хорошо писать. И мне было стыдно, ты ведь такая ученая...

Обиду быстро позабыли, и взаимная привязанность подруг стала еще крепче.

— Ты дни и ночи проводила с мужем, — сказала Бинодини, — и вконец избаловала его. Он не любит, когда рядом с ним никого нет.

— Потому, уезжая, я и просила тебя заботиться о нем, — ответила Аша. — Ты ведь лучше меня знаешь, как ухаживать за ним.

— Днем, когда он уходил в колледж, я чувствовала себя относительно свободной, но по вечерам никакого спасения — то разговаривай с ним, то читай ему вслух, — конца нет его капризам.

— Еще бы! Раз пришлось человеку по душе, терпи!

— Остерегайся, милая. Муж твой иногда заходит так далеко, что мне начинает казаться, будто я и вправду наделена даром очаровывать мужчин!

— Если ты не обладаешь этим даром, кто же тогда сможет очаровать его! — воскликнула Аша. — Если бы я смогла перенять от тебя хоть частицу твоего искусства, я была бы счастлива.

— Зачем? Кого ты хочешь околдовать? Не стремись к этому, не стоит.

— Глупости! — Аша была возмущена до глубины души.

Впервые встретив Ашу по ее приезде из Бенареса, Мохендро сказал:

— Ты прекрасно выглядишь. Приятно пополнила.

Аша смутилась. Этого еще недоставало! Все у глупой Аши не так, как нужно! Она пополнила именно тогда, когда у нее так беспокойно на сердце! Оказывается, она не только не умеет выразить словами муку, терзавшую ее душу, но даже ее внешность свидетельствует обратное.

— А ты как жил здесь без меня? — ласково спросила Аша.

Раньше Мохендро полусмешливо, полусерьезно непременно ответил бы, что «умирал» без Аши, но теперь он не был расположен шутить, слова замерли на его устах.

— Да так, ничего. Спасибо, — только и сказал он.

Аша внимательно посмотрела на мужа. Он осунулся, побледнел, в глазах лихорадочный блеск, словно какая-то тайная жажда сжигает его.

«Мой муж страдает, — с болью подумала молодая женщина, — а я покинула его и уехала в Бенарес. Мохендро похудел, а я прекрасно выгляжу». Аше стало стыдно.

— Как поживает тетя? — не зная, что сказать, спросил Мохендро после паузы.

Услышав, что тетя здорова, он не мог придумать, о чем еще говорить.

Рядом валялся обрывок старой газеты. Подняв его, Мохендро принялся рассеянно читать.

«Так долго не виделись, а он ласкового слова не сказал, — задумалась Аша, опустив голову. — Даже не смотрит на меня. Неужели он сердится на то, что я не писала ему? Или он не доволен, что я задержалась в Бенаресе, уступив просьбе тети!»

В крайнем смятении Аша пыталась найти за собой вину, которая вызвала недовольство мужа.

Когда Мохендро, вернувшись из колледжа, сел обедать, в комнате находились только Раджлокхи и Аша, которая, закрывшись покрывалом, стояла, прислонившись к дверям.

— Ты болен, Мохим? — спросила обеспокоенная мать.

— Нет! — В голосе Мохендро звучало раздражение. — Чего это вдруг я буду болеть?

— Почему же ты ничего не ешь?

— Я достаточно съел! — с досадой воскликнул он.

Вечер выдался теплый, и Мохендро, набросив на плечи легкий чадор, вышел на крышу и, как всегда, стал расхаживать взад и вперед. Он надеялся, что Бинодини придет и что сегодня они, как обычно, будут читать вдвоем. Они уже почти кончили «Обитель радости», осталось всего две-три главы. Неужели Бинодини настолько жестока, что лишит его удовольствия услышать конец романа! Но время шло, сумерки сгущались, и Мохендро наконец, отчаявшись, отправился спать.

Когда принарядившаяся, смущенная Аша тихо вошла в спальню, муж спал. Аша стояла в нерешительности, не зная, как подойти к нему. Так часто бывает после разлуки. Ашей вновь овладела стыдливость. Она ждала, что муж позовет ее туда, где они расстались. Разве могла она

просто так приблизиться к доставившему ей столько радостей ложу? Она долго стояла в дверях, но Мохендро молчал, тогда молодая женщина осторожно направилась к постели. Она готова была провалиться сквозь землю от стыда, когда раздался перезвон ее украшений; Аше казалось, что украшения смеются над ней. С замирающим сердцем она подошла к пологу, защищавшему постель от москитов. Мохендро спал. Аша хотела вспышкой молнии исчезнуть из комнаты и спрятаться где-нибудь подальше.

Стараясь производить как можно меньше шума, она села на постель. Если бы Мохендро действительно спал, он бы непременно проснулся. Но Мохендро даже глаз не открыл, значит, он притворялся. Аша прилегла. Мохендро чувствовал, как вздрагивает жена от беззвучных рыданий, хотя лежал спиной к ней. Собственная жестокость железными тисками сдавила его сердце. Но он не знал, что сказать, как приласкать жену, и в душе проклинал, бранил себя.

«Завтра утром, — думал он, — будет уже невозможно притворяться спящим. Что скажу я Аше, как посмотрю ей в глаза?»

Но ему не пришлось придумывать выход. На рассвете оскорбленная Аша сама покинула спальню, унеся с собой и одежду и украшения. Она не нашла в себе сил встретиться с мужем взглядом, когда он проснется.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«В чем дело? — терялась в догадках Аша. — Чем я провинилась?»

Но мысли ее были далеки от истинной причины всех ее печалей. Неискушенная Аша не могла представить себе, что Мохендро влюбился в Биводини. Ей и в голову не приходило, что так скоро после свадьбы муж ее совершенно изменится, станет совсем не таким, каким был в первые дни их совместной жизни.

С утра Мохендро отправился в колледж. Раньше каждый раз, провожая его, Аша подходила к окну, а Мохендро, садясь в экипаж, прощался с ней взглядом. Это стало у них своего рода традицией. И сегодня, заслышав стук

колес, Аша машинально подошла к окну. Мохендро тоже, как обычно, поднял голову и взглянул на окно. В тот же миг он заметил осунувшееся, еще не умытое после сна лицо жены, спутанные волосы, измятое сари и поспешил опустить глаза в книгу, лежавшую у него на коленях. Впервые супруги не обменялись безмолвным, но полным значения взглядом и улыбкой.

Экипаж отъехал. Аша бессильно опустилась на пол. Все на свете было ей немило. Пробыло половина одиннадцатого. В деловой жизни Калькутты наступил час прилива — сновали экипажи, трамвай шел за трамваем. И грустная мелодия измученного, окаменевшего от страданий сердца молодой женщины звучала таким диссонансом неумолчному шуму большого города.

Вдруг Аше показалось, что она поняла причину безразличия мужа. «Конечно, — размышляла она, — Мохендро узнал, что Бихари приезжал в Бенарес, и теперь сердится. Но ведь, кроме этого, ничего дурного не случилось! Да и в его приезде я не виновата».

Сердце у Аши неожиданно больно сжалось, — а вдруг Мохендро подозревает, что Бихари поехал в Бенарес ради нее? Может, он думает, что она сговорилась с Бихари? Какой стыд! Как он мог подумать такое! Достаточно и того, что ее имя связывают с именем Бихари. Но если Мохендро заподозрил ее в чем-нибудь, она не переживет. Если существует причина для подозрений, если она в чем-то провинилась, почему прямо не сказать об этом и, проверив, не наказать ее? Почему Мохендро не поговорит с ней обо всем откровенно? Почему избегает Ашу? Неужели в его душу закралось столь ужасное подозрение, что ему даже стыдно признаться ей. Как еще можно объяснить то виноватое выражение, которое последнее время не сходит с лица Мохендро? Однако разгневанный судья не испытывает чувства смущения.

Весь день Мохендро не мог забыть усталого и печального личика Аши. Во время лекций и в перерывах, разговаривая со студентами, он все время видел перед собой стоявшую в окне жену, ее полный страдания и тревоги взгляд, спутанные волосы, измятое сари.

После лекций Мохендро долго гулял по берегу Голдигхи. Уже стемнело, а он все ходил и не мог придум-

мать, как ему держаться с Ашей. Что лучше — жестокая правда или приятный обман? Мохендро даже в голову не приходила мысль отказаться от Бинодини. Жалость к жене и любовь к Бинодини — как совместить эти чувства?

Мохендро пытался убедить себя, что немногих жен любят так, как он любит Ашу. Почему бы ей не быть довольной этим? Бинодини и Аша — в большом сердце Мохендро есть место для обеих! Та чистая любовь, которая связывает его и Бинодини, не может мешать его супружеской жизни с Ашей.

Словно камень свалился с души Мохендро. Бинодини и Аша — он не откажется ни от одной из них и будет словно планета, у которой две луны. Мохендро почувствовал на душе небывалую легкость. Аша не будет больше страдать, — сегодня ночью он будет ласков и нежен с ней. Придя к такому решению, Мохендро быстро зашагал к дому.

Аша не вышла к ужину. Уверенный в том, что жена придет к нему и в эту ночь, Мохендро отправился в спальню. Какие же воспоминания овладели им, пока он ждал ее в безмолвии комнаты? Были то воспоминания о вихре страсти, который он пережил с Ашей после свадьбы? Нет! При восходе солнца свет луны тускнеет, — воспоминания о прошлом померкли и почти стерлись в памяти Мохендро: сияние другой прекрасной молодой женщины затмило и вытеснило из его сердца образ скромной, стыдливой Аши. Мохендро вспомнил, как отнимал у Бинодини «Ядовитое дерево». После захода солнца она приходила сюда читать вслух «Копалокундулу», и поздно, когда в доме все уже спали, в застывшей тишине пустынной комнаты продолжал звучать ее голос, исполненный глубокого и сильного чувства. Неожиданно усилием воли она брала себя в руки и бросала книгу. «Я провожу тебя вниз», — говорил Мохендро. Все это всплывало в памяти молодого человека, и дрожь пробегала по его телу. Наступила глубокая ночь, — теперь Мохендро боялся прихода Аши, но она не пришла.

«Я был готов исполнить свой долг. Но что я могу сделать, если она несправедливо сердится на меня?» — подумал Мохендро и снова погрузился в мечты о Бинодини.

Пробило час ночи. Мохендро не мог больше бороться с собой, он откинул полог, встал с постели и вышел на крышу.

Стояла восхитительная, лунная ночь. Огромная, безмолвная Калькутта, погруженная в сон, напоминала чем-то океан, когда он спокоен. Над крышами пробегал легкий ветерок, убаюкивая огромный город.

Мохендро не в силах был больше подавлять желание, так давно владевшее всем его существом. С тех пор как вернулась Аша, он ни разу не видел Бинодини. Пьянящее безмолвие лунной ночи взволновало молодого человека, все его мысли устремились к Бинодини.

Он спустился на веранду, примыкавшую к комнате Бинодини, и, увидев, что дверь не заперта, вошел. Постель была пуста. Бинодини находилась в это время на южной веранде.

Услыхав шаги в своей комнате, она крикнула:

— Кто там?

— Это я, Бинод! — ответил Мохендро очень тихо и прошел на веранду.

Теплыми ночами, постелив циновку на южной веранде, вместе с Бинодини обычно спала и Раджлочки.

— Мохим! — послышался ее голос. — Ты почему здесь так поздно?

Глаза Бинодини метнули из-под черных густых бровей в его сторону взгляд, подобный молнии. Мохендро, ничего не говоря, быстро покинул комнату.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Небо, такое знойное накануне, сегодня затянули мягкие серые облака. Мохендро ушел в колледж раньше обычного. Его белье, нуждавшееся в стирке, лежало на полу. Аша по счету сдавала его прачке. Мохендро был очень рассеян, и поэтому всегда просил жену перед стиркой проверять его карманы. Аша сунула руку в карман рубашки и обнаружила там письмо. Лучше бы это письмо превратилось в ядовитую змею и укусило Ашу за руку, — через пять секунд яд оказал бы свое действие, скоро все было бы

кончено. Но яд, проникающий в душу, — страшнее: он причиняет смертельные страдания, но не приносит смерти. Аша взглянула на письмо и узнала почерк Бинодини. Она мгновенно побледнела, вышла в соседнюю комнату и стала читать его.

«Неужели тебе мало того, что ты натворил вчера ночью? Сегодня с Кхеми ты потихоньку передал мне записку. Как тебе не стыдно? Что она могла подумать? Ты, видно, хочешь опозорить меня перед всеми!

Чего тебе нужно от меня? Любви? Но почему ты так унижаешься, вымализая ее? Тебя с рождения окружали любовью, но жадности твоей нет предела. Я лишена в этом мире права любить и быть любимой и, быть может, поэтому удовлетворяла свою потребность в любви, играя в нее. Ты тоже принял участие в этой игре. Но разве не прошли каникулы, отведенные для игр? Тебя призывает твой долг перед семьей, зачем же снова заглядывать в комнату для игр? Очистись от грязи и войди в свой дом. У меня нет семьи, и я одна буду вести любовную игру, тебя не позову больше.

Ты пишешь, что любишь меня. Во время игры я еще могла в это поверить, но сейчас ни за что! Было время, ты думал, что любишь Ашу. Потом тебе показалось, что ты любишь меня. Но ты любишь только себя одного. Жажда любви иссушила мое сердце, однако в одном я уверена: не в твоих силах утолить эту жажду. Прошу тебя: оставь, не преследуй меня, не позорь, позабыв стыд. Мне надоело играть в любовь. Ничто не откликается во мне на твои призывы. Ты называешь меня жестокой, — возможно, ты и прав. Но зато во мне сохранилась капля великодушия, поэтому я и отказываюсь от тебя. Не вздумай отвечать на это письмо, иначе мне придется спасаться бегством».

Аше казалось, что пол ускользает у нее из-под ног, тело ее обмякло, свет померк в глазах, она задыхалась. Хватаясь за стену, за шкаф, за стул, Аша медленно опустилась на пол. Через некоторое время она пришла в себя и снова попыталась прочесть письмо, но потрясенный ум отказывался понять его смысл, — черные строчки плясали перед глазами. Что же это? Что случилось?! Неужели все погибло?! Что делать, кого звать на помощь, куда

бежать? Аше не хватало воздуха, словно рыбе, выброшенной на сушу. И, подобно утопающему, который тщетно простирает руки к небу, Аша стала искать опору у себя в душе.

Наконец из груди ее вырвался сдавленный стон:

— Тетя!

И тогда из глаз ее полились слезы.

Аша рыдала, сидя на полу.

«Что же мне делать с этим письмом?» — стала она думать, немного успокоившись. Если муж узнает, что письмо попало к ней, ему будет очень стыдно... Аше не хотелось унижать Мохендро, и она решила положить письмо в карман и не отдавать рубашку в стирку, а повесить ее на вешалку. С этим намерением она вернулась в спальню. Прачка между тем, опершись на узел с бельем, задремал. Аша уже собиралась положить письмо на прежнее место, но в этот момент ее окликнули:

— Дорогая!

Аша поспешно бросила рубашку и письмо на кровать и села на них.

— Прачка подменивает крупные вещи, — сказала, входя, Бинодини. — Я возьму белье, на котором еще не сделаны метки.

Аша не в силах была взглянуть в глаза подруге. Она боялась, что по ее лицу Бинодини обо всем догадается. Поэтому она отвернулась к окну и стала смотреть на небо, губы ее были плотно сжаты, глаза полны слез.

Бинодини удивленно посмотрела на Ашу, потом подумала: «Она знает, что произошло сегодня ночью, и теперь сердится на меня. Будто я виновата».

Бинодини и не пыталась поговорить с Ашей. Она собрала белье и быстро вышла из комнаты.

О, как больно и стыдно было Аше, что столько дней она считала Бинодини искренним другом. Как не похожа идеальная подруга, образ которой Аша хранила в душе, на ту, другую Бинодини, вставшую со страниц жестокого письма.

Аша снова развернула письмо, но в это время в комнату торопливо вошел Мохендро. Что-то заставило его уйти с лекции домой. Аша спрятала письмо в сари. Увидев жену, Мохендро остолбенел и стал беспокойно ша-

рить глазами по комнате. Аша сразу догадалась, что он ищет. Ей хотелось незаметно положить письмо в карман рубашки и убежать из комнаты, но как это сделать?

Мохендро бросился к белью и стал судорожно перебирать его. Аша не выдержала. Она бросила письмо и рубашку на пол, прислонилась к столбику кровати и закрыла лицо рукой. Мохендро схватил письмо, постоял в нерешительности, глядя на жену, потом до слуха Аши донесся звук его шагов. Мохендро торопливо сбежал по лестнице.

— Госпожа, — услышала Аша голос прачки. — Сколько еще мне ждать? Уже поздно, а мне домой добираться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В тот день Раджлокхи не позвала Бинодини к себе. Она даже не подняла глаз, когда Бинодини, как обычно, вошла в кладовую.

— Тетя, — заговорила Бинодини, заметив это, — вы, паверное, плохо себя чувствуете. И не удивительно. Вчера ночью Мохендро отличился! Ворвался словно безумный. Я потом совсем не могла уснуть.

Тень пробежала по лицу Раджлокхи, но она ничего не ответила.

— Кто знает, — продолжала Бинодини, — может быть, он повздорил с Ашей, хотел пожаловаться на нее или посоветоваться со мной, как ему быть, и не смог дожждаться утра. Не стоит, тетя, так сердиться! Ваш сын, возможно, обладает тысячами достоинств, но ему не свойственно терпение. Из-за этого мы всегда и ссоримся с ним.

— Ты говоришь глупости, — нарушила наконец молчание Раджлокхи. — Но я не в настроении обсуждать это сегодня.

— Я тоже, тетя. Чтобы не огорчать вас, я солгала, пыталась скрыть вину вашего сына. Но, видно, напрасно.

— Я сама знаю достоинства и недостатки своего сына, — возразила старая женщина. — Но что в тебе столько коварства, никогда не предполагала.

Бинодини хотела что-то сказать, но сдержала себя и лишь ответила:

— Вы правы, тетя, люди не знают друг друга. Даже себя не каждый может понять до конца. Но разве вы сами, в душе презирая невестку, никогда не хотели, чтобы эта коварная женщина пленила вашего сынка? Признайтесь...

— Негодяйка! — вспыхнула Раджлокхи. — Как смеешь ты оскорблять чувства матери! Как язык у тебя не отвалится!

— Мы, женщины, — порода лицемерная, — спокойно продолжала Бинодини. — Я и не подозревала, сколько во мне коварства, зато это очень хорошо известно вам! Если бы мы обе с вами не хитрили, ничего бы не случилось. Я расставила ловушку сознательно и в то же время невольно. Точно так поступаете и вы. Все мы коварны. Таковы женщины!

Задыхаясь от гнева, Раджлокхи бросилась вон из кладовой. Бинодини осталась одна, глаза ее горели лихорадочным блеском.

Закончив утренние хлопоты по хозяйству, Раджлокхи послала за сыном. Мохендро догадался, что мать хочет поговорить с ним о том, что произошло. После письма Бинодини на душе у него было беспокойно. Его взволнованное сердце вопреки всему продолжало тянуться к ней. Поэтому Мохендро и не хотелось говорить с матерью. Он чувствовал, что не выдержит, если она начнет упрекать его, и выскажет все, что накопилось у него на сердце. А это, разумеется, к добру не приведет. Какое-то время ему надо было побыть одному и вне дома, чтобы все хорошенько продумать.

— Передай госпоже, — сказал он слуге, который пришел за ним, — что я очень занят и ухажу сейчас в колледж. Как только вернусь, непременно зайду к ней.

И, словно спасающийся бегством напроказивший мальчишка, Мохендро торопливо оделся и выбежал из дому без завтрака, забыв даже о злополучном письме Бинодини, которое он перечитывал столько раз.

Прошел ливень, но небо оставалось пасмурным. Бинодини снедало чувство раздражения. Обычно, когда у нее бывало скверно на душе, она находила утешение в работе. Так и сегодня: собрав все новое белье, Бинодини принялась делать на нем метки. В спальне, куда она при-

шла за бельем; она столкнулась с расстроенной Ашей, и настроение у нее окончательно испортилось. «Все равно все считают меня преступницей, — думала она, — зачем же невинно страдать? Надо насладиться преступлением».

На улице опять заморосил дождь. Бинодини сидела на полу перед грудой белья. Кхеми подавала ей вещь за вещью, а она чернилами ставила метку.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошел Мохендро. Кхеми бросила работу и, натянув на голову покрывало, выбежала вон.

Бинодини вскочила, уронив белье на пол.

— Уходи, уходи из моей комнаты!

— Почему? Что я сделал? — спросил Мохендро.

— Что сделал? Жалкий трус! Разве ты в состоянии что-нибудь сделать? Ты не умеешь ни любить, ни следовать своему долгу! Ты только позоришь меня!

— Ты хочешь сказать, что я не люблю тебя?

— Вот именно. Все ты делаешь украдкой, прячась, словно вор. Я не люблю тебя и презираю... Уходи...

— Ты презираешь меня, Бинод?! — воскликнул Мохендро в отчаянии.

— Да, презираю!

— Настало время искупления, Бинод! Говори — пойдешь ты за мной, если я брошу все и уйду из дома?

Мохендро с силой сжал руки молодой женщины и притянул ее к себе.

— Оставь, мне больно!

— Пусть! Отвечай: пойдешь?

— Нет, нет! Ни за что!

— Но ты сама привела меня к гибели и теперь не смеешь покинуть меня! Ты должна уйти со мной, — говорил Мохендро, прижимая к груди молодую женщину. — Даже презрением ты меня не оттолкнешь. Я тебя заставлю полюбить меня!

Бинодини с трудом высвободилась из его объятий.

— Ты сама зажгла огонь, — продолжал Мохендро, — и теперь уже не можешь ни погасить его, ни скрыться! — Он говорил все громче и громче. — Ты говоришь, что это игра, пусть так. Но тебе из этой игры уже не выйти. Теперь у нас одна судьба!

— Мохим, что ты тут делаешь? — услышался голос Раджлокхи.

Мохендро перевел безумный взгляд на мать, появившуюся на пороге, затем снова обратился к Бинодини.

— Я брошу все! — воскликнул он. — Скажи, Бинод, ты уйдешь со мной?

Бинодини взглянула в разгневанное лицо Раджлокхи, затем взяла Мохендро за руку и спокойно сказала:

— Да!

— Потерпи еще день, — говорил Мохендро. — Завтра мы покинем этот дом, и никто нас не разлучит!

Он быстро вышел из комнаты.

— Госпожа, — заглянул в комнату прачка, — я не могу больше ждать. Если сегодня вам некогда, я приду за бельем завтра.

— Госпожа, — появилась в дверях Кхеми, — конюх говорит, что корм для лошадей кончился.

В обязанности Бинодини входило выдавать конюху на неделю корма для лошадей, и она всегда из окна наблюдала за тем, как их кормили.

— Госпожа, Джаду-носильщик поссорился с домоуправляющим Шадхучороном, — сообщил слуга Гопал. — Он говорит, что оставит работу, как только ему оплатят счет на керосин и выдадут жалованье.

Жизнь в доме продолжала идти своим чередом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Накануне выпускных экзаменов Бихари неожиданно бросил медицинский колледж, в котором учился.

— Прежде чем заботиться о здоровье других, — говорил он всем, кого удивлял его поступок, — надо подумать о своем.

Бихари был очень деятелен по своей натуре. Он не стремился ни к наживе, ни к славе, на жизнь ему тоже не нужно было зарабатывать, но сидеть сложа руки он не мог.

В Шибопуре Бихари изучал инженерное дело. После того же как любопытство его было удовлетворено и он

приобрел знания, которые считал нужными для себя. Бихари поступил в медицинский колледж.

Мохендро уже учился там и был на курсе старше его. Своей дружбой они прославились среди бенгальских студентов, которые в шутку прозвали их сиамскими близнецами. В прошлом году Мохендро провалился на экзаменах, и друзья оказались на одном курсе.

Когда они неожиданно поссорились, все, кому была известна их дружба, не знали, что и думать.

Бихари избегал появляться там, где можно было встретить Мохендро.

Приближались экзамены. Все были уверены, что Бихари их блестяще выдержит и получит звание и награду, но он неожиданно ушел из колледжа.

В хижине, рядом с его домом, жил бедный брахман Раджендро Чоккроборти; он работал наборщиком и получал двенадцать рупий в месяц.

— Пусть твой сын живет у меня, — предложил ему Бихари, — я сам буду учить его.

Брахман очень обрадовался и с радостью доверил восьмилетнего Бошонто молодому человеку.

Бихари обучал мальчика по системе, которую сам придумал.

— До десяти лет я не буду заставлять его читать, — говорил он, — пусть все заучивает на слух.

Бихари играл с мальчиком, они вместе посещали музей, зоопарк в Алипуре, ботанический сад. Бихари обучал мальчика английскому, истории, проверял и развивал его сообразительность. На все это у Бихари уходило много времени, для себя у него не оставалось ни минуты свободной.

В тот день с самого утра начался ливень и нельзя было выйти на улицу. К полудню дождь прекратился, а затем полил с новой силой. Бихари зажег свет в большой комнате своего двухэтажного дома и занялся с Бошонто новой игрой.

— Бошонто, — говорил он, — скажи быстро, сколько балок на потолке, только не считай!

— Двадцать, — ответил мальчик.

— Неверно! Восемнадцать!

Указав на жалюзи, Бихари тут же поднимал их и спрашивал:

— Сколько дощечек?

— Шесть!

— Правильно!

— Какой длины эта скамейка? Сколько весит эта книга? — Подобными вопросами Бихари тренировал наблюдательность воспитанника.

— Господин, — доложил вошедший в комнату слуга, — там какая-то женщина... — Он не успел договорить, как в комнату вошла Бинодини.

— Что-нибудь случилось? — удивился Бихари.

— Есть у вас в доме кто-нибудь из родственников? — не отвечая на его вопрос, спросила Бинодини.

— Никого из женщин! У меня есть тетя, но она живет в нашем деревенском домике.

— Отвезите меня к ней.

— В качестве кого?

— Как служанку. Я буду вести там хозяйство.

— Тетя удивится, она не жаловалась мне на недостаток служанок. Но сначала я должен знать, почему вам в голову пришла такая фантазия. Иди спать, Бошонтто.

— От меня вы узнаете лишь то, что произошло, — сказала Бинодини, когда мальчик вышел. — А внутренний смысл этого вам все равно не понять.

— Это уже моя забота.

— Хорошо, понимайте как знаете. Мохендро влюблен в меня.

— Это не новость, и не такое уж радостное известие, чтобы я жаждал услышать его еще раз.

— Я согласна с вами. Поэтому и пришла искать у вас приюта.

— Согласны? А кто навлек беду? — воскликнул Бихари. — Разве не вы толкнули Мохендро на этот путь?

— Я! — ответила Бинодини. — Не буду скрывать от вас, я виновата во всем. Плохая я или хорошая, но хоть вы попытайтесь понять, что творится у меня в душе... Я подожгла дом Мохендро огнем, который пылал в моей груди. Какое-то время мне казалось, что я люблю его. Но это была ошибка.

— Разве, полюбив, обязательно устраивать пожар?

— Это, наверное, цитата из ваших шастр! — заметила Бинодини. — Но сейчас мне не до них. Оставьте свои книги и, как всевышний, загляните в мое сердце. Я не скрою от вас ничего.

— Я не зря руководствуюсь шастрами. Один лишь всевышний в силах понять до конца каждое движение человеческой души. Если же мы не будем следовать предписаниям шастр, то дойдем бог знает до чего...

— Послушайте, Бихари, признаюсь вам без смущения, что только вы могли бы остановить меня! Мохендро действительно влюблен, но он безнадежно слеп и не понимает меня. Однажды мне показалось, что вы можете понять меня и даже относиться ко мне с уважением. Ведь это было, не пытайтесь отрицать.

— Да, я уважал вас!

— И не зря, Бихари! Но почему вы не решились пойти дальше? Что мешало вам полюбить меня? — взволнованно продолжала Бинодини. — Забыв стыд, я пришла к вам и спрашиваю — почему вы не полюбили меня? Горькая моя доля! Неужели вы так любите Ашу? Нет, не сердитесь. Присядьте, пожалуйста. Я буду откровенна с вами. Я догадалась, что вы любите ее, еще тогда, когда вы сами не подозревали этого. Ума не приложу, что вы все нашли в ней. Ну, скажите, что в этой женщине хорошего или хотя бы плохого? Почему всевышний дал мужчинам глаза, но лишил их пронизательности? Как легко вас одурачить! Глупцы! Слепые!

— Я выслушаю вас до конца, — сказал Бихари, вставая. — Но об одном прошу, не говорите, чего не следует.

— Я знаю, это причиняет вам боль, — продолжала Бинодини. — Но ведь я пришла, поступившись стыдом и страхом, к тому, кто когда-то уважал меня и кто, полюбив, придал бы моей жизни смысл. Будьте же снисходительны, подумайте и о моих страданиях. Поверьте, если бы не ваша любовь к Аше, я не причиняла бы ей столько горя.

— Что с ней? — воскликнул, побледнев, Бихари. — Что еще вы натворили?

— Мохендро решил уйти со мной.

— Невозможно! — крикнул Бихари.

— Невозможно? — повторила Бинодини. — Но кто в силах теперь удержать его!

— Вы!

Некоторое время Бинодини молчала.

— Для кого стану я это делать? — заговорила она наконец, устремив взгляд на Бихари. — Для вашей Аши? А что будет со мной? Неужели я должна отказаться от всего во имя вашей Аши, во имя благополучия самого Мохендро? Я не настолько добродетельна! И не начиталась до такой степени шастр.

Лицо Бихари все больше мрачнело.

— Вы старались быть со мной откровенны, — проговорил он. — Теперь моя очередь. Я отплачу вам тем же. И скандал, устроенный вами в доме Мохендро, и все то, что вы говорили мне сейчас, — результат влияния драм и романов, которых вы читались.

— Драм и романов?! — воскликнула Бинодини.

— Да, драм и романов. И к тому же дешевых. Вам кажется, что вы сами все придумали, но это не так. Все это влияние книг. Будь вы простой, невежественной девушкой, вы бы не были лишены любви в этом мире. Героиня драмы получает признание на сцене. Но никто не захочет держать ее у себя в доме.

Куда исчезли горячность и безмерная гордость Бинодини? Она, словно загнипнотизированная змея, застыв и наклонив голову, слушала Бихари.

— Скажите, что мне делать? — тихо спросила Бинодини, не глядя в лицо Бихари.

— Не желайте ничего необычного! Поступите так, как поступила бы на вашем месте любая простая разумная женщина. Уезжайте в деревню.

— Как же я поеду?

— Я провожу вас и посажу в вагон!

— Но эту ночь я проведу у вас?

— Нет! — воскликнул Бихари. — Я не настолько доверяю себе!

Бинодини опустилась на пол и, обхватив ноги Бихари, прижалась к ним.

— Ну хоть на несколько мгновений стань слабым, Бихари. Не будь непорочным, как каменное изваяние!

Стань хоть чуточку хуже! Полюби грешницу! — Бинодини покрыла поцелуями ноги Бихари.

Потрясенный неожиданным взрывом чувств Бинодини, Бихари долго не мог прийти в себя. Он потерял над собой власть. Бинодини это почувствовала, опустилась перед ним на колени и обняла его.

— Жизнь моя, — горячо говорила она. — Я знаю, ты не можешь принадлежать мне вечно. Но полюби меня хоть на миг! После этого я скроюсь в лесу и никого не буду видеть! Подари мне воспоминание, и я буду хранить его до конца дней своих.

Бинодини закрыла глаза и приблизила свои губы к губам Бихари. На мгновение оба замерли. В комнате стало совсем тихо. Но через минуту Бихари, глубоко вздохнув, высвободился из объятий Бинодини и пересел на другой стул.

— Поезд отходит в час ночи, — сказал он прерывающимся от волнения голосом.

Бинодини словно окаменела.

— Я поеду, — едва слышно прошептала она.

Неожиданно в комнату вошел Бошонтто, босиком и без рубашки. Встав рядом с Бихари, мальчик принялся с серьезным видом разглядывать незнакомку.

— Почему ты не спишь? — спросил Бихари.

Бошонтто ничего не ответил, продолжая рассматривать Бинодини.

Бинодини протянула ему руки. После минутного колебания мальчик осторожно подошел к ней. Молодая женщина прижала его к груди и разрыдалась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Если бы невозможное не становилось возможным, а непереносимое — переносимым, никто в семье Мохендро не пережил бы ту ночь и тот день. Домой Мохендро не вернулся, накануне он написал Бинодини письмо, в котором просил ее быть готовой к отъезду. Это письмо пришло с утренней почтой.

Аша была еще в постели, когда слуга принес ей письмо. Сердце ее учащенно забилося. В груди затеснились

тысячи надежд и сомнений. Она быстро подняла голову и взглянула на конверт: на нем рукой Мохендро было написано имя Бинодини. И снова голова Аши опустилась на подушку. Она молча вернула письмо слуге.

— Кому отдать письмо? — спросил он.

— Не знаю.

Вечером, часов в восемь, Мохендро, как буря, появился у дверей Бинодини. В комнате было темно. Мохендро зажег спичку и увидел, что там нет ни Бинодини, ни ее вещей. На южной веранде ее тоже не было.

— Бинод! — позвал он.

Никакого ответа.

«Глупец! Дурак! — ругал он себя. — Нужно было тогда же увезти ее. Конечно, мать стала ее бранить, и она не смогла оставаться в доме».

Едва у Мохендро появились эти предположения, как он твердо поверил в них. Не владея собой, Мохендро бросился в комнату матери. Там тоже не зажигали лампы, но в сумерках он увидел Раджлокхи, лежавшую на кровати.

— Что вы тут наговорили Бинодини? — гневно спросил он.

— Ничего.

— Почему же она исчезла?

— Не знаю!

— Не знаешь? — недоверчиво повторил Мохендро. — Ладно! Но я все равно отыщу ее, где бы она ни находилась!

И Мохендро выбежал из комнаты.

Раджлокхи торопливо поднялась с постели и пошла за сыном.

— Мохим, не уходи! — кричала она. — Вернись, выслушай меня!

Мохендро, не оглядываясь, выбежал из дома, но тут же вернулся и спросил привратника:

— Куда ушла госпожа?

— Нам ничего не сказали, мы ничего не знаем, — испуганно ответил тот.

— Не знаешь! — зло крикнул Мохендро.

— Правда, господин, не знаю! — взмолился привратник.

«Всех их мать научила, — с горечью подумал Мохендро. — Ну, что ж, пусть будет так».

На улицах большого города в сгущающихся сумерках при свете газовых фонарей сновали взад и вперед, наперебой предлагая свой товар, продавцы льда и мангровой рыбы. Шумная вечерняя толпа поглотила Мохендро.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

До сих пор Бихари не имел обыкновения сидеть по ночам и размышлять о своих чувствах, потому что не считал себя предметом, достойным размышления. У него всегда была работа, занятия, друзья, близкие. Отраднo было сознавать, что окружающий мир значит для него больше, чем он сам. Но вот от одного удара все исчезло, он оказался совсем один на поднявшейся к самому небу вершине страданий, объятый мраком гибели и отчаяния. Он стал бояться одиночества и, чтобы уйти от своих мыслей, работал, не зная отдыха.

Но сегодня ни работой, ничем другим настоящий Бихари не в силах был изгнать из себя того, другого, который теперь жил в нем. С тех пор как он вчера проводил Бинодини в деревню, чем бы он ни занимался, с кем бы ни встречался, его тайно страждущее сердце сжималось от тоски и не давало ему забыться. Усталость и подавленность овладели Бихари.

Было около девяти часов вечера. Свежий ветерок, такой приятный в конце жаркого дня, дул на веранде, прилегающей к спальне Бихари. Безлунной темной ночью Бихари расположился там в кресле.

Сегодня он не стал заниматься с Бошонто и рано отпустил его. В этот вечер, как никогда раньше, Бихари нуждался в утешении, в друге, его охватила тоска по старой, привычной жизни; словно покинутый матерью ребенок, душа его искала кого-то во мраке, окутавшем мир. Куда исчезли его твердость и самообладание? Бихари всем сердцем тянулся к тем, о ком поклялся не думать. У него больше не было сил сопротивляться.

Воспоминания о днях, проведенных с Мохендро, пестрые и яркие, как страны, моря, реки и горы на географической карте, всплыли в памяти.

Бихари размышлял над тем, как столкновения с некогда далекими планетами поколебали тот маленький мир, с которым он связал свою жизнь. Какая же планета появилась первой? В темноте перед ним вставало освещенное нежно-алыми лучами заходящего солнца смущенное юное личико Аши, в ушах победно звучали раковины, возвестившие о радостном событии. То Звезда, Дарующая Счастье, пришла из бескрайнего непостижимого неба судьбы и встала между друзьями. Она принесла разлуку и невыразимое страдание.

Но это страдание было озарено светом редкой любви и нежности.

Потом возшла звезда Сатурн; дружба, супружеская любовь, покой и неприкосновенность семейного очага — все обратилось в пепел. Бихари пытался ненавидеть Бинодини, отогнать от себя образ этой загадочной, восхитительно прекрасной женщины, который четко вырисовывался перед ним во мраке, но не мог этого сделать. Из темноты на него пристально смотрели прекрасные, полные тайны, черные глаза. Летний ночной ветерок напоминал Бихари о ее глубоких вздохах. Он видел, как постепенно теплел ее взгляд, глубокая нежность смягчила и наполнила слезами эти страстные, горящие глаза. Вот женщина упала к ногам Бихари и самозабвенно прижалась к его коленям, затем, как лиана, обвилась вокруг него и запечатлела на его устах страстный, ароматный, словно распустившийся цветок, поцелуй.

Закрыв глаза, Бихари пытался вырваться из плена своих грез, освободиться от чар, но у него не хватало сил. Ощущение на губах легкого волнующего поцелуя вызывало трепет во всем теле.

Бихари не мог больше оставаться один во мраке и поспешно спустился в залитую светом комнату.

Там, в углу на столике, обернутая в шелк, лежала фотография. Бихари развернул ее, положил себе на колени и сел поближе к свету.

Перед ним была фотография Аши и Мохендро, сделанная вскоре после их свадьбы. На обратной стороне

Мохендро и Аша написали свои имена. Снимок запечатлел счастье первых дней совместной жизни новобрачных. Мохендро сидел в кресле, по выражению его лица было видно, что он весь во власти нового для него чувства. Аша стояла рядом. Фотограф не дал ей накинуть на голову покрывало, но не смог стереть с лица ее смущение. А теперь? Теперь Мохендро далеко, сколько слез пролила из-за него Аша! Бихари снова взглянул на фотографию, Мохендро по-прежнему выглядел влюбленным. Этот глупый снимок казался сейчас Бихари насмешкой судьбы. Он держал его перед собой, напрасно пытаясь отогнать от себя мысли о Бинодини, и чувствовал, как ее юные, нежные руки обхватывают его колени.

«Ты погубила такую любовь!» — в тоске упрекал ее Бихари. Но трепетный, полный мольбы поцелуй как бы говорил: «Я люблю тебя! Ты единственный для меня во всем мире!»

Но разве это оправдание? Разве можно этими словами заглушить стоны разрушенного семейного очага? Злая колдунья!

Колдунья! Бихари проклинал Бинодини и в то же время испытывал нежность к ней. Его лишили дружбы, которая значила для него больше жизни, и, как нищего, оставили одного на дороге, как же мог он отвергнуть неожиданный дар этой безграничной любви? До сих пор он вымаливал лишь крохи из ее сокровищницы, принося всего себя в жертву. Разве знал он когда-нибудь что-либо подобное? Так неужели сейчас, когда щедрая богиня Любви прислала ему золотую чашу, полную яств, приготовленных ею самою, он, несчастный, оттолкнет ее?

Размышления Бихари прервал звук шагов. Он вздрогнул и, подняв глаза, увидел Мохендро. В смущении Бихари вскочил, снимок упал на ковер, но он не обратил на это внимания.

— Где Бинодини? — не здороваясь, в упор спросил Мохендро.

— Мохим. — Бихари подошел и взял Мохендро за руку. — Присядь, друг, нам о многом следует поговорить.

— У меня нет времени для разговоров! Где Бинодини?

— Я не могу ответить так сразу. Тебе придется выслушать все спокойно.

— Будешь поучать? Но я наставлений наслушался еще в детстве.

— У меня нет права поучать тебя, да я и не умею.

— Значит, я должен выслушать твои упреки? Но мне самому известно, что я эгоист, подлец и все прочее. Говори, ты знаешь, где Бинодини?

— Знаю.

— Где она?

— Не скажу!

— Ты должен сказать! Ты похитил и спрятал ее! Она моя, верни мне ее!

— Нет, она не твоя! — твердым голосом возразил Бихари после минутного молчания. — И я не похищал ее, она сама ко мне пришла.

— Врешь! — загремел Мохендро и, бросившись к двери в соседнюю комнату, стал стучать в нее.

— Бинод! Бинод! — громко звал он.

Из комнаты донесся плач.

— Не пугайся, Бинод, это я, Мохендро! Я освобожу тебя, никто не смеет держать тебя под замком!

Мохендро ударил изо всех сил, и дверь распахнулась. Ворвавшись в комнату, он увидел в полумраке на постели сжавшегося от страха, рыдающего мальчика. Бихари быстро вбежал вслед за Мохендро, взял мальчика на руки и принялся успокаивать его.

— Не бойся, Бошонто, не бойся! — говорил он.

Мохендро обошел весь дом. Когда он вернулся, мальчик все еще продолжал плакать. Бихари зажег свет, уложил его в постель и стал успокаивать.

— Где ты спрятал Бинодини?

— Не поднимай шума, Мохим. Ты и так напугал ребенка, как бы он не заболел. Я повторяю, тебе совсем не нужно знать, где Бинодини.

— Святоша! Великий духом аскет! — снова вспылил Мохендро. — Не цитируй мне шастры. Интересно, какие молитвы ты бормочешь всю ночь и какому богу... с портретом моей жены на коленях! Ханжа! — Он ботинком разбил стекло фотографии, лежавшей на полу, изорвал ее на мелкие кусочки и швырнул в лицо Бихари.

Бошонто, напуганный безумной выходкой Мохендро, заплакал еще сильнее. Бихари от гнева почти лишился

дара речи. Указав рукой на дверь, он только и мог произнести:

— Вон!

Мохендро бурей вылетел из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда Бинодини, устроившись в пустом вагоне, смотрела в окно на пронесившиеся мимо пашни и скрытые в тенистых рощах селения, ей хотелось зажить бесхитростной и спокойной сельской жизнью. Там, в тени рощ, казалось ей, в деревенском гнездышке, созданном ее воображением, в обществе любимых книг она успокоится и забудет все страдания, горе и унижения городской жизни. «Мне ничего не пужно больше, — думала Бинодини, глядя, как садится солнце за поблекшими после уборки урожая, простирающимися до самого горизонта полями. — Только бы найти забвение в этом неподвижном золотом мире тишины и после долгого плаванья по бурным волнам океана счастья и горя тихим вечером пристать к берегу и привязать ладью своей жизни у подножия молчаливого баньяна».

А поезд все мчался вперед. Время от времени до Бинодини доносился аромат цветущего манго, и от этого ей еще больше хотелось очутиться в деревне, среди тишины и покоя.

«Так будет лучше, — думала молодая женщина. — Я надоела самой себе. Нужно все забыть, забыться... Я с радостью проведу остаток дней своих в деревне, займусь хозяйством, буду работать в поле».

Окрыленная надеждой, вошла Бинодини к себе в хижину. Но что это? Где желанный покой? Кругом пустота и нищета, все вокруг ветхо, неряшливо, запущено, грязно. Дом долгое время был заперт, в нем завелась сырость и стоял такой затхлый воздух, что трудно было дышать. Мебели в доме было немного, да и ту поел жучок, погрызли мыши, покрыла пыль. Погруженный во мрак, дом показался Бинодини мрачным и безрадостным. С трудом удалось Бинодини разжечь глиняный светильник с горчичным маслом. Но при его тусклом свете жилище

выглядело еще более убогим. То, что раньше не имело для Бинодини никакого значения, теперь раздражало ее. Всем сердцем она восстала против такой жизни. Нет, она не останется здесь ни секунды! В запыленной нише лежало несколько книг и журналов, но Бинодини даже не прикоснулась к ним.

Было безветренно, из манговой рощи доносилось пение цикад, гудение комаров.

Старая опекунша Бинодини уехала в этот день к зятю навестить свою дочь. Бинодини зашла к соседям. Ее наружность поразила их.

— Какая она нарядная! Как похорошела, стала совсем похожа на мэм-сахиб! — говорили соседки, перемигиваясь и шепча между собой, словно вид Бинодини подтверждал слухи, дошедшие до них.

Бинодини все больше и больше чувствовала, что она чужая в деревне. Собственный дом казался ей тюрьмой. Нигде она не находила ни минуты покоя.

Деревенского старика почтальона Бинодини знала с детства. На следующий день, когда она шла купаться на пруд, он попался ей навстречу. Со своей неизменной сумкой на боку, старик шагал по дороге. Бинодини не удержалась и, в волнении бросив полотенце, окликнула старика:

— Есть для меня что-нибудь, Панчу-дада?

— Нет.

— Не может быть! Я сама проверю.

Она перебрала все письма, но для нее ничего не было. Когда, опечаленная, она вернулась к берегу, одна из ее подруг, с любопытством поглядывая на нее, спросила:

— Ты с таким нетерпением ждешь письма, Бинод?

— Что ж! — бесцеремонно вмешалась в разговор другая. — Немногим выпадает счастье получить письма! У нас мужья, братья, девери хоть и работают далеко отсюда, а почтальоны писем не носят.

Так злословили деревенские кумушки, поглядывая с насмешкой на Бинодини. Уезжая, Бинодини просила Бихари если не каждый день, то два раза в неделю писать ей хотя бы две строчки. Конечно, было маловероятно, чтобы письмо от Бихари пришло именно сегодня, но Бинодини очень хотелось этого, потому в душе ее теплилась

надежда, что почти невозможное сбудется. Ей казалось, что она уже давно покинула Калькутту.

Сплетни о Бинодини и Мохендро каким-то образом проникли в деревню и по милости друзей и недоброжелателей стали известны ей. И здесь нет покоя!

Бинодини начала избегать людей, но это еще больше раздражало их — они не хотели лишать себя удовольствия презирать сбившуюся с пути женщину и причинять ей боль.

Скрыться в маленькой деревушке от ее обитателей совершенно невысказимо. Здесь невозможно найти укромный уголок и в одиночестве залечить сердечные раны. На каждом шагу их бередят злые, горящие любопытством взгляды. Душа Бинодини билась в судорогах, словно пойманная рыба! Здесь негде было даже выплакать свое горе.

Когда и на другой день не пришло письмо, Бинодини заперлась у себя в комнате и сама села писать Бихари.

«Брат мой, — начала она, — не пугайся, я не собираюсь писать тебе любовное послание. Ты мой судья, и я низко склоняюсь перед тобой. Ты сурово наказал меня за мой грех, и я сама подвергла себя тому наказанию, которое ты назначил. Но, к несчастью, ты не можешь видеть, насколько оно жестоко. Знай ты, как я мучаюсь, ты не отказал бы мне в своем великодушии. Вспоминая тебя и мысленно припадая к твоим стопам, я смогу вынести все это. Но разве заключенного лишают пищи, повелитель мой? Я не прошу изысканных яств — узнику дают немного, ровно столько, чтобы он не умер. Твои коротенькие письма были бы моей пищей в этой темнице. Без них же я чувствую себя приговоренной не к ссылке, а к смертной казни. О судья, не подвергай меня столь жестокому наказанию. Не было предела тщеславию моей грешной души, — мне и во сне не снилось, что пайдется человек, перед которым я так низко склоню голову. Ты победил, господин мой, я больше не буду бунтовать. Но сжался надо мною, спаси меня! Помоги мне жить в этой глуши, и никто не вырвет меня из-под твоей власти. Клянусь, я не стану докучать тебе своими страданиями, и верь, сдержу эту клятву. Твоя сестра Бинод».

Когда стало известно, что Бинодини бегала на почту отправлять письмо, вся деревня осудила ее. «Закрылась

дома, пишет письма, все время к почтальону пристаёт — так недолго пробыла в Калькутте, а уже успела потеть и стыд и совесть!» — негодовали соседи.

Прошел еще день, от Бихари по-прежнему ничего не было. Бинодини словно окаменела, лицо ее помрачнело. Из темных глубин души ее поднимались и искали выхода жестокие разрушительные силы, вызванные толками и оскорблениями окружающих и ее собственными терзаниями. Бинодини стало страшно, когда чувство беспощадной мести охватило ее. Она заперлась у себя дома.

У Бинодини не было никакой вещицы, принадлежавшей Бихари, ни письма в несколько слов, ничего... Она искала опору в пустоте, объявшей ее. Бинодини страстно хотелось прижать к груди хоть что-то, напоминающее о Бихари, заставить себя заплакать. Она стремилась слезами растопить просыпающуюся в ней жестокость, погасить пламя сопротивления, чтобы с покорностью и любовью в сердце подчиниться суровому приговору. Но сердце ее пламенело, словно безоблачное небо в знойный полдень, и она не в состоянии была исторгнуть из сердца и слезинку.

Бинодини слышала, что, если все время думать о каком-то человеке и мысленно призывать его, он непременно явится. И молодая женщина, сложив руки и закрыв глаза, принялась призывать Бихари:

«Моя жизнь и сердце мое пусты, вокруг — тоже пустота! Явись хоть на мгновение! Ты должен прийти, я не успокоюсь, пока ты не придешь!»

Бинодини повторяла эти слова до тех пор, пока ей не начало казаться, что они обрели силу ее любви и что призыв ее будет услышан. Бессмысленно жить одними воспоминаниями, собственной кровью питать корни отчаяния в сердце — все это иссушает душу. Но если подчинить все мысли и душевные силы одному желанию, становишься сильнее. Бинодини чудилось, будто ее страстное желание, сметая все на своем пути, с каждой минутой приближает осуществление мечты. Во власти дум о Бихари она не заметила, как вечерние сумерки прокрались в комнату. Казалось, исчез весь мир, не существовало больше ни людей, ни семьи, ни деревни. Неожиданно в дверь постучали. Бинодини бросилась открывать и воскликнула без тени сомнения:

— Ты пришел, повелитель!

Она твердо верила, что это Бихари и никто другой.

— Я пришел, Бинод! — отозвался Мохендро.

— Уходи! Уходи прочь отсюда! Сию же минуту уходи! — крикнула Бинодини. В голосе ее звучало безграничное презрение.

Мохендро застыл на месте.

— Послушай, Бинод, — раздался вдруг у дверей голос пожилой соседки, — завтра приезжает твоя тетка...

Увидев Мохендро, она не договорила, накинута на голову покрывало и обратилась в бегство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Негодование охватило всю деревню.

— Стыд какой! — возмущались старики, сидя у храма. — Что там было у них в Калькутте, дело не наше. Но посылать письмо за письмом и вызвать своего дружка в деревню! Выгнать надо отсюда такую тварь!

Бинодини в тот день была уверена, что получит наконец от Бихари письмо, но снова ошиблась.

«Какие права имеет на меня Бихари? — размышляла она. — Почему я должна его слушаться? Зачем уверяла его, что приму покорно все, что он мне прикажет? Ведь он возится со мной только потому, что хочет спасти свою любимую Ашу! Я ничего не требую от него, а он не может написать мне даже коротенького письма! Неужели я так ничтожна, что заслуживаю лишь презрения! — Ядревности проник ей в душу. — Ради кого-нибудь другого я бы смогла снести столько горя, но только не ради Аши, — говорила себе Бинодини. — Я должна мириться с нищетой, изгнанием, упреками людей, деревенским невежеством, беспросветной жизнью... и все ради Аши! Я поклялась всех их погубить, почему же я нарушила свою клятву? Зачем полюбила Бихари!»

Бинодини неподвижно, словно изваяние, сидела посреди комнаты, предаваясь своим горьким мыслям. В это время вернулась тетка.

— Несчастная! — воскликнула она. — Чего только я не наслушалась о тебе!

— И все это правда, тетя! — ответила Бинодини.

— Зачем ты устроила скандал на всю деревню? Зачем приехала сюда?

Глубоко оскорбленная Бинодини молчала.

— Тебе нельзя оставаться здесь, — продолжала тетка. — Злая судьба отняла у меня всех близких — я все вынесла, но позора я не переживу. Стыдись, ты запятнала наше доброе имя... Уходи сейчас же.

— И уйду...

В этот момент неожиданно появился Мохендро. Со вчерашнего дня он не ел, не умывался. От бессонной ночи глаза его покраснели, лицо осунулось, волосы были в беспорядке. Когда начало светать, он решил еще раз попытаться увести Бинодини. Но душу его после той оскорбительной встречи, которую ему устроила Бинодини, терзали сомнения. Весь день и всю ночь Мохендро провел на станции. И все же перед самым приходом поезда на рассвете решился. Он покинул станцию, нанял извозчика и отправился к Бинодини. Всякому отчаянному поступку сопутствует безрассудство... Мохендро стало вдруг необычайно весело, — все его утомление и раздвоенность исчезли. Деревенские жители, с любопытством смотревшие на Мохендро, казались ему безжизненными глиняными куклами. Не раздумывая, Мохендро бросился к Бинодини.

— Я не настолько труслив, Бинод, чтобы бросить тебя одну здесь, где тебя ждут только оскорбления, — сказал он. — Ты поедешь со мной, клянусь. Все будет так, как ты пожелаешь. Можешь оставить меня, если захочешь, я не стану удерживать. Сжалишься — буду счастлив, нет — уйду с твоего пути. Я подло обошелся с моей семьей, но ты можешь мне довериться. Мы стоим на краю гибели, и сейчас не время лгать.

— Увези меня! — просто и твердо сказала Бинодини. — Экипаж с тобой?

— Да.

В это время из своей комнаты вышла тетка.

— Мохендро, ты не знаешь меня, но я тебе не чужая. Твоя мать, Раджлокхи, из нашей деревни, она часто называла меня тетей. Что ты делаешь, скажи мне? У тебя — жена, мать, а ты, видно, совсем потерял рассудок!

Как сможешь ты теперь показаться на глаза порядочным людям?

Мохендро, до сих пор находившемуся во власти чувства, стало больно от слов старой женщины. Да, у него есть мать, есть жена, есть долг перед обществом. Все вдруг предстало перед Мохендро в ином свете. Мог ли он подумать, что когда-нибудь в далекой, глухой деревушке у дверей незнакомого дома ему придется выслушать подобные упреки. Среди бела дня он, сын почтенных родителей, увозит вдову! Да, это небывалая глава в его биографии!

Мохендро растерянно молчал.

— Сейчас же уходите отсюда! — возмущенно продолжала старуха. — Не смейте стоять у моего дома!

И она сердито хлопнула дверью. Не умывшись, не сменив сари, без вещей, Бинодини молча села в экипаж.

— Нет, нет, — возразила она, когда Мохендро хотел было сесть рядом с ней. — Станция недалеко, ты можешь идти пешком.

— Но ведь вся деревня будет глазеть на меня!

— Неужели тебя еще может смутить что-то? — Бинодини захлопнула дверцу экипажа и, обращаясь к извозчику, приказала: — На станцию!

— А господин не поедет? — изумился извозчик.

Мохендро стоял в нерешительности. Когда экипаж отъехал, он свернул в сторону и, опустив голову, пошел к станции полев.

Навстречу ему попало несколько пожилых женщин, с полотенцами и горшочками масла в руках, которые направлялись к уединенному берегу деревенского пруда, скрытого в тени цветущих манговых деревьев. В это время дня они обычно совершали омовение.

ГЛАВА Сороковая

Раджлокхи не знала, куда исчез сын, и от волнения лишилась сна и аппетита. Управляющий искал Мохендро по всей Калькутте. Между тем Мохендро вернулся в город, оставил Бинодини в нанятой им квартире в Потолданге и той же ночью явился домой.

Первым делом Мохендро пошел в комнату матери. Там царил полумрак, лишь слабо мерцал огонек затененной керосиновой лампы. Раджлокхи, больная, лежала на постели, возле нее сидела Аша и осторожно растирала ей ноги. Прежде Раджлокхи не разрешала ей этого делать.

Как только Мохендро показался на пороге, Аша быстро вышла.

— Мама, — сказал Мохендро, усилением воли собрав все свое мужество. — Я не могу заниматься дома и поэтому снял квартиру недалеко от колледжа.

— Посиди немного, Мохим. — Раджлокхи указала на край постели.

Молодой человек смущенно сел.

— Мохим, — снова заговорила Раджлокхи, — ты можешь жить там, где пожелаешь, но подумай о жене, не заставляй ее страдать.

Мохендро ничего не ответил.

— К несчастью, — продолжала старая женщина, — я не сразу поняла, что Аша — настоящая Лакшми. — В ее голосе слышались слезы. — Но ты? Ты ведь лучше знаешь ее, ты так ее любил — и принес ей столько горя! — Раджлокхи не выдержала и зарыдала.

Мохендро охотно избежал бы этой сцены, но уйти, ничего не сказав, он не мог, поэтому продолжал молча сидеть.

— Эту ночь ты проведешь дома? — после паузы спросила Раджлокхи.

— Нет.

— Когда ты уходишь?

— Сейчас.

— Сейчас?! — Раджлокхи с трудом приподнялась на постели. — Неужели ты уйдешь, не повидавшись с женой?

Мохендро молчал.

— Ты даже представить себе не можешь, в каком состоянии была она все эти дни! Ты потерял всякий стыд, жестокость твоя разрывает мне сердце. — И Раджлокхи, словно подрубленная ветвь, упала на постель.

Мохендро вышел из комнаты и, осторожно ступая, поднялся к себе в спальню. Ему не хотелось встречаться с женой.

Но на крытой террасе перед спальней он все же увидел ее. Аша лежала на полу. Она не слышала его шагов и, неожиданно увидев мужа, быстро накинула на голову сари и вскочила. Если бы в это мгновение Мохендро позвал свою Чуни, всю вину мужа она приняла бы на себя и, словно прощенная грешница, выплакала бы свое горе, припав к его ногам. Но Мохендро не назвал ее этим ласковым именем.

Ему самому хотелось нежно окликнуть жену, но чем сильнее становилось его стремление, тем мучительнее ему казалось сделать это. Мохендро никак не мог отделаться от мысли, что любое ласковое слово, сказанное им сейчас Аше, будет звучать как жестокая насмешка. Как может он утешить ее, когда сам отрезал себе все пути к отступлению, когда ему уже нельзя покинуть Бинодини!

Аша оцепенела. Ей было стыдно оставаться, но она не могла заставить себя сдвинуться с места. Мохендро принялся молча расхаживать по террасе. Луна еще не взошла, небо было темным. В углу террасы в вазоне рос кустик туберозы, на нем распустились два цветка. В темной вышине сияли созвездия Большой Медведицы и Ориона — молчаливые свидетели многих любовных свиданий Аши и Мохендро, они сегодня безмолвно, как прежде, наблюдали за происходившим.

«Если бы этот темный небесный покров мог поглотить все события последних дней, — думал Мохендро, — я занял бы привычное место на циновке рядом с Ашей. Никаких вопросов и объяснений, только доверчивая любовь и бесхитростное счастье...» Но, увы, пути назад не было. Мохендро потерял свое право быть рядом с Ашей. До сих пор взаимоотношения Мохендро и Бинодини не налагали на них никаких обязательств. Мохендро испытал счастье, даруемое любовью, но не почувствовал ее оков. Теперь же Мохендро, хочет он того или не хочет, должен был заботиться о Бинодини. Он сам оторвал ее от родной деревни и увез. Ей некуда деваться, нигде в мире ей не найти защиты, Мохендро — ее единственная опора.

Сердце его заныло. Мир, царивший в комнатке на крыше, освященные законом супружеские ночи казались ему теперь вершиной счастья. Все, что было когда-то ему доступно и принадлежало по праву, стало источником

отчаяния. Теперь у него не будет ни минуты отдыха, всю жизнь ему придется тащить ношу, которую он сам взвалил на свои плечи.

Тяжело вздохнув, Мохендро взглянул на Ашу. Она сидела неподвижно, хотя беззвучные рыдания разрывали ей грудь. Ночной мрак, словно покрывало матери, скрыл ее смущение и скорбь.

Вдруг, будто желая что-то сказать, Мохендро остановился перед Ашей. Кровь прилила у нее к лицу, зазвенела в ушах, она закрыла глаза. Но Мохендро молчал. Да и что мог он сказать ей? Но уйти просто так, не произнеся ни слова, было уже нельзя.

— Где ключи? — спросил Мохендро.

Она встала и прошла в комнату. Мохендро последовал за ней. Достав ключи из-под матраца, молодая женщина положила их на постель. Мохендро попытался открыть шкаф, где были его вещи.

— У меня нет ключа от этого шкафа, — не выдержав, тихо сказала Аша.

Она не сказала, у кого этот ключ, но Мохендро догадался. Аша выбежала из комнаты, она боялась разрыдаться на глазах у мужа. Выйдя на террасу, она забилась в темный угол, отвернулась к стене и дала волю слезам.

Но ей нельзя было даже выплакать свою обиду. Неожиданно она вспомнила, что Мохендро в этот час обычно ужинает. Она быстро сбежала вниз.

— Где Мохим, дорогая? — спросила невестку Раджлокхи.

— Наверху.

— Зачем же ты сошла вниз?

— Его ужин... — Аша потупилась.

— Я все приготовлю, невестушка, а ты пойди принарядись. побыстрее надень новое даккское сари и приходи ко мне, я причешу тебя.

Аша не могла перечить свекрови, хотя ей была противна даже сама мысль наряжаться, она покорно позволила себя одеть, как того хотела Раджлокхи. Так Бхишма, желая умереть, подставил себя когда-то под дождь стрел.

Принарядившись, Аша тихо и робко поднялась наверх. Она заглянула на террасу на крыше — Мохендро там не

было. Аша медленно подошла к двери спальни, и там его тоже не было. К ужину он даже не прикоснулся.

Мохендро взломал замок шкафа, взял кое-какую нужную ему одежду, учебники и ушел.

На следующий день был пост. Раджлокхи, ослабевшая и больная, лежала в постели. Небо заволокли тучи, предвещавшие бурю. Аша тихо вошла в комнату и присела в ногах больной.

— Я принесла молоко и фрукты, — сказала она, глядя ноги свекрови. — Поешьте, мама.

Искренняя забота несчастной невестки тронула старую женщину, глаза ее наполнились слезами. Приподнявшись, она привлекла к себе Ашу и поцеловала ее влажные от слез щеки.

— Что делает Мохим? — спросила она.

Аша смутилась.

— Он ушел, — прошептала она.

— Когда? — воскликнула Раджлокхи.

— Еще вчера. — Молодая женщина потупилась.

Вся нежность Раджлокхи исчезла, ей уже не хотелось приласкать невестку. Аша почувствовала молчаливое неодобрение свекрови и, потупив взор, тихо выскользнула из комнаты.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Когда в первый вечер Мохендро оставил Бинодини одну на квартире в Потолданге и отправился домой за книгами и одеждой, молодая женщина, прислушиваясь к неумолчному городскому шуму, задумалась над своей судьбой. Ее жизнь всегда была ограничена тесными рамками, но прежде, когда затекал один бок, можно было повернуться на другой, теперь же она лишилась и этой возможности. Даже от легкого толчка лады ее жизни может пойти ко дну. И чтобы этого не случилось, надо крепко держать руль; маленькое волнение, какая-нибудь ничтожная ошибка — и все погибнет. У какой женщины не сжалось бы от страха сердце в таком положении? Чтобы тот, кто любит, не выходил из-под власти, нужно держать его на расстоянии и долго вести игру в любовь.

Но как может она держать Мохендро на расстоянии? Возможно, всю жизнь ей придется провести с ним рядом? Однако положение у них неравное. Мохендро еще может выбраться на берег. Бинодини надеяться не на что.

Молодая женщина ясно понимала всю безвыходность и сложность своего положения и старалась собраться с силами.

С того дня, как Бинодини призналась Бихари в любви, уверенность покинула ее. Воспоминание о поцелуе, который отверг Бихари, ни днем, ни ночью не давало ей покоя. Этот поцелуй был даром, предназначенным лишь божеству. Никому на свете не отдала бы его Бинодини. Бинодини никогда не бросала руля, не поддавалась отчаянию. Каждый день она уверяла себя: «Бихари должен принять мое поклонение».

Безграничная жажда любви и непреодолимое желание найти защиту слились в душе Бинодини воедино. Только Бихари, единственный во всем мире, мог защитить ее. Так казалось Бинодини. Она слишком хорошо знала Мохендро и понимала, что он не опора в жизни. Он будет в ее власти, пока она не снизойдет к нему, а потом начнет искать свободы. Настоящий защитник, в котором нуждается женщина, это Бихари. Ему можно довериться. Она не успокоится, пока Бихари не будет с ней.

Покидая деревню, Бинодини велела Мохендро сказать на почте, чтобы все письма на ее имя пересылали на новый адрес. Она не могла поверить, что Бихари не ответит ей.

«Неделю подожду, — решила она, — а там видно будет».

Придя к такому решению, Бинодини, не зажигая лампы, открыла окно и принялась рассеянно смотреть на освещенную газовым светом Калькутту. Бихари сейчас тоже в городе. Их разделяет всего несколько улиц. Стоит пройти немного, и окажешься у знакомых ворот, а там — маленький дворик с водяной колонкой, лестница и, наконец, уютная, светлая комната. Тишина. Бихари один сидит в своем кресле, а может быть, рядом с ним тот красивый, светлокожий и круглолицый мальчик-брахман с пытливым взглядом широко открытых глаз. Он внимательно рассматривает книжку с картинками. Сердце Би-

нодини затрепетало от любви. Ведь она может сейчас, сию минуту пойти к Бихари. Раньше она, пожалуй, так и поступила бы, но сегодня надо было все взвесить и продумать, прежде чем решиться на что-нибудь. Отныне она не вправе потакать своим прихотям. Все должно быть подчинено единой цели.

«Вот дождусь письма, — думала молодая женщина, — тогда и решу, что делать!» Она боялась каким-нибудь необдуманном поступком рассердить Бихари.

Так, размышляя, Бинодини просидела до десяти часов вечера, до тех пор, покуда не пришел Мохендро.

Последние несколько дней Мохендро провел в состоянии крайнего нервного напряжения, почти без сна, и теперь, когда он наконец благополучно перевез Бинодини в Калькутту, он чувствовал себя совершенно разбитым. У него больше не было сил вести борьбу с миром и с самим собой. Ответственность, которую он взял на себя, тяжелым бременем легла ему на плечи.

Мохендро стоял у дверей своего нового дома, не решаясь постучать. Куда исчезло чувство опьянения, которое заставило его ничего не замечать вокруг? Почему теперь его охватывает дрожь при взгляде какого-нибудь случайного прохожего?

Пришлось долго стучать, прежде чем слуга проснулся и открыл ему. У Мохендро болезненно сжалось сердце, когда он вошел в темную незнакомую квартиру. С детства избалованный матерью, он привык к роскоши, уюту, к опухам, к дорогой мебели. В полумраке бедно обставленная квартира казалась особенно неприглядной. Мохендро предстояло еще побеспокоиться о том, чтобы должным образом меблировать ее. Ему никогда еще не приходилось заботиться о своих удобствах и тем более об удобствах других. Но теперь придется вникать во все мелочи. На площадке перед квартирой коптит керосиновая лампа — нужно купить новую. На веранде сырость — течет водопроводная труба. Придется вызвать рабочих и отремонтировать ее, а потом потребовать от хозяина, чтобы он освободил выходящие на улицу комнаты, которые занимает сейчас семья сапожника. И все это должен сделать он один, больше никому. От этих мыслей Мохендро почувствовал еще большую усталость.

Некоторое время Мохендро стоял на лестнице, стараясь взять себя в руки; любовь к Бинодини вспыхнула в нем с новой силой. Он убеждал себя, что сегодня свершилось наконец то, чего он желал больше всего на свете, теперь ничто не мешает его счастью. Сегодня самый счастливый день в его жизни. Но именно теперь, когда, казалось, рухнули все преграды, появилась еще одна, самая страшная, — она таилась в нем самом.

Бинодини заметила Мохендро, когда он подходил к дому. Очнувшись от своих дум, она зажгла свет и взяла шитье. Склонившись над ним, она словно обрела защиту.

— Бинод, тебе здесь очень неудобно? — спросил Мохендро, входя в комнату.

— Нисколько! — ответила молодая женщина, продолжая шить.

— Я привезу новую мебель, но несколько дней тебе придется потерпеть.

— Не надо! — воскликнула Бинодини. — Ничего не привози. Здесь есть все, что мне нужно, даже много лишнего.

— Вероятно, лишний — это я, несчастный? — заметил Мохендро.

— Нужно быть более скромным, — ответила Бинодини, — и не принимать каждое слово на свой счет.

Мохендро смотрел на спокойное, склоненное над шитьем лицо Бинодини и все больше поддавался ее очарованию.

Будь они дома, он непременно упал бы к ее ногам, но здесь он не мог поступить так. Здесь Бинодини была беззащитна, в его власти, и не будет большей подлости, если он не сумеет взять себя в руки.

— Зачем ты принес сюда свою одежду и книги? — спросила Бинодини.

— Я полагал, что они нужны мне. Надеюсь, ты не считаешь их лишними?

— Пусть так, но зачем они здесь?

— Ты права, — ответил Мохендро. — Обыкновенные вещи здесь неуместны. Можешь выбросить их на улицу, только меня не выбрасывай вместе с ними!

С этими словами Мохендро сложил связку книг и узел с одеждой у ее ног.

Биодини продолжала шить.

— Ты не должен оставаться здесь, Мохендро, — серьезно сказала она наконец.

И это ответ на его чувства? Мохендро был ошеломлен.

— Почему, Бинод? — воскликнул он, задыхаясь от волнения. — Почему ты гонишь меня? Ради тебя я все принес в жертву. А что получил взамен?

— Я не позволю тебе принести все в жертву.

— Поздно! Теперь это уже не в твоих силах. Мой мир рухнул! У меня ничего не осталось, только ты, Бинод! О Бинод! — Мохендро, словно безумный, упал к ногам молодой женщины и, крепко обняв их, стал покрывать поцелуями.

Биодини высвободилась из его объятий и встала.

— Ты забыл свою клятву, Мохендро?

Усилием воли Мохендро взял себя в руки.

— Нет, не забыл. Я поклялся делать лишь то, что ты пожелаешь, и никогда не нарушу своей клятвы. Говори, что я должен делать?

— Вернись домой.

— Неужели я так безразличен тебе, Бинод! Зачем же тогда ты завлекала меня? Зачем охотилась за дичью, которая тебе не нужна? Признайся, разве я один виноват в том, что случилось, разве ты не желала этого! Мои страдания тебе безразличны, я для тебя игрушка! Но все равно, я сдержу свою клятву. Я вернусь в дом, где по собственной вине лишился всего.

Биодини продолжала молча шить. Мохендро некоторое время пристально смотрел ей в лицо, потом сказал:

— Ты безжалостна и жестока, Бинод! Какое несчастье, что я полюбил тебя!

Биодини сделала неверный стежок и, подняв шитье к свету, стала пороть его. В эту минуту Мохендро готов был сжать в кулаке каменное сердце этой женщины и раздавить его. О, если бы можно было одним ударом разбить ее жестокость и спокойное презрение.

В отчаянии Мохендро выбежал из комнаты, но сейчас же вернулся.

— Кто защитит тебя, одинокую женщину, если меня не будет здесь?

— Об этом не беспокойся. Тетя уволила Кхеми, и с сегодняшнего дня она у меня в услужении. Мы запрем дверь, и нам никто не будет страшен.

Чем больше злился Мохендро на Бинодини, тем сильнее влекло его к ней. Ему хотелось с такой силой прижать к груди эту непокорную женщину, чтобы она вскрикнула от боли.

Боясь поддаться искушению, Мохендро поспешил уйти.

Он долго бродил по улицам и много раз давал себе клятву на пренебрежение Бинодини ответить тем же. Ведь он единственный человек в мире, который принимает в ней участие, а она с таким безразличием, решительно и без колебаний отвергла его, — никогда ни одного мужчину еще не оскорбляли так! Мохендро не собирался сдаваться, хотя самолюбие его было уязвлено.

«Неужели я такое ничтожество? — возмущался он. — Почему она так высокомерна со мной? Ведь, кроме меня, у нее теперь никого нет! — Мохендро задумался и неожиданно вспомнил о Бихари. Он похолодел. — Вот на кого надеется Бинодини, я нужен ей лишь для того, чтобы стать ближе к Бихари, я лестница, которую Бинодини топчет, поднимаясь к нему!»

В душу Мохендро закралось подозрение: может быть, Бинодини переписывается с Бихари и уже получила от него какое-то обещание?

Мучимый этими мыслями, Мохендро поспешил к Бихари. Уже наступил вечер, когда он оказался у знакомой двери. Ему пришлось долго стучать, прежде чем на пороге появился слуга.

— Господина нет дома, — сообщил он.

Мохендро бросило в жар. «Пока я, глупец, брожу по улицам, — пронеслось у него в голове, — Бихари сидит у Бинодини. Поэтому она и обошлась со мной вчера так жестоко, а я, как дурак, явился сюда!»

— Бходжу, — обратился он к слуге, которого давно знал, — когда ушел твой господин?

— Вот уже пять дней, как он уехал на запад.

Мохендро почувствовал облегчение.

«Мне нужно отдохнуть и хоть немного поспать, —

подумал он. — Не могу же я всю ночь бродить по городу».

Он сказал слуге, что переночует в комнате Бихари, и поднялся наверх; растянувшись на тахте, Мохендро тотчас же уснул.

После скандала, который учинил ему Мохендро, Бихари решил на следующий же день уехать из Калькутты. Он отправился на запад, сам не зная куда. Бихари понимал, что оставаться ему нельзя, так как ссора с другом может привести к полному разрыву, и потом всю жизнь он будет жалеть об этом.

В одиннадцать часов утра Мохендро проснулся, открыл глаза и случайно взглянул на столик, где под пресс-папье лежало письмо. Почерк на конверте показался знакомым. Письмо еще не было вскрыто — оно ждало Бихари. И Мохендро торопливо схватил его. Дрожащей рукой он разорвал конверт. Это было то самое письмо, которое Бинодини послала из деревни. Оно так и осталось без ответа.

Каждая буква жалила Мохендро в самое сердце. С детства он привык оттеснять Бихари на второй план. Бихари приходилось довольствоваться остатками даров любви, которые приносили божеству — Мохендро. Теперь отвергал дары Бихари, а самому Мохендро отводилась роль просителя. Может быть, поэтому Бинодини не приняла его любовь и склонилась перед Бихари. У Мохендро хранилось несколько писем Бинодини, но какими фальшивыми они выглядели по сравнению с этим письмом. Они были лишь ловушкой для такого глупца, как он.

Мохендро вспомнил, как беспокоилась Бинодини о том, чтобы он оставил на деревенской почте ее новый адрес. Теперь Мохендро понял причину ее беспокойства. И вот сейчас, наверное, Бинодини, забыв обо всем, сидит у окна, смотрит на дорогу и ждет письма от Бихари.

Бходжу, как и в прежние времена, хотя хозяин и уехал, сбегал на базар и приготовил завтрак для Мохендро, но Мохендро было не до еды, в волнении он даже забыл выкупаться. Взгляд его то и дело возвращался к письму Бинодини, полному огня и страсти. Оно жгло Мохендро, как раскаленный песок пустыни жжет ноги странника. Мохендро поклялся никогда больше не

видеть эту женщину. «Но ведь через несколько дней, не дождавшись ответа, Бинодини может сама прийти сюда. Она поймет, что Бихари не получил ее письма, и успокоится». Эта мысль стала источником новых мучений для Мохендро.

С письмом в кармане Мохендро, как только наступил вечер, появился в квартире на Потолданге.

Увидев его измученное лицо, Бинодини почувствовала жалость. «Наверное, всю ночь не спал, бродил по городу», — решила она.

— Ты не был дома?

— Нет.

— И ничего не ел! — Бинодини поспешно встала, чтобы приготовить ему ужин.

— Не беспокойся, я поел, — остановил ее Мохендро.

— Где?

— У Бихари.

Бинодини побледнела, но уже через мгновение взяла себя в руки.

— Как он?

— Бихари? Прекрасно! Он уехал на запад.

Из слов Мохендро Бинодини заключила, что Бихари уехал только сегодня, и еще больше побледнела. Но снова справилась со своим волнением и спокойно сказала:

— Никогда не видела более непоседливого человека. Видимо, ему все уже известно. Он очень сердится?

— Разумеется! Иначе зачем бы ему понадобилось в такую жару уезжать! Не ради же собственного удовольствия!

— Он не спрашивал обо мне?

— С какой стати! Вот возьми.

И Мохендро протянул Бинодини письмо, не сводя глаз с ее лица. Бинодини торопливо взяла конверт, вынула из него листок, исписанный ею, повертела его, но ответа Бихари не нашла.

— Ты прочел? — после минутного молчания спросила она.

Мохендро испугался — так изменилось ее лицо.

— Нет, — поспешно солгал он.

Бинодини разорвала письмо на клочки и выбросила в окно.

— Я пойду домой, — сказал Мохендро.

Бинодини молчала.

— Я поступлю так, как ты того желаешь, — продолжал Мохендро. — Останусь дома на целую неделю. Только по пути в колледж буду заходить и давать распоряжения Кхеми. Надоедать тебе не стану.

Трудно сказать, слышала ли Бинодини его слова, она молча смотрела в окно на темное небо.

Мохендро стал собирать свои вещи.

Когда он ушел, Бинодини долго сидела неподвижно, потом неожиданно, будто стараясь привести себя в чувство, в отчаянии разорвала сари и начала бить себя в грудь.

— Госпожа, что с вами? — прибежала испуганная Кхеми.

— Пошла прочь! — крикнула Бинодини, вытолкнула служанку из комнаты и заперлась на ключ.

Оставшись одна, она сжала кулаки, долго каталась по полу и стонала, как раненое животное. Наконец, совершенно измученная, Бинодини забылась и всю ночь пролежала на полу у окна.

На рассвете, когда солнечные лучи залили комнату, в душу Бинодини неожиданно закралось сомнение: что, если Мохендро солгал, обманул ее?

— Кхеми, — позвала она служанку. — Сейчас же сходи к господину Бихари и узнай, как он там.

Через час Кхеми вернулась.

— Все двери и окна в доме господина Бихари закрыты, — доложила она. — Я долго стучала, но слуга сказал мне, что господин уехал.

Последняя надежда Бинодини рухнула.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Узнав, что Мохендро ночью покинул супружеское ложе, Раджлокхи рассердилась на невестку. Она решила, что это упреки жены заставили сына уйти из дому.

— Почему ушел Мохендро? — спросила она невестку.

— Не знаю, ма, — отвечала Аша, опустив глаза.

«Не знает!» — возмутилась старая женщина.

— Кто же тогда знает? — проговорила она сердито. — Ты, наверное, что-нибудь сказала ему?

— Нет, — прошептала Аша.

Но свекровь не поверила.

— Когда он ушел?

— Не знаю.

— Ну, конечно, ты ничего не знаешь! — вне себя от гнева воскликнула Раджлокхи. — Подумаешь, дитя невинное! Притворщица! — Она долго кричала, упрекая невестку. Это из-за нее и ее дурного характера ушел Мохендро.

Аша, опустив голову, безропотно выслушала упреки и только в своей комнате, оставшись одна, дала волю слезам.

«Я никогда не понимала, за что муж меня любит, — печально размышляла она, — и теперь не знаю, как вернуть его любовь».

Сердце всегда подскажет, как угодить человеку, который любит. Но как завладеть душой того, кто разлюбил, — это было Аше неизвестно. Она не могла, забыв стыд, добиваться расположения человека, который покинул ее ради другой женщины.

Вечером пришли брахман-астролог и его сестра. Раджлокхи пригласила их для того, чтобы они устранили неблагоприятное сочетание светил ее сына. Старая женщина позвала Ашу к себе и попросила астролога посмотреть на линии ее руки и составить гороскоп. В смятении от того, что чужие люди будут судить о ее несчастьи, Аша с трудом заставила себя протянуть руку предсказателю. Вдруг на темной веранде, прилегающей к комнате, Раджлокхи услышала тихие шаги, словно кто-то пытался пройти незамеченным.

— Кто там? — спросила она.

Никто не ответил. Раджлокхи повторила свой вопрос.

В комнату тихо вошел Мохендро.

Когда Аша увидела, как муж ее, крадучись, словно вор, входит в свой собственный дом, сердце ее сжалось от стыда. А тут еще чужие люди. Стыд за мужа был для Аши мучительнее, чем ее собственное горе.

— Невестушка, — ласково обратилась Раджлокхи к Аше, — прикажи Парботи принести ужин для Мохима.

— Я сама все сделаю, — сказала Аша.

Она хотела уберечь Мохендро от взглядов слуг.

Присутствие в доме астролога и его сестры привели Мохендро в ярость.

Его мать и жена, желая обрести власть над ним, прибегли к помощи невежественных, темных людей. Когда сестра астролога сладким голосом спросила его о самочувствии, Мохендро ничего не ответил и сердито сказал матери:

— Я пойду к себе.

Раджлокхи обрадовалась. Она решила, что Мохендро хочет наедине поговорить с Ашей, и очень довольная быстро прошла на кухню.

— Иди, иди скорей наверх, — сказала она невестке, — Мохим хочет спросить тебя о чем-то.

Испытывая робость и волнение, Аша поднялась наверх. Она думала, что Мохендро сам позвал ее, и все же войти в спальню не решалась. Стоя в темноте у полуоткрытой двери, она наблюдала за мужем.

Мохендро лежал на постели, уставившись в потолок. Лицо его выражало отчаяние. Да, это был Мохендро, тот же Мохендро и та же комната, но как все изменилось! Когда-то Мохендро превратил в рай эту маленькую спальню. Зачем же теперь он оскверняет своим присутствием комнату, полную сладостных воспоминаний! Он не имеет права лежать на этом ложе, если в сердце его смятение, равнодушие, гнев и мука, если он забыл бесконечный, непередаваемый шепот любви, который слышался здесь и в темную ночь, и в знойный, словно застывший, полдень, и в ленивый дождливый день, и в весенний вечер, с его волнующим ветерком? Разве в доме нет других комнат? Нет, он ни минуты не должен оставаться здесь!

Аша чувствовала, что Мохендро только что был у Бинодини, что каждая частица его тела хранит ее прикосновение, что в глазах у него запечатлен ее образ, в ушах звучит ее голос, а сердце все еще во власти желаний, устремленных к ней. И этому человеку Аша должна принести в дар свою чистую любовь! Ему она должна сказать: «Возьми преданное тебе сердце и возложи поги свои на незапятнанный лотос моей истинной и вечной

любви!» Нет, она не может поступить так, как ей велят цураны и шастры, она не может следовать советам своей тети. Мохендро разрушил их счастье, и теперь Аша уже не видела в нем того божества, которому поклонялась прежде. Сегодня Аша приносила в жертву мутным водам океана, имя которому Бинодини, повелителя своего сердца. В глубинах отчаяния Аши рождалась и звучала все громче мрачная музыка совершаемого жертвоприношения. Она наполнила собой темноту тоскующей по любви ночи, подчинила себе все существо Аши, каждый ее нерв и, наконец, вырвавшись из маленькой комнаты на крыше, устремилась к звездам, заполнив собою весь мир.

Мохендро, который теперь принадлежал Бинодини, стал для Аши чужим, она стыдилась его и не могла заставить себя войти в комнату.

Вдруг Аша заметила, что Мохендро оторвал невидящий взгляд от потолка и так же бездумно уставился на стену. Там, рядом с портретом Мохендро, висел ее портрет. Аше хотелось прикрыть его краем своего сари, сорвать со стены и разорвать на клочки. Она презирала себя за то, что раньше не убрала его, но Аша так привыкла к своей фотографии, что совсем забыла о ее существовании. Ей казалось, что Мохендро смеется над ней, а вместе с ним, нахмурив брови, зло усмехается Бинодини, образ которой запечатлен в сердце Мохендро. Наконец Мохендро отвел свой исполненный страдания взгляд от стены.

В свободное от хлопот по хозяйству и забот о све крови время Аша, стараясь восполнить пробелы в своем образовании, просиживала до глубокой ночи над книгами. Тетрадки и учебники лежали грудой прямо на полу у кровати. Неожиданно Мохендро взял одну из тетрадок и принялся лениво просматривать ее. Аша едва сдержалась, чтобы с криком не вбежать в комнату и не выхватить тетрадь из рук мужа. Представив, с какой безжалостной насмешкой Мохендро разглядывает буквы, написанные ее неумелой рукой, она больше не могла оставаться на месте и стремительно сбежала по лестнице.

Ужин для Мохендро был готов. Но Раджлокхи думала, что сын занят разговором с женой, и не решалась на-

рушить их уединение. Когда же невестка появилась внизу, Раджлокхи позвала Мохендро ужинать. Аша воспользовалась случаем, снова поднялась наверх, вбежала в спальню, сорвала со стены свою фотографию и, разорвав ее на клочки, выбросила за окно, затем быстро собрала и унесла свои тетрадки.

После ужина Мохендро вернулся в спальню. Раджлокхи долго не могла разыскать Ашу. Наконец она нашла ее на кухне, где Аша грела для нее молоко, хотя в этом не было никакой надобности, так как служанка находилась тут же и всем своим видом показывала, что не одобряет поведения госпожи, лишившей ее возможности разбавить молоко водой и утаить часть для себя.

— Ты почему здесь, дорогая? — воскликнула Раджлокхи. — Сейчас же иди наверх.

Поднявшись, Аша спряталась в комнате свекрови, чем еще больше рассердила ее.

«Именно сегодня, когда Мохендро вырвался из сетей этой вероломной женщины и пришел домой, — с раздражением подумала Раджлокхи, — невестка напускает на себя оскорбленный и обиженный вид. Из-за нее Мохендро снова покинет дом. И в том, что Мохендро попался в ловушку к Бинодини, тоже виновата Аша. Мужчина легко сбивается с пути, такова уж у него природа, долг жены — хитростью, силой или обманом удержать его».

— Как ты ведешь себя, Аша? — В голосе Раджлокхи звучал жестокий упрек. — На твое счастье, муж вернулся домой, а ты, надувшись, прячешься по углам.

Аша, чувствуя себя преступницей, поднялась на крышу. Сердце у нее ныло, словно его раздирали анкушем. Стараясь ни о чем не думать, не переводя дыхания, она вошла в спальню. Было десять часов вечера. Мохендро с озабоченным видом стоял перед постелью и машинально тряс полог от москитов. Мохендро был очень обижен на Бинодини.

«Она даже не побоялась отослать меня к жене, — говорил он себе, — видно, считает меня своим покорным рабом! Если я вернусь к жене, у кого найдет Бинодини поддержку? Неужели она считает меня ничтожеством и никогда не изменит мнения обо мне? Я потерял ее

уважение, но не обрел ее любви. Она, не стесняясь, оскорбляет меня».

И Мохендро поклялся отомстить. Он вернет свою любовь жене и тем самым оплатит Бинодини за ее пренебрежение.

Когда Аша вошла в комнату, Мохендро перестал трясти сетку. Надо было что-то сказать жене, но что — Мохендро не знал.

Он натянуто улыбнулся и сказал первое, что пришло в голову:

— Ты, вижу, как и я, увлеклась науками. А куда делись тетрадки, которые лежали здесь?

Аше показалось, что ее хлестнули по лицу. Она училась тайком от всех, боялась, что над ней будут смеяться, особенно Мохендро. И вот первое же слово, сказанное им после такой долгой разлуки, — насмешка. Аше стало больно, душа ее сжалась, словно нежное, израненное тельце ребенка под безжалостными ударами. Она не ответила и, отвернувшись, вцепилась руками в край стола.

Мохендро пожалел о сказанном, он понял, что слова его неуместны. Но что говорить — он не знал. После длительной ссоры трудно подыскать нужные слова. А сердце молчало, оно ничего не могло подсказать. «Может быть, ночью, в тишине, — думал Мохендро, — будет легче». Воодушевленный этой мыслью, Мохендро с удвоенным рвением принялся трясти сетку от moskitov. Как молодой актер перед выходом на сцену мысленно повторяет роль, так и Мохендро обдумывал свое поведение.

Вдруг он услышал легкий шорох, и когда обернулся, Аши в комнате уже не было.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

— Ма, — сказал Мохендро на следующий день утром. — Мне для занятий нужна отдельная комната. Не поселиться ли мне в комнате тети?

«Мохим будет жить дома! — обрадовалась Раджлохи. — В конце концов он помирится с женой, не сможет он долго мучить мою невестку. Да и кто променяет Лакшми на лицемерную ведьму!»

— Прекрасно, милый, — быстро согласилась она.

Она открыла комнату Аннапурны и начала убирать ее. Но где Аша? После долгих поисков свекровь нашла невестку в одном из отдаленных уголков дома. Аша спряталась там, сжавшись в комочек.

— Принеси чистое покрывало! И вели поставить в комнате тети Аннапурны стол да пришли еще сверху лампу — там темно! — сыпала приказаниями Раджлокхи.

Вдвоем женщины устроили для повелителя дома царские покои. Не обращая внимания на мать и жену, Мохендро с мрачным видом расположился там, принес книги и тетради и тотчас же погрузился в занятия.

После обеда Мохендро снова сел за книги. Никто не знал, где он будет спать: наверху, в спальне, или внизу, в новом кабинете. Аша, словно безжизненная кукла, позволила свекрови причесать и нарядить ее.

— Дорогая, пойди спроси Мохима, где ему постелить, — приказала Раджлокхи невестке.

Но Аша не в силах была двинуться с места и стояла молча, опустив голову. Раджлокхи рассердилась и стала бранить ее. Тогда Аша заставила себя дойти до комнаты мужа, но тут силы покинули ее. Свекровь издали наблюдала за ней; увидев, что Аша не решается войти, она пришла в ярость и стала делать ей знаки. Ни жива ни мертва от стыда, Аша вошла к мужу.

— Сегодня я буду заниматься до поздней ночи, а завтра с самого утра... — сказал Мохендро, не поднимая головы от книги. — Спать я буду здесь.

Какой стыд! Аша так унизилась!

— Ну, что случилось? — сердито спросила Раджлокхи, когда Аша вернулась.

— Ему нужно заниматься, поэтому он хочет спать там, — ответила Аша и ушла в спальню, ту самую спальню, которой пренебрег Мохендро. Нигде нет ей счастья; весь мир словно опаленная полуденным солнцем пустыня!

Поздно ночью в дверь постучали:

— Открой!

Аша торопливо отворила дверь. Раджлокхи, задыхаясь, с трудом поднялась по лестнице. У нее, видимо, начался

приступ астмы. Она села к Аше на постель и прерывающимся голосом стала упрекать невестку:

— Что ты делаешь? Заперлась на ключ! Разве сейчас время сердиться? Даже в горе ума не набралась. Ступай, ступай вниз.

— Но он сказал, что хочет быть один, — робко возразила Аша.

— Хочет! — сердито повторила свекровь. — Мало ли что он наговорит сгоряча. Нечего обращать внимание и обижаться! Иди скорее!

Раджлокхи от горя совсем забыла о приличии. Любими средствами она хотела удержать Мохима дома.

От сильного волнения она еще больше задышалась. Немного оправившись, Раджлокхи поднялась. Поддерживая ее, Аша покорно сошла вниз. Она помогла свекрови дойти до спальни и уложила ее в постель.

— Оставь, — остановила ее Раджлокхи, когда Аша принялась поправлять ей подушки. — Позови лучше Шудху. А сама иди! Иди к нему скорее!

На этот раз Аша, не раздумывая, пошла к мужу.

Перед Мохендро лежала раскрытая книга, а сам он, положив ноги на стол и откинувшись на спинку стула, о чем-то сосредоточенно думал. Услыхав за спиной шаги, он вздрогнул и быстро обернулся — ему вдруг показалось, что вошла та, о которой он мечтал в эту минуту. Увидев Ашу, Мохендро очнулся, снял ноги со стола и положил книгу на колени.

Приход жены удивил его. Последнее время Аша не осмеливалась входить к нему и даже избегала встреч с ним. Мохендро поразила та легкость, с которой Аша вошла в его кабинет. Он продолжал чтение, но видел, что жена не собирается уходить. Она спокойно ждала. Мохендро надоело притворяться и, оторвав наконец глаза от книги, он взглянул на жену.

— У матери приступ, — ясным и спокойным голосом произнесла Аша. — Ты бы пошел посмотреть, что с ней.

— Где она? — спросил Мохендро.

— У себя в спальне. Никак не может уснуть.

— Пойдем, я осмотрю ее.

Супруги давно не разговаривали, и теперь, после того как они обменялись этими незначительными словами,

Мохендро стало легче. Все это время их разделяла темная стена молчания, и Мохендро был не в силах пробить ее. Теперь Аша сама открыла ему в этой стене маленькую дверцу.

В спальню Раджлокхи Мохендро вошел один. Аша осталась за дверью. Увидев сына в такой поздний час, Раджлокхи испугалась. «Опять, наверное, поссорился с женой и пришел со мной проститься», — подумала она.

— Почему ты не спишь, Мохим? — с тревогой спросила Раджлокхи.

— Тебе трудно дышать, мама? — в свою очередь спросил Мохендро.

Его вопрос огорчил Раджлокхи; конечно, это Аша сказала сыну о ее болезни, поэтому он пришел к ней. От обиды Раджлокхи стало еще хуже.

— Иди спать, — с трудом проговорила она. — Я хорошо себя чувствую.

— Нет, нет, — возразил Мохендро. — С такой болезнью шутить нельзя. Я должен тебя осмотреть.

Мохендро знал, что у матери больное сердце, и вид ее внушал ему серьезные опасения.

— Ни к чему меня осматривать, — запротестовала Раджлокхи. — Мою болезнь все равно не вылечить.

— Хорошо, я осмотрю тебя завтра, а сейчас прими снотворное.

— Сколько лекарств я принимала, ни одно не помогло. Уже поздно, иди спать, Мохим.

— Я уйду, когда тебе станет лучше.

Раздосадованная Раджлокхи отвернулась и, задыхаясь, крикнула:

— Аша! Ты привела сюда Мохендро нарочно, чтобы его огорчить?

Аша вошла в комнату.

— Иди спать, я посижу с матерью, — обратилась она к мужу ласково, но твердо.

— Я послал за лекарством, — сказал Мохендро, отозвав жену в сторону. — Там будет две дозы. Дай ей сначала одну, а если не заснет, через час дай вторую. Если же станет хуже, позовешь меня.

Мохендро ушел к себе. Сегодня Аша предстала перед ним в совершенно ином свете. В ней не было ни смущен-

ния, ни униженности, она знала свои права и не хотела выступать перед мужем в роли просительницы. Мохендро пренебрег ею как женой, но к этой хозяйке дома почувствовал уважение.

В глубине души Раджлокхи радовалась тому, что Аша позвала Мохендро, однако вслух она сказала:

— Зачем ты привела мужа, ведь я велела тебе идти спать?

Аша ничего не ответила, взяла опахало и, сев в ногах у свекрови, принялась обмахивать ее.

— Иди спать, дорогая.

— Он велел мне побыть с вами, — тихо проговорила Аша.

Она знала, что Раджлокхи будет приятно слышать это.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Аша не в силах была вернуть любовь Мохендро. И когда Раджлокхи убедилась в этом, ей пришла в голову мысль, что только ее болезнь может помешать сыну покинуть дом. Теперь она боялась выздоровления и тайком от Аши перестала принимать лекарства.

Рассеянный, как всегда, Мохендро не замечал этого. Но Аша видела, что свекрови становится все хуже и хуже. Аше казалось, что Мохендро мало заботится о здоровье матери. Он был целиком поглощен собой и своими печальями. И Аша почувствовала презрение к мужу. Видно, человек, однажды забывший о своем долге, потом с легкостью пренебрегает им во всем.

Однажды утром, когда Раджлокхи стало совсем плохо, она вспомнила о Бихари. Он давно не навещал ее.

— Ты не знаешь, где сейчас Бихари? — спросила она невестку.

Аша поняла свекровь. В прежние времена, когда Раджлокхи заболела, Бихари ухаживал за ней, поэтому она и вспомнила сейчас о нем. Но Бихари — неизменная опора их семьи, к несчастью, далеко! Будь он здесь, он позаботился бы о Раджлокхи, не то что Мохендро. Аша тяжело вздохнула.

— Мохендро, кажется, поссорился с Бихари, — продолжала свекровь. — Сын очень несправедлив к нему. У него никогда не было более преданного друга.

У Раджлокхи на глазах показались слезы.

Аша вспомнила о том, как Бихари пытался предостеречь ее, глупую и слепую, а она невзлюбила его за это. Теперь она казнила себя. Почему всевышний не покарает ее, невежественную и неблагодарную, за то, что она оскорбила единственного друга и пригрела на груди врага! Не потому ли нависло над их семьей проклятие, что Бихари покинул их дом с разбитым сердцем?

Раджлокхи помолчала, раздумывая о чем-то, потом неожиданно заключила:

— Будь Бихари с нами в эти тяжелые дни, он помог бы нам и предотвратил многие несчастья.

Аша молчала, погруженная в свои думы.

— А если бы он узнал, что я больна, — продолжала, вздохнув, Раджлокхи, — то непременно пришел бы.

Аша поняла: свекровь хочет, чтобы Бихари сообщили о ее болезни. Без него старая женщина чувствовала себя беззащитной.

Мохендро погасил лампу и, задумавшись, стоял у окна, залитого лунным светом. Заниматься ему не хотелось. В доме не было счастья. Близости к домашним больше не существовало, относиться к ним, как к чужим людям, он тоже не мог. Узы неизбежного родства казались Мохендро мучительным, тяжелым грузом и давили ему на сердце. Мохендро не хотелось видеться даже с матерью. Она смотрела на него с таким страхом и беспокойством, что ему становилось не по себе. Когда по какому-нибудь поводу Аша заходила в комнату Мохендро, он не знал, что сказать ей, а молчать было еще трудней. Жизнь стала невыносимой! Но Мохендро поклялся неделю не видеться с Бинодини. Оставалось еще два дня — как он выдержит?

Услышав шаги, Мохендро догадался, что вошла Аша. Он хотел сделать вид, что не замечает ее, но жена, видно, поняла это и не собиралась уходить.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, — проговорила она, стоя за спиной Мохендро. — Я не задержусь, не беспокойся.

— Отчего же? Посиди немного, — обернувшись, неуверенно отозвался Мохендро.

— Нужно сообщить Бихари о болезни матери, — продолжала Аша, оставляя без внимания приглашение мужа.

Мохендро показалось, будто его ранили в самое сердце.

— Зачем? — спросил он, овладев собой. — Разве мне вы не доверяете?

— Но ведь матери не становится лучше, — вырвалось у Аши, — наоборот, ей день ото дня все хуже.

В ее словах Мохендро почувствовал скрытое осуждение. Никогда еще Аша не смела упрекать его.

— Видно, мне следует у тебя поучиться, как лечить, — съязвил Мохендро, задетый за живое.

Насмешка эта причинила Аше страдание. Однако темнота, царившая в комнате, придала ей смелости, и всегда безропотная, Аша ответила на этот раз гневно, без тени смущения:

— Может, тебе и не нужно учиться, как лечить, а вот как заботиться о матери тебе поучиться не мешало бы!

Мохендро изумился неожиданно дерзким речам жены.

— Ты сама знаешь, почему я запретил твоему Бихари приходить сюда, — зло сказал он. — Никак не можешь его забыть!

Словно подхваченная волной стыда, Аша выбежала из комнаты. Но стыдно ей было не за себя. Как посмел этот человек, сам погрязший в пороке, несправедливо упрекать ее! Такую наглость ему ничем не искупить!

Когда Аша ушла, Мохендро почувствовал, что потерпел окончательное поражение. Ему и в голову не приходило, что жена когда-нибудь отнесется к нему с таким презрением. Некогда воздвигнутый трон его был ниспровергнут. Ему стало страшно при мысли, что на смену страданиям, которые он причинил Аше, придет ненависть.

Вспомнив о Бихари, Мохендро невольно подумал и о Бинодини и совсем расстроился. Может быть, Бихари

Шантиникетон — школа искусств

вернулся или Бинодини узнала его адрес и они уже виделись. Мохендро не в силах был больше терпеть и решил нарушить свою клятву.

Ночью Раджлокхи стало хуже, и она сама послала за сыном.

— Мохим, я очень хочу видеть Бихари, — с трудом проговорила она. — Он так давно не приходил!

Аша, которая обмахивала опахалом свекровь, опустила голову.

— Его нет в городе, он уехал куда-то на запад, — ответил Мохендро.

— Сердце подсказывает мне, что он в городе, но не приходит потому, что ты обидел его. Заклинаю тебя, сходи к нему завтра!

— Хорошо, — сказал Мохендро.

Всем нужен Бихари, только Бихари. Мохендро казалось, что весь мир отвернулся от него.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Утром Мохендро отправился к Бихари. У дверей его дома он увидел слуг, которые грузили вещи в повозки.

— Что случилось? — спросил Мохендро Бходжу.

— Господин купил поместье на берегу Ганги в Бали, — ответил слуга, — и переезжает туда.

— А сейчас господин дома?

— Он пробыл в Калькутте дня два и вчера уехал обратно в Бали.

Подозрение вспыхнуло в душе Мохендро. Он уже не сомневался, что Бинодини и Бихари, пока он жил дома, встретились. Наверно, Бинодини сейчас тоже собирается уезжать и слуги грузят ее вещи.

«Поэтому-то она и отослала меня, дурака, домой», — решил он.

Не теряя ни минуты, Мохендро вскочил в экипаж и приказал гнать лошадей. Но ему все казалось, что лошади идут слишком медленно, и он то и дело принимался бранить извозчика. Въехав наконец в переулок, он не увидел перед домом повозок и вообще каких-либо приготовлений к отъезду. «Неужели Бинодини успела

уехать?» — испугался Мохендро и забарабанил в дверь. Едва старик слуга открыл ему, как Мохендро спросил:

— Все в порядке?

— Конечно, господин, — отвечал удивленный слуга.

Мохендро стремглав взбежал по лестнице. Бинодини в это время купалась. Войдя в ее спальню, Мохендро бросился к неубранной постели, прижал к груди и губам простыни, хранившие еще аромат тела Бинодини, и воскликнул:

— Жестокая, жестокая!

Дав волю чувствам, Мохендро стал с волнением ожидать свою возлюбленную. Он нервно шагал по комнате, как вдруг взгляд его упал на газету, которая валялась у кровати. Он машинально поднял ее и, чтобы как-то занять себя, стал просматривать. В глаза ему бросилось имя Бихари. Мохендро впился глазами в газетные строчки. В заметке сообщалось, что на берегу Ганги в Бали Бихари приобрел поместье, где бедные служащие смогут получать бесплатное лечение и уход, что там уже подготовлены места для пяти человек, и прочее.

«Бинодини, конечно, прочла заметку. Интересно, что она подумала, — терялся в догадках Мохендро. — Безусловно, всей душой она стремится туда, к Бихари».

Мохендро боялся, что теперь она станет еще больше преклоняться перед Бихари. В душе Мохендро назвал своего бывшего друга обманщиком, а затеянное им дело — авантюрой. «Бихари с детства любил выставлять себя благодетелем», — подумал он. Пытаясь как-то утешиться, Мохендро говорил себе, что он не столь лицемерен, как Бихари.

«Я презираю тех, кто благотворительностью и самопожертвованием пытается одурачить невежественный народ», — думал он. Но увы, никому и, уж конечно, не Бинодини дано оценить его, Мохендро, безграничное и истинное величие духа! Мохендро даже стало казаться, что Бихари нарочно, чтобы досадить ему, затеял все это дело.

Услышав шаги Бинодини, Мохендро торопливо спрятал газету. Вид Бинодини поразил Мохендро. Она очень изменилась, словно за эти несколько дней прошла через

очищающий огонь. Она сильно похудела, но бледное лицо ее озарилось каким-то внутренним светом.

Бинодини больше не ждала письма от Бихари. Она уверовала, что Бихари презирает ее, и день за днем таяла, не в силах погасить испепелявшее ее пламя любви. Бихари уехал, проклиная ее. Как теперь она найдет его?

Молодая женщина, всегда энергичная, никогда не знавшая лени, задыхалась от праздности. Жажда деятельности не давала ей покоя. Стоило ей подумать, что всю жизнь ей придется провести в четырех стенах этого постылого и безрадостного дома в тесном переулке, как ее мятежная душа восставала против жестокой судьбы. В такие минуты Бинодини охватывало чувство безграничной ненависти и презрения к Мохендро, чья глупость так обеднила ее жизнь и закрыла все пути к спасению. Это убогое, мрачное жилище и мысль о том, что каждый день ей придется сдерживать страсть Мохендро, увеличивали ее сердечную муку. Но ведь она сама вызвала из глубин сердца Мохендро притаившееся там грязное и ненасытное чудовище. Как ей спастись теперь от него? Бинодини понимала, что не сможет долго держать Мохендро на расстоянии. Он будет приходить сюда, в эту маленькую квартирку, и, побуждаемый страстью, будет все приближаться и приближаться к ней, и ее страшила борьба между презрением и привязанностью, которую ей придется вести на краю пропасти на грязном ложе жизни. Когда Бинодини думала обо всем этом, душу ее сжимал ужас. Где же конец ее страданиям?

При виде осунувшегося, побледневшего лица Бинодини Мохендро почувствовал, как пламя ревности опалило его сердце. Неужели он не в силах вырвать эту отшельницу из-под власти дум о Бихари? Орел хватает овцу и во мгновение ока уносит ее в свое недосыгаемое горное гнездо. Неужели нигде в мире нет забытого, скрытого облаками уголка, куда бы Мохендро мог унести свою нежную и красивую добычу и спрятать у себя на груди? Пламя ревности распалило его страсть. Нет, он не может и на миг покинуть Бинодини. Каждый его день будет проходить в страхе перед появлением Бихари. Но Мохендро не уступит ему.

Мохендро вспомнил санскритские стихи, в которых говорилось, что боль разлуки придает красоте женщины особую утонченность. Сегодня, глядя на Бинодини, он убедился в истинности этих слов, и его охватило волнение, от которого было и сладко и больно.

— Ты, вероятно, уже пил чай? — обратилась к нему Бинодини после паузы.

— Ну и что же, я буду счастлив, если ты угостишь меня! «Налей мне чашку...»

Бинодини хотелось грубо оборвать Мохендро, но вместо этого она спросила:

— Ты не знаешь, где сейчас Бихари?

Мохендро изменился в лице.

— Его нет в Калькутте.

— А где он?

— Он никому не оставил адреса.

— Неужели невозможно его узнать?

— Мне его адрес не нужен.

— Не нужен? Разве ваша дружба ничего для тебя не значит?

— Да, мы с ним друзья с детства, — согласился Мохендро. — Ты же подружилась с Бихари совсем недавно, но тебе его адрес нужен больше, чем кому бы то ни было.

— Как тебе не стыдно! Ты так и не научился у Бихари ценить дружбу.

— Ну об этом я не горюю, — усмехнулся Мохендро. — Вот если бы я позаимствовал у него искусство, как обманом овладеть сердцем женщины, — это мне сейчас очень бы пригодилось.

— Для этого желанья мало, нужно обладать способностями.

— Может, ты скажешь мне, к какому гуру обратиться. Я готов идти к нему в учение даже в столь зрелом возрасте, и тогда мы проверим мои способности!

— Пока не узнаешь адреса Бихари, не смей говорить мне о любви, — заявила Бинодини. — После того как ты поступил так с другом, кто поверит тебе?

— Можешь не верить, но это не дает тебе права оскорблять меня. Будь ты менее уверена в моей любви, разве пришлось бы мне мучиться! — воскликнул Мо-

хендро. — Бихари знает, как не дать себя укротить, так пусть поделится своим опытом со мной, несчастным. Вот это будет по-дружески!

— Бихари — человек, и его не надо укрощать, — заметила Бинодини. Она продолжала стоять у окна, откинув распущенные волосы за спину.

— Почему ты все время издеваешься надо мной? — гневно крикнул Мохендро, сжав кулаки и вскочив со своего места. — Не думаешь ли ты, что я оставляю твои оскорбления без ответа не потому, что ты сильна, а потому, что я терпелив? Но раз уж ты решила обращаться со мной, как с животным, то имей в виду, зверь я бешеный! Не считай меня трусом, который не может себя защитить!

Мохендро встретился взглядом с Бинодини.

— Бинод, — вырвалось у него, — уедем отсюда... Поедем на запад или в горы, куда хочешь... Здесь нет путей к спасению, я гибну...

— Хорошо! — неожиданно согласилась Бинодини. — Едем, сейчас же! Едем на запад!

— Но куда именно?

— Мы будем путешествовать, не останавливаясь нигде больше двух дней.

— Я согласен, — заявил Мохендро. — Сегодня же вечером отправляемся в путь!

Обрадованная Бинодини ушла на кухню готовить еду для Мохендро.

Из разговора Мохендро понял, что Бинодини не читала заметки о Бихари. В том душевном состоянии, в котором она находилась, ей было не до газет.

Весь день Мохендро следил за тем, чтобы Бинодини случайно не узнала, где находится Бихари.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Дома все ждали Мохендро к обеду, надеялись, что он принесет известия о Бихари. Обеспокоенная его долгим отсутствием, Раджлокхи очень волновалась. Всю ночь она не могла уснуть и чувствовала себя совершенно разбитой. Аша заметила это. Экипаж Мохендро уже

вернулся. Кучер рассказал, что, побывав в доме Бихари, Мохендро отправился на квартиру в Потолданге. Услыхав это, Раджлокхи молча отвернулась к стене. Аша, с лицом, застывшим, как у изваяния, сидя у изголовья, обмахивала свекровь опахалом. В другие дни, когда наступало время обеда, Раджлокхи отсылала Ашу, чтобы та поела, сегодня же она ничего не сказала. Если Мохендро, видя, как страдает его мать, мог убежать к Бинодини, Раджлокхи нечего было больше ждать от этого мира, не для чего было жить. Видно, Мохендро не считает ее болезнь серьезной, а думает, что у нее легкое недомогание, как это не раз с ней случалось. Раджлокхи было обидно такое безразличие сына. Любовь совсем вытеснила из его сердца и беспокойство за здоровье матери, и чувство долга. Он боялся, что его заставят сидеть у постели больной, и, забыв стыд, под каким-то предлогом сбежал к Бинодини. Оскорбленная Раджлокхи не хотела больше бороться с болезнью. Она докажет сыну, что он не прав.

В два часа дня Аша напомнила свекрови:

— Время принимать лекарство, ма.

Раджлокхи промолчала. Когда невестка поднялась, чтобы подать лекарство, она сказала:

— Не нужно, милая, иди к себе.

Аша понимала, что так сильно оскорбило материнское чувство. Не в силах успокоить свое измученное сердце, Аша всхлипнула, хотя изо всех сил сдерживала слезы. Раджлокхи медленно повернулась к невестке и, нежно глядя ее руку, сказала:

— Ты очень молода, дорогая. Ты еще узнаешь счастье. А обо мне не беспокойся, дитя. Я прожила свою жизнь, чего мне еще ждать?

При этих словах Аша, закрыв лицо краем сари, зарыдала.

Так печально прошел этот день. Обе женщины чувствовали себя глубоко оскорбленными, но все еще надеялись, что Мохендро вернется. При малейшем шорохе они, затаив дыхание, прислушивались, и каждая из них догадывалась о мыслях другой.

Яркие краски дня медленно тускнели. Спускались сумерки. Но женской половине дома они не принесли

ни розовых отблесков заката, ни полной темноты. Своей тусклостью они лишь усугубили горе и не дали излить в слезах отчаяние. Эти серые сумерки отняли последнюю надежду и силы и не подарили даже усталости или равнодушия. Когда наступил печальный, лишенный очарования вечер, Аша тихо встала, зажгла лампу и отнесла ее в комнату больной.

— Не надо света, — сказала Раджлокхи.

Аша унесла лампу. Тьма сгущалась, на маленькую комнату спускалась бесконечная ночь.

— Может быть, написать Мохендро? — осторожно спросила Аша.

— Нет, милая, — твердо ответила Раджлокхи. — Заклиная тебя не посылать ему и строчки.

Аша окаменела, у нее даже не было сил плакать.

— Письмо от господина, — доложил слуга из-за двери.

«А вдруг Мохим заболел, не может прийти и потому прислал письмо», — промелькнуло в голове Раджлокхи.

— Прочти скорей, что пишет Мохим, — крикнула она, исполненная тревоги и раскаяния.

Аша вышла в соседнюю комнату, где была лампа, и дрожащими руками распечатала конверт. Мохендро писал, что последние дни плохо себя чувствовал и поэтому решил уехать на запад. Особых причин волноваться за здоровье матери нет, писал далее Мохендро, но он поручил доктору Нобину регулярно навещать ее. Далее шли советы, что делать, если бессонница и головные боли не пройдут. Вместе с письмом Мохендро прислал несколько легких укрепляющих средств. В постскриптуме он просил непременно сообщать ему о здоровье матери, а письма направлять в Гиридах.

Прочитав это послание, Аша не знала, что делать. Отчаяние в ее душе уступило место отвращению. Но как сообщить столь жестокое известие Раджлокхи?

Заметив нерешительность невестки, больная разволновалась еще больше.

— Иди сюда, прочти скорее, что пишет Мохим! — воскликнула она, приподнимаясь на постели.

Аша вошла и медленно прочла от начала до конца все письмо.

— Прочти еще раз то место, где Мохим пишет о своем здоровье, — попросила Раджлокхи.

— «Последние дни я плохо себя чувствую, поэтому...» — повторила Аша.

— Хватит, дальше не надо, — остановила ее Раджлокхи. — Конечно, как мог он чувствовать себя хорошо! Ведь старуха мать все никак не умрет, а только докучает ему своей болезнью! Зачем ты сказала Мохиму, что я больна?! Жил он дома, занимался у себя в комнате, никого не беспокоил. Тебе что, стало лучше, когда он ушел из дому? Кому мешала моя болезнь? Даже в горе ты не набралась ума!

Раджлокхи, тяжело дыша, откинулась на подушку. У дверей послышались шаги.

— Пришел господин доктор, — доложил слуга.

Покашливая, в комнату вошел врач. Аша, торопливо натянув на голову край сари, встала у изголовья постели.

— Расскажите, что с вами, — обратился врач к больной.

— Это еще зачем? — раздраженно воскликнула Раджлокхи. — Дайте человеку умереть спокойно. Ваши лекарства все равно не спасут меня, сколько бы я их ни глотала.

— Не в моих силах сделать вас бессмертной, — примирительно заметил доктор. — Я только попытаюсь облегчить ваши страдания...

— Когда-то вдов сжигали, и это было лучшим средством для облегчения их страданий, — прервала его Раджлокхи. — А теперь им только продлили мучения. Лучше уйдите, доктор... Не раздражайте меня... я хочу побыть одна.

— Разрешите хотя бы проверить ваш пульс, — растерянно проговорил врач.

— Я сказала — уходите, — рассердилась Раджлокхи. — К сожалению, пульс еще бьется.

Доктор вызвал Ашу в соседнюю комнату и подробно расспросил ее о болезни свекрови. После этого он мрачный вернулся в спальню.

— Послушайте, — снова обратился он к Раджлокхи, — Мохендро, уезжая, поручил мне заботиться о вашем

здоровье. Он будет очень огорчен, если вы не позволите лечить вас.

Для Раджлокхи слова врача прозвучали как насмешка.

— О Мохендро не беспокойтесь, — с горечью сказала она. — На долю каждого человека выпадают огорчения. Но смею вас заверить, что это огорчение для Мохендро не очень велико. Оставьте меня в покое, доктор, я хочу хоть немного поспать.

Доктор понял, что лучше не волновать больную, и, рассказав, какой нужен уход за Раджлокхи, ушел.

— Иди к себе, дитя, — сказала Раджлокхи невестке, когда она вернулась в спальню. — Отдохни немного. Целый день ты не отходишь от меня. Пришли сюда мать Хару, пусть она посидит в соседней комнате.

Аша поняла, что слова свекрови не были продиктованы любовью или заботой, это был приказ, и ей ничего не оставалось, как повиноваться.

Послав служанку к Раджлокхи, Аша пошла в свою комнату и, не зажигая лампы, легла на прохладный пол.

От волнений и от того, что она весь день ничего не ела, Аша чувствовала себя совсем разбитой. Из соседнего дома доносилась свадебная музыка. Ночная темнота, казалось, вторила нежным звукам флейты, и сердце Аши, трепеща, внимало им. Аша вспомнила собственную свадьбу, и эти воспоминания ярким светом озарили ночное небо. Ни одна подробность не ускользнула из памяти молодой женщины: иллюминация, веселое оживление, гирлянды, сандаловая паста, аромат благовоний, свадебный наряд. Вспомнила Аша, как радостно замирало ее сердце от стыда и страха. Думать об этом сейчас было нестерпимо больно и мучительно. И словно голодный ребенок, который может ударить мать, требуя пищи, проснувшееся в душе Аши стремление к счастью исторгло рыдание из ее груди. Превозмогая усталость, Аша поднялась с пола и, сложив молитвенно руки, обратилась ко всевышнему. В сердце ее, омытом слезами, ожил образ чистой и доброй Аннапурны — ведь для Аши она была живым воплощением всевышнего на земле. Когда-то Аша дала себе клятву не обращаться за помощью к этой добродетельной женщине, какое бы несчастье с ней ни

приключилось, но сегодня она не видела иного выхода. Со всех сторон ее окутал сумрак отчаяния, и нигде не было проблеска надежды. Аша зажгла лампу, положила тетрадь на колени и принялась за письмо, то и дело утирая слезы.

«Припадаю к твоим лотосоподобным стопам.

Тетя, сейчас у меня нет никого роднее тебя! Приезжай и обними несчастную — или я погибну. Что еще писать, не знаю. Тысячу раз почтительно склоняюсь к твоим ногам.

Любящая тебя Чуни».

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Аннапурна тихо вошла в комнату Раджлокхи и совершила пронам. Забыв о былой вражде, Раджлокхи обрадовалась, увидев Аннапурну. У нее было такое чувство, будто она вновь обрела утраченное богатство. Только сейчас она поняла, сколько горя и недоразумений вызвал отъезд Аннапурны. Раджлокхи давно желала ее возвращения, хотя не признавалась себе в этом, и теперь всем своим страдающим сердцем потянулась к старой подруге. До рождения Мохендро обе невестки жили как сестры, делили радость и горе — они ехали в одной колеснице жизни, вместе скорбя об утратах.

Прошло много лет, Раджлокхи постигло горе. И вот в эти печальные дни неизменная участница ее детских забав, верная подруга юности, снова вместе с ней. В памяти Раджлокхи всплыло все, что они пережили вместе. Где сейчас тот, ради которого она так грубо оттолкнула подругу?

Аннапурна села рядом с больной и, взяв ее руку в свою, сказала одно лишь слово:

— Диди!

— Медж-боу! — едва слышно прошептала Раджлокхи.

От волнения она, казалось, потеряла голос.

Из глаз ее хлынули слезы. Аша тоже не могла сдержаться и, выбежав в соседнюю комнату, опустилась на пол и расплакалась. Аннапурна не решалась спросить о

Мохендро ни его мать, ни Ашу. В тот же день она вызвала к себе управляющего Шадхучорона.

— Где Мохим? — спросила его Аннапурна.

И управляющий рассказал ей все, что знал о своем господине и о Бинодини.

— А как поживает Бихари?

— Он давно не был у нас, что с ним, я не знаю.

— Сходи к нему домой и все разузнай, — приказала Аннапурна.

Вскоре управляющий вернулся, он сообщил, что Бихари дома не живет. Ему сказали, что господин уехал в Бали на берег Ганги.

Потом Аннапурна послала за доктором.

— У нее слабое сердце и к тому же водянка, — сказал доктор. — Смерть может наступить внезапно.

Вечером Раджлокхи стало хуже.

— Диди, я позову доктора, — предложила Аннапурна.

— Не надо, все равно он не поможет мне.

— Может быть, ты хотела бы видеть кого-нибудь?

— Я хотела бы, чтобы Бихари сообщили о моей болезни.

Сердце дрогнуло в груди Аннапурны. Она до сих пор страдала, вспоминая тот вечер, когда вдали, на чужбине прогнала Бихари. Теперь он никогда не придет к ее дверям. Аннапурна уже не надеялась в этой жизни искупить свою вину перед Бихари.

Она поднялась в комнату Мохендро. Когда-то эта комната была самой радостной и светлой в доме. Но сейчас она выглядела заброшенной: постель в беспорядке, цветы в вазонах увяли — их никто не поливал.

Аша догадалась, что тетка прошла в комнату Мохендро, и тихо последовала за ней. Аннапурна прижала к груди молодую женщину и ласково поцеловала ее. Аша соскользнула на пол, обхватила руками ноги тетки и стала биться о них головой.

— Тетя, благословите меня, дайте мне силы, — говорила несчастная женщина. — Я никогда не думала, что человек может столько вынести. Как долго суждено мне страдать?

Аннапурна опустилась на пол рядом с племянницей, положила ее голову к себе на колени, молитвен-

но сложила руки и мысленно обратилась к всевышнему.

Это безмолвное, исполненное любви благословение вселило в исстрадавшееся сердце Аши покой. Она поверила, что теперь ее мечта сбудется. Всевышний может отнестись с пренебрежением к такой глупой женщине, как она, но мольбам Аннапурны он должен внять.

— Тетя, — сказала она с глубоким вздохом, обретя наконец уверенность и утешение, — напишите Бихари, чтобы он приехал.

— Писать не нужно.

— Как же сообщить ему?

— Завтра я с ним увижусь.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Во время своей поездки по западу Бихари понял, что не обретет спокойствия, пока не найдет себе какого-нибудь дела, и, вернувшись в Калькутту, решил посвятить себя заботам о бедных калькуттских служащих. Жизнь этих несчастных, обремененных огромными семьями, в мрачных жилищах узких переулков напоминала существование рыб, задыхающихся летом в грязной стоячей воде поросшего тиной пруда. Бихари был преисполнен жалости к этим беднякам благородного происхождения, вечно озабоченным, больным, с изможденными лицами. Он давно мечтал дать им возможность хоть немного подышать свежим воздухом на берегу Ганги, насладиться тенью рош.

Бихари купил большой сад в Бали, нанял рабочих-китайцев и занялся постройкой маленьких домиков. Однако и это не принесло ему душевного покоя. Чем ближе становился день открытия лечебницы, тем сильнее претило Бихари это занятие.

«Нет, это не принесет тебе счастья, — нашептывал ему тайный голос. — В том, что ты делаешь, нет ничего увлекательного, нет красоты, есть только долг». Никогда еще Бихари так сильно не разочаровывался в своей работе. А ведь было время, когда он не желал ничего особенного, его могло легко заинтересовать все, что встречалось

на его жизненном пути. Однако теперь душа его жаждала чего-то иного, и он знал, что, пока не утолит этой жажды, ничто в мире не заинтересует его. За какое бы дело Бихари ни взялся, оно тотчас ему надоедало, и, бросив все, он готов был бежать.

Прежде молодость дремала в Бихари. Но Бинодини волшебной палочкой разбудила ее. И теперь она, словно появившаяся на свет птица Гаруда, готова была рыскать по всему свету в поисках пищи. Ничего подобного Бихари раньше не испытывал. И это новое чувство страшило его. Что мог он сделать в таком состоянии для своих бедных больных, безвременно умирающих калькуттских слушающих?

Перед ним несла свои по-осеннему набухшие воды Ганга месяца ашарх. На противоположном берегу зеленели рощи. Над ними нависли темные, тяжелые тучи. Река то вспыхивала огнем, то холодно сверкала, словно сталь меча. Бихари, как зачарованный, смотрел на осеннее великолепие природы, и ему казалось, что двери его сердца распахнулись навстречу одинокой женщине, появившейся в синем небе; ее густые волнистые волосы влажны и распущены по плечам, она пристально смотрит в лицо Бихари полным скорби и в то же время сияющим взглядом, и взгляд этот словно вобрал в себя рассеянные в осеннем, облачном небе последние лучи солнца.

Прежде Бихари был доволен своей жизнью. Теперь ему казалось, что живет он напрасно. Сколько облачных вечеров, таких, как сегодня, сколько лунных ночей стучалось во врата его пустого сердца, предлагая чашу с нектаром, но он оставался равнодушным. Сколько редких счастливых мгновений ушло безвозвратно, сколько песен любви оборвалось! Но страстный порыв Бинодини, когда она губами коснулась его губ, вытеснил из сердца Бихари все остальные воспоминания, сделал их тусклыми. Зачем он всю жизнь был лишь тенью Мохендро? Теперь Бихари не хотел, да и не мог оставаться безразличным к звукам флейты, казалось вырвавшимся из самого сердца вселенной, чтобы воспеть страдание любви. Разве был он в силах изгнать из души образ той, чьи объятия приоткрыли ему на мгновение удивительный, неповторимо прекрасный мир!

Любовь Бинодини заслонила собою все. День и ночь в ушах у него звучали страстные вздохи молодой женщины, он видел ее глаза, а стоило ему вспомнить о прикосновении нежных горячих рук, как его трепещущее сердце, словно цветок, раскрывало свои лепестки.

Но почему он вдали от Бинодини? Может быть, потому, что Бихари не мог найти уз, которыми он связал бы себя с Бинодини, уз, достойных той красоты, которую она ему открыла. Когда срывают лотос, за ним тянется и тина. Куда поместить Бинодини, чтобы красота ее не обернулась уродством?

Бихари не допускал и мысли, чтобы как-то бороться с Мохендро из-за Бинодини, это лишь унизило бы его светлое чувство к ней. Вот почему он удалился на пустынный берег Ганги, где воздвиг своей богине алтарь и сжигал на нем свое сердце. Он не написал ни одного письма, боясь, как бы какое-нибудь известие Бинодини не разорвало окутавшую его сеть радужных грез.

Однажды на рассвете Бихари расположился в южной части сада под цветущим деревом джам. День обещал быть пасмурным. Бихари лениво наблюдал за плывущими по Ганге лодками. Когда совсем рассвело, пришел слуга и спросил, готовить ли завтрак.

— Пока не надо, — ответил Бихари.

Потом появился подрядчик и попросил хозяина пойти осмотреть строительство.

— Успею еще, — отмахнулся Бихари.

И вдруг он увидел перед собой Аннапурну. Бихари вскочил на ноги, затем распростерся ниц, обнял ноги почтенной женщины и, приветствуя ее, коснулся головой земли.

Аннапурна, благословляя Бихари, ласково дотронулась до его головы.

— Почему у тебя такой измученный вид, Бихари? — спросила Аннапурна со слезами в голосе.

— Я ждал, когда вы вернете мне свою любовь. Слезы хлынули у нее из глаз.

— Вы завтракали? — забеспокоился Бихари.

— Нет еще.

— Пойдемте в дом, — предложил молодой человек. —

Вы приготовите завтрак, и сегодня я наконец-то смогу полакомиться вашими прекрасными кушаньями.

Бихари не спрашивал ни об Аше, ни о Мохендро. Когда-то Аннапурна сама закрыла перед ним дверь в их дом; оскорбленный, он подчинился этому жестокому запрету.

— Лодка стоит у берега, — сказала Аннапурна, когда они кончили завтракать. — Мы едем в Калькутту немедленно.

— Зачем? — удивился Бихари.

— Мать Мохендро очень больна, она хочет видеть тебя.

Бихари вздрогнул.

— А где Мохим?

— Его нет в Калькутте. Он уехал на запад.

Бихари побледнел, но ничего не сказал.

— Тебе все известно? — спросила Аннапурна.

— Кое-что я знаю, но едва ли все.

Тогда Аннапурна рассказала Бихари, что Мохендро и Бинодини уехали вместе. Все померкло перед глазами Бихари. Земля, небо и весь окружающий мир уже не казались ему столь прекрасными. Сладость мечтаний уступила место горечи.

Бинодини разбила сокровищницу его грез.

«Значит, она играла со мной! — пронеслось у Бихари в голове. — Ее самоотверженная любовь была обманом; забыв стыд, она покинула деревню и уехала с Мохендро на запад. Будь она проклята! Пусть и на меня, глупца, падет проклятие за то, что я на мгновение поверил ей!»

Пасмурные вечера и лунные ночи месяца ашарх потеряли для Бихари свое прежнее очарование.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Бихари думал, что не найдет в себе сил встретиться с несчастной Ашей. Едва он вошел, печаль дома, который потерял своего хозяина, камнем легла ему на сердце. Увидев слуг, Бихари опустил голову. Он не мог, как прежде, держаться с ними свободно, не мог даже справиться об их здоровье — ему было очень стыдно за безумство Мохендро. Еще тяжелее было идти на женскую

половину дома к униженной и страдающей Аше. Мохендро перед всем миром покрыл позором эту беззащитную женщину, сорвал покрывало и оставил ее одну под любопытными и полными оскорбительного сочувствия взглядами чужих людей.

Но времени раздумывать не было. Едва Бихари вошел, как Аша бросилась к нему.

— Бихари! — воскликнула она. — Идите скорее, матери очень плохо!

Так прямо Аша впервые обратилась к нему. Поток горя увлекает за собой все, что встречает на своем пути; и неожиданно два человека, находившиеся вдали друг от друга, оказываются вместе на крохотном участке суши.

Бихари стало больно, когда он увидел эту новую для него Ашу; она говорила взволнованно, но без тени смущения. Только теперь Бихари почувствовал, какой удар нанес Мохендро своей семье. Заброшенный дом утратил свой былой уют, а сама хозяйка — очарование скромности. Ей некогда было думать теперь о таких пустяках, как правила хорошего тона.

Бихари вошел в комнату Раджлокхи. У больной только что кончился приступ удушья, и она была очень бледна.

После того как Бихари приветствовал ее, почтенная женщина жестом пригласила его сесть рядом.

— Как поживаешь? — медленно, с трудом проговорила Раджлокхи. — Давно я тебя не видела.

— Почему мне не сообщили, что вы больны? Я бы сразу приехал.

— Знаю, милый мой! — ласково отвечала Раджлокхи. — Хоть я и не носила тебя в утробе, но ближе тебя у меня нет никого. — Из глаз ее хлынули слезы.

Бихари был глубоко взволнован, но, чтобы не выдать своих чувств, сделал вид, что его заинтересовали этикетки на пузырьках с лекарствами, отошел к полке и стал их рассматривать. Справившись с волнением, он снова подошел к постели больной и взял ее руку, чтобы проверить пульс.

— Не надо, — остановила его Раджлокхи. — Скажи лучше, почему ты так похудел?

Раджлокхи высохшей рукой ласково погладила его по шее.

— А я и не поправлюсь, пока не поем вдоволь рыбного супа, который вы так хорошо готовите, — пошутил Бихари. — Скорее выздоравливайте, а я пока буду поддерживать огонь в очаге.

Раджлокхи слабо улыбнулась.

— Да, милый, огонь скоро понадобится, но не для этого! — И, сжав его руку, она добавила: — Бихари, женись, жена будет ухаживать за тобой. Сестра, — обратилась она к Аннапурне, — ты должна женить его, посмотри, на кого он стал похож.

— Сама поскорее поднимайся с постели, — ответила Аннапурна. — Выбирать невесту — дело твое, а мы все повеселимся на свадьбе.

— У меня осталось мало времени, дорогая, — возразила Раджлокхи. — Я передаю заботу о Бихари тебе. Сделай его счастливым. Я оказалась не в силах отдать свой долг Бихари, но всевышний не оставит его. — Раджлокхи нежно провела рукой по волосам молодого человека.

Больше Аша не могла сдерживать своих чувств; чтобы не разрыдаться на глазах у всех, она выбежала из комнаты. Аннапурна сквозь слезы с любовью смотрела на Бихари.

— Невестка, — позвала вдруг Раджлокхи, вспомнив о чем-то.

Аша вернулась.

— Нужно накормить Бихари. Распорядись.

— Все давно знают, что твой сын обжора, — вмешался Бихари. — Входя в дом, я видел, как Бами тащила на кухню корзину с огромной рыбой, и сразу понял, что здесь еще помнят меня.

Смеясь, Бихари взглянул на Ашу.

Аша не смутилась, как это бывало прежде, а нежно улыбнулась в ответ на его шутку. Молодая женщина не понимала раньше, как много значит Бихари для их семьи. Долгое время она видела в нем чужого человека и относилась к нему с открытой неприязнью. Теперь Аша раскаивалась в этом и всячески старалась выказать ему уважение и любовь.

— Сестра, — обратилась Раджлокхи к Аннапурне, — тебе самой придется пойти на кухню. Ведь брахман-

повар не знает, как сделать еду достаточно острой для этого жителя Восточной Бенгалии.

— Но ведь ваша мать родом из Бикрампура, — возразил Бихари, — почему же вы человека из округа Нодия называете жителем Восточной Бенгалии? Я не потерплю такого оскорбления.

В этот день много шутили, в доме давно уже не было так весело.

Но никто ни разу не упомянул даже имени Мохендро. Прежде Раджлокхи говорила с Бихари только о сыне. И за это Мохендро часто поддразнивал мать. Сегодня же Раджлокхи не вспомнила о сыне, чем немало озадачила Бихари. Когда больная задремала, он вышел из комнаты.

— Она серьезно больна, — сказал Бихари Аннапурне, стоявшей у окна.

— Да. Это несомненно.

Несколько минут они молчали, погруженные в невеселые думы.

— Бихари, — первой нарушила молчание Аннапурна, — нужно вызвать Мохендро. Откладывать нельзя.

— Я сделаю все, что вы прикажете, — ответил Бихари после паузы. — Но кто знает, где он?

— Никто, придется искать. Я хочу сказать тебе еще кое-что. Взгляни на Ашу. Если ты не сумеешь вырвать Мохендро из рук Бинодини, Аша не переживет этого. По лицу бедняжки видно, что смерть стоит у нее за спиной.

«О всевышний! Я собираюсь спасти других, — горько усмехнулся про себя Бихари, — но кто спасет меня?»

— Разве я волшебник, тетя? — сказал он вслух. — Как могу я навсегда вырвать Мохендро из-под власти Бинодини? Возможно, болезнь матери на некоторое время образумит его. Но я не могу ручаться, что потом он снова не сбежит к своей возлюбленной.

В комнату, набросив на голову край сари, тихо вошла Аша и села у ног Аннапурны. Она знала, что Бихари ведет разговор с теткой о Раджлокхи, и пришла послушать его советы. Увидев на лице Аши выражение огромного безмолвного горя, молодой человек преисполнился к ней еще большего уважения. Эта безгранично преданная мужу женщина, погрузившись в священные воды реки страдания, обрела то непоколебимое достоинство, которым обла-

дали только героини древности. Безысходное горе сделало Ашу равной тем верным женам, о которых рассказывают легенды.

Бихари сказал Аше, какая диета нужна Раджлокхи и какие ей давать лекарства. Потом, когда Аша ушла, он, глубоко вздохнув, произнес:

— Я спасу Мохендро!

Бихари отправился в банк, где у Мохендро был счет, и там узнал, что всего несколько дней назад Мохендро вел расчеты с отделением банка в Аллахабаде.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Когда Бинодини села в вагон третьего класса, Мохендро удивился:

— Почему ты решила ехать в третьем классе? Поезжай во втором. Я куплю тебе билет.

— Не нужно. Мне и здесь хорошо.

Мохендро недоумевал. Бинодини всегда любила удобства и терпеть не могла бедности. Она стыдилась своей семьи, которая жила в нищете. Мохендро знал, что достаток в его доме, дорогая мебель и то, что семья их слыла состоятельной, — все это когда-то привлекало Бинодини. Мысль о том, что она может стать обладательницей всей этой роскоши, была очень заманчива и волновала молодую женщину. Почему же сейчас, когда Мохендро в ее власти, когда она может распоряжаться его деньгами и удовлетворять любую свою прихоть, Бинодини с таким равнодушием и даже гордостью терпит унижительные для нее трудности и даже лишения? А объяснялось это просто: любыми средствами стремилась она сохранить свою свободу. Она не хотела быть обязанной человеку, который своим безумным порывом лишил ее места в обществе. Это могло лишь ускорить ее падение. Пока Бинодини жила в доме Мохендро, она не подвергала себя лишениям, как это полагалось вдове, теперь же она во многом стала себе отказывать: ела раз в день, носила грубое, простое сари. Исчезло ее неиссякаемое остроумие. Пропала присущая ей живость. Бинодини стала такой скрытной, далекой и угрюмой, что у Мохендро порой не хватало смелости

обратиться к ней с самым простым словом. Он удивлялся, беспокоился, злился и ломал себе голову, пытаясь понять Бинодини. «Для чего она потратила столько усилий, стремясь завладеть мной? Неужели для того только, чтобы сорвать недостижимый плод с высокой ветки и, даже не попробовав его, бросить на землю?»

— Куда брать билет? — спросил Мохендро.

— Мы сойдем утром на первой же остановке, — ответила Бинодини.

Мохендро не очень привлекало такое путешествие. Он с трудом мирился с неудобствами и чувствовал себя превосходно лишь в больших городах, где всегда можно найти хорошее жилье. Он не принадлежал к тем людям, которые сами могут о себе позаботиться. Поэтому Мохендро сел в поезд, негодуя и злясь в душе. К тому же он опасался, что Бинодини, не предупредив его, сойдет одна на какой-нибудь станции. Она ехала в вагоне для женщин.

Так Бинодини, словно блуждающая звезда, переезжала с места на место, не давая Мохендро ни минуты покоя. Она обладала талантом очень быстро заводить друзей. Бинодини легко сходилась со своими попутчиками, от них узнавала о тех местах, где ей хотелось бы задержаться; сама выбирала гостиницы, вместе со своими новыми знакомыми осматривала достопримечательности. Мохендро видел, что Бинодини совсем не нуждается в нем, с каждым днем он все ниже падал в ее глазах. В обязанности его входило только покупать билеты. Остальное время он проводил в одиночестве, наедине со своими переживаниями.

Первые дни Мохендро старался повсюду сопровождать Бинодини, потом ему это надоело, и, пока Бинодини ходила по городу, он коротал время за едой или дремал. Трудно было поверить, что Мохендро, так избалованный своей любящей матерью, окажется в подобном положении.

Однажды они сидели вдвоем на вокзале в Аллахабаде в ожидании поезда, который почему-то запаздывал. Приходили и уходили поезда, а Бинодини все всматривалась в лица приезжающих и отъезжающих пассажиров. Куда бы они ни ехали, Бинодини постоянно смотрела по сторонам, словно надеялась встретить кого-то. В шумной толпе на широких улицах и в бесконечных переездах она

чувствовала себя спокойнее; во всяком случае, это было лучше, чем вести праздное существование в оторванном от всего мира доме в узком калькуттском переулке, там она только мучилась и медленно убивала себя.

Случайно взгляд Бинодини упал на застекленную витрину. Она встрепенулась. Там, под стеклом, были выставлены письма, адресаты которых выбыли. На одном из них Бинодини увидела имя Бихари. Имя Бихари встречается часто, и было трудно предположить, что это именно тот Бихари, о котором думала Бинодини. Но она не сомневалась, что это был именно он. Бинодини постаралась запомнить адрес, написанный на конверте, и подошла к Мохендро, который с недовольным видом сидел на скамейке.

— Сегодня мы никуда не поедем, — неожиданно заявила Бинодини, — я хочу пожить в Аллахабаде.

Бинодини делала с Мохендро все, что хотела, ничем не стараясь облегчить страдания его жаждущего любви сердца. Но сегодня Мохендро, чье мужское самолюбие она столько раз унижала своим пренебрежением, в конце концов взбунтовался. Он и сам с удовольствием провел бы еще несколько дней в Аллахабаде. Но все в нем восстало против того, чтобы потакать капризам этой женщины.

— Раз решили ехать, — сердито сказал он, — нужно ехать. Нечего возвращаться!

— Я никуда не поеду, — спокойно заметила Бинодини.

— Можешь оставаться одна, я уезжаю.

— Как хочешь! — Не теряя времени, Бинодини позвала носильщика и ушла.

Восстановив свое мужское достоинство, Мохендро с мрачным видом продолжал сидеть на скамейке. Пока Бинодини не скрылась из виду, Мохендро был полон решимости, но, когда она, ни разу не оглянувшись, исчезла, он поспешил взвалить на носильщика свой багаж и последовал за ней. Очутившись на привокзальной площади, Мохендро увидел, что Бинодини нанимает извозчика. Не сказав ей ни слова, Мохендро погрузил вещи на верх экипажа, а сам сел не рядом с Бинодини, а впереди, с извозчиком, желая сохранить чувство собственного достоинства.

Они ехали уже больше часа, город давно остался позади, замелькали поля и луга. Мохендро стыдился спросить у извозчика, какой адрес дала Бинодини. Он боялся, как бы извозчик не догадался, что им, Мохендро, командует женщина и что она даже не сочла нужным посоветоваться с ним, куда ехать.

Экипаж остановился на пустынном берегу Джамуны, возле большого дома с садом. Мохендро удивился. Чей это сад? Откуда Бинодини узнала о нем?

Дом был заперт. На стук вышел старик сторож.

— Хозяин — человек очень богатый, — сказал старик, — живет он недалеко. Если он разрешит, вы сможете поселиться здесь.

Бинодини взглянула на Мохендро. Дом, видимо, понравился Мохендро — он был очень уютным, и Мохендро обрадовался возможности провести здесь хоть несколько дней после долгих скитаний.

— Отлично! — воскликнул он. — Поедем к хозяину. Я договорюсь с ним, а ты подождешь в экипаже.

— Я не в силах больше ездить, — ответила Бинодини. — Ты поезжай, а я хоть немного приду в себя. Здесь безопасно.

Как только Мохендро уехал, Бинодини позвала сторожа и завела с ним разговор. Она расспросила старика о детях — кто они, где работают, за кого он выдал дочерей замуж.

— О, нелегко вам приходится, — сочувственно произнесла она, услышав, что старик вдов. — Плохо в таком возрасте жить одному, некому позаботиться! — Потом как бы невзначай Бинодини спросила: — Скажите, здесь у вас жил господин Бихари?

— Да, — ответил старик, — он прожил здесь несколько дней. Госпожа знает его?

— Он наш родственник.

Когда старик описал наружность и характер Бихари, последние сомнения оставили Бинодини. Она попросила сторожа открыть дом и показать, где была спальня, где гостиная. После отъезда Бихари никто не жил в этих комнатах.

Бинодини казалось, будто Бихари незримо присутствует здесь, будто воздух хранит его дыхание, обвола-

живая все ее тело. Ей так и не удалось узнать, где теперь Бихари. Может быть, он еще вернется? Сторожу ничего не было известно, но он обещал расспросить хозяина.

Приехал Мохендро. Хозяин разрешил им поселиться в доме, и Мохендро уплатил вперед.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

С давних времен снег Гималаев питает Джамуну, а поэты черпают свое вдохновение в ее бессмертных водах. Сколько стихотворных ритмов подсказал им шум Джамуны, трепет скольких сердец хранит бег ее волн!

Мохендро сидел на берегу весь во власти любовного томленья, его взгляд был затуманен, нервы напряжены, дыхание прерывисто. Золотая вина заходящего солнца, казалось, выводила в небе грустную мелодию.

К прибрежной песчаной полосе, игравшей яркими красками вечерней зари, осторожно подкрадывалась темнота. Полузакрыв глаза, Мохендро мысленно перенесся в мир поэм: вот, вздымая на дороге пыль, возвращаются с лугов Вриндавана коровы, Мохендро даже слышал их мычание.

Небо затянули дождевые тучи. Темнота в незнакомых окрестностях — это не просто черное покрывало земли, она полна прекрасной таинственности, неясные проблески света будто шепчут что-то на языке, не имеющем слов. Бледная полоска противоположного песчаного берега, темная синева спокойных вод реки, раскидистые, застывшие деревья ним, извилистая линия пустынного берега, на котором в одиночестве сидел Мохендро, — все в сумеречном свете приняло неясные, загадочные очертания, и молодой человек поддался очарованию окружающей природы.

Ему почему-то вспомнилась девушка из вишнуйских стихов. Она пришла на свидание и в одиночестве стоит у Джамуны. Как ей переправиться на другой берег? Одна строка стихотворения особенно запомнилась Мохендро и теперь все время звучала в его сердце: «О лодочник, перевези меня на другой берег!»

Девушка далеко, на противоположном берегу, ее скрывает темнота, но Мохендро ясно видит ее. У нее нет воз-

раста, она вне времени, это бессмертная пастушка, которая явилась на свет в образе Бинодини. Воспетая в стольких песнях, она пережила века и принесла с собой неувядаемую юность, печаль и страдания любви. И вот она стоит здесь, на прибрежном песчаном откосе, и голос ее несется к небу: «О лодочник, перевези меня на другой берег!» Так, вечно, стоит она в темноте, зовет лодочника: «О, перевези меня на другой берег!»

Луна выглянула из-за туч. Все вокруг изменилось, словно по волшебству. Не было больше прозаических обязанностей, время остановило свой бег, стерлись воспоминания о прошлом, не существовало будущего, полного забот, осталась только Джамуна, несущая свои серебряные воды, да Мохендро с Бинодини на разных берегах.

Волшебная ночь лишила Мохендро рассудка. Он и мысли не допускал, что сегодня Бинодини сможет прогнать его. В лунную ночь, здесь, в этом пустынном уголке рая, она предстала перед ним в образе богини Лакшми. Мохендро встал и направился к дому.

Когда он вошел в спальню Бинодини, на него повеяло ароматом цветов. Лунный свет из открытого окна и дверей лился на белоснежную постель. Бинодини сплела гирлянды из цветов, украсила ими волосы, обвила их вокруг шеи и талии и так, украшенная цветами, лежала на постели. В этот момент она походила на расцветшую весной лиану.

Мохендро потерял власть над собой.

— Бинод, — его голос прерывался от волнения, — я думал, ты придешь на берег, но луна шепнула мне, что ты ждешь меня здесь. И я пришел!

Мохендро хотел сесть на постель рядом с Бинодини, но она испуганно приподнялась и, указывая рукой на дверь, крикнула:

— Уходи вон! Не смей подходить ко мне!

Ладья чувств Мохендро села на мель. Мохендро замер и долго не мог вымолвить ни слова. Тогда Бинодини, опасаясь, что Мохендро нарушит ее приказ, вскочила с постели.

— Кого ты ждешь? Для кого нарядилась? — спросил наконец Мохендро.

— Того, кто у меня в сердце, — ответила Бинодини, прижимая руки к груди.

— Кто он? Бихари?

— Не смей произносить его имени!

— Значит, ради него ты бродишь по стране, едешь с места на место?

— Да!

— И его ты ждешь здесь?

— Да, его!

— Ты знаешь, где он?

— Пока нет, но скоро узнаю.

— Я не допущу этого.

— Но ты не сможешь вырвать Бихари из моего сердца! — Бинодини закрыла глаза, словно прислушиваясь к биению своего сердца, в котором царил один Бихари.

Никогда еще Мохендро не влекло к Бинодини с такой силой, как сегодня. Отвергнутый ею, он был страшен в гневе.

— Я ножом вырежу Бихари из твоего сердца! — воскликнул он, сжимая кулаки.

— Твой нож скорее, чем твоя любовь, найдет дорогу к моему сердцу, — не дрогнув, ответила Бинодини.

— Почему ты не боишься меня? Кто защитит тебя здесь?

— Ты сам мой защитник. Ты охраняешь меня от самого себя, — спокойно ответила молодая женщина.

— Ты по-прежнему доверяешь мне?

— Иначе я не поехала бы с тобой. Скорее наложила бы на себя руки.

— Почему же ты не умрешь! — воскликнул Мохендро. — Зачем, затянув петлю доверия на моей шее, таскаешь меня за собой? Твоя смерть принесла бы многим счастье.

— Знаю. Но я не умру, пока у меня есть надежда встретить Бихари!

— Пока ты жива, не умрет и моя надежда и я не обрету свободы. Отныне я всей душой буду молить всевышнего послать тебе смерть. Ты не будешь принадлежать мне, но и Бихари не достанешься. Уйди из моей жизни, дай мне свободу! Моя мать плачет, жена страдает.

Их слезы жгут мне сердце даже на расстоянии. Но пока ты жива, я не в силах иссушить их слезы!

Мохендро выбежал из комнаты. Волшебная сеть, которую соткала вокруг себя Бинодини, порвалась. Молодая женщина задумчиво смотрела в окно. Куда исчезла сказочная прелесть лунной ночи? Теперь и сад с его клумбами, и темные воды реки, и едва различимый противоположный берег казались такими тусклыми и безжизненными, будто кто-то небрежной рукой нарисовал их на листе бумаги.

Бинодини испугалась, когда поняла, какую страсть пробудила в Мохендро; она, словно ураган, выдергивающий с корнем деревья, вырвала его из привычного уклада жизни. Но если она обладает такой силой, почему Бихари остается непоколебимым, — ведь даже океан под воздействием луны знает приливы и отливы! Зачем в ее душу врываются лишь стенания ненужной ей любви. Ведь они мешают ей выплакать ее собственное горе. А оно разрывает ей грудь — как жить ей теперь с этой непереносимой болью? Как успокоить измученное сердце?

Бинодини разорвала гирлянды, их осквернил нечистый взгляд Мохендро. Все ее упорство, все усилия и вся жизнь были бессмысленны, так же как и этот лес, лунный свет, Джамуна и весь невыразимо прекрасный мир.

Ничто вокруг не изменилось, все осталось на своем месте. Завтра снова взойдет солнце. Новый день будет похож на предыдущий, и Бихари где-то вдали от нее будет так же невозмутимо читать книгу своему маленькому воспитаннику.

На глазах у Бинодини показались слезы. Все свои силы она потратила на то, чтобы сдвинуть с места скалу. Сердце ее обливалось кровью, но что делать! Судьбу, видно, не изменишь.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Всю ночь Мохендро провел без сна и только на расвете, совершенно разбитый, забылся. Часов в девять он проснулся и привстал на постели. Сон не принес Мохендро облегчения. Он вспомнил все, что произошло ночью,

и снова ощутил сердечную муку. Жизнь и мир в лучах утреннего солнца не радовали измученного бессонницей Мохендро. Во имя чего ушел он из семьи, во имя чего отрекся от религии? Зачем променял свою спокойную жизнь на все эти безумства? В это солнечное, но лишенное радости утро Мохендро почувствовал, что больше не любит Бинодини. Он смотрел на пробуждающийся мир и думал, как глупо погрязнуть в омуте собственного тщеславия, растратить жизнь на праздное существование у ног отвергнувшей его женщины! Возбуждение сменила усталость. Утомленное сердце жаждало хоть ненадолго освободиться от собственных желаний.

Отхлынувшие чувства оставляют мутный осадок, и страсть уступает место отвращению. Мохендро было непонятно, как мог он так унижить себя.

«Я во всем лучше Бинодини, — говорил он себе. — Зачем же я терплю унижения и оскорбления, словно презренный нищий, зачем хожу за ней по пятам? Какой дьявол вселил в меня такое безумие?» Бинодини больше не казалась Мохендро необыкновенной женщиной, она была такой, как и все. Прежде он наделял ее красотой вселенной, очарованием и блеском поэм и сказок, теперь волшебная пелена спала с его глаз. Перед ним была просто женщина.

Как только Мохендро освободился от проклятых чар, ему страстно захотелось домой. Там покой, там его любят. Очутиться в кругу семьи казалось ему сейчас недосягаемым счастьем. Только теперь оценил он давнюю и бескорыстную дружбу Бихари.

«Мы не умеем ценить величие того, что достается нам без всякого труда и стараний, как бы прекрасно и неизменно оно ни было, — думал Мохендро. — За тем же, что переменчиво и ложно, мы гонимся, как за самым желанным, хоть в обладании им нет и намека на истинное счастье. Сегодня же я возвращаюсь домой, — решил Мохендро. — Помогу Бинодини устроиться, пусть живет где хочет, и обрету свободу!» Он громко повторил вслух: «Обрету свободу!» Сердце его радостно забилося, и на душе, истерзанной сомнениями, стало легче. За последнее время Мохендро совершенно измучился, он никак не мог решить, чего он хочет. То вдруг он начинал стремиться к

тому, что вначале казалось совсем нежеланным. То вопреки собственной воле совершал ошибку. Но сейчас, когда он решительно заявил «обрету свободу», на его душу снизошел мир, и Мохендро вздохнул с облегчением.

Он быстро встал, умылся и пошел к Бинодини. Дверь в спальню была закрыта. Он постучал.

— Ты спишь?

— Нет. Оставь меня в покое!

— Я должен сказать тебе одну важную вещь, я не задержусь у тебя.

— Не желаю ничего слушать. Уйди, не выводи меня из терпения. Я хочу побыть одна.

В другое время такой отпор лишь увеличил бы настойчивость Мохендро. Но сегодня он почувствовал только презрение.

«Я так пресмыкался перед этой женщиной, — с горечью подумал Мохендро, — что она, пожалуй, вправе гнать меня. А ведь никаких законных прав на меня у Бинодини нет. Я сам виноват в том, что она так вознеслась». После всех унижений, которые он перенес, Мохендро пытался убедить себя в превосходстве над Бинодини.

«Я одержу победу! — говорил он себе. — И разорву цепи, которыми она опутала меня!»

Позавтракав, Мохендро уехал в банк за деньгами. Потом он долго бродил по лавкам Аллахабада, выбирая подарки для Аши и матери.

Вскоре Бинодини снова услышала стук. Молодая женщина, раздосадованная настойчивостью Мохендро, ничего не ответила. Когда же снова раздался стук, Бинодини, вспыхив, с силой распахнула дверь.

— Что тебе надо от меня?! — начала она, но тут же умолкла... Перед ней стоял Бихари.

Чтобы узнать, там ли Мохендро, Бихари заглянул в комнату и увидел разбросанные по всей спальне увядшие цветы. Отвращение сжало ему сердце. Пока Бихари жил в Бали, его все время мучила мысль о том, что делает Бинодини, как она живет. Но образ очаровательной женщины побеждал все сомнения. Когда же Бихари приблизился к дому, где теперь жила его возлюбленная, и вошел в сад, сердце его дрогнуло, словно предчувствуя, что всем

его мечтам будет нанесен удар. Увидев Бинодини в дверях спальни, Бихари ни в чем больше не сомневался.

До встречи с Бинодини Бихари казалось, что поток его любви в силах смыть всю грязь ее жизни. Теперь он убедился в том, что это невозможно. Волна ненависти, захлестнувшая Бихари, унесла с собой сострадание, которое притаилось где-то в глубине его души. Бинодини показалась ему оскверненной.

Бихари отвернулся от нее и позвал Мохендро.

— Мохендро нет дома, — сказала Бинодини, — он в городе.

Она говорила тихо и ласково, даже виду не подавала, что поведение Бихари оскорбило ее.

Бихари хотел уйти, но Бинодини остановила его:

— Умоляю тебя, останься ненадолго.

Бихари дал себе слово сейчас же уйти от этой презренной женщины и не принимать никаких ее просьбам, но нежный, исполненный мольбы голос оказал свое действие — Бихари не ушел.

— Если ты снова оттолкнешь меня, — продолжала Бинодини, — клянусь, я не переживу этого!

— Зачем ты все время стараешься связать мою жизнь с твоей? — спросил Бихари. — Что я сделал тебе? Я никогда не стоял на твоём пути, никогда тебе не мешал.

— Я ведь говорила тебе, какую власть ты имеешь надо мной, но ты не поверил. Ты равнодушен ко мне, я знаю, и все же снова повторяю, что твоя власть надо мной безгранична. Ты не даешь мне быть робкой, не даешь без слов выразить свои чувства. Ты оттолкнул меня, и вот у ног твоих...

— Не смей так говорить! — прервал ее Бихари. — Я все равно не поверю.

— Пусть не верят низкие люди, но ты должен поверить! — воскликнула Бинодини. — Прошу тебя — не уходи!

— Поверю я или нет, от этого ничто не изменится. Твоя жизнь будет такой же, как и сейчас.

— Знаю, тебе все равно. Я не имею права, мне не суждено стоять рядом с тобой и высоко держать голову. Я должна находиться вдали от тебя. Но страстно молю об одном, где бы я ни была, вспоминай обо мне с нежностью.

Помню, когда-то ты уважал меня немного, — это единственное, что я ценю в своей жизни. Так выслушай же меня. Останься, умоляю...

— Хорошо, — согласился Бихари и хотел пройти в соседнюю комнату.

— Ты ошибаешься, — сказала Бинодини, — позор не коснулся моей спальни. Когда-то ты жил в этой комнате, и я как святыню почитаю ее. Все эти цветы, которые теперь увяли, я собирала для тебя. Ты должен сюда войти.

Волнуясь, Бихари переступил порог спальни. Бинодини велела ему сесть на кровать, а сама опустилась на пол у его ног. Бихари растерялся.

— Сиди, не обижай меня, — сказала Бинодини, когда Бихари хотел подняться. — Я не достойна быть у твоих ног, но будь снисходителен ко мне. Я навсегда запомню это счастливое мгновение. — Несколько секунд Бинодини молчала, потом, неожиданно спохватившись, спросила: — Ты не голоден?

— Я поел на вокзале.

— Почему ты не ответил на письмо, которое я послала тебе из деревни, а распечатал его и вернул через Мохендро?

— Я не получал никакого письма!

— Ты не виделся с Мохендро в Калькутте? — удивилась Бинодини.

— Я виделся с Мохендро на следующий день после твоего отъезда в деревню, а потом сразу же уехал, и больше мы с ним не встречались.

— А до этого ты не отсылал мне моего письма, так и не распечатав его?

— Я не делал ничего подобного!

Бинодини замерла.

— Теперь мне все понятно, — вздохнула она после долгой паузы. — Постараюсь объяснить тебе. Поверишь — возблагодарю судьбу, не поверишь — не стану винить тебя. Понимаю, поверить мне трудно.

Сердце Бихари смягчилось. Он не мог отвергнуть эту новую Бинодини, безропотную и такую преданную.

— Не нужно ничего говорить, — сказал Бихари. — Я верю. И не могу презирать тебя. Ничего не рассказывай.

Рыдая, Бинодини почтительно коснулась его ног.

— Мне станет легче, если я расскажу тебе все. Наберись терпения. Я подчинилась твоему приказу и уехала в деревню. Даже если бы ты не прислал мне ни одного письма, я провела бы в глуши остаток своей жизни, покорно снося насмешки и оскорбления соседей. От тебя я готова была принять все — и любовь и наказание. Но бог судил другое. Человек, которого я невольно ввела в искушение, не оставил меня в покое. Он приехал за мной. Все видели его у дверей моего дома. Опозоренная, я не могла больше оставаться в деревне. Мне нужен был твой совет. Я искала тебя везде, но тщетно. Мохендро обманул меня, он принес мне из твоего дома мое письмо, которое было вскрыто. Я решила, что ты отвернулся от меня. Я была на краю гибели. Но ты так благороден, что даже на расстоянии защитил меня. Я осталась чиста, твой образ, запечатленный в моем сердце, охранял меня. Однажды ты меня оттолкнул, и я увидела, что ты можешь быть жестоким, быть твердым, как золото, как драгоценный камень. Таким я тебя и запомнила. Но благодаря тебе я и себя стала ценить и теперь здесь, у твоих ног, говорю тебе: я не уронила своего достоинства.

Бинодини умолкла, Бихари тоже не произносил ни слова. День угасал.

Вдруг на пороге появился Мохендро. Увидев Бихари, он вздрогнул. Ревность вытеснила из его сердца равнодушие. Самолюбие его было глубоко задето, когда он увидел Бинодини сидящей у ног Бихари. Он не сомневался, что она и Бихари переписывались и условились об этой встрече. Мохендро понимал, что теперь, когда Бихари, так долго отвергавший Бинодини, склонился перед ней, ему, Мохендро, не удержать ее. Мохендро мог покинуть Бинодини, но уступить ее другому — было выше его сил. Он понял это теперь, когда увидел Бихари рядом с Бинодини.

— Стоило мне уйти со сцены, как появился Бихари, — зло заметил Мохендро. — Комедия разыграна прекрасно! Даже хочется аплодировать. Но, надеюсь, это последний акт.

Кровь прилила к лицу Бинодини. Она принимала помощь Мохендро и не смела ответить на его оскорбление. Она умоляюще взглянула на Бихари. Тот медленно встал со своего места и, подойдя к Мохендро, сказал:

— Ты не имеешь права оскорблять Бинодини, ты ведешь себя как трус. И если совесть позволяет тебе поступать подобным образом, то я не допущу этого!

— Ты что, уже получил все полномочия? Давай же отныне называть тебя Бинод-Бихари.

Видя, что Мохендро не унимается, Бихари схватил его за руку.

— Я женюсь на Бинодини. Предупреждаю тебя, выбрай слова.

Мохендро замер от неожиданности. Бинодини вздрогнула, вся кровь прилила к ее сердцу.

— Кроме того, я должен сообщить тебе, что твоя мать при смерти, — продолжал Бихари, — надежды нет. Сегодня же вечером я возвращаюсь в Калькутту, Бинодини едет со мной.

— Тетя больна? — тревожно спросила Бинодини.

— Да, положение ее серьезно, что будет, сказать трудно.

Мохендро, не говоря ни слова, выбежал из комнаты.

— Как ты мог сказать такое? — обратилась Бинодини к Бихари. — Зачем шутить надо мною?

— Я не шучу. Я действительно женюсь на тебе.

— Чтобы спасти грешницу?

— Нет, потому что люблю и уважаю тебя.

— Это самая большая награда, больше мне ничего не нужно, — тихо произнесла Бинодини. — Но наш брак невозможен. Общество и религия никогда не признают его.

— Почему?

— Мне стыдно даже подумать! Ведь я вдова! И к тому же опозоренная в глазах общества. Если ты женишься на мне, тебя изгонят из касты, ты окажешься отверженным. Нет, это невозможно! Лучше не говори об этом.

— Ты покинешь меня? — спросил Бихари.

— Покинуть тебя у меня не хватит сил. Ты многим делаешь добро, хоть и молчишь об этом. Я буду тебе помогать. Но жениться на вдове!.. В порыве великодушия

Р. Тагор среди учащихся и преподавателей Шантиникетона
(1904)

ты мог сказать что угодно, но если я позволю тебе выполнить твоё обещание, то погублю тебя. Я никогда не простила бы себе этого.

— Но я люблю тебя, Бинодини!

— Я воспользуюсь этим и позволю себе небольшую смелость. — И, склонившись к его ногам, Бинодини поцеловала их. — Я стану отшельницей, чтобы заслужить тебя в следующем рождении, — говорила она. — В этой жизни я уже ни на что не надеюсь, ничего мне не надо. Я причинила людям много горя, немало пережила сама. Но теперь мне понятно многое. Если я забуду полученный урок, то погублю и себя и тебя. Твоё великодушие вернуло мне чувство собственного достоинства, и отныне я хочу всегда высоко держать голову.

Бихари печально молчал.

— Не обманывай себя, — продолжала Бинодини, умоляюще сложив руки. — Ты не будешь счастлив, если женишься на мне. Ты перестанешь уважать себя, так же как и я себя. Ты безгрешен и добр. Оставайся таким, а я, живя вдали, буду помогать тебе. Будь счастлив, и пусть во всем тебе сопутствует успех!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Мохендро хотел войти в комнату матери, но Аша остановила его.

— Сейчас туда нельзя, — сказала она.

— Почему? — удивился Мохендро.

— Доктор сказал, что неожиданная радость или огорчение одинаково опасны для нее.

— Я войду совсем тихо, постою у изголовья и сразу же уйду, она даже не заметит.

— Она вздрагивает при малейшем шорохе. И обязательно услышит, когда ты войдешь.

— Как же быть? — спросил Мохендро.

— Пусть сначала Бихари войдет, а потом мы спросим его, как поступить.

В это время пришел Бихари, за которым послала Аша.

— Ты звала меня, сестра? — спросил он. — Как мать?

Приход Бихари вдохнул в Ашу новые силы.

— После твоего отъезда мать очень волновалась. В первый же день она спросила меня, куда ты уехал. «У него важное дело, он вернется в четверг», — ответила я. После этого она вздрагивает при каждом шорохе, словно ждет кого-то, но ничего не говорит. Вчера мы получили твою телеграмму. Узнав, что ты приезжаешь, она приказала приготовить твои любимые кушанья! Продукты велела принести на веранду, чтобы из своей комнаты наблюдать за стряпней. Она совсем не слушается врача. Недавно позвала меня и говорит: «Невестушка, ты должна сама все приготовить, а я посажу Бихари перед собой и буду его угощать».

На глаза Бихари навернулись слезы.

— Как она себя чувствует? — спросил он.

— Сейчас увидишь, — ответила Аша. — Боюсь, что ей хуже.

Бихари вошел в спальню больной, а изумленный Мохендро остался за дверью. С какой легкостью приняла на себя Аша обязанности хозяйки дома. Как просто, без смущения и ненужной заносчивости она запретила ему, Мохендро, войти в комнату матери. Авторитет Мохендро в семье пал. Он преступник и должен молча стоять за дверью, не смея даже войти к больной матери.

Но самое удивительное — это то, что Аша спокойно разговаривает с Бихари и во всем советуется с ним. Сейчас он единственный защитник семьи, единственный ее друг. Он имеет право ходить по всему дому, все слушаются его советов. Мохендро с удивлением смотрел на перемены, которые произошли в семье за время его отсутствия.

— Наконец-то ты вернулся, — сказала Раджлокхи, ласково взглянув на Бихари, когда он вошел в комнату.

— Да, вот и я!

— Успешно съездил? — спросила Раджлокхи, внимательно глядя на него.

— Да, теперь у меня нет никаких забот.

— Сегодня Аша сама приготовит для тебя угощение, а я буду давать ей указания. Врач, правда, запрещает мне, но какой смысл в этом? Неужели мне нельзя смотреть, как ты будешь есть.

— Я тоже не понимаю доктора, — согласился Бихари. — Ведь без тебя невозможно приготовить что-нибудь

вкусное! С детства мы любим твою стряпню. Бедному Мохиму надоела еда на западе, он мечтает о твоём рыбном супе, и сегодня мы, как когда-то в детстве, будем ссориться из-за лучших кусков. Надеюсь, твоя невестка вдоволь наготовит!

Раджлокхи уже догадалась, что Бихари привез с собой Мохендро, но, когда она услышала имя сына, сердце ее тревожно забилося, и она стала задыхаться.

— Мохендро совсем выздоровел, — сказал Бихари, когда Раджлокхи успокоилась. — Он немного устал в дороге, но после купания и обеда придет в себя.

Раджлокхи ничего не ответила.

— Мохим стоит у дверей, — сказал тогда Бихари. — Он не войдет, пока ты не позовешь его.

Раджлокхи, не в силах вымолвить ни слова, смотрела на дверь. Заметив ее взгляд, Бихари крикнул:

— Мохим!

Мохендро медленно вошел в комнату. Чувствуя, что сердце вот-вот разорвется у нее в груди, Раджлокхи не решалась взглянуть на сына. Мохендро поднял глаза на мать и вздрогнул, будто его ударили.

Он упал к ногам матери, прижался к ним лицом. От волнения Раджлокхи дрожала всем телом.

— Сестра, — прервала молчание Аннапурна, — пока ты не прикажешь Мохиму подняться, он не встанет.

— Встань, Мохим, — с трудом выговорила Раджлокхи.

Из глаз ее полились слезы, она так давно не произносила имени сына. От слез ей стало легче. Мохендро стоял на коленях у изголовья больной. Раджлокхи с трудом повернулась к сыну, взяла в ладони его лицо и, вдыхая запах его волос, поцеловала в лоб.

— Прости меня, мама, я заставил тебя так страдать, — сдерживая рыдания, сказал Мохендро.

— Не говори так, Мохим, разве могу я не простить тебя! Но где же Аша? — воскликнула Раджлокхи, когда боль в груди немного утихла.

Аша в соседней комнате готовила еду для больной. Аннапурна позвала ее.

Раджлокхи знаком приказала сыну сесть на постель. Потом, указав на место рядом с ним, сказала Аше:

— Сядь здесь, дорогая. Я хочу снова увидеть вас вместе. Тогда все мои огорчения исчезнут. Не нужно смущаться, Аша. Я прошу немногого, сядь и не таи обиды на мужа. Успокой меня.

Накрыв голову краем сари, смущенная Аша с замиранием сердца села рядом с Мохендро. Раджлокхи соединила их руки.

— Вручаю тебе Ашу, — сказала она Мохендро. — Запомни мои слова, сын: ты никогда не найдешь более преданной жены. Подойди, сестра, — обратилась она к Аннапурне, — и благослови их. Твое святое благословение принесет им счастье.

Аннапурна подошла, Мохендро и Аша со слезами на глазах взяли прах от ее ног, затем она поцеловала каждого из них и сказала:

— Да дарует вам всевышний счастье!

— Бихари, подойди, милый, — позвала Раджлокхи, — скажи, что ты прощаешь Мохима.

Как только Бихари приблизился к Мохендро, тот бросился к нему, и друзья обнялись.

— Я хочу, Мохим, — продолжала Раджлокхи, — чтобы Бихари всегда был тебе таким же верным другом, каким он был до сих пор. Это самое большое счастье для тебя.

Больная умолкла, совершенно обессиленная. Когда Бихари поднес к ее губам лекарство, она отвела его руку.

— Не надо, — сказала она, — я вверила себя богу. Он даст мне лекарство, которое исцелит меня от всех горестей мира. Пойдите отдохните, милые. А ты, Аша, принимайся скорее застряпню.

Бихари и Мохендро обедали у постели Раджлокхи. Аша прислуживала им.

Грудь Мохендро теснили рыдания. Он не мог есть.

— Мохим, — говорила Раджлокхи. — Почему ты не ешь? Ешь хорошенько, я за тобой слежу.

— Ты же знаешь, ма, — вмешался Бихари, — Мохим всегда плохо ел. Аша, — попросил он, — дай-ка мне еще рыбы с овощами. Удивительно вкусно.

Раджлокхи слабо улыбнулась.

— Я помню, что Бихари очень любит рыбу, — сказала она. — Почему ты так мало даешь ему? Положи побольше!

— Аша такая скупая, — пошутил Бихари. — Она-то уж лишнего не положит.

— Ай-ай-ай, посмотри, что делается! — воскликнула Раджлокхи. — Бихари пользуется твоим гостеприимством и тебя же ругает!

Аша положила на пальмовый лист Бихари еще рыбы с овощами.

— Ты хочешь, чтобы я набил желудок одной рыбой, — запротестовал он. — А Мохендро достанется все самое вкусное.

— Никак не угодишь тебе, — в шутку рассердилась Аша. — Не знаю даже, чем тебе рот заткнуть.

— А ты попробуй сладостями, — ласково посоветовал Бихари.

Раджлокхи радовалась, что друзья едят с таким аппетитом.

— А теперь, дорогая, и ты поешь, — сказала она Аше после того, как мужчины пообедали.

Когда Аша ушла, Раджлокхи велела Мохендро идти спать.

— Почему я должен уходить? — возмутился Мохендро. Он хотел всю ночь ухаживать за матерью. Но Раджлокхи не соглашалась.

— Ты устал, Мохим, — говорила она. — Иди отдохни.

В это время вернулась Аша. Она взяла опохало и хотела сесть у изголовья, но свекровь тихо сказала:

— Дорогая, пойди посмотри, хорошо ли приготовили постель для Мохендро.

Сгорая от стыда, Аша покинула комнату. Когда в спальне больной остались только Бихари и Аннапурна, Раджлокхи обратилась к Бихари:

— Я хочу спросить тебя кое о чем. Ты не знаешь, что с Бинодини? Где она сейчас?

— В Калькутте, — ответил Бихари.

Раджлокхи вопросительно посмотрела на него. Бихари понял ее немой вопрос.

— Теперь вам незачем опасаться ее, — сказал он.

— Бинодини принесла мне много горя, но все же я люблю ее.

— Она тоже любит вас, ма.

— Мне тоже так кажется. У всех у нас есть свои недостатки, но я знаю, что Бинодини меня любит, иначе она не могла бы так заботиться обо мне.

— Она и сейчас хочет ухаживать за вами.

— Мохим и Аша пошли отдыхать, — Раджлокхи глубоко вздохнула. — Пусть Бинодини придет и побудет ночь со мной. Ведь ничего плохого не случится.

— Бинодини здесь, — сообщил Бихари. — Я не мог уговорить ее выпить сегодня ни глотка воды. Она поклялась, что не будет ни есть, ни пить, пока вы не простите ее.

— Целый день ничего не есть и не пить! — забеспокоилась Раджлокхи. — Позови ее сейчас же!

Когда Бинодини неслышными шагами вошла в комнату, больная сказала:

— Тебе не стыдно? Чего выдумала! Целый день ничего не есть! Иди поешь сначала, потом поговорим.

Бинодини низко, до самой земли, поклонилась Раджлокхи.

— Сначала простите грешницу, — сказала она. — Иначе я не прикоснусь к еде.

— Прощаю тебя, прощаю, дитя мое! Сейчас у меня ни на кого нет зла. — Раджлокхи взяла ее за руку. — Пусть же никто никогда и от тебя не узнает зла, будь хорошей женщиной.

— Ваше благословение свято для меня, тетя, — расстроганно проговорила Бинодини. — Клянусь вам, я никогда не причиню вреда вашей семье.

Бинодини распростерлась на полу, выражая почтение Аннапурне.

Потом ушла и, поев, снова робко появилась на пороге.

— Ты хочешь уйти? — спросила Раджлокхи.

— Нет, тетя, — ответила Бинодини. — Я буду с вами. Свидетель тому всевышний, я не доставлю вам больше никаких огорчений.

Раджлокхи взглянула на Бихари.

— Разрешите Бинодини остаться, — сказал Бихари, подумав. — Я уверен, ничего плохого не случится.

Эту ночь Бихари, Бинодини и Аннапурна провели с больной.

Аша, мучаясь, что за всю ночь ни разу не провела свекровь, поднялась очень рано. Стараясь не разбудить мужа, она быстро оделась и умылась. Еще только светало, когда она появилась у комнаты Раджлокхи. Подойдя к дверям, Аша остолбенела: «Не сон ли это?» Она увидела Бинодини, которая грела на спиртовке воду, чтобы приготовить чай для Бихари, не сомкнувшего глаз в эту ночь.

Заметив вошедшую Ашу, Бинодини встала.

— Я очень виновата перед тобой, — сказала Бинодини. — Но я пришла искать приюта в вашем доме. Никто не может выгнать меня отсюда. Но если ты велишь мне уйти, я повинуюсь.

Аша не могла вымолвить ни слова. Что творилось у нее в эту минуту в душе, она и сама не понимала и стояла совершенно растерянная.

— Не пытайся простить меня, — продолжала Бинодини. — Я знаю, ты никогда не сможешь этого сделать. Но не бойся меня. Разреши мне ухаживать за тетей, пока нужно, потом я исчезну.

Аше казалось, что вчера, когда Раджлокхи соединила их руки, она забыла свою обиду на Мохендро. Но сегодня, увидев Бинодини, Аша почувствовала, что рана в ее сердце еще не затянулась. Когда-то Мохендро любил эту женщину, может быть, и сейчас еще любит. Скоро он проснется, встретится с Бинодини, и кто знает, к чему это приведет. Аша почувствовала тревогу. Еще вчера мир казался ей прекрасным и лишенным шипов. Но сегодня на рассвете во дворе ее дома появилось дерево с шипами. В мире так мало счастья и так трудно сберечь его.

С тяжелым сердцем вошла Аша в комнату Раджлокхи.

— Тетя, — смущенно обратилась она к Аннапурне, — вы всю ночь не спали, отдохните немного.

Аннапурна внимательно посмотрела на племянницу и вышла из комнаты, сделав знак Аше следовать за ней.

— Если хочешь быть счастливой, Чуни, — сказала Аннапурна, — забудь все. Винить другую — слабое утешение, но все время помнить о ее вине крайне мучительно.

— Я хочу все забыть, — ответила Аша. — Но не могу...

— Ты права, дитя мое, давать советы легко, а помочь трудно. Но я постараюсь. Веди себя так, будто ничего не случилось, тогда все постепенно забудется. Если же ты не забудешь, то и другие будут помнить. Я не прошу, я приказываю тебе. Веди себя с Бинодини так, словно она не причинила тебе горя, дай ей почувствовать, что не боишься ее.

— Что я должна сейчас делать? — спросила Аша покорно.

— Бинодини готовит чай для Бихари. Помоги ей, принеси молоко, сахар, чашки.

Аша хотела идти, но Аннапурна остановила ее.

— Это не так уж трудно, — сказала она, — гораздо труднее другое. Но ты должна и это выполнить. Мохендро придется иногда встречаться с Бинодини. Это неизбежно. Я знаю, что будет твориться у тебя в душе, но не вздумай тайно следить за ними. Пусть сердце твое разрывается от боли, никто не должен замечать этого. Покажи Мохендро, что у тебя не осталось ни капли подозрения, скорби, страха или недоверия, что ваш разрыв принадлежит прошлому. Все должно быть так, как до вашей размолвки. Ни взглядом, ни жестом ты не должна показать мужу, что осуждаешь его. Это не совет, Чуни, не просьба, это приказ твоей тетки. Я возвращусь в Бенарес, но хочу, чтобы ты запомнила мой приказ на всю жизнь.

Выслушав тетку, Аша пошла к Бинодини.

— Вода закипела? — спросила она. — Я принесла молоко.

Бинодини удивленно посмотрела на нее и, помолчав, сказала:

— Бихари сейчас на веранде, отнеси ему чай, а я пока приготовлю тете воду для умывания. Она скоро проснется.

Бинодини не хотела встречаться с Бихари. В душе она гордилась той властью, которую приобрела над ним, но, чтобы сохранить эту власть, надо было умело пользоваться ею. Бинодини не была уверена в себе. Ей не хотелось уподобиться нищей, которая берет все, что ей протягивают; отказывать себе в удовольствии — вот подлинное проявление гордости духа. Пока Бихари сам не позовет ее, она не пойдет к нему.

Неожиданно на веранде появился Мохендро.

— Почему так рано? — как ни в чем не бывало обратилась Аша к мужу. Быть может, сердце ее и забилося сильнее, но она сумела скрыть это. — Я нарочно завесила окно и дверь, чтобы солнце не разбудило тебя.

Словно тяжелый камень свалился с души Мохендро, когда он услышал, как легко и непринужденно Аша в присутствии Бинодини заговорила с ним.

— Как здоровье матери? — спросил он. — Она еще спит?

— Да, мать еще не проснулась, — ответила Аша. — Бихари считает, что сегодня ей лучше. Эту ночь она хорошо спала.

— А тетя где? — спросил успокоенный Мохендро.

Аша указала на комнату Аннапурны.

Бинодини с удивлением смотрела, как спокойно, с полным самообладанием держалась Аша.

— Тетя! — позвал Мохендро.

Аннапурна только что совершила утреннее омовение и собиралась прочесть молитву, но, услышав голос Мохендро, сказала:

— Входи, Мохим, входи.

— Я великий грешник, тетя, — сказал Мохендро, почтительно приветствуя Аннапурну. — Мне стыдно приблизиться к вам.

— Не говори ерунды, Мохим, — возразила Аннапурна. — Мать всегда приласкает вывалявшегося в пыли ребенка.

— Но мою грязь ничем не смоешь!

— Стоит поколотить тебя раз, два, и вся пыль выйдет! Все к лучшему, Мохим! Ты был тщеславен, считал себя безупречным и слишком доверял себе. Но вихрь греха сломил твою гордость, вот и все, что произошло.

— На этот раз я не отпущу вас в Бенарес, — заявил молодой человек. — Ваш отъезд принес нам всем несчастье.

— То, что было, не повторится. И я могу спокойно уехать.

— Тетя, — послышался голос Бихари за дверью, — вы молитесь?

— Нет, нет, входи, — отозвалась Аннапурна.

— Мохим, — воскликнул Бихари, удивленный тем, что друг его поднялся так рано, — сегодня ты, наверное, первый раз в жизни увидел восход.

— Да, Бихари, ты прав, сегодня мою жизнь впервые озарило солнце. Вижу, что тебе нужно поговорить с тетей, и поэтому ухожу.

— Уж не стал ли ты членом кабинета министров? — рассмеялся Бихари. — Я никогда ничего не скрывал от тебя и, если ты не возражаешь, сегодня хотел бы поступить так же.

— Возражаю! Хотя не смею требовать! — ответил Мохендро. — Если ты окажешь мне такое доверие, я вновь стану уважать себя.

Нелегко было Бихари говорить в присутствии Мохендро, и все же он прямо заявил:

— Я женюсь на Бинодини и пришел все окончательно решить с тетей!

От изумления Мохендро не мог произнести ни слова.

— Что ты говоришь, Бихари?! — воскликнула Аннапурна.

— В этом браке нет никакой необходимости, — сказал Мохендро, стараясь скрыть свое смятение.

— Бинодини имеет какое-нибудь отношение к этому предложению? — спросила Аннапурна.

— Нет, никакого!

— Она согласится?

— А почему бы ей и не согласиться! — вырвалось у Мохендро. — Я хорошо знаю, что она всей душой любит Бихари. Она не сможет отвергнуть его.

— Я сделал предложение Бинодини, — ответил Бихари. — Она отказала мне.

Мохендро ничего больше не сказал.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

В течение нескольких дней Раджлокхи была на грани между жизнью и смертью. Но однажды настало утро, когда с лица ее исчезло страдание, и на нем появилось выражение неземного умиротворения. Она попросила позвать Мохендро.

— Мне немного осталось жить, — сказала она сыну, — но я счастлива. Я не чувствую никакой горечи. Когда ты был маленьким, для меня не было большей радости, чем обнять тебя. Сегодня я испытываю такое же чувство. Ты остался для меня малышом, сокровищем моей души — я уношу с собой все твои горести, поэтому я счастлива. — Раджлокхи ласково провела рукой по лицу сына. Мохендро не мог сдержать слез. — Не надо плакать, Мохим, — продолжала она, — в твоём доме останется Лакшми. Все ключи отдай жене. Хозяйство в порядке. Вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Ещё одна просьба к тебе, но об этом, пока я жива, не должен никто знать. В моей шкатулке лежат две тысячи рупий, я завещаю их Бинодини. Она вдова, одинокая женщина; она сможет жить на проценты с них. Но помни, Мохим, Бинодини не должна жить под одной крышей с вами.

Потом Раджлокхи позвала к себе Бихари.

— Мохим сказал мне вчера, что ты купил сад и хочешь устроить там лечебницу для бедных служащих. Да дарует тебе всевышний долгую жизнь на радость беднякам! В день моей свадьбы свекор подарил мне поместье. Передаю его тебе, пусть оно послужит бедным. Этим я хочу почтить память своего свекра.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Раджлокхи умерла.

— Я изучал медицину, Бихари, — сказал Мохендро своему другу после погребальной церемонии. — Разрешите мне принять участие в твоей работе. Чуни — хорошая хозяйка, она тоже будет помогать. Мы все вместе поселимся в Бали.

— Ты должен все обдумать сначала. Понравится ли тебе это дело? Не стоит взваливать на себя такое бремя под влиянием минутного порыва.

— Но ты сам видишь, — возразил Мохендро, — что жизнь, которую я веду, мне не по душе. Праздность приведёт меня к гибели. Ты должен разрешить мне работать вместе с тобой.

Настойчивость Мохендро убедила Бихари.

Приближалось время отъезда Аннапурны. Она и Бихари обсуждали печальные события последних дней.

— Тетя, можно к тебе на минутку? — услышался за дверью голос Бинодини.

— Входи, дорогая, садись.

Бинодини вошла. Поговорив с ней немного, Аннапурна под предлогом того, что ей нужно вынести постель на веранду, оставила Бинодини и Бихари вдвоем.

— Что я должна теперь делать? — спросила Бинодини.

— Скажи сама, как бы ты хотела поступить.

— Мне говорили, что в саду на берегу Ганги ты устроил лечебницу для бедняков. Я могла бы работать там, ну хотя бы стряпать.

— Я много думал обо всем, сестра, — начал Бихари. — У нас было немало неполадок, нити нашей жизни запутались. Но сейчас наступил день, когда нужно развязать все узлы. Все должно стать ясным. У меня не хватает смелости поступить так, как желает мое сердце. Но если я не уясню себе, что произошло, не успокоюсь, то не смогу достойно приготовиться к концу жизни. Если бы прошлое не мешало, ты одна в мире способна была бы составить счастье всей моей жизни. Но сейчас я должен быть свободен. Наше стремление к счастью напрасно. Мы должны искупить зло, причиненное нами.

В этот момент в комнату тихо вошла Аннапурна.

— Ма, — обратилась к ней Бинодини, — дай мне место у ног твоих, не отталкивай грешницу.

— Поедем со мной в Бенарес, дорогая, — предложила Аннапурна.

Наступил день отъезда Бинодини и Аннапурны.

— Мне бы хотелось сохранить что-нибудь на память о тебе, — сказал Бихари, когда ему удалось остаться с Бинодини наедине.

— Что я могу подарить тебе? — удивилась она.

— У англичан есть обычай, — смутился Бихари, — хранить локон возлюбленной. Если ты...

— Какой стыд! Зачем тебе мои волосы? — восклик-

пула Бинодини. — Это самое плохое, что есть у меня. Но если я не могу принять участия в твоей работе, я хотела бы подарить тебе кое-что. Скажи, ты примешь мой подарок?

— Конечно.

Тогда Бинодини вынула из своего сари две банкноты по тысяче рупий и передала их Бихари.

Он долго с чувством глубокой любви смотрел на Бинодини.

— А я что подарю тебе? — спросил Бихари.

— У меня есть твоя метка, — она показала шрам на руке. — Это мое украшение, и никто не в силах отнять его. Больше мне ничего не нужно.

Бихари удивился.

— Ты, наверное, забыл, — пояснила Бинодини, — однажды ты ударил меня. Это шрам. Ты не можешь взять его обратно.

Несмотря на приказ Аннапурны, Аша не могла заставить себя относиться доброжелательно к Бинодини. Они вместе ухаживали за Раджлокхи, но всякий раз, когда Аша видела Бинодини, сердце ее обливалось кровью, ей было трудно говорить с ней и еще труднее заставить себя улыбнуться. Особенно было Аше неприятно пользоваться ее услугами. Из вежливости она брала бетель, приготовленный Бинодини, а потом потихоньку выбрасывала его. И вот сегодня настал час прощания. Во второй раз тетя покидала их дом. Слезы смягчили сердце Аши, а с ними пришла и жалость к бывшей подруге. В мире редко встретишь такое сердце, которое не простило бы в час разлуки. Аша думала, что Бинодини любит Мохендро. Разве могло быть иначе? Она по себе знала, что невозможно не любить его. Помня, сколько сама она выстрадала из-за этой любви, Аша не могла не сочувствовать Бинодини, которая теперь навсегда покидала Мохендро. Более страшного наказания Аша не пожелала бы и врагу своему. При мысли об этом слезы выступили у нее на глазах. Когда-то она любила Бинодини, и сейчас эта любовь, казалось, снова готова была пробудиться в ее сердце. Аша подошла к Бинодини и с тихой грустью спросила:

— И ты уезжаешь, сестра?

Биодини ласково взяла Ашу за подбородок.

— Да, сестра, я уезжаю. Когда-то ты любила меня. Сохрани хоть частицу той любви и теперь, когда ты счастлива, а остальное все забудь!

— Прости меня, — сказал Мохендро Биодини, низко поклонился и коснулся ее ног. На глазах у него показались слезы.

— И ты прости, — произнесла Биодини. — Да дарует всевышний всем вам счастье!

КРУШЕНИЕ

Роман

Перевод
Е. Смирновой и И. Товстых

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не было ни малейшего сомнения в том, что Ромеш и на этот раз сдаст экзамены по законоведению. Богиня Сарасвати, покровительница наук, неизменно рассыпала перед ним лепестки своего золотого лотоса и щедро одаривала Ромеша медалями, не забывая в то же время и о стипендии.

Сразу после экзаменов Ромешу предстояло отправиться домой, но он не торопился укладывать чемодан. На письмо отца, в котором тот требовал немедленного возвращения сына, Ромеш ответил, что придет сразу, как только станут известны результаты экзаменов.

Рядом с Ромешем, в соседнем доме, жил его товарищ по колледжу Джогендро, сын Онноды-бабу. Оннода-бабу принадлежал к «Брахма-Самаджу». Его дочь Хемнолини только что выдержала экзамены на бакалавра, и Ромеш довольно часто заходил к ним на чашку чая, а то и просто без всякого повода.

В те же часы, когда Хемнолини, расхаживая по крыше, сушила волосы после купанья и учила что-нибудь наизусть, Ромеш в одиночестве усаживался с книгой на крыше своего дома, возле лестницы.

Что и говорить, место это было очень удобным для занятий, но, если вдуматься хорошенько, сразу становилось ясным, что многое там мешало Ромешу сосредоточиться. До сих пор еще ни та, ни другая сторона не

начинала разговоров о свадьбе. У Онноды-бабу на это была своя причина: он держал на примете одного юношу, который уехал в Англию учиться на адвоката.

Однажды за чайным столом разгорелся оживленный спор. Товарищ Джогендро, Окхой, не очень успешно сдавал экзамены в колледже. Однако нельзя сказать, чтобы в отношении чаепития или каких-либо иных удовольствий этот неудачник уступал юношам, успешно державшим экзамены в колледже, поэтому его частенько можно было видеть в доме Онноды-бабу. Сегодня Окхой завел разговор о том, что ум мужчины подобен мечу: даже плохо отточенный, он во многом может быть полезен, хотя бы благодаря своей тяжести; а женский ум — все равно что перочинный ножик: как его ни точи — в серьезных обстоятельствах он ни на что не годен. И так далее, все в том же духе.

Хемнолини решила пропустить мимо ушей эту дерзость, но, когда и брат ее, Джогендро, стал приводить доказательства слабости женского ума, тут уж не выдержал Ромеш и стал с жаром расхваливать женскую половину рода человеческого.

Охваченный вдохновенным порывом преклонения перед женщиной, Ромеш выпил на две чашки больше обычного, как вдруг вошел рассыльный и вручил ему записку. На ней рукой отца было написано имя Ромеша. Прервав спор на полуслове, Ромеш прочитал письмо и поспешно вскочил. На все вопросы он отвечал, что из деревни приехал его отец.

— Дада, — обратилась Хемнолини к Джогендро, — почему бы не пригласить отца Ромеша-бабу к нам на чашку чая.

— Нет, нет, только не сегодня, — запротестовал Ромеш. — Я должен немедленно идти к себе.

Окхой, в душе чрезвычайно довольный уходом Ромеша, заметил:

— Может быть, его отцу нельзя принимать пищу в этом доме...

Отец Ромеша Броджмохон-бабу встретил сына словами:

— Завтра с утренним поездом ты отправишься домой.

— Что-нибудь случилось? — растерянно спросил Ромеш.

— Да нет, ничего особенного.

Ромеш пристально вглядывался в лицо отца, стараясь угадать, в чем дело, однако Броджмохон-бабу не был склонен удовлетворить любопытство сына.

Вечером, когда отец отправился навестить своих калькуттских друзей, Ромеш решил написать ему письмо. Но дальше обычного обращения «склоняюсь к вашим многочтимым лотосоподобным стопам» его послание не двигалось.

«Я не должен скрывать от отца, что с Хемнолини меня связывает молчаливый уговор», — убеждал он себя и снова принимался за различные варианты письма, но в конце концов рвал все написанное.

После ужина Броджмохон-бабу спокойно уснул, а Ромеш поднялся на крышу и, как ночной дух, стал бродить там, не отрывая взгляда от соседнего дома. В девять часов оттуда вышел Окхой; в половине десятого заперли входную дверь; в десять погасили свет в кабинете Онюды-бабу, а после половины одиннадцатого весь дом погрузился в глубокий сон.

На следующий день с первым же поездом Ромешу пришлось покинуть Калькутту. Благодаря предусмотрительности Броджмохона-бабу' юноше так и не удалось опоздать на поезд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дома Ромеш узнал, что ему выбрали невесту и уже назначен день свадьбы.

В те времена, когда Броджмохон-бабу был беден, его друг, Ишан, уже имел адвокатскую практику. Именно благодаря его помощи Броджмохон достиг благосостояния. Когда Ишан неожиданно умер, выяснилось, что он не оставил ничего, кроме долгов, и его вдова с маленькой дочерью остались нищими. Теперь дочь Ишана была уже невестой, и Броджмохон решил женить на ней своего сына. Кое-кто из доброжелателей Ромеша возражал против этого брака, говоря, что девушка не очень-то красива.

— Не понимаю я этого, — отвечал Броджмохон. — Человек не цветок и не бабочка, наружность для него не самое главное. Если девочка будет такой же хорошей женой, какой была ее мать, Ромеш может считать себя счастливым.

От всеобщих толков о своей скорой свадьбе Ромеш стал сам не свой. Целыми днями он бесцельно бродил по дому, придумывая то один план освобождения, то другой, но все они казались ему неосуществимыми. Наконец, набравшись храбрости, он обратился к отцу:

— Я не могу жениться, я связан обетом с другой.

— Что ты говоришь! — воскликнул Броджмохон. — И уже состоялась помолвка?

— Да нет... не совсем... но...

— И ты обо всем уже договорился с родителями невесты?

— Нет, сговора пока не было.

— Ах, не было! Ну уж если ты столько молчал, то можешь молчать и дальше.

— Нет, — после небольшой паузы сказал Ромеш, — я поступлю нечестно, если возьму в жены другую девушку.

— Но вовсе не жениться будет еще менее честно с твоей стороны.

Больше возражать было нечего. Теперь Ромешу оставалось лишь надеяться на какую-нибудь случайность. Астрологи предсказывали, что весь год после назначенного дня свадьбы будет неблагоприятным для совершения брачной церемонии. Пусть только пройдет этот день, а потом он получит целый год отсрочки.

Невеста жила довольно далеко. Чтобы попасть к ней, нужно было три-четыре дня плыть по разным речушкам.

Желая иметь в запасе достаточно времени на непредвиденные путевые задержки, Броджмохон решил отправиться в путь за неделю до назначенного дня.

Всю дорогу дул попутный ветер, и они добрались до Шимулгхата, где жила невеста со своей матерью, меньше чем за трое суток. До свадьбы оставалось еще четыре дня.

Броджмохон на это и рассчитывал: мать невесты жила очень бедно, и ему давно хотелось перевезти ее в

свою деревню, чтобы он мог, во исполнение долга дружбы, сделать ее жизнь счастливой и обеспеченной.

Но раньше он не считал себя вправе предложить ей это, потому что между ними не было никаких родственных связей.

Теперь же, ввиду предстоящей свадьбы, Броджмохон уговорил наконец вдову переехать: у бедной женщины во всем мире осталась одна только дочь, и она решила, что ее прямой долг жить вместе с дочерью и заменить мать рано осиротевшему зятю.

«Пусть люди говорят что хотят, — повторяла вдова, — а мое место рядом с дочерью и зятем».

Прибыв в Шимулгхат, Броджмохон стал готовить к перевозке имущество своей новой родственницы. Он рассчитывал, что после свадьбы они все вместе отправятся в путешествие, и поэтому взял с собой из дома нескольких родственников.

Во время свадебного обряда Ромеш не стал читать положенных молитв, в момент благоприятного взгляда закрыл глаза; опустив голову, молча вытерпел взрывы веселого смеха и шутки в брачных покоях; всю ночь пролежал на краешке постели, повернувшись спиной к невесте, а на заре покинул комнату.

Когда брачные церемонии кончились, все расселись по лодкам и двинулись в обратный путь: в одной лодке сидели подружки с невестой, в другой старшие родственники, в третьей жених со своими друзьями. В отдельной лодке разместили музыкантов. Они играли и пели свадебные песни, веселя гостей.

Весь день стоял невыносимый зной. На небе не было ни облачка, лишь горизонт был подернут какой-то тусклой дымкой, и от этого рощи по берегу реки казались пепельно-серыми. Ни один лист не шевелился на деревьях. Гребцы обливались потом. Еще до наступления сумерек один из лодочников обратился к Броджмохону:

— Господин, давайте остановимся здесь, а то теперь долго негде будет причалить.

Но Броджмохону не хотелось задерживаться в пути.

— Незачем здесь причаливать, — возразил он. — Ночь будет лунная, и вы получите хороший бакшиш, если мы до рассвета прибудем в Балухат.

Вскоре деревня осталась позади. С одной стороны потянулись раскаленные песчаные отмели, с другой — неровная линия высокого, обрывистого берега. Взошла луна, но свет ее, пробивавшийся сквозь мгlistую дымку, был тусклым, как мутный взгляд пьяного. Небо по-прежнему оставалось ясным, — на нем не видно было ни одной тучки, но вдруг откуда-то донеслись глухие раскаты грома. Оглянувшись, путники увидели, что к ним из-за горизонта с невероятной быстротой приближаются гигантский, словно взвихренный к небу невидимой метлой, столб из веток, прутьев, пучков травы и тучи пыли с песком.

Раздались крики:

— Берегись! Спасайся! Гибнем!

Что произошло минутой позже, рассказать уже было некому. Смерч пронесся узкой полосой, все круша и сметая на своем пути. Когда он стих так же внезапно, как и начался, от лодок не осталось и следа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Туман рассеялся. Прозрачный лунный свет залил уходящую вдаль безжизненную отмель, словно набросил на нее белую вдовью одежду. Нигде не было видно ни одной лодки. Речная гладь, казалось, застыла. Вода и земля замерли в глубоком покое, какой дарует смерть измученному болезнью страдальцу.

Очнувшись, Ромеш увидел, что лежит на песчаном берегу. С трудом он начал припоминать случившееся, и наконец оно всплыло в его сознании, словно тяжелый сон. Ромеш вскочил, чтобы посмотреть, что случилось с его спутниками.

Белый островок покоился между двумя рукавами Падмы, как голый младенец в объятиях матери.

Ромеш прошел сначала по одной его стороне, затем перешел на другую и вдруг заметил неподалеку что-то красное. Он ускорил шаги и, подойдя ближе, увидел девушку в алом наряде невесты. Она лежала без сознания. Ромеш знал, как делают искусственное дыхание: долго и упорно он то вытягивал руки девушки, то снова прижимал их к телу. Наконец она вздохнула и раскрыла глаза.

Ромеш выбился из сил, и некоторое время сидел молча. Он даже не мог спросить ее ни о чем. Она же, видимо, еще не пришла в себя: лишь на мгновение девушка приоткрыла глаза, но тут же снова опустила ресницы. Прислушавшись, Ромеш убедился, что девушка дышит. И здесь, на пустынном берегу, на грани между жизнью и смертью, он долго всматривался в освещенное бледным светом луны девичье лицо.

Кто сказал, что Шушила некрасива? Правда, ее нежное личико с закрытыми глазами было совсем как у ребенка, но под огромным небесным сводом, залитым лунным сиянием, только оно одно светилось величием, словно было единственным достойным восхищения.

Ромеш забыл обо всем на свете. «Как хорошо, что я не стал смотреть на нее там, в толпе, среди свадебной суеты, — думал он. — Нигде не смог бы я увидеть ее такой, как сейчас. Возвратив ей жизнь, я приобрел на нее гораздо больше прав, чем если бы повторял избитые формулы брачного обряда. Раньше я принял бы ее как принадлежащую мне по праву, теперь же она послана мне в дар милостивым провидением».

Девушка очнулась. Приподнявшись она поправила на себе одежду и натянула на лицо покрывало.

— Ты знаешь, что случилось с теми, кто был с тобой в лодке? — спросил Ромеш.

Она молча покачала головой.

— Тогда посиди пока тут, а я еще раз взгляну, может быть, найду кого-нибудь. Я скоро вернусь.

Девушка ничего не ответила. Но всем своим видом, испуганная и дрожащая, она, казалось, говорила: «Только не бросай меня здесь одну». И Ромеш понял. Он внимательно огляделся вокруг, но ни одной живой души не было видно среди белых песков. Он принялся изо всех сил кричать, никто не откликнулся на его зов.

Устав от напрасных усилий, Ромеш снова опустился на землю и увидел, что девушка, закрыв лицо руками, старается подавить рыдания, от которых судорожно вздымалась ее грудь. Ромеш придвинулся к ней и стал молча гладить ее по голове. Он понимал, что утешать ее сейчас бессмысленно. Не в силах дольше сдерживать слезы,

девушка зарыдала, в бессвязных словах изливая свое горе. Заплакал и Ромеш.

Луна уже скрылась, когда острая боль страданий утихла и слезы иссякли. Ночная тьма придавала этой одинокой полоске земли сказочный вид: призрачными казались неясно белеющие пески, а в неверном свете звезд, как черная, блестящая чешуя огромного удава, вспыхивала речная гладь. Ромеш взял в свои руки нежные, похолодевшие от страха пальчики девушки и тихонько привлек ее к себе. Испуганная, она не сопротивилась: больше всего на свете она боялась сейчас остаться одна. В непроницаемом мраке, прижавшись к мерно вздымавшейся груди Ромеша, она успокоилась. О смущении тут и речи не могло быть. В объятиях Ромеша девушка чувствовала себя в полной безопасности.

Погасла предвестница утренней зари Венера, на востоке над голубой полоской реки сначала посветлело, потом заалело небо. На песке, погруженный в глубокий сон, лежал Ромеш, а на груди его покоилась голова девушки.

Когда же ласковое утреннее солнце коснулось их век своими лучами, они оба проснулись и торопливо вскочили на ноги. С минуту они удивленно оглядывались по сторонам, потом вдруг вспомнили, что они не дома, что потерпели крушение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром на реке забелели паруса рыбацких лодок. Рыбаки помогли Ромешу найти большой гребной баркас, и он, заявив в полицию о пропавших родственниках, вместе с девушкой отправился домой.

Едва лодка Ромеша причалила к деревенской пристани, как ему сообщили, что найдены трупы его отца, тещи, некоторых родственников и друзей. Не было никакой надежды на то, что спасся кто-нибудь, за исключением нескольких гребцов.

Бабушка Ромеша оставалась дома. Увидев внука с невестой, она стала громко причитать. Поднялся плач и в соседних домах, так как многие из их обитателей тоже приняли участие в этом злосчастном свадебном путешествии.

Никто не трубил в раковины, не слышно было обычных радостных возгласов, ни один человек не приветствовал повобрачную и даже не взглянул на нее.

Ромеш решил сразу после окончания погребальных обрядов уехать с женой куда-нибудь в другое место, но не мог этого сделать, не уладив вопроса об отцовском наследстве. К тому же убитые горем родственницы просили отпустить их в паломничество, — надо было позаботиться и о них.

Среди всех своих дел Ромеш не забывал изучать и науку любви. Невеста его оказалась вовсе не такой уж молоденькой девочкой, как говорили. Деревенские женщины даже посмеивались, утверждая, что она переросла брачный возраст. Но, несмотря на это, никакой трактат не мог дать молодому бакалавру совета, как объясниться ей в любви. Довольно долго он считал это совершенно невысказанным и невозможным. Достоинство удивления, однако, что хотя любовь не имела никакого отношения к опыту, почерпнутому им из книг, все же его высокообразованный ум мало-помалу оказался всецело во власти некоего необъяснимого чувства, которое неудержимо влекло его к девушке. В воображении он уже видел ее Лакшми своего домашнего очага.

В мечтах ему представлялось, как она из девочки-невесты становится сначала юной возлюбленной, а потом и кроткой матерью его детей. Как художник или поэт, который, лишь задумав картину или поэму, уже видит свое будущее произведение в прекрасной, совершенной, законченной форме, живет одной этой мыслью, поглощен одним стремлением, — так и Ромеш, сосредоточив все свои помыслы на этой маленькой девушке, создал в своем сердце идеально прекрасный образ будущей жены.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Так прошло почти три месяца. Дела были полностью улажены, родственницы собрались в паломничество, кое-кто из соседок стал наконец проявлять некоторое внимание к молоденькой невесте Ромеша. Первый узелок любви между нею и Ромешем затягивался все крепче.

Теперь они часто проводили вечера под открытым небом, разостлав циновки на крыше дома. Иногда Ромеш позволял себе, неслышно подойдя сзади, вдруг закрыть ей глаза руками или склонить ее голову к себе на грудь. Когда она засыпала до наступления сумерек, не успев поужинать, Ромеш, чтобы разбудить ее, поднимал шум, за что девушка шутливо бранила его.

В один из таких вечеров Ромеш, легонько дернув девушку за волосы, заметил:

— Шушила, ты сегодня плохо причесана.

— Почему все вы здесь зовете меня Шушилой? — вдруг спросила девушка.

Ромеш удивленно посмотрел на нее. Он не понял ее вопроса.

— Разве, изменив имя, можно изменить судьбу? — продолжала она. — Я несчастна с самого детства и останусь несчастной до самой смерти.

При этих словах у Ромеша перехватило дыхание, и он побелел как полотно. В уме его внезапно мелькнула страшная догадка, что произошло какое-то недоразумение.

— Почему же ты несчастна с самого детства? — спросил он.

— Отец мой умер еще до моего рождения, а когда мне было шесть месяцев, умерла мать. У дяди мне жилось очень плохо. Вдруг я услышала, что откуда-то приехал ты и я тебе понравилась. Ровно через два дня устроили свадьбу. Ну а потом ты сам знаешь, сколько несчастий произошло.

Ромеш замер, откинувшись на подушки.

В небе ярко светила луна, но ему показалось, что свет ее внезапно померк. У него не хватило духу спрашивать дальше; хотелось, чтобы все услышанное им оказалось дурным сном.

Словно глубокий вздох очнувшегося от обморока человека, прошелестел теплый южный ветерок; звенел в лунном свете голос полуночницы-кукушки; с пристани доносилась песня лодочников.

Не понимая, почему Ромеш молчит, девушка легонько коснулась его рукой:

— Ты спишь?

— Нет, — ответил он и опять надолго замолчал.

Девушка тем временем задремала. Ромеш пристально вглядывался в ее лицо. Оно и сейчас не обнаруживало никаких следов тайны, которую начертал на нем всевышний. И как только под такой привлекательной внешностью могла скрываться столь страшная судьба!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Теперь Ромеш знал, что это совсем не та девушка, на которой он женился. Но выяснить, чьей женой она была в действительности, оказалось делом нелегким.

Однажды с тайной надеждой он спросил ее:

— Когда ты впервые увидела меня во время свадьбы, каким я тебе показался?

— Да я тебя и не видела, — ответила девушка. — Я тогда опустила глаза.

— Так ты, наверно, даже имени моего не слышала?

— Свадьба была на следующий день после того, как мне сказали о ней. Откуда же я могла знать твое имя, — ведь тетуська так спешила отделаться от меня!

— Ты ведь училась. Дай-ка я посмотрю, можешь ли ты написать хотя бы свое имя, — сказал Ромеш, подавая ей бумагу и карандаш.

— Ты что же, думаешь, что я ничего больше не умею? — ответила девушка. — Кстати, мое имя очень легко пишется.

И она крупными буквами вывела: «Сримоти Комола Деби».

— Хорошо. А теперь имя твоего дяди, — попросил Ромеш.

Комола написала: «Сриджукто Тариничорон Чоттопаддхай» — и спросила:

— Нигде не ошиблась?

— Нет, — ответил Ромеш. — Напиши-ка еще и название своей деревни.

И она снова вывела: «Дхобапукур».

Так, с большими предосторожностями, Ромеш собрал кое-какие сведения о жизни девушки. Но это едва ли

облегчило задачу. Он стал думать, как быть дальше. Вполне возможно, что муж ее утонул. Но если даже Ромеш отыщет дом свекра Комолы, неизвестно, примут ли ее там. А отправить девушку к дяде было бы, пожалуй, слишком жестоко. Что будет с ней после того, как все узнают, что она столько времени пробыла в доме другого мужчины? Как посмотрят на нее люди?

Возможно, муж Комолы все же остался в живых? Но захочет ли, посмеет ли он принять ее?

Где бы Ромеш ни бросил эту девушку, она утонет, как в бездонном океане.

Только в качестве жены мог Ромеш оставить у себя Комолу, но назвать ее своей женой он не имел права. Однако отправить ее было некуда.

Яркий образ этой девушки, Лакшми домашнего очага, который кистью вдохновенной любви запечатлел он на картине будущего, пришлось стереть.

Остаться в родной деревне Ромеш не мог и с мыслью о том, что он найдет какой-нибудь выход, лишь затерявшись в сутолоке Калькутты, отправился туда вместе с Комолой. Приехав в Калькутту, Ромеш постарался снять квартиру как можно дальше от того места, где жил раньше.

Комоле не терпелось скорей увидеть большой город. В первый же день по приезде она уселась у окна и со все возрастающим интересом принялась следить за непрерывно движущимся людским потоком. Единственная их служанка давно жила в Калькутте, поэтому она считала изумление Комолы невероятной глупостью и то и дело сердито ворчала:

— Ну, чего рот разинула? Выкупалась бы лучше — смотри, как поздно!

Служанка была приходящая и вечером уходила домой. Постоянную найти не удалось.

«Разделить ложе с Комолой я не могу. Но как бедная девушка одна проведет ночь в незнакомом месте?» — раздумывал Ромеш.

После ужина, когда служанка ушла, Ромеш сказал:

— Ложись спать, а я еще немного посижу.

Он взял первую попавшуюся книгу и сделал вид, что читает. Усталая Комола скоро заснула.

Так прошла эта первая ночь. На другой день Ромешу тоже под каким-то предлогом удалось уложить Комолу спать. Было очень жарко, и сам он устроился на небольшой открытой веранде перед спальней. Долго лежал Ромеш, раздумывая над своим положением. И только поздно ночью наконец уснул.

Около трех часов ему вдруг почудилось, что он не один; он почувствовал, что рядом колышется опахало. Ромеш притянул к себе девушку и сонно пробормотал:

— Спи, Шушила, не надо меня обмахивать.

Комола прижалась к нему и сладко уснула.

Рано утром Ромеш проснулся и вздрогнул: правая рука Комолы обвилась вокруг его шеи, а сама она, с милой непосредственностью, наивно пользуясь своим правом жены, склонила голову ему на грудь. Ромеш смотрел на спящую девушку, и глаза его наполнились слезами: разве может он разорвать это доверчивое, нежное объятие? Он вспомнил, как ночью она потихоньку обмахивала его веером. И все же с глубоким вздохом он бережно разомкнул ее руки и поднялся с постели.

После долгих размышлений Ромеш решил поместить Комолу в женский пансион. Это хоть на время избавит его от забот.

— Комола, ты хочешь учиться? — спросил он однажды.

Она посмотрела на него, словно желая сказать: что это значит?

Ромеш принялся рассуждать о пользе и удовольствии, которые принесут ей занятия, уговоры его были излишни. Комола сразу же заявила:

— Поучи меня.

— Для этого тебе надо уходить в школу.

— В школу? — удивилась Комола. — Разве такие взрослые, как я, ходят в школу?

— В школе учатся девушки и постарше, — ответил он, улыбнувшись той гордости, с которой Комола говорила о своем возрасте.

Она больше не возражала, и однажды Ромеш отвез ее в пансион. В большом здании Комола увидела множество девушек разного возраста.

Когда Ромеш, поручив Комолу начальнице пансиона, направился к выходу, она побежала за ним.

— Куда ты? — остановил он девушку. — Тебе надо остаться здесь.

— А мы разве не будем вместе? — испуганно спросила она.

— Нет, я не могу.

— Тогда и я не могу, — заявила Комола, схватив Ромеша за руку. — Возьми меня с собой.

— Стыдно, Комола, — сказал Ромеш, вырывая руку.

От этого упрека девушка словно окаменела, и лицо ее, казалось, сжалось в комочек. Взволнованный, Ромеш быстро вышел, но перед его глазами неотступно стояло неподвижное, с выражением беспомощного испуга лицо девушки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ромеш думал начать свою адвокатскую практику в Алипуре, но теперь сердце его было разбито. У него совсем не осталось той энергии и уверенности, которые так помогают спокойно и сосредоточенно работать и преодолевать трудности, всегда встречающиеся на пути начинающего адвоката. У Ромеша вошло теперь в привычку бесцельно шагать по мосту через Гангу или бродить по Голдигхи. Он даже начал подумывать о путешествии на запад, но как раз в это время пришло письмо от Онноды-бабу.

«Из газет мы узнали, — писал он, — что ты выдержал экзамены, но были огорчены, не получив известий об этом от тебя самого. Давно уже о тебе ничего не слышно. Нам было бы очень приятно получить от тебя весточку, узнать, как ты живешь и когда собираешься в Калькутту».

Нелишне будет заметить, что уехавший в Англию юноша, на которого так рассчитывал Оннода-бабу, уже успел стать адвокатом и вернуться на родину. Теперь он собирался жениться на девушке из богатого дома.

Между тем Ромеш все еще не мог решить, следует ли ему после всего случившегося встречаться с Хемнолини. Он считал, что говорить сейчас кому-нибудь о Комоле

и его отношениях с ней значило бы очернить ни в чем не повинную девушку в глазах общества. Но имеет ли он право возобновить встречи с Хемнолини, прежде чем не расскажет ей всю правду?

Во всяком случае, медлить с ответом на письмо Онноды-бабу было по крайней мере невежливо, и Ромеш написал:

«Очень прошу извинить меня, но по весьма серьезным причинам я был лишен удовольствия видеться с вами».

Своего нового адреса он не указал.

Отправив ответ по почте, он на следующий же день надел адвокатскую шапочку и отправился в алипурский суд.

Возвращаясь однажды из суда, он прошел некоторую часть пути пешком и уже собирался нанять экипаж, как вдруг услышал хорошо знакомый голос:

— Отец, да ведь это же Ромеш-бабу! Стой, кучер, стой! — И рядом с Ромешем остановился экипаж.

Оннода-бабу с дочерью возвращались в этот день с пикника, устроенного в алипурском зверинце.

Стоило Ромешу увидеть спокойное и ласковое лицо Хемнолини, ее сари, уложенное особыми складками, ее столь знакомую ему прическу, нежные запястья и золотые браслеты со звездами, как горячая волна чувств затопила его сердце и лишила Ромеша дара речи.

— Как хорошо, что мы встретили тебя, — заговорил Оннода-бабу. — Ты теперь и писать перестал нам, а если пишешь, не сообщаем своего адреса. Куда ты сейчас направляешься? Какое-нибудь неотложное дело?

— Да нет, просто возвращаюсь из суда, — ответил Ромеш.

— Тогда едем к нам пить чай.

Сердце Ромеша радостно забилось, ни о каких колебаниях больше не могло быть и речи. Он уселся в экипаж и, чтобы скрыть свое смущение, спросил Хемнолини, как она поживает.

— Вы сдали экзамены и даже не потрудились сообщить нам об этом, — сказала девушка, не отвечая на приветствие Ромеша.

— Я слышал, вы тоже сдали экзамены, — растерянно промолвил он.

— Хорошо еще, что вы хоть помните о нас, — рассмеялась девушка.

— Где ты теперь живешь? — спросил Ромеша Оннода-бабу.

— В Дорджипаре.

— А разве твое прежнее жилище в Колутоле было так уж плохо?

В ожидании ответа Хемнолини пристально смотрела на Ромеша.

Этот взгляд проник в самое сердце юноши, и неожиданно он сказал:

— Нет, отчего же? Скоро я снова перееду туда.

Ромеш понимал, что Хемнолини сочла за оскорбление его переезд в другой район, и, не зная, как оправдать свой поступок, окончательно пал духом. Однако дальнейших вопросов не последовало. Хемнолини, отвернувшись, смотрела на дорогу. Ромеш не в силах был больше молчать.

— Неподалеку от Хедуя, — сказал он, — живет один мой родственник... Вот я и поселился в Дорджипаре, чтобы иметь возможность видаться с ним.

Слова Ромеша хоть и не были абсолютной ложью, но все же звучали крайне неубедительно: неужели расстояние от Колутолы до Хедуя так велико, что, живя на старом месте, нельзя было время от времени навещать своего родственника? Глаза Хемнолини все еще были обращены в сторону дороги. Несчастный Ромеш никак не мог придумать, что бы еще сказать. Ему удалось выдать из себя одну лишь фразу:

— А как дела у Джогена?

— Провалился на экзаменах и отправился проветриться на запад, — ответил Оннода-бабу.

Экипаж остановился. Когда Ромеш вошел в дом, он вновь поддался очарованию этих знакомых ему комнат и всей обстановки. Из груди юноши вырвался тяжелый вздох.

За чаем Ромеш не произнес ни слова. Неожиданно Оннода-бабу сказал:

— Долго что-то ты пробыл на этот раз дома. Дела какие-нибудь задержали?

— Отец умер, — ответил Ромеш.

— Что ты говоришь? Какое несчастье! Как это произошло?

— Он возвращался домой. Внезапно поднялась буря, лодка опрокинулась, и отец погиб.

Как от сильного ветра уплывают тучи и проясняется небо, так и при этом грустном известии в одно мгновение исчезла всякая натянутость в отношениях между Ромешем и Хемнолини.

«Я плохо думала о Ромеше, а он озабочен делами и опечален смертью отца, — с раскаянием думала девушка. — Он страдает, а мы, ничего не зная о его горе, о том, какая тяжесть у него на сердце, вздумали его обвинять». И Хемнолини удвоила свое внимание к юноше. Видя, что Ромеш ничего не ест, она принялась угощать его с особым усердием.

— Вы очень плохо выглядите. Вам нужно беречь себя, — говорила девушка. — Папа, — обратилась она к отцу, — мы никуда не отпустим Ромеша, пока он не поужинает с нами.

— Прекрасно, — ответил Оннода-бабу.

В это время явился Окхой. С некоторого времени первое место за чайным столом Онноды-бабу принадлежало ему. Поэтому, увидев здесь Ромеша, он был неприятно поражен. Однако, быстро овладев собой, он сказал с улыбкой:

— А, Ромеш-бабу! Я думал, что вы нас совсем забыли.

Ромеш только слабо улыбнулся.

— Ваш отец так неожиданно вас похитил. Я решил было, что он вас не выпустит, пока не женит, — продолжал Окхой. — Значит, вам все-таки удалось вырваться?

Хемнолини метнула в Окхоя сердитый взгляд, а Оннода-бабу заметил:

— Ромеш лишился отца, Окхой.

Ромеш сидел бледный, опустив голову.

Хемнолини страшно рассердилась на Окхоя за то, что он причинил Ромешу боль, и поспешно сказала:

— Вы еще не видели нашего нового альбома, Ромеш-бабу.

Она принесла альбом, положила его перед юношей и принялась показывать ему фотографии. Затем нерешительно спросила:

— Скажите, Ромеш-бабу, вы живете один в своей новой квартире?

— Да, — ответил Ромеш.

— Так постарайтесь поскорей переехать в соседний с нами дом.

— Конечно. Я это сделаю в понедельник.

— Возможно, мне иногда придется обращаться к вам за помощью. Ведь я сейчас готовлюсь к экзамену по философии, — заметила Хемнолини.

Такая перспектива привела Ромеша в восторг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ромеш не замедлил перебраться на свою прежнюю квартиру.

Теперь окончательно исчезло недоверие между ним и Хемнолини. Ромеш стал в их доме своим человеком. Шуткам и забавам не было конца.

Последнее время, перед возвращением Ромеша, Хемнолини много и усердно занималась и стала еще более хрупкой. Казалось, подуй ветер посильнее, — и он легко переломит ее. Говорила она мало, да и вообще разговаривать с ней было опасно, — она расстраивалась по любому, самому незначительному поводу.

Но буквально за каких-нибудь несколько дней в ней произошла удивительная перемена: ее бледные щечки заметно округлились, в глазах поминутно вспыхивали веселые искорки. Прежде она считала легкомысленным и даже неприличным уделять внимание нарядам. А сейчас... Никто, кроме всевышнего, — ибо она ни с кем не делилась, — не смог бы сказать, почему в девушке произошла такая перемена.

В свою очередь и Ромеш, угнетенный ответственностью за другое существо, вначале тоже выглядел каким-то озабоченным — будто тяжесть знаний, им приобретенных, давила не только на ум его, но и на тело.

В звездном небе все время движутся планеты, что, однако, не мешает обсерватории со всеми ее приборами оставаться в совершенном покое; так и Ромеш, со своим грузом книжных знаний и планов, долгое время оставался недвижим в этом головокружительно-изменчивом мире. Но вдруг что-то вывело его из подобного состояния. Теперь он, даже если и не мог сразу ответить на шутку, готов был всегда смеяться. Волосы его еще не всегда подавались гребенке, зато чадор уже не был таким грязным, как раньше, а в движениях, как и в мыслях, появилась наконец известная живость.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Калькутта как никакой другой город лишена всех тех атрибутов, которые обычно создают в поэмах обстановку, необходимую для влюбленных.

Разве может здесь вдруг появиться беседка из цветущих деревьев ашук и бокул или непроницаемый зеленый шатер из вьющихся зарослей мадхоби; не услышите вы здесь и безыскусного пения пестрогрудой кукушки. И все же любовь с ее магическими чарами не обходит стороной и этот прозаический, лишенный всякой прелести современный город.

Кто может сказать, сколько дней и ночей подряд, в который уже раз и куда мчится в страшной сутолоке улиц, среди экипажей и закованных в металл трамваев, бог любви, этот вечно юный и самый древний из богов, пряча свой лук от глаз полицейских в красных тюрбанах!

Хотя Ромеш и Хемнолини жили по соседству в Колутоле напротив мастерской сапожника и рядом с бакалейной лавкой, никто не посмел бы сказать, что они в своих чувствах хоть в чем-то уступали романтическим обитателям цветущих беседок. Ромеш не испытывал ни малейшего огорчения от того, что перед ним вместо поросшего лотосами озера был неказистый маленький стол с пятнами чая на скатерти. И пусть любимый кот Хемнолини вовсе не походил на молодую черную антилопу — юноша щекотал ему шейку с не меньшей любовью, чем если бы

это действительно была лань. А когда, выгнув спину и зевнув, кот грациозно принимался за свой туалет, умиленному Ромешу это животное казалось едва ли не лучшим из всех четвероногих.

Пока Хемнолини готовилась к экзаменам, ей почти некогда было заниматься рукоделием, зато в последнее время она с жаром принялась учиться вышиванию у одной из своих подруг. Что до Ромеша, то он всегда считал это занятие совершенно ненужным и даже презренным. В литературе и философии оба они были одинаково сильны, но как только речь заходила о рукоделии, Ромешу приходилось отступать. Поэтому он частенько с недовольством замечал:

— Чего вдруг вы так увлеклись вышиванием? Это занятие для тех, кто не знает, чем заполнить свой досуг.

В ответ Хемнолини молча улыбалась, вдевая в иглу шелковую нитку.

Однажды Окхой ядовито заметил:

— По авторитетному мнению Ромеша-бабу, все имеющее хоть малейший практический смысл достойно презрения. Но, кстати сказать, любой человек, будь он величайшим ученым или поэтом, не прожил бы и дня без этих презренных мелочей!

Задетый за живое, Ромеш уже готов был ринуться в спор, но Хемнолини остановила его:

— Стоит ли, Ромеш-бабу, так волноваться? На свете и так слишком много бесплодных споров!

С этими словами она снова склонилась над вышиванием, считая стежки.

Как-то утром, войдя к себе в кабинет, Ромеш увидел на столе бювар, переплетенный в затканый цветами бархат. На одном уголке его крышки стояла буква «Р», на другом красовался вышитый золотыми нитками лотос.

Ромеш ни на мгновение не усомнился ни в происхождении этой вещи, ни в ее назначении. Сердце его радостно забило. Он тут же, без споров и возражений, признал в глубине души всю важность такого занятия, как рукоделие, и, прижимая к груди драгоценную вещь, готов был даже признать свое поражение перед Окхоем. Открыв бювар, Ромеш положил на него лист бумаги и написал:

«Будь я поэтом, я смог бы отблагодарить вас стихами, но я лишен поэтического дарования. Однако, не наделив меня способностью одарять, всевышний наградил меня способностью принимать дары. Только тому, кто читает в сердце другого, ведомо, как принял я эту неожиданную милость. Ведь подарок можно видеть и осязать, а мои чувства спрятаны глубоко в сердце.

Ваш неоплатный должник».

Разумеется, записка попала в руки Хемнолини, но ни она, ни Ромеш не обмолвились о ней ни словом.

Близился сезон дождей — самая лучшая пора для лесов и полей. Но городские жители не любят это время года. Тщетно пытаюсь преградить путь дождю, городские дома встречают его крышами и плотно закрытыми окнами, трамваи — опущенными занавесками, люди — зонтиками, но, несмотря на это, все вокруг оказывается насквозь промокшим и покрытым грязью, в то время как леса, реки, холмы и горы приветствуют дождь, как друга, встречая его радостным гулом. Для них он желанный гость, там ничто не препятствует радостному празднику слияния неба с землей.

Влюбленные подобны горам и лесам: непрерывные дожди могли дурно влиять на пищеварение Опноды-бабу, но омрачить радостное настроение Ромеша и Хемнолини они были не в силах.

Хмурые тучи, рокот грома и шум ливня, казалось, еще теснее сближали сердца.

Из-за ненастной погоды Ромеш никуда не ходил. Иногда с самого утра дождь лил с таким упорством, что Хемнолини тревожно говорила:

— Ромеш-бабу, как вы пойдете домой?

На это Ромеш смущенно отвечал, что как-нибудь доберется.

— Но вы можете простудиться и заболеть, поужинайте с нами.

Ромеш совершенно не боялся простуды, друзья и близкие никогда не замечали в нем хотя бы малейшего предрасположения к болезням, но, подчиняясь заботам Хемнолини, он в эти дождливые дни стал считать преступ-

ным легкомыслием пройти даже несколько шагов, отделяющих дом Онноды-бабу от его жилища.

В дни, когда небо предвещало непогоду, Ромеша приглашали в дом Онноды-бабу отведать рис с горохом, если это было утро, или лепешек, если наступал вечер. Было вполне очевидно, что серьезные опасения за его здоровье отнюдь не распространялись на его пищеварение.

Так шло время. Ромешу некогда было даже задуматься над тем, куда приведет его неодолимое влечение сердца. Но Онноду-бабу, да и некоторых его знакомых этот вопрос очень занимал и часто служил темой их разговоров.

Жизненный опыт Ромеша не шел ни в какое сравнение с его ученостью, а любовь окончательно лишила его возможности разбираться в делах житейских. Каждый день Оннода-бабу с надеждой вглядывался в лицо Ромеша, но не мог прочесть на нем никакого ответа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Голос у Окхоя был не сильный, но когда он пел, аккомпанируя себе на скрипке, только очень уж суровый критик не попросил бы его спеть что-нибудь еще.

Оннода-бабу не питал особой любви к музыке, однако признаться в этом он не мог и потому выработал особые методы самозащиты.

Стоило кому-нибудь попросить Окхоя спеть, как Оннода-бабу говорил:

— Ну как не совестно, нельзя же так мучить беднягу только потому, что он умеет петь.

Такое заявление, в свою очередь, наталкивалось на скромный протест Окхоя:

— Что вы, Оннода-бабу, не беспокойтесь, пожалуйста, еще неизвестно, кто кого мучает.

Затем в спор вступал кто-либо из искренних любителей музыки, которому удавалось наконец уговорить Окхоя исполнить что-нибудь.

Однажды вечером все небо затянуло свинцовыми тучами. Дождь лил не переставая и после наступления темноты.

Окхой пришлось задержаться, и Хемнолини попросила его спеть. Она села за гармониум, а Окхой, настроив скрипку, запел на хиндустански:

Лети, о ветерок мой нежный,
Моим посланцем будь.
Скажи: без вести о любимой
Я не могу заснуть!¹

Не все слова песни были понятны слушателям, да это и не обязательно: когда сердца полны любовью, полны радостью встреч и болью разлуки, достаточно и легкого намека, чтобы понять друг друга.

Окхой пел о том, что шумит ливень, кричат павлины и тоска влюбленных безгранична.

В песне он стремился выразить свои затаенные чувства, но этим воспользовались двое других. Погрузившись в волны мелодии, их сердца бились в унисон; в целом мире для них не существовало больше ничего тусклого, незначительного, — все вокруг стало прекрасным. Как будто вся любовь, которой пылали когда-либо человеческие сердца, была теперь поделена только между ними двумя, заставляя их трепетать от безмерного счастья и муки, замирать в смятении и надежде.

В этот день так и не было просвета в тучах, не смолкали и песни.

Стоило Хемнолини попросить: «Пожалуйста, Окхой-бабу, спойте еще», — и тот с готовностью продолжал.

Мелодия звучала все более страстно и проникновенно. Она то неожиданно сверкала, подобно вспышкам молнии, то вырывалась, как стон полного страдания и боли сердца.

Окхой ушел лишь поздно вечером. В минуту прощания, весь под впечатлением музыки, Ромеш молча заглянул в глаза Хемнолини. Она ответила ему вспыхнувшим взглядом, в котором дрожала еще тень песни.

Ромеш вернулся домой. Дождь, на мгновение переставший, полил с новой силой. В эту ночь юноша не смог уснуть. Не спала и Хемнолини. В непроницаемом мраке

¹ Здесь и далее стихи в переводе Г. Ярославцева.

долго прислушивалась она к неумолчному шуму дождя. В ушах ее по-прежнему звучали слова песни:

Лети, о ветерок мой нежный,
Моим посланцем будь.
Скажи, без вести о любимой
Я не могу заснуть!

«Если бы я мог петь! — вздохнув, подумал на следующее утро Ромеш. — Я, не задумываясь, отдал бы за это все свои знания».

Но, к сожалению, у Ромеша не было никакой надежды хоть как-нибудь овладеть этим искусством, и он решил попробовать заняться музыкой. Ему вспомнилось, как однажды, случайно оставшись один в комнате Онноды-бабу, он провел смычком по струнам, но уже от одного этого прикосновения богиня Сарасвати издала такой болезненный стон, что ему пришлось оставить дальнейшие попытки игры на этом инструменте, ибо продолжать — значило бы проявить по отношению к богине величайшую жестокость.

Теперь Ромеш купил небольшой гармониум. Плотнo прикрыв дверь комнаты, он осторожно коснулся клавиш и пришел к заключению, что этот инструмент, во всяком случае, куда выносливее скрипки.

На следующий день, едва Ромеш показался в доме Онноды-бабу, как Хемнолини заметила:

— Это у вас кто-то играл вчера на гармониуме?

Ромеш полагал, что, раз он запер дверь, его никто не услышит. Однако нашлось чуткое ухо, которое улавливало звуки даже через закрытую дверь. Пристыженному юноше пришлось сознаться, что он купил гармониум и хочет научиться играть.

— Напрасно вы запираетесь на ключ и пытаетесь научиться самостоятельно, — сказала Хемнолини. — Лучше приходите к нам. Я немного играю и сумею научить вас тому, что знаю сама.

— Но ведь я очень неспособный ученик, — ответил Ромеш. — Вам придется со мной изрядно повозиться.

— Ну, знаний у меня ровно столько, чтобы кое-как обучать неспособных, — рассмеялась Хемнолини.

Очень скоро, однако, обнаружилось, что Ромеш не оказался чересчур скромным, заявив о своих скудных способностях к музыке. Несмотря на столь терпеливого и нетребовательного педагога, каким была Хемнолини, его музыкальный слух так и не развился. В ручейке мелодии Ромеш вел себя, как не умеющий плавать человек, который, попав на глубокое место, начинает колотить по воде руками и ногами. Он без разбора ударял по клавишам, фальшивя на каждом шагу, но не замечал фальши: он не чувствовал никакой разницы между верной и фальшивой нотой и беспечно попирал все законы гармонии. Не успела Хемнолини воскликнуть: «Что вы делаете, это звучит фальшиво!» — как он уже спешил устранить первую ошибку последующей. Но, серьезный и усидчивый по натуре, Ромеш был не из тех, кто сразу готов бросить плуг. Медленно движущийся каток трамбует дорогу, вовсе не заботясь о том, что он стирает в порошок на своем пути. С таким же слепым упорством совершал и Ромеш свои непрестанные набеги на злосчастные ноты и ключи.

Хемнолини смеялась над ним, и сам он хохотал вместе с ней. Казалось, неисчерпаемая способность Ромеша ошибаться доставляла Хемнолини огромное удовольствие.

Лишь любовь способна извлекать радость из ошибок, слабостей и даже диссонансов.

Когда мать наблюдает первые, еще нетвердые шаги ребенка, ее любовь к нему возрастает; то же чувствовала и Хемнолини, забавляясь той совершенно поразительной неспособностью, которую обнаруживал Ромеш к музыке.

— Хорошо вам надо мной смеяться, — говорил он иногда, — а сами вы разве не делали ошибок, когда учились играть?

— Конечно, и я ошибалась, но, сказать по правде, Ромеш-бабу, мои ошибки не идут ни в какое сравнение с вашими.

И все же Ромеш не сдавался и, смеясь, начинал все сначала.

Вы уже знаете, что Оннода-бабу отнюдь не был ценителем музыки, однако, прислушиваясь порой к игре Ромеша, он вдруг многозначительно замечал:

— Недурно звучит. Пожалуй, со временем Ромеш может стать неплохим музыкантом.

— Ну да! Мастером по части извлечения фальшивых нот, — смеялась Хемнолини.

— Право же, он сделал значительные успехи с тех пор, как я слышал его в первый раз. Если Ромеш постарается, он будет неплохо играть. Нужна только постоянная практика. Главное, одолеть гаммы, — а там все пойдет как по маслу.

На подобные заверения возразить было нечего, оставалось лишь почтительно их выслушивать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Почти каждую осень, во время праздника Пуджи, Оннода-бабу и Хемнолини, пользуясь льготными билетами, отправлялись в Джобболпур, где служил муж сестры Онноды-бабу. Стимулом для этих ежегодных поездок являлась неугасимая надежда Онноды-бабу улучшить свое пищеварение.

Наступил сентябрь. До праздничных каникул оставалось совсем немного времени, и Оннода-бабу занялся приготовлениями к путешествию.

В предчувствии близкой разлуки Ромеш стал теперь заниматься музыкой особенно усердно.

Как-то в разговоре с ним Хемнолини, будто между прочим, заметила:

— Мне кажется, Ромеш, вам было бы очень полезно на время переменить климат. Что ты скажешь на это, отец?

Подумав, Оннода-бабу решил про себя, что такое предложение не лишено смысла: Ромеш перенес тяжелую утрату, и ему полезно будет рассеяться.

— Конечно, — сказал он, — перемена климата прекрасная вещь. Знаешь, Ромеш, я заметил, что в любом месте — будь это западные провинции или другая область — перемена климата действует благотворно только первые несколько дней. Появляется хороший аппетит, начинаешь много есть, а потом — опять все по-старому: тяжесть в желудке, изжога, и что ни съешь, все...

— Ромеш, вы когда-нибудь видели Нормодский водопад? — прервала отца Хемнолини.

— Нет, я ни разу не бывал в тех местах.

— Тогда вам стоит его посмотреть. Правда, отец?

— Действительно, почему бы Ромешу не поехать с нами. Он и климат переменит, и Мраморные скалы увидит.

При создавшемся положении вещей Ромеш был уверен, что ему действительно необходимо переменить климат и посмотреть Мраморные скалы, поэтому ему ничего не оставалось, как согласиться.

Весь этот день Ромеш, казалось, витал в небесах. Чтобы дать волю охватившей его радости, он заперся у себя дома и уселся за гармониум. Его обезумевшие пальцы, откинув прочь все правила игры, плясали на этом несчастном инструменте настоящий танец джиннов.

Перспектива разлуки с Хемнолини повергла Ромеша в бездну уныния. И теперь в порыве восторга он приносил в жертву все свои познания в музыке.

Стук в дверь прервал его упражнения.

— Что вы делаете, Ромеш-бабу! Прошу вас, перестаньте, — слышался чей-то голос.

Пунцовый от стыда, Ромеш открыл дверь. В комнату вошел Окхой.

— Что вы тут тайком от всех безобразничаете? Смотрите, как бы вам не попасть за это под одну из статей вашего же уголовного кодекса!

— Признаюсь, виновен, — рассмеялся Ромеш.

— Ромеш-бабу, если вы не возражаете, мне бы хотелось кое о чем поговорить с вами, — сказал Окхой.

Обеспокоенный таким вступлением, Ромеш выжидающе посмотрел на него.

— Насколько вы могли заметить, судьба Хемнолини для меня далеко не безразлична, — начал Окхой.

Ромеш ничего не ответил, ожидая дальнейших объяснений.

— Я друг Онноды-бабу и полагаю, что вправе узнать, каковы ваши намерения относительно его дочери.

Ромешу не понравились ни слова, ни тон, каким они были сказаны, но он не умел отвечать резко и поэтому спокойно спросил:

— Разве у вас есть основания подозревать меня в дурных намерениях?

— Видите ли, вы приходите из семьи, которая строго придерживается индуизма, и ваш отец был его последователем. Мне известно, что он увез вас в деревню, чтобы женить там, и сделал это из опасения, как бы вы не взяли в жены девушку из семьи, не исповедующей вашей религии.

У Окхоя была особая причина претендовать на осведомленность в этом деле, так как не кто иной, как он, заронил подобные опасения в душу Броджмохона, отца Ромеша.

В течение нескольких минут Ромеш не решался взглянуть в лицо Окхою.

— И вы считаете себя теперь свободным только потому, что ваш отец умер? — продолжал Окхой. — Ведь он хотел...

Но Ромеш был больше не в силах сохранять спокойствие.

— Послушайте, Окхой-бабу, если вам придет в голову дать мне какой-нибудь другой совет, я с удовольствием вас выслушаю. Но не вам судить о моих отношениях с отцом.

— Хорошо, оставим это. По все же вы должны мне сказать, намерены ли вы жениться на Хемнолини?

Получая удар за ударом, Ромеш потерял наконец всякое терпение:

— Знаете, Окхой, может быть, вы и друг Онноды-бабу, но со мной вас не связывают столь тесные узы, поэтому соблаговолите прекратить этот разговор.

— Если бы все зависело только от меня, он давно был бы прекращен и вы могли бы и дальше проводить время с прежней беспечностью, несколько не заботясь о последствиях своего поведения. Но общество — плохое место для таких беззаботных людей, как вы. Конечно, вы из тех, кто размышляет лишь о возвышенных материях и мало обращает внимания на то, что творится на земле, — иначе вы, быть может, поняли бы, как рискованно вести себя подобным образом с дочерью всеми уважаемого человека, какне можно вызвать толки. Но если вы стреми-

лись к тому, чтобы погубить репутацию людей, чьим мнением вы дорожите, — вы на верном пути.

— Благодарю за предостережение, — ответил Ромеш. — Я немедленно решу, как мне поступить, можете не сомневаться. Сейчас же я не вижу необходимости продолжать нашу беседу.

— Вы меня обрадовали, Ромеш-бабу! Наконец я успокоился. Наш разговор исчерпан. Винават, что прервал ваши занятия музыкой. Ну, ничего, начнете сначала. А я удаляюсь. — И Окхой поспешно вышел.

После его ухода музыка не шла на ум Ромешу. Он бросился на постель и долго лежал в задумчивости, закинув руки за голову. Прошло немало времени, когда он вдруг услышал, что часы пробили пять, и торопливо вскочил. Только всевышнему известно, что именно решил предпринять Ромеш в дальнейшем, но сейчас он был твердо уверен в одном: необходимо тотчас же отправиться в соседний дом и выпить там чашку чая.

Когда он пришел, Хемнолини, встревоженная его видом, спросила:

— Вы не больны, Ромеш?

— Нет, нет, ничего особенного, — ответил он.

— Пустяки, — заметил Оннода-бабу, — просто нарушено пищеварение и увеличена печень. Я вот принимаю такие пилюли, проглотить одну, и...

— Пилюли тут ни при чем, отец, — рассмеялась Хемнолини, — я не видела более общительного человека, чем ты... Но неужели ты считаешь, что эти пилюли тебе помогают?

— Вреда они, во всяком случае, не приносят. Знаешь, я убедился, что эти пилюли во много раз лучше тех, что я принимал раньше.

— Ты всегда так: как только начинаешь принимать новое лекарство, непременно приписываешь ему исключительные свойства.

— Ни во что вы, молодежь, не верите! Спроси хоть Окхой, Ромеш, помогло ему мое лекарство или нет, — протестовал Оннода-бабу.

Хемнолини сразу замолчала, опасаясь, как бы не был вызван упомянутый свидетель. Но он тут же появился и прямо с порога обратился к Онноде-бабу:

— Я был бы вам очень благодарен, если б вы дали мне еще несколько пилюль. Они, знаете, мне очень помогают, после них я чувствую себя необыкновенно бодро.

Оннода-бабу торжествующе посмотрел на дочь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Окхой взял лекарство, но гостеприимный Оннода-бабу ни за что не хотел отпускать его, да и сам Окхой не очень торопился уходить и время от времени испытующе поглядывал на Ромеша.

Ромеш никогда не отличался особой наблюдательностью, но сегодня даже от него не могли укрыться странные взгляды Окхоя, и это начало раздражать его.

Хемнолини была необычайно оживлена. Ее радовала мысль, что время поездки на запад приближается, и она решила сегодня же обсудить с Ромешем подробности путешествия, поговорить о книгах, которые они будут читать вместе. Было условлено, что Ромеш придет пораньше — тогда никто, а главное, Окхой, который всегда являлся как раз к чаю, не успеет помешать им.

Однако сегодня Ромеш пришел позднее, чем обычно, был задумчив, и это значительно умерило энтузиазм Хемнолини. Улучив удобный момент, девушка тихо спросила:

— Почему вы так поздно?

— Да, кажется, я действительно немного запоздал, — не сразу и довольно рассеянно ответил Ромеш.

А Хемнолини так старалась быть готовой вовремя: она пораньше оделась, причесалась и стала ждать Ромеша, то и дело нетерпеливо поглядывая на часы. Сначала ей казалось, что часы идут неправильно и времени не так уж много. Когда же стало совершенно очевидно, что Ромеш действительно запаздывает, Хемнолини взяла вышивание и села у окна, стараясь отогнать от себя грустные мысли.

Наконец Ромеш пришел. Он был явно чем-то озабочен и даже не нашел нужным объяснить свое опоздание, словно они и не договаривались встретиться рано утром.

Хемнолини едва дождалась, пока все выпили чай. В углу на столе лежали книги. Девушка сделала последнее

героическое усилие, чтобы привлечь внимание Ромеша. Она взяла книги, делая вид, что хочет их унести. Это движение вывело Ромеша из задумчивости, и он быстро подошел к ней.

— Куда же вы уносите книги? Разве вы не хотели отобрать некоторые из них?

У Хемнолини дрогнули губы. Она едва сдержала слезы.

— Оставьте, незачем их отбирать... — проговорила она и, поспешно поднявшись, ушла в спальню. Там она бросила книги прямо на пол.

После ее ухода настроение у Ромеша окончательно испортилось. Окхой же, посмеиваясь про себя, участливо спросил:

— Вы, кажется, не совсем здоровы, Ромеш-бабу?

Ромеш пробормотал что-то невнятное в ответ.

Зато Оннода-бабу при одном упоминании о здоровье сразу оживился.

— Вот, вот, и я сказал то же самое, как только его увидел.

— Такие люди, как Ромеш, пренебрегают своим здоровьем, — лукаво сощурившись, продолжал Окхой. — Ведь они живут в царстве разума и считают, что неприлично обращать внимание на такой пустяк, как несварение желудка.

Оннода-бабу, приняв это заявление всерьез, стал странно доказывать, что заботиться о пищеварении надлежит всем, даже людям умственного труда.

Ромеш молчал, но в душе его все пылало от ярости.

— Послушайте моего совета, Ромеш, — закончил свою речь Окхой, — примите пилюлю Онноды-бабу и отправляйтесь пораньше спать.

— Я хочу поговорить с Оннодой-бабу наедине.

— Так бы давно и сказали! — воскликнул Окхой, вставая. — С Ромешем всегда так: сначала он все скрывает, а когда время уже на исходе, вдруг спохватывается.

С этими словами Окхой ушел, а Ромеш, пристально глядя на кончики своих ботинок, заговорил:

— Оннода-бабу, вы принимали меня как родного, и мне даже трудно выразить, как я вам благодарен за это.

— Ну и прекрасно! Ты же друг нашего Джогена, разве мог я относиться к тебе иначе?

Вступление было сделано, но что следовало сказать дальше, придумать Ромеш не мог. Чтобы помочь ему, Оннода-бабу сказал:

— Право же, Ромеш, мы сами очень счастливы, что принимаем у себя в доме, как сына, такого достойного юношу.

Однако и после этого Ромеш не обрел дара речи.

— Ты, я думаю, заметил, что люди много сплетничают о вас, — продолжал Оннода-бабу. — Они считают, что для Хемнолини уже настало время думать о замужестве, и теперь ей надо быть особенно осторожной в выборе знакомств. Но я всегда отвечаю им, что вполне доверяю Ромешу и уверен, что он никогда не захочет причинить нам зла.

— Вы меня хорошо знаете, Оннода-бабу, — проговорил наконец Ромеш, — и если считаете достойным Хемнолини, то...

— Не продолжай. Вот мы с тобой и договорились. Если бы не печальное событие в твоей семье, можно было бы уже давно назначить день свадьбы. Но имей в виду, дорогой мой, дальше не следует откладывать это дело; ходят разные слухи, и чем скорее они будут прекращены, тем лучше. Как ты полагаешь?

— Когда вам только будет угодно. Но, разумеется, прежде всего надо узнать мнение вашей дочери.

— Верно. Хотя оно уже известно. Так или иначе, завтра с утра я все это улажу.

— Теперь разрешите мне уйти, я и так слишком задержался.

— Подожди минутку. По-моему, хорошо было бы устроить вашу свадьбу еще до отъезда в Джобболпур.

— Да... но осталось слишком мало времени!

— Примерно десять дней. Если устроить свадьбу в следующее воскресенье, на сборы останется дня три. Видишь ли, Ромеш, я бы не стал так торопить тебя, но надо же мне и о своем здоровье подумать.

Ромеш согласился и, проглотив еще одну пилюлю Онноды-бабу, отправился домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Приближались школьные каникулы.

Ромеш заранее условился с начальницей, что Комола на праздники останется в пансионе.

На следующий день, идя рано утром по тихой улице к Майдану, Ромеш решил, что сразу после свадьбы он подробно расскажет Хемнолини все о Комоле, а затем, выбрав подходящий момент, объяснится и с Комолой.

Таким образом, когда будет достигнуто полное взаимопонимание, Комола станет подругой Хемнолини и останется жить вместе с ними.

Он понимал, что относительно Комолы неизбежно пойдут всякие толки, и поэтому решил сразу же после свадьбы уехать в Хазарибаг и заняться там адвокатской практикой.

Возвратившись с прогулки, юноша отправился к Онноде-бабу. На лестнице он неожиданно столкнулся с Хемнолини. Будь это раньше, при такой встрече они бы обязательно обменялись хоть несколькими словами. Но сегодня Хемнолини вдруг залилась краской, легкая улыбка, как нежный отблеск зари, промелькнула на ее лице, и, опустив глаза, девушка убежала прочь.

Возвратясь домой, Ромеш уселся за гармониум и стал старательно воспроизводить мелодию, которой обучила его Хемнолини. Но нельзя же целый день играть одно и то же. Оставив гармониум, он попытался читать стихи, однако вскоре убедился, что никакая поэма не способна достичь тех высот, которых достигла его любовь.

А Хемнолини, исполненная радости, продолжала свои домашние дела. После полудня она наконец освободилась и, притворив дверь спальни, села за вышивание. Лицо девушки светилось безмерным счастьем: чувство глубокого покоя вдруг охватило ее.

Задолго до обычного часа семейных чаепитий Ромеш бросил книгу, оставил гармониум и явился в дом Онноды-бабу. Прежде Хемнолини всегда спешила ему навстречу. Но сегодня юноша увидел, что столовая пуста, наверху тоже никого не было. Значит, Хемнолини до сих пор еще не выходила из своей комнаты.

В положенное время появился Оннода-бабу и занял свое место за столом.

Ромеш то и дело робко поглядывал на дверь. Наконец послышались шаги, но это оказался Окхой.

Поздоровавшись с Ромешем довольно приветливо, он сказал:

— А я только что от вас, Ромеш-бабу.

При этом сообщении по лицу Ромеша пробежала тень беспокойства.

— Чего вы испугались? — рассмеялся Окхой. — Я вовсе не собираюсь на вас нападать. Мой дружеский долг — поздравить вас со счастливым событием в вашей жизни. Это было единственной целью моего посещения.

Оннода-бабу вдруг заметил, что Хемнолини нет в комнате. Он позвал ее, но, не получив ответа, сам поднялся наверх.

— Что это ты до сих пор сидишь со своим вышиванием, Хем! — сказал он. — Чай готов. Ромеш и Окхой уже пришли.

Хемнолини слегка покраснела.

— Прикажи подать чай сюда, отец, — попросила она. — Мне нужно закончить эту работу.

— Ну и характер у тебя, Хем! Стоит увлечься чем-нибудь, так уж до всего другого тебе и дела нет. Когда шли занятия, ты от книги головы не поднимала, а теперь вот засела за вышивание. Нет, это никуда не годится! Спускайся-ка вниз!

С этими словами Оннода-бабу взял дочь за руку и чуть ли не насильно привел в столовую. Но она ни на кого не подняла глаз и стала сосредоточенно разливать чай.

— Что ты делаешь, Хем? — в недоумении воскликнул вдруг Оннода-бабу. — Зачем ты кладешь мне сахар? Ты же знаешь, что я всегда пью чай без сахара!

А Окхой лукаво заметил:

— Сегодня ее щедрость не знает границ. Она готова одарить сладким всех без исключения.

Эти скрытые насмешки по адресу Хемнолини были невыносимы для Ромеша. Он тут же решил, что после свадьбы они прекратят всякие отношения с Окхоем.

— Знаете, Ромеш-бабу, вам следовало бы переменить имя, — неожиданно заявил Окхой.

— Хотелось бы знать почему, — раздраженно спросил Ромеш, которого вывела из себя эта шутка.

— Взгляните сюда, — сказал Окхой, развертывая газету. — Один студент по имени Ромеш вместо себя послал сдавать экзамены кого-то другого, и тот попался.

Зная, что Ромеш не может сразу ответить на подобные шутки Окхой, Хемнолини считала своей обязанностью брать Ромеша под защиту. Так же поступила она и сейчас и, не выдавая своего негодования, смеясь ответила:

— Если так, то в тюрьмах, должно быть, очень много Окхоев.

— Нет, вы только посмотрите на нее! — заметил Окхой. — Хочешь дать человеку дружеский совет, а на тебя сердятся. Если на то пошло, я расскажу вам сейчас целую историю. Вы, конечно, знаете, что моя младшая сестренка, Шорот, ходит в женскую школу. Так вот, вчера вечером она приходит и говорит мне: «Знаешь, дада, жена вашего Ромеша учится у нас в школе». — «Глупенькая, — возражаю я, — ты думаешь, нет других Ромешей на свете?» — «Кто бы этот человек ни был, он очень жесток к своей жене, — заявляет Шорот. — На праздники почти все девочки уезжают домой, а он оставил свою жену в пансионе. Бедняжка все глаза выплакала». Тогда-то мне и пришло в голову, что это не дело: ведь другие могут ошибиться так же, как Шорот.

Оннода-бабу весело рассмеялся:

— Ты просто сумасшедший, Окхой! Как можно говорить такие глупости! С какой стати наш Ромеш должен менять имя только потому, что какой-то другой Ромеш жестоко обошелся со своей женой.

Ромеш вдруг побледнел и, встав из-за стола, вышел из комнаты.

— Что с вами, Ромеш-бабу? Уж не рассердились ли вы? Не подумайте, что я вас в чем-то подозреваю! — крикнул Окхой и кинулся вслед за Ромешем.

— Что это они в самом деле? — воскликнул Оннода-бабу.

Хемнолини внезапно разрыдалась.

— В чем дело, Хем? Почему ты плачешь? — встревоженно спросил Оннода-бабу.

— Отец! Окхой-бабу ужасно несправедлив, — выговорила наконец она прерывающимся от слез голосом. — Как он смеет так оскорблять в нашем доме достойного человека?

— Ну, Окхой просто пошутил. Ромешу не стоило принимать это так близко к сердцу.

— Я не терплю подобных шуток, — ответила Хем и убежала наверх.

Приехав в Калькутту, Ромеш приложил немало усилий, чтобы найти мужа Комолы. Наконец с большим трудом ему удалось разыскать местечко под названием Дхо-бапукур, где жил Тариничорон, дядя девушки. Ромеш написал ему.

Утром, на следующий день после описанного случая, он получил ответ на свое письмо. Тариничорон писал, что после того ужасного несчастья не получал никаких известий о Нолинакхе, муже племянницы. Нолинакхо был врачом в Рангпуре. Тариничорон и там справлялся, но ему ответили, что пока ничего не известно. Откуда Нолинакхо родом, Тариничорон не знал.

Теперь Ромешу окончательно пришлось расстаться с надеждой, что муж Комолы жив.

С той же почтой он получил много других писем: это были поздравления от друзей по случаю свадьбы. Одни требовали, чтобы он устроил праздничный обед, другие шутливо упрекали за то, что Ромеш так долго держал все в секрете.

В это время слуга Онноды-бабу принес записку. Сердце Ромеша забилося, когда он узнал почерк Хемнолини.

«Слова Окхоя заронили в ней подозрение, и, чтобы рассеять его, она решила написать мне», — подумал Ромеш.

Записка была совсем коротенькая:

«Вчера Окхой-бабу очень нехорошо поступил с вами. Я думала, что вы зайдете к нам сегодня утром. Почему же вы не пришли? Зачем так серьезно относиться к тому, что говорит Окхой-бабу? Вы же знаете, я не верю ни од-

ному его слову. Обязательно приходите сегодня пораньше, — я не буду заниматься вышиванием».

В этих немногих словах Ромеш угадал боль, которая терзала любящее, полное всепрощения сердце Хемнолини, и глаза его наполнились слезами.

Ромеш понял, что со вчерашнего вечера Хемнолини со страстным нетерпением ожидает его прихода. Прошла ночь, миновало утро, а он все не шел, и тогда, не в силах больше ждать, она написала эту записку.

Ромеш еще накануне думал о том, что необходимо без промедления открыть Хемнолини все. Но после вчерашнего происшествия сделать, это признание было очень трудно: ведь теперь всякий может подумать, что Ромеш старается увильнуть от ответственности за свои поступки. К тому же для него была невыносима мысль, что тогда Окхой будет чувствовать себя победителем. «Окхой действительно считает мужем Комолы какого-то другого Ромеша, — продолжал рассуждать юноша, — иначе он ни за что бы не ограничился одними намеками, а устроил шум на весь город. Поэтому надо немедленно что-то придумать».

Но тут пришло еще одно письмо. Оно было от начальницы школы, где училась Комола. Она писала, что не считает себя вправе оставлять Комолу на праздники в пансионе, так как девушка в отчаянии. Со следующей субботы начинаются каникулы, и Ромешу совершенно необходимо взять жену на это время домой.

Взять к себе Комолу в следующую субботу! А в воскресенье его свадьба!

Неожиданно в комнату вошел Окхой.

— Ромеш-бабу, вы должны меня простить, — заговорил он. — Знай я, что вы рассердитесь на столь безобидную шутку, я бы и слова не вымолвил. Но обычно люди сердятся, лишь когда в шутке есть доля правды, какие же у вас были основания так возмущаться моими словами? Оннода-бабу со вчерашнего дня не перестает ругать меня, а Хемнолини даже разговаривать со мной не желает. Когда я сегодня утром зашел к ним, она сразу же вышла из комнаты. Ну скажите, что я сделал плохого?

— Мы все это обсудим в другое время, — ответил Ромеш. — А сейчас, простите, я очень занят!

— А, понимаю, приготовления к свадьбе, ведь времени осталось совсем мало! Тогда я не буду отрывать вас от приятных забот. До свиданья. — И Окхой скрылся.

Ромеш отправился в дом к Онноде-бабу. Войдя, он сразу увидел Хемнолини. Уверенная, что он придет рано утром, она давно приготовилась к встрече: сложенное и завернутое в платок вышивание она положила на стол, рядом стоял гармониум. Девушка предполагала заняться с Ромешем музыкой, как это бывало обычно, но втайне надеялась услышать и другую музыку — ту, которая звучит в сердцах одних влюбленных и слышна только им.

Хемнолини встретила Ромеша с сияющим лицом, но ее улыбка тотчас угасла, так как Ромеш прежде всего спросил, где Оннода-бабу.

— Отец в кабинете, — ответила она. — Он вам очень нужен? Может быть, подождете? Папа скоро спустится к чаю.

— У меня к нему неотложное дело. Я не могу ждать.

— Тогда идите, он у себя.

Ромеш ушел.

«Неотложное дело»! В этом мире дела не терпят промедления, лишь любовь должна терпеливо ждать своего часа у дверей.

Казалось, в эту минуту ясный осенний день со вздохом притворил золотую дверцу своей сокровищницы радостей.

Хемнолини отодвинула кресло от гармониума и, пересев к столу, взялась за вышивание. Но у нее было такое чувство, будто игла прокалывала не материю, а вонзалась ей прямо в сердце.

Много времени, однако, требует неотложное дело Ромеша! Оно, как раджа, делает все, что пожелает, а любовь — она всего лишь нищая у порога!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Когда Ромеш вошел к Онноде-бабу, старик дремал в кресле, прикрыв лицо газетой. От вежливого покашливания Ромеша он тотчас проснулся и, протянув ему газету, воскликнул:

— Ты читал, Ромеш, сколько людей погибло на этот раз от холеры?

Но Ромеш, словно не слыша вопроса, сказал:

— Свадьбу придется отложить на несколько дней. У меня срочное дело.

Эти слова заставили Онноду-бабу моментально забыть о жертвах холеры. Некоторое время он молча смотрел на Ромеша, затем проговорил:

— Что ты, Ромеш! Ведь приглашения уже разосланы.

— Можно сегодня же известить всех приглашенных, что свадьба откладывается на следующее воскресенье.

— Ты меня поражаешь, Ромеш! Это же не судебный процесс, который можно откладывать на любой срок и назначать, когда вздумается! Хотел бы я знать, что за срочное у тебя дело?

— Оно действительно очень важное и не терпит промедления.

— Не терпит промедления! — И Оннода-бабу упал в кресло, как сломленное ветром банановое дерево. — Замечательно, великолепно! — продолжал он. — Впрочем, поступай как знаешь. Захотел отменить — отменяй! Если меня спросят, я отвечу, что понятия ни о чем не имею, что все знает жених и он один может объяснить, почему свадьба отложена и когда ему будет угодно ее назначить.

Ромеш сидел молча, опустив голову.

— А Хемнолини ты сказал? — спросил Оннода-бабу.

— Нет, она еще ничего не знает.

— Ей все же не мешало бы знать, свадьба ведь не только твоя.

— Я решил сказать ей после того, как переговорю с вами.

— Хем! — крикнул Оннода-бабу.

— В чем дело, отец? — спросила девушка, входя в комнату.

— Ромеш говорит, что у него какое-то важное дело и ему неудобно устраивать сейчас свадьбу.

Хемнолини мгновенно побледнела и пристально взглянула на Ромеша. Юноша виновато молчал. Он не ожидал, что это известие будет преподнесено Хемнолини в такой форме.

Всем своим измученным сердцем Ромеш прекрасно понимал, как глубоко должно ранить Хемнолини это неприятное сообщение, переданное притом столь неожиданно и грубо. Но выпущенную стрелу не вернешь, и Ромеш ясно видел, что эта злая стрела вонзилась прямо в сердце Хемнолини.

Сказанное нельзя было ничем смягчить. Все совершенно верно: свадьбу придется отложить, у Ромеша важное дело. Но он не хочет сказать, какое именно. Никакого нового объяснения тут не придумаешь.

Оннода-бабу взглянул на дочь.

— Ну, дело это ваше, вы и решайте, как быть.

— Я ничего об этом не знала, отец, — низко опустив голову, ответила Хемнолини и тут же скрылась за дверями, как исчезает последний луч солнца за грозовыми тучами.

Оннода-бабу, делая вид, что читает газету, погрузился в размышления.

Ромеш несколько минут сидел неподвижно. Затем вдруг вскочил и вышел из комнаты.

В большой гостиной он увидел Хемнолини, она стояла у окна.

Перед ее глазами проплывала предпраздничная Калькутта: по всем улицам и переулкам, подобно реке в половодье, катился и бурлил пестрый людской поток.

Ромеш не решался подойти к Хемнолини. Несколько минут он стоял позади нее, не отрывая от девушки пристального взгляда. Надолго сохранится в памяти ее стройная фигура, освещенная нежарким осенним солнцем и неподвижно замершая у окна. И тонкий овал лица, и тщательно уложенный узел прически, и нежные завитки волос на затылке, и мягкий отсвет золотого ожерелья, даже свободно падающий с левого плеча край одежды — все, все до мельчайших деталей запечатлелось в его измученном сердце, будто высеченное резцом.

Наконец Ромеш медленно подошел к девушке. Но, казалось, Хемнолини приятнее было смотреть на прохожих, чем на стоявшего рядом с ней юношу.

— У меня к вам просьба, — произнес он дрожащим от слез голосом.

Почувствовав, сколько муки скрывается в его словах, Хемнолини быстро повернулась к нему.

— Верь мне, — продолжал Ромеш, впервые обращаясь к ней на «ты». — Обещай, что будешь верить. А я призываю в свидетели всевышнего, что никогда не обману тебя!

Больше Ромеш не произнес ни слова, но глаза его были полны слез.

Тогда Хемнолини взглянула ему прямо в лицо, и в этом взгляде он прочел сострадание и любовь. Однако уже через мгновение мужество покинуло ее, и слезы хлынули из глаз.

Здесь, в уединении оконной ниши, без слов и объяснений они поняли друг друга, их охватило чувство глубокого покоя.

На несколько минут Ромеш всем сердцем отдался этому, омытому слезами, молчанию, затем с глубоким вздохом облегчения сказал:

— Хочешь знать, почему я отложил нашу свадьбу?

Хемнолини молча покачала головой: нет, она не хотела этого знать.

— Тогда я все расскажу тебе после свадьбы.

При упоминании о свадьбе слабый румянец вспыхнул на щеках Хемнолини.

Сегодня, после полудня, когда она, полная радости, наряжалась к приходу Ромеша, ее взволнованное предстоящей встречей воображение рисовало таинственные перешептывания, многозначительные шутки и другие мимолетные картины счастья. Но ей и в голову не могло прийти, что всего через несколько минут их сердца обменяются гирляндами верности, что прольются слезы, что между ними не будет никаких объяснений — просто они несколько мгновений постоят рядом, и возникшие от этого безмерная радость, глубокий покой и безграничное доверие друг к другу соединят их крепче любых признаний.

— Зайди еще к отцу, — проговорила наконец Хемнолини. — Он очень расстроен.

С легким сердцем, готовый встретить любые удары, которые захочет обрушить на него мир, отправился Ромеш к Онноде-бабу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Оннода-бабу с беспокойством взглянул на Ромеша, когда тот снова вошел к нему.

— Дайте мне список приглашенных, и я сегодня же извещу их, — сказал Ромеш.

— Значит, ты не переменил решения?

— Нет, иного выхода я не вижу.

— В таком случае, дорогой мой, запомни одно: меня это не касается, устраивай все сам. А я не желаю быть посмешищем. Если тебе хочется такое дело, как брак, превращать в какую-то детскую игру, то людям моего возраста лучше в ней не участвовать. Вот тебе список приглашенных. Почти все средства, которые я истратил, пропадут теперь даром, а я не могу себе позволить швырять деньги в воду.

Ромеш готов был принять на свои плечи все бремя расходов и хлопот. Он уже собрался уходить, когда Оннода-бабу остановил его:

— Ромеш, ты решил, где будешь практиковать после свадьбы? Полагаю, не в Калькутте?

— Нет, конечно. Подыщу хорошее место где-нибудь на западе.

— Вот это правильно. Неплохое место, например, Этойя. Вода там чрезвычайно полезна для желудка. Мне как-то довелось прожить в Этойе около месяца, и я убедился, что аппетит у меня стал куда лучше. Знаешь, дорогой, ведь в целом свете у меня осталась одна Хем. Без нее я не буду знать покоя, да и она вдали от меня не сможет чувствовать себя вполне счастливой. Потому-то я и забочусь, чтобы ты непременно выбрал подходящее для моего здоровья место.

Оннода-бабу, воспользовавшись тем, что Ромеш чувствует себя виноватым, решил не упускать удобного случая

и предъявить свои требования. Предложи он сейчас не Этойю, а Гаро или Черапунджи, Ромеш согласился бы и на это.

— Если хотите, я припишусь к адвокатуре в Этойе, — сказал Ромеш, уходя. Отмену приглашений он взял на себя.

Через несколько минут явился Окхой. Оннода-бабу тут же сообщил ему, что свадьба отложена на неделю.

— Что вы говорите! Не может быть! — воскликнул Окхой. — Ведь свадьба назначена на послезавтра.

— Было бы лучше, конечно, если бы все оставалось по-прежнему. У обыкновенных людей такого не бывает, — ответил Оннода-бабу. — Но от вас, современной молодежи, можно ожидать всего.

Окхой принял чрезвычайно озабоченный вид. Мысль его деятельно заработала.

— Нельзя глаз спускать с человека, которого выби-
раешь в мужа для своей дочери, — наставительно сказал он. — Необходимо разузнать о нем все. Будь он хоть сам бог, осторожность в таких делах никогда не мешает.

— Ну, уж если подозревать такого юношу, как Ромеш, то вообще никому на свете нельзя верить, — возразил Оннода-бабу.

— А Ромеш сказал, почему он откладывает свадьбу? — спросил Окхой.

— Нет, — ответил Оннода-бабу, озабоченно проведя рукой по волосам, — этого он не сказал. Когда я спросил его, он заявил, что это совершенно необходимо.

Окхой отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Но вашей дочери он, разумеется, все объяснил? — спросил Окхой.

— Вполне возможно.

— Не лучше ли позвать ее сюда и узнать, в чем дело?

— Вот это правильно, — согласился Оннода-бабу и позвал дочь.

Хемнолини вошла в комнату, но, увидев Окхоя, встала так, чтобы он не видел ее лица.

— Ромеш сказал тебе, почему пришлось так внезапно отложить вашу свадьбу? — спросил Оннода-бабу.

Хемнолини отрицательно покачала головой.

— А сама ты разве не спросила его?

— Нет.

— Удивительно! Я вижу, ты такая же чудачка, как и он. Ромеш заявляет, что у него нет времени жениться, а ты отвечаешь: «Хорошо, мол, поженимся потом». И все! Вопрос исчерпан!

Окхой принял сторону Хемнолини:

— Зачем спрашивать человека, который не желает объяснять своих поступков. Если бы можно было, Ромеш-бабу сам бы все рассказал.

— Я не желаю выслушивать мнение посторонних по этому поводу. Меня лично ничуть не расстроило то, что произошло, — вспыхнув, проговорила Хемнолини и быстро вышла из комнаты.

Лицо Окхоя потемнело, но он заставил себя улыбнуться.

— Друзьям всегда достается. Так уж устроен мир. Поэтому я отлично понимаю всю важность дружбы. Вы можете презирать меня или ругать, но я считаю своим долгом заявить, что не верю Ромешу. Я не могу оставаться спокойным, когда вижу, что вам грозит хоть малейшая неприятность. Сознаюсь, это моя слабость. Как бы то ни было, завтра приезжает Джоген, и если он, узнав обо всем, не будет волноваться за судьбу своей сестры, я не вымолвлю больше ни слова.

Нельзя сказать, чтобы Оннода-бабу совсем не понимал, что настал самый подходящий момент расспросить Окхоя о поведении Ромеша. Но у него было инстинктивное отвращение к скандалам, которые неизбежны при разоблачении всякой тайны. И гнев его обратился на Окхоя:

— Ты слишком подозрителен, Окхой! Как смеешь ты, не имея доказательств...

Окхой умел владеть собой, но тут, не в силах больше сдерживаться, он с жаром заговорил:

— Послушайте, Оннода-бабу! У меня, конечно, много недостатков: я завидую счастливому жениху, я подозреваю «благородного человека», я не обладаю достаточными знаниями, чтобы обучать девушек философии, и не дерзаю беседовать с ними о поэзии — словом, я человек заурядный. Но я всегда был предан вашей семье и люблю вас всем сердцем. Я, разумеется, не иду ни в какое сравнение с Ромешем; одним лишь я имею право гордиться:

тем, что никогда ничего не утаил от вас. Я могу, не скрывая своей нищеты, смиренно просить у вас милостыню, но совершить взлом и обокрасть вас я не способен. Завтра же вы обо всем узнаете.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ночь застала Ромеша за работой. Он рассылал всем приглашенным письма. Наконец он лег в постель, но сон не шел к нему. Мысли то мрачные, то светлые пронеслись в его голове; они сливались, подобно волнам Ганги и Джамуны, и не давали ему ни минуты покоя. Он долго ворочался с боку на бок, потом встал и подошел к окну. Одна сторона пустынного переулочка была погружена в тень, вдоль другой лежала ослепительная дорожка лунного света.

Ромеш стоял неподвижно. Глубокий покой и бесконечность вселенной, где нет ни сомнений, ни вражды, глубоко взволновали и покорили его. Ему представилось, будто, выйдя из-за кулис безграничного и молчаливого мира, под звуки неслышной мелодии, появляются жизнь и смерть, труд и отдых, начало и конец. В своем воображении он видел, как из далекой страны света и тьмы во вселенную, залитую сиянием звезд, вступает любовь мужчины и женщины.

Ромеш медленно поднялся на крышу и стал смотреть на дом Онноды-бабу. Вокруг было тихо. Лунный свет ткал прихотливые узоры на стенах дома, под карнизами, на темных впадинах дверей и окон, на глинобитной изгороди.

Какое чудо! Здесь, в этом людном городе, в неприметном доме, в скромной женщине скрывалось настоящее чудо!

Много в столице разных людей: студентов и адвокатов, чужестранцев и местных жителей, — но только одному из всех этих простых смертных, ему, Ромешу, довелось молча стоять у окна в золотистом свете осеннего солнца, рядом с этой девушкой и чувствовать, как весь мир и его собственная жизнь плывут по волнам бесконечно радостной тайны, — и это было чудесно! В нем самом сегодня произошло чудо, свершилось чудо и рядом с ним.

До глубокой ночи ходил Ромеш по крыше. Тонкий серп луны постепенно скрылся за домом на противоположной стороне улицы, ночная тьма плотнее окутала землю. Только небо все еще светилось в прощальных объятиях лунного света.

Усталое тело Ромеша охватил озноб. Какой-то неведомый страх сжал его сердце. Он вспомнил, что завтра ему снова предстоит борьба на жизненной арене.

На небесном челе заботы не провели ни единой морщины; лунный свет не тускнел от беспокойных стремлений; ночь была безмятежно спокойна, а вселенная с ее бесчисленными звездными мирами погружена в долгий сон. Только людским невздам и тревогам нет конца. Счастье и горе, трудности и бедствия непрерывно волнуют человеческое общество. С одной стороны — вечный покой бесконечности, с другой — вечная борьба на земле! И Ромеш, весь во власти невеселых дум, спрашивал себя, как могут существовать одновременно такие противоположности! Еще совсем недавно любовь вставала перед ним из глубин вселенной, величественная в своем спокойствии; теперь же он видел ее в окружении реального мира, полного борьбы. Труден и усеян терниями ее путь. Какой же из двух образов призрачный и какой истинный?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день с утренним поездом вернулся е запада Джоендро. Была суббота, а на воскресенье назначена свадьба Хемнолини. Однако, подходя к дверям родного дома, Джоендро не заметил никаких признаков предстоящего торжества. Дом не был украшен гирляндами из зелени деодара, как ожидал Джоендро, и по-прежнему ничем не отличался от своих неприглядных и грязных соседей.

Юноша со страхом подумал, не заболел ли кто-нибудь в семье. Однако, войдя в дом, увидел, что стол для него накрыт, а Оннода-бабу, сидя перед недопитой чашкой чая, читает газету.

— Здорова ли Хем? — поспешно спросил Джоендро.

— Совершенно здорова.

— А что со свадьбой?

— Отложена до следующего воскресенья.

— Почему?

— Спроси об этом у своего друга. Ромеш соблаговолил нам сообщить только одно: у него очень важное дело и свадьбу придется отложить!

Беспечность отца привела Джогендро в негодование.

— Стоит мне уехать, — воскликнул он, — как у вас непременно случаются всякие неприятности! Ну что за неотложное дело может быть у Ромеша? Он совершенно независим. Близких родственников у него почти не осталось. Если его денежные дела не в порядке, не знаю, почему бы не сказать этого прямо. И с какой стати вы так легко согласились на его просьбу?

— Все это вполне справедливо, — заметил Оннода-бабу. — Но ведь Ромеш никуда не сбежал, пойд и расспроси его сам.

Джогендро, обжигаясь, торопливо выпил чашку чая и вышел.

— Подожди, Джоген, зачем так спешить. Поел бы сначала, — крикнул вслед ему Оннода-бабу.

Но Джогендро уже не слышал его. С шумом ворвавшись в дом, где жил его друг, он еще с лестницы стал громко звать:

— Ромеш, Ромеш!

Но Ромеша нигде не было. Джогендро не нашел его ни в спальне, ни в кабинете, ни на крыше, ни в нижнем этаже. После упорных поисков он наконец наткнулся на слугу.

На вопрос, где хозяин, слуга ответил, что господин уехал рано утром, взяв с собой немного вещей. Он сказал, что вернется через четыре-пять дней. Куда уехал Ромеш, слуга не знал.

С угрюмым видом Джогендро вернулся домой и снова сел за стол.

— Что случилось? — спросил Оннода-бабу.

— Неизвестно, что будет дальше, — мрачно ответил Джогендро. — Человек не сегодня-завтра должен стать мужем твоей дочери, а ты, хоть он и живет рядом, даже не поинтересуешься, чем он занимается, куда уезжает.

— Как же так? Ведь он еще вчера вечером был дома!

— Вот видишь! — вспыхнул Джогендро. — Ты даже не знал, что он собирается куда-то ехать. Его слуга тоже не имеет понятия, где он теперь. Мне очень не нравится эта игра в прятки. Не понимаю, отец, как ты можешь так спокойно ко всему относиться.

После такой отповеди Оннода-бабу постарался придать лицу озабоченное выражение и как можно внушительнее произнес:

— В самом деле, что все это значит?

Ромешу ничего не стоило бы накануне вечером попрощаться с Оннодой-бабу, но беспечному юноше это и в голову не пришло. Он полагал, что «важное дело», на которое он сослался, вполне достаточное оправдание для любых отлучек. Поэтому он с таким спокойствием и занялся выполнением того, что признавал своим неотложным долгом.

— Где Хемнолини? — спросил Джогендро.

— Сегодня она рано выпила чай и сразу ушла наверх, — ответил Оннода-бабу.

— Бедняжка, ей, наверно, стыдно за столь странное поведение Ромеша, и она боится со мной встретиться.

С этими словами Джогендро поднялся наверх, чтобы успокоить страдающую и удрученную сестру.

Хемнолини сидела в гостиной одна. Заслышав шаги Джогендро, она поспешно схватила какую-то книгу, делая вид, что занята чтением. Как только брат вошел в комнату, она отложила книгу и, поднявшись ему навстречу, с веселой улыбкой сказала:

— Когда же ты приехал, дада? Не скажу, чтобы ты выглядел очень довольным.

— По-моему, радоваться нечему, — ответил Джоген, опускаясь в кресло. — Мне все известно, Хем. Но ты, пожалуйста, не расстраивайся. Так получилось потому, что меня не было дома. Я все улажу. Кстати, Хем, Ромеш объяснил тебе свой поступок?

Хемнолини оказалась в затруднительном положении. Для нее были нестерпимы все эти подозрения относительно Ромеша, поэтому ей не хотелось говорить брату, что Ромеш ничего ей не объяснил. Однако она не умела лгать.

— Ромеш хотел рассказать мне все, — ответила она, — но я решила, что для меня это не так уж важно.

«В ней говорит оскорбленное самолюбие, — подумал Джогендро. — Это вполне естественно». А вслух сказал:

— Тебе не о чем беспокоиться, Хем. Сегодня же я выясню, что заставило его поступить подобным образом.

— Да я вовсе и не беспокоюсь, — отозвалась Хемнолини, рассеянно перелистывая лежавшую у нее на коленях книгу. — И вообще не хочу, чтобы ты приставал к нему с расспросами.

«Опять гордость», — подумал Джогендро.

— Это не твоя забота, — заметил он и уже намеревался уйти, когда Хемнолини стремительно поднялась с кресла.

— Не надо с ним это обсуждать, дада. Что бы вы о нем ни думали, для меня он всегда будет вне всяких подозрений.

Только теперь Джогендро вдруг понял, что в словах сестры звучит отнюдь не обида. Со смешанным чувством любви и жалости он, усмехнувшись про себя, подумал: «Уж эти мне образованные девицы!.. Не имеют никакого представления о жизни. Столько училась, столько знает, а вот столкнулась с обманом, и не хватает жизненного опыта, чтобы разобраться во всем».

Сравнивая эту беззаветную преданность с лицемерием Ромеша, Джогендро еще больше ожесточился. В сердце его созрела решимость во что бы то ни стало узнать причину отсрочки свадьбы. Он вторично сделал попытку уйти, но Хемнолини схватила его за руку:

— Дада, обещай мне, что ты ни словом не обмолвишься с ним об этом.

— Там видно будет.

— Нет, дада, не «видно будет», а дай мне слово, иначе я не отпущу тебя. Верь мне, вам совершенно не о чем беспокоиться! Ну, сделай это ради меня!

Видя такое упорство Хемнолини, Джогендро решил, что Ромеш все ей сказал. Но ведь такую, как Хем, ничего не стоит обмануть какой-нибудь небылицей.

— Послушай, Хем, — сказал он, — тут дело не в подозрительности. Когда девушка собирается замуж, люди, на попечении которых она находится, должны выполнить

по отношению к ней свой долг. Возможно, вы прекрасно поняли друг друга и всем довольны — это уж ваше дело. Но ведь этого недостаточно, нужно, чтобы между женихом и нами тоже было полное взаимопонимание. И, правду говоря, Хем, выслушать его объяснения сейчас важно именно нам, а не тебе. Ведь после свадьбы мы уже не будем вмешиваться в ваши дела. — С этими словами Джоендро поспешно вышел.

В один миг не осталось и следа от того убежища, в котором всегда нуждается любовь. Отношения, которые с каждым днем сближали влюбленных все больше и больше, скоро должны были создать для них особый, их собственный мир. Но грубые подозрения наносили любви удар за ударом. Постоянные неприятности причиняли Хемнолини столько страданий, что ей не хотелось видеть даже родных и друзей. И когда ушел Джоендро, она предпочла остаться одна в своей комнате.

Выходя из дому, Джоендро столкнулся с Окхоем.

— О Джоен, ты приехал! — воскликнул тот. — И, конечно, обо всем узнал. Ну, что ты скажешь об этом?

— Предполагать можно всякое. Но какой толк попусту спорить и гадать, в чем тут дело? Сейчас не время заниматься психологическим анализом, сидя за чайным столом.

— Ты же знаешь, что и я не сторонник пустых разглагольствований, как бы они ни назывались — психологией, философией или поэзией. Я человек дела. Как раз это я и пришел тебе сказать.

— Хорошо, в таком случае поговорим о деле, — нетерпеливо сказал Джоендро. — Можешь ты, например, сообщить, куда уехал Ромеш?

— Могу.

— Тогда говори скорее. Где он?

— Сейчас я тебе ничего не скажу, но сегодня, ровно в три часа дня, я покажу его тебе.

— В чем же наконец дело? За время моего недолгого отсутствия все вы стали воплощением загадочности, а все вокруг окутано какой-то тайной. Нет уж, Окхой, хватит секретничать.

— Рад слышать это от тебя. Именно потому, что я никогда ничего не скрываю, я и нажил себе столько врагов:

твоя сестра видеть меня не хочет, отец бранит за подозрительность, да и Ромеш-бабу не в восторге от встреч со мной. Остался один ты. Но тебя я побаиваюсь: ведь ты не любитель бесплодных рассуждений, в твоем характере действовать прямо. Я человек слабый, и твоя рука может оказаться слишком тяжелой для меня.

— Послушай, Окхой, не нравятся мне что-то твои уклончивые ответы. Я прекрасно вижу: ты что-то знаешь. Зачем же скрывать? Цену, что ли, себе набиваешь? Расскажи честно все, что знаешь!

— Ну ладно, расскажу все с самого начала. Тут многое будет для тебя новостью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Срок аренды квартиры в Дорджипаре еще не истек, но Ромеш даже не догадался передать ее на время кому-нибудь другому. Последние несколько месяцев он парил в облаках, там, где нет никаких забот и где денежные расчеты не имеют никакого значения.

Приехав рано утром, Ромеш приказал убрать комнаты, привести в порядок постель, купить кое-какие продукты.

Сегодня Комола возвращалась из школы.

Все приготовления уже были закончены, а Комола все не появлялась. В ожидании Ромеш прилег на постель и принялся мечтать о будущем. Он никогда не бывал в Этойе, но представить себе пейзаж западных провинций нетрудно. Они поселятся на окраине города. Большая дорога, обсаженная деревьями, проходит мимо его сада... Далеко за ней, насколько хватает глаз, тянется поле с разбросанными по нему колодцами, с вышками для сторожей, охраняющих посевы от животных и птиц; весь день доносится оттуда легкий скрип колодезных колес, приводимых в движение волами. Изредка, в клубах пыли, промчится по дороге небольшая повозка, и звон колокольчика всколыхнет на миг неподвижность знойного воздуха.

Ромеша лишь удручала мысль о том, что там, вдали от родного дома, Хемнолини придется проводить целые дни в одиночестве, в наглухо закупоренном от изнури-

тельного полуденного зноя бунгало. И он успокаивался, только представив рядом с ней ее близкую подругу. Этой подругой, как он полагал, будет Комола.

Ромеш решил ничего пока не рассказывать Комоле. После свадьбы Хемнолини прижмет ее к своей груди, ласково и осторожно поведаст ее настоящую историю и бережно освободит Комолу из сетей тайны, окутавшей ее жизнь. А затем, спокойно, без всяких потрясений живя в иной обстановке, Комола станет своей в их семье.

Наступил полдень, и в переулке стало тихо: те, кто должен трудиться, ушли на работу, а праздные погрузились в послеобеденный сон. В прохладном по-осеннему воздухе чувствовалось радостное ожидание наступающих праздников.

В этот тихий полдень Ромеш, не жалея красок, рисовал в своем воображении картину будущего счастья.

Мечты его были прерваны стуком колес большого экипажа, оборвавшимся у дверей его квартиры. Ромеш догадался, что приехала Комола. Его охватило беспокойство. Как встретить Комолу, как держать себя с ней, о чем говорить и как отнесется к нему сама Комола?

Двое его слуг уже были внизу. Сначала они принесли чемоданы Комолы и, оставив их на террасе, ушли. Затем появилась и сама девушка. Дойдя до дверей комнаты, она остановилась.

— Входи же, Комола, — промолвил Ромеш.

Она наконец вошла, видимо с трудом преодолевая нерешительность. То, что Ромеш оставил ее на каникулы в школе, стоило ей горьких слез, к тому же несколько месяцев разлуки породили в ней некоторую отчужденность к Ромешу. Войдя в комнату, она даже не подняла на него глаз и стояла, чуть отвернувшись, глядя в открытое окно.

Ее наружность поразила Ромеша. Ему казалось, будто он видит перед собой совершенно незнакомую девушку. За эти несколько месяцев Комола удивительно переменилась. Она вытянулась и стала стройной, как молодая лиана. Куда девалась грубоватая простота пышущей здоровьем деревенской девушки? Ее прежде круглое личико осунулось, и это придавало ему особую прелесть; смуглый глянec на щеках уступил место нежной бледности.

В ее походке и манере держаться не осталось и следа былой скованности.

Тоненькая, с чуть склоненной головой, она вошла и остановилась у окна. Осенние лучи полуденного солнца освещали лицо девушки. Голова ее была не покрыта, перевязанные красной лентой волосы откинuty за спину. Мериносое, шафранного цвета сари плотно облегло девичью фигурку. Ромеш некоторое время смотрел на нее, не произнося ни слова.

За последнее время воспоминания о красоте Комолы почти стерлись из его памяти. Теперь же, став еще более яркой, красота эта внезапно поразила его. К этому Ромеш совсем не был подготовлен.

— Сядь, Комола, — наконец вымолвил он.

Комола послушно опустилась в кресло.

— Ну как твои занятия в школе?

— Хорошо, — коротко ответила девушка.

Ромеш усиленно думал, о чем бы еще спросить ее, и наконец, осененный неожиданной идеей, проговорил:

— Ты, наверно, голодна? Здесь для тебя все приготовлено. Хочешь, я прикажу принести тебе что-нибудь?

— Нет, я ела перед отъездом.

— Так ничего и не хочешь? Может, сладкого? Есть фрукты — ата, гранаты.

Комола только молча покатила головой.

Ромеш еще раз взглянул на нее. Чуть склонив голову набок, девушка рассматривала картинки в английском учебнике.

Красивое лицо, словно волшебная палочка, пробуждает красоту, которая таится во всем окружающем. Лицо Комолы как бы вдохнуло жизнь в солнечного зайчика, прыгающего по стене, и в этот сентябрьский день, который принял определенные очертания. Подобно тому как любой центр управляет всем, что сосредоточено поблизости, так, казалось, и эта девушка странным образом притягивала к себе и небо, и ветер, и свет — все, что было вокруг, хотя сама она совершенно не подозревала этого и лишь молча рассматривала картинки в своем учебнике.

Ромеш поспешно вышел и тотчас вернулся, неся на подносе груши, ата, гранаты.

— Ты не хочешь есть, Комола, зато я проголодался и больше ждать не намерен, — сказал он.

Комола в ответ слегка улыбнулась, и свет этой неожиданной улыбки рассеял в их сердцах туман отчужденности.

Вооружившись ножом, Ромеш начал чистить ата. Но делал он это так неумело, хоть и старался скрыть свое неумение, и так неуклюже, что Комола не выдержала и звонко рассмеялась.

Обрадованный этим неожиданным взрывом веселья, Ромеш заметил:

— Ты, кажется, потешаешься над тем, что я не умею обращаться с фруктами? В таком случае очисти их сама, а я погляжу, насколько ты владеешь этим искусством!

— Если бы здесь был бонти, я бы это сделала, а таким ножом не могу, — ответила Комола.

— Неужели ты думаешь, что здесь не найдется чего-нибудь в этом роде? — рассмеялся Ромеш и, крикнув слугу, спросил, есть ли у них бонти.

— Есть, — ответил тот.

— Почисти его хорошенько и принеси сюда.

Когда слуга принес бонти, Комола сбросила туфли, села на пол и, раскрыв нож, весело и ловко освободила плод от кожуры, а затем разрежала его на дольки. Ромеш уселся перед ней и складывал фрукты на поднос.

— Ты должна поесть, — заметил он девушке,

— Нет, — ответила она.

— Ну, тогда и я не буду.

Комола подняла на него глаза.

— Хорошо, только сначала ешь ты, а потом я.

— А не обманешь?

— Честное слово, не обману, — с серьезным видом пообещала Комола.

Успокоенный этим искренним заверением, Ромеш взял одну дольку и отправил ее в рот.

Но его трапеза была прервана самым неожиданным образом. В дверях, прямо перед собой он вдруг увидел Окхоя и Джогендро.

— Просим нас извинить, Ромеш, — сказал Окхой. — Мы полагали застать вас здесь одного. Нам с тобой, Джоген, не следовало так внезапно, без предупреждения, вторгаться к нему. Давай сойдем вниз и подождем там.

Комола бросила нож и поспешно вскочила, метнувшись к двери. Но путь загораживали два незнакомца. Джогендро слегка посторонился, давая ей пройти, но и не подумал отвернуться, а наоборот, внимательно разглядывал ее. Испуганная Комола бросилась в соседнюю комнату.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Кто эта девушка? — обратился Джогендро к Ромешу.

— Моя родственница.

— Какая еще родственница? Она явно не принадлежит к твоим старшим родственникам, но я надеюсь, вас связывают не узы любви. Ты рассказывал обо всех своих близких, но об этой девушке я что-то ни разу не слышал.

Тут вмешался Окхой:

— Ты не прав, Джоген. Неужели человек не может иметь тайну даже от друзей?

— Разве у тебя действительно есть тайна, Ромеш? — спросил Джогендро.

— Да, есть, — вспыхнув, ответил Ромеш. — И вообще я не желаю говорить с вами об этой девушке.

— Но я-то, к несчастью, испытываю сильное желание поговорить с тобой, — настаивал Джогендро. — Если бы ты не делал предложения Хем, поверь, никто не стал бы интересоваться твоими родственными связями. Скрывай тогда что хочешь, дело твое.

— Могу сказать вам лишь одно, — заявил Ромеш. — Ни с кем в целом свете меня не связывают отношения, способные служить препятствием к моему браку с Хемнолини.

— Это с твоей точки зрения, — возразил Джогендро, — но родственники Хемнолини вправе усмотреть здесь весьма основательные препятствия. Мне лишь хочется тебя спросить, для чего вообще держать в тайне свои родственные связи, каковы бы они ни были?

— Назвать сейчас причину значило бы раскрыть тайну, — ответил Ромеш. — Ведь ты знаешь меня с детства, прошу тебя, не выпытывай ничего, просто поверь мне на слово.

— Девушку зовут Комола?

— Да.

— Ты выдаешь ее за свою жену?

— Да.

— И тем не менее требуешь, чтобы мы поверили тебе на слово? Намерен убедить нас, что она тебе не жена, тогда как всем другим говоришь обратное? Как тебе угодно, но это отнюдь не похоже на правду.

— Ты хочешь сказать, — заметил Окхой, — что подобное высказывание вряд ли является классическим примером логического мышления? Но, дорогой Джожен, в жизни бывают такие положения, когда одним приходится говорить одно, а другим другое. В конце концов что-то должно ведь соответствовать истине. Почему не предположить, что рассказанное тебе Ромешем-бабу как раз и есть истина?

— Больше ничего я вам сообщить не могу. Повторяю лишь, что женитьба на Хемнолини не противоречит требованиям моей совести. У меня слишком серьезные основания не осведомлять вас о Комоле, это было бы непорядочно с моей стороны. И я буду молчать даже в том случае, если вы не захотите отказаться от своих подозрений. Коснись дело личных моих неприятностей, огорчений или обид, я не скрыл бы от вас ничего. Но я не хочу причинить зло другому человеку.

— А Хемнолини ты рассказал? — спросил Джожендро.

— Нет. Я собирался сделать это после свадьбы, но, если она изъявит желание, объясню ей все теперь же.

— Можно задать несколько вопросов Комоле?

— Нет, ни в коем случае! Если вы считаете виновным меня, применяйте ко мне любые меры, но я не допущу, чтобы подвергалась допросу ни в чем не повинная девушка.

— Допрашивать кого бы то ни было совершенно ни к чему. Все, что нам хотелось знать, мы узнали. Доказательств более чем достаточно. И теперь я говорю тебе прямо: только посмей после всего этого явиться к нам в дом, тебе не миновать оскорблений.

Лицо Ромеша покрылось смертельной бледностью, он словно окаменел.

— И еще, — продолжал Джогендро, — не вздумай писать Хем. Между вами не должно существовать никаких отношений, ни явных, ни тайных. Если же ты ей напишешь, знай, что я перед всеми разоблачу так тщательно скрываемую тобой тайну и приведу имеющиеся у меня доказательства. А пока на расспросы, почему расстроилась свадьба, буду отвечать, что сам не дал согласия на этот брак, и настоящую причину никому не открою. Однако имей в виду — один твой неосторожный шаг, и все получит огласку. Ты легко отделался, Ромеш, только не думай, что меня удержало сострадание к такому лицемеру и мошеннику, как ты. Мой поступок вызван единственно любовью к Хем, моей сестре. И теперь последнее, что я хотел сказать тебе: никогда, ни единым словом, ни намеком не обнаруживай, что имел какое-то отношение к Хем. Я, конечно, не собираюсь полагаться на твое честное слово, даже правда неубедительна в устах лжеца. Но если у тебя еще сохранилась капля стыда и ты не хочешь быть разоблаченным, не вздумай пренебречь моим советом!

— Ах, не довольно ли, Джоген? — заметил Окхой. — Посмотри, как безропотно принимает все это Ромеш-бабу! Неужели в твоем сердце нет ни капли жалости? Пойдем. Не волнуйтесь, Ромеш-бабу, мы уходим.

Наконец оба покинули комнату. Ромеш застыл на месте, неподвижный, словно изваяние. Затем, придя немного в себя, решил уйти из дома, чтобы наедине с самим собой обдумать все происшедшее. Но тут он вспомнил о Комоле — нельзя же бросить ее одну.

Войдя в соседнюю комнату, Ромеш увидел, что Комола, приподняв жалюзи, молча смотрит вдаль. Заслышав шаги Ромеша, она опустила жалюзи и обернулась. Ромеш сел на пол.

— Кто это приходил? — спросила девушка. — Сегодня утром они приходили к нам в школу.

— В школу? — удивленно переспросил Ромеш.

— Да, — подтвердила она. — А с тобой о чем они говорили?

— Спрашивали, кем ты мне приходишься.

Комоле не привелось жить в доме свекра, поэтому она не знала, когда нужно проявлять стыдливость. Но скром-

ность была в ней воспитана с детства, и, услышав слова Ромеша, она вспыхнула.

— Я им ответил, — продолжал юноша, — что ты мне чужая.

Комола решила, что он просто хочет досадить ей.

— Перестань, — резко сказала она и отвернулась.

А Ромеш все размышлял, как рассказать ей обо всем.

Внезапно девушка забеспокоилась:

— Взгляни, ворона таскает твои фрукты!

Убежав в другую комнату, она отогнала птицу и вернулась обратно с подносом.

— Ешь, пожалуйста, — сказала она, ставя поднос перед Ромешем.

У Ромеша пропал всякий аппетит. Однако заботливость девушки тронула его.

— А ты?

— Возьми ты первый.

Конечно, это была мелочь, совершенный пустяк, но в теперешнем его состоянии робкий сердечный порыв Комолы так его растрогал, что он едва удержался от слез. Не говоря ни слова, он заставил себя приняться за еду.

Когда с едой было покончено, Ромеш сказал:

— Сегодня вечером мы поедем домой, Комола.

— Мне там не нравится, — опустив глаза, огорченно ответила девушка.

— Значит, ты хочешь остаться в школе?

— Нет, нет, пожалуйста, не отсылай меня туда. Мне стыдно. Девочки только и делают, что расспрашивают меня о тебе.

— И что же ты им отвечаешь?

— Ничего. Они, например, все допытывались, почему ты собирался оставить меня на каникулы в школе. А я...

Комола не договорила. При одном воспоминании об этой обиде рана в ее сердце заныла снова.

— Почему же ты не сказала им, что ты мне чужая?

Комола окончательно рассердилась. Исподлобья взглянув на Ромеша, она вымолвила:

— Перестань!

Вновь и вновь спрашивал себя Ромеш, как ему поступить. Словно червь, грызло его чувство гнетущего от-

чаяния, то и дело грозя вырваться наружу. Что сказал Джогендро Хемнолини? Что она подумала? Каким образом объяснить Хем истинные обстоятельства? Как перенести разлуку с ней?.. Этих мучительных вопросов скопилось так много, что он был не в состоянии хорошенько продумать свое положение. Ясно было одно: в Калькутте, в кругу друзей и врагов, его отношения с Комолой стали предметом живейшего обсуждения. Вероятно, все уже говорят о том, что Комола его жена. Ни одного дня нельзя здесь больше оставаться.

Неожиданно Комола взглянула прямо в лицо Ромеша и ясно прочла на нем выражение растерянности и озабоченности.

— Чем ты расстроен? — спросила она. — Если тебе так уж хочется жить в деревне, я согласна туда поехать.

Покорность Комолы причинила ему новую боль. В сотый раз встал перед ним вопрос: что же делать дальше?

Занятый своими мыслями, он ничего не ответил Комоле, лишь молча смотрел на нее.

Сразу став серьезной, Комола сказала:

— Признайся откровенно, ты, должно быть, рассердился на меня за то, что я не хотела остаться на каникулы в школе?

— Уж если говорить правду, Комола, не на тебя я сердит, а на самого себя.

С трудом выбравшись наконец из паутины собственных размышлений, Ромеш попробовал переменить тему разговора.

— Хотелось бы мне узнать, Комола, чему ты научилась за это время?

Девушка с величайшей готовностью принялась выкладывать перед ним все свои познания. Уверенная, что поразит Ромеша, она прежде всего заявила, что земля имеет форму шара. И он с очень серьезным видом выразил сомнение и спросил, возможно ли это.

Комола широко раскрыла глаза.

— Да ведь об этом написано в книге, и мы так заучили!

— Что ты говоришь? — удивился Ромеш. — Даже в книге написано? А большая она?

Уязвленная Комола ответила:

— Книга небольшая, зато печатная. В ней есть даже картинки.

Перед столь вескими доказательствами Ромешу оставалось лишь отступить. Поведав все, что могла, о своих школьных занятиях, Комола принялась болтать о подружках и учителях, о том, как она проводила время в школе. Ромеш изредка отвечал ей, продолжая думать о своем. Порой, уловив лишь конец фразы, он задавал вопросы совершенно невпопад.

— Но ведь ты меня не слушаешь! — воскликнула вдруг Комола и, очень рассерженная, поднялась с места.

— Ну, не сердись, Комола, — поспешил успокоить ее Ромеш. — Мне сегодня что-то не по себе.

Услышав это, Комола быстро повернулась к нему.

— Что случилось? Ты нездоров?

— Да нет, я не болен. Вообще-то ничего особенного, это со мной иногда бывает. Скоро пройдет.

Тогда Комола, решив совместить полезное с приятным, сказала:

— Хочешь, я покажу тебе картинки в учебнике географии?

Ромеш с готовностью согласился. Девушка тотчас же принесла книгу и раскрыла ее перед Ромешем.

— Два шара, которые ты здесь видишь, на самом деле один, — принялась она объяснять. — Ведь мы не можем видеть у круглого предмета сразу обе стороны, правда?

Сделав вид, что он сильно озадачен и должен немного подумать, Ромеш заметил:

— Но и у плоских предметов тоже не видны сразу обе стороны.

— Потому-то и нарисованы на этой картинке обе половины шара отдельно, — продолжала Комола.

Так провели они этот вечер.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Оннода-бабу от всей души хотел, чтобы Джогендро вернулся с хорошими вестями и скандал удалось бы уладить. Когда сын и Окхой вошли к нему, он с надеждой и в то же время со страхом взглянул на них.

— Кто бы мог подумать, отец, — обратился к нему Джогендро, — что ты позволишь Ромешу зайти так далеко? Знай я, какой он, я никогда бы вас с ним не познакомил.

— Но ты же сам так хотел этой свадьбы, Джоген, — заметил Оннода-бабу. — Сам не раз говорил мне об этом. Если ты был против, то почему мне...

— Разумеется, мне и в голову не приходило возражать. Но вместе с тем...

— Вот видишь еще и «вместе с тем»! Разве так можно? Либо ты согласен, либо против, тут никакой середины быть не может!

— Но вместе с тем, хочу я сказать, нельзя было позволять ему заходить так далеко.

— Во многих делах, которые нежданно-негаданно вторгаются в жизнь человека, достаточно лишь толчка, — со смехом сказал Окхой, — а уж потом никакого поощрения не нужно. Какой смысл теперь спорить о том, что случилось? Надо лучше подумать, что делать дальше.

Оннода-бабу слушал его со все возрастающей тревогой и наконец спросил:

— Вы видели Ромеша?

— Видели, и, надо сказать, нам повезло, — ответил Джогендро. — На такую удачу мы и не рассчитывали. Даже познакомились с его женой.

Оннода-бабу глядел на них, онемев от изумления.

— С чьей женой вы познакомились? — переспросил он.

— С женой Ромеша, — повторил Джогендро.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. С женой какого Ромеша?

— Нашего Ромеша! Несколько месяцев назад он ездил к себе на родину и там женился.

— Но ведь в то время умер его отец, и никакой свадьбы быть не могло.

— Ромеш женился как раз перед смертью отца.

Оннода-бабу оцепенел. Затем после некоторого размышления озадаченно провел рукой по волосам и сказал:

— Значит, теперь и речи быть не может о его женьитьбе на нашей Хемнолини?

— Об этом мы и говорим, — заметил Джоген.

— Но ведь свадебные приготовления уже сделаны! Как же вы не подумали об этом? Все оповещены, что свадьба состоится в будущее воскресенье! Выходит, надо рассылать письма, что свадьбы вовсе не будет?

— Зачем же? — заговорил Джожен. — Придется лишь произвести небольшую замену — и дело улажено.

— Что ты говоришь?

— Но это же так просто, отец! Конечно, замену производят, лишь когда она возможна. Короче говоря, если мы на место Ромеша поставим другого жениха, свадьба так или иначе будет отпразднована в ближайшее воскресенье. В противном случае нам нельзя будет показаться людям на глаза.

И Джожендро выразительно посмотрел на Окхоя. Тот скромно потупился.

— Где же в такой короткий срок отыщешь жениха? — спросил Оннода-бабу.

— Об этом можешь не беспокоиться.

— Но ведь прежде всего надо добиться согласия Хем!

— Уверен, что она согласится, когда узнает, что произошло.

— Ну, если так, поступай, как находишь нужным. А все же жаль, и состояние у Ромеша значительное, и заработать он прилично может благодаря своему образованию. Подумать только! Еще позавчера мы с ним решили переехать в Этойю, где он займется практикой, а тут вдруг... Надо же было случиться такому несчастью!

— Что ты о нем беспокоишься? Ему и сейчас никто не мешает отправиться в Этойю. Пойду позову Хем, времени терять нельзя.

Через несколько минут Джожендро возвратился вместе с Хемнолини. Окхой остался сидеть в углу комнаты, скрытый книжным шкафом.

— Садись, Хем, — сказал Джожендро. — Нам нужно кое-что сообщить тебе.

Хемнолини молча опустила в кресло. Она чувствовала, что ей предстоит тяжелое испытание.

Джожендро начал так:

— Не кажется ли тебе подозрительным поведение Ромеша?

Хемнолини молча пожала плечами.

— Он отложил свадьбу. Значит, у него есть какая-то причина, о которой нельзя нам сообщить.

— Разумеется, какая-то причина есть, — не поднимая глаз, ответила Хемнолини.

— Правильно, есть. А разве уже одно это не подозрительно?

Хемнолини снова молча пожала плечами. Нет, ничего подобного она не думает.

Ее упорное желание верить Ромешу больше, чем всем своим родным, вывело наконец Джогендро из себя. Осторожные намеки, разговор издали были явно не к месту. И он резко продолжал:

— Ты, конечно, помнишь, как несколько месяцев назад Ромеш вместе с отцом уезжал к себе домой? Потом мы еще удивлялись, что так долго не имеем от него никаких вестей. Вряд ли забыла ты и о том, что Ромеш, обычно заходивший к нам по два раза на день, тот самый Ромеш, который все время занимал соседний с нами дом, возвратившись в Калькутту, совершенно перестал здесь показываться и скрылся в другом конце города. А вы, несмотря на все это, отнеслись к нему с прежней доверчивостью, даже пригласили его к себе! Будь я здесь, могло ли произойти что-либо подобное?

Хемнолини продолжала хранить молчание.

— Пытались ли вы вникнуть в смысл такого поведения Ромеша? Неужели оно не вызвало у вас хоть малейших подозрений? До чего же глубоко ваше доверие к нему!

Хемнолини молчала.

— Ну хорошо! Вы люди честные и не в состоянии подозревать в чем-либо дурном других. В таком случае, надеюсь, что и ко мне вы питаете хоть какое-то доверие? Так вот: я сам лично отправился в пансион, где и узнал, что Ромеш поместил туда свою жену Комолу и даже на каникулы не захотел взять ее домой. Но три дня назад он неожиданно получил письмо от начальницы пансиона, в котором она просила его приехать за Комолой. Сегодня начало каникул, и школьный экипаж доставил Комолу на прежнюю квартиру Ромеша в Дорджипаре. Я сам побывал на этой квартире. Когда мы пришли, Комола чистила ата и разрезала их на

дольки, а Ромеш, сидя напротив, отправлял эти дольки себе в рот. На мой вопрос, в чем дело, Ромеш ответил, что в настоящий момент рассказать нам ничего не может. А ведь вздумай он только намекнуть, что Комола ему не жена, и можно было на этом основании попытаться как-нибудь рассеять возникшие подозрения. Но он не пожелал дать никакого определенного ответа... Ну, так как же? Вы и теперь будете ему верить?

Пристально глядя на сестру, Джогендро ждал, что она скажет.

Хемнолини страшно побледнела и, изо всех сил ухватившись за ручки кресла, старалась сохранить спокойствие, но через мгновение она покачнулась в кресле и без чувств упала на пол.

Испуганный Оннода-бабу склонился над дочерью и, обеими руками прижав ее голову к своей груди, без конца повторял:

— Что с тобой, дорогая? Что с тобой? Не верь им, все это ложь!

Отстранив отца, Джогендро отнес сестру на диван и принялся брызгать ей в лицо водой из стоявшего рядом кувшина. Окхой усердно обмахивал ее веером.

Через несколько минут Хемнолини приоткрыла глаза, вздрогнула и простонала:

— Отец, пусть Окхой-бабу немедленно уйдет отсюда!

Окхой положил веер и, выйдя из комнаты, остановился за дверью. Оннода-бабу сел рядом с Хемнолини и с тяжелым вздохом погладил ее по голове:

— Дочка, моя дорогая! Успокойся!

Слезы брызнули из глаз Хемнолини, грудь ее судорожно вздымалась от рыданий. Она прижалась к отцовским коленям, стараясь подавить взрыв нестерпимого горя.

— Успокойся, дорогая, перестань, — твердил прерывающимся от слез голосом Оннода-бабу. — Я слишком хорошо знаю Ромеша. Никогда он не поступит так бесчестно. Джоген, конечно, ошибся.

Раздосадованный Джогендро не выдержал:

— Не обнадеживай ее напрасно, отец. Успокаивая Хем сейчас, ты готовишь ей еще большие муки в будущем. Дай ей время все обдумать.

Хемнолини выпрямилась, пристально взглянула на брата и твердо сказала:

— Все, что мне нужно, я уже обдумала. Запомни, пока я не услышу обо всем от него самого, я ни во что не поверю.

С этими словами она встала.

— Только не упади, — забеспокоился Оннода-бабу, поддерживая ее.

Опираясь на его руку, Хемнолини поднялась к себе в спальню и легла в постель.

— Оставь меня одну, папа, — попросила она, — я попробую заснуть.

— Может, прислать к тебе мать Хори с опахалом? — спросил Оннода-бабу.

— Нет, нет, мне ничего не нужно, папа.

Оннода-бабу вышел в соседнюю комнату. Он думал сейчас о матери Хем, умершей, когда девочке было всего шесть месяцев. Ему вспомнились ее самоотверженная преданность, мужество и постоянная жизнерадостность. Он вырастил девочку, ее дочь, и она стала воплощением своей матери, Лакшми его дома. Сердце Онноды-бабу обливалось кровью от сознания, что Хем страдает, и он мысленно обращался к ней:

— Не знай горя, моя дорогая девочка, будь всегда счастлива! Как хотелось бы мне, прежде чем я соединюсь с твоей матерью, увидеть тебя радостной и довольной, знать, что ты нашла приют в доме человека, которого любишь!

Он вытер влажные глаза краем одежды.

Джогендро и раньше был не высокого мнения о женщинах, теперь же он окончательно убедился в том, что они не умны. Что поделаешь, если они не верят даже неопровержимым доказательствам! Они могут отрицать, что дважды два четыре, и им совершенно безразлично, что другие об этом думают. Разумные доводы говорят, что черное — это черное, но если любовь подскажет женщине, что черное — это белое, она с гневом обрушится на любые разумные доводы! Непонятно, как еще может существовать мир, когда в нем есть женщины!

Наконец, прервав свои размышления, Джогендро окликнул Окхой. Тот осторожно вошел в комнату.

— Ты, конечно, все слышал? Что же нам теперь делать? — спросил Джоендро.

— Зря ты впутываешь меня, друг, во все эти дела. Я был в стороне, а ты приехал и сразу втянул меня в неприятную историю!

— Довольно! Жаловаться будешь потом. Теперь нам остается лишь одно: принудить Ромеша рассказать все Хемнолини.

— С ума сошел! Кто же станет признаваться сам.

— А еще лучше, пусть напишет письмо. Этим тебе сейчас и придется заняться. Но имей в виду, нельзя терять ни минуты.

— Хорошо. Посмотрю, что тут можно предпринять, — ответил Окхой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В девять часов вечера Ромеш и Комола отправились на вокзал в Шеялдохо. Пробирались кружным путем — почему-то извозчику было приказано ехать переулками. Когда экипаж поравнялся с одним из домов в Колутоле, Ромеш высунулся из окна и с жадным вниманием оглядел его. Знакомый дом ничуть не изменился, все здесь оставалось по-прежнему. Он вздохнул так тяжело, что разбудил задремавшую было Комолу.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего, — ответил Ромеш и, усевшись поглубже, продолжал путь в молчании.

Комола снова прислонилась к спинке экипажа и тотчас же заснула. На несколько мгновений присутствие Комолы вдруг сделалось для Ромеша невыносимым.

На станцию они прибыли вовремя и заняли купе второго класса, заранее заказанное Ромешем. Устроив на одном из диванов постель для Комолы, он опустил по-ниже абажур на лампе и сказал:

— Ложись, Комола, тебе давно уже пора спать.

— Как поезд тронется, я лягу. А пока разреши мне немножко посидеть у окна, — попросила Комола.

Ромеш согласился. Натянув на голову покрывало, Комола уселась на краешек дивана у окна, выходящего на

перрон, и стала смотреть на людской поток. А Ромеш устроился на среднем сиденье, рассеянно поглядывая по сторонам. Когда поезд стал набирать скорость, Ромеш неожиданно вскочил с места — бежавший за поездом человек показался ему знакомым.

Комола тоже заметила этого человека и разразилась веселым смехом. Выглянув из окна, Ромеш увидел, что запоздавший пассажир, невзирая на протесты железнодорожного служащего, на ходу прыгнул в вагон, оставив при этом в руках служащего свой шарф, за которым снова протянул руку, уже свесившись из окна вагона. Тут Ромеш ясно разглядел незнакомца и узнал в нем Окхоя.

Комола еще долго хохотала, вспоминая эпизод с шарфом.

— Уже половина одиннадцатого, — обратился к ней Ромеш. — Мы давно едем, леглась бы спать.

Девушка послушно улеглась, продолжая все время смеяться, пока наконец не уснула.

Но Ромешу было не до веселья. Он хорошо знал, что Окхой коренной калькуттский житель и в деревне у него нет никаких родственников. Куда же, в таком случае, он едет, да еще именно сегодня ночью? Совершенно очевидно, что он преследует его, Ромеша.

При мысли о том, что Окхой появится в его родной деревне и начнет наводить там справки, а это немедленно вызовет всевозможные разговоры в кругу его друзей и врагов, юношу охватило сильное беспокойство. Со стороны вся эта история может показаться очень некрасивой. Ромеш ясно представил себе, какие толки и пересуды пойдут по всей деревне. В таком большом городе, как Калькутта, всегда можно затеряться, потонуть, но маленькая деревушка подобна мелководу — достаточно малейшего толчка, чтобы вызвать в ней настоящую бурю. И чем больше размышлял над этим Ромеш, тем тяжелей становилось у него на сердце.

Выглянув из окна на остановке в Баракпуре, Ромеш убедился, что Окхой не сошел с поезда. Множество людей садилось и выходило в Нойхати, но и среди них Окхой не было. Напрасно искал его Ромеш и на станции Богула. Окхой нигде не появлялся. Очевидно, нечего было надеяться, что он сойдет на следующей остановке.

Вконец измучившись, юноша заснул лишь глубокой ночью. Когда на следующее утро поезд остановился у вокзала в Гойялондо, Ромеш увидел закутанного шарфом Окхой, который с чемоданом в руке торопливо шагал по направлению к пароходу.

До отплытия парохода, на котором Ромешу предстояло путешествовать дальше, еще оставалось немного времени, но у второй пристани гудел, сигналив об отправлении, какой-то другой пароход.

— Куда направляетесь? — спросил Ромеш.

— На запад.

— Куда именно?

— Если река не обмелеет, дойдем до Бенареса.

Тогда Ромеш поднялся на палубу, устроил в одной из кают Комолу и поспешил купить в дорогу молока, риса, бананов.

Между тем Окхой, опередив других пассажиров, забрался на первый пароход. Соблюдая массу предосторожностей, чтобы не быть замеченным, он занял местечко, с которого удобно было наблюдать всех входивших на пароход. Но пассажиры не особенно торопились. Пароход запаздывал с отплытием, и люди, воспользовавшись этим обстоятельством, мылись, купались, а некоторые даже занялись на берегу стиркой и тут же ели. Окхой решил, что Ромеш, вероятно, повел Комолу куда-нибудь в гостиницу позавтракать, но, совершенно не зная Гойялондо, разыскивать их не пошел.

Раздались гудки, пароход вот-вот должен был отплыть, а Ромеш все не появлялся. По сходням на палубу поспешно поднимались пассажиры. Непрерывные пароходные гудки торопили их, и толпа становилась все гуще. Но ни среди уже прибывших, ни в числе вновь прибывающих Ромеша не было видно.

Наконец поток пассажиров схлынул, сходни убрали, и капитан отдал команду сниматься с якоря.

— Разрешите мне сойти, — крикнул встревоженный Окхой, но матросы не обратили на него внимания. Расстояние до берега еще было невелико, и Окхой спрыгнул с парохода.

Однако и на берегу не обнаружил он следов Ромеша. Узнав, что несколько минут тому назад ушел поезд в

Калькутту, Окхой решил, что Ромеш заметил его вчера на платформе, когда он спорил с железнодорожником, разгадал его намерения и, вместо того чтобы ехать в деревню, с утренним поездом вернулся в Калькутту. А если человек задумал скрыться в Калькутте, разыскать его там — задача нелегкая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Целый день метался Окхой по Гойялондо и только вечером уехал с почтовым поездом в Калькутту. Утром прямо с вокзала он отправился на квартиру Ромеша в Дорджипаре, но дверь оказалась запертой; он узнал, что сюда никто не возвращался.

В Колутоле он тоже не нашел Ромеша. Тогда, придя в дом Онноды-бабу, он объявил Джогендро, что Ромеш сбежал и ему не удалось его задержать.

— Как все это произошло? — спросил Джогендро.

Окхой рассказал всю историю своих странствий.

Известие о бегстве Ромеша подтвердило подозрения Джогендро.

— Но все твои доводы совершенно бесполезны, — заметил Джогендро. — Не только Хемнолини, но и отец твердит одну и ту же глупость: он не перестанет верить Ромешу, пока не услышит все из его собственных уст. Приди сейчас Ромеш и заяви, что в данный момент ничего рассказать не может, отец и тогда, ни минуты не задумываясь, согласится на его свадьбу с Хемнолини. Вот до чего дошло дело! Они поставили меня в ужасное положение. Отец не желает, чтобы дочь страдала, а Хем, видимо, скоро заявит: «Все равно выйду замуж только за него, пусть даже он женат». Возможно, что отец согласится и на это. Теперь, как видишь, нам остается одно: любым способом как можно скорее выудить у Ромеша признание. Ты, Окхой, ни в коем случае не должен терять надежды. Я и сам принял бы участие в этом деле, но не могу придумать ничего подходящего, разве что подраться с ним. Ах да, ты, кажется, еще не умывался и чаю не пил.

Умывшись, Окхой уселся за стол и, медленно прихлебывая чай, начал размышлять. В это время в комнату

вошел Оннода-бабу, ведя за руку дочь. Увидев Окхоя, Хем немедленно повернулась и вышла.

— Как Хем несправедлива! — раздраженно заметил Джогендро. — Ты не должен потакать ее выходкам, отец, надо заставить ее вернуться. Хем! Хем!

Но Хемнолини уже была наверху.

— Джоген! Ты только портишь мне все дело, — заметил Окхой. — Не говори ей обо мне ни слова. Время — великий исцелитель, а насилием можно все погубить.

Окхой допил чай и ушел.

Окхоя нельзя было упрекнуть в недостатке терпения. Он научился не отказываться от задуманного, даже если обстоятельства складывались против него. Не в его характере было горячиться. Не принадлежал он и к числу обидчивых, которые каждую минуту готовы рассердиться и уйти прочь. Ни оскорбления, ни неприязнь его не смущали. Словом, он был человеком поистине выносливым и терпел все решительно.

Когда Окхой ушел, Оннода-бабу снова привел Хемнолини к чайному столу. Румянец сбежал с ее щек, под глазами легли темные тени. Она не решалась взглянуть на Джогендро, зная, что брат зол и на нее и на Ромеша и сурово их осуждает.

Любовь еще поддерживала в Хемнолини веру, но девушка не могла оставаться глухой к голосу рассудка. Еще вчера она показала Джогендро, как безгранично ее доверие к Ромешу. Но, оставшись темной ночью в спальне наедине со своими мыслями, Хемнолини утратила покой. Действительно, поведение Ромеша с самого начала не поддавалось никакому разумному объяснению. Всеми силами Хемнолини старалась не допустить сомнения в крепость своей веры, но они громче и громче стучались в стены этой крепости.

Как мать, защищая от смертельной опасности дитя, обеими руками прижимает его к груди, так и Хемнолини изо всех сил старалась удержать в сердце доверие к Ромешу, уберечь его от всех нападков. Но, увы! Силы порой изменяют нам!

Эту ночь Оннода-бабу провел в комнате рядом со спальней Хемнолини. Он слышал, как беспокойно ворочается дочь, и то и дело заглядывал к ней.

— Тебе не спится, дорогая? — спрашивал он.

И неизменно получал ответ:

— А ты почему не спишь, отец? Я уже засыпаю... сейчас усну!

На рассвете Хемнолини поднялась на крышу. Все двери и окна в квартире Ромеша были закрыты.

Медленно вставало солнце. Этот вновь загоравшийся день вдруг показался девушке до того тусклым, лишенным всяких надежд и радостей, что она присела в уголке и, закрыв лицо руками, горько зарыдала. Никто не придет теперь к ней, некого ждать к чаю. Нет даже радостного сознания того, что близкий ей человек находится рядом, в соседнем доме.

— Хем! Хем!

Хемнолини поспешно встала, вытерла глаза.

— Что, отец? — откликнулась она.

Оннода-бабу подошел к дочери и, ласково поглаживая ее по спине, сказал:

— Сегодня я поздно проснулся.

Всю ночь Оннода-бабу не мог сомкнуть глаз, сон бежал от него, и он задремал лишь под утро. Но как только солнечные лучи коснулись его глаз, он быстро встал, умылся и отправился проведать дочь. Комната ее оказалась пуста. Тогда он поднялся на крышу. При виде одинокой Хемнолини сердце Онноды-бабу больно сжалось.

— Пойдем пить чай, дорогая! — сказал он.

Девушке не хотелось сидеть за столом вместе с Джогендро, но она знала, как расстраивают отца малейшие отступления от обычного порядка. К тому же она всегда собственноручно наливала отцу чай и не хотела лишать себя этой маленькой радости.

Спустившись вниз и еще стоя за дверью, Хем услышала, что Джогендро с кем-то разговаривает. Сердце ее дрогнуло, она подумала, что это Ромеш, — кто же другой мог прийти к ним так рано!

Неверными шагами вошла она в комнату, но увидела Окхоя и, не в силах совладать с собой, выбежала вон.

Оннода-бабу опять привел ее. Тогда, придвинувшись поближе к отцовскому креслу, опустив голову, она занялась приготовлением чая.

Поведение Хемнолини выводило Джогендро из себя. Он не мог равнодушно смотреть, как страдает сестра из-за Ромеша. Но возмущение его возросло еще больше, когда он заметил, что Оннода-бабу сочувствует ее горю, а Хем под сенью отцовской любви пытается укрыться от всего мира.

«Как будто мы преступники! — думал он. — Из любви к ней мы стремимся выполнить свой долг, заботимся о ее счастье, устраиваем ее судьбу!.. И вот вам благодарность! Нас еще обвиняют. Что касается отца, то он вообще ничего не смыслит в делах. Сейчас не время заниматься утешениями, надо нанести решительный удар; отец же из жалости к Хем все отдаляет от нее неприятную правду».

— Знаешь, отец, что случилось? — обратился Джогендро к Онноде-бабу.

— Нет. А что такое? — испуганно воскликнул тот.

— Вчера Ромеш с женой отправился гоёйлондским поездом на родину, но, увидев, что в тот же поезд садится Окхой, сбежал обратно в Калькутту.

Руки Хемнолини дрогнули, чай расплескался, девушка опустила в кресло.

Искоса взглянув на сестру, Джогендро продолжал:

— Не понимаю, зачем ему понадобилось бежать? Окхою давно все было достаточно ясно. Ромеш и раньше вел себя не очень красиво, но эта трусость, эта воровская попытка замести следы — мне особенно отвратительны! Не знаю, что думает на этот счет Хем. По-моему, его бегство — вполне определенное доказательство виновности.

Вся дрожа, Хемнолини поднялась с кресла.

— Я не ишу никаких доказательств, дада! Хотите его судить — дело ваше... А я ему не судья, — проговорила она.

— Может ли быть для нас безразличен человек, за которого ты собираешься замуж? — заметил Джогендро.

— К чему теперь говорить о свадьбе! Вы стремитесь ее расстроить, ну и поступайте как вам угодно. Но вы напрасно стараетесь разбить мне сердце.

Тут силы изменили девушке, и она разрыдалась. Оннода-бабу поспешно вскочил и, прижав к груди ее залитое слезами лицо, проговорил:

— Пойдем наверх, Хем!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пароход отчалил. В первых двух классах пассажиров не было, и Ромеш приготовил в одной из кают постель. Утром Комола, выпив молока, распахнула настежь дверь каюты и залюбовалась рекой и проплывающими мимо берегами.

— Знаешь, куда мы едем, Комола? — спросил Ромеш.

— К тебе на родину.

— Но тебе не нравится деревня, и мы туда не поедem.

— Ты ради меня раздумал ехать в деревню?

— Конечно, только ради тебя.

На лице Комолы появилось огорченное выражение.

— Зачем ты это сделал? — спросила она. — Мало ли что могу я наболтать, а ты и будешь все принимать всерьез! Из-за такого пустяка обиделся.

— Я и не думал обижаться, — засмеялся Ромеш. — Мне самому не хочется ехать в деревню.

— Куда же мы в таком случае направляемся? — с любопытством спросила Комола.

— На запад.

Услышав про «запад», Комола широко раскрыла глаза. Запад!.. Что только не представляется при этом слове человеку, никогда не покидавшему свой дом!

На западе — святые места, целительный климат, красивые пейзажи и города, бывшее величие империй и волшебных храмов! А сколько древних сказаний, сколько всевозможных легенд о героических подвигах!

Полная восхищения, девушка продолжала расспросы:

— Куда же именно мы едем?

— Пока еще не решено. Нам предстоит проехать Мунгер, Патну, Данапур, Боксар, Газипур, Бенарес — в каком-нибудь из этих городов и остановимся.

При перечислении стольких известных и неизвестных названий воображение Комолы разыгралось еще больше.

— Как это интересно! — захлопала она в ладоши.

— Интересно будет потом! А вот что будем мы эти несколько дней есть? Ты ведь не захочешь, я думаю, есть кушанья, приготовленные матросами на пароходной кухне?

— Как можно! — воскликнула Комола, скорчив презрительную гримасу. — Конечно, нет!

— И что же ты предлагаешь?

— Сама буду готовить!

— Да разве ты умеешь?

Комола рассмеялась.

— Не понимаю, за кого ты меня принимаешь! Как же мне не уметь? Ведь я не маленькая, в доме дяди все время готовила.

Ромеш тут же с раскаянием заметил:

— Вопрос мой действительно был не совсем уместен. А потому давай немедленно займемся сооружением кухни. Как ты на это смотришь?

Он ушел и вскоре притащил небольшую железную печурку. Кроме того, он договорился с ехавшим на пароходе мальчиком из касты каястха по имени Умеш, чтобы тот за небольшую плату и билет до Бенареса носил для них воду, убирал и исполнял всякую другую работу.

— Комола, — спросил Ромеш, — что же мы будем сегодня стряпать?

— А много ли ты мне принес? — заметила она. — Только рис да бобы! Значит, будет кхичури.

Пряности Ромеш достал у матросов, но Комола искренне посмеялась над его неопытностью в хозяйственных делах.

— Ну и хорошо! Что я стану делать с одними пряностями? И как я их разотру без шил-нора?

Покорно выслушав упреки девушки, Ромеш пустился на поиски шил-нора. Найти его так и не удалось, пришлось занять у матросов металлическую ступку, которую он и принес Комоле.

Она не умела толочь пряности в ступке и несколько растерялась.

— Давай попросим кого-нибудь это сделать, — предложил Ромеш, но поддержки не встретил. Комола решительно взялась за дело сама. Ей как будто даже доставляли удовольствие все эти трудности. Пряности подскакивали, разлетались во все стороны, и девушка не могла удержаться от смеха. Глядя на нее, смеялся и Ромеш.

Когда пряности были готовы, Комола, обвязав свободный конец сари вокруг талии, отправилась за перего-

родку и принялась застряпню. Для приготовления пищи ей пришлось воспользоваться захваченным с собой из Калькутты горшочком для сладостей. Поставив его на огонь, девушка обратилась к Ромешу:

— Ступай живей искупайся, у меня скоро все будет готово.

Ромеш вернулся вовремя, кушанье как раз поспело. Но тут возник вопрос, на чем же есть — тарелок у них не было.

— Можно занять у матросов глиняные тарелки, — робко предложил Ромеш.

Комола пришла в ужас от столь необдуманного предложения. Ромеш с виноватым видом признался, что он и раньше совершал такого рода грех.

— Что было, то прошло, — сказала Комола. — Но впредь это не должно случаться, я не выношу подобных вещей!

Затем она сняла крышку с горшка, тщательно вымыла ее и подала Ромешу.

— Поешь сегодня на этом, а там будет видно.

Когда уголок палубы был чисто вымыт и место для завтрака приготовлено, довольный Ромеш принялся за еду. Попробовав кушанье, он заметил, что блюдо получилось очень вкусное.

— Не нужно смеяться надо мной, — смутилась Комола.

— Да нет, какие уж тут шутки! Вот сейчас сама убедись.

С этими словами он мгновенно уничтожил свою порцию и попросил еще. На этот раз девушка положила ему гораздо больше.

— Что ты делаешь! А себе, должно быть, ничего не оставила!

— Тут еще много, не беспокойся, — сказала Комола.

То, что Ромеш ел с таким аппетитом, доставляло ей огромное удовольствие.

— На чем же станешь есть ты? — спросил Ромеш.

— На той же крышке.

— Нет, так нельзя, — забеспокоился Ромеш.

— Почему? — удивленно спросила Комола.

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Уверяю тебя, я прекрасно знаю, что делаю, — возразила девушка. — Умеш! — крикнула она, — на чем ты будешь есть?

— Там внизу торгуют сладостями, вот я и возьму у продавца листок шалового дерева.

— Послушай, Комола, — обратился к девушке Ромеш, — если уж ты непременно хочешь есть на той же крышке, дай я хорошенько ее вымою.

— С ума сошел! — был негодующий ответ. Через несколько минут Комола заявила: — Пан я тебе приготовить не могу, ты мне для этого ничего не принес.

— Внизу человек продает пан, — ответил Ромеш.

Так, без особых трудностей, была заложена основа их хозяйства. Но на душе Ромеша было беспокойно: он раздумывал над тем, как избежать супружеских забот Комолы.

Комола умела хозяйничать и не нуждалась ни в помощи, ни в обучении. Много лет подряд готовила она для дяди обед, нянчила детей и делала всю работу по дому. Ромеш восхищался ловкостью, усердием и трудолюбием девушки и в то же время не переставая думал, как сложатся их отношения в дальнейшем. «Я не хочу оставлять ее у себя, — размышлял он, — но и покинуть тоже не могу». Где следует ему провести черту в отношениях с нею? Будь с ним Хемнолини, все устроилось бы отлично. Но на это пока рассчитывать нечего, а разрешить проблему наедине с Комолой представлялось чрезвычайно трудным. Наконец Ромеш твердо решил, что ему необходимо открыть Комоле все, тогда с этой тайной будет покончено раз и навсегда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Перед вечером пароход сел на мель. Снять его, несмотря на многократные попытки команды, в тот день так и не удалось.

От высокого берега, отлого спускаясь к реке, тянулась песчаная, испещренная следами водяных птиц отмель. Сюда пришли деревенские женщины набрать в последний раз до захода солнца воды. Они с любопыт-

ством поглядывали на пароход: кто посмелее — с открытым лицом, а более робкие — из-под покрывала. Над обрывом плясала толпа деревенских ребятишек; громкими криками они выражали свой восторг по поводу затруднительного положения, в которое попало это дерзкое судно с высоко поднятым носом.

В пустынные пески противоположного берега село солнце. Ромеш, держась за поручни, долго стоял на палубе в быстро сгущающихся сумерках, глядя на западный край горизонта, где еще светлело небо. Комола, выйдя из кухни, остановилась у дверей каюты.

Не зная, как привлечь к себе внимание Ромеша, она тихонько кашлянула, но он не оглянулся. Тогда девушка принялась постукивать о дверь связкой ключей. Когда наконец ключи загремели, Ромеш обернулся. Увидев Комолу, он подошел к ней и спросил:

— Что за странная у тебя манера звать меня?

— А как еще я могу это сделать?

— Называй меня Ромешем. Для чего, по-твоему, отец с матерью дали мне имя?

Опять какие-то странные шутки! Вспыхнувшие щеки и уши Комолы, казалось, озарили вечернее небо.

Слегка отвернувшись она сказала:

— Не то ты говоришь!.. Послушай, все готово. Ужинай пораньше, а то утром ты мало ел.

Свежий речной воздух давно возбудил у Ромеша аппетит, но он молчал, не желая, чтобы Комола лишней раз волновалась из-за недостатка провизии. И теперь неожиданное ее предложение очень его тронуло. Он чувствовал радостное волнение не только по поводу предстоящей трапезы. Сознание того, что кто-то постоянно думает о нем, предупреждает его желания, делало его безмерно счастливым. Казалось, будто сама судьба взяла на себя заботу о его благополучии. Тем не менее он никак не мог избавиться от горькой мысли, что он этого не заслужил, что все его счастье зиждется на ошибке. Ромеш тяжело вздохнул и с поникшей головой вошел в каюту.

Заметив выражение его лица, Комола удивленно спросила:

— Кажется, тебе совсем не хочется есть? Неужели не проголодался? Я тебя не неволю.

Но Ромеш с деланной веселостью поспешил ответить:

— Зачем тебе меня неволить, это делает мой собственный желудок. Смотри, как бы в другой раз, когда ты вздумаешь, гремя ключами, приглашать меня к столу, не явился на твой зов сам Мадхусудан! Однако я что-то не вижу здесь ничего съедобного! — продолжал он, оглядываясь. — Хотя я и страшно голоден, но подобные предметы вряд ли смогу переварить! — Ромеш указал на постель и другие находившиеся в каюте вещи. — Меня с детства приучили к совсем иной пище.

Комола разразилась звонким смехом и долго не могла успокоиться.

— Ну вот, а теперь тебе уже не терпится! Стоял, смотрел на небо и ни голода, ни жажды не чувствовал. А стоило только позвать тебя, как сразу вспомнил, что проголодался! Хорошо, хорошо. Подожди минутку, сейчас все принесу.

— Да поскорей, а то придешь и не найдешь в комнате даже постели. Прошу меня тогда не винить.

Эта шутка, повторенная Ромешем, доставила девушке большое удовольствие, и она опять долго смеялась, наполнив комнату звонкими переливами смеха. Наконец она скрылась за дверь. Напускная жизнерадостность Ромеша моментально исчезла.

Комола скоро вернулась с плетеной, прикрытой листьями шалового дерева корзиной и, поставив ее на постель, принялась вытирать пол краем сари.

— Что ты делаешь? — с беспокойством воскликнул Ромеш.

— Да ведь я все равно сменю сейчас сари.

С этими словами Комола расстелила на полу листья шала и ловко разложила на них лучи и овощи.

— Вот так чудо! Откуда ты раздобыла лучи? — удивился Ромеш.

Но девушке вовсе не хотелось, чтобы ее тайна была раскрыта так легко.

— Угадай, — с таинственным видом произнесла она.

Ромеш прикинулся озадаченным и серьезно сказал:

— Конечно, взяла из запасов команды!

— Что ты! Как можно! — с возмущением воскликнула Комола.

Ромеш принялся уничтожать лучи, продолжая дразнить Комолу самыми невероятными предположениями. В конце концов он заявил, что это, наверно, владелец волшебной лампы, герой арабских сказок, Аладин переслал их ей со своим джинном из Белуджистана в подарок. Этим Ромеш окончательно вывел девушку из терпения.

— Перестань! Теперь я ничего не буду тебе рассказывать, — отвернувшись, сказала она.

— Нет, нет! Признаю свое поражение! — воскликнул Ромеш. — Конечно, трудно себе представить, как можно приготовить лучи, находясь посреди реки, но на вкус они тем не менее замечательны.

И юноша с усердием начал доказывать превосходство аппетита над жаждой знаний.

Как только пароход сел на мель, Комола для пополнения своей опустевшей кладовой послала Умеша в деревню. У нее еще осталось немного денег из тех, что дал Ромеш, провожая ее в школу. Их-то и потратила она на топленое масло и муку.

— А ты чего бы хотел поесть, Умеш? — спросила Комола мальчика.

— Если позволите, госпожа, у торговца молоком я видел хорошую простоквашу, а у нас есть бананы. Если еще купить на одну-две пайсы жареного рису, я сумел бы приготовить отличное блюдо, — ответил мальчик.

Комоле и самой захотелось такого кушанья.

— Осталось у тебя хоть немного денег, Умеш? — спросила она.

— Совсем ничего, мать.

Это поставило ее в затруднительное положение. Девушка представить себе не могла, как сможет она сказать Ромешу, что ей нужны деньги. Немного погодя она проговорила:

— Если сегодня тебе не удастся приготовить этого блюда, ты не расстраивайся, у нас будут лучи. Пойдем замесим тесто.

— Так ведь я же говорю, мать, что видел еще и хорошую простоквашу. С этим как мне быть?

— Послушай, Умеш, когда господин сядет есть, попроси у него денег на покупки.

Ромеш уже начал есть, когда к нему приблизился Умеш, смущенно почесывая в затылке. Ромеш взглянул на него, и мальчик бессвязно пролепетал:

— Мать... насчет денег... на покупки...

Только тут впервые пришло юноше в голову, что ведь для приготовления пищи нужны деньги и волшебная лампа Аладина не поможет.

— У тебя ведь совсем нет денег, Комола, — озабоченно сказал он. — Почему же ты сама мне об этом не напомнишь?

Девушка виновато молчала.

После ужина Ромеш вручил ей небольшую шкатулку и произнес:

— Все, что здесь есть, — твое.

Успокоившись, что теперь бремя домашних хлопот переложено на плечи Комолы, он снова встал у палубных поручней, устремив взор на запад, где край неба свода прямо на глазах погрузился во мрак.

Поев, Умеш приготовил себе наконец сладкое из простокваши, бананов и риса. Комола, стоя перед мальчиком, расспрашивала его о том, как он живет.

В семье его властвовала мачеха, и жилось ему там очень тяжело. Умеш убежал из дому и направлялся теперь в Бенарес к бабушке.

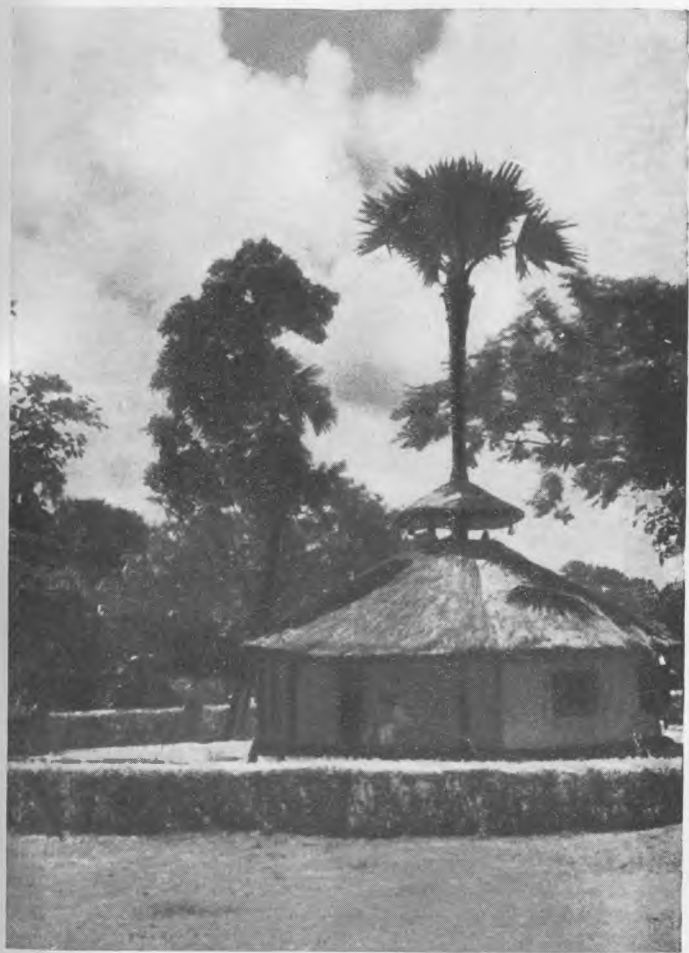
— Если ты оставишь меня при себе, мать, я никуда больше не поеду, — заключил он.

Материнский инстинкт, проснувшийся в тайниках сердца Комолы, откликнулся на это трогательное обращение мальчика-сироты, и она ласково сказала:

— Очень хорошо, Умеш, ты поедешь с нами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Полоса прибрежного леса, будто бесконечная линия, проведенная тушью, казалась темной каймой на парчовом одеянии невесты-ночи. В угасающих лучах заходящего солнца потянулась на ночлег к тихим озеркам и пустынным песчаным отмелям стая диких уток, весь день

Жилой дом одного из преподавателей в Шантиникетоне

кормившаяся на болоте возле деревни. Стихли вороны, устроившись в своих гнездах. На реке не осталось ни одной лодки, только темный силуэт большого парусника резко выделялся на золотисто-зеленой поверхности реки.

Ромеш перенес свое плетеное кресло на нос корабля, залитый ясным светом молодого месяца.

С западного края неба исчез последний золотой отблеск вечерней зари, и суровый мир словно растворился в волшебной пелене лунного сияния.

«Хем! Хем!» — повторял Ромеш. Звук этого имени нежной лаской отозвался в его сердце. И Ромешу почудилось, будто заглянули ему в лицо чьи-то обведенные тенью, полные страдания и нежности глаза. Ромеш вздрогнул, взор его затуманился слезами.

Перед ним пронеслась вся его жизнь за последние два года. Вспомнился первый день знакомства с Хемнолини. Он и не знал тогда, что этому дню суждено занять особое место в его жизни. Когда Джогендро привел его впервые к ним в дом и смущенный юноша увидел за чайным столом Хемнолини, он совершенно растерялся. Но мало-помалу застенчивость его прошла, общество Хемнолини стало для него привычным, и узы этой привычки постепенно превратили Ромеша в пленника. Казалось, все написанные о любви стихи, которые ему доводилось читать, посвящены одной Хемнолини. «Я люблю», — повторял он себе, переполненный гордостью. Товарищам приходилось перед экзаменами вызубривать наизусть сюжеты любовных поэм, а он, Ромеш, любил в самом деле, и это давало ему право смотреть на товарищей с состраданием. Вспоминая все это сейчас, Ромеш понял, что в то время он стоял только в преддверии любви. И лишь когда неожиданно появившаяся Комола так осложнила его жизнь, любовь его, пройдя через тяжелые испытания, проснулась, ожила и окрепла.

Склонив голову на руки, Ромеш думал о том, что перед ним еще целая жизнь, существование, полное сердечного томления, жизнь человека, запутавшегося в крепких сетях безысходности. Неужели у него не хватит сил разорвать их?

В порыве твердой решимости юноша поднял голову и внезапно увидел Комолу. Она стояла, облокотившись на спинку соседнего кресла.

— Ты спал? Я тебя разбудила? — испуганно спросила девушка.

Охваченная раскаянием, она уже собиралась уйти, но Ромеш поспешно остановил ее:

— Нет, нет, Комола, я не спал. Сядь, я хочу рассказать тебе сказку.

Услышав про сказку, девушка обрадовалась и мигом придвинула к нему свое кресло. Ромеш сказал себе, что настал момент, когда совершенно необходимо открыть Комоле всю правду. Но не в силах нанести ей такой удар слишком неожиданно, Ромеш решил рассказать Комоле всю ее историю в виде сказки.

— Жило когда-то одно воинственное племя, — начал он. — Оно...

— Когда? Давным-давно?

— Да, давным-давно. Тебя тогда еще и на свете не было.

— А ты уже успел родиться! Подумайте, какой старик нашелся! Ну, дальше?

— У людей этого племени существовал обычай: сами они никогда не присутствовали на свадебном обряде, а посылали невесте свой меч. Девушку обручали с мечом, потом привозили в дом жениха и только тогда устраивали настоящую свадьбу.

— Ой, как нехорошо! Что это за свадьба?

— Мне тоже не нравится такой обычай, но тут уж я ничего не могу поделать. Воины, о которых я рассказываю, считали для себя унижительным приезжать в дом к невесте и там обручаться. Раджа — о нем и пойдет сейчас речь — принадлежал к тому же племени. Однажды он...

— Ты еще не сказал, где он правил.

— Он был раджей в стране Мадра. Так вот, однажды этот раджа...

— Сначала назови его имя.

Комоле хотелось знать все подробности, — нельзя упускать ни одной мелочи. Если бы Ромеш мог это предвидеть, он тщательно подготовился бы заранее. Ему при-

шлось убедиться, что, как бы ни увлекал Комолу рассказ, она нигде не потерпит обмана или неточности.

Чуть помешкав с ответом на столь неожиданный вопрос, Ромеш продолжал:

— Правителя звали Ранджит Сингх.

— Ранджит Сингх, правитель Мадры, — еще раз повторила девушка. — Что же дальше?

— А дальше дело было так: узнал этот раджа от странствующего певца, что у другого раджи того же племени есть красавица дочь.

— А кто этот второй раджа?

— Ну, предположим, что он был правителем Канчи.

— Зачем мне предполагать? Разве он не был им на самом деле?

— Да, все действительно обстояло именно так. Ты, наверно, хочешь узнать его имя? Его звали Амар Сингх.

— Но ты еще не назвал мне девушку... ту, красавицу.

— Ах, и правда, совсем забыл! Имя девушки... Ее имя... да, да, вспомнил! Ее звали Чандра.

— Удивительно! Вечно ты что-нибудь забываешь. Даже мое имя забыл однажды!

— Как только раджа Кошалы услышал от певца...

— Откуда тут взялся еще и раджа Кошалы? Ты же говорил про правителя Мадры!

— Ты думаешь, радже подвластна всего одна область? Он правил и Мадрой и Кошалай.

— Эти княжества, должно быть, находились рядом.

— Да, они граничили друг с другом.

Так, делая на каждом шагу ошибки, допуская противоречия и кое-как исправляя их при помощи вопросов Комолы, Ромеш наконец поведал ей следующее.

Правитель Мадры, Ранджит Сингх, послал гонца к правителю Канчи с просьбой выдать за него дочь. Раджа Канчи, Амар Сингх, был очень этим обрадован и дал согласие на брак.

Тогда младший брат жениха, Индраджит Сингх, с войском и развернутыми знаменами, под бой барабанов и трубные звуки раковин, отправился в княжество Канчи и стал лагерем в дворцовом саду. В городе Канчи начались празднества. Царские астрологи выбрали благоприятный день для бракосочетания. Торжество должно было

состояться на двенадцатую ночь темной половины месяца, в два часа пополуночи.

Все дома в эту ночь были украшены в честь свадьбы царской дочери Чандры гирляндами цветов, везде горели светильники.

Но принцесса не знала, за кого выдают ее замуж. При рождении девочки мудрый Парамананда Свами сказал ее отцу: «Твоя дочь родилась при неблагоприятном сочетании планет. Помни, во время свадьбы она не должна слышать имени жениха».

В назначенный срок был выполнен брачный обряд с мечом.

Индраджит Сингх принес подарки и приветствовал жену своего брата. Он был верен Ранджиту, как Лакшман Раме, ни разу не поднял глаз на зарумянившееся под покрывалом лицо благородной Чандры и видел только ее обведенные красным лаком, увешанные колокольчиками маленькие ножки.

На другой же день после свадьбы Индраджит с невестой, которую усадили в закрытый, разукрашенный драгоценными камнями паланкин, собрался в обратный путь.

Помня предсказание о неблагоприятной планете, раджа Канчи с болью в сердце благословил дочь, положив ей на голову правую руку, а мать, целуя Чандру, не могла сдержать слез. Во всех храмах тысячи жрецов совершали обряды, чтобы предотвратить несчастье.

От Канчи до Мадры расстояние очень далекое, почти целый месяц пути. Во вторую ночь после начала путешествия караван раскинул лагерь на берегу реки Ветаси, и воины уже готовились предаться отдыху, когда в лесу замелькали огни факелов. Индраджит выслал отряд разузнать, в чем дело.

Подъехав к принцу, один из воинов доложил, что это еще один свадебный караван их же племени с вооруженной свитой. Они тоже провожают невесту в дом мужа. Путь в этих местах очень опасен, и они просят принца взять их под свою защиту. В случае согласия их отряды часть пути смогут пройти вместе.

— Защищать тех, кто нуждается в покровительстве, наш долг, — ответил Индраджит. — Охраняйте их лучше!

Таким образом, оба лагеря соединились.

Третья ночь была последней в безлунной половине месяца. Впереди лагеря тянулась цепь невысоких холмов, позади — лес.

Под треск цикад и мерный гул близкого водопада утомленные воины крепко заснули.

Всех разбудил внезапный шум. Воины увидели, что по мадрскому лагерю мечутся сорвавшиеся с привязи обезумевшие кони, кто-то, очевидно, перерезал на них пути; повсюду пылают охваченные пламенем палатки, освещая багровым заревом темную ночь.

Оказалось, что на лагерь напали разбойники. Завязалась рукопашная схватка, в которой из-за темноты трудно было отличить своих от врагов.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, разбойники захватили добычу и скрылись за покрытой лесом вершиной.

Когда все умолкло, выяснилось, что принцесса исчезла. В страхе покинув лагерь, она присоединилась к чужому каравану, приняв его за собственную свиту.

В том караване среди поднявшейся суматохи разбойники похитили невесту. Воины приняли Чандру за ту, которую должны были сопровождать, и вместе с ней поспешно отправились в свое царство.

Эти воины принадлежали к обедневшему роду. Их владения находились в Калинге, на берегу моря. Там и произошла встреча Чандры с женихом пропавшей девушки. Его звали Чет Сингх.

Мать Чет Сингха вышла невесте навстречу и ввела ее в дом. Родственники были в восхищении: никогда не видели они подобной красоты.

Счастливый Чет Сингх отнесся к Чандре с почтением, видя в ней Лакшми своего дома.

Принцесса, являвшаяся образцом добродетельной жены, считала Чет Сингха своим мужем и решила посвятить ему свою жизнь.

Прошло несколько дней, прежде чем новобрачные преодолели свое смущение. Тогда из разговора с девушкой Чет Сингх вдруг выяснил, что та, которую он принял как жену, была на самом деле принцессой Чандрой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Что же случилось потом? — нетерпеливо воскликнула Комола. Она слушала Ромеша, затаив дыхание.

— Это все, что я знаю, — ответил Ромеш. — Остальное мне неизвестно. Рассказывай теперь ты, что произошло потом.

— Нет, нет, так не годится! Ты должен сам досказать, что было дальше!

— Да ведь я правду говорю, сказка-то еще не вся напечатана, и никто не знает, когда выйдут последние главы.

— Перестань, — окончательно рассердилась Комола. — Ну, какой же ты нехороший! С твоей стороны это просто нечестно!

— Брани лучше того, кто сочиняет эту историю. А мне все же хотелось бы знать, как должен, по-твоему, поступить с Чандрой Чет Сингх?

Комола долго молча смотрела на реку, наконец произнесла:

— Не знаю. Ничего не могу придумать.

— Может, ему следовало бы рассказать обо всем принцессе? — слегка помедлив, спросил Ромеш.

— Верно! Ты хорошо придумал. Ведь если он будет молчать, может произойти ужасный скандал! Даже подумать страшно! Лучше всего сказать правду.

— Да, правда лучше всего, — машинально повторил Ромеш. — Послушай, Комола, — заговорил он вновь спустя несколько минут. — Если бы...

— Что если бы?

— Представь, если бы я был Чет Сингх, а ты Чандра...

— Не говори таких вещей! — воскликнула Комола. — Мне они совсем не по душе.

— Нет, ты все-таки ответь! Вдруг дело обстояло бы именно так, что в таком случае должен был делать каждый из нас?

Девушка, не сказав ни слова, вскочила с кресла и убежала.

На пороге каюты сидел Умеш и не отрываясь смотрел на реку.

— Видел ты когда-нибудь привидения, Умеш? — спросила Комола.

— Видел, ма.

Тогда Комола притащила стоявшую неподалеку плетеную скамеечку, уселась на нее и попросила:

— Расскажи, какие они?

Ромеш не стал звать убежавшую в досаде Комолу.

Молодой месяц пропал, спрятавшись в густых зарослях бамбука. Свет на палубе погасили, боцман и матросы спустились вниз ужинать. Как уже говорилось, ни в первом, ни во втором классе пассажиров не было, а большинство ехавших в третьем классе перебрались на берег готовить пищу. В просветах темнеющей массы береговых зарослей мелькали огни раскинувшейся неподалеку ярмарки. Стремительное течение полноводной реки громыхало якорной цепью, и дыхание великой священной Ганги заставляло время от времени вздрагивать весь пароход.

Очарованный поразительной новизной развернувшегося перед ним незнакомого ночного пейзажа с его смутно угадывающейся бесконечностью укрытых темнотой просторов, Ромеш вновь и вновь пытался разрешить мучительный для себя вопрос: он понимал, что ему так или иначе придется расстаться или с Хемнолини, или с Комолой. Сохранить обеих — об этом не могло быть и речи. У Хемнолини еще есть какой-то выход: она может забыть Ромеша, может выйти замуж за другого. Но Комола... Как ее бросить, когда у нее нет иного приюта в этом мире?

Но эгоизм мужчины безграничен. Ромеша отнюдь не успокаивала мысль о том, что Хемнолини может его забыть, что на свете есть кому о ней позаботиться, что он для нее не единственный. Скорее наоборот, — сознание всего этого лишь усиливало его мучительную тревогу. Ему представилась Хемнолини, она здесь, рядом, она простирает к нему руки, но в то же мгновение исчезает навеки, и он не может удержать ее.

Под тяжестью своих дум Ромеш бессильно уронил голову на ладони.

Где-то вдали выли шакалы. Из деревни им вторили лаем неугомонные собаки.

Ромеш поднял голову и снова увидел Комолу, которая стояла, держась за поручни, на темной безлюдной палубе.

Юноша подошел к ней.

— Почему ты не спишь, Комола? Ведь уже очень поздно...

— А сам ты разве не собираешься ложиться? — спросила девушка.

— Я сейчас приду. Мне постелишь в каюте справа. Не жди меня, ступай скорей.

Не вымолвив больше ни слова, Комола медленно направилась к себе. Не могла же она сказать Ромешу, что наслушалась сейчас рассказов о привидениях, а в каюте так темно и пусто!

Но по ее тихим, нерешительным шагам Ромеш догадался, что душа ее полна страха и смятения, и сердце его сжалось.

— Не бойся, Комола, — сказал он. — Ведь моя каюта рядом с твоей, я оставлю дверь между ними открытой.

— Кого мне бояться! — ответила Комола и решительно тряхнула головой.

Войдя к себе, Ромеш погасил лампу и лег.

«Комолу бросить нельзя, — продолжал он свои размышления. — А значит, прощай Хемнолини. Итак, решение принято. Пути назад нет... Прочь все колебания!»

Но в то же время юноша чувствовал, что сказать «прощай» Хемнолини значит сказать «прощай» своим самым заветным мечтам. В волнении он поднялся с постели и вышел на палубу. Но, стоя в ночной темноте, Ромеш вдруг понял, что его мучительные сомнения и его горе не заполняют собой всей бесконечности времени и пространства. Усеявшие небосвод звезды мерцают спокойно, им нет дела до Ромеша и Хемнолини и их истории. Сколько будет еще таких же звездных осенних ночей, и эта река никогда не перестанет журчать и нести свои воды мимо пустынных песчаных отмелей, среди шуршащих камышей, в тени деревьев, осеняющих спящие деревни! Она будет струиться и тогда, когда все огорчения Ромеша, все тяготы его жизни обратятся в горсть пепла от погребального костра и, смешавшись с многострадальной землей, исчезнут навеки!

Было еще темно, когда Комола проснулась. Осмотревшись, она увидела, что около нее никого нет, и вспомнила, что эту ночь провела на пароходе. Тихонько приоткрыв дверь, девушка выглянула наружу. Над молчаливой водой тонкой пеленой стлался легкий прозрачный туман; темнота постепенно расплывалась в сероватую мглу; на восточном краю горизонта, за лесом, расцвела заря, и вскоре стальная поверхность реки покрылась белыми парусами рыбачьих лодок.

Комолу охватила какая-то щемящая безотчетная тоска. Почему осенняя заря не явила сегодня своего сияющего лика, а кажется, будто она затуманена слезами? И почему к горлу подступают беспричинные рыдания, а на глаза все время навертываются слезы? Еще вчера она даже не вспоминала о том, что у нее нет ни свекра, ни свекрови, ни знакомых, ни подруг. Что же случилось нынче, отчего она вдруг подумала о своем одиночестве и о том, что не видит опоры в Ромеше? Почему она так ясно ощутила собственную беспомощность в этом огромном мире?

Комола долгое время тихо стояла в дверях. Вода уже искрилась, словно поток расплавленного золота. Матросы взялись за работу, застучала машина. К берегу гурьбой сбежалась деревенская детвора, спозаранку разбуженная грохотом якорных цепей и шумом мотора.

Ромеш тоже проснулся и направился к каюте, где спала Комола. Девушка вздрогнула и еще плотнее укуталась в покрывало.

— Ты уже умывалась, Комола? — спросил он.

Девушка, вероятно, не могла бы объяснить, почему вдруг рассердилась на Ромеша за этот вопрос, но она действительно рассердилась и, отвернувшись, лишь отрицательно покачала головой.

— Скоро все встанут, а ты до сих пор не готова, — продолжал он.

Комола ничего не ответила, сняла с кресла сложенное сари и полотенце и быстро прошла мимо Ромеша в ванную. Нельзя сказать, чтобы его утреннее посещение и некоторая заботливость совсем не тронули Комолу, но

было в них что-то оскорбительное. Она почувствовала, что Ромеш в отношениях с ней не желает переступить определенных границ. Как вы уже знаете, Комола не жила в доме свекра, старшие не учили ее застенчивости, и она не знала, в каких случаях и как полагается закрывать лицо покрывалом. Но сегодня, едва увидев перед собой Ромеша, девушка вдруг ощутила, что все в ней словно замерло от стыда. Комола выкупалась, вернулась в комнату и занялась своими обычными хозяйственными делами. Она достала ключи, завязанные в уголок свешивающегося с плеча сари, открыла чемодан, где лежали ее платья, и тут взгляд ее упал на маленькую шкатулку. Вчера эта шкатулка была для Комолы источником гордости; она словно сообщала ей чувство уверенности и самостоятельности. Поэтому девушка старательно спрятала ее среди своей одежды и заперла чемодан. Но сегодня, взяв шкатулку в руки, Комола не испытала ни малейшего удовольствия. Теперь эта вещь, казалось, не принадлежала ей всецело — это была шкатулка Ромеша. Девушку покинуло чувство независимости, которое она испытывала раньше. Наоборот, этот подарок делал Комолу еще более зависимой от Ромеша.

— Ты что, привидение нашла в шкатулке? — спросил Ромеш, входя в каюту. — Что так притихла?

— Возьми, это твое, — сказала девушка, протягивая ему шкатулку.

— А что мне с ней делать?

— Когда тебе что-нибудь понадобится, дашь мне денег, и я куплю.

— А тебе самой разве ничего не нужно?

Пожав плечами, Комола уклончиво ответила:

— Зачем мне деньги?

— Немного найдется людей, которые могли бы искренне повторить эти слова, — рассмеялся Ромеш. — Однако, Комола, если тебе не нравится эта вещь, подари ее кому-нибудь, мне она не нужна.

Комола молча положила шкатулку на пол.

— Послушай, Комола, — проговорил Ромеш, — скажи мне правду: ты сердисься на меня за то, что я не закончил сказку?

— Кто тебе сказал, что я сержусь? — опустив голову, произнесла девушка.

— Если не сердишься, оставь у себя эту шкатулку. Тогда я поверю, что ты сказала правду.

— Пусть даже я и не сержусь, но зачем мне оставлять ее у себя? Ведь это твоя вещь — ты ее и храни.

— Да не моя это вещь! Знаешь, тот, кто отбирает подарки, после смерти обязательно превращается в привидение. Ты думаешь, я не боюсь этого?

Опасения Ромеша стать привидением вызвали у Комолы улыбку.

— Не может быть, неужели тот, кто отбирает подаренное, превращается в привидение? — смеясь, спросила она. — Я никогда об этом не слыхала.

Ее неожиданный смех положил начало их примирению.

— От кого же ты могла слышать о подобных вещах? — спросил Ромеш. — Вот как только увидишь привидение, обязательно спроси его, и оно ответит тебе, правда это или нет.

Комола, сгорая от любопытства, спросила:

— Нет, серьезно, ты когда-нибудь видел настоящее привидение?

— Настоящих не видел, а поддельных сколько хочешь. На свете вообще трудно найти что-нибудь настоящее.

— Почему же? А вот Умеш говорит...

— Умеш? Это еще кто такой?

— Да тот мальчик, который едет с нами. Он собственными глазами видел привидение.

— Ну, я, конечно, не могу соперничать с Умешем в таких вопросах, придется мне согласиться с ним.

Тем временем после долгих усилий команде удалось наконец снять пароход с мели. Едва он отчалил, как вдруг на берегу показался человек с корзиной на голове. Он бежал, размахивая руками, просил остановить пароход. Но боцман не обратил ни малейшего внимания на его отчаянные просьбы. Тогда человек умоляюще закричал Ромешу:

— Бабу, бабу!

«Он, видимо, принимает меня за главного», — подумал Ромеш и знаками дал понять, что остановить пароход не в его власти.

— Да это же Умеш! — вдруг воскликнула Комола. — Нет, нет, не бросайте его, пожалуйста!

— Но ведь по моей просьбе пароход все равно не остановят, — заметил Ромеш.

Огорчению Комолы не было предела.

— Скажи, чтобы остановили, попроси, ведь мы близко от берега.

Ромеш обратился к боцману.

— Это против правил, господин, — отвечал тот.

— Нельзя его бросить. Ну остановитесь хоть на минутку! Это ведь наш Умеш! — восклицала Комола.

Пришлось Ромешу прибегнуть к самому простому и убедительному способу устранения законов и преодоления препятствий. Умиротворенный вознаграждением, боцман остановил пароход, но, когда Умеш очутился на палубе, осыпал его градом ругательств. Однако мальчик и бровью не повел: он как ни в чем не бывало поставил к ногам Комолы корзинку и весело рассмеялся.

Комола все еще не могла опомниться от испуга.

— Ты что смеешься? — корила она его. — Что бы случилось с тобой, если бы пароход не остановился!

Вместо ответа Умеш перевернул корзину. Оттуда посыпались тыквы, баклажаны, различная зелень и гроздь недозрелых бананов.

— Откуда ты достал все это? — всплеснула руками Комола.

Показания Умеша отнюдь не были утешительными. Вчера, отправившись за творогом и другими продуктами, он заметил, у кого из деревенских жителей на огородах или крышах растут эти благословенные дары природы. Сегодня же, рано утром, перед самым отплытием парохода он спустился на берег и, не дожидаясь разрешения хозяев, собрал те из них, которые ему приглянулись.

Ромеш пришел в неописуемую ярость.

— Так, значит, ты стащил все это на чужих огородах! — закричал он.

— Разве это кража? — спокойно возразил Умеш. — Там было так много всего, а я взял совсем немножко, кому от этого убыток?

— Ты думаешь, взять мало — не значит украсть?! Ах ты негодяй, уходи отсюда и убери прочь все это.

Умеш умоляюще посмотрел на Комолу:

— Мать, вот это у нас называют пиринг, он очень вкусен, если приготовить чоччори, а вот бето...

Ромеш еще больше рассвирепел:

— Убирайся со своим пирингом, иначе я выкину все в реку!

В ожидании дальнейших указаний мальчик поднял глаза на Комолу. Девушка сделала знак, чтобы он ушел. В этом жесте Умеш уловил сочувствие и тайную симпатию. Собрав в корзинку все овощи, он покорно удалился.

— Очень нехорошо, — обратился Ромеш к Комоле, — так потакать мальчишке.

И он отправился в каюту сочинять письмо. Комола, внимательно оглядевшись по сторонам, увидела Умеша. Он сидел за палубой второго класса, недалеко от руля, там, где было отведено место для стряпни.

Во втором классе пассажиров не было, и Комола, предварительно закутавшись с головы до ног, подошла к мальчику.

— Ты все выбросил? — спросила она.

— Нет, зачем же выбрасывать. Я все сложил вот в этой каморке.

Комола попробовала сделать сердитое лицо.

— Но ты очень нехорошо поступил, Умеш. Больше никогда не делай этого, слышишь? Ну, а если бы пароход ушел! — Затем Комола вошла в кладовую и крикнула оттуда: — Неси скорее нож!

Умеш подал нож, и Комола торопливо принялась резать принесенные Умешем овощи.

— К этому салату очень подошла бы тертая горчица, мать, — заметил Умеш.

— Так приготовь, — сердито приказала Комола.

Она нарочно говорила таким тоном, опасаясь, как бы Умеш не подумал, что она поощряет его, и поэтому с суровым видом занималась приготовлением овощей и баклажанов.

Но разве могла такая девушка, как Комола, отказаться в защите лишенному родного дома мальчику? Она не вполне понимала всю тяжесть такого преступления, как кража овощей, зато прекрасно чувствовала, как велика должна быть жажда ласки и приюта у этого бездомного ребенка. Ведь мальчик убежал с парохода и стащил овощи единственно для того, чтобы доставить удовольствие ей, Комоле, нисколько не думая о том, что пароход может уйти. Как же могло это не тронуть ее сердца!

— Вот что, Умеш, тут для тебя вчерашний творог оставлен. Поешь, но помни, никогда больше не занимайся такими делами! — сказала она.

Умеш, вконец расстроенный, мог лишь пробормотать:

— Почему ты не съела его вчера, мать?

— Я не так люблю творог, как ты, — ответила Комола. — Ну, Умеш, теперь у нас есть все, кроме рыбы. Чем же без нее я накормлю господина?

— Я бы мог достать рыбу, мать, но ее ведь не возьмешь без денег.

Комола снова принялась вразумлять его. Она сурово нахмурила свои красивые брови:

— Я никогда еще не видела такого непонятливого мальчика, как ты, Умеш. Разве я заставляю тебя доставать что-нибудь без денег?

У Умеша уже успело сложиться мнение, что Комола считает нелегким делом просить у Ромеша деньги. А кроме того, Ромеш ему не нравился. Поэтому Умеш не принимал Ромеша в расчет, и все нехитрые планы мальчика направлены были на то, чтобы вывести из затруднительного положения только Комолу и себя самого. За баклажаны, зелень и бананы он теперь был спокоен, но решить вопрос с рыбой оказалось ему не под силу. В этом мире одним бескорыстным почитанием не заработаешь ни капли молока, ни кусочка рыбы — все требует денег. Поэтому неимущему почитателю Комолы свет казался очень суровым.

— Если бы ты как-нибудь получила от Ромеша-бабу хоть пять пайс, мать, я принес бы тебе большого карпа, — виновато сказал Умеш.

Комола заволновалась:

— Нет, нет, я больше не разрешу тебе уходить с парохода. Если ты еще раз останешься на берегу, пароход не остановят!

— Да нет, зачем мне уходить? Сегодня утром наши матросы сетями поймали большущую рыбу. Они, я думаю, половину продадут.

Услышав об этом, Комола поспешно принесла рупию и, вручив ее Умешу, сказала:

— Принесешь сдачу.

Умеш доставил рыбу, но сдачи не принес, заявив, что матросы не хотели отдавать карпа меньше, чем за рупию. Комола догадалась, что он говорит неправду, и сказала с улыбкой:

— На следующей остановке придется разменять деньги.

— О да, это совершенно необходимо, — с невозмутимым видом подтвердил Умеш, — нечего рассчитывать на сдачу после того, как покажешь целую рупию.

В этот день, принявшись за еду, Ромеш воскликнул:

— Замечательно вкусно! Но откуда ты раздобыла все это? Что я вижу! Неужели голова карпа? — Он взял рыбью голову и торжественно приподнял ее. — Да, это не сон, не мираж, не игра воображения, — это реально существующая головная часть рыбы, которую называют *Surpinus rohita* — красным карпом.

Таким образом, полуденная трапеза закончилась вполне мирно. После обеда Ромеш уселся в шезлонге отдохнуть. А Комола стала кормить Умеша. Рыба с чоччори так ему понравилась, что его аппетит с каждой минутой принимал все более угрожающие размеры.

— Не хватит ли, Умеш? — сказала наконец обеспокоенная Комола. — Я оставила тебе еще на вечер.

За хозяйственными хлопотами и веселыми шутками Комола не заметила, как рассеялось ее утреннее пасмурное настроение.

День подходил к концу. Солнце клонилось к закату и своими косыми лучами уже забралось под палубный тент с западной стороны. По вздрагивающему пароходу прыгали бледные зайчики вечернего солнца. Узенькими тропинками, которые вились по обоим берегам среди

нежной зелени осенних нив, к реке спускались женщины с кувшинами, чтобы набрать воды для вечернего омовения.

Солнце уже скрылось на западе, за бамбуковыми зарослями, когда Комола окончила приготовление пана, умылась, причесалась и, переменяв сари, была готова к ужину. Как и накануне, пароход на ночь бросил якорь у какой-то пристани.

Приготовления к ужину отняли у Комолы немного времени, так как с утра оставались овощи. К ней подошел Ромеш и сказал, что днем очень плотно поел и ужинать не будет.

— Совсем ничего не хочешь? — огорчилась Комола. — Может быть, хоть кусочек рыбы съешь?

— Нет, не хочу, — бросил Ромеш, уходя в каюту.

Тогда все, что было, — и рыбу и чоччори — Комола положила на тарелку Умеша.

— Почему ты себе ничего не оставила, мать? — спросил Умеш.

— Я уже поела.

Итак, на сегодня все дела ее маленького плавучего хозяйства были окончены.

Лунный свет заливал своим сиянием землю и отражался в воде. Деревень поблизости не было, и над нежно-зелеными безлюдными просторами рисовых полей, словно женщина в ожидании любимого, бодрствовала прозрачная тихая ночь.

На берегу, в крохотной пароходной конторе, под железным навесом, сидел на стуле чахлый конторщик и при свете маленькой керосиновой лампы что-то подсчитывал. Ромеш хорошо видел его через открытую дверь конторы. «Как бы я был счастлив, если бы судьба назначила мне такое скромное, но зато несложное существование, — тяжело вздохнув, подумал юноша, — вести конторские книги, исполнять свою работу, выслушивать брань хозяина за ошибки в счетах и поздно вечером уходить домой!»

Наконец свет в конторе погас. Служащий запер дверь, поплотнее закутался в шарф, вероятно опасаясь ночной прохлады, и медленно двинулся в путь. Постепенно фигура его скрылась в темноте среди полей.

Ромеш не заметил, что Комола уже довольно долго стоит позади него, держась за поручни. Девушка надеялась, что он позовет ее вечером, но давно было покончено со всеми хозяйственными делами, а Ромеш все не приходил. Тогда Комола сама потихоньку вышла на палубу. Внезапно она вздрогнула, не в силах двинуться с места. Яркий свет луны падал прямо на лицо Ромеша, и по выражению его можно было понять, что Ромеш сейчас далеко, очень далеко отсюда и в мыслях его нет места Комоле. Будто между погруженным в думы Ромешем и этой одинокой девушкой встала на страже ночь, с ног до головы закутанная в одеяние из лунного света и в знак молчания приложившая палец к губам.

Когда Ромеш, спрятав лицо в ладони, уронил голову на стол, Комола тихо направилась к себе в каюту. Она старалась ступать неслышно, опасаясь, как бы Ромеш не догадался, что она искала его.

В каюте было пусто и темно. Войдя туда, девушка невольно вздрогнула. Она чувствовала себя такой одинокой и покинутой, а тесная каморка темнела перед ней, словно пасть какого-то неизвестного и кровожадного чудовища. Но куда бежать?

Разве есть угол, где она могла бы спокойно приклонить голову и, закрыв глаза, подумать: «Я у себя дома»? Заглянув в каюту, Комола отпрянула назад, но тут же наткнулась на зонтик Ромеша, который с шумом упал на окованный железом сундук. Вздрогнув от этого звука, Ромеш поднял голову и, встав с кресла, заметил Комолу, которая стояла у дверей своей спальни.

— Что такое, Комола? — спросил он. — Я думал, что ты давно уже спишь. Может быть, тебе страшно? Тогда я больше не буду сидеть здесь, а пойду спать и могу снова оставить дверь открытой.

— Страшно? Нет, что ты! — оскорбленно возразила Комола и, поспешно войдя в темную каюту, заперла дверь, открытую было Ромешем. Затем она бросилась на постель и натянула на голову покрывало, словно хотела отгородиться от всего мира. Сердце ее взбунтовалось: зачем жить, когда нет ни защиты, ни свободы?

Ночь тянулась мучительно долго. В соседней каюте уже давно уснул Ромеш. Но Комола не могла спать.

Осторожно ступая, она вышла на палубу и, сжимая поручни, стала пристально смотреть на берег. Вокруг не было слышно ни звука. Месяц клонился к закату, и не различить уже было узеньких тропинок, которые бежали среди нив по обоим берегам реки. И все же Комола пристально смотрела в ту сторону. Сколько женщин, наполнив кувшины, возвращаются по этим дорожкам к себе домой! Дом! Когда она произносила это слово, ее сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Хоть какой-нибудь маленький дом, где он у нее? Терялся вдали пустынный берег, простираясь от горизонта до горизонта, застыло в молчании небо. Ненужное небо, ненужная земля! Что значили эти безграничные просторы для хрупкой девушки! Ведь ей нужен был дом, пусть маленький, но свой. Внезапно Комола вздрогнула: она почувствовала, что рядом с ней кто-то стоит.

— Не бойся, мать! Это я, Умеш. Уже очень поздно, почему ты не спишь?

В течение всей этой долгой мучительной ночи у нее даже не было слез, но теперь они вдруг сами брызнули из глаз. Комола не в силах была сдержать их, и они все падали и падали крупными каплями. Она низко опустила голову и отвернулась от Умеша. Бесцельно плывет обремененное влагой облако, но стоит ему встретиться с таким же, как и оно, бесприютным ветерком, и весь его влажный груз мигом прольется на землю. Так и Комола, услышав ласковое слово от нищего, бездомного ребенка, не могла сдержать слез, которые давили ей на сердце. Она пыталась что-то сказать, но рыдания стиснули ей горло.

Умеш был в отчаянии, но никак не мог придумать, чем успокоить Комолу. Наконец после продолжительного молчания он вдруг выпалил:

— Мать, от той рупии, что ты дала мне, осталось семь анн.

Запас слез у Комолы к тому времени иссяк, и при этом неожиданном заявлении слабая улыбка озарила ее лицо.

— Хорошо, оставь их себе! — ласково сказала Комола. — А теперь иди спать.

Месяц исчез за деревьями. Комола вернулась в каюту и легла. На этот раз ее утомленные глаза сразу же сомкнулись. Когда утреннее солнце постучалось в дверь ее каюты, оно застало Комолу погруженной в глубокий сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На следующее утро Комола чувствовала легкое недомогание. Все сегодня казалось ей вялым и тусклым: и лучи солнца, и поверхность реки. Даже прибрежные леса выглядели утомленными, словно путник после долгой дороги.

Когда Умеш явился помогать ей по хозяйству, она устало проговорила:

— Иди, Умеш, не надоедай мне сегодня.

Но Умеш был не из тех, от кого легко избавиться.

— Что ты, мать, — ответил он, — я пришел не надоедать тебе, а растирать специи.

— Уж не больна ли ты, Комола? — спросил утром Ромеш, заметив утомленный вид девушки.

Энергичным движением головы она дала понять юноше, что вопрос его неуместен, и молча ушла на кухню.

Ромеш понимал, что с каждым днем положение все усложняется и необходимо как можно скорее принять окончательное решение. Он решил, что необходимо объясниться с Хемнолини, тогда ему будет легче понять, в чем заключается его истинный долг.

И вот после долгих размышлений он сел за письмо к Хемнолини. Ромеш уже успел сочинить один вариант и разорвать его, как вдруг услышал: «Как ваше имя, господин?» — и, вздрогнув, поднял голову.

Перед ним стоял человек преклонного возраста. У него были седые усы и очень редкие волосы, надо лбом уже поблескивала лысина. Человек был несколько смущен тем, что отвлек Ромеша от письма, которым тот, казалось, был всецело поглощен.

Затем он снова заговорил:

— Вы брахман? Здравствуйте. Я знаю, вас зовут Ромеш-бабу. Но в наших местах при знакомстве полагается спрашивать имя, это обычное проявление вежливости.

Правда, теперь уже многим не нравится такой обычай. Если вы рассердились, отомстите мне: спросите, как меня зовут, и я назову вам свое имя, имя моего отца и даже могу сообщить, как звали моего деда.

— Гнев мой не настолько велик, — рассмеялся Ромеш, — и я буду удовлетворен, узнав одно ваше имя.

— Меня зовут Тройлокко Чоккроборти. Но здесь, на западе, я всем известен просто как «дядюшка». Вы, конечно, изучали историю? Бхарата был правителем древней Индии и назывался раджей Чоккроборти, так же и я, — «дядюшка Чоккроборти» всей западной области. Вы обязательно услышите обо мне, если будете путешествовать по западу. Кстати, куда вы направляетесь?

— Еще точно не решил, где остановимся.

— Не решили, куда ехать, а на пароход поспешили!

— Я слез с поезда в Гойялондо и увидел готовый к отплытию пароход. Я понял, что если буду медлить с решением, пароход уйдет без меня. Значит, я проявил быстроту там, где дело этого требовало.

— И превосходно, господин! Испытываешь почтение к таким людям, как вы. Мы с вами прямая противоположность. Я все решу заранее, а потом уже сажусь на пароход. Это потому, что мы по натуре люди очень робкие. Возможно ли? Вы едете, и сами не знаете куда? Вы с семьей?

Ромеш замешкался, не зная, отвечать ли ему утвердительно на этот вопрос. Тогда Чоккроборти сказал:

— Простите меня, ну, конечно, вы едете с женой, это я уже знаю из весьма достоверных источников. Ваша жена готовит пищу вон в той каморке. Движимый голодом, я забрел туда в поисках кухни. «Не пугайся, мать, — сказал я ей, — я только дядюшка Чоккроборти из западной области. — Мне показалось, будто я встретил Аннапурну. — Мать, — сказал я вашей жене, — владея кухней, ты не можешь отказать мне в пище, иначе я погибну». Она чуть улыбнулась, но так ласково, что я понял: все улажено, и мне больше не о чем беспокоиться. Знаете, перед тем как отправиться в путь, я всегда выбираю по календарю благоприятный день, но такая удача, как на этот раз, еще никогда не выпадала на мою долю. Вы заняты, я не буду мешать вам и, если позволите, пойду по-

могать вашей супруге. Пока есть мы, зачем ей утруждать свои нежные ручки? Нет, нет, пишите, вам незачем вставать. Я знаю, как с ней познакомиться.— С этими словами дядюшка Чоккроборти распрощался с Ромешем и отправился на кухню.

— Какой аромат доносится отсюда, — проговорил он, входя, — не пробуя, можно угадать, что это будет тушеная рыба с овощами. А я приготовлю тебе кислый тамариндовый соус. Те, кто не жил на знойном западе, не умеют его как следует приготовить. Ты, наверно, думаешь, что старик просто так говорит, ведь тут нет тамаринда. Но раз я здесь, пусть это тебя не тревожит. Имей лишь терпение, я все достану.

Он принес обернутый в бумагу глиняный горшочек с маринадом.

— Из того, что я приготовлю, возьми, сколько тебе надо на сегодня, а остальное поставь, пусть побродит дня четыре. Потом попробуешь и скажешь: «Дядюшка хоть и хвастун, а соус все же приготовил на славу». Пойди, мать, умойся, уже поздно. А со стряпней я сам справлюсь. Да ты не бойся, у меня есть опыт в этом деле. Моя жена все время хворает, так я ей постоянно готовлю тамариндовый соус для возбуждения аппетита. Ты, я вижу, смеешься над стариком, но все это правда, я не шучу!

— Ну, так вы и меня поучите готовить ваш соус, — сказала Комола.

— погоди, вот нетерпеливая! Разве знания даются так легко? Если я нарушу чары науки, обучив тебя всему в один день, богиня Сарасвати разгневется. Сначала тебе придется несколько дней поухаживать за стариком! Я не заставлю тебя задумываться над тем, как мне угодить, — сам все объясню; больше всего я люблю псбаловать себя паном, но мне не нравится, когда орех попадает нерастолченным. Как видишь, покорить меня нелегко, но ты уже почти добилась этого своим улыбающимся личиком. А это кто такой? Как тебя зовут?

Умеш молчал. Он был сердит, так как увидел в старике своего соперника, желающего завоевать сердце Комолы. Девушка ответила за него:

— Его зовут Умеш.

— Очень славный мальчик, — заметил старик. — Он из тех, чье сердце сразу не завоеешь. Но ты увидишь, мы с ним поладим. Не теряй времени, мать, мне надо поскорее покончить со стряпней.

Общество старика заполнило ту пустоту, которую ощущала Комола в своей жизни, да и Ромеш с его появлением стал чувствовать себя как-то спокойнее.

Была огромная разница между теперешним поведением Ромеша и той свободной непринужденностью отношений, которые установились между ними в первое время, когда Ромеш считал Комолу своей женой. И эта перемена не могла не ранить сердца девушки. Теперь же, с появлением Чоккроборти, Ромеш надеялся, что старик сумеет хоть немного отвлечь мысли Комолы от него и тогда он, Ромеш, попытается исцелить раны собственного сердца.

Подойдя к каюте Ромеша, Комола остановилась у дверей. Она собиралась провести с Чоккроборти эти томительные и свободные полуденные часы, но тот, увидев ее, воскликнул:

— Нет, нет, мать! Это никуда не годится, так нельзя! — Комола не поняла, что не понравилось старику, удивилась и встревоженно взглянула на него. — Да вот обувь! — ответил дядюшка. — Это, конечно, ваше влияние, Ромеш-бабу, но что ни говори, а вы нехорошо поступаете. Родную землю оскверняет прикосновение подошв. Как вы думаете, если бы Рама обул Ситу в доусоновскую обувь, смог бы Лакшман провести четырнадцать лет в ее обществе? Никогда! Ромеш-бабу смеется, слушая меня, и в душе недоволен мною. Но я скажу: неправильно вы поступаете, Ромеш-бабу! Ну кто же, едва заслышав гудок, бросается на пароход очертя голову, совершенно не задумываясь над тем, куда ехать.

— А почему, дядюшка, вы не подскажите нам, где высадиться, — рассмеялся Ромеш. — Ваш совет, надеюсь, будет полезнее пароходного гудка!

— Однако рассудительность ваша, я вижу, растет с каждой минутой, вы ведь меня едва знаете! Ну хорошо, высаживайтесь в Газипуре. Хочешь в Газипур, дорогая? Там плантации роз, и там живет вот этот твой старый почитатель.

Ромеш вопросительно посмотрел на Комолу, и она тотчас кивнула головой в знак согласия.

После этого Чоккроборти и Умеш устроили совещание в каюте смущенной Комолы, а Ромеш, тяжело вздохнув, остался на палубе. Был полдень. Накаленный солнцем пароход тихо покачивался на волнах. Перед глазами Ромеша, сменяясь, как во сне, проплывали мирные, освещенные осенним солнцем пейзажи: рисовое поле, пристань с привязанными к ней лодками, песчаная отмель, деревенский хлев. То сверкнет на солнце железная крыша лавки, то вдруг покажется группа путников, ожидающих паром в тени старого баньяна.

В ласкающей тишине осеннего полдня до слуха Ромеша временами доносился из соседней каюты нежный и веселый смех Комолы. Этот смех болью отзывался в его сердце. Как прекрасен и в то же время далек от него этот мир! Какой страшный удар отсек его искалеченную жизнь от всей этой красоты!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Комола была еще очень молода, поэтому опасения, подозрения и горести недолго тяготили ее.

Теперь ей просто некогда было раздумывать над поведением Ромеша. Поток, встречая препятствия, течет еще стремительнее, так и спокойные мысли Комолы, внезапно натолкнувшись на странное отношение к ней Ромеша, закружились, как в водовороте. Появление старого Чоккроборти, веселые шутки, хлопоты по хозяйству — все это помогло сердцу Комолы освободиться от тяжести. Тревожные мысли пронеслись мимо, и Комола больше не предавалась раздумьям.

В эти прозрачные осенние дни речные пейзажи были особенно красивы. На фоне искрящейся золотом воды заполненные веселыми хозяйственными хлопотами, дни мелькали, как страницы бесхитростной поэмы.

День обычно начинался с забот. Умеш больше не опаздывал на пароход, но неизменно возвращался с полной корзиной. В маленькой кухне это всегда вызывало шумное оживление.

— Что это, неужели тыква! Боже мой, откуда он только раздобыл эти плоды? Смотрите, смотрите, дядюшка, это же квашеная свекла! Вот не думала, что можно достать ее в такой глуши.

И так каждое утро. Только приход Ромеша портит всем настроение, он постоянно подозревал мальчика в воровстве.

Возмущенная Комола в таких случаях говорила:

— Глупости какие, ведь я собственными руками отсчитала деньги.

— Благодаря тебе он и деньги присваивает, и овощи ворует, — отвечал Ромеш и, обращаясь к Умешу, требовал: — А ну-ка подсчитай, сколько истратил.

Но сколько Умеш ни пересчитывал, цифры у него все время получались разные, и, как правило, расходы всегда превышали выданную ему сумму. Однако Умеша это ничуть не смущало.

— Если бы я умел считать, — говорил он, — то уж наверняка стал бы сборщиком налогов, — правда, дедушка?

Чоккроборти в таких случаях советовал Ромешу отложить суд на послеобеденное время, тогда можно будет все как следует обсудить,

— Но сейчас мне трудно не похвалить этого ловкого мальчика, — говорил он. — Умение приобретать, дорогой Ромеш, — большое искусство, им владеют немногие. Конечно, стремятся к этому все, но достигают успеха лишь некоторые. Я кое-что понимаю в этом деле, Ромеш-бабу. Ведь сейчас не сезон для этих плодов, и немного найдется мальчиков, которые сумели бы раздобыть их рано поутру в незнакомом месте. Подозревать умеют все, а добывать — один из тысячи.

— И все же это не дело, дядя, вы нехорошо поступаете, поощряя его! — упорствовал Ромеш.

— Бедный мальчик ведь ничего не умеет. Так уж хотя бы этот его талант надо поощрять. Иначе и он погибнет. А это будет очень обидно, особенно пока мы на пароходе.

— Вот что, Умеш, достань мне завтра листьев дерева ним. И было бы совсем хорошо, если бы тебе удалось достать учхе. Суктуни совершенно необходима, говорит наша Яджурведа. Но довольно, оставим Яджурведу, мы

и так замешкались. Ну-ка, Умеш, вымой хорошенько овощи и неси их сюда, только живо!

Чем больше Ромеш подозревал Умеша и бранил его, тем сильнее мальчик привязывался к Комоле, и скоро благодаря поддержке Чоккроборти группа Комолы стала вполне независимой. Ромеш со своей холодной рассудительностью был на одной стороне, а Комола, Умеш и Чоккроборти, которых объединяли общие заботы, развлечения и симпатии друг к другу, оказались на другой. Чоккроборти с каждым днем все больше и больше восхищался Комолой. Это побудило Ромеша взглянуть на нее повнимательнее, но все-таки он не присоединился к их группе. Ромеш напоминал корабль большого водоизмещения, который из-за мелководья не может подойти вплотную к берегу и вынужден бросить якорь на некотором расстоянии от суши, в то время как рыбачьи лодки свободно причаливают к самому берегу.

Приближалось полнолуние. Проснувшись однажды утром, все увидели, что небо заволокло густыми черными тучами, ветер беспрерывно менялся; несколько раз начинался дождь, но затем он переставал, и тогда снова появлялись робкие лучи солнца. На середине реки не осталось ни одного суденышка, а те, которые еще не добрались до берега, спешили изо всех сил. Девушки, приходившие к реке за водой, сегодня не задерживались у пристани. Временами по Ганге скользили зловещие отблески, проникавшие сквозь покров туч, и дрожь пробегала по телу великой реки.

Пароход продолжал свой путь.

Волнение на реке причиняло множество неудобств маленькому хозяйству Комолы, но она не унывала.

— Придется нам все приготовить сейчас, мать, — заметил Чоккроборти, поглядывая на небо, — чтобы вечером не стряпать. Займись-ка овощами, а я пока замешу тесто.

Приготовление обеда в этот день заняло много времени. Ветер все крепчал, грозя перейти в ураган. Река бурлила и пенилась. За тучами трудно было разобрать, зашло уже солнце или нет. Пароход бросил якорь раньше обычного.

Спустились сумерки, и только изредка через разрывы в тучах виднелась болезненно-бледная улыбка луны.

Порывисто дул ветер. Наконец разразилась ливень, и начался ураган. Комола однажды уже испытала на себе неистовство стихии и теперь дрожала от страха. К ней зашел Ромеш.

— На пароходе мы в безопасности, — сказал он, — ты можешь спокойно спать, Комола. Я не скоро лягу.

Тут к дверям подошел Чоккроборти.

— Не бойся, дорогая, — проговорил он, — отец бурь не посмеет тебя тронуть.

Трудно было сказать, как велика власть отца бурь; но на что способна буря, Комоле было слишком хорошо известно. Поэтому, подбежав к двери, она умоляюще сказала:

— Пожалуйста, посидите со мной немного, дядюшка!

— Так вам, наверно, уже пора спать, — смущенно ответил Чоккроборти.

Но, зайдя в каюту, он увидел, что Ромеша там нет.

— Куда же делся Ромеш-бабу? — заметил он с удивлением. — Не пошел же он овощи воровать, — это не в его правилах!

— Это вы, дядюшка? — послышался голос. — Я здесь, в соседней каюте.

Заглянув туда, Чоккроборти увидел, что Ромеш читает, полулежа в постели.

— Что же вы оставили жену в одиночестве? Разве не видите, что она боится? — обратился к нему старик. — Все равно книгой бури не испугаешь, идите лучше сюда.

Комола, не помня себя от волнения, схватила Чоккроборти за руку и прерывающимся голосом проговорила:

— Нет, нет, дядюшка, не надо, не надо!

Из-за рева бури Ромеш не расслышал этих слов, но удивленный Чоккроборти быстро обернулся.

Ромеш отложил книгу и, войдя в каюту к Комоле, спросил:

— В чем дело, дядя Чоккроборти? Кажется, Комола ввс...

— Нет, нет, я позвала его, просто чтобы поболтать немного, — не глядя на Ромеша, воскликнула Комола.

Бей никто не противоречил, и, вероятно, она сама не смогла бы объяснить, что заставило ее все время повторять «нет». Этим «нет» она будто говорила: «Не думай,

что меня надо успокаивать, нет, я не нуждаюсь в этом; не думай, что мне необходимо чье-нибудь присутствие, — вовсе нет!»

Затем Комола обратилась к Чоккроборти:

— Уже поздно, дядюшка, идите спать и посмотрите, как чувствует себя Умеш. Ему, наверно, очень страшно.

— Я вообще никого не боюсь, мать, — вдруг раздался голос. Оказалось, что Умеш, закутавшись, сидит у ее двери. Растроганная Комола выглянула из каюты.

— О Умеш, зачем ты мокнешь под дождем? Сейчас же иди с дядей в его каюту, скверный мальчишка.

Вознагражденный за свое внимание таким обращением, «скверный мальчишка» покорно пошел за Чоккроборти.

— Хочешь, я буду рассказывать тебе что-нибудь, пока ты не уснешь? — предложил Ромеш девушке.

— Нет, мне очень хочется спать, — ответила Комола.

Нельзя сказать, чтобы Ромеш не догадывался об истинном настроении Комолы, но настаивать не стал и, заметив на лице ее выражение обиды, тихо ушел к себе.

Комола была слишком взволнована, чтобы спокойно лежать в ожидании сна, но все же заставила себя лечь в постель. Буря свирепствовала, волны вздымались все выше. Весь экипаж был на ногах; в машинном отделении то и дело раздавались звонки — это передавали приказания капитана. Под яростным напором ветра судно не могло держаться на одном якоре и стояло под парами. Комола поднялась и вышла на палубу. Дождь ненадолго перестал, но ветер, как раненый зверь, ревел и метался из стороны в сторону. Несмотря на густой покров туч, временами в слабом свете луны являло свой тревожный и гневный лик небо. Берега едва виднелись, река тонула во мгле. Небо и земля, далекое и близкое, видимое и невидимое — все закружилось в страшном вихре, и казалось, будто черный буйвол бога Ямы, пригнув рога и мотая головой, мчитя в слепой ярости, в диком безумии.

Когда Комола увидела эту обезумевшую ночь, это мятущееся небо, в груди ее все затрепетало. От страха ли, от радости — кто знает? Неудержимая сила, безграничная свобода, которые слышались в гуле разбушевавшихся стихий, пробудили в Комоле какое-то новое, неведомое

ей чувство. Охвативший вселенную мятежный порыв нашел отклик в ее душе. «Против чего восстает природа?» — спрашивало сердце Комолу. Но разве расслышишь ответ в грохоте бури? Он так же неясен, как неясны Комоле тревоги ее сердца. Одно она сознавала: небо и земля подняли свой гневный рокочущий голос против невидимых, неосязаемых сетей мрака, лжи и обмана. Откуда-то из беспредельных просторов мчался ветер, бросая в черную ночь свое «не-е-ет!».

«Нет» — только этот упорный протест слышался Комоле в его реве. Против чего он восстал? Этого девушка не могла сказать. Она знала лишь одно: нет, нет, ни за что!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

На рассвете ветер стал стихать, но река все еще волновалась. Капитан, не решаясь сниматься с якоря, тревожно поглядывал на небо.

Рано утром Чоккроборти зашел в каюту Ромеша и застал его в постели. Ромеш тотчас вскочил. Увидев сейчас юношу в этой каюте и припомнив события минувшей ночи, старик наконец решился спросить:

— Вы спали сегодня здесь?

— Какая скверная погода, — проговорил Ромеш, уклоняясь от ответа. — Ну, как провели ночь?

— Ромеш-бабу, — сказал Чоккроборти, — вы, кажется, считаете меня глупцом и речи мои недостойными внимания, но все же я вам скажу: над многими загадками пришлось мне ломать голову на своем веку, и большинство их я разрешал, но вас, Ромеш-бабу, я считаю самой трудной для себя загадкой.

На какое-то мгновение Ромеш смутился и покраснел, однако, тотчас овладев собой, ответил с улыбкой:

— Быть неразгаданным не всегда преступление. Мы не можем разобраться даже в детской книжке на языке телугу, тогда как для мальчика из Телинганы ее текст прозрачен, как вода. Отсюда следует, что не надо осуждать того, что тебе неизвестно. И не думайте, что если вы будете долго и пристально разглядывать непонятный вам знак, то непременно его разгадаете.

— Простите меня, Ромеш-бабу, — ответил Чоккроборти, — я считаю, что было бы слишком самонадеянно с моей стороны даже попытаться разгадать человека, у которого нет со мной ничего общего. Но ведь на свете встречаются люди, которые становятся тебе близки с первого взгляда. Да вот, ваша жена, например: спросите хоть этого бородатого капитана, он относится к ней, как к родной; я не назову его правоверным мусульманином, если он не подтвердит этого. Разумеется, очень трудно, когда при таком положении вещей ты вдруг сталкиваешься с загадкой вроде языка телугу. Подождите сердиться, Ромеш-бабу, сначала подумайте хорошенько над тем, что я вам сказал!

— Я уже подумал, — ответил Ромеш, — и вижу, что сердиться не стоит. Но сержусь я или не сержусь, причинаю вам огорчение или нет, все равно язык телугу так и останется непонятным — таков жестокий закон природы. — Ромеш тяжело вздохнул.

Теперь он уже стал колебаться и не знал, ехать ему в Газиपुर или нет. Сначала он думал, что для устройства в чужом городе знакомство со стариком может оказаться полезным. Но теперь увидел, что в этом есть свое неудобство. Расспросы и толки о взаимоотношениях его с Комолой могут быть губельны для репутации девушки. Лучше поселиться там, где у них совершенно не будет знакомых и никто не станет задавать вопросов.

За день до прибытия в Газиपुर Ромеш сказал Чоккроборти:

— Знаете, дядя, Газиपुर неподходящее место для человека моей профессии, поэтому я решил сойти в Бенаресе.

Уловив в тоне Ромеша решительные нотки, старик, смеясь, проговорил:

— Нельзя каждый раз менять свои планы — ведь это самая настоящая нерешительность! Ну, так как же: теперешнее ваше желание ехать до Бенареса можно считать окончательным?

— Да, — коротко ответил Ромеш.

Не сказав больше ни слова, старик ушел к себе и принялся собирать вещи.

— Вы сердитесь на меня, дядя? — заглянув к нему, спросила Комола.

— Не могу я на тебя сердиться, — проворчал старик, — хоть и ссорюсь с тобой два раза на день.

— Почему вы все время убегаете от нас?

— Вы, мать, хотите убежать куда дальше, чем я, зачем же называете беглецом меня?

Комола смотрела на него, ничего не понимая.

— Так Ромеш-бабу тебе еще ничего не сказал? — проговорил Чоккроборти. — Ведь решено, что вы едете до Бенареса.

Это известие Комола встретила полным молчанием.

— Дядюшка, позвольте, я уложу ваш чемодан, а то у вас ничего не получается, — после небольшой паузы сказала она.

Чоккроборти больно задело безразличие, с которым отнеслась Комола к его сообщению. «Так, пожалуй, лучше, к чему в моем возрасте новые привязанности», — с горечью думал он.

Тем временем явился Ромеш. Он пришел сообщить Комоле, что они едут до Бенареса.

— Я тебя искал, — обратился он к девушке.

Комола продолжала разбирать вещи Чоккроборти.

— Мы не поедem в Газипур, Комола, — продолжал Ромеш, — я решил практиковать в Бенаресе. Что ты скажешь на это?

— Я поеду в Газипур, — не поднимая глаз, ответила Комола, — и уже уложила вещи.

— Ты что же, одна поедешь? — пораженный ее решимостью, спросил Ромеш.

— Почему? Там живет дядюшка, — проговорила Комола, нежно взглянув на Чоккроборти.

Услышав это, старик в замешательстве воскликнул:

— Ты проявляешь ко мне такую благосклонность, мать, что Ромеш-бабу скоро начнет косо смотреть на меня.

Но девушка повторила:

— Я еду в Газипур,

По ее тону чувствовалось, что она не намерена считаться с чьим-либо мнением.

— Ну, хорошо, дядя, в Газипур, так в Газипур, — сказал наконец Ромеш.

В ночь после бури луна светила особенно ярко. Сидя в кресле на палубе, Ромеш думал о том, что дальше так продолжаться не может. Комола взбунтовалась, и это грозило с течением времени сделать его жизнь совершенно невыносимой. Невозможно, живя вместе, оставаться чужими друг другу. Надо покончить с этим. Ведь Комола действительно его жена; он ее принял как свою жену. Глупо было бы смущаться тем, что они не произносили установленных обетов. Сам Яма принес тогда эту девушку к нему на песчаный остров и связал их брачными узами. Разве есть в целом свете жрец, могущественнее его?

Между Ромешем и Хемнолини лежит поле битвы. Только преодолев препятствия, унижение, недоверие, Ромеш мог считать себя победителем и предстать перед Хемнолини с поднятой головой. Но его охватывал страх при одной мысли об этом сражении, — ведь у него не было ни малейшей надежды на победу. Как он докажет свою правоту? А если бы он и доказал ее, страшно подумать, какой грязной показалась бы вся эта история посторонним и каким тяжелым ударом это явилось бы для Комолы.

Значит, нужно отбросить прочь нерешительность и колебания и сделать Комолу своей женой. Это будет наилучшим для всех исходом. Правда, Хемнолини станет презирать его, но это презрение поможет ей обратить внимание на другого, более достойного. Подумав об этом, Ромеш вздохнул: он похоронил все свои надежды на возвращение к Хемнолини.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Это что такое? Ты куда идешь? — спросил Ромеш.

— Я вместе с госпожой, — ответил Умеш.

— Я дал тебе билет до Бенареса, а это газипурская пристань. Мы ведь не едем в Бенарес.

— И я не поеду.

Ромешу и в голову не приходило, что Умеш навсегда останется с ними, но непреклонная решимость мальчика озадачила его, и он спросил Комолу:

— Разве Умеша нам тоже придется взять с собой?

— А куда же ему деваться? — ответила Комола.

— У него ведь есть родственники в Бенаресе.

— Нет, он сказал, что хочет быть только с нами. Смотри, Умеш, не отставай от дяди. Место незнакомое, можешь потеряться в толпе.

Куда ехать, кого с собой брать, все это Комола решала теперь сама, словно вдруг пришел конец ее безропотному подчинению желаниям Ромеша. Поэтому теперь Умеш шествовал за ними, держа маленький узелок с платьем, и этот факт не подлежал никаким обсуждениям.

Небольшой домик дяди стоял между старым городом и европейским кварталом. За домом находился сад из манговых деревьев, впереди искусственный грот, дальше, за невысокой оградой, был расположен орошаемый родниковой водой огород, состоящий из нескольких грядок капусты.

На первое время Комола и Ромеш поселились в этом доме. Дядя Чоккроборти любил всем рассказывать о слабом здоровье своей жены Хорибхабини, но посторонний никогда бы не заметил у нее и намека на недомогание. Лет ей, видно, было уже немало, но лицо ее с высоким лбом еще было молодо и энергично, седина лишь слегка тронула ее волосы. Казалось, будто старость уже произнесла над ней свой приговор, но пока не осмелилась привести его в исполнение.

Еще в молодости Хорибхабини терзали жестокие приступы малярии. Чоккроборти считал, что перемена климата излечит ее, переселился с ней в Газипур и занял здесь место школьного учителя. С тех пор, несмотря на то, что жена совершенно поправилась, он не переставал беспокоиться о ее здоровье.

Оставив гостей во внешней половине дома, он пошел в онтохпур и позвал жену.

Хорибхабини молола на огороженном дворике пшеницу и расставляла на солнце кувшины и кухонную утварь.

Войдя, Чоккроборти воскликнул:

— Как же можно так, ведь уже холодно! Не накинуть ли тебе что-нибудь на плечи?

— Все тебе не так! — воскликнула Хорибхабини. — Какой там холод — солнце спину жжет!

Р. Тагор с друзьями и сыном
(1904)

— В этом тоже нет ничего хорошего, — как будто тебе трудно стать в тень!

— Хорошо, так и сделаю, а теперь скажи, почему ты так задержался?

— Долго рассказывать. В доме гости, надо о них позаботиться. — И он рассказал ей о своих новых знакомых.

В дом Чоккроборти довольно часто вторгались гости издалека, но Хорибхабини совершенно не была готова принять мужа и жену.

— Боже мой! Где ты поместишь их? — воскликнула она.

— Сначала познакомься, а потом поговорим о том, как их устроить, — ответил Чоккроборти. — Где наша Шойла?

— Купает ребенка.

Чоккроборти тут же привел в онтохпур Комолу. Как только девушка приблизилась и почтительно приветствовала Хорибхабини, та коснулась ее подбородка и затем, выражая свое восхищение, поцеловала кончики своих пальцев.

— Смотри, как она похожа на нашу Бидху! — заметила она.

Бидху, их старшая дочь, жила в доме мужа, в Каипуре. Чоккроборти усмехнулся про себя при этом сравнении: у Комолы не было ничего общего с Бидху, но Хорибхабини не могла признаться, что чужая девушка красотой или другими качествами превосходит ее дочерей. Шойлоджа жила здесь и могла не выдержать очной ставки с Комолой, поэтому Хорибхабини сравнила ее с отсутствующей старшей дочерью и таким образом удержала знамя победы за своим домом.

— Я очень рада вам, — сказала хозяйка, — но в нашем новом доме еще не кончен ремонт, и мы ютимся пока здесь, так что вам будет не очень удобно.

У Чоккроборти действительно был домик около базара, который сейчас ремонтировался, но там помещалась маленькая лавчонка, и ни о каких удобствах для жилья не могло быть и речи.

Не опровергая эту выдумку, Чоккроборти, усмехнувшись, сказал:

— Я бы и не привел их сюда, если бы не знал, что Комола умеет терпеть неудобства.

Заметив жене, что осеннее солнце вредно и поэтому ей лучше идти в дом, Чоккроборти отправился к Ромешу.

Хорибхабини тотчас же решила познакомиться с Комолой поближе.

— Я слышала, твой муж — адвокат? Давно он работает? А какой у него заработок? Что? Он еще не начал практиковать? Тогда на что же вы живете? Наверно, у твоего свекра большое состояние? Не знаешь? Боже мой... Что за странная девушка! Ты ничего не знаешь о доме свекра? А сколько муж дает тебе в месяц на расходы? Ведь когда нет свекрови, все хозяйство приходится вести самой! Ну ничего, ведь ты уже не маленькая! Муж моей старшей дочери отдает ей весь заработок.

Подобными вопросами и замечаниями Хорибхабини очень скоро доказала Комоле ее неосведомленность в житейских делах. Лишь сейчас, под градом вопросов Хорибхабини, девушка ясно поняла, как стыдно и неестественно то, что она так мало знает о прошлой жизни и делах Ромеша, своего мужа. Она подумала о том, что ей до сих пор даже ни разу не представлялось случая откровенно поговорить с ним. Она была его женой — и ничего не знала о нем! Теперь Комоле самой это показалось противоестественным, и ей стало мучительно стыдно за свою неосведомленность.

— Ну-ка, покажи свои браслеты! — начала опять Хорибхабини. — Не очень-то хорошее золото. Разве отец не дал тебе драгоценностей? У тебя нет отца? Но все-таки нельзя без украшений! Неужели муж тебе ничего не дарит? Мой старший зять по крайней мере раз в месяц обязательно что-нибудь дарит Бидху.

В самый разгар этого допроса явилась Шойлоджа, ведя за руку двухлетнюю девочку. Это была смуглая молодая женщина с мелкими чертами лица, блестящими глазами и высоким лбом. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы угадать в ней ум и спокойный характер.

Дочурка Шойлоджи некоторое время внимательно рассматривала Комолу, а затем назвала ее тетей, но вовсе не потому, что заметила в ней сходство с Бидху, — она

называла так всех женщин определенного возраста, если они ей нравились. Комола взяла девочку на руки.

Знакома ее с дочерью, Хорибхабини сказала:

— Муж этой женщины адвокат, он хочет заниматься практикой в провинции, отец встретил их по дороге и вот привез в Газиपुर.

Шойлоджа и Комола посмотрели друг на друга и сразу же почувствовали, что станут друзьями. Хорибхабини отправилась позаботиться об устройстве гостей. Тогда, взяв Комолу за руку, Шойлоджа просто сказала:

— Пойдем, сестра, ко мне в комнату.

Через несколько минут они уже непринужденно беседовали. Разница в годах обеих женщин была не очень заметна. Шойлоджа казалась застенчивой. Комола же являла собой полную противоположность ей, так как по развитию и манере держаться далеко опередила свой возраст. Потому ли, что после свадьбы над ней не тяготела суровая власть свекрови, или по каким-то иным причинам, но только преобразилась Комола очень быстро. Независимость проглядывала даже в выражении ее лица. Все новое, что она видела, возбуждало в ней любопытство, и она не успокаивалась, пока не находила ответа на все мучившие ее вопросы. До сих пор никто не кричал на нее, никто не говорил ей: «Замолчи! Делай, что тебе приказано! Жене не полагается отвечать «нет!» — поэтому Комола высоко держала голову: в искренности она черпала и силу.

Несмотря на упорные старания Уми, дочки Шойлоджи, привлечь к себе внимание обеих женщин, между новыми подругами завязался оживленный разговор. Во время этой беседы Комола со всей ясностью поняла, как скучна и бесцветна ее собственная жизнь. Шойлоджа многое могла рассказать, а она, Комола, — ничего. На широком полотне ее жизни замужество было лишь легким карандашным наброском, кое-где едва различимым и совершенно лишенным красок. До сих пор Комола не задумывалась над этим. Она чувствовала какую-то неудовлетворенность, временами в ее душе поднимался протест, но она не понимала истинной причины своего настроения. С первой же минуты знакомства Шойлоджа принялась рассказывать о своем муже, словно стоило

слегка коснуться струн ее сердца — и тотчас начинала звучать музыка. И Комола поняла, что в ее сердце молчат эти струны: что может рассказать она о муже, да и есть ли о чем рассказывать? У Комолы не было ни малейшего желания говорить о нем. Там, где лодка повествования Шойлоджи плавно скользила по течению со своим грузом счастья, пустой челнок Комолы прибывало к отмелям.

Муж Шойлоджи Бипин работал в газипурском отделении по приему опиума. У Чоккроборти было всего две дочери. Старшая жила в доме свекра, а так как отец ни за что не хотел расстаться с младшей, то выбрал ей в мужья молодого человека без состояния и, воспользовавшись своими связями, устроил его на работу в Газипуре. Таким образом, Бипин, муж Шойлоджи, остался вместе с ней в доме Чоккроборти.

Вдруг Шойлоджа прервала свой рассказ и воскликнула:

— Посиди минутку, сестра, я сейчас вернусь! — и тут же, улыбаясь, пояснила: — Муж вернулся с купанья и после обеда уйдет на работу.

— Как ты узнала, что он уже пришел? — спросила Комола с искренним удивлением.

— Ты шутишь? Как все узнают, так и я. Будто ты сама не знаешь шагов своего мужа! — С этими словами Шойлоджа, смеясь, ущипнула Комолу за подбородок и, грациозным движением перекинув за спину свободный конец сари с завязанными в нем ключами, взяла на руки девочку и вышла из комнаты.

Комола до сих пор не знала, что так легко изучить язык походки. Молча глядя в окно, она задумалась. За окном пышно цвело дерево гуавы и среди цветочных его тычинок деловито хозяйничали пчелы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ромеш вел переговоры о покупке дома, который стоял на берегу Ганги, в довольно пустынном месте. Чтобы оформиться на службу в газипурском суде, а также перевезти вещи, Ромешу было необходимо съездить в Калькутту, но на это у него не хватало решимости. Стоило

ему вспомнить знакомый переулок, как на сердце у него становилось невыносимо тяжело. И сейчас еще сети любви не порваны, но он должен наконец признать Комолу своей женой, больше медлить невозможно. Из-за своей нерешительности Ромеш все откладывал день отъезда в Калькутту.

Комола поселилась на женской половине дома Чоккроборти. Так как домик был очень мал, Ромешу пришлось жить в наружных комнатах, и с Комолой они почти не виделись.

Однажды Шойлоджа высказала Комоле свое огорчение по поводу столь тяжелой для них разлуки.

— Отчего ты так сокрушаешься, сестра? — удивилась Комола. — Что тут ужасного?

— Ах, вот как! — рассмеялась Шойлоджа. — Будто у тебя не сердце, а камень! Ну, меня никаким притворством не обманешь! Я прекрасно вижу, что у тебя на душе!

— А скажи правду, сестра, если бы Бипин-бабу не видел тебя два дня, он бы тоже...

— Что ты, он не сможет прожить без меня двух дней, — с гордостью перебила ее Шойлоджа.

И тут она принялась рассказывать о любви мужа. Она говорила о том, к каким хитростям прибегал Бипин в первое время, чтобы обмануть бдительность старших и встретиться со своей девочкой-невестой. Иногда ему удавалось пробраться к ней, иногда он попадался; она вспоминала, что, когда пришлось прекратить эти дневные свидания, они, пренебрегая запрещением старших, обменивались взглядами в зеркале во время полуденной трапезы Бипина. От этих светлых и радостных воспоминаний лицо Шойлоджи засветилось счастливой улыбкой. Потом она подробно рассказала о том, как оба они мучились, когда Бипину пришла пора служить, и сколько раз он удирал со службы домой. Как-то раз, когда Бипину, по делам ее отца, надо было на несколько дней поехать в Патну, Шойлоджа спросила, сможет ли он прожить там без нее. Когда же Бипин имел дерзость ответить, что отлично проживет один, в Шойлодже заговорила гордость: она поклялась, что ничем не выдаст своего огорчения в ночь накануне разлуки. Но эта клятва потонула в

потоке ее слез, и на следующий день, когда приготовления к отъезду были закончены, у Бипина вдруг разболелась голова и он так расхворался, что поезду пришлось отложить; доктор прописал лекарство, а они потихоньку вылили все пузырьки в канаву, и Бипин чудесным образом выздоровел. Шойлоджа так увлеклась своими воспоминаниями, что, казалось, не замечала, как летело время, но стоило лишь вдалеке у наружной двери раздаться еле слышному шуму шагов, как она озабоченно вскакивала. Это возвращался со службы Бипин-бабу. Пока Шойлоджа рассказывала о смешных случаях их совместной жизни, ее любящее сердце жадно прислушивалось к шагам у входа в дом.

Нельзя сказать, чтобы Комола это было вовсе не понятно. В первые несколько месяцев ее жизни с Ромешем ей казалось, что в ее душе тоже звучала такая мелодия. Затем, когда Комола вырвалась из школы и вернулась к Ромешу, бывало, что ее сердце вздрагивало, словно в каком-то удивительном танце под неслышную музыку. И она испытывала то же чувство, которое угадывала во всех рассказах Шойлоджи. Но ни тайных встреч, ни ухаживания — ничего этого не было. Словно ей не разрешали переступать определенную границу. Разве между ней и Ромешем существуют узы любви, подобные тем, что связывают Шойлоджу и Бипина? Вот уже несколько дней они разлучены, а она не чувствует особой печали. И совершенно невероятно, чтобы Ромеш, сидя за ее дверями, прибегал ко всяким уловкам, лишь бы ее увидеть.

Подошло воскресенье, и Шойлоджа оказалась в затруднении. Ей было неудобно оставлять надолго свою новую подругу в одиночестве, и в то же время она не была настолько склонна к самопожертвованию, чтобы лишить себя праздничного дня. С другой стороны, она понимала, что не сможет быть вполне счастлива, зная, что Ромеш рядом, а Комола лишена возможности с ним увидеться. Праздничный день все равно потеряет для нее свою прелесть. Ах, если бы как-нибудь устроить им встречу!

В таких делах обычно не спрашивают совета старших. Но Чоккроборти был не из таких людей, которые ждут, пока к ним обратятся. Он объявил дома, что уез-

жает на целый день по весьма неотложным делам. А Ромешу дал понять, что гостей они сегодня не ждут и он, уходя, закрывает входную дверь. Особенно старался он дать знать об этом дочери, так как она мгновенно улавливала смысл любого намека.

— Ну, сестра, суши-ка волосы поскорей, — сказала Шойлоджа Комоле после купанья.

— К чему такая спешка?

— Потом узнаешь, а пока давай я тебя причешу. — С этими словами Шойлоджа занялась ее прической: косичек было заплетено множество, и прическа получилась великолепная. Затем между ними разгорелся спор о том, какое надеть сари. Шойлоджа хотела надеть на нее яркое сари. Комола же не понимала, зачем это нужно, но в конце концов, чтобы доставить удовольствие Шойлодже, уступила.

В полдень после обеда Шойлоджа отозвала мужа в уголок, пошептала с ним о чем-то и затем отпустила его. После этого она стала настойчиво уговаривать Комолу выйти в наружные комнаты.

Раньше, встречаясь с Ромешем, Комола никогда не испытывала ни малейшего смущения. Она и не подозревала, что общество предписывает женщине стыдиться мужа. Ромеш с самого начала их знакомства отбросил всякие условности; не было у Комолы и подруги, которая пристыдила бы девушку за нескромность.

Но сегодня ей показалось невозможным выполнить желание Шойлоджи. Комола видела, какие права имеет на своего мужа Шойлоджа, и понимала, что сама она не может похвастать такой же властью над Ромешем, а идти в качестве просительницы ей не хотелось.

Шойлодже так и не удалось уговорить Комолу пойти к мужу, и она решила, что Комола обижена на Ромеша. «Конечно, ей было за что обидеться, — думала молодая женщина. — Сколько дней они разлучены, а он ни разу не нашел предлога, чтобы повидаться с ней».

После завтрака хозяйка дома Хорибхабини удалилась отдохнуть. Тогда Шойлоджа обратилась к Бипину:

— Пойди к Ромешу-бабу и скажи, что Комола зовет его, пусть идет во внутренние комнаты. Отец не рассердится, а мама и знать ничего не будет!

Для такого тихого и скромного молодого человека, как Бипин, это поручение было отнюдь не из приятных, но он не смел в праздничный день отказать жене в ее просьбе.

Между тем Ромеш, постелив на полу коврик, лежал закинув ногу на ногу с журналом в руках. Окончив чтение, он собрался было от скуки просмотреть объявления, но вдруг увидел Бипина и очень обрадовался. Как собеседник Бипин, конечно, не был находкой, но Ромеш решил, что в этом незнакомом месте с ним можно скоротать полуденные часы, и поэтому приветливо сказал:

— Входите, Бипин-бабу, садитесь! — Но Бипин не сел, а, почесав затылок, заявил:

— Она вас зовет к себе.

— Кто, Комола? — спросил Ромеш.

— Да.

Ромеш был несколько удивлен. Правда, он давно уже решил, что будет наконец считать Комолу своей женой. Но по свойственной ему нерешительности был рад некоторой отсрочке. В своем воображении он уже видел Комолу в роли хозяйки и пытался воодушевить себя мыслями о будущем счастье, но первые шаги — всегда самые трудные. Он и представить себе не мог, как в один прекрасный день преодолит отчужденность, возникшую между ними. Именно поэтому Ромеш не очень торопился с наймом дома.

Услышав, что Комола зовет его, он решил, что у нее к нему важное дело. Но, несмотря на то, что он был почти уверен в правильности своего предположения, приглашение все же взволновало его.

Отложив в сторону журнал, Ромеш направился в онтохпур. В томительной тишине осеннего полдня, нарушаемой лишь убаюкивающим жужжанием пчел, он чувствовал себя почти как влюбленный, который спешит на свидание. Бипин издали указал ему дверь комнаты и скрылся.

Комола думала, что Шойлоджа отказалась от намерения уговорить ее встретиться с Ромешем. Она села на пороге у раскрытой двери и стала смотреть в сад.

Сама того не подозревая, Шойла лирически настроила Комолу. От нежного ветерка в саду трепетали ветви де-

ревьев, и тихий шелест листвы временами заставлял сердце девушки вздрагивать в непонятном смятении.

В это время в комнату вошел Ромеш.

— Комола!

Девушка очнулась от грез и вскочила, сердце ее взволнованно забилося. Она, которая никогда раньше не испытывала ни малейшего смущения в присутствии Ромеша, теперь не могла поднять головы и взглянуть на него. Краска стыда залила даже кончики ее ушей.

Нарядная, с непривычным для Ромеша выражением лица, Комола предстала перед ним совсем иной. И эта новая Комола удивила и очаровала его. Медленно подойдя к ней, он после нескольких секунд молчания нежно спросил:

— Комола, ты звала меня?

Девушка была поражена.

— Нет, нет, не звала, зачем мне тебя звать? — с необычной горячностью воскликнула она.

— Ну, а если бы и позвала, разве это преступление?

— Да нет, я не звала тебя! — проговорила она с еще большим нетерпением.

— Хорошо! Ты не звала меня, я сам пришел. Так неужели я так и уйду, не услышав от тебя ни одного ласкового слова?

— Все узнают, что ты был здесь, и будут недовольны, лучше уходи! Я тебя не звала!

— Ну хорошо! — воскликнул Ромеш, схватив ее за руку. — Пойдем ко мне, там никого нет.

Вся дрожа, Комола вырвала руку, убежала в соседнюю комнату и заперла за собой дверь.

Ромеш понял, что это просто женский заговор, и, взволнованный, отправился к себе в комнату. Растянувшись на коврик, он взял журнал и попробовал снова заняться объявлениями, но ничего не мог понять: в сердце его, словно облака, гонимые ветром по небу, мчались противоречивые чувства.

Шойлоджа постучала в запертую дверь, но ей никто не открыл. Тогда она, приподняв жалюзи, просунула руку и открыла сама. Войдя в комнату, она увидела, что Комола лежит ничком на полу и плачет, закрыв лицо руками.

Молодая женщина была удивлена. Она совершенно не понимала, что могло так огорчить Комолу. Присев рядом с ней, она ласково зашептала:

— Что случилось, милая, почему ты плачешь?

— Зачем ты так нехорошо поступила? Зачем позвала его? — проговорила Комола укоризненно.

Не только другому — самой Комоле трудно было понять причину столь сильного и внезапного порыва отчаяния. Никто не знал, что затаенное горе давно лежало у нее на сердце. Сегодня Комола целый день находилась в созданном ею мире грез. Если бы Ромеш вошел в этот мир осторожно, все кончилось бы благополучно. Но когда она узнала, что его привели к ней, все ее мечты рассеялись. Вновь воскресли изгладившиеся было воспоминания о его попытках оставить ее на праздники в школе, о его равнодушии во время поездки на пароходе. После приезда в Газиपुर Комола очень быстро поняла, что прийти к любимой по собственному желанию — это одно, а явиться по ее зову — совсем иное.

Но Шойлодже трудно было разобраться во всем этом. Ей и в голову не могло прийти, что между Ромешем и Комолой была какая-нибудь серьезная преграда. Она нежно привлекла Комолу к себе на грудь и спросила:

— Сестра, может быть, Ромеш-бабу сказал тебе какую-нибудь грубость или рассердился, что мой муж позвал его? Почему же ты не сказала ему, что это я виновата?

— Нет, нет, он ничего не говорил. Но зачем ты его позвала?

— Я нехорошо поступила, сестра, прости, — проговорила расстроенная Шойлоджа.

Комола привстала и горячо обняла ее.

— Иди, милая, — сказала она, — иди скорее, а то Бипин-бабу рассердится.

Ромеш долго сидел один, строчки журнала расплывались перед его невидящими глазами. Наконец он отбросил журнал прочь, поднялся и решительно проговорил:

— Довольно, так больше продолжаться не может. Завтра же я поеду в Калькутту и улажу все дела. Я дол-

жен наконец признать Комолу своей женой, так как вина моя перед ней с каждым днем увеличивается.

Сознание долга вдруг с такой силой пробудилось в Ромеше, что победило все его сомнения и колебания.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ромеш решил, что покончит со всеми делами в Калькутте и вернется, даже не заглянув в Колутолу. Он поселился в Дорджипаре. Дела отнимали у него совсем немного времени, и остаток дня девать было некуда. Но Ромеш пребывал в постоянном страхе, что может встретить кого-нибудь из своих знакомых, и потому старался появляться на улице как можно реже.

Стоило Ромешу вернуться в Калькутту, как он сразу же почувствовал в себе перемену. В пустынном краю, в обстановке невозмутимого покоя, Комола, свежая и юная, казалась ему красавицей, но здесь, в городе, ее очарование рассеялось. Напрасно у себя в Дорджипаре Ромеш, вызвав в своем воображении ее образ, пытался созерцать его влюбленными глазами, — сердце его молчало. Комола снова стала казаться ему простой, невежественной девочкой.

Чем больше сдерживаешь себя, тем меньше это удается. Сколько ни твердил себе Ромеш, что должен изгнать Хемнолини из своего сердца, она день и ночь стояла перед его глазами. Решение забыть ее лишь помогло ему удержать образ Хемнолини в памяти.

Если бы Ромеш немного поторопился, он мог бы давно кончить все дела и вернуться в Газиपुर. Но и маленькие дела, если с ними долго возиться, могут принять угрожающие размеры. Наконец со всеми хлопотами было покончено.

На следующий день Ромеш решил выехать по делам в Аллахабад, а оттуда направиться прямо в Газиपुर. До сих пор он был тверд в принятом решении. Но выдержка должна вознаграждаться. Что плохого, если перед отъездом он тайком заглянет в Колутолу?

И вот, перед тем как отправиться туда, он сел писать письмо. В нем он пространно излагал всю историю своих

отношений с Комолой. Сообщал и о том, что по возвращении в Газиपुर ему не останется ничего другого, как сделать несчастную девушку своей женой. Таким образом, прежде чем навсегда расстаться с Хемнолини, он в прощальном письме раскрыл ей истину.

Запечатав письмо, он не поставил на конверте ни адреса, ни имени. Ромеш знал, что слуги Онноды-бабу любят его. Симпатии их объяснялись очень просто. Ромеш относился со вниманием ко всем, кто окружал Хемнолини, и никогда не забывал одарять слуг деньгами или одеждой. Ромеш решил, когда стемнеет, подойти к дому в Колутоле и хоть издали взглянуть на Хемнолини, а затем попросить кого-нибудь из слуг передать ей письмо. Так он порвет навсегда со своей прежней привязанностью.

Вечером Ромеш, задыхаясь от волнения, робко направился в знакомый переулок. Подойдя к дому, он нашел двери запертыми, а все окна плотно затворенными. Дом стоял пустой и темный. Но Ромеш все же постукал. На его стук вышел слуга.

— Шукхон, ты? — спросил Ромеш.

— Да, я, господин, — послышался ответ.

— А где твой хозяин?

— Они с госпожой отправились на запад, подышать свежим воздухом.

— Куда именно?

— Не знаю, господин.

— А еще кто-нибудь поехал с ними?

— Нолин-бабу.

— Какой это Нолин-бабу?

— Этого я не могу сказать.

Из дальнейших расспросов Ромешу все же удалось выяснить, что Нолин-бабу — молодой человек, который последнее время часто бывал у них в доме. Но, несмотря на то, что Ромеш как будто отказался от надежды на любовь Хемнолини, этот Нолин-бабу почему-то не вызвал в нем особой симпатии.

— Как чувствует себя твоя хозяйка?

— О, она в полном здоровье.

Слуга Шукхон надеялся, что это приятное известие успокоит и обрадует Ромеша. Но одному всевышнему известно, как он заблуждался!

— Я хотел бы подняться наверх, — сказал Ромеш.

Слуга взял тусклую коптящую керосиновую лампу и повел его вверх по лестнице. Ромеш, как привидение, бродил по комнатам, — иногда садился на знакомый диван или в кресло. Вещи, мебель — все было как раньше, но что за Нолин-бабу появился здесь? Природа не терпит пустоты! Вот оконная ниша, в которой однажды стояли рядом Ромеш и Хемнолини, и лишь заходящее осеннее солнце присутствовало при безмолвном соединении двух сердец. Оно и впредь будет заглядывать в эту нишу. Но если кто-то другой пожелает когда-нибудь возродить эту картину и вместе с Хемнолини будет стоять в оконной нише, — неужели прошлое не воздвигнет между ними стены и, приложив палец к губам, не разлучит их? В сердце Ромеша проснулась уязвленная гордость. На следующий день он, не захав в Аллахабад, отправился прямо в Газипур.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ромеш провел в Калькутте около месяца. Для Комолы это был не такой уж малый срок. В ее жизнь ворвался стремительный поток перемен. Как заря в одно мгновение расцветает яркими лучами утреннего солнца, так за короткое время женственность Комолы, пробудившаяся от сна, пышно распустилась. Неизвестно, сколько бы ей пришлось ждать этого пробуждения, если бы не дружба с Шойлоджей, свет и тепло любви которой согревали сердце Комолы.

Тем временем, видя, что Ромеш задерживается, и уступая настойчивым просьбам Шойлоджи, дядя снял для Ромеша и Комолы домик, стоявший на окраине города, у самого берега Ганги. Он отправил туда некоторые вещи, чтобы придать жилищу более уютный вид, и нанял слуг.

Когда после длительного отсутствия Ромеш вернулся в Газипур, им с Комолой уже незачем было оставаться в доме Чоккроборти. С этого дня Комола вступила во владение своим собственным хозяйством.

Вокруг их бунгало оказалось достаточно земли для того, чтобы развести сад. К дому вела тенистая аллея из высоких деревьев сису. Мелкая по-зимнему Ганга да-

деко отошла от берега, поэтому между домом и рекой оказалась илистая отмель. Это своеобразное поле крестьяне засеяли пшеницей, а кое-где устроили бахчи для дынь и арбузов. У южной, обращенной к Ганге, стены дома росло огромное дерево ним, под которым был устроен легкий настил.

Дом долго пустовал, и участок был совершенно заброшен: деревьев в саду почти не осталось, а комнаты имели запущенный вид. Но это запустение особенно нравилось Комоле. В восторге от того, что она наконец будет хозяйкой в своем собственном доме, Комола все в нем находила прекрасным. Она уже заранее обдумала, что будет в каждой из комнат и где какие деревья посадить в саду.

Посоветовавшись с дядей, она распланировала участок так, чтобы ни один клочок земли не пропал зря. Она сама следила за установкой очага в кухне и производила в кладовой все необходимые поправки. Жизнерадостность в Комоле была ключом. Целый день в доме не прекращались чистка, мытье, уборка. Ничто не ускользало от ее заботливого взгляда.

Лишь в домашнем труде женская красота раскрывается во всем своем многообразии и обаянии. Теперь, когда Ромеш наблюдал Комолу за этими хлопотами, она казалась ему птицей, выпущенной из клетки. И Ромеш со все возрастающим изумлением и восхищением любовался ее сияющим лицом, ловкими движениями. До сих пор ему не приходилось видеть Комолу в этой стихии, теперь же новая роль, роль хозяйки, придавала ее красоте какое-то величие.

— Что ты делаешь, Комола? Ты устанешь! — сказал он, подходя к ней.

Комола на мгновенье оторвалась от работы, подняла голову и, улыбнувшись Ромешу своей милой улыбкой, проговорила:

— Нет, ничего со мной не случится!

Восприняв внимание Ромеша как похвалу, она взялась за работу с новой энергией. Очарованный Ромеш нашел предлог, чтобы снова подойти к ней.

— Ты уже ела, Комола? — обратился он к девушке.

— Конечно. Давно уже позавтракала.

Ромеш, разумеется, знал об этом и все же спросил, чтобы хоть как-нибудь проявить свою заботу, да и нельзя

сказать, чтобы этот праздный вопрос был неприятен самой Комоле.

Желая не упустить нить разговора, Ромеш снова обратился к ней:

— Зачем ты все делаешь сама? Поручи что-нибудь мне!

Деятельные люди всегда относятся с недоверием к возможностям других. Они боятся, что если кто-нибудь другой примется за их дело, то обязательно все испортит. Поэтому Комола, смеясь, сказала:

— Нет, эта работа не для тебя.

— Мы, мужчины, народ очень терпеливый, — ответил Ромеш, — поэтому кротко сносим ваше презрение и не бунтуем. Представляю, если бы женщина очутилась в таком положении, какую бы ужасную бурю она подняла! Ну, а почему ты дяде не запрещаешь помогать, неужели только я один такой неспособный?

— Не могу тебе этого объяснить, но стоит мне представить, как ты выметаешь сажу из кухни, как меня начинает душить смех. Уходи отсюда, смотри, какая пыль!

Ромеш пытался продолжать разговор:

— Но ведь пыль людей не выбирает, она садится и на тебя и на меня.

— Так ведь я работаю — и мне поневоле приходится терпеть. А тебе зачем дышать пылью?

Понизив голос, чтобы не слышали слуги, Ромеш нежно сказал:

— Я хочу делить с тобой все — пусть это будет работа или что-нибудь иное.

Комола залилась краской и, ничего не ответив, отошла в сторону.

— Вылей-ка сюда еще кувшин воды, — обратилась она к Умешу, — разве не видишь, сколько грязи здесь накопилось! Дай мне метлу! — И она с еще большим усердием продолжала уборку. Глядя, как Комола орудует метлой, Ромеш с беспокойством воскликнул:

— Ах, Комола, зачем ты это делаешь?

Вдруг за его спиной послышался голос:

— Что же плохого в этом занятии, Ромеш-бабу? Вы научились английскому языку и вслух готовы сколько угодно твердить о равенстве. Но если вы считаете труд

подметальщиц унижительным, то зачем допускать, чтобы этим занимались слуги? Я, может быть, и глупец, но спросите меня, что я думаю по этому поводу, и я вам отвечу: в руках преданной жены каждый прутик метлы мне кажется прекрасным и светящимся, словно солнечный луч. Я почти закончил расчистку твоих джунглей, мать, — продолжал Чоккроборти, — теперь тебе придется указать мне, в каком месте ты хочешь посадить овощи.

— Потерпите немножко, дядюшка, — ответила Комола, — я только подмету эту комнату.

Закончив уборку, Комола накинула на голову край сари и вместе с дядей вышла в сад. Там они принялись обсуждать, какой участок отвести под огород.

В хлопотах незаметно пролетел день, но дом так и не был полностью приведен в порядок. Это бунгало давно уже пустовало и стояло запертым. И теперь, прежде чем поселиться в нем, надо было еще несколько дней мыть и скрести комнаты, проветривать помещение.

Поэтому к вечеру им опять пришлось возвратиться под кровлю Чоккроборти. Сегодня это весьма огорчило Ромеша. Он весь день мечтал, как вечером, сидя в этом тихом уединенном домике, при свете лампы, он будет изливать свою душу стыдливо улыбающейся Комоле. Однако переезд в их новый дом откладывался еще на несколько дней, и Ромеш отправился в Аллахабад, чтобы устроиться в местную адвокатуру.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На следующий день Комола пригласила Шойлоджу на обед в свое новое жилище. Молодая женщина, накормив Бипина, проводила его на службу, а затем пошла к подруге. Уступая настояниям Комолы, дядя решил освободиться на этот день и отпустил учеников. Под деревом женщины разложили провизию и при деятельном участии Умеша занялись стряпней.

После обеда дядя удалился в дом подремать, а подруги, усевшись в тени, стали вести свои нескончаемые разговоры. Спокойная беседа зимним солнечным днем на берегу реки в густой тени дерева так успокаивающе по-

действовала на Комолу, что все ее тревоги унеслись далеко, далеко, словно коршуны, которые парили в вышине и на фоне безоблачного неба казались едва заметными точками.

Прошло совсем немного времени, и Шойлоджа забеспокоилась — скоро должен был возвратиться со службы ее муж.

— Неужели ты хоть раз не можешь отступить от своих правил, сестра? — спросила ее Комола.

Шойлоджа ничего не ответила; слегка улыбнувшись, она коснулась рукой подбородка Комолы и покачала головой. Затем вошла в дом и, разбудив отца, сказала, что собирается домой.

— Идем с нами, милая, — обратился Чоккроборти к Комоле.

— Нет, — ответила девушка, — мне надо еще кое-что сделать, я приду попозже.

Дядя оставил с Комолой своего старого слугу и Умеша, а сам отправился проводить Шойлоджу. У него были дома какие-то дела, но он обещал скоро вернуться.

Комола окончила свои хлопоты еще до захода солнца. Плотнo укутавшись в теплую шаль, она вышла в сад и села под развесистым деревом. Далеко на западе, за высоким берегом, у которого стояли парусники, вонзив в багровое небо свои черные мачты, село солнце.

К Комоле тихонько подошел Умеш.

— Мать, ты давно не брала пана. Перед тем как уйти из дома дяди, я захватил немного. — И он протянул ей завернутый в бумагу пан.

Комола наконец очнулась от своих мыслей и увидела, что уже совсем стемнело. Она поспешно встала.

— Мать, господин Чоккроборти прислал за тобой экипаж, — проговорил Умеш.

Перед тем как уехать, Комола вошла в дом, чтобы еще раз взглянуть, все ли в порядке.

В большой гостиной на случай зимних холодов был устроен камин. На каминной доске стояла керосиновая лампа. Туда же положила Комола сверток с паном и еще раз обвела глазами комнату. Вдруг на бумаге, в которую был завернут пан, она увидела свое имя, написанное рукой Ромеша.

— Откуда ты взял эту бумагу? — обратилась она к Умешу.

— Она валялась в углу комнаты господина, я поднял ее, когда подметал пол.

Комола стала читать, стараясь не пропустить ни слова. Это было письмо Ромеша к Хемнолини. По рассеянности он совершенно о нем забыл. Комола прочла все до конца.

— Что же ты все стоишь, мать, и молчишь, — заговорил Умеш. — Ведь скоро ночь.

В ответ не раздалось ни звука.

Заглянув в лицо Комолы, Умеш испугался.

— Ты разве не слышишь меня, мать? Поедем домой, уже совсем стемнело.

Но девушка не шелохнулась, пока не явился слуга дяди и не доложил, что экипаж давно ожидает их и пора ехать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Тебе нездоровится, сестра? Голова болит? — спросила Шойлоджа.

— Нет, ничего, — ответила Комола. — Почему не видно дяди?

— В школе каникулы, и мама послала его в Аллахабад навестить Бидху, она уже несколько дней нездорова.

— А когда он вернется?

— Думаю, он задержится там не больше недели. Ты слишком утомилась, устраивая свое бунгало. Поужинай сегодня пораньше и ложись скорее спать.

Самое лучшее было бы рассказать все Шойлодже, но Комола не могла решиться на это. Кому угодно, только не Шойле; сказать ей, что человек, которого она столько времени считала своим мужем, в действительности не муж ей, казалось Комоле совершенно невозможным.

Запершись в спальне, девушка при свете лампы перечитала письмо. Имени и адреса в письме не было, но Комола сразу поняла, что адресовано оно женщине, на которой Ромеш хотел жениться, и что из-за Комолы ему пришлось с ней расстаться. Ромеш не скрывал и того, что любит эту женщину всем сердцем и лишь из жалости к

одинокой девушке, которая по несчастной случайности оказалась в его руках, он, не имея иного выхода, решил навсегда отказаться от своей любимой.

Теперь Комола наконец поняла отношение к ней Ромеша, начиная с их встречи на отмели посреди реки и кончая Газиपुरом.

В то время как Ромеш, зная, что она жена другого, не мог придумать, как с ней поступить, Комола считала его своим мужем и, ни о чем не подозревая, собиралась строить домашний очаг на всю жизнь. Сейчас, когда она думала об этом, стыд вонзался в нее, словно раскаленная стрела. Она готова была провалиться сквозь землю, когда на память ей приходили всевозможные эпизоды их совместной жизни. Этот стыд запятнал всю ее жизнь, и от него не было спасенья!

Резким движением Комола распахнула дверь и вышла в сад. Была темная зимняя ночь; от черного неба веяло холодом камня. Воздух был прозрачен, ярко горели звезды.

Прямо перед ней чернела роща манговых деревьев. Мысли Комолы путались. Она опустилась на холодную траву и сидела так, застыв, словно изваяние. Глаза ее были сухи, в них не было ни слезинки.

Сколько времени провела она так — неизвестно, но вдруг почувствовала, что жестокий холод проник ей в самое сердце. Ее охватил озноб.

Глубокой ночью, когда тонкий луч ущербной луны прорезал темный край неба над молчаливой пальмировой рощей, Комола медленно встала, пошла к себе в спальню и заперлась там.

Утром, раскрыв глаза, она увидела у своей постели Шойлоджу. Поняв, что уже поздно, смущенная девушка поспешно села в кровати.

— Не вставай, сестра, поспи еще немного. Ты, наверно, заболела? Лицо осунулось, под глазами темные круги. Что-нибудь случилось? Почему ты не расскажешь мне всю правду? — И Шойлоджа, присев на постель, обвила руками шею Комолы.

Грудь девушки судорожно вздымалась: не сдерживаясь больше, она уткнулась лицом в плечо Шойлоджи и дала

волю слезам. Не говоря ни слова, Шойлоджа крепче обняла подругу. Но через мгновение Комола вырвалась из ее объятий, встала, вытерла глаза и через силу рассмеялась.

— Перестань смеяться, — сказала Шойлоджа. — Знаешь, много я видела девушек, но такой скрытной еще никогда не встречала. Однако не надейся, что я позволю тебе молчать, не на такую напала! Хочешь, я скажу, в чем дело? Ромеш-бабу не прислал тебе из Аллахабада ни одного письма — вот ты и рассердилась, горячка какая! Но пойми, он уехал по делам и через два дня вернется. Зачем же так сердиться, ведь не в его силах подгонять время! Перестань! Но знаешь, сестра, я даю тебе сейчас столько разумных советов, а случись со мной такое, было бы то же самое! Ведь мы, женщины, готовы лить слезы из-за каждого пустяка. Ну, улыбнись же — и все забудется.

С этими словами Шойлоджа притянула Комолу к себе и спросила:

— Скажи правду, ведь ты сейчас думаешь, что никогда ему этого не простишь, да? Ни за что?

— Конечно.

Шойлоджа потрепала девушку по щеке.

— Ну, вот, я так и думала! Что ж, посмотрим, посмотрим!

В это же утро, сразу после разговора с Комолой, Шойлоджа написала отцу в Аллахабад.

«Комола очень расстроена, что не получает писем от Ромеша-бабу, — писала она, — бедняжка совсем одинока в незнакомом городе, а он все время в отъезде, да еще и писем не шлет, подумай сам, как ей тяжело! Неужели он еще не уладил все свои дела? Все заняты, но разве так трудно урвать минутку и написать хотя бы две строчки!»

Встретившись с Ромешем, дядя прочел ему несколько фраз из письма Шойлоджи и хорошенько его отругал.

Ромеш был не на шутку увлечен Комолой, но именно это и увеличивало его сомнения и заставляло медлить с отъездом, а тут еще дядя прочел ему письмо Шойлоджи!

Ромеш пришел к заключению, что Комола очень скучает без него, но стыдится сама написать об этом.

Уверившись в любви Комолы, Ромеш перестал колебаться. Теперь речь шла не только о его личном счастье, но и о счастье девушки. На песчаном острове среди реки всевышний не просто привел их друг к другу, но и слил воедино их сердца. Подумав об этом, Ромеш, не медля более ни минуты, сел за письмо к Комоле.

«Любимая! — писал он. — Не сочти такое обращение простой эпистолярной условностью. Я ни за что не назвал бы тебя так, если бы не чувствовал, что действительно люблю тебя больше всех на свете. Если ты когда-нибудь сомневалась во мне, если я причинил боль твоему нежному сердцу, пусть то, что я искренне называю тебя своей любимой, положит конец твоим сомнениям и страданиям.

Да и стоит ли подробно писать об этом. До сих пор многие мои поступки причиняли тебе огорчения. Если ты еще сердисься на меня, я оправдываться не стану, скажу лишь, что теперь ты для меня самая любимая, нет никого на свете, кто был бы мне дороже. Если и эти слова не заставят тебя забыть все незаслуженные обиды и горе, которое я тебе причинил, то уж больше ничем я помочь не смогу.

Итак, Комола, назвав тебя своей любимой, я покончил с нашим прошлым, омраченным сомнениями, и положил начало полному любви будущему. Об одном молю: верь, что ты для меня самая дорогая. Если согласишься этому всем сердцем, то не станешь расспрашивать и подозревать меня! Не осмеливаюсь спрашивать, любишь ли ты меня. Да и не буду! Я уверен, что настанет день, когда сердце твое без слов передаст благоприятный ответ моему сердцу. Это подсказывает мне моя любовь. Я не настолько самонадеян, чтобы считать себя достойным твоей любви, но неужели мое чувство к тебе останется без ответа? Знаю, что письмо это покажется тебе несколько странным и, может быть, надуманным, мне даже хочется порвать его. То, что я хотел бы сказать тебе, написать невозможно. Я не знаю, что ты ответишь, поэтому не могу выразить все, что чувствую. Как только мы полностью пойдем друг друга, мне будет легче писать. Воздух лишь тогда свободно проникает в комнату, когда распахнуты все двери. Комола, дорогая, когда я наконец раскрою двери твоего сердца?

Все это придет постепенно, со временем. Ни о чем не надо беспокоиться. Я приеду на следующее утро после того, как ты получишь это письмо. Прошу тебя, жди меня в нашем новом доме.

Долго мы с тобой были без крова, я больше не хочу ждать. На этот раз я вернусь в свой собственный дом и госпожу моего сердца хочу видеть хозяйкой этого дома. Это будет наш второй «благоприятный взгляд». А ты помнишь первый, — в лунную ночь, на берегу реки, среди пустынных песчаных отмелей? Ни крыши, ни стен, ни родных, ни друзей, ни соседей — далеко-далеко от дома. Тогда казалось, что это сон, мираж. Поэтому я так жду настоящего «благоприятного взгляда» ласковым и ясным утром, в нашем собственном бунгало. Ты будешь стоять на пороге, озаренная лучами утреннего солнца, с ласковым улыбающимся лицом. Такой я сохранию тебя в своем сердце на всю жизнь. Я весь исполнен нетерпеливого ожидания.

Любимая! Я, словно гость, жду у ворот твоего сердца, не гони же меня!

Молящий о благосклонности Ромеш».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Чтобы хоть немного развеселить Комолу, Шойлоджа спросила ее:

— Ты разве не пойдешь сегодня в ваше бунгало?

— Нет, больше туда идти незачем.

— Ты уже кончила уборку?

— Да, милая, все кончено.

Немного времени спустя Шойлоджа снова заглянула к ней:

— Что ты мне подаришь, если я дам тебе одну вещь, сестра?

— У меня же ничего нет, диди.

— Совсем ничего?

— Совсем.

Шойлоджа потрепала девушку по щеке.

— Ну, конечно, я знаю, все, что ты имела, ты отдала одному человеку, правда? А что скажешь на это? — И она вынула письмо.

Увидев на конверте почерк Ромеша, Комола побледнела как полотно и слегка отвернулася.

— Ну, хватит показывать свою гордость, достаточно! Ведь знаю, что ты только и думаешь, как бы поскорее вырвать письмо у меня из рук. Но пока не улыбнешься, я ни за что не отдам его тебе! Посмотрим, надолго ли тебя хватит!

В это время с криком: «Тетя! Тетя!» — вбежала Уми, волоча за собой на веревке коробку из-под мыла. Комола взяла девочку на руки и, тормоша и целуя, унесла в спальню. Уми, которую так неожиданно разлучили с ее тележкой, подняла громкий крик, но Комола не отпускала ее и, чтобы утешить девочку, принялась болтать с ней и осыпать ее шумными ласками.

— Сдаюсь! — воскликнула Шойлоджа, входя следом за ней в комнату. — Ну и терпеливая же ты! Я бы не могла так долго ждать! На, сестра, возьми, зачем мне зря навлекать проклятия на свою голову! — С этими словами она бросила письмо на постель и, взяв Уми у Комолы, ушла.

Комола долго вертела конверт, пока наконец решилась распечатать его. Но едва пробежала она глазами несколько строк, как лицо ее запылало от стыда, и она отшвырнула письмо прочь. Затем, справившись с охватившим ее чувством отвращения, подняла его и прочла от начала до конца. Все ли в нем было ей ясно, не знаю, но ей казалось, будто она держит в руках что-то грязное. И она снова бросила письмо на пол. Человек, который не был ее мужем, призывал ее создать для него семейный очаг! Ромеш давно знал обо всем и теперь так оскорбил ее. Неужели он думает, что Комола стала относиться к нему с большей теплотой после их переезда в Газиपुर, потому, что он — Ромеш, а не оттого, что он ее муж? Вероятно, именно так он считает и поэтому из жалости к сироте написал ей это любовное послание. Но как, как она теперь докажет ему, что он ошибся? За что выпали на ее долю такой позор, такое несчастье? Ведь никогда в жизни она никому не причиняла зла! Дом Ромеша на берегу Ганги казался ей теперь каким-то чудовищем, которое хочет поглотить ее. Как спастись? Два дня назад

девушке и во сне не снилось, что Ромеш будет внушать ей такой ужас!

В дверях появился Умеш и слегка кашлянул. Но Комола не заметила его, тогда он тихо позвал ее:

— Мать!

Комола обернулась. Почесав в затылке, Умеш сказал:

— Знаешь, сегодня Шидху-бабу по случаю свадьбы своей дочери пригласил артистов из Калькутты.

— Ну и хорошо, Умеш, — ответила Комола. — Сходи туда, посмотри.

— Принести тебе завтра утром цветов, мать?

— Нет, нет, не нужно цветов.

Умеш уже собрался уходить, но Комола неожиданно вернула его:

— Умеш, ты идешь на представление, вот возьми пять рупий!

Умеш был поражен. Он никак не мог понять, какое отношение имеют пять рупий к представлению.

— Мать, ты, наверно, хочешь, чтобы я купил тебе что-нибудь в городе?

— Нет, мне ничего не надо. Оставь деньги у себя, они тебе пригодятся!

Когда смущенный Умеш направился к выходу, Комола опять задержала его:

— Умеш, неужели ты пойдешь на представление в этом платье, что люди скажут?

Умеш никогда не думал, что люди многого ожидают от него и будут обсуждать недостатки его туалета. Поэтому он совершенно не заботился о чистоте дхоти и его не волновало отсутствие рубашки. На замечание Комолы он лишь усмехнулся.

Комола вынула несколько сари и протянула их Умешу:

— Вот возьми и надень, какое хочешь.

При виде красивых и широких полотнищ сари Умеш пришел в неопикуемый восторг и упал к ногам Комолы, чтобы выразить глубину своей благодарности; затем, строя гримасы, в тщетной попытке скрыть переполнявший его восторг, удалился. После его ухода Комола смахнула слезинки и молча стала у окна.

В комнату вошла Шойлоджа.

— А мне ты не покажешь письмо, сестра? — спросила она. У Шойлоджа от Комолы не было никаких тайн, поэтому она имела право требовать от подруги такой же откровенности.

— Вот оно, диди, — ответила Комола, указывая на валяющееся на полу письмо.

«Какая упрямая! До сих пор сердится», — подумала про себя Шойлоджа. Затем подняла письмо и прочла. Ромеш много писал о любви, но все же письмо было каким-то странным. Как может муж писать жене такие письма! Нет, тут что-то не так!

— Твой муж, наверное, пишет романы, сестра? — обратилась она к Комоле.

При слове «муж» Комола как-то испуганно сжалась.

— Не знаю, — ответила она.

— Значит, сегодня ты уйдешь в свое бунгало? — спросила Шойлоджа.

Комола кивнула головой.

— Я бы тоже хотела побыть с тобой там до сумерек, но, право, не знаю, как быть, — ведь сегодня к нам зайдет жена Норсингха-бабу, наверно, мать пойдет с тобой.

— Нет, нет, — поспешно проговорила Комола. — Что ей там делать? Есть же слуги.

— Да еще твой телохранитель Умеш, — сказала со смехом Шойлоджа. — Так что тебе нечего бояться.

Тем временем Уми стащила карандаш и, царапая им на чем придется, громко болтала что-то непонятное, что должно было, очевидно, означать — «я учусь». Шойла оторвала ее от этих литературных упражнений, и, когда девочка пронзительным голосом стала выражать свой протест, Комола сказала ей:

— Идем, я дам тебе что-то очень красивое!

Она унесла ребенка в комнату и, усадив на кровать, принялась горячо ласкать. Когда же Уми потребовала обещанный подарок, Комола открыла ящик и достала оттуда пару золотых браслетов. Получив столь редкие игрушки, Уми пришла в неописуемый восторг. И как только Комола надела ей браслеты, девочка, торжественно вытянув ручонки, отправилась показывать подарок матери. Но Шойлоджа тотчас отобрала их, чтобы вернуть владелице, и заметила:

— Что за странности, Комола! Зачем давать ребенку такие вещи!

При подобной несправедливости отчаянные вопли Уми понеслись к небесам.

— Я подарила эти браслеты Уми, сестра, — сказала Комола.

— Ты, наверно, с ума сошла! — воскликнула изумленная Шойлоджа.

— Нет, нет, ты не должна мне их возвращать. Переделай их в ожерелье для Уми.

— Честное слово, я никогда еще не встречала такой расточительной женщины. — И она обняла Комолу.

— Теперь я уйду от вас, диди, — начала Комола. — Я была здесь очень, очень счастлива, как никогда в жизни. — И слезы закапали из глаз девушки.

— Ты говоришь так, будто бог знает как далеко уходишь, — проговорила Шойлоджа, тоже едва сдерживая слезы. — Не очень-то тебе было хорошо у нас. Но теперь, когда наконец все трудности позади, ты станешь сама счастливой хозяйкой в своем доме и, если нам случится зайти к тебе, будешь думать: «Скорей бы миновала эта напасть!»

Когда Комола совершила пронам, Шойлоджа сказала:

— Я зайду к вам завтра после полудня.

В ответ Комола не вымолвила ни слова.

Придя в свое бунгало, она нашла там Умеша.

— Почему же ты не пошел на представление? — спросила Комола.

— Так ведь ты сегодня останешься здесь.

— Нечего обо мне беспокоиться! Ступай на праздник, здесь же Бишон остается. Иди, иди, не задерживайся!

— Да теперь на представление уже поздно.

— Все равно, ведь на свадьбе всегда бывает интересно, иди посмотри все хорошенько.

Умеша не нужно было долго упрашивать, он уже собрался уйти, но Комола окликнула его:

— Послушай, когда вернется дядя, ты... — Она не могла придумать, как кончить фразу. Умеш стоял с разинутым ртом. Собравшись с мыслями, Комола продолжала: — Помни, дядя тебя любит. Если тебе что-нибудь понадобится, походи к нему, передай от меня пронам и

попроси что хочешь, он тебе не откажет. Только не забудь передать ему мой пронам.

Умеш, так ничего и не поняв, проговорил:

— Сделаю, как ты приказала, мать, — и ушел.

— Ты куда, госпожа? — спросил ее в полдень Бишон.

— На Гангу, купаться.

— Проводить тебя?

— Нет, стереги дом. — С этими словами она неизвестно за что подарила ему рупию и ушла по направлению к Ганге.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Однажды после полудня Оннода-бабу, желая посидеть с Хемнолини вдвоем за чаем, пошел за ней наверх. Но он не нашел девушки ни в гостиной, ни в спальне. Расспросив слугу, он узнал, что из дому Хемнолини тоже не выходила. Сильно обеспокоенный, Оннода-бабу поднялся на крышу. Угасающие лучи зимнего солнца слабо освещали уходящие вдаль причудливые кровли домов. Кружил, где ему вздумается, легкий вечерний ветерок. Хемнолини тихо сидела в тени у лестницы.

Она не заметила, как сзади к ней подошел Оннода-бабу. И лишь когда он стал рядом и осторожно коснулся ее плеча, Хемнолини вздрогнула и тотчас вспыхнула от смущения. Но прежде чем она успела вскочить, Оннода-бабу сел подле нее. Некоторое время он молчал и наконец с тяжелым вздохом промолвил:

— Если бы была жива твоя мать, Хем! Ведь я-то ничем не могу тебе помочь!

Услышав эти полные нежности слова, Хемнолини словно очнулась от глубокого забытья. Она взглянула на отца. Сколько любви, сколько страдания и муки прочла она на его лице! Как изменилось оно за это короткое время! Оннода-бабу один принял на себя всю ярость бури, разразившейся над Хемнолини; он так стремился исцелить ее раненое сердце! Но видя, что все его попытки успокоить дочь тщетны, он вспомнил о матери Хем, и при мысли о бесполезности своей отцовской любви глубокий вздох вырвался из его сердца. Все это, будто озаренное

вспышкой молнии, вдруг ясно представилось Хемнолини. Упреки совести мгновенно заставили ее вырваться из плена своего горя. Мир, который словно затерялся во мраке, снова напомнил ей о своем существовании. Хемнолини стало стыдно за свое поведение. Усилием воли она отбросила наконец воспоминания, которые всецело владели ею последнее время, и спросила:

— Как твоё здоровье, отец?

Здоровье! Оннода-бабу уже и позабыл, когда говорили о его здоровье.

— Мое здоровье? — ответил он. — Я-то себя прекрасно чувствую, дорогая, но твой вид заставляет меня беспокоиться. Кто дожил до моих лет, с тем ничего не случится. Но в твои годы здоровье может пошатнуться от таких ударов судьбы. — И он нежно погладил дочь по спине.

— Скажи, отец, а сколько мне было лет, когда умерла мама? — спросила Хемнолини.

— Тебе было всего три года, и ты только начала болтать. Я хорошо помню, как ты спросила меня: «Где ма?» Ты не знала своего деда, так как он умер еще до твоего рождения, поэтому ничего не поняла, когда я сказал, что мама ушла к своему отцу, и только грустно смотрела на меня. Затем, схватив за руку, потянула в пустую спальню матери. Ты была уверена, что там, в пустоте, я отыщу ее для тебя. Ты знала, что твой отец очень сильный, и даже представить себе не могла, что этот сильный человек неопытен и беспомощен, как ребенок. Теперь, вспоминая об этом, я думаю о том, как все мы бессильны! Всевышний вложил в отцовское сердце любовь, но дал ему очень мало власти. — И Оннода-бабу положил руку на голову дочери.

Хемнолини взяла эту добрую дрожащую руку и стала ласково гладить ее.

— Я очень плохо помню мать, — заговорила она. — Помню только, что в полдень она обычно, лежа на постели, читала, а мне это очень не нравилось, и я старалась отнять у нее книгу.

Отец и дочь снова углубились в воспоминания. Они говорили о матери, о том, какая она была, чем любила заниматься, как жили они тогда, и так увлеклись, что

даже не заметили, как село солнце и небо приобрело медно-красный оттенок. Так, в центре шумной Калькутты, на крыше одного из домов, сидели в уголке двое, старик и юная девушка. При меркнувшем свете дня их глубокая, орошенная слезами любовь друг к другу стала еще крепче.

В это время на лестнице послышались шаги Джогендро. Задушевная беседа тотчас оборвалась, и оба испуганно вскочили.

— Что это, Хем сегодня устраивает приемы здесь, на крыше? — воскликнул Джогендро, окидывая их пристальным взглядом.

Джогендро был возмущен. Скорбь, которая теперь не покидала их дом ни днем, ни ночью, делала пребывание в нем невыносимым для юноши. В кругу друзей он часто попадал в затруднительное положение, когда приходилось объяснять, почему не состоялась свадьба сестры, поэтому ему нигде не хотелось показываться.

— Поведение Хемнолини начинает переходить всякие границы, — заметил он. — Это всегда случается с девушками, которые зачитываются английскими романами. «Ромеш меня покинул, — думает Хем, — значит, нужно, чтобы сердце мое было разбито!» И вот теперь она задалась целью добиться этого. Ведь немногим из тех, кто читает романы, представляется такой исключительно удобный случай — самой испытать разочарование в любви!

Стремясь защитить дочь от злых насмешек Джогендро, Оннода-бабу торопливо заметил:

— Я тут рассказывал Хем одну историю, — как будто он сам привел Хем на крышу, чтобы завести с ней этот разговор.

— Так разве нельзя поговорить за столом? Ты во всем поощряешь ее, отец. Если так будет продолжаться, мне придется уйти из дому, — заявил Джогендро.

Тут Хемнолини вдруг спохватилась:

— Отец, ты еще до сих пор не пил чаю?

— Чай ведь не поэтическое вдохновение, что само изливается с вечернего неба в час заката. И незачем еще раз напоминать, что чашки сами не наполнятся, если ты будешь сидеть на крыше, — последовало язвительное замечание брата.

Оннода-бабу, не желая, чтобы Хемнолини чувствовала себя виноватой, поспешно сказал:

— Я решил не пить сегодня чаю.

— Вы, что же, оба аскетами стали? — спросил Джогендро. — Но что тогда мне остается делать? Я ведь не могу питаться воздухом!

— Нет, аскетизм тут ни при чем. Сегодня я плохо спал и поэтому решил воздержаться от чая.

В действительности же, во время беседы с Хемнолини Онноду-бабу не раз соблазняла наполненная до краев чашка чаю, но теперь он не мог встать и уйти. После стольких дней Хемнолини наконец откровенна с ним; он не помнил, чтобы когда-нибудь раньше они беседовали так задушевно и серьезно, как сегодня, здесь, на тихой крыше дома. Если прервать сейчас этот разговор, потом его не продолжишь, он умчится, как вспугнутая лань. Поэтому Оннода-бабу решил пренебречь чаем.

Хемнолини не верила, что отцу нужно лечиться от бессонницы.

— Идем, отец, пить чай, — предложила она.

Оннода-бабу тотчас позабыл о своей бессоннице и торопливыми шагами направился к чайному столу.

Войдя в комнату, Оннода-бабу сразу же увидел Окхоя и встревожился: «Только Хем как будто немного успокоилась, а увидит Окхоя — и снова разволнуется, — подумал он. — Но теперь уж ничего не поделаешь». Вслед за ним вошла и Хемнолини. Увидев ее, Окхой тотчас же вскочил.

— Джоген, — сказал он, — я пойду.

— Куда вы, Окхой-бабу, у вас разве есть какие-нибудь дела? Выпейте с нами чашку чая, — остановила его Хемнолини.

Все были поражены приветливостью девушки. Окхой снова уселся, заметив при этом:

— В ваше отсутствие я уже выпил две чашки, но если вы настаиваете, то, пожалуй, не откажусь еще от двух.

— Вас никогда не приходилось упрашивать, когда дело касалось чая, — рассмеялась Хемнолини.

— Уж таким создал меня всевышний, я никогда не отказываюсь от хороших вещей, если в этом нет особой необходимости.

— Благословляю тебя на то, чтобы и хорошие вещи, помня об этом твоём качестве, не отворачивались от тебя без всякой видимой на то причины, — заметил Джоген.

Наконец, после долгого перерыва, за чайным столом Онноды-бабу вновь шла непринужденная беседа. Обычно Хемнолини смеялась негромко, но сегодня взрывы ее смеха временами покрывали голоса разговаривающих.

— Окхой-бабу совершил предательство, отец, — сказала она шутя. — Он давно не принимал твоих пилюль, но, несмотря на это, хорошо себя чувствует. Из уважения к тебе, отец, у него должна хоть голова разболеться.

— Предатель пилюль, вот кто ты! — воскликнул Джогендро. Оннода-бабу счастливо рассмеялся. Раз близкие снова проявляют интерес к его пилюлям, значит, в семье воцарились мир и порядок. Тяжесть свалилась с сердца Онноды-бабу.

— Я знаю, вы просто хотите поколебать стойкость этого человека, — заметил он. — Отряд приверженцев моих пилюль состоит из одного Окхоя, но и его вы собираетесь отнять у меня!

— Не беспокойтесь, Оннода-бабу, — ответил на это Окхой, — меня они не используют в своих интересах!

— Значит, ты как фальшивая монета: захочешь ее разменять — угодишь в полицию, — добавил Джогендро.

Эти веселые шутки, казалось, изгнали из-за стола Онноды-бабу чей-то мрачный призрак, который долгое время находился среди них.

Чаепитие затянулось бы надолго, если бы Хемнолини не собралась уйти под тем предлогом, что ей пора делать прическу. Окхой тоже вспомнил о каком-то срочном деле и быстро ушел.

— Отец, — сказал тогда Джогендро, — надо немедленно начать приготовления к свадьбе Хемнолини.

Оннода-бабу удивленно взглянул на него.

— Знаешь, — продолжал Джогендро, — в обществе много сплетничают относительно ее размолвки с Ромешем: до каких пор я буду затевать со всеми ссоры? Если бы только я мог открыть им всю правду, не о чем было бы и спорить. Но из-за Хем я рта не могу раскрыть — вот и приходится справляться кулаками. Тут как-то пришлось проучить Окхила, — я услышал, как он болтает

всякую ерунду. А если выдать Хем замуж, все разговоры прекратятся и мне не придется с утра до вечера, засучив рукава, поучать весь свет. Послушай меня, не медли больше.

— Но за кого же ее выдать, Джоген?

— У нас есть только один человек. После всей этой истории, после разговоров, которые уже начались, невозможно найти для Хем хорошего жениха. Остался один только бедняга Окхой, его ничем не смутить: скажешь ему пилюли глотать — проглотит, жениться попросишь — женится!

— Ты с ума сошел, Джоген. Да разве Хем согласится выйти за него замуж?

— Если ты не будешь мешать мне, я берусь добиться ее согласия.

— Нет, нет, Джоген! — встревоженно воскликнул Оннода-бабу. — Ты не знаешь Хем. Запугиванием, принуждением ты только оттолкнешь ее. Дай ей время, пусть успокоится. Бедняжка, она столько пережила. А со свадьбой некуда торопиться.

— Я не буду ее огорчать, все дело можно уладить очень осторожно и легко, не причинив ей никаких страданий. Неужели вы думаете, что я умею только скандалить?

Джогендро был человеком нетерпеливым. В тот же вечер, едва Хемнолини, причесав волосы, вышла из своей комнаты, он окликнул ее:

— Хем, мне надо поговорить с тобой.

Сердце Хемнолини дрогнуло. Она медленно последовала за ним в гостиную.

— Ты не замечаешь, как ухудшилось здоровье отца, Хем? — начал Джогендро.

Тень беспокойства пробежала по лицу Хемнолини, но она ничего не ответила.

— Я хочу сказать, что, если не принять срочных мер, отец может серьезно заболеть.

Хемнолини поняла, что ответственность за болезнь отца целиком возлагается на нее. Она низко опустила голову и стала перебирать край своего сари.

— Что было, то прошло, — продолжал он. — И чем больше ты горюешь о прошлом, тем неприятнее нам.

Теперь, если хочешь успокоить отца, ты должна как можно быстрее вырвать с корнем все воспоминания об этой неприятной истории. — Сказав это, Джогендро замолчал и выжидающе посмотрел на Хемнолини.

— Не беспокойся, я никогда не заговорю с отцом об этом, — смущенно проговорила Хем.

— Ты-то, конечно, не будешь говорить, но ведь другим рот не закроешь.

— Что же я могу сделать?

— Есть только одно средство прекратить все толки. Догадавшись, что имеет в виду Джогендро, Хемнолини поспешно сказала:

— Было бы хорошо увезти отца на некоторое время на запад. Когда через несколько месяцев мы вернемся, сплетни уже прекратятся.

— Это тоже не даст желанных результатов. Сердце отца до тех пор будет обливаться кровью, пока он не уверится в том, что ты совершенно излечилась от горя.

Из глаз Хемнолини брызнули слезы, но она быстро вытерла их и спросила:

— Так скажи наконец, что должна я сделать?

— Я знаю, тебе тяжело об этом слышать, но, если хочешь, чтобы все были счастливы, скорее выходи замуж.

Хемнолини точно окаменела. Но Джогендро не желал ждать и воскликнул:

— Вы, девушки, любите все преувеличивать. Не у тебя одной — у многих происходят подобные неприятности со свадьбой, но в конце концов все улаживается. А если бы в каждом доме разыгрывались такие драмы, как в романах, жизнь стала бы совершенно невыносимой. Может, тебе и не стыдно декламировать перед людьми: «Я навсегда стану отшельницей и, сидя на крыше, буду созерцать небеса. Память об этом недостойном изменнике я вознесу на алтарь своего сердца и буду свято чтить ее!» Нам же хоть умирай от такого позора. Выйди замуж за достойного человека и покончи как можно скорее с этой неудачной комедией.

Хемнолини отлично знала, насколько постыдной должна казаться людям эта «комедия», поэтому насмешка Джогендро пронзила ее как нож.

— Дада, — сказала она, — я ведь не говорю, что отреклась от мира и никогда не выйду замуж.

— Если ты не хотела этого сказать, так выходи. Конечно, если никого, кроме властителя небес, самого бога Индры, ты полюбить не можешь, то тебе ничего не остается, как стать отшельницей! На свете редко встречаешь то, что нравится, надо принимать вещи такими, как они есть. В этом и заключается благодество.

Раненная в самое сердце, Хемнолини сказала:

— Зачем ты так зло смеешься надо мной? Разве я говорила тебе что-нибудь о любви?

— Верно, не говорила. Но я же вижу, что ты ничуть не стесняешься выражать некоторым искренне расположенным к тебе друзьям свою несправедливую и беспричинную антипатию. Ты все же должна признать, что среди тех, с кем тебе приходилось встречаться, есть один, который в радости и горе, в почете и унижении всегда оставался верен тебе. За это я его очень уважаю. Если ты хочешь иметь мужа, который жизнь за тебя готов отдать, то его долго искать не придется, если же ты склонна заниматься поэзией...

Хемнолини вдруг встала:

— Ты не смеешь так разговаривать со мной. Что бы ни приказал мне отец, кого бы ни выбрал мне в мужья — я выполняю его волю. Вот если откажусь повиноваться, тогда можешь говорить мне о поэзии.

Джогендро сразу смягчился.

— Не сердись на меня, Хем! Ты же знаешь, что когда я взволнован, то не владею собой, говорю, что придет в голову. Мы ведь с тобой вместе росли, я знаю, как ты скромна и как любишь отца.

С этими словами Джогендро ушел к Онноде-бабу. Оннода-бабу был у себя в комнате. Его терзала мысль о том, что Джогендро может жестоко обидеть Хем; он уже собирался пойти и прервать беседу брата с сестрой, когда явился Джогендро. Оннода-бабу выжидающе посмотрел на него.

— Хем согласна выйти замуж, отец, — объявил Джогендро. — Ты, конечно, думаешь, что я вынудил ее согласиться, — ничего подобного! Теперь, если только ты

сам скажешь ей о своем желании, она не станет возражать против брака с Окхоем.

— Я должен сказать ей об этом?

— А ты думаешь, она сама придет к тебе и скажет: «Я выхожу замуж за Окхоя»? Хорошо, если ты не решаешься, я передам ей твою волю!

— Нет, нет! — испуганно воскликнул Оннода-бабу. — Я сам скажу ей все. Но к чему так спешить? Мне кажется, что нужно подождать еще несколько дней.

— Нет, отец, задержка может вызвать различного рода осложнения, тянуть больше нельзя.

Никто в доме не мог устоять перед настойчивостью Джогендро: если он чего захочет — не отступит, пока не добьется своего. Оннода-бабу в душе его побаивался и, чтобы прекратить этот разговор, ответил:

— Хорошо, я скажу.

— Сейчас самое подходящее время, отец. Хем сидит и ждет твоего решения. Покончи сразу со всем этим.

Оннода-бабу задумался.

— Тут нечего размышлять, — заметил Джогендро. — Иди к ней.

— Побудь здесь, Джоген, — попросил Оннода-бабу, — я пойду к ней один.

— Хорошо, — согласился Джоген.

Войдя в неосвещенную гостиную, Оннода-бабу услышал, как кто-то порывисто поднялся с кресла. Полный слез голос произнес:

— Свет погас, отец, я сейчас велю зажечь лампу.

Оннода-бабу понял, почему погас свет, и сказал:

— Не беспокойся, дорогая, зачем нам свет?

Он ощупью добрался до Хемнолини и сел с ней рядом.

— Ты не заботишься о своем здоровье, отец!

— На это есть своя причина, дорогая. Зачем мне заботиться, если я хорошо себя чувствую. Ты бы лучше о себе побеспокоилась, Хем.

Измученная Хемнолини не выдержала.

— Что вы все твердите мне одно и то же! — воскликнула она. — Это очень жестоко, отец! Я такая же, как и другие. Скажите, в чем выражается мое невнимание к своему здоровью? Если вы считаете, что мне необходимо

принять какие-то меры, то почему не сказать об этом прямо? Разве я в чем-нибудь тебе перечила?

Последние слова ее заглушили рыдания.

— Никогда, милая моя, никогда, — проговорил Оннода-бабу, взволнованный и расстроенный. — Разве тебе нужно приказывать: ведь ты, моя дорогая девочка, знаешь все, что у меня на душе, и всегда поступала, как я хотел. Если мое горячее благословение будет услышано, всевышний сделает тебя счастливой на всю жизнь.

— Ты не хочешь, чтобы я навсегда осталась с тобой, отец? — спросила Хем.

— Откуда ты взяла, что не хочу?

— Я буду с тобой, пока брат не приведет в дом жену. Иначе, кто позаботится о тебе?

— Заботиться обо мне?! Не говори так, родная. Привязать вас к себе для того, чтобы вы ухаживали за мной! Я не стою этого!

— Очень темно, отец, — заметила Хем. — Я принесу лампу.

Она принесла из соседней комнаты лампу и сказала:

— Из-за всех этих неприятностей я давно уже не читала тебе газет по вечерам. Хочешь, прочитаю?

— Почитай, — ответил Оннода-бабу, поднимаясь, — посиди здесь, я сейчас вернусь, — и отправился к Джогендро. Он решил сказать сыну, что сегодня не смог поговорить об этом с Хемнолини и отложил разговор до другого раза, но когда Джоген спросил: «Ну, как, отец? Говорил о свадьбе?» — Оннода-бабу торопливо ответил: «Да, говорил». Он боялся, как бы Джогендро снова не заставил Хемнолини страдать.

— Она, конечно, согласилась?

— Да, кажется, согласилась.

— Тогда я пойду сообщу Окхою!

— Нет, нет, сейчас ничего не говори ему, — с испугом воскликнул Оннода-бабу. — Пойми, Джоген, действуя так стремительно, ты можешь все испортить. Сейчас незачем кому-либо сообщать об этом. Мы, наверно, поедем на запад, а когда вернемся, все уладим.

Ничего не ответив, Джогендро ушел. Завернувшись в шарф, он тотчас же отправился к Окхою. Окхой в это

время был погружен в изучение английской книги по бухгалтерии.

Джоендро вырвал книгу у него из рук и отшвырнул прочь.

— Это успеется, — заявил он, — а сейчас назначай день свадьбы!

— Что ты говоришь! — воскликнул Окхой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда на следующее утро Хемнолини вышла из своей комнаты, она увидела, что Оннода-бабу молча сидит в шезлонге у окна своей спальни. В его комнате вещей было совсем немного: кровать да шкаф в углу, на одной стене висела вставленная в рамку выцветшая фотография покойной жены, на другой — шерстяной коврик ее работы. В шкафу лежали до сих пор нетронутыми все мелочи и безделушки, уложенные туда еще при ее жизни.

Остановившись позади кресла, Хемнолини нежно провела рукой по голове отца, будто отыскивая седые волосы, и проговорила:

— Идем, отец, выпьем сегодня чаю пораньше, потом пойдем к тебе в комнату, и ты опять будешь рассказывать мне о прошлом. Если бы ты знал, как я люблю тебя слушать!

За последнее время чуткость Онноды-бабу в отношении дочери настолько обострилась, что он моментально разгадал, почему Хем так торопилась с чаепитием. Скоро за чайным столом должен был появиться Окхой, и, для того чтобы избежать встречи с ним, Хемнолини хотела поскорее покончить с чаем и скрыться в уединении отцовской комнаты. Мысль, что Хемнолини стала пуглива, как загнанная лань, причинила ему жестокую боль.

Сойдя вниз, он узнал, что чай еще не готов, и с гневом обрушился на слугу. Напрасно тот пытался объяснить, что чай сегодня попросили раньше обычного, — Оннода-бабу заявил, что все слуги стали воображать себя господами и что нужно нанять специального человека, который бы вовремя их будил.

Однако слуга подал чай очень быстро. Обычно Оннода-бабу пил чай медленно, смакуя каждый глоток и разговаривая при этом с Хемнолини. Но сегодня он с необычной поспешностью выпил свою чашку.

— Ты куда-нибудь торопишься, отец? — с некоторым удивлением заметила Хемнолини.

— Нет, нет, — ответил Оннода-бабу, — просто если в холодный день выпьешь залпом горячего чаю, то сначала хорошенько вспотеешь, а затем почувствуешь приятную свежесть.

Но не успел еще Оннода-бабу вспотеть, как в комнату вошли Джогендро и Окхой. Сегодня в туалете Окхой была заметна особая тщательность. Грудь украшала цепочка часов, в правой руке он держал трость с серебряным набалдашником, в левой — какую-то книгу, завернутую в темную бумагу. Сегодня он не сел на свое обычное место, а придвинул кресло поближе к Хемнолини и, смеясь, обратился к ней:

— Ваши часы, видно, спешат сегодня!

Хемнолини даже не взглянула в его сторону и не ответила на вопрос.

— Хем, дорогая, пойдем наверх, — сказал Оннода-бабу. — Надо разложить на солнце мои зимние вещи.

— Ведь солнце не убежит, отец, — заметил Джогендро. — Зачем же так спешить? Хем, налей-ка Окхою чашку чаю. И мне тоже. Конечно, сначала гостю.

Окхой засмеялся.

— Вы видели когда-нибудь такое самопожертвование? Прямо второй сэр Филипп Сидней!

Хемнолини, не обращая ни малейшего внимания на его слова, приготовила две чашки чаю: одну она передала Джогендро, а другую резко подвинула в сторону Окхой и взглянула на отца.

— Скоро станет жарко, нам будет трудно работать, — сказал он. — Пойдем сейчас же, Хем!

— Сегодня незачем сушить вещи! — воскликнул Джогендро. — Ведь Окхой у нас...

Тут Оннода-бабу пришел в ярость:

— Вам бы только принуждать! Только бы заставлять людей поступать, как вам угодно, пусть даже это стоит им жестоких страданий. Я долго терпел, но теперь до-

вольно! Хем, дорогая, с завтрашнего дня мы с тобой будем пить чай наверху, у меня в комнате!

После этого Оннода-бабу собрался было вместе с Хемнолини покинуть комнату, но девушка спокойно сказала:

— Посиди немного, отец, ты ведь еще не вдоволь напился чаю. Окхой-бабу, могу ли я спросить, что это за таинственный предмет, завернутый в бумагу?

— Не только спросить, вы можете даже проникнуть в эту тайну, — ответил Окхой и протянул сверток Хемнолини.

Она развернула его и увидела томик стихов Теннисона в сафьяновом переплете. Девушка вздрогнула и побледнела. Такой же том, в точно таком переплете она получила в подарок уже раньше. Он и сейчас бережно хранился в ее спальне, в одном из ящичков письменного стола.

Джогендро слегка улыбнулся.

— Тайна еще не вполне раскрыта, — заметил он и открыл первую чистую страницу. На ней было написано: «Сримиоти Хемнолини в знак уважения от Окхоя».

Книга выскользнула из рук девушки и упала на пол. Даже не взглянув на нее, Хемнолини обратилась к Онноде-бабу:

— Пойдем, отец.

Они вместе вышли из комнаты. Глаза Джогендро метали молнии:

— Кончено, я не желаю больше жить в этом доме! Уеду куда глаза глядят и буду учительствовать.

— Напрасно ты сердисься, друг. Я с самого начала подозревал, что ты ошибся. Тронут тем, что ты меня обнадеживаешь все время, но говорю тебе откровенно — Хемнолини никогда не будет ко мне благосклонна. Так что давай оставим эту надежду. Главное, что ты должен сейчас сделать, — это заставить ее забыть Ромеша.

— Хорошо тебе говорить, «ты должен», но как, хотел бы я знать!

— Будто, кроме меня, нет на свете достойных молодых людей! Я знаю, что, если бы ты был на месте твоей сестры, моим родственникам не пришлось бы сокрушенно считать дни, когда же я наконец выберусь из холостяков! Как бы то ни было, нужно найти хорошего жениха, такого,

при виде которого ей не захотелось бы бежать просушивать одежду на солнце.

— Так ведь жениха на заказ не изготовишь!

— Почему ты так быстро отчаиваешься? Я только говорю, что жениха можно найти, но не спеши, иначе все погубишь. Главное, не следует отпугивать молодых людей разговорами о свадьбе. Сначала дай им как следует узнать друг друга, а со временем можешь и день свадьбы назначать.

— Твой метод превосходен, но кто этот жених?

— Ты незнаком с ним, но видел. Это доктор Нолиакхо.

— Нолиакхо!

— Чему ты удивляешься? Не обращай внимания на сплетни, которые ходят о нем в «Брахма-Самадж». Неужели ты выпустишь из рук такого жениха?

— Если бы я мог отвергать женихов, тогда и заботиться было бы не о чем! Но разве Нолиакхо согласится жениться?

— Разумеется, я не могу тебе поручиться, что он даст согласие сегодня же, но со временем почему бы и нет? Послушай, Джоген, завтра Нолиакхо будет читать лекцию, пойди с Хемнолини послушать его. Он очень красноречив, а для того, чтобы покорить сердце женщины, это уже немало! Неразумные! Они не понимают, что гораздо лучше иметь мужа слушающего, чем мужа ораторствующего.

— Но я хочу знать все о Нолиакхо, — заявил Джогендро.

— Джоген, пусть тебя не смущает, если в его истории ты заметишь небольшой изъян. Еле заметное пятнышко делает ранее недоступную тебе вещь доступной. Поэтому я считаю, что это даже к лучшему.

История Нолиакхо, которую Окхой вкратце рассказал Джогендро, была следующей.

Отец Нолиакхо Раджоболлобхо был мелким землевладельцем в округе Фаридпур. Тридцати лет он примкнул к «Брахма-Самадж». Но его жена ни за что не хотела принять эту религию и тщательно сохраняла полную независимость от мужа в исполнении религиозных обрядов. Излишне говорить, что Раджоболлобхо был не в

восторге от этого. Его сын, Нолинакхо, уже взрослый юноша, благодаря своему религиозному пылу и красноречию занял видное место в «Брахма-Самадж».

Разъезжая по делам службы по всей Бенгалии, доктор Нолинакхо прославился безупречным поведением, знанием своего дела и благотворительностью.

Неожиданно произошло нечто невероятное. На старости лет Раджоболлобхо точно сошел с ума: решил жениться на вдове. Никто не мог отговорить его. «Моя жена по-настоящему не может считаться мне женой, так как не разделяет моих религиозных убеждений, и было бы нелепо отказываться от той, с которой у нас одна религия, общие убеждения, одинаковые взгляды на жизнь и которая мне по сердцу», — говорил Раджоболлобхо и, не обращая внимания на всеобщее неодобрение, женился на вдове по индуистскому обычаю. Когда вслед за этим мать Нолинакхо собралась покинуть дом и уехать в Бенарес, Нолинакхо решил бросить врачебную практику в Рангпуре, заявив, что он поедет вместе с ней.

— Сын мой, — плача, ответила ему мать, — у нас разные религии. Зачем тебе понапрасну страдать?

— Между нами не будет никаких несогласий, ма, — ответил Нолинакхо. Он твердо решил сделать все для счастья брошенной отцом, оскорбленной матери и уехал с ней в Бенарес.

Однажды мать спросила Нолинакхо, почему он не женится.

— Зачем? Мне и так хорошо, — смущенно ответил юноша.

Она поняла тогда, что сын пошел ради нее на многие жертвы, но взять жену вне «Брахма-Самадж» — к этому он не был готов.

— Я совсем не хочу, чтобы из-за меня ты сделался аскетом, мой мальчик, — печально сказала она Нолинакхо. — Выбери жену себе по вкусу, я не буду возражать.

Несколько дней Нолинакхо раздумывал над этим, а затем обратился к матери:

— Я приведу жену, какую ты хочешь, мама. Она будет прислуживать тебе и не будет ни в чем перечить. Знай, я никогда не введу в дом ту, которая принесет тебе горе и будет тебе неудобна.

Нолинакхо отправился в Бенгалию за невестой.

На этом месте история обрывается. Некоторые говорят, что он приехал в одну деревню и тайно женился там на какой-то сироте, но она умерла сразу после свадьбы; другие выражают сомнение по поводу этой версии. Окхой придерживался мнения, что Нолинакхо сбежал в последнюю минуту перед свадьбой.

Как бы то ни было, Окхой полагал, что, если бы сейчас Нолинакхо захотел жениться на той, которая ему нравится, мать не только не запретила бы ему этого, но была бы даже рада.

Где еще найдет Нолинакхо такую хорошую невесту, как Хемнолини? К тому же Хем приветлива, и если проявит достаточно почтительности к его матери, тогда и та, в свою очередь, останется довольна невесткой. Нолинакхо будет достаточно двух дней знакомства с Хем, чтобы сообразить все это. Поэтому Окхой считал, что их непременно нужно познакомить.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Как только Окхой ушел, Джогендро поднялся вверх. Оннода-бабу и Хемнолини беседовали в гостиной. При виде Джогендро Оннода-бабу слегка смутился. Сегодня за чаем он утратил свое обычное добродушие, вспылал, и теперь это не давало ему покоя. Поэтому он сейчас особенно ласково обратился к сыну:

— Входи, входи, Джоген, присаживайся!

— Вы совершенно перестали выходить из дому, отец, — заметил Джогендро. — Сидеть целыми днями вдвоем, что в этом хорошего?

— Да ведь мы всегда были домоседами. Стоит Хем куда-нибудь пойти, как у нее начинается головная боль.

— Зачем меня обвинять, отец? — откликнулась Хем. — Пойдем куда-нибудь, если хочешь.

Хемнолини, наперекор себе, усиленно стремилась показать, что горе не сломило ее и она живо интересуется всем окружающим.

— Завтра лекция, отец. Почему бы тебе с Хемнолини не пойти? — проговорил Джогендро.

Оннода-бабу знал, что Хемнолини не любит и боится сутолоки шумных собраний, поэтому не ответил и вопросительно посмотрел на дочь. Но на этот раз Хем с неожиданным воодушевлением воскликнула:

— Лекция? А кто будет читать?

— Доктор Нолинакхо, — ответил Джогендро.

— Нолинакхо? — переспросил Оннода-бабу.

— Он замечательный оратор, — продолжал Джогендро. — К тому же, зная историю его жизни, можно только поражаться. Какая самоотверженность! Какая твердость характера! Такие люди редко встречаются!

Между тем двумя часами раньше Джогендро не было известно о Нолинакхо ничего, кроме смутных слухов.

— Вот и хорошо! Пойдем послушаем его, отец, — живо проговорила Хемнолини.

Оннода-бабу не поверил в энтузиазм дочери, но тем не менее был доволен.

«Если Хем, пусть даже вопреки своему желанию, станет бывать в обществе, — думал он, — может быть, она скорее успокоится. Общение с людьми — лучшее лекарство от всех печалей».

— Хорошо, Джоген, — обратился он к сыну, — завтра мы поедем на эту лекцию. Но расскажи нам, что ты знаешь о Нолинакхо. О нем говорят разное.

Джогендро начал с того, что гневно обрушился на всех, кто много болтает:

— Те, для кого религия просто мода, убеждены, что всевышний произвел их на свет со специальным разрешением несправедливо обвинять и порочить ближних. В мире не сыщешь более глупых сплетников, чем те, кто промышляет религией, — говорил он, все более воспламеняясь.

— Правильно, Джоген, правильно, — повторял все время Оннода-бабу, чтобы умерить горячность сына. — У тех, кто осуждает недостатки и ошибки ближнего, ум становится ограниченным, характер подозрительным, а сердце черствеет.

— Ты имеешь в виду меня, отец? — спросил Джогендро. — Но я не святоша, я могу и выругать и похвалить, а когда надо — и кулаками решить дело.

— Что ты, Джоген, — взволнованно воскликнул Оннода-бабу, — ты с ума сошел! Откуда ты взял, что я говорю о тебе? Я ведь тебя хорошо знаю!

Тогда Джогендро подробно рассказал о Нолинакхо, превознося его до небес.

— Ради счастья матери он многим пожертвовал и поселился в Бенаресе, поэтому и нашлись люди, готовые позлословить на его счет. Но я именно за это и уважаю Нолинакхо. А ты что скажешь, Хем?

— Вполне с тобой согласна.

— Я был уверен, что Хем одобрит его поступки. Я прекрасно знаю, что она сама была бы рада пойти на жертву ради счастья отца! — Оннода-бабу с нежной и ласковой улыбкой взглянул на дочь. Хемнолини смущенно покраснела и потупилась.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Вечер еще не наступил, когда Оннода-бабу и Хемнолини вернулись с лекции домой.

— Да, сегодня я получил большое удовольствие, — проговорил Оннода-бабу, усевшись пить чай. Больше он не проронил ни слова и глубоко задумался.

Он даже не заметил, что сразу после чая Хемнолини покинула комнату.

Нолинакхо казался удивительно юным и красивым. Лицо его еще сохранило свежий румянец подростка, и в то же время от всего внутреннего облика юноши веяло глубокой мудростью.

Темой его лекции были «утраты». Он говорил о том, что если человек не понес утраты, значит, он ничем и не владел. Истинное приобретение — не то, что дается нам без труда; только то и становится сокровищем нашего сердца, что получаем мы ценой лишений. Мирское богатство может на глазах у нас превратиться в прах, и человек, который теряет его, несчастен; но в самой утрате для него заключается возможность получить нечто большее.

Если мы, лишаясь чего-нибудь, можем склонить голову и, сложив руки, смиренно сказать: этот дар — дар

самоотречения, дар печали и слез моих, — тогда малое станет великим, преходящее — вечным, а то, что было для нас обычным, будет предметом поклонения и навеки сохранится в сокровищнице храма нашего сердца.

Его речь потрясла Хемнолини. Девушка неподвижно сидела на крыше под звездным небом. Сегодня ей казалось, что душа ее полна, а небо и весь окружающий мир обрели смысл.

Возвращаясь с лекции, Джогендро заметил:

— Ну и хорошего же ты отыскал жениха, Окхой! Он ведь аскет! Я и половины не понял из того, что он говорил.

— Нужно прописывать лекарство в соответствии с болезнью. Хемнолини поглощена мыслями о Ромеше. Нам, простым смертным, не пробиться сквозь эту стену. Но, может, это удастся аскету? Ты заметил выражение лица Хем, когда он говорил?

— Еще бы! Конечно! Ясно, речь ей понравилась. Но ведь это еще не говорит о том, что ее легко будет обручить с оратором.

— Ты думаешь, ей понравилась бы эта лекция, прочитай ее кто-нибудь из нас? Ты разве не знаешь, Джоген, что женщины особенно влечет к аскетам. Еще Калидаса написал поэму о том, как из-за одного аскета Ума сама стала отшельницей. Я тебе говорю, какого бы жениха ты ни представлял Хемнолини, она всегда будет сравнивать его с Ромешем, а такое сравнение мало кто выдержит. Нолинакхо же не такой, как все, ей и в голову не придет сравнивать его с кем-то. Стоит тебе привести к Хемнолини какого-нибудь юношу, она сразу разгадает твои намерения и воспротивится этому всем сердцем. Но если ты под каким-либо благовидным предлогом сможешь привести сюда Нолинакхо, никаких подозрений у Хемнолини не возникнет. А там от простого уважения нетрудно будет довести дело и до обмена гирляндами.

— Хитрости мне никогда не удаются, гораздо легче высказываться открыто. Но что ни говори, не нравится мне этот жених!

— Послушай, Джоген! Не губи дела своим упрямством. Никогда не бывает, чтобы все обстоятельства складывались благоприятно. Как бы то ни было, я не знаю,

чем еще можно изгнать из сердца Хемнолини память о Ромеше. И думать не смей добиться этого силой. А вот если последуешь моему совету, может, что-нибудь и получится.

— Дело в том, что Нолинакхо мне непонятен, а я побаиваюсь иметь дело с такого рода людьми. Как бы нам не попасть из огня да в полымя!

— Друг, ведь вы сами с отцом были во всем виноваты, а теперь, обжегшись на молоке, дуете на воду. В отношении Ромеша вы с самого начала были слепы; по вашим словам, второго такого не найти в целом свете: ему и обман чужд, и по знанию шастр он чуть ли не второй Шанкарачарья, а уж в литературе — сама Сарасвати в образе мужчины девятнадцатого века! Мне Ромеш с первого взгляда не понравился, знаю я этих образцовых молодых людей. Но я не смел и слова сказать, вы считали, что такой недостойный, серенький человек, как я, способен лишь завидовать великим людям. Потом вы все же поняли, что великих людей лучше чтить на расстоянии, а родную сестру выдавать замуж за такого — далеко не безопасно. Есть пословица: «Клин клином вышибают». И нечего тут ворчать, когда это единственное средство!

— Послушай, Окхой, я все равно не поверю, что ты первый разгадал Ромеша, хоть повторяй мне это тысячу раз. Просто ты был зол на него и поэтому смотрел косо на все, что бы он ни делал, — и я вовсе не склонен приписывать это твоей необыкновенной прозорливости. Так вот что, где нужна хитрость, надейся на себя — от меня там проку не будет. И вообще мне Нолинакхо совсем не нравится.

Когда Джогендро и Окхой входили в гостиную Онноды-бабу, они видели, как Хемнолини выскользнула оттуда через другую дверь. Окхой понял, что она заметила их из окна, когда они шли по улице. Усмехнувшись, он подсел к Онноде-бабу.

— Нолинакхо говорит от чистого сердца, поэтому слова его проникают в душу каждого, — заметил он, наливая себе чай.

— Да, способный он человек, — ответил Оннода-бабу.

— Он не просто способный, — воскликнул Окхой, — такого благочестивого человека редко встретишь.

Джогендро хоть и был участником заговора, но тут не стерпел.

— Не говори ты мне о благочестии, — воскликнул он, — избави боже нас от святош!

Лишь вчера он расточал бесчисленные похвалы благодарству Нолинакхо и обругал клеветниками его противников!

— Как тебе не стыдно, Джоген, говорить такие вещи! — сказал Оннода-бабу. — Я склонен верить, что те, кто кажутся нам на первый взгляд хорошими людьми, таковы и на самом деле, — пусть даже иногда я и ошибусь, но заподозрить добродетельного человека в чем-либо дурном лишь ради того, чтобы поддержать авторитет своего скудного разума, — на это я не способен! Нолинакхо-бабу не повторял чужих слов, их подсказал ему его собственный духовный опыт, и мне они показались откровением. Откуда бы лицемеру знать, что такое правда? Истина — как золото, ее нельзя получить искусственным путем! Мне бы хотелось лично выразить Нолинакхо-бабу свою благодарность!

— Я опасаясь только за его здоровье, — заметил Окхой.

— Как, разве он болен?

— Нет, не в этом дело: дни и ночи он проводит за шастрами и молитвами, совершенно не заботясь о себе.

— Это очень нехорошо, — проговорил Оннода-бабу. — Мы не имеем права разрушать свое тело: не нами оно создано. Если бы мне довелось с ним познакомиться, без сомнения, я бы в самый короткий срок восстановил его силы. Ведь для сохранения здоровья нужно придерживаться всего нескольких простейших правил: во-первых...

Джогендро потерял терпение.

— Отец, — воскликнул он, — к чему все эти разговоры! Когда сегодня я увидел Нолинакхо-бабу, то решил, что благочестивая жизнь как раз полезна для здоровья! Я даже хочу проверить на себе. Посмотрю, что получится!

— Нет, Джоген, Окхой совершенно прав! Сколько знаменитых людей у нас гибнет в ранней молодости.

Пренебрегая своим здоровьем, они наносят ущерб родне. Нельзя допустить, чтобы так случилось и на этот раз. Нолинакхо не такой, каким ты его считаешь, Джоген. Он честный человек! Ему нужно беречь себя.

— Я приведу его к вам, — пообещал Окхой. — И хорошо, если вы все это ему объясните. Помню, во время экзаменов вы мне давали настойку какого-то корня, она отлично укрепляет силы. Для тех, кто живет интеллектуальным грузом, лучшего лекарства и не придумаешь! Если вы дадите Нолинакхо-бабу...

Джогендро вскочил как ужаленный.

— Ну, Окхой, это уж чересчур! Ты с ума свести можешь! — воскликнул он. — Я ухожу.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Раньше, когда Оннода-бабу чувствовал себя хорошо, он постоянно испытывал на себе всякие лекарства — и европейские и индийские, но теперь он утратил всякий интерес к пилюлям. Здоровье его пошатнулось, однако он не только не говорил о нем, но даже, наоборот, старался скрыть свою слабость.

Сегодня Оннода-бабу неожиданно задремал в кресле. Услышав на лестнице шаги, Хемнолини отложила вышивание и направилась к двери, чтобы попросить брата не шуметь. Тут она увидела, что Джоген не один: вместе с ним пришел Нолинакхо-бабу. Она хотела было убежать, но Джогендро окликнул ее:

— Хем, пришел Нолинакхо-бабу, я хочу тебя с ним познакомить.

Хемнолини осталась. Нолинакхо подошел к ней и, не поднимая глаз, поздоровался.

— Хем! — позвал Оннода-бабу, который к этому времени уже проснулся. Девушка подошла к отцу и шепотом сообщила, что пришел Нолинакхо-бабу.

Едва Джогендро с гостем вошли в комнату, как Оннода-бабу торопливо поднялся им навстречу.

— Для меня большое счастье видеть вас у себя в доме, — сказал он. — Хем, дорогая, куда ты уходишь, посиди с нами. Нолинакхо-бабу, это моя дочь, Хем. На

днях мы с ней слушали вашу лекцию и получили большое удовольствие. Как вы говорили: «То, что действительно принадлежит нам, мы никогда не можем утратить. Лишиться можно только того, что на самом деле тебе не принадлежало», — какой глубокий смысл в этих словах, правда, Хем? «Лишь утратив какую-нибудь вещь, мы познаем, принадлежала она нам всецело или нет». У меня к вам есть одна просьба, Нолинакхо-бабу. Вы оказали бы нам большую услугу, если бы иногда заходили побеседовать. Мы с дочерью почти нигде не бываем. Поэтому, когда бы вы ни пришли, — всегда застанете нас дома.

— Не принимайте меня за чересчур серьезного человека из-за того, что я наговорил тогда всяких умных вещей, — взглянув на смущенное лицо Хемнолини, ответил Нолинакхо. — Студенты очень просили меня выступить, а я не умею отказывать, но теперь я уверен, что вторично меня не попросят! Студенты прямо говорят, что почти ничего не поняли из того, что я говорил. Вы тоже там были, Джоген-бабу, не думайте, что моего сердца не тронули нетерпеливые взгляды, которые вы бросали на часы.

— Если я чего и не понял, — ответил Джоген, — то в этом повинен мой скудный ум, так что пусть это вас не тревожит.

— Понять все можно лишь в известном возрасте, Джоген, — заметил Оннода-бабу.

— По-моему, вообще нет необходимости понимать все, — проговорил Нолинакхо.

— Однако, Нолин-бабу, мне хотелось бы вам сказать кое-что, — обратился Оннода-бабу к юноше. — Тот, кого всевышний посылает на землю для выполнения определенной миссии, не должен пренебрегать своим здоровьем. Следовало бы всегда напоминать тем, которые призваны одарять, что, лишившись капитала, они теряют эту возможность.

— Когда вы узнаете меня лучше, то убедитесь, что я вообще ничем на свете не пренебрегаю, — ответил Нолинакхо. — В мир я пришел, как самый последний нищий, не владея ничем. С большим трудом, благодаря доброте многих людей мало-помалу окрепло мое тело и

развился разум. Вздумай я пренебречь чем-нибудь, такая самонадеянность не делала бы мне чести. Человек не вправе разрушать то, чего не может создать сам.

— Совершенно верно. В своем выступлении вы говорили о чем-то в этом духе.

— Ну, я пошел: у меня дело, — сказал Джоген.

— Простите меня, пожалуйста, Джоген-бабу, — воскликнул Нолинакхо, — уверяю вас, что надоедать людям не в моем характере! Я тоже уйду. Давайте немного погуляем вместе.

— Нет, нет, не обращайтесь на меня внимания. Это я вечно всем надоедаю, потому что не могу и минуты помолчать.

— Не беспокойтесь о Джогене, — заметил Оннода-бабу, — его трудно удержать на одном месте.

Когда Джогендро ушел, Оннода-бабу спросил Нолинакхо, где он живет. Нолинакхо рассмеялся.

— Не могу сказать, чтобы у меня было какое-нибудь постоянное место жительства. У меня много знакомых, каждый приглашает к себе, вот я и кочую от одного к другому. Мне это нравится, но иногда все же возникает потребность побыть одному. Поэтому Джоген-бабу снял для меня квартиру как раз в соседнем с вашим доме. Этот квартал, кажется, действительно очень тихий.

Оннода-бабу изъявил свою особую радость при таком сообщении, но, будь он наблюдательнее, он заметил бы, как на мгновение побледнело лицо Хемнолини, когда она услышала об этом. Ведь раньше там жил Ромеш.

Слуга доложил, что чай подан, и все спустились вниз.

— Хем, дорогая, — обратился Оннода-бабу к дочери, — налей Нолину-бабу чаю.

— Нет, Оннода-бабу, — проговорил Нолинакхо, — я не буду пить чай.

— Ну, что вы, Нолин-бабу, одну чашечку, а не хотите, так отведайте хоть сладостей.

— Прощу меня извинить, но не могу.

— Вы сами врач, и не мне вам объяснять, что выпить немного горячей воды под предлогом чаепития через три-четыре часа после полуденной трапезы очень полезно для желудка. Конечно, если вы не привыкли, то можно вам приготовить совсем слабый чай.

Нолиакхо в нерешительности посмотрел на Хемнолини. По выражению ее лица он понял, что она возмущена, и, в упор глядя на девушку, сказал:

— Это совсем не то, что вы предполагаете. Не думайте, что я брезгаю садиться за ваш стол. Раньше я постоянно пил чай, да и сейчас еще люблю его аромат: мне приятно смотреть, как вы его пьете. Но вы, вероятно, не знаете, что моя мать очень ревностно относится к соблюдению обрядов, а у нее, кроме меня, никого нет. Я буду чувствовать себя виноватым, если приду к ней после чая. Однако я вполне разделяю то удовольствие, которое испытываете вы во время чаепития, и, следовательно, пользуюсь вашим гостеприимством.

Вначале разговоры Нолиакхо раздражали Хемнолини. Она думала, что Нолиакхо не хочет раскрыть перед ними своего истинного «я», а лишь пытается укрыться за потоком слов. Хемнолини не знала, что при первом знакомстве Нолиакхо бывало очень трудно преодолеть свою застенчивость, поэтому очень часто он казался слишком самоуверенным, что не было присуще его характеру. Даже когда он становился откровенным, в его интонациях было что-то неестественное, и он сам понимал это. Вот почему, когда Джогендро не выдержал и собрался уходить, Нолиакхо почувствовал себя очень неловко и попытался сбежать.

Но стоило Нолиакхо заговорить о матери, как Хемнолини стала смотреть на него с уважением. Ее тронуло то, что при одном лишь упоминании о ней лицо юноши озарялось светом глубокой и чистой любви. Ей хотелось поговорить с Нолиакхо о его матери, но она стеснялась.

— Вот как! — поспешил откликнуться Оннода-бабу на объяснение Нолиакхо. — Знай я это, я никогда не стал бы предлагать вам чаю. Извините меня, пожалуйста.

— Зачем же из-за того, что я не пью чай, лишать меня той любезности, с которой вы предложили мне его, — слегка улыбнувшись, ответил Нолиакхо.

Когда Нолиакхо ушел, Хемнолини с отцом поднялись в гостиную. Девушка начала читать ему, но вскоре отец уснул. С некоторых пор такие приступы слабости стали для него обычными.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

За короткое время знакомство Нолинакхо с семьей Онноды-бабу выросло в настоящую дружбу. Сначала Хемнолини думала, что Нолинакхо интересуют только отвлеченные темы, опа и не предполагала, что с ним, как с обыкновенным человеком, можно побеседовать просто о жизни. И все же среди шуток и веселых разговоров Нолинакхо всегда сохранял какой-то отсутствующий вид.

Однажды, когда Нолинакхо беседовал с Оннодой-бабу и с Хемнолини, в комнату вошел Джоген и возбужденно заговорил:

— Ты знаешь, отец, члены «Брахма-Самадж» стали теперь называть нас учениками Нолинакхо-бабу. Из-за этого я сегодня поссорился с Порешем.

— Но я не вижу в этом ничего для нас обидного, — слегка улыбнувшись, заметил Оннода-бабу. — Будь я в обществе, где нет ни одного ученика, а все учителя, я испытал бы стыд. Желаящие поучать поднимали бы такой шум, что невозможно было бы чему-нибудь научиться.

— Я совершенно согласен с вами, Оннода-бабу, — поддержал его Нолинакхо. — Давайте создадим общество учеников и будем искать источники знания.

— Довольно, тут нет ничего смешного, — нетерпеливо сказал Джогендро. — Никто не может стать вашим другом или родственником, Нолин-бабу, без того, чтобы его не обозвали вашим учеником. А от такого прозвища шуточной не отделаешься. Перестали бы вы лучше заниматься подобными вещами.

— Объясните, что вы имеете в виду? — спросил Нолинакхо.

— Я слышал, что вы дышите через ноздри согласно системе йогов, созерцаете солнце в час восхода, не садитесь за пищу, пока не выполните различных обрядов, и благодаря всему этому вы, как говорят, «выпали из ножен».

Стыдясь за резкую выходку брата, Хемнолини низко опустила голову. Нолинакхо улыбнулся:

— Конечно, выпасть из ножен считается в обществе преступлением. Но разве меч или человек полностью пахотятся в ножнах? Та часть, которая вынуждена оставаться в ножнах, у всех мечей одинакова, — только рукоятка разукрашена в соответствии с желанием и искусством мастера. Ведь не станете же вы отрицать, что вне ножен человеческого общества должно остаться место для проявления индивидуальных особенностей каждого. Но меня удивляет, как могут люди видеть и обсуждать те безобидные вещи, которые я совершаю дома без свидетелей.

— Да разве вам не известно, Нолин-бабу, что принявшие на свои плечи бремя ответственности за мировой прогресс считают одной из своих первейших обязанностей выяснять, что делается в чужих домах; они обладают даже способностью сами пополнять недостающие сведения. Без этого прекратилось бы совершенствование мира. Кроме того, Нолин-бабу, если вы делаете что-либо такое, что несвойственно остальным, то, как ни скрывай это, все равно заметят, в то время как на обычные занятия никто и внимания не обратит. Вот вам пример: о ваших занятиях Хем уже рассказала отцу, хотя она и не брала на себя заботу о вашем воспитании.

Хемнолини вспыхнула и уже собиралась что-то сказать, когда Нолинакхо остановил ее:

— Вам нечего стыдиться. Если вы, выходя на крышу подышать воздухом, видите, как я совершаю утренние молитвы, то вы в этом ничуть не виноваты. Нечего стыдиться того, что у вас есть глаза, все мы повинны в том же.

— К тому же, — заметил Оннода-бабу, — Хем не высказывала ни малейшего недовольства по поводу совершаемых вами обрядов, а, напротив, с уважением расспрашивала меня о них.

— Я этого совершенно не понимаю! — воскликнул Джогендро. — Я не испытываю никакого неудобства от простой жизни с ее обычными нормами поведения и не считаю, что выполнение каких-то тайных ритуалов дает особое преимущество, — скорее наоборот, оно заставляет человека терять душевное равновесие и делает его ограниченным. Но, пожалуйста, не сердитесь на меня за эти

слова, ведь я обыкновенный человек и на земле занимаю одно из самых скромных мест. Достичь тех, кто восседает наверху, я могу не иначе, как запуская в них камни. Таких, как я, бесчисленное множество, и раз вы вознеслись на небывалую высоту, то непременно станете мишенью для бесчисленного множества камней.

— Но ведь камни бывают разные: один тебя лишь слегка заденет, другой — метку оставит. Если сказать о человеке, что он сходит с ума или ребячится, это никого не обидит; но когда человека обвиняют в том, что он впадает в благочестие, становится наставником, пытается собирать вокруг себя учеников, тут одним смехом не отделаешься.

— Я снова прошу вас, не вздумайте сердиться на меня. Занимайтесь, чем хотите, у себя на крыше, да и кто я такой, чтобы запретить вам это? Я хочу лишь сказать, что, если ваше поведение не выходит за пределы общепринятого, оно не вызывает никаких толков. Для меня спокойнее поступать именно так. Стоит лишь перешагнуть определенную границу — собирается толпа: осыпает ли она тебя бранью, поклоняется ли тебе — все равно. Быть в центре внимания этой толпы весьма неприятно, по-моему.

— Пойдите, куда же вы? — воскликнул Нолинакхо. — Вы силой стянули меня с крыши на нижний этаж, с его прозой, почему же сами теперь бежите отсюда?

— На сегодня с меня довольно. Хватит! Пойду прогуляю! — воскликнул Джожен.

После его ухода Хемнолини все свое внимание почему-то сосредоточила на бахrome скатерти и не поднимала головы. Приглядевшись повнимательнее, можно было бы заметить, что на ресницах ее дрожат слезы.

Ежедневно беседа с Нолинакхо, девушка почувствовала бедность своего духовного мира и загорелась желанием следовать по пути, избранному Нолинакхо. В то время как она страдала и не могла найти опоры ни в окружающих, ни в своей душе, Нолинакхо раскрыл перед ней новый мир. И вот с недавнего времени ею овладела идея подвижничества, строгого выполнения всех обрядов. Ей казалось, что в этом можно найти надежную опору. Кроме того, горе не может существовать лишь как со-

стояние, оно жаждет проявить себя в каком-нибудь аскетическом подвиге. До сих пор, опасаясь осуждения окружающих, Хемнолини не могла этого сделать, она вынашивала свои страдания в глубине души. Когда же, следуя системе Нолинакхо, Хемнолини отказалась от мясной пищи и стала на путь строгого воздержания, она испытала большое облегчение. Она убрала из своей спальни все ковры и циновки, а постель занавесила пологом. Все остальные вещи были вынесены из комнаты. Каждый день она сама мыла пол и приносила в комнату немного цветов. После купанья, надев белое сари, Хемнолини усаживалась на пол; через распахнутые окна и двери в комнату свободно лился солнечный свет, и под воздействием неба, ветра и света девушка чувствовала себя обновленной. Оннода-бабу не мог полностью присоединиться к Хемнолини, но был счастлив, замечая по выражению лица дочери, какую радость доставляет ей исполнение всех этих обрядов. Теперь, когда приходил Нолинакхо, они втроем садились на пол в комнате Хемнолини и вели беседу.

Джогендро сразу же взбунтовался:

— Что это происходит? Вы превратили дом в какое-то святилище. Такому грешнику, как я, тут некуда и ногу поставить.

Раньше Хемнолини оскорбила бы подобная шутка Джогендро, Оннода-бабу и сейчас порой вспыхивал гневом от его слов, но Хемнолини, следуя примеру Нолинакхо, отвечала брату лишь спокойной и ласковой улыбкой. Девушка обрела надежную, незыблемую опору и считала слабостью стыдиться ее. Хемнолини знала, что люди смеются над ней, находя ее поведение нелепым, но преклонение перед Нолинакхо и вера в него защищали ее от всего мира, и люди больше не смущали ее.

Однажды, когда после утреннего омовения она, окончив молитву, сидела неподвижно у окна своей тихой комнатки, к ней вошли Оннода-бабу и Нолинакхо. Сердце Хемнолини в тот момент было преисполнено умиротворения. Опустившись на колени сначала перед Нолинакхо, а затем перед отцом, она совершила пронам и взяла прах от их ног. Нолинакхо пришел в замешательство.

— Не волнуйтесь, Нолин-бабу, — проговорил Оннода-бабу. — Хем только выполнила свой долг.

Полинакхо никогда еще не приходил к ним так рано, и Хемполини с любопытством взглянула на него.

— Я получил вести из Бенареса, мать серьезно больна, — проговорил Полинакхо, — и сегодня с вечерним поездом я решил отправиться домой. У меня еще много дел, поэтому я сейчас зашел проститься с вами.

— Что же, делать нечего. Дай бог, чтобы ваша мать быстро поправилась, — сказал Оннода-бабу. — Мы в вечном долгу перед вами за ту поддержку, которую вы нам оказывали в последнее время.

— От вас я получил гораздо больше. Вы проявили ко мне такую заботливость, какую только можно проявить к соседу. Но это не все: глубина вашей веры раскрыла передо мной в новом свете многие из важных вопросов, над которыми я долго размышлял. Я наблюдал вашу жизнь, и это придало моим размышлениям и ритуалам большую целеустремленность. Я понял, как быстро и легко можно достичь успеха благодаря помощи и сочувствию ближних.

— Самое удивительное то, что мы все время чувствовали, будто нам чего-то очень недостает, но не могли понять, чего именно, до того самого момента, пока не встретили вас. Тогда мы поняли, что именно вас нам не хватало. Ведь мы настоящие домоседы, очень редко бываем на людях и не питаем особого пристрастия к собраниям. Я-то еще иногда выхожу, а Хем очень трудно вытащить куда-нибудь. Но тогда случилось что-то необычайное: как только мы услышали от Джогена, что вы будете читать лекцию, сразу же, без всяких колебаний, отправились на собрание; это небывалый случай, — уверяю вас, Полин-бабу! Отсюда вы можете сделать вывод, что вы нам были необходимы, — иначе этого бы не случилось. Сама судьба сделала нас вашими должниками.

— Я хотел, чтобы и вы знали, — сказал в ответ Полинакхо, — что никому, кроме вас, я не рассказывал о моей личной жизни. Высшее учение об истине заключается в способности открывать правду. И это необходимо каждому человеку. Лишь благодаря вам я смог излить свою душу. Поэтому никогда не забывайте о том, что и я нуждаюсь в вас.

Хемнолини не проронила ни слова. Она сидела молча, устремив взор на солнечный луч, игравший на полу. На прощание девушка сказала:

— Сообщите нам о здоровье вашей матери.

Едва Нолинакхо поднялся, как Хемнолини снова склонилась перед ним в глубоком поклоне.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Последнее время Окхой не ходил в дом Онноды-бабу. Но в тот день, когда Нолинакхо уехал в Бенарес, он снова появился с Джогендро за чайным столом. Про себя он решил, что по тому, насколько будет раздражена Хемнолини при виде его, Окхоя, он сможет легко определить, помнит ли она еще Ромеша. Сегодня Окхой нашел Хемнолини совершенно спокойной. Увидев его, она ничуть не изменилась в лице.

— Почему вы так давно не были у нас? — приветливо спросила девушка.

— Разве мы достойны того, чтобы видеть нас ежедневно? — проговорил Окхой.

— Если бы недостойные лишены были права ходить в гости, то многим из нас пришлось бы жить в полном одиночестве, — заметила Хемнолини.

— Окхой думал, что он один удостоился чести называться скромным, — проговорил Джогендро, — а Хем превзошла его и показала, что скромность присуща всем людям вообще. Я же вот что хочу сказать. С такими, как мы, обыкновенными людьми, можно видеться ежедневно, но с людьми необыкновенными лучше встречаться изредка, в больших дозах их трудно переварить. Поэтому-то они и скитаются по лесам, горам и пещерам, а если бы своим постоянным местом пребывания они избрали человеческое общество, то таким простакам, как мы с Окхоем, пришлось бы бежать в леса и горы.

Хемнолини поняла, в кого метил Джогендро, но ничего не ответила. Она приготовила три чашки чаю и поставила их перед отцом, Окхоем и Джогендро.

— А ты разве не будешь пить чай? — спросил Джогендро. Хемнолини почувствовала, что сейчас ей

придется выслушать грубость, но все же со спокойной решимостью ответила:

— Нет, я теперь не пью чай.

— Да тут, я вижу, начал процветать аскетизм! Вероятно, в чайных листьях недостаточно духовной силы, ведь этим обладает лишь миробалан. Что за несчастье! Хем, прекрати все это. Если одной чашкой чаю ты нарушишь свое воздержание, ничего не произойдет! В этом мире самые суровые ограничения нарушаются, и не зачем из-за такой ерунды идти против всех.

С этими словами Джогендро встал, сам налил еще одну чашку и поставил ее перед Хемнолини. Не прикоснувшись к ней, девушка сказала:

— Почему ты ничего не ешь, отец?

У Онноды-бабу дрожали руки и голос, когда он ответил:

— Правду сказать, дорогая, за этим столом мне сегодня кусок в горло не идет. Долго я старался сносить выходки Джогена. Потому что знаю, что здоровье у меня плохое и стоит мне только начать, я наговорю бог знает что, а потом буду жалеть об этом.

— Не сердись, пожалуйста, отец, — сказала Хемнолини, подойдя к его креслу. — Дада хочет угостить меня чаем, ну и пусть, меня это ничуть не огорчает. А тебе, отец, надо что-нибудь съесть. Я знаю, ты всегда плохо себя чувствуешь, если пьешь чай на пустой желудок. — И Хемнолини пододвинула отцу блюдо. Оннода-бабу неохотно принялся за еду.

Вернувшись на свое место, Хемнолини собралась уже выпить налитый Джогендро чай, как вдруг Окхой поспешно вскочил:

— Простите, пожалуйста, можно мне взять эту чашку? Я уже выпил свою.

Джогендро подошел к Хемнолини и, взяв у нее чашку, обратился к Онноде-бабу:

— Я нехорошо поступил, прости меня, отец.

Оннода-бабу ничего не ответил, только из глаз его закапали слезы.

Джогендро и Окхой тихо вышли из комнаты. Оннода-бабу, допив чай, встал и, опираясь на руку Хемнолини, неверными шагами поднялся наверх.

Ночью Онноде-бабу стало плохо. Врач, которого вызвали, сказал, что у старика не в порядке печень, болезнь еще не запущена и год или хотя бы полгода, проведенные на западе, и хороший климат полностью восстановят его здоровье.

Когда боли утихли и врач ушел, Оннода-бабу сказал: — Хем, дорогая, поедem ненадолго в Бенарес.

Такая же мысль возникла и у Хемнолини. Стоило только уехать Нолинакхо, как девушка почувствовала, что рвение, с которым она раньше выполняла все ритуалы, значительно ослабло. Одно присутствие Нолинакхо, казалось, придавало ей твердость в совершении ежедневных обрядов. Само лицо Нолинакхо светилось непреклонной верой и невозмутимым спокойствием, и это всегда воодушевляло Хемнолини. В отсутствие же Нолинакхо энтузиазм девушки сменился какой-то вялостью. Поэтому она старалась с еще большей настойчивостью следовать его указаниям и выполняла их особенно тщательно. Но от этого вместе с усталостью ее охватывало такое отчаяние, что она не могла сдержать слез. За чайным столом Хемнолини старалась быть гостеприимной, но на сердце ее лежала какая-то тяжесть. С удвоенной силой овладели ею мучительные воспоминания о прошлом, и снова ее бесприютная и одинокая душа готова была метаться и мучительно стонать. Поэтому, когда Оннода-бабу предложил поехать в Бенарес, Хемнолини поспешила ответить:

— Это было бы очень хорошо, отец.

На следующий день, заметив какие-то приготовления, Джогендро спросил, в чем дело.

— Мы уезжаем на запад, — ответил Оннода.

— Куда именно?

— Сначала попутешествуем, а там поселимся, где понравится.

Сказать Джогендро прямо, что они собираются в Бенарес, он не решился.

— Жаль, что не могу поехать с вами, — заметил Джогендро. — Я подал заявление на место главного учителя и жду ответа.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Ранним утром Ромеш возвратился из Аллахабада в Газиपुर. Путников на дороге попадалось мало. Придорожные деревья замерли, будто окоченев от зимнего холода в своем легком лиственном наряде. Пад пригородами, как неподвижно сидящий лебедь, застыла белоснежная пелена непроницаемого тумана. Все время, пока Ромеш ехал по этой безлюдной дороге, плотно завернувшись в теплое пальто, сердце его учащенно билось.

Остановив экипаж около бунгало, он соскочил на землю. Он думал, что Комола слышала шум подъехавшего экипажа и, наверно, уже вышла на веранду. В Аллахабаде Ромеш купил дорогое ожерелье, которое хотел сам падеть на шею Комоле, и сейчас достал футляр из кармана пальто.

Но, подойдя к дому, он увидел, что Бишон безмятежно спит на террасе, а двери дома заперты. Ромеш нахмурился и невольно остановился.

— Бишон! — позвал он довольно громко, в надежде, что разбудит кое-кого и внутри дома. Ромеша задело, что ему приходилось ждать пробуждения так долго, ведь сам он почти всю ночь не мог уснуть.

Однако Бишон не проснулся.

Ромеш окликнул Бишона второй, затем третий раз, но, видя, что это бесполезно, растолкал его.

— Госпожа дома? — спросил Ромеш слугу, который, ничего не понимая, тупо смотрел на него.

Наконец Бишон очнулся.

— Да, да, госпожа в доме, — сказал он, засыпая.

Ромеш толкнул дверь, вошел, обыскал все комнаты — никого!

— Комола! — громко позвал он. Никакого ответа. Он осмотрел весь сад, дошел до дерева ним, побывал в кухне, в комнатах слуг и в конюшне, но Комолы нигде не нашел.

Взошло солнце, загладели вороны; показались женщины с кувшинами на голове; они группами шли за водой к каменному бассейну около бунгало. С противоположной стороны дороги донеслось разноголосое пение женщин, растиравших зерно во дворах своих хижин.

Ромеш вернулся в бунгало и увидел, что Бишон по-

прежнему спит глубоким сном. Тогда он принялся трясти его изо всех сил. Тут только он почувствовал, что от слуги пахнет пальмовым вином.

От непрерывных яростных толчков Бишон наконец кое-как пришел в себя и с трудом поднялся.

— Где госпожа? — повторил свой вопрос Ромеш.

— Госпожа в доме, — пробормотал Бишон.

— Про какой дом ты говоришь?

— Про этот, она вчера сюда пришла.

— А потом куда-нибудь уходила?

Разинув рот, Бишон ошеломленно смотрел на Ромеша.

В это время явился Умеш с покрасневшими глазами, — в новом дхоти и в развевающемся чадоре. Ромеш обратился к нему:

— Где мать, Умеш?

— Она здесь со вчерашнего вечера, — был ответ.

— А ты где был?

— Вчера вечером мать отослала меня в дом Шидхубабу, на праздник.

В это время извозчик напомнил Ромешу, что он еще не расплатился.

Тогда на этом же экипаже Ромеш тотчас отправился в дом дяди. Войдя, он заметил, что в доме страшный переполох. Ромеш подумал, не заболела ли Комола. Но затем узнал, что вчера вечером Уми неожиданно стала громко плакать, личико ее посинело, ручки и ножки похолодели, и это всех страшно перепугало. Дом был поднят на ноги, всю ночь никто не ложился спать.

Ромеш подумал, что из-за болезни Уми вчера вернулась сюда и Комола. Он обратился к Бипину:

— Комола, наверно, очень тревожится о девочке?

Бипин точно не знал, приехала вчера Комола или нет. И на вопрос Ромеша неопределенно ответил:

— Да, она очень любит Уми и, конечно, расстроена. Но доктор утверждает, что опасаться нечего.

Как бы то ни было, из-за всех этих препятствий радостное волнение и мечты покинули Ромеша. Ему казалось, что сам рок мешает их встрече.

В это время из бунгало пришел Умеш. Он имел доступ на женскую половину дома, так как сумел завоевать симпатии Шойлоджи.

Увидев мальчика и боясь, как бы он не разбудил Уми, Шойлоджа вышла с ним за дверь.

— Где мать, госпожа? — спросил он ее.

— Как где? Ты же вчера вместе с ней отправился в бунгало! — удивленно ответила Шойла. — Поздно вечером я собиралась послать к ней нашу Лочмонию, но из-за болезни малышки не смогла отпустить ее.

Улыбка сбежала с лица Умеша.

— Я не нашел ее в доме, — проговорил он.

— Что ты говоришь! — воскликнула с тревогой Шойла. — А где же ты был этой ночью?

— Мать не позволила мне остаться и сразу отослала меня к Шидху-бабу смотреть представление.

— Я вижу, ты очень послушен! А где был Бишон?

— Бишон ничего не может рассказать, он выпил вчера лишнего.

— Беги скорее за хозяином.

Едва Бипин вошел, как Шойлоджа кинулась к нему:

— Ты знаешь, какое несчастье случилось?

Бипин побледнел.

— Нет, а что такое? — взволнованно спросил он.

— Комола вчера вечером ушла к себе в бунгало, а сегодня ее не нашли там.

— А разве она не вернулась сюда вчера вечером?

— Конечно, нет! Я хотела за ней послать, когда Уми заболела, да некого было! Ромеш-бабу приехал?

— Да, не найдя ее в бунгало, он решил, что она, наверное, здесь, и поэтому сейчас пришел к нам.

— Немедленно отправляйся на розыски вместе с ним! Уми спит, ей сейчас уже совсем хорошо.

В экипаже Ромеша молодые люди возвратились в бунгало и взялись за Бишона. После долгих расспросов им удалось наконец выяснить следующее: вчера вечером Комола ушла одна к Ганге. Бишон вызвался проводить ее, но она отказалась, дала ему рупию и велела идти домой. Он сел сторожить у садовой калитки, — тут перед ним оказался продавец пальмового вина с кувшином, наполненным свежим пенящимся напитком. Что происходило на свете после этого, Бишону было уже не совсем ясно. Он мог указать лишь тропинку, по которой Комола ушла к Ганге.

Ромеш, Бипин и Умеш пошли по этой тропинке, бежавшей среди полей, еще покрытых утренней росой. Умеш, как хищный зверь, у которого похитили детеныша, бросал по сторонам тревожные и пристальные взгляды. Выйдя на берег Ганги, все трое сразу остановились. Здесь никого не было. Сверкала в лучах восходящего солнца серая галька. Никого!

— Мать, где ты, мать?! — отчаянно крикнул Умеш, но лишь эхо откликнулось ему с далекого противоположного берега.

Продолжая поиски, Умеш вдруг заметил вдали на отмели что-то белое. Подбежав, он увидел у самой воды завернутую в платок связку ключей. С криком: «Что это у тебя?» — к нему бросился Ромеш и узнал ключи Комолы. Там, где они лежали, был небольшой илистый нанос. На свежем иле остались глубокие следы маленьких ног. Они обрывались у самой реки. Зоркий глаз Умеша заметил какой-то предмет, сверкавший в неглубокой воде. Он тотчас достал его, и все увидели маленькую золотую брошь с эмалью — это был подарок Ромеша.

Все следы вели в Гангу. Умеш, не в силах сдержаться, с криком: «Мать, о мать!» — бросился в воду. В этом месте было мелко. Он как безумный барахтался, царапая дно руками, пока не замутил всю воду.

Ромеш стоял в оцепенении.

— Что ты делаешь, Умеш! Вылезай! — приказал Бипин.

Но Умеш, снова погружаясь с головой в воду, кричал:

— Я не уйду, не уйду отсюда! Мать, ты не могла покинуть меня!

Бипин перепугался. Но Умеш плавал, как рыба, и утопиться ему было очень трудно. Долго он барахтался в воде, наконец, обессиленный, упал на берегу и с громким плачем принялся кататься по песку.

— Пойдемте, Ромеш-бабу, — произнес Бипин, тронув за плечо неподвижно стоявшего Ромеша. — Здесь оставаться бесполезно. Надо сообщить в полицию.

В доме Шойлоджи в этот день не ели и не ложились спать. Плач раздавался по всему дому. Рыбаки обшарили сетью реку далеко вокруг. Полиция начала розыски. Со станции были получены достоверные сведения, что ни

одна женщина-бенгалка, по описанию похожая на Комолу, вчера на поезд не садилась.

К вечеру приехал Чоккроборти. Когда ему подробно рассказали о том, как вела себя Комола последние несколько дней, он решил, что сомнений быть не может: Комола утопилась.

— Поэтому и Уми вчера ночью ни с того ни с сего заплакала и вела себя так странно, — заметила Лочмония. — Надо было отогнать от ребенка злых духов.

В груди Ромеша все будто окаменело, у него даже не было слез.

«Комола пришла ко мне из Ганги и снова исчезла в ней, как чистый цветок, принесенный во время праздника Пуджи в дар Ганге», — думал он.

Когда село солнце, Ромеш снова пришел на берег реки. Остановившись там, где лежала связка ключей, он долго глядел на следы ног на песке, а затем, сняв башмаки и подвернув дхоти, вошел в воду, вынул из футляра ожерелье и бросил его далеко на середину реки.

Никто в доме дяди и не заметил, когда Ромеш покинул Газипур.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Перед Ромешем разверзлась пустота. Ему казалось, что у него теперь не осталось ничего: ни дела, ни места, где бы он мог жить постоянно.

Нельзя сказать, чтобы он совершенно перестал думать о Хемнолини, но он гнал мысли о ней. «Страшный удар, обрушившийся так внезапно, навсегда сделал меня недостойным этого мира, — думал он. — Пораженному молнией дереву нет места среди цветущих растений!»

Ромеш отправился путешествовать, нигде надолго не задерживаясь. Он плыл по реке, любуясь великолепием бенаресских гхатов; поднимался на Кутуб Минар в Дели, ходил смотреть при лунном свете на Тадж Махал в Агре, посетил Золотой храм в Амритсаре, оттуда направился в Раджпутану посмотреть храм, сооруженный на вершине горы Абу. Таким образом, ни душа его, ни тело не знали покоя.

Наконец, утомленный странствиями, юноша ощутил в душе острую тоску по дому. Ему не давали покоя воспоминания о прежней его спокойной жизни и сладостные мечты об устройстве своего собственного домашнего очага. И вот его скитания, в которых он старался забыть свое горе, закончились: с глубоким вздохом облегчения купил он билет до Калькутты и сел в поезд.

В Калькутте Ромеш не сразу решился заглянуть в знакомый переулок в Колутоте; неизвестно, что его ожидало там! А вдруг произошли какие-нибудь серьезные перемены. Однажды Ромеш уже дошел до угла переуллка, но повернул назад. На следующий день вечером, собравшись наконец с духом, Ромеш приблизился к знакомому дому, но все окна нашел закрытыми — ничто не указывало на присутствие в доме хозяев. Надеясь, что Шукхов, во всяком случае, стережет дом, Ромеш окликнул слугу и постучал в дверь, — никто не ответил.

Сосед Чондромохон сидел у своего дома, покуривая трубку. Увидев Ромеша, он воскликнул:

— Кого я вижу? Неужели Ромеш? Ну, как поживаете? В доме у Онноды-бабу сейчас никого нет.

— Не знаете ли вы, куда они уехали?

— Точно не могу сказать, знаю только, что отправились на запад.

— Кто же именно поехал?

— Оннода-бабу с дочерью.

— Вы хорошо знаете, что с ними больше никого не было?

— Разумеется! Я видел их, как раз когда они уезжали.

Тогда Ромеш не удержался, чтобы не сказать:

— Мне говорил один знакомый, что с ними поехал господин по имени Нолин-бабу.

— Вы получили неверные сведения. Нолин-бабу, правда, жил некоторое время на вашей квартире, но за два или три дня до отъезда Онноды-бабу отправился в Бенарес.

Тогда Ромеш стал выспрашивать Чондромохона о Нолине-бабу. Полное его имя Нолинакхо Чоттопаддхай. Рассказывали, что он раньше практиковал в Рангпуре, а теперь живет с матерью в Бенаресе. После недолгого

молчания Ромеш спросил, не знает ли Чондромохон, где теперь Джоген.

Чондромохон сообщил, что Джогендро получил место старшего учителя в Майменсинге, в школе, основанной одним землевладельцем, и уехал в Бишайпур.

— Давно вас что-то не было видно, Ромеш-бабу, — в свою очередь, приступил к расспросам Чондромохон, — где вы пропадали все это время?

Ромешу больше незачем было скрываться, и он ответил, что практиковал в Газипуре.

— И теперь снова туда собираетесь?

— Нет. Я жил там недолго. А теперь еще не решил, куда поеду.

Вскоре после ухода Ромеша к дому подошел Окхой. Уезжая, Джогендро просил его проверять, сторожат ли дом. Окхой же, как известно, никогда не пренебрегал порученными ему обязанностями, поэтому время от времени заглядывал сюда, чтобы убедиться, на месте ли один из двух сторожей, оставленных Оннодой-бабу.

— Только что здесь был Ромеш-бабу, — сообщил Окхой Чондромохон.

— Что вы говорите! Зачем же он приходил?

— Не знаю, он все расспрашивал меня об Онноде-бабу. У него такой измученный вид, что сразу и не скажешь, кто это. Я бы так и не узнал его, если бы он не окликнул слугу.

— А где он сейчас живет, вы спрашивали?

— Все это время он жил в Газипуре, а теперь уехал отсюда и еще не решил, где поселиться.

Окхой ограничился неопределенным восклицанием и занялся своими делами.

«Какую ужасную шутку может сыграть судьба! — подумал Ромеш, возвращаясь к себе домой. — Встреча моя с Комолой и Хемнолини с Нолинакхо — все это похоже на роман, притом весьма скверно написанный. Придумать столь запутанный сюжет под силу лишь такому бесстрашному романисту, как судьба. В жизни случаются самые удивительные вещи, которые робкий писатель не посмеет представить даже в виде фантастического романа».

Ромеш надеялся, что теперь он навсегда освободился от сетей неразрешимых загадок, опутавших его жизнь,

и судьба в последней главе этого сложного романа не отнесется к нему жестоко.

Джогендро занимал в Бишайпуре небольшой одноэтажный домик, неподалеку от резиденции местного заминдара. Однажды воскресным утром он читал газету, когда какой-то человек вручил ему письмо. Увидев надпись на конверте, Джогендро остолбенел от изумления. Он раскрыл письмо, — действительно, это писал Ромеш. Он ждет его в бакалейной лавке в Бишайпуре и хочет поговорить с ним о важном деле.

Джогендро тотчас вскочил с кресла. Правда, он был вынужден однажды выругать Ромеша, но все же это друг его детства, и они так давно не виделись! Как может он прогнать Ромеша? Кроме того, к радости видеть друга примешивалась и немалая доля любопытства. А главное, Хемнолини уехала, и присутствие Ромеша не вызывало больше опасений.

Вместе с посыльным Джогендро отправился разыскивать Ромеша. Он нашел его сидящим на пустом бидоне из-под керосина. Лавочник предложил было ему покурить трубку, которую он держал специально для брахманов, но, услышав, что господин в очках не курит, отнес его к разряду городских диковинок. После этого с обеих сторон никаких попыток продолжать знакомство не было.

Джогендро стремительно ворвался в лавку и, схватив Ромеша за руки, заставил подняться.

— Ты невыносим! — заговорил он. — Ну что с тобой поделаешь! Все такой же нерешительный. Надо было сразу прийти ко мне, так нет, застрял на полпути к дому в бакалейной лавке, среди ароматов патоки и жареного риса!

Ошеломленный Ромеш смущенно улыбался. По дороге Джогендро болтал без умолку.

— Пути господни неисповедимы! — говорил он. — Неужели всевышний создал меня деятельным горожанином только затем, чтобы теперь похоронить до конца дней моих в этой глухой деревушке?

— Почему, это не плохое место, — проговорил Ромеш, оглядываясь по сторонам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Здесь так мало людей...

— Вот поэтому-то я испытываю' неодолимое желание сделать его более пустынным, избавив еще от одного человека, то есть от себя самого.

— Ну, во всяком случае, если говорить о душевном покое...

— Не говори мне, пожалуйста, об этом! Некоторое время я тут прямо задыхался от «душевного покоя» и стараюсь, насколько могу, не упускать случая нарушить его. Вот теперь начались потасовки с секретарем заминдара. Да и господина заминдара я так хорошо познакомил со своим характером, что, думаю, теперь он поостережется задевать меня. Он хотел, чтобы я восхвалял его в английских газетах, но я довольно ясно объяснил ему, что имею свое собственное мнение. И не моя заслуга, что меня все еще терпят здесь. Я пришелся по нраву здешнему судье — из страха перед ним заминдар и не увольняет меня. В тот день, как я прочту в газете о том, что судья перевелся в другое место, будет ясно, что солнце моего учительства на бишайпурском горизонте закатилось. А пока у меня единственный собеседник — собака Панч. Все остальные относятся ко мне не очень благосклонно.

Как только они пришли на квартиру Джогендро, Ромеш опустил в кресло.

— Нет, нет, погоди, — проговорил Джоген. — Я знаю, что у тебя есть скверная привычка совершать омовения по утрам. Пойди выкупайся. А тем временем я вскипячу чайник. Под предлогом гостеприимства я, таким образом, попью чай вторично.

Так, за едой, разговорами и отдыхом прошел весь день. И в течение всего дня Джогендро не давал Ромешу упомянуть о том важном деле, ради которого он приехал сюда. В сумерки, после ужина, они придвинули свои кресла поближе к столу, освещенному керосиновой лампой. Где-то рядом выли шакалы, ночь за окном наполнилась стрекотом цикад. Наконец Ромеш заговорил:

— Знаешь, Джоген, зачем я приехал? Я хочу рассказать тебе кое о чем. Однажды ты задал мне вопрос, но тогда еще рано было отвечать на него, теперь же к этому больше нет препятствий.

Сказав это, Ромеш несколько минут сидел молча. Затем постепенно изложил всю историю с начала до конца. Временами его голос дрожал и прерывался, иногда Ромеш совсем умолкал. Джогендро слушал, не произнося ни слова.

Когда Ромеш закончил, Джогендро тяжело вздохнул.

— Если бы ты тогда рассказал мне все, я не поверил бы, — наконец сказал он.

— И сейчас у меня есть только те доказательства, которые были тогда. Поэтому, прошу тебя, поедем со мной в ту деревню, где я женился, а потом к дяде Комолы.

— Не сделаю ни шагу. Я и так верю каждому твоему слову. Издавна я привык тебе верить во всем и прошу прощения за тот единственный случай в моей жизни, когда отступил от этого правила.

С этими словами Джоген встал и подошел к Ромешу. Ромеш тоже поднялся, и друзья детства обнялись.

Взяв себя в руки, Ромеш проговорил:

— Судьба опутала меня такими крепкими сетями обмана, что мне пришлось смириться — я не видел иного выхода. Теперь я вырвался из этих сетей, мне ни от кого не надо скрываться, и я наконец вздохнул свободно. До сих пор мне непонятно, что заставило Комолу покончить с собой — и никогда не смогу я этого узнать, — одно только несомненно, что если бы смерть не разрубила узел, в который сплелись наши жизни, то в конце концов оба мы оказались бы в ужасном положении. Я содрогаюсь, когда думаю об этом. Комола, словно мучительная загадка, появилась из пасти смерти и так же внезапно исчезла в ней.

— Я бы на твоём месте не был так твердо убежден в том, что Комола действительно погибла, — заметил Джоген. — Но как бы то ни было, во всей этой истории ты совершенно невиновен. А теперь я хочу рассказать тебе о нашем новом друге.

И тут Джогендро обрушился на Нолинакхо.

— Я не совсем понимаю таких людей, — начал он, — а чего не понимаю, того и не люблю. Однако знаю, что многие придерживаются другого мнения: их притягивает как раз то, чего они не понимают. Поэтому я так боюсь за Хем! Когда я заметил, что она перестала пить чай,

есть мясо и рыбу, а на насмешки вместо слез отвечает ласковой улыбкой, то понял, что дело плохо! Но все же я уверен, что с твоей помощью мы живо спасем ее от этого пагубного влияния. Поэтому будь готов, — вдвоем мы вступим в бой с аскетом.

Ромеш рассмеялся.

— Хорошо. Хотя за мной и нет славы доблестного воина, я готов.

— Отлично, только подожди до моих рождественских каникул.

— Но ждать еще долго. Почему бы мне пока не попытаться одному?

— Нет, нет, этому не бывать. Я помешал вашей свадьбе, я своими же руками все и исправлю. Не допущу, чтобы ты поехал раньше и лишил меня этой приятной обязанности. Ведь до каникул осталось всего десять дней!

— Но за это время я бы уже...

— Нет, и слышать не хочу об этом. Эти десять дней ты пробудешь у меня. Со всеми, с кем мог, я уже здесь перессорился, и теперь, чтобы стать более покладистым, мне необходим друг. Как видишь, при создавшемся положении надежды на спасенье у тебя нет! До сих пор по вечерам мне приходилось слушать лишь вой шакалов, и я дошел до такого печального состояния, что даже твой голос кажется мне слаще звуков вины.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Сведения о Ромеше, полученные от Чондромахона, заставили Окхоя призадуматься.

«В чем же дело? — думал он. — Оказывается, Ромеш имел практику в Газиपुरе и до сих пор тщательно скрывал это. Что же заставило его уехать оттуда, и как решил он так смело появиться в переулке Колутолы? В один прекрасный день Ромешу станет известно, что семья Онноды-бабу находится в Бенаресе, и он, несомненно, отправится туда».

Пока этого не случилось, Окхой решил поехать в Газиपुर навести справки о Ромеше, а затем посетить Онноду-бабу в Бенаресе.

И вот в один из дней месяца огрохайон, пополудни, Окхой с саквояжем в руках появился в Газиपुरе. Прежде всего он отправился на рынок и там стал расспрашивать всех, где живет адвокат-бенгалец по имени Ромеш-бабу. Выяснилось, что никто не знает такого. Тогда Окхой направился в суд, но суд в тот день оказался закрытым. Заметив, как какой-то человек по типу бенгалец садится в экипаж, Окхой поспешил к нему.

— Господин, где здесь проживает Ромешчондро Чоудхури, новый адвокат-бенгалец, он недавно приехал в Газиपुर? — спросил молодой человек.

От незнакомца Окхой узнал, что до недавнего времени Ромеш жил в доме дяди Чоккроборти. Там ли он сейчас или уехал куда-нибудь — сказать трудно. Жена его исчезла. Предполагают, что она утонула.

Окхой поспешил в дом дяди. Он был очень доволен.

«И на этот раз я разгадал хитрость Ромеша, — думал Окхой. — Жена его умерла. И теперь он, не чувствуя никаких угрызений совести, попытается доказать Хемнолини, что женат он никогда не был. И можно не сомневаться, что Хемнолини в теперешнем состоянии духа поверит любым словам Ромеша». Окхою было очень приятно сознавать, что всякий, кто старается выдать себя за ревностного поборника нравственности и добродетели, на деле оказывается очень опасным человеком. Эта мысль преисполнила его уважением к себе.

В доме дяди Окхой стал расспрашивать о Ромеше и Комоле. Дядя не смог сдержать слез.

— Как близкий друг Ромеша, — заговорил он, — вы, конечно, хорошо знали мою Комолу. Уверяю вас, что через несколько дней после нашего знакомства для меня не существовало разницы между ней и моей дочерью. Мог ли я знать, что она, наша Лакшми, покинет меня, принесет столько горя тому, кто горячо полюбил ее за такой короткий срок!

— Я не могу понять, как это случилось, — сказал Окхой, всем своим видом выражая печаль и сочувствие. — Видно, Ромеш плохо обращался с ней.

— Не сердитесь на меня, — ответил дядя, — но я до сих пор не могу понять вашего Ромеша. Внешне он производит очень приятное впечатление, но невозможно

угадать, что у него на уме. Трудно поверить, чтобы он не любил такую жену, как Комола! Ведь Комола — это сама Лакшми! Она любила мою дочь, как родную сестру, но ни разу не пожаловалась ей на мужа. Иногда дочь догадывалась, как тяжело у нее на душе, но до последнего дня не могла добиться от Комолы и слова признания. Сколько невыносимых страданий должна была перенести эта безропотная молодая женщина, чтобы отважиться на такой поступок. У меня сердце разрывается, когда я думаю обо всем. К несчастью, тогда я уехал в Аллахабад. Будь я здесь, Комола не решилась бы покинуть меня.

На следующий день утром Окхой вместе с дядей побывал в доме Ромеша и на берегу Ганги. Когда они вернулись, Окхой обратился к старику:

— Выслушайте меня, господин. Я не могу поверить, что Комола утопилась.

— Что же вы подозреваете? — спросил дядя.

— Мне кажется, она просто убежала из дому. Следует серьезно заняться ее поисками.

— Вы правы! — вскричал дядя, внезапно загоревшись этой идеей. — Это весьма возможно!

— Недалеко отсюда в Бенаресе живут наши хорошие друзья. Может быть, Комола нашла там приют.

— Ромеш-бабу никогда не рассказывал о них, — воскликнул дядя, вновь обретя надежду. — Знай я об этом, разве я не принялся бы за поиски?

— Тогда сейчас же едем в Бенарес, — предложил Окхой. — Вы должны хорошо знать запад, и вам легко будет разыскать Комолу.

Дядя с восторгом принял предложение Окхой. А тот, прекрасно понимая, что Хемнолини не поверит ему одному, в качестве авторитетного свидетеля повез с собой в Бенарес Чоккробрти.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Оннода-бабу с дочерью поселились в окрестностях Бенареса, в очень уединенном месте.

Сразу же по приезде они узнали, что мать Нолинакхо — Кхемонкори заболела воспалением легких. Несмотря

на кашель и лихорадочное состояние, она даже в холод не прекращала своих обычных утренних омовений в Ганге и теперь находилась в тяжелом состоянии.

Благодаря неустанным заботам Хем в течение нескольких дней кризис миновал. Но Кхемонкори была еще чрезвычайно слаба. Ревностно оберегая свою кастовую чистоту, она не могла позволить себе принимать пищу из рук Хемнолини. До болезни Кхемонкори делала все сама, теперь же Нолинакхо приходилось собственноручно готовить матери пищу, кормить ее и подавать лекарство.

— Лучше бы мне умереть! — всегда печально говорила она при этом. — Зачем всевышний сохраняет мне жизнь, когда я доставляю вам столько хлопот!

Кхемонкори, хоть и вела аскетический образ жизни, очень любила уют. Узнав об этом от Нолинакхо, Хемнолини тщательно следила за порядком и чистотой в доме. И всегда, собираясь навестить Кхемонкори, она старательно наряжалась. Каждый день Оннода-бабу рвал цветы в саду, и Хемнолини, сделав красивый букет, ставила его у постели больной.

Нолинакхо не раз пытался уговорить мать пользоваться услугами служанок, но та ни за что не соглашалась. Конечно, тяжелая работа по дому выполнялась прислугой, но Кхемонкори не могла допустить, чтобы нанятые люди прислуживали ей лично.

С тех пор как умерла няня — мать Хори, воспитавшая ее, Кхемонкори даже во время тяжелой болезни не позволяла служанке обмахивать ее опахалом и растирать ей тело.

Она очень любила хорошеньких детей и красивые лица. Возвращаясь с утреннего омовения в Ганге, на Дашашвамедх-гхате, Кхемонкори по дороге украшала цветами каждое изображение Шивы, окропляя его речной водой. Время от времени она приводила с собой в дом приглянувшегося ей по дороге красивого мальчугана — уроженца Центральной Индии или милостивую девочку-брахманку. Она покорила сердце многих соседских детей, одаривая их игрушками, мелкими монетами и сладостями, и получала огромное удовольствие, когда дети приходили к ней поиграть и устраивали в доме веселую суматоху. У Кхемонкори была еще одна слабость:

при виде любой красивой безделушки она не могла удержаться, чтобы не купить ее. Но приобретала их она не для себя. Ничто не доставляло ей такой большой радости, как сделать подарок тому, кто, она знала, сумеет оценить его.

Ее дальнейшие родственники и знакомые часто удивлялись, получив по почте, неизвестно от кого, красивую вещь. В своем большом сундуке черного дерева Кхемонкори хранила много разных бесполезных, но красивых и изящных безделушек и шелковых одежд. В душе Кхемонкори давно уже решила, что, когда появится в доме жена Нолинакхо, все это будет принадлежать ей. Будущую невестку Кхемонкори представляла себе очень красивой и совсем юной девушкой, которая своим появлением озарит счастьем их дом. А старая свекровь будет заботиться о ее нарядах и украшениях. В таких сладостных мечтах Кхемонкори коротала свой досуг.

Остальное время Кхемонкори проводила в молитвах, совершала омовения и другие религиозные обряды. Ела она раз в день: немного молока, плодов и сладостей. Но то, что сын строго выполнял все обряды, Кхемонкори не одобряла.

— Зачем мужчине мучить себя напрасно? — нередко говорила она.

Мужчины казались ей большими детьми. Она спокойно и снисходительно прощала им невоздержанность в еде и легкомыслие в поведении.

— Воздержанность мужчинам совершенно ни к чему! — снисходительно утверждала она.

Конечно, все должны соблюдать предписания религии, но Кхемонкори твердо верила, что правила поведения не для мужчин. Ей доставило бы радость, прояви Нолинакхо хоть в малой степени свойственные другим мужчинам легкомыслие и эгоизм, лишь бы он не беспокоил старую мать в ее молельне и избегал бы тревожить ее, когда она занята совершением религиозных обрядов.

Оправившись от болезни, Кхемонкори поняла, что не только Хемнолини стала верной последовательницей Нолинакхо, но и престарелый Оннода-бабу внимает словам ее сына, как словам мудрого наставника, с глубоким почтением и любовью. Это очень забавляло старую женщину.

Однажды, позвав к себе Хемнолини, она, смеясь, сказала ей:

— Дочь моя, мне кажется, что ты и твой отец напрасно поощряете Нолинакхо. Зачем вы слушаете его безумные речи? Девушке в твоём возрасте следует думать о нарядах, больше смеяться, весело проводить время, а не задумываться о служении всевышнему. Ты можешь спросить, почему я так не живу. На это есть свои причины. Мои родители отличались крайней религиозностью. С детства я, мои братья и сестры воспитывались в строгом благочестии. И если бы теперь мы оставили все, к чему привыкли, не знаю, в чем бы ещё мы нашли утешение. Ты же — дело другое. Я хорошо знаю, как воспитывали тебя. Какой смысл насиловать себя, дочь моя? Я считаю, что каждый должен жить согласно своим склонностям и воспитанию. Нет, нет... это все ерунда, брось!.. Неужели вы опять едите только вегетарианское? К чему такое самоистязание? Да и давно ли Нолинакхо стал таким большим гуру! Что он во всем этом понимает? До недавнего времени он занимался тем, что его интересовало, и слышать не мог о шастрах. Все это он начал делать, чтобы доставить мне удовольствие. Но боюсь, как бы в конце концов он и вправду не стал настоящим саньяси. «Не изменяй тому, чему веришь с детства, — постоянно твержу я ему. — В этом нет ничего дурного, и мне не будет обидно». А Нолин только смеется в ответ. Такой уж у него характер: выслушает все молча и, даже если braniшь его, не ответит.

Этот разговор происходил вечером, когда почтенная женщина причесывала Хемнолини. Кхемонкори не нравилось, что девушка стягивает волосы в скромный узел на затылке.

— Ты, верно, думаешь, что я старомодна и ничего не понимаю в современных фасонах, — говорила она. — Но я знаю столько разных причёсок, дитя, сколько и тебе неизвестно. Когда-то я была знакома с одной очень милой англичанкой: она приходила учить меня шитью. От неё-то я и научилась разным причёскам. Но каждый раз после её ухода мне приходилось совершать омовение и переодеваться. Что делать, родная, так повелевает религия. Хорошо это или плохо, я не знаю, но поступать

иначе не могу. Не обижайся на меня за это. В моем сердце нет презрения. Это только привычка. Я очень страдала от того, что семья моего мужа не придерживалась правверного индуизма, но никогда не жаловалась. Я только говорила им: «Я — невежественная женщина, но никогда не отрекусь от своей веры».

Здесь Кхемонкори краем своего сари украдкой вытерла наворачнувшиеся на глаза слезы.

Кхемонкори правилось распускать длинные волосы Хемнолини и каждый раз по-новому причесывать ее. Иногда она вынимала из своего заветного сундука столь любимые ею яркие одежды и наряжала Хемнолини. Ей доставляло огромное удовольствие одевать девушку по своему вкусу. Почти каждый день Хемнолини приносила с собой вышивание, и Кхемонкори учила ее вышивать разными способами. Так вдвоем они проводили все вечера.

Кхемонкори очень любила читать, и Хемнолини приносила ей свои книги и журналы. Кхемонкори изумляла свою собеседницу оригинальными замечаниями о прочитанных книгах и статьях.

До сих пор Хем считала, что такой широкий кругозор может быть лишь у человека, изучавшего английский язык. Вскоре благодаря трезвым рассуждениям и благочестивому образу жизни мать Нолинакхо стала казаться девушке замечательной женщиной.

Все обернулось не так, как предполагала Хем, а совершенно неожиданным для нее образом.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Вскоре Кхемонкори снова заболела, но на этот раз ненадолго.

Утром Нолинакхо вошел к матери в комнату, низко склонился перед ней и, прикоснувшись к ее ногам, сказал:

— Некоторое время, ма, тебе придется соблюдать постельный режим: организм у тебя ослаб, и ты не можешь подвергать себя всевозможным лишениям, как это бывало прежде.

— Я буду соблюдать режим, а ты превратишься в отшельника! — возмущенно воскликнула старая женщина. — Нолин, так долго продолжаться не может. Я требую, чтобы ты женился.

Нолинакхо молчал.

— Подумай, мой мальчик, — продолжала Кхемонкори, — я долго не проживу. Но я умру спокойно, если увижу тебя женатым. Когда-то я мечтала, чтобы ты ввел в мой дом прелестную девочку. Я бы сама занялась ее воспитанием и образованием, ее нарядами и была бы очень счастлива. Но во время болезни всевышний ниспослал мне просветление. Долго я не проживу, и тебе пришлось бы не сладко одному с женой-девочкой на руках. Лучше выбери себе невесту твоего возраста. Много ночей я не спала и все думала, думала. Женить тебя — мой последний долг, и живу я лишь для того, чтобы его выполнить, иначе я не обрету покоя.

— Но где я найду такую девушку? — спросил Нолинакхо.

— Ну, об этом тебе не нужно беспокоиться, — заверила Кхемонкори. — Я сама все устрою и сообщу тебе.

До сих пор Кхемонкори ни разу не вышла к Оннода-бабу. Но сегодня, когда Оннода-бабу во время своей обычной вечерней прогулки зашел в дом Нолинакхо, она приказала позвать его к себе.

— Ваша дочь — превосходная девушка, — начала она. — И я очень люблю ее. Вы хорошо знаете моего сына. Никто ни в чем не может упрекнуть его, он известный врач. Лучшего мужа для вашей дочери не найти.

— Что и говорить! — взволнованно воскликнул Оннода-бабу. — Я и надеяться не смел на такого жениха для моей Хем. Да, я буду счастлив безмерно, если их свадьба состоится! Но ваш сын...

— Нолин не будет противиться, — прервала его Кхемонкори. — Он не похож на нынешнюю молодежь и во всем слушается меня. Да и вряд ли придется настаивать. Можно ли не любить такую девушку, как ваша дочь? Надо поскорее сыграть свадьбу. Не думаю, что мне осталось много жить.

В этот вечер Оннода-бабу вернулся домой радостный и тотчас позвал Хемнолини.

— Дочь моя, — начал он, — я достиг того возраста, когда здоровье с каждым днем слабеет. Но я не смогу найти покоя, пока ты не будешь устроена. Хем, тебе не нужно стыдиться меня. У тебя нет матери, и вся забота о твоём счастье лежит на мне.

Встревоженная Хемнолини взглянула в лицо отца.

— Дочь моя, я не могу скрыть своей радости по поводу предстоящего тебе замужества. Боюсь лишь одного, как бы что-нибудь не помешало твоей свадьбе. Сегодня мать Нолинакхо предложила мне выдать тебя замуж за ее сына.

Хемнолини вспыхнула.

— Что ты говоришь, отец! — смущенно возразила она. — Нет, нет! Это невозможно!

Хемнолини никогда и в голову не приходило, что она может выйти замуж за Нолинакхо. И слова отца вызвали в ней смятение и стыд.

— Почему? — искренне удивился Оннода-бабу.

— Нолинакхо-бабу! — ответила Хемнолини. — Невозможно!

Ответ Хемнолини был не очень убедителен, но в нем звучал решительный протест.

Не в силах скрыть свои чувства, Хемнолини вышла на веранду.

Оннода-бабу был очень расстроен. Он не ожидал встретить такого противодействия со стороны дочери. Напротив, он надеялся, что это предложение ее обрадует.

Огорченный, старик печально смотрел на лампу, размышляя о загадочности женской натуры. Сейчас он особенно остро почувствовал, что у Хемнолини нет матери.

Долгое время Хем оставалась в темноте веранды. Потом взглянула на расстроенное лицо отца, и ей стало стыдно. Девушка быстро вошла в комнату, встала позади кресла Онноды-бабу и, нежно глядя его по голове, проговорила:

— Пойдем, отец. Ужин давно готов и, наверное, уже остыл.

Оннода-бабу машинально поднялся и прошел в столовую, но есть он не мог. Он так надеялся, что все горести теперь останутся позади. Но удар, нанесенный отказом дочери, окончательно сломил его.

«Видно, Хем до сих пор не может забыть Ромеша», — подумал старик и печально вздохнул.

Обычно после ужина Оннода-бабу шел спать, но сегодня он уселся в кресло на веранде и, глядя на тихую улицу, проходящую перед домом и садом, глубоко задумался.

— Отец, стало прохладно, иди спать, — ласково напомнила Хемнолини.

— Ложись, дорогая. А я еще посижу немного, — ответил Оннода-бабу.

Хемнолини продолжала молча стоять рядом с ним. Потом, после небольшой паузы, снова заговорила:

— Отец, ты простудишься. Пройди хотя бы в гостиную.

Оннода-бабу встал и, не говоря ни слова, ушел в спальню.

Во имя долга Хемнолини не позволяла себе терзаться и старалась изгнать из своего сердца все воспоминания о Ромеше. Правда, для этого ей пришлось выдержать упорную, длительную борьбу с собой. Но небольшого толчка извне оказалась достаточно, чтобы старая рана вновь заняла. До сих пор Хемнолини не могла себе ясно представить, какой будет в дальнейшем ее жизнь. И вот в поисках твердой опоры она в конце концов признала Нолинакхо своим духовным наставником, была готова стать ревностной последовательницей его учения. Когда же ей предложили вступить в брак с ним и она захотела вырвать старую любовь из сокровенного тайника своего сердца, она поняла, как крепки оковы этой любви. Стоило кому-либо попытаться разорвать их, как сердце Хемнолини начинало беспокойно трепетать и она еще судорожнее цеплялась за них.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Однажды Кхемонкори позвала сына к себе.

— Я нашла тебе невесту и обо всем договорилась, — сообщила она.

— Так уж и договорилась? — улыбнулся молодой человек.

— А почему бы и нет? — возмутилась Кхемонкори. — Много ли мне осталось жить! Выслушай меня. Я очень привязалась к Хемнолини. Сейчас редко встретишь такую девушку. Правда, что касается цвета ее кожи, то...

— Пощади, ма! — прервал ее Нолиакхо. — Я и не думаю о цвете кожи. Но как я женюсь на ней? Возможно ли это?

— Чепуха! Я не вижу никаких препятствий.

Нолиакхо было трудно убедить мать. Он хотел объяснить ей, что Хемнолини в течение долгого времени смотрела на него только как на своего духовного наставника, и так неожиданно предложить ей выйти замуж за него казалось ему унижительным. Но он промолчал. А Кхемонкори продолжала:

— На этот раз я не буду слушать твоих возражений. Я не потерплю, чтобы ты в твои годы из-за меня отказался от радостей жизни и стал аскетом. Как только наступит благоприятный день, я все устрою, и помни, я сдержу свое слово.

Спустя некоторое время Нолиакхо сказал:

— Ма, мне нужно признаться тебе кое в чем. Но прошу тебя, не волнуйся раньше времени. Прошло почти десять месяцев с тех пор, как произошел этот случай. Но я знаю тебя, ма. Даже тогда, когда опасность давно миновала, тебя не покидает чувство страха. Поэтому я так долго не решался рассказать тебе все. Совершай какие угодно обряды, чтобы устранить неблагоприятное сочетание светил для меня, но только не терзай напрасно своего сердца.

Кхемонкори была глубоко взволнована.

— Я не знаю, что ты расскажешь, мой мальчик. Но после такого предисловия не могу не беспокоиться. Сколько прожила на свете, а до сих пор не научилась владеть собой. Как мне хотелось держаться подальше от мирских забот, но несчастье не нужно искать, оно само свалится на голову. Хорошее ли ты мне собираешься сказать, плохое ли — все равно говори. Я слушаю тебя.

— Был конец магха, — начал свой рассказ Нолиакхо, — я распродал все свое имущество в Рангпуре, сдал дом с садом внаем и возвращался в Калькутту. Когда я доехал до Санры, мне пришла в голову фантазия осталь-

ную часть пути проплыть по Ганге. Я нанял большую лодку и отправился в путь.

Через два дня мы пристали к песчаному берегу, и я стал купаться. Вдруг смотрю, идет по берегу наш Бхупен с ружьем в руках. Увидев меня, он подпрыгнул от радости и закричал: «На ловца и зверь бежит!» Оказалось, он работает в тех местах помощником судьи, а сейчас, захватив с собой палатку, путешествует по своему округу. Мы давно не виделись с ним, и он ни за что не хотел отпустить меня, поэтому дальше мы отправились вместе.

Однажды мы остановились ночевать в деревне Дхобанкур. Это было большое селение. Вечером мы пошли погулять. На краю поля стоял крытый тростником дом, окруженный забором. Мы зашли туда. Хозяин вынес во двор два плетеных стула и предложил нам сесть. В это время на веранде шли занятия. Учитель сидел на стуле, положив ноги на один из столбиков веранды, дети расположились на полу с грифельными досками в руках и громко вслух повторяли урок.

Звали хозяина Тарини Чатудже. Он подробно расспросил Бхупена обо мне.

Когда мы возвращались, Бхупен заметил:

— Везет же людям. Наверняка тебе будут сватать невесту.

— Откуда ты взял? — удивился я.

— Этот Тарини Чатудже — ростовщик, второго такого подлеца на свете не сыщешь. Как только появляется новый судья, Тарини тотчас начинает хвастать своей добротой и благородством. Вот почему он разрешил устроить школу в его доме. За это учителю, которого Тарини кормит, приходится просиживать до десяти часов вечера и подсчитывать для него проценты.

А жалованье он получает от государства и из школьного фонда. Одна из сестер Чатудже потеряла мужа. Не найдя нигде приюта, несчастная пришла к брату. Она была беременна. Во время родов она умерла, так как не получила необходимой медицинской помощи. Осталась дочь. Другая сестра Чатудже, тоже вдова, выполняла всю работу по хозяйству, благодаря чему Чатудже мог сократить расходы на прислугу. Она-то и заменила девочке мать.

Девочка была еще очень мала, когда умерла ее тетка. Но Тарини и его жена заставляли ее выполнять самую тяжелую работу да еще каждый день бранили и попрекали племянницу. Теперь надо выдать ее замуж. Но кто женится на сироте? К тому же здесь никто не знает ее родителей. Девочка появилась на свет после смерти отца, и сельские сплетницы до сих пор судачат об этом. Все знают, что Тарини Чатудже очень богат, и нарочно порочат девочку, чтобы выжать из ее дяди приданое побольше. Четыре года подряд ее выдают за десятилетнюю. Следовательно, сейчас ей по крайней мере четырнадцать лет. Зовут ее Комола, она настоящая Лакшми. Я не встречал более красивой девушки. Стоит в деревне появиться какому-нибудь молодому брахману издалека, как Тарини пытается женить его на Комоле. Но если юноша выразит согласие, сельские жители непременно отговорят его. Теперь твоя очередь.

Знаешь, ма, мне было тогда все равно, и я, не раздумывая, сказал, что женюсь на этой девушке. К тому же я давно решил жениться на молоденькой девушке, исповедующей правоверный индуизм, чтобы сделать тебе приятное. Я понимал, что, если введу в наш дом взрослую девушку из «Брахма-Самаджа», это не принесет никому из нас счастья.

Бхупен был несказанно удивлен.

— Что ты говоришь! — воскликнул он.

Но я ответил:

— Не уговаривай. Это решено.

— Нет, ты серьезно?

— Совершенно! — ответил я.

В тот же вечер Тарини Чатудже навестил нас. Перебирая в руках свой брахманский шнур, он сказал:

— Вы должны помочь мне. Посмотрите на девушку. Не понравится, тогда дело другое. Только не слушайте моих завистников.

— Мне не нужно смотреть на нее, — ответил я. — Назначьте день свадьбы.

— Послезавтра — благоприятный день. Вот и устроим свадьбу, — сказал Тарини.

За его поспешностью тайлось желание как можно меньше потратиться на свадьбу. Итак, свадьба состоялась.

— Свадьба состоялась! — в смятении повторила Кхемонкори. — Что ты говоришь, Нолин!

— Да, состоялась. С женой мы сели в лодку и после полудня отправились в путь. К вечеру неожиданно налетел горячий смерч, чего никогда не бывает в месяце фальгун. Вмиг нашу лодку перевернуло, как перышко.

— О боже! — простонала Кхемонкори, похолодев от ужаса.

— Спустя некоторое время, — продолжал свой рассказ Нолинакхо, — я пришел в себя и увидел, что барахтаюсь в воде. Вблизи не было ни лодки, ни моих спутников. Выбравшись на берег, я заявил в полицию. Искали долго, но безуспешно.

— Что было, то прошло, — с трудом вымолвила побледневшая Кхемонкори. — Больше никогда не напоминай мне об этом. Как подумаю, сердце мое разрывается на части.

— Я никогда ничего не рассказал бы тебе, — ответил Нолинакхо, — если бы ты не настаивала на свадьбе.

— Неужели после этого несчастья ты никогда не женишься?

— Нет, не из-за этого, ма. Но вдруг девушка спаслась?

— В уме ли ты? Если бы она спаслась, то дала бы знать о себе.

— Но ей ничего обо мне не известно. Для нее нет более незнакомого человека, чем я. Мне кажется, что и лица моего она не рассмотрела как следует. Приехав в Бенарес, я послал свой адрес Тарини Чатудже. Он сообщил мне, что у него нет никаких сведений о Комоле.

— Ну, и что же?

— Тогда я решил, — продолжал Нолинакхо, — что лишь по прошествии года смогу считать ее погибшей.

— Ты всегда все преувеличиваешь! — воскликнула Кхемонкори. — Зачем ждать целый год?

— Год скоро кончится, ма, — ответил Нолинакхо. — Сейчас огрохайон, поуш считается неблагоприятным месяцем для заключения браков, а затем еще два месяца — магх и фальгун... и все.

— Ну, хорошо, — согласилась Кхемонкори. — Но ты будешь все это время считаться помолвленным. Я уже обо всем договорилась с отцом Хемнолини.

— Человек может только предполагать. Будем же уповать на того, кто один может решить судьбу человека, — сказал Нолинакхо.

— Пусть будет так, мой мальчик. Меня до сих пор охватывает дрожь, когда я вспоминаю твой рассказ.

— Этого я и опасался, ма. Ты теперь не скоро успокоишься. Стоит тебе разволноваться, и ты долго не можешь прийти в себя. Поэтому я и не хотел ничего говорить.

— И хорошо делал, сын мой, — сказала Кхемонкори. — Не знаю, что теперь со мною стало. Услышу о каком-нибудь несчастье и потом никак не могу отделаться от чувства страха. Я боюсь открыть письмо, опасаясь, что в нем — плохая весть. И вас всех просила не рассказывать мне ничего. Очевидно, мне пора покинуть этот мир. Иначе зачем бы судьба нанесла мне еще один удар?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Когда Комола дошла до берега Ганги, холодное, зимнее солнце спустилось до самого края тусклого небосвода. В надвигающихся сумерках Комола почтительно приветствовала уходящее светило. Она брызнула на голову водой из Ганги и, войдя в реку, зачерпнула пригоршней воду, затем вновь вылила ее и бросила в священную Гангу цветы.

Выйдя из воды, она склонилась в поклоне, мысленно прощаясь со всеми, кого она почитала. Поднимаясь с земли, она вспомнила еще об одном человеке, которого обязана была почитать. В ту единственную ночь она не посмела ни поднять голову, ни посмотреть ему в лицо. Когда они были вместе, она сидела, потупившись от смущения, боясь взглянуть даже на его ноги. В их брачной комнате он перекинулся несколькими словами с другими девушками, но, укутанная стыдом, словно покрывалом, Комола не расслышала и этих немногих слов. И сейчас, стоя здесь, на берегу реки, она изо всех сил пыталась воскресить в памяти звук его голоса, но не могла.

Свадебный обряд, продолжавшийся почти всю ночь, так утомил ее, что Комола не помнила, где и когда она уснула. Проснувшись рано утром, она увидела, что соседка, хихикая, трясет ее за плечи, пытаясь разбудить. Рядом с Комолой на ложе никого не было.

И теперь, в последние мгновенья жизни, у нее не осталось ничего, что могло бы напомнить ей о ее господине. Темнота окутала его облик. Она не помнила ни его лица, ни голоса — она ничего не помнила.

Во время свадебного обряда конец красного сари Комолы (она не знала, что ее дядя постарался, чтобы это был самый дешевый наряд) связали узлом с чадором жениха.

Но даже это сари она не могла сохранить.

Письмо, которое Ромеш написал Хемнолини, Комола завязала в уголок своего сари. Сев на песок, она достала его и в надвигающихся сумерках стала читать ту часть письма, где говорилось о ее муже. Сказано о нем было очень мало: звали его — Нолиакхо Чоттопаддхай, работал он врачом в Рангпуре, и еще Ромеш писал, что не нашел его там. Вот и все!

Комола еще раз внимательно просмотрела все письмо, но больше никаких сведений о Нолиакхо не нашла. Нолиакхо! Это имя наполнило ее душу нектаром неиспытанной доселе радости, заполнило до краев ее сердце. Воплотившись в какой-то неосязаемый образ, оно овладело всем ее существом.

Безудержные слезы полились из глаз девушки, смягчили ее сердце и унесли с собой ее безутешное горе. Какой-то внутренний голос нашептывал Комоле:

— Нет больше пустоты! Нет больше мрака! Я знаю, что теперь и я принадлежу жизни!

И девушка самозабвенно воскликнула:

— Как верная жена я должна в этой жизни взять прах от ног его! Всевышний никогда не будет препятствовать мне в этом! Пока я жива, он для меня не потерян! Всевышний спас меня, чтобы я могла служить ему!

Комола вынула из платка связку ключей от дома Ромеша и выбросила ее. Вдруг она вспомнила, что ее сари застегнуто брошью, подаренной Ромешем. Она поспешно отстегнула ее и бросила в воду.

Затем повернула на запад и пустилась в путь. Она смутно представляла себе, куда идти, что делать.

Она знала лишь одно, что должна идти, не останавливаясь ни на минуту.

Холодный свет вечерних сумерек вскоре угас. Песчаный берег слабо белел в темноте, казалось, будто кто-то стер часть яркой картины, нарисованной природой. Безлунная ночь с темным небосводом, усыпанным немигающими звездами, тихо дышала над пустынным берегом реки.

Комола не различала перед собою ничего, кроме темноты, безлюдной и бесконечной. Но она твердо знала, что должна идти вперед, и шла, не в силах думать над тем, что ждет ее впереди.

Она решила идти берегом реки. Тогда ей ни у кого не придется спрашивать дорогу, а в случае опасности волны священной Ганги укроют ее.

Воздух был прозрачен, и Комола, хоть сама и была скрыта темнотой, отлично все видела. Наступила глубокая ночь. На полях, засеянных ячменем, протяжно выли шакалы.

Комола прошла уже довольно много, когда песчаный берег сменился твердой почвой. На берегу виднелось селенье. С бьющимся сердцем Комола приблизилась к нему и увидела, что вся деревня погружена в глубокий сон. Пока девушка шла по деревне, ноги у нее подкашивались от страха. Наконец она оказалась на краю обрыва, дальше дороги не было.

Выбившись из сил, Комола упала у подножья баньяна и уснула крепким сном.

Свет ущербной луны немного рассеял темноту. Близился рассвет. Открыв глаза, Комола увидела перед собой незнакомую пожилую женщину.

— Ты кто такая? — спросила она. — Как можно спать под деревом в такую холодную ночь?

Комола в испуге вскочила. Невдалеке от берега она увидела две лодки.

Женщина встала пораньше, чтобы выкупаться, пока не проснулись ее спутники.

— Ты похожа на бенгалку, — заметила она.

— Да, я бенгалка, — тихо ответила Комола.

— Как ты сюда попала?

— Я иду в Бенарес. Ночью мне захотелось спать, вот я и уснула здесь.

— Подумать только! Пешком идти в Бенарес! — воскликнула женщина. — Ну, хорошо, садись в нашу лодку, а я сейчас выкупаюсь и вернусь.

После купания состоялось знакомство. Женщина подробно рассказала Комоле, что она и ее муж родственники Шидхешшора-бабу из Газипура, в семье которого недавно сыграли очень пышную свадьбу. Имя ее — Нобинкали, а мужа — Мукундолал Дотто. Вот уже несколько лет они живут в Бенаресе. Они не могли воспользоваться приглашением родственников погостить подольше в Газипуре, так как им пришлось бы питаться и жить в их доме, а муж Нобинкали привередлив в еде. Поэтому-то они и поспешили уехать домой.

В ответ на сожаление, высказанное хозяйкой дома по поводу их отъезда, Нобинкали сказала: «Знаешь, дорогая, у моего мужа плохое здоровье. С детства он привык к тому, чтобы в доме была корова, было свое молоко, свое свежее и топленое масло, на котором жарили бы лучи. Корову не будешь кормить кое-как...» — и так далее...

Рассказав подробно о себе и о муже, Нобинкали принялась расспрашивать Комолу.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Комола.

— Ты, я вижу, носишь металлические браслеты на руках. Значит, у тебя есть муж?

— Он исчез на следующий день после свадьбы, — тихо промолвила Комола.

— Подумать только! Ты же совсем молоденькая! Должно быть, не больше пятнадцати? — И Нобинкали внимательно оглядела Комолу с головы до ног.

— Я точно не знаю, сколько мне лет. Но, должно быть, скоро исполнится пятнадцать.

— Ты, конечно, брахманка?

— Да.

— Где живут твои родные?

— Я никогда не была в доме свекра. Родина же моего отца — Бишукхали. — Это Комола знала твердо.

— Твои родители... — начала Нобинкали.

— У меня нет ни отца, ни матери, — прервала ее Комола.

— О, великий Хари! Что же ты собираешься делать?

— В Бенаресе я постараюсь поступить в услужение в какой-нибудь порядочный брахманский дом, где бы я смогла жить и кормиться. Я умею стряпать.

Нобинкали в душе безмерно обрадовалась случаю за-получить даровую кухарку-брахманку, но вслух она ска-зала:

— Нам не нужна кухарка. У нас достаточно слуг-брахманов, и мы не можем нанять еще одну служанку. К тому же кто поручится, что ты угодишь своей стряп-ней хозяину. Слуге-брахману приходится платить че-тырнадцать рупий в месяц, кроме того, кормить и оде-вать. Но ты, девушка из брахманского рода, попала в беду. Так и быть — живи у нас. Нам приходится кормить так много людей и столько денег пускать на ветер, что лишний человек не обременит нас. Тебе не придется много работать. В доме сейчас только мой муж и я. До-черей я выдала замуж. Все они попали в состоятельные семьи. У нас — один сын. Сейчас он работает судьей в Шераджгондже. Месяца два назад сам губернатор вызвал его туда. Я тогда сказала мужу: «Наш Ното не нуж-дается. Зачем ему уезжать? Конечно, не всякому дано стать судьей. Но все же так далеко бедному мальчику ехать ни к чему!» — «Не в этом же дело, — ответил муж. — Ты женщина и ничего не понимаешь. Я отдал его на службу не ради жалованья. Мы не так уж бедны! Но кто знает, что бы с ним было, не имей он определенного занятия. Ведь он так молод!»

Дул попутный ветер, и Комола со своими новыми зна-комыми быстро добралась до Бенареса.

Нобинкали и ее мужу принадлежал расположенный за городом двухэтажный дом с небольшим садом. Но по-вара-брахмана с жалованьем в четырнадцать рупий в ме-сяц не оказалось. Правда, в доме жид повар-брахман из

Ориссы. Но через несколько дней после появления Комолы Нобинкали, вспылив, выгнала его, ничего не заплатив. А так как найти другого повара за четырнадцать рупий в месяц было трудно, всю работу по кухне взвалили на Комолу.

Нобинкали часто любила поучать Комолу.

— Послушай, дитя мое, — говорила она, — Бенарес опасное место для такой молоденькой девушки, как ты. Никогда не выходи одна из дому. Я буду брать тебя с собой, когда пойду купаться к Ганге или поклониться изображению Шивы.

Боясь, как бы Комола неожиданно не ускользнула из ее рук, Нобинкали очень зорко следила за девушкой. Она не разрешала Комоле даже поговорить с ее сверстницами, бенгальскими девушками.

Целый день Комола трудилась на кухне. А по вечерам Нобинкали скучно и долго рассказывала ей о том, что лишь из боязни быть обворованной она не привезла в Бенарес драгоценных украшений, золотой и серебряной домашней утвари, дорогой мебели, обитой парчой и бархатом.

— Мой муж долго не мог привыкнуть к медной посуде и вначале все время ворчал: «Ну и пусть украдут, купим новую». Но я не люблю понапрасну терпеть убытки. Уж лучше как-нибудь так обойдемся. Ты не думай, у нас есть большой дом и целая армия слуг. Но не могли же мы везти сюда с собой десятков слуг. Мой муж настаивал на том, чтобы мы наняли еще один дом рядом. Но я воспротивилась. Я сказала, что не вынесу этого и хочу немного отдохнуть. А если дом будет полон людей, конца не будет заботам и волнениям.

И так до бесконечности.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Жизнь Комолы в доме Нобинкали напоминала существование рыбы в мелком тинистом пруде. Она могла спастись бегством. Но куда идти? Комола хорошо помнила, каким страшным и бесприютным показался ей мир в ту ночь. И у нее не хватало смелости уйти.

Нельзя сказать, чтобы Нобинкали по-своему не привязалась к девушке, но в ее привязанности не было ни любви, ни чуткости. Поэтому Комола не испытывала к своей хозяйке никакой благодарности, хотя та помогла ей в трудную минуту. Все шло хорошо, Комола работала, но общество Нобинкали было ей невыносимо.

Однажды утром Нобинкали позвала Комолу и сказала ей:

— Вот что, милая моя, хозяин плохо себя чувствует. Вместо риса испеки ему сегодня лепешки. Только не трать так много масла. Ты хорошая кухарка, но я не могу понять, почему уходит столько масла. Брахман из Ориссы был куда экономнее! Конечно, он тоже готовил на масле, но вкус масла почти не чувствовался в его кушаньях.

Комола никогда не отвечала на подобные упреки, будто и не слышала их, и молча продолжала работу. Так и сегодня она ничего не сказала и принялась резать овощи, хотя в душе остро переживала незаслуженное оскорбление. Девушке опостылел весь мир, вся жизнь.

Вдруг Комола услышала слова, заставившие ее вздрогнуть.

— Тулси, — говорила хозяйка слуге, — беги скорее в город и позови доктора Нолинакхо. Скажи ему, что хозяину очень плохо.

Доктор Нолинакхо! Перед глазами Комолы солнечные лучи задрожали, словно оборванные золотые струны вины.

Бросив овощи, Комола подошла к дверям кухни и прислушалась. Вошел Тулси.

— Куда ты идешь, Тулси? — обратилась к нему Комола.

— За доктором Нолинакхо.

— Кто он такой?

— О, это самый лучший здешний доктор!

— Где он живет?

— В городе, отсюда не более полкроша.

Тем немногим, что Комоле удавалось сберечь от господского стола, она всегда делилась со слугами в доме, за это девушке часто доставалось от хозяйки, но она продолжала делать по-своему. Согласно строгому порядку, заведенному Нобинкали, прислуга жила впроголодь.

Слугам разрешалось есть только после того, как поедят господа. Часто случалось, что кто-нибудь из слуг приходил к Комоле пожаловаться на нестерпимый голод, и девушка никого не отпускала, не накормив. Поэтому она очень быстро завоевала любовь всей прислуги.

— С кем ты там болтаешь, Тулси? — слышался окрик сверху. — Думаешь, я ничего не вижу! Ты что, не можешь найти дорогу в город, не заглянув на кухню. Не удивительно, что столько добра пропадает! Не забывай, моя милая, я подобрала тебя на дороге и из жалости приютила. Вот она твоя благодарность!

Нобинкали вечно всех подозревала в стремлении обокрасть ее.

Не имея никаких доказательств, она была уверена, что если даже в полной темноте бросать комья грязи, часть их непременно попадет в цель, таким образом прислуга будет знать, что хозяйка всегда настороже и ее не обманешь. На этот раз брань Нобинкали не задела Комолу. Она работала машинально — мысли ее витали неизвестно где. Она долго ждала возвращения Тулси, стоя в дверях кухни. Наконец он вернулся, но один.

— А доктор не пришел, Тулси? — спросила Комола.

— Нет, не пришел.

— Почему?

— У него больна мать.

— Больна мать, — повторила Комола. — Что же, в доме никого больше нет?

— Нет, доктор не женат.

— Откуда ты знаешь, что он не женат?

— Слуги говорили.

— Может быть, она умерла?

— Может быть. Но его слуга Бродж говорит, что, когда господин Нолинакхо работал врачом в Рангпуре, у него и там жены не было.

— Тулси! — слышался крик хозяйки.

Комола быстро скрылась в кухне, а Тулси побежал вверх. Нолинакхо!.. Врачебная практика в Рангпуре!.. Комола больше не сомневалась.

Когда Тулси снова спустился вниз, Комола обратилась к нему:

— Послушай, Тулси, у меня есть родственник, и его

зовут так же, как господина доктора. Скажи, он действительно брахман?

— Да, он брахман. Фамилия его — Чатудже.

Боясь гнева хозяйки, Тулси не посмел продолжать разговор с девушкой и быстро скрылся. Комола отправилась к Нобинкали.

— Я все сделала и хочу пойти выкупаться на Дашавхамедх-гхат, — заявила она.

— Странная ты какая! — сказала Нобинкали. — Хозяин болен, неизвестно, что ему может понадобиться. Как же нам обойтись без тебя?

— Я узнала, что один мой родственник находится в Бенаресе. Мне нужно повидаться с ним, — настаивала Комола.

— Это к добру не приведет! — возмущенно воскликнула Нобинкали. — Я не девочка и хорошо все понимаю. Кто тебе сообщил о родственнике? Наверно, Тулси. Я выгоню этого мальчишку! Запомни, моя милая, пока ты у меня в доме, ты не будешь ходить одна купаться или искать по городу родственников.

И хозяйка велела привратнику немедленно выгнать Тулси и не позволять ему показываться на глаза. Остальным слугам было строжайше запрещено поддерживать какие-либо отношения с Комолой.

Пока Комола ничего не знала о Нолинакхо, она все безропотно сносила, но теперь ей трудно было оставаться спокойной. В этом городе живет ее муж, и находиться в чужом для нее доме хотя бы одно мгновение казалось нестерпимым! Комола не могла уже работать с прежним усердием, и хозяйка все чаще и чаще оставалась недовольна ею.

— Предупреждаю, — говорила Нобинкали, — мне не нравится твое поведение. Злой дух вселился в тебя, что ли? Сама ты можешь не есть, но я не позволю нас морить голодом. Сегодня невозможно взять в рот то, что ты приготовила.

— Не могу я у вас больше работать! — отвечала Комола. — Душа не лежит! Отпустите меня!

Как буря, налетела на нее Нобинкали.

— Вот уж действительно, никто в наш век не платит добром за добро! А еще сжалилась над ней — приютила!

Рассчитала прекрасного повара-брахмана, который столько времени служил нам! Даже не поинтересовалась, настоящая ли ты брахманка! А сегодня она, видите ли, приходит и говорит: «Отпустите меня». Попытаешься бежать, заявлю в полицию! У меня сын — судья! Скольких людей он уже отправил на виселицу. Не пробуй хитрить со мной! Слышала про Году? Он нагрубил хозяйну и получил по заслугам. По сей день сидит в тюрьме! Нас не проведешь!

Хозяйка не лгала. Действительно, они с мужем обвинили Году в краже часов и посадили в тюрьму.

Комола не видела выхода. Могла ли случиться большая беда, чем теперь, когда счастье всей ее жизни было так близко, а руки ее оказались связанными! Ничто не шло теперь на ум Комоле, ни работа, ни хозяйство. Поздно вечером, закончив хлопоты и кутаясь в теплую шаль, девушка выбегала в сад. Стоя у ограды, она задумчиво смотрела на дорогу, ведущую в город. Ее юное сердце, исполненное страстным желанием служить и неутомимой жаждой излить свою любовь, устремлялось вперед по этой безлюдной ночной дороге к незнакомому, но заветному дому. словно окаменев, Комола подолгу стояла в саду, затем склонялась в низком поклоне и возвращалась в свою комнатку.

Но недолго пользовалась девушка и этой небольшой свободой, этими крохами счастья. Однажды поздно вечером, когда Комола закончила свою работу, Нобинкали послала за ней. Слуга доложил, что нигде не нашел кухарку.

— Неужели сбежала? — воскликнула обеспокоенная Нобинкали, взяла лампу и отправилась на поиски Комолы. Не найдя ее в доме, она пошла к мужу. Хозяин, полузакрыв глаза, курил хукку.

— Послушай, кажется, брахманка сбежала! — сообщила она. Но даже это известие не способно было вывести Мукунд-бабу из равновесия.

— Я предупреждал тебя, что человек она ненадежный, — лениво протянул он. — Что-нибудь пропало?

— Пока только шаль, которую я дала ей поносить в холод, — ответила хозяйка. — Что еще пропало — не знаю.

— Нужно сообщить в полицию, — новозмутимо предложил хозяин.

Послали слугу в полицию. Тем временем Комола вернулась в дом и увидела, что все вещи в ее комнате перерыты.

— Это что за шутки? — закричала Нобинкали, как только увидела Комолу. — Ты где была?

— Гуляла в саду, — ответила девушка.

Нобинкали разразилась бранью. Она говорила все, что приходило ей на ум. На крик сбежались слуги и столпились в дверях кухни.

Никакие оскорбления Нобинкали не могли заставить Комолу расплакаться. Она стояла молча, не двигаясь.

Когда поток брани стал иссякать, Комола сказала:

— Вы недовольны! Так отпустите же меня!

— Конечно, отпущу! — снова закричала Нобинкали. — Не воображай, что я стану кормить и одевать такую неблагодарную тварь! Но прежде ты у меня узнаешь, с кем имеешь дело!

После такого скандала Комола не осмеливалась больше выходить в сад. Она закрывалась у себя в комнате и мысленно утешала себя: «Должен же всевышний когда-нибудь смилостивиться над той, которая столько страдала!»

Однажды Мукундо-бабу с двумя слугами поехал прогуляться. После его ухода парадную дверь дома закрыли на засов. Стало уже смеркаться, когда послышался чей-то голос за дверью.

— Мукундо-бабу дома?

— Но ведь это — доктор Нолиакхо, — переполошилась Нобинкали. — Будхия! Будхия! — звала она слугу. Но Будхии и след простыл, и хозяйка приказала Комоле: — Беги скорей отвори дверь! Скажи доктору, что хозяин поехал прогуляться и скоро будет. Пусть доктор подождет немного.

Комола взяла фонарь и спустилась вниз. Ноги у нее дрожали, сердце сильно билось, руки похолодели. Она боялась, что от волнения не сможет как следует разглядеть доктора.

Комола отодвинула засов и, закрыв лицо краем сари, отступила за дверь.

— Хозяин дома? — повторил свой вопрос Нолинакхо.

— Нет. Пройдите, пожалуйста, — едва слышно вымолвила Комола.

Нолинакхо прошел в гостиную. Тем временем нашелся Будхия, который и передал Нолинакхо слова хозяйки.

— Хозяин поехал прогуляться и скоро вернется. Подождите немного.

У Комолы перехватило дыхание. Она пробралась на темную веранду, надеясь оттуда получше рассмотреть Нолинакхо. От волнения у девушки подкашивались ноги, и она опустилась на пол, чтобы хоть немного унять сильно бьющееся сердце. От душевного смятения и вечерней прохлады Комола дрожала всем телом.

На Нолинакхо, который сидел задумавшись, падал свет лампы. Комола неподвижным взглядом смотрела на него. Слезы струились по ее лицу. Она торопливо вытирала их, не отрывая горящего взора от Нолинакхо. В сердце Комолы навечно запечатлелось его задумчивое, озаренное колеблющимся светом лицо с высоким лбом, она уже не чувствовала своего тела, ей казалось, будто она парит в небесах. Сейчас для нее не существовало ничего, кроме этого лица. Весь мир воплотился в нем.

Некоторое время Комола находилась в этом странном состоянии! То ли она задумалась, то ли была без сознания. Когда же она наконец очнулась, то увидела, что Нолинакхо поднялся с кресла и разговаривает с Мукундобабу.

Опасаясь, что мужчины выйдут на веранду и застанут ее там, Комола спустилась на кухню. Кухня выходила во двор, через который Нолинакхо должен был пройти, чтобы попасть на улицу. Замирая от волнения, Комола сидела и ждала его.

«Как я, жалкая женщина, могу быть женой такого человека! В этом задумчивом светлом и прекрасном лице есть что-то неземное! О боже, я не напрасно страдаю!» И Комола несколько раз распростерлась ниц, движимая чувством благодарности ко всевышнему.

На лестнице послышался шум. Кто-то спускался вниз. Комола быстро встала у неосвященной двери. Первым прошел Будхия с лампой в руках, следом за ним — Нолинакхо.

«О господин, твоя верная служанка вынуждена быть рабой в чужом доме. Ты прошел мимо и не узнал ее», — мысленно обратилась к нему Комола.

Когда Мукундо-бабу ушел в онтохпур ужинать, Комола тихонько прокралась в гостиную. Она пала ниц перед креслом, где только что сидел Нолинакхо, и почтительно прикоснулась губами к полу. Сердце Комолы сжималось от горя: у нее не было иной возможности выразить свою любовь и преданность супругу.

На следующий день Комола узнала, что доктор посоветовал хозяину переменить климат и уехать куда-нибудь подальше на запад. В доме начались приготовления к отъезду.

— Я не могу уехать из Бенареса, — сказала Комола, придя к Нобинкали.

— Мы можем, а ты не можешь! Что это ты вдруг стала такой благочестивой!

— Говорите, что хотите, но я остаюсь.

— Хорошо! Посмотрим, как ты останешься.

— Прошу вас, не увозите меня, — взмолилась Комола.

— Ты ужасное существо! Время уезжать, а ты ломаешься. Нам сразу не найти человека на твое место. Кто же будет выполнять твою работу?

Все мольбы и уговоры оказались напрасными. Закрывшись у себя в комнате, Комола разрыдалась, призывая на помощь всевышнего.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

После разговора с дочерью у Онноды-бабу снова начались боли. Ночь прошла в жестоких страданиях, но к утру ему стало лучше.

Сидя у себя в саду, Оннода-бабу грелся в нежных лучах зимнего солнца. Хемнолини тут же готовила чай.

Вид у Онноды-бабу был измученный. Лицо его побледнело; вокруг глаз легли черные тени. Он заметно постарел за одну ночь. Когда Хемнолини взглянула на отца, в сердце ее словно вонзили кинжал. Она очень мучилась из-за того, что огорчила отца отказом выйти замуж за

P. Tarop
(1905)

Нолиаако. Ей казалосъ, что причиной его физических страданий является душевная боль.

«Что сделать, чтобы он успокоился?» — мучительно размышляла девушка, но не могла ни на что решиться.

Неожиданный приход Окхоя с дядей прервал ее размышления. Девушка хотела уйти, но Окхой удержал ее.

— Не уходите. Это господин Чоккроборти из Газипура. Его хорошо знают здесь. У него к вам серьезное дело.

Окхой с дядей расположились на мощеной площадке.

— Мне сказали, — начал дядя, — что Ромеш-бабу ваш близкий друг. Я приехал узнать, нет ли у вас каких-нибудь сведений о его жене.

От удивления Оннода-бабу не мог вымолвить ни слова.

— О жене Ромеша-бабу! — наконец воскликнул он. Хемнолини опустила глаза.

— Боюсь, вы принимаете меня за назойливого старика, — продолжал дядя. — Но наберитесь терпения и выслушайте меня до конца. Вы убедитесь, что я явился к вам не затем, чтобы сплетничать о других. Я познакомился с Ромешем-бабу и его женой на пароходе во время Пуджи, когда они ехали на запад. Кто-кто, а уж вы лучше всех знаете, что, увидев Комолу хоть раз, не можешь не привязаться к ней, как к родной. Я старик, видел много горя, и сердце мое очерствело. Но до сих пор я не могу забыть ее, мою Лакшми. — Глаза старика наполнились слезами. — Так вот, Ромеш-бабу не знал, куда ехать. Но Комола за два дня нашего знакомства так привязалась ко мне, старику, что уговорила Ромеша-бабу поселиться в Газипуре. Моя средняя дочь Шойла заботилась о ней так, как не заботятся о родной сестре. У меня нет сил рассказывать, что случилось дальше... Я и сейчас не пойму, почему она так внезапно покинула нас и оставила всех страдать. С тех пор глаза Шойлы не просыхают от слез. — И старик разрыдался.

Рассказ дяди очень взволновал Онноду-бабу.

— Что с ней случилось? Куда она ушла? — спросил он.

— Окхой-бабу, вы все знаете, объясните им... Боюсь, если я стану рассказывать, сердце мое разорвется от горя!

Окхой подробно рассказал обо всем, что произошло, ни слова не прибавил от себя, но поступки Ромеша представил так, что его никоим образом нельзя было назвать благородным человеком.

— Мы ничего не слышали об этом! С тех пор как Ромеш покинул Калькутту, он не прислал нам ни одного письма, — с трудом вымолвил Оннода-бабу.

— Мы даже не знали, что он женился на Комоле, — снова вступил в разговор Окхой. — Вы уверены, господин Чоккроборти, что Комола — жена Ромеша? Может, она ему сестра или еще кто-нибудь?

— Что вы говорите, Окхой-бабу? — изумился дядя. — Как это не жена? Такую преданную и хорошую жену, как Комола, редко встретишь!

— Удивительно! Чем лучше жена, тем хуже с ней обращаются! — со вздохом заметил Окхой. — Я не ошибусь, если скажу, что на долю наиболее достойных людей выпадают самые тяжкие испытания.

— Это поистине огромное несчастье! — сказал Оннода-бабу, поглаживая рукой свои поредевшие волосы. — Но теперь уже ничего не сделаешь. Незачем и горевать напрасно.

— У меня есть некоторые сомнения, — снова заговорил Окхой. — А что, если Комола не утопилась, а просто убежала из дому? Я привез господина Чоккроборти в Бенарес, чтобы начать поиски. Но, видно, и вы ничего не можете сообщить о Комоле. И все же мы останемся на несколько дней и попробуем поискать ее.

— А где сейчас Ромеш? — спросил Оннода-бабу.

— Он уехал, даже не простившись с нами, — ответил дядя.

— Сам я его не видел, но слышал, что он уехал в Калькутту, — сообщил Окхой. — Кажется, он собирается практиковать в Алипуре. Человек не может долго переживать, особенно если он молод. Идемте, господин Чоккроборти. Попробуем поискать Комолу в городе.

— Ты еще зайдешь к нам, Окхой? — спросил Оннода-бабу.

— Не обещаю. Вы не представляете себе, как болит душа у меня. Пока я в Бенаресе, я должен искать Комолу. Благородная девушка в отчаянье убежала из дому!

Подумайте только, каким опасностям она сейчас подвергается! Конечно, Ромешу-бабу это безразлично, но я не могу оставаться спокойным.

Окхой с дядей покинули дом.

Оннода-бабу пытливо всматривался в лицо дочери. Хемнолини огромным усилием воли взяла себя в руки. Она знала, что отец тревожится за нее.

— Ты должен показаться врачу, отец, — сказала она. — Всякий пустяк губительно сказывается на твоём здоровье. Тебе нужно подлечиться.

Оннода-бабу почувствовал облегчение. Несмотря на все то, что Хемнолини только что услышала, она беспокоилась о здоровье отца. Камень свалился с его души. В другой раз он, пожалуй, попытался бы избежать разговора о своей болезни, но сегодня не стал этого делать и сказал:

— Показать врачу? Прекрасная мысль! Не послать ли сейчас за Нолинакхо, как ты считаешь?

Упоминание о Нолинакхо смутило Хемнолини. Теперь в присутствии отца ей будет трудно держаться с молодым человеком непринужденно, как прежде. Но она сказала:

— Хорошо, я пошлю за ним.

Видя, что душевное спокойствие Хем ничем не нарушено, Оннода-бабу набрался смелости.

— Хем, этот случай с Ромешем...

— Отец, становится жарко... Идем... идем в дом. — И, не дав отцу возразить, девушка взяла его под руку и увела в комнату. Там она усадила его в кресло, укутала, дала ему газету. Затем вынула из футляра очки, надела отцу на нос и сказала: — Читай, папа. Я скоро вернусь.

Оннода-бабу, как послушный мальчик, попытался выполнить приказание Хемнолини, но тревога за дочь мешала ему сосредоточиться. В конце концов он отложил газету и пошел искать Хемнолини. Подойдя к ее комнате, Оннода-бабу обнаружил, что дверь заперта на ключ, хотя время было еще раннее.

Тогда он вышел на веранду и стал ходить из угла в угол. Немного погодя он снова отправился к Хемнолини, но и на этот раз дверь ее комнаты оказалась запертой.

Утомленный Оннода-бабу вернулся на веранду, тяжело опустился в кресло и стал нервно тереть волосы.

Вскоре явился Нолинакхо. Осмотрев Онноду-бабу, он назначил курс лечения, а затем обратился к Хемнолини:

— Скажите, что-нибудь волнует вашего отца?

Хем ответила утвердительно.

— Ему необходим, насколько это возможно, полный душевный покой, — сказал Нолинакхо. — То же переживаю и я со своей матерью. Ее волнует любая мелочь, а это пагубно сказывается на здоровье. Вчера из-за пустяка она не могла уснуть всю ночь. Я стараюсь ее не волновать, но мир так устроен, что не всегда это возможно.

— Вы плохо выглядите сегодня, — заметила Хемнолини.

— Нет, я чувствую себя прекрасно, — возразил Нолинакхо. — Я не привык болеть. Но вчера я поздно лег, поэтому, быть может, и выгляжу усталым.

— Было бы лучше, если бы рядом с вашей матерью всегда находилась женщина, которая ухаживала бы за ней. Вы — один, у вас много работы, и, конечно, вы не в состоянии ухаживать за ней, как нужно.

Хемнолини непринужденно произнесла эту фразу, не вкладывая в нее никакого иного смысла. Но тут же у нее мелькнула мысль, что Нолинакхо может понять ее слова как намек, и девушка покраснела от смущения.

Нолинакхо, заметив внезапное замешательство Хемнолини, невольно вспомнил свой разговор с матерью.

— Было бы хорошо, если бы при ней всегда была служанка, — поспешила пояснить девушка.

— Я много раз предлагал ей это, пытался уговорить, но мать ни за что не соглашается. Она очень ревностно относится к кастовой чистоте и в этом отношении не доверяет прислуге. Такой уж у нее характер: никогда не воспользуется услугами, если их оказывают ей не добровольно.

На это Хемнолини не могла ничего ответить. Немного погодя она заговорила снова:

— Я стараюсь следовать вашим наставлениям. Но, сталкиваясь с препятствиями, отступаю. Боюсь, что я безнадежна и никогда не смогу обрести душевного покоя

и твердости. Скажите, неужели удары, которые наносит жизнь, всегда будут выводить меня из равновесия?

Печаль и горе, звучавшие в словах Хемнолини, заставили Нолинакхо призадуматься.

— Не отчаивайтесь, — сказал он. — Помните, что препятствия, возникающие на жизненном пути, являются испытанием душевной твердости и стойкости человека.

— Не могли бы вы зайти к нам завтра утром, — попросила Хемнолини. — Ваша поддержка придает мне силы.

В лице Нолинакхо, в его голосе было столько нерушимого покоя! В нем Хемнолини искала свое спасение. После ухода Нолинакхо девушка несколько успокоилась.

Стоя на веранде, прилегающей к ее спальне, она смотрела на мир, залитый лучами зимнего солнца. В блеске солнечного дня перед ней расстилалась исполненная труда и отдохновения, полная сил и умиротворения вселенная, где необузданность желаний сочетается с воздержанностью. Всем своим измученным сердцем Хемнолини чувствовала величие мира. Свет солнца, бесконечно яркая лазурь неба, казалось, посылали душе Хемнолини глубокое и вечное благословение мира.

Хемнолини думала о матери Нолинакхо. Девушка догадывалась, почему взволнованная Кхемонкори не спала прошлую ночь. Первое потрясение и страх, вызванные предложением выйти замуж за Нолинакхо, прошли. И в душе Хемнолини росла горячая привязанность к нему, но в этой привязанности не было ни страданий, ни беспокойных порывов истинной любви. Молодому человеку, который весь ушел в себя, конечно, не нужна любовь женщины, но ему, как и всем, необходима человеческая забота. Кто будет заботиться о нем — ведь мать его стара и слаба. А жизнь Нолинакхо в этом мире достойна уважения! Чтобы служить такому человеку, надо благоговеть перед ним.

То, что она услышала сегодня о Ромеше, явилось тяжелым испытанием для любящего сердца девушки. И ей пришлось собрать все свои душевные силы, чтобы выдержать этот жестокий удар. Теперь ей казалось унижительным страдать из-за Ромеша. Она не хотела ни осуждать, ни обвинять его.

Земля продолжает неизменно вращаться, в то время как миллионы людей совершают плохие и хорошие поступки, и Хемнолини вовсе не собиралась осуждать кого бы то ни было. Она не хотела думать о Ромеше. Иногда она вспоминала погибшую Комолу, и ей становилось страшно. Она мысленно спрашивала себя, какая связь между ней и несчастной самоубийцей. Стыд, гнев, жалость сжимали сердце Хемнолини. Молитвенно сложив руки, она обращалась к богу:

— О всевышний, почему я так страдаю? Чем я виновата? Сними с меня эти оковы, милосердный, разорви их! Мне ничего не нужно, только бы жить спокойно в мире твоём!

Онноде-бабу не терпелось узнать, как отнеслась Хемнолини к тому, что рассказал Окхой, но у него не хватало смелости спросить ее об этом. Хемнолини сидела на веранде с вышиванием. Несколько раз Оннода-бабу проходил мимо, но, глядя на задумчивое лицо дочери, не решился заговорить.

Только вечером, когда Хемнолини поила его молоком с лекарством, которое прописал врач, он наконец набрался духу.

— Убери, пожалуйста, свет, — попросил он дочь. И когда комната погрузилась во мрак, Оннода-бабу начал разговор: — А этот старик, кажется, хороший человек...

Хемнолини ничего не ответила.

Другого вступления Оннода-бабу придумать не мог и прямо перешел к делу.

— Я удивлен поведением Ромеша. Много было толков о нем... Но я до сих пор им не верил. Однако теперь...

— Отец, оставим этот разговор, — печально прервала его Хемнолини.

— Дорогая, мне тоже не хочется говорить об этом! Но, увы, посуди сама, волею создателя все наши радости и несчастья связаны с этим человеком, и мы не можем безразлично относиться к его поступкам.

— Нет, нет, — взволнованно возразила девушка, — зачем наше счастье ставить в зависимость от того или иного человека! Отец, я совершенно спокойна. Мне советую, что ты напрасно беспокоишься обо мне.

— Хем, — продолжал Оннода-бабу, — я стар, но мне не найти покоя, пока ты не устроишь свою жизнь. Я не хочу, чтобы ты стала отшельницей.

Девушка молчала.

— Пойми, дорогая, — уговаривал Оннода-бабу, — конечно, ты испытала тяжелое разочарование, но все же не следует отвергать те блага, которые предлагает тебе жизнь. Сейчас ты замкнулась в своем горе и не можешь знать, что сделает тебя счастливой и полезной в жизни. Я же все время думаю о твоём благополучии. И знаю, что принесет тебе счастье и успокоение. Не пренебрегай моими словами.

Из глаз Хемнолини полились слезы.

— Не говори так, отец. Я не отвергаю твоего предложения и поступлю так, как ты укажешь. Только дай мне время очистить свою душу от сомнений и подготовиться.

Оннода-бабу в темноте прикоснулся к мокрому от слез лицу дочери и погладил ее по голове. Больше он не сказал ни слова.

На следующее утро, когда Оннода-бабу и Хемнолини пили в саду под деревом чай, вновь появился Окхой. Оннода-бабу вопросительно взглянул на него.

— Пока никаких следов, — сказал Окхой, беря чашку чаю и усаживаясь. — Некоторые вещи Комолы и Ромеша до сих пор находятся у господина Чоккроборти, — медленно продолжал он. — Он не знает, куда послать их. Несомненно, Ромеш-бабу, когда узнает, где вы, не замедлит приехать. Тогда вы...

— Окхой, — неожиданно для всех гневно перебил его Оннода-бабу, — ты совсем лишен здравого смысла. Зачем Ромешу приходить к нам? И почему я должен заботиться о его вещах?

— Боюсь, что вы ошибаетесь или несправедливы к нему. Ромеш-бабу сейчас уже раскаялся в своем поступке, — начал оправдываться Окхой. — Разве не долг старых друзей поддержать его? Можно ли покинуть его в такую минуту?

— Окхой, — отвечал Оннода-бабу, — ты только портишь нам настроение, все время возвращаясь к разговору о нем. Сделай милость, никогда больше не вспоминай о Ромеше.

— Отец, не волнуйся, — нежно промолвила Хемно-
линя. — Тебе вредно. Окхой-бабу может говорить все,
что хочет. В этом нет ничего плохого.

— Нет, нет, простите меня, — извинялся Окхой. —
Я не понял всего.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Мукундо-бабу с семьей решил уехать из Бенареса в Мирут. Все вещи уже были упакованы, и отъезд назначили на утро следующего дня. Но Комола все еще надеялась, что какое-нибудь событие помешает отъезду, или, может быть, доктор Нолинакхо еще раз навестит своего пациента. Но не случилось ни того, ни другого.

Нобинкали боялась, что в суматохе Комола сможет исчезнуть, и не отпускала ее ни на шаг от себя. Всю работу по упаковке вещей взвалили на девушку. Доведенная до отчаянья, Комола мечтала заболеть, чтобы Нобинкали не могла увезти ее с собой. И, может быть, для оказания помощи к ней пригласят небезызвестного доктора. И если ей суждено будет умереть, она сможет отойти в мир иной, почтительно взяв прах от ног своего супруга. Комола грезилась об этом, закрыв глаза.

Последнюю ночь Комола спала в комнате Нобинкали, а на следующий день на вокзал поехала в ее экипаже. Мукундо-бабу ехал во втором классе, Нобинкали с Комолой устроились в купе для женщин.

Наконец поезд тронулся. Свисток паровоза разрывал сердце Комолы — так обезумевший слон в неистовстве клыками рвет лианы. Девушка жадно смотрела на проносящийся за окнами вагона город.

— Где коробочка с бетелем? — слышался голос Нобинкали.

Комола подала ей коробочку.

— Так и знала! — гневно воскликнула хозяйка. — Ты забыла положить известь. Как прикажешь мне поступить с тобой! Если я сама не позабочусь, то все делается не так. Дьявол в тебя вселился, что ли? Ты нарочно злишь меня. Сегодня нет соли в овощах, завтра паеш отдает землей. Думаешь, мы не понимаем твоих

проделок? Вот погоди, приедем в Мирут, я тебе покажу!

Когда поезд проезжал по мосту, Комола высунулась из окна, чтобы в последний раз взглянуть на Бенарес, раскинувшийся по берегу Ганги. Она не знала, в какой части города дом Нолинакхо. Но мелькавшие перед ее глазами в быстром беге поезда набережные, здания, островерхие храмы — все казалось наполнено его присутствием, все было бесконечно мило ее сердцу.

— Чего ты высовываешься из окна, — слышался окрик. — Ты ведь не птица! Без крыльев не улетишь.

Когда Бенарес скрылся вдаль, Комола села на свое место и, задумавшись, стала смотреть в небо.

Наконец поезд прибыл в Моголшорай. Комола шла как во сне. Она не замечала ни шума вокзала, ни суетоки. Как во сне она пересела с одного поезда на другой.

Близилось время отхода поезда, как вдруг Комола услышала хорошо знакомый голос и вздрогнула.

— Ма, — окликнули ее.

Комола обернулась, выглянула на платформу и увидела Умеша. Радость осветила ее лицо.

— Это ты, Умеш!

Мальчик открыл дверь купе, и в то же мгновенье Комола очутилась на платформе, а Умеш, почтительно склонившись к ее ногам, приветствовал ее. Его лицо расплылось в улыбке.

В ту же секунду кондуктор захлопнул дверь купе.

— Комола, что ты делаешь! — кричала Нобинкали, беснуясь в купе. — Поезд отходит! Садись скорее!

Но Комола ничего не слышала. Раздался свисток, паровоз запыхтел, и поезд тронулся.

— Откуда ты, Умеш? — спросила Комола мальчика.

— Из Газипура.

— Все здоровы? Как дядя? — засыпала девушка его вопросами.

— Он хорошо себя чувствует.

— А как поживает моя диди?

— Она из-за тебя все глаза выплакала, ма.

Комола не могла сдержать слез.

— Как Уми? Вспоминает ли она еще свою тетю?

— Пока ей не наденут браслеты, которые ты подарила, ни за что не станет пить молока, — отвечал Умеш. — А как наденет их, начинает размахивать ручонками и кричать: «Тетя уехала». А мать, глядя на нее, все плачет.

— Почему ты здесь? — продолжала спрашивать Комола.

— Мне надоело жить в Газипуре, вот я и уехал.

— Куда же ты теперь направляешься?

— Поеду вместе с тобой, ма.

— Но у меня нет ни пайсы!

— Зато у меня есть.

— Откуда? — удивилась Комола.

— Помнишь, ты дала мне пять рупий, я не истратил их, — ответил Умеш, доставая из узелка деньги.

— Тогда пошли. Мы едем в Бенарес. Этих денег хватит на два билета?

— Конечно, — ответил Умеш и вскоре принес билеты.

Поезд с минуты на минуту должен был отойти. Умеш посадил Комолу в купе для женщин, сказав, что поедет в соседнем.

— А теперь куда мы пойдем? — спросила Комола, когда они вышли в Бенаресе из поезда.

— Об этом не беспокойся, ма, — сказал Умеш. — Я знаю хорошее место.

— Хорошее место? Откуда же ты знаешь? — изумилась Комола.

— Я здесь все знаю. Вот увидишь, куда я тебя приведу. — С этими словами Умеш помог Комоле сесть в экипаж, который он нанял, а сам уселся на козлы. Когда экипаж остановился, Умеш, слезая с козел, крикнул:

— Вот мы и приехали.

Выйдя из экипажа, Комола пошла за мальчиком.

— Дедушка! — крикнул Умеш, когда они вошли в дом. Из соседней комнаты раздался голос:

— Неужели это Умеш? Откуда ты?

И в следующее мгновение сам дядя Чоккроборти с хуккой в руках появился в дверях комнаты. Лицо Умеша расплылось в довольной улыбке, а изумленная Комола упала на землю перед дядей, совершая пронам. Чоккроборти не мог вымолвить ни слова, он не знал, что гово-

рять, куда поставить хукку. Наконец он, взяв Комолу за подбородок, поднял ее смущенное лицо и сказал:

— Ты вернулась к нам, девочка. Идем, идем наверх. Шойла, Шойла! Посмотри, кто приехал! — закричал он.

Шойлоджа быстро спустилась по лестнице на веранду. Комола взяла прах от ног диди, приветствуя ее. Шойла порывисто заключила девушку в свои объятия и поцеловала в лоб. Слезы текли по щекам молодой женщины.

— Дорогая моя, мы так горевали о тебе!

— Не надо об этом, — прервал дочь Чоккроборти. — Лучше позаботься о том, чтобы она вымылась и поела.

В это время с криком «тетя, тетя», протягивая ручки к Комоле, вбежала Уми. Комола подхватила ее на руки и, жадно целуя, прижала к груди.

Шойлоджа не могла без слез смотреть на Комолу, непричесанную, в грязной одежде. Она потащила ее с собой и, когда Комола выкупалась, заставила ее надеть свое лучшее сари.

— Ты, видно, плохо спала ночь, — сказала она, когда Комола переделась. — У тебя совсем ввалились глаза. Сейчас же ложись отдохни. А я пойду приготовлю чего-нибудь поесть.

— Нет, диди, — запротестовала Комола, — я тоже пойду с тобой на кухню.

Шойлоджа не стала спорить, и подруги вместе занялисьстряпней.

Когда Чоккроборти, по совету Окхоя, собрался в Бенарес, Шойлоджа сказала ему:

— Отец, я тоже поеду с тобой.

— Но ведь Бипину сейчас не дадут отпуска, — ответил дядя.

— Ну и что же, я поеду одна. Мама позаботится о нем.

До этого Шойла никогда не расставалась с мужем. Дядя согласился, и они вместе отправились в Бенарес.

В Бенаресе на вокзале они увидели, что вместе с ними с поезда сошел и Умеш. «А ты зачем приехал?» — с удивлением в один голос воскликнули дядя и дочь. Оказалось, что Умеш приехал с той же целью, что и они.

Умеш помогал по хозяйству жене Чоккроборти, и, зная, что неожиданное его исчезновение разгневет хозяйку, дядя и Шойлоджа с большим трудом уговорили его вернуться.

Читателю уже известно, что случилось после. Умеш не мог оставаться в Газипуре. В один прекрасный день он взял деньги, которые дала ему хозяйка, отправляя на рынок, переехал на другой берег Ганги и появился на вокзале, где и встретил Комолу. В тот день жена Чоккроборти напрасно ждала мальчика.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Через день Окхой снова посетил дом Чоккроборти. Дядя решил не рассказывать ему о том, что Комола нашлась. Он уже догадывался, что Окхой не друг Ромешу.

Никто не расспрашивал Комолу, почему она ушла из дому и где жила все это время. Все было так, словно Комола несколько дней назад приехала с Чоккроборти в Бенарес. Нянька Уми, Лочхомония, собиралась упрекнуть Комолу, но дядя тотчас же отозвал ее и строго-на-строго приказал не делать этого.

Ночью Шойлоджа положила Комолу спать с собой. Она нежно обняла девушку, безмолвно призывая ее поведать о своем тайном горе.

— Диди, что вы тогда подумали? — спросила Комола. — Наверно, сердились на меня?

— Неужели ты думаешь, мы не понимали, что ты никогда не решилась бы на этот страшный шаг, будь у тебя другой выход, — ответила Шойла, — мы лишь горевали о том, что бог заставляет тебя столько страдать. Почему он наказывает тех, кто не совершил никакого преступления?

— Ты готова выслушать все, что я расскажу тебе?

— Конечно, сестра, — ответила Шойла. Голос ее был полон любви и сочувствия к Комоле.

— Я и сама не пойму, почему раньше не открылась тебе, — начала Комола. — В то время я не могла ни о чем думать. Случившееся, словно громом, поразило меня, от стыда я даже не смела смотреть всем вам в глаза.

У меня нет ни матери, ни сестры. Ты, диди, заменила их мне. Поэтому я расскажу тебе то, чего еще никому не говорила.

Комоле трудно было рассказывать лежа, и она села на постели. Шойла уселась напротив. И вот в темноте Комола рассказала подруге все, что произошло с ней после свадьбы.

Услышав, что девушка до свадьбы и в брачную ночь ни разу не взглянула на мужа, Шойла воскликнула:

— Вот уж не думала, что ты такая глупенькая! Я была моложе тебя, когда выходила замуж, но ни капли не смущалась и ни разу не упустила возможности лучше разглядеть своего жениха.

— То было не смущение, диди. Все считали, что я засиделась в невестах, и вдруг свадьба. Подруги дразнили меня. Я ни разу не посмотрела в его сторону, боялась, как бы не подумали, что я очень радуюсь замужеству. Более того, казалось унижительным и недостойным чувствовать интерес к нему даже в глубине души. И сейчас я горько расплачиваюсь за это. — Комола помолчала, затем снова заговорила: — Тебе же известно, что после свадьбы мы потерпели крушение на Ганге, ты знаешь, как мы спаслись. Когда я рассказывала тебе об этом, я еще не знала, что человек, который спас меня и в дом которого я попала, не был моим мужем.

Шойла вскочила, бросилась к Комоле и прижала ее к себе.

— Бедная ты моя! Теперь я все понимаю. Надо же случиться такому несчастью!

— Да, диди, всевышний спас меня лишь для того, чтобы подвергнуть новой опасности.

— А Ромеш-бабу тоже ни о чем не догадывался?

— Однажды после свадьбы он назвал меня Шушилой. Я спросила его, почему все в доме так называют меня, ведь мое имя Комола. Теперь я догадываюсь, что тогда он, по всей вероятности, и понял свою ошибку. Как только я вспоминаю дни, проведенные с ним, мной овладевает стыд.

Комола замолчала. Но мало-помалу Шойлоджа узнала от нее всю ее историю.

— Твоя судьба ужасна, сестра! Но я думаю, какое счастье, что ты попала к Ромешу-бабу, — сказала Шойла. — Что бы ты ни говорила, мне жаль его. А сейчас постарайся заснуть, Комола. Уже поздно. От слез и бессонницы ты прямо почернела. Завтра решим, что делать.

На следующий день Шойлоджа взяла у Комолы письмо Ромеша. Она вызвала отца в свою комнату и вручила письмо ему. Дядя надел очки, внимательно прочел его, затем сложил, снял очки и обратился к дочери:

— Так... Что же делать?

— Отец, Уми уже несколько дней как кашляет. Не позвать ли нам доктора Нолинакхо? О нем и его матери столько говорят в Бенаресе, а мы ни разу не видели его.

Доктор пришел. Шойле не терпелось поскорей взглянуть на него.

— Идем, скорее идем, Комола, — торопила она.

В доме Нобинкали Комола, желая увидеть Нолинакхо, забывала обо всем. Здесь же от смущения она не могла заставить себя двинуться с места.

— Послушай, несчастная, я не стану тебя уговаривать, — говорила Шойла. — У меня нет времени. Болезнь Уми лишь предлог, и доктор не задержится. Я не успею посмотреть на него, если буду возиться с тобой.

И Шойлоджа потащила Комолу к дверям комнаты, где находился Нолинакхо.

Нолинакхо выслушал Уми, прописал лекарство и ушел.

— Знаешь, Комола, хотя всевышний и заставил тебя много страдать, ты все же счастливая, — сказала Шойла после ухода доктора. — Наберись терпения. Скоро все устроится. А пока мы регулярно будем приглашать доктора к Уми, так что ты сможешь видеть его.

Через несколько дней Чоккроборти, выбрав время, когда Нолинакхо не было дома, пришел к нему.

На слова слуги, что доктора нет, он сказал:

— Но ведь госпожа дома. Пойди доложи, что ее желает видеть один старый брахман.

Сверху, от Кхемонкори, последовало приглашение.

— Мать, ваше имя известно в Бенаресе, — сказал дядя, — и я явился с тем, чтобы поучиться у вас благочестию. Другой цели у меня нет. Моя внучка заболела,

и я пришел пригласить вашего сына к ней. Но оказалось, что его нет дома. Тогда я решил, что не уйду, пока не увижу вас.

— Нолин скоро вернется. Подождите немного, — предложила Кхемонкори. — Уже поздно, я прикажу покормить вас.

— Я знал, что вы не отпустите меня без угощения, — ответил дядя. — Люди всегда узнают во мне любителя вкусно поесть. Все, кто меня знает, прощают мне эту слабость.

Кхемонкори с удовольствием угощала дядю.

— Приходите завтра ко мне на обед, — пригласила она. — Сегодня я не могла хорошо угостить вас, так как не была готова к вашему приходу.

— Когда вы будете готовы, не забудьте старого брахмана, — шутил дядя. — Кстати, я живу недалеко от вас. Если хотите, я возьму с собой вашего слугу и покажу ему свой дом.

После нескольких посещений Чоккроборти стал своим человеком в доме Кхемонкори.

Однажды, когда дядя сидел у Кхемонкори, она позвала к себе сына и сказала ему:

— Нолин, ты не должен ничего брать за лечение с господина Чоккроборти.

— Он, видно, предупреждает желание матери, потому что и так не берет с нас, — рассмеялся дядя. — Ваш сын — благородный человек: узнает бедняка с первого взгляда.

В течение нескольких дней дядя о чем-то совещался с дочерью и наконец однажды утром сказал Комоле:

— Сегодня мы с тобой пойдем совершать омовение на Дашашвамедх-гхат.

— А ты, диди, пойдешь? — спросила Комола Шойлу.

— Нет, дорогая, Уми еще нездоровится.

После омовения дядя повел Комолу домой другой дорогой.

Немного пройдя, они увидели пожилую, одетую в шелковое сари женщину, она медленно шла, возвращаясь после омовения с кувшином, до краев наполненным водой из Ганги.

— Дорогая, поклонись этой женщине, — сказал дядя, повернувшись к Комоле. — Это мать нашего доктора.

Комола от неожиданности вздрогнула. Она с глубоким почтением взяла прах от ног Кхемонкори.

— Кто ты? Какая красавица! Прямо сама богиня Лакшми, — восхищалась Кхемонкори, приподняв покрывало и разглядывая смущенное личико Комолы. — Как тебя зовут, дитя мое?

Комола хотела ответить, но дядя перебил ее:

— Ее зовут Хоридаши. Она — дочь моего троюродного брата, сирота и живет у меня.

— Зайдемте ко мне, господин Чоккроборти? — предложила Кхемонкори.

Когда они пришли, Кхемонкори позвала сына, но его не оказалось дома. Тем временем дядя уселся в кресло, а Комола опустилась рядом на пол.

— Моя племянница очень несчастна, — заговорил дядя. — На следующий день после свадьбы ее муж решил стать савьяси и покинул ее. После этого они не встречались. Единственное желание Хоридаши — посвятить себя служению всевышнему и поселиться в Бенаресе. Но я живу не здесь, у меня служба, я должен работать, чтобы прокормить семью. И у меня нет возможности поселиться с ней здесь. Я рассчитываю на вас. Я был бы спокоен, если бы вы согласились оставить ее в своем доме. Она была бы вам дочерью. Если же вам станет неудобно, вы всегда сможете отослать ее обратно ко мне, в Газипур. Но я уверен, что не пройдет и двух дней, как вы поймете, что она сокровище, и не захотите расстаться с ней и на миг.

— Что же, я согласна, — сказала Кхемонкори. — С удовольствием оставлю у себя такую девушку. Много раз я приводила с улицы чужих девочек, кормила и одевала их с радостью, но удержать их мне не удавалось. Теперь у меня будет Хоридаши. Вы можете быть вполне спокойны за нее. Вам, конечно, доводилось слышать от многих о моем Полинакхо. Он — прекрасный сын, кроме него, в доме у меня никто не живет.

— Все знают Полинакхо-бабу, — заверил ее дядя. — И я рад, что он находится у вас. Я слышал, что он живет

почти отшельником с тех пор, как после свадьбы утонула его жена.

— Что было, то прошло, — отвечала Кхемонкори. — Лучше не говорите мне о том случае. Дрожь охватывает меня при одном воспоминании об этом несчастье.

— Итак, я оставляю Хоридаши у вас, а теперь разрешите откланяться. Иногда я буду навещать ее. У Хоридаши есть старшая сестра, она пойдет познакомиться с вами.

Когда дядя ушел, Кхемонкори подозвала Комолу:

— Подойди ко мне, дорогая. Дай я взгляну на тебя. Да ты совсем еще дитя! Бросить такую красавицу! Есть же каменные сердца на свете! Желаю тебе, чтобы он вернулся. Всевышний не мог дать тебе красоту, чтобы она пропала зря. — Старая женщина взяла Комолу за подбородок и поцеловала ее. — Здесь у тебя не будет сверстниц. Не заскучаешь ли ты со мной? — спросила она.

— Нет! — самозабвенно воскликнула Комола, поднимая свои большие и кроткие глаза на Кхемонкори.

— Надо подумать, чем бы тебя занять на весь день, — продолжала Кхемонкори.

— Я буду работать для вас.

— О несчастная! Будешь работать на меня! У меня на свете один-единственный сын, да и тот живет, как саньяси. Хоть бы раз он сказал мне, попросил бы меня: «Мама, мне нужно то-то и то-то, я хотел бы съесть это, мне это нравится!» Как бы я была счастлива и ни в чем не отказала бы ему. Но он ни разу не сделал так. Он не оставляет себе ни гроша из денег, которые зарабатывает. И скрывает от всех, что помогает беднякам. Дорогая, ты будешь со мной круглые сутки, и я хочу предупредить заранее, что буду часто хвалить сына. Так что не сердись, к этому придется привыкнуть.

Сердце Комолы радостно забилося, но она опустила глаза, чтобы скрыть свое волнение.

— Какое же занятие мне для тебя придумать, — вслух размышляла Кхемонкори, — шить умеешь?

— Не очень хорошо, ма.

— Ну ладно. Выучу тебя, а читать умеешь?

— Умею!

— Чудесно. Без очков я уже ничего не вижу. Будешь мне читать вслух.

— Я еще умею готовить, — робко сообщила Комола.

— Каждый, увидев твое лицо Аннапурны, подумал бы, что ты хорошо стряпаешь. До недавнего времени я сама готовила еду для себя и Нолина. Но с тех пор как я заболела, Нолину приходится самому себе готовить, чтобы не есть пищу, приготовленную чужими руками. А теперь благодаря тебе это кончится. Не возражаю, если ты будешь готовить и для меня, когда я заболею, только что-нибудь попроще. Пойдем, дорогая, я покажу тебе кухню и кладовку.

Кхемонкори показала Комоле свое небольшое хозяйство. Когда они пришли на кухню, Комола воспользовалась случаем и получила позволение приготовить обед. Кхемонкори улыбнулась.

— Царство хозяйки — ее кухня и кладовая, — сказала она. — В жизни мне пришлось от многого отказаться. Только это и осталось у меня. Но так и быть, готовь сегодня. Постепенно я передам все хозяйство в твои руки и смогу всецело посвятить себя служению всевышнему. Но не так легко отойти от всех домашних дел, некоторое время душа будет пребывать в беспокойстве. Хозяйка в доме все равно что царица на троне.

Кхемонкори объяснила Комоле, что и как приготовить, и удалилась в молельню. Таким образом, жизнь Комолы в доме Кхемонкори началась с испытания ее кулинарного искусства.

Со свойственной ей аккуратностью принялась девушка за работу: обвязала вокруг талии конец сари, волосы заколола пучком на затылке.

Возвращаясь домой, Нолиакхо прежде всего шел проведать мать. Беспокойство о ее здоровье никогда не покидало его. Так и сегодня, услышав шум на кухне и ощутив запах пищи, Нолиакхо, уверенный в том, что на кухне возится его мать, поспешил туда.

На звук его шагов Комола быстро обернулась, и глаза ее встретились с глазами Нолиакхо. От неожиданности ложка выпала из рук девушки. Тщетно торопилась она накинуть край сари на голову, совсем позабыв, что он

обязан вокруг талии. Когда же ей наконец удалось сделать это, Нолиакхо, озадаченный, покинул кухню. Девушка подняла оброненную ложку, руки у нее дрожали.

Когда Кхемонкори, закончив молитвы, заглянула на кухню, обед был уже готов. Комола вымыла и убрала все помещение, и оно сверкало чистотой: нигде не валялись ни обгоревшие щепки, ни очистки от овощей.

— Да ты, дорогая моя, истинная брахманка, — воскликнула довольная Кхемонкори.

Когда Нолиакхо сел обедать, его мать расположилась напротив него, а взволнованная Комола притаилась за дверью, стараясь не пропустить ни слова. Она боялась шелохнуться и замирала от страха, что обед не удался.

— Нолин, как тебе нравится обед сегодня? — спросила Кхемонкори.

Нолиакхо никогда не отличался разборчивостью в еде, и мать прежде не задавала ему подобных вопросов. Но сейчас он уловил в ее голосе особое любопытство.

Кхемонкори не знала еще, что Нолиакхо уже успел раскрыть ее секрет. С тех пор как здоровье матери ухудшилось, он много раз уговаривал ее взять кухарку, но Кхемонкори не соглашалась. Поэтому Нолиакхо обрадовался, увидев наконец на кухне незнакомую девушку. Разумеется, он не разобрался во всех тонкостях приготовленных кушаний, но с большим воодушевлением ответил:

— Изумительный обед, ма!

Его восторженный отзыв был услышан за дверью. Не в силах больше оставаться там, Комола прижала руки к груди, высоко вздымавшейся от волнения, и убежала в соседнюю комнату.

После обеда Нолиакхо, как обычно, отправился в свою комнату, чтобы наедине предаться размышлениям.

Вечером Кхемонкори позвала Комолу к себе и занялась ее прической. Покрасив пробор на голове девушки киноварью, она стала оглядывать Комолу со всех сторон, то так, то этак поворачивая ее голову. Комола сидела, смущенно потупив взор.

«Ах, если бы у меня была такая невестка!» — вздыхала про себя Кхемонкори.

Ночью у нее начался приступ лихорадки. Нолинакхо был очень встревожен этим.

— Ма, тебе нужно на некоторое время уехать из Бенареса. Здесь ты не поправишься, — сказал он.

— Нет, мой мальчик, — возразила Кхемонкори. — Я не покину Бенарес во имя того, чтобы продлить свою жизнь на каких-то несколько дней. А ты, дорогая, все еще стоишь за дверью? — обратилась она к Комоле. — Иди, иди спать. Нельзя же бодрствовать всю ночь. Я долго буду болеть, успеешь еще поухаживать за мной. Разве можно не спать ночами? Ступай и ты, Нолин, к себе.

После ухода Нолинакхо Комола присела на постель к Кхемонкори и принялась растирать ей ноги.

— Вероятно, в одном из рождений ты была моей матерью, — рассуждала больная. — Иначе почему бы вдруг всевышний наградил меня тобою? Знаешь, я до сих пор не пользовалась ничьими услугами. Но твое прикосновение действует на меня успокоительно. Странно, мне кажется, будто я давно знаю тебя, и потому не могу считать чужой. А теперь отправляйся спать и ни о чем не беспокойся. Нолин будет в соседней комнате. Когда я больна, он никому не позволяет ухаживать за мной — все делает сам. Я столько раз спорила с ним, но разве ему что-нибудь докажешь! Нолин обладает замечательной способностью: он может просидеть всю ночь без сна, и это на нем нисколько не отразится. Вероятно, потому что ничто не может вывести его из душевного равновесия. Я же совсем другая. Ты, девочка, в душе, наверное, смеешься надо мной: опять она завела разговор о своем Нолине и теперь не скоро кончит. Но так всегда бывает, когда у матери единственный сын. А такой сын, как у меня, не у каждой матери! Сказать по правде, я порой думаю, что Нолин относится ко мне, как отец. Чем мне отплатить за всю его доброту! Опять я говорю о Нолине! Хватит на сегодня, так нельзя... Ты ступай... А то я не усну. Старики всегда так, если с ними кто-нибудь рядом, не могут удержаться, чтобы не поболтать.

На следующий день Комола взяла на себя все заботы по хозяйству.

Отгородив часть веранды, выходящей на восток, Нолинакхо отделал ее мрамором, и у него получилось

что-то вроде молельни, там в полдень он предавался размышлениям. Войдя утром после купания к себе, Нолинакхо не узнал комнаты, чисто выметенной и прибранной; бронзовая курильница для благовоний блестела, словно золотая; пыль на полках была вытерта, а книги и рукописи аккуратно сложены. Вид заботливо убранной комнаты, которая сверкала чистотой в лучах утреннего солнца, наполнил душу Нолинакхо, только что вернувшегося с утреннего омовения, теплом и радостью.

Рано утром Комола сходила на Гангу и принесла Кхемонкори кувшин, наполненный священной водой.

— Ты одна ходила на Гангу! — удивленно воскликнула Кхемонкори, увидев Комолу. — А я проснулась и думаю, с кем бы мне послать тебя совершить омовение, ведь я больна. Ты такая молоденькая, идти одной...

— Мать, один из слуг моего дяди не может долго жить без меня и вчера вечером приехал сюда. С ним я и ходила, — объяснила Комола.

— Видно, твоя тетя о тебе беспокоится, раз послала слугу. Ну что ж, пусть он останется. Он будет помогать тебе по хозяйству. Где же он? Позови его сюда.

Комола привела Умеша, и он низко поклонился Кхемонкори.

— Как тебя зовут? — спросила Кхемонкори.

— Умеш, — ответил мальчик, и без всякой видимой причины его лицо расплылось в улыбке.

Кхемонкори тоже рассмеялась.

— Кто тебе подарил такое красивое дхоти?

— Мать подарила, — указал Умеш на Комолу.

— А я думала, Умеш получил его в подарок от своей тещи, — пошутила Кхемонкори, взглянув на девушку.

Умеш снискал любовь Кхемонкори и остался у нее в доме.

С помощью мальчика Комола быстро управилась со всей дневной работой, а затем отправилась в спальню Нолинакхо. Она сама подмела и убрала ее, постель вынесла на солнце. В углу комнаты валялось грязное дхоти Нолинакхо. Комола выстирала его, высушила и повесила на вешалку. Каждую вещь по нескольку раз протерла тряпкой, хотя они и без того были чистыми. У изголовья кровати Нолинакхо стоял платяной шкаф. Открыв его,

Комола увидела, что он совсем пуст, только на нижней полке лежала пара деревянных сандалий. Девушка взяла их и прижалась к ним лицом. Потом, держа их у груди, словно ребенка, она краем сари вытерла с них пыль.

Под вечер, когда Комола сидела у Кхемонкори, растирая ее больные ноги, в комнату с букетом цветов в руках вошла Хемнолини и низко поклонилась Кхемонкори.

— Иди сюда, Хем. Садись, — сказала Кхемонкори, привстав на постели. — Как здоровье Онноды-бабу?

— Он болен и потому не зашел к вам, — ответила Хемнолини. — Но сегодня ему лучше.

— Взгляни на нее, дорогая, — сказала Кхемонкори, указывая на Комолу. — Моя мать умерла, когда я была маленькой, но теперь она снова вернулась ко мне — я встретила ее вчера на дороге. Имя моей матери было Хорибхабани, но теперь ее зовут Хоридаши. Скажи, Хем, видела ли ты когда-нибудь такую красавицу.

Комола потупилась от смущения и лишь спустя некоторое время осмелилась заговорить с Хемнолини.

— Как вы себя чувствуете? — обратилась Хемнолини к старой женщине.

— Я, знаешь, в таком возрасте, когда лучше не спрашивать о здоровье. Жива еще — и хорошо. Нельзя долго обманывать время. И я рада, что ты пришла. Давно я собираюсь поговорить с тобой, и все не представлялось удобного случая. Вчера ночью мне стало очень плохо, и я решила, что больше откладывать нельзя. Когда я была молоденькой, то сгорала от стыда, если кто-нибудь заговаривал со мной о замужестве, но современные девушки на нас не похожи. Вы ученые и замуж выходите позднее, с вами можно обо всем говорить. Вот я и хочу сказать тебе все начистоту. Нечего меня стесняться. Скажи, милая, говорил тебе отец о моем предложении?

— Да, говорил, — опустила глаза Хемнолини.

— Значит, ты не согласна, — продолжала Кхемонкори. — Ведь прими ты предложение, Оннода-бабу тотчас же пришел бы ко мне. Ты, видно, не решаешься выйти замуж за Нолина, потому что считаешь его аскетом, который только и знает, что выполнять обряды. Хоть он и мой сын, я постараюсь быть беспристрастной. Со сто-

роны может показаться, что он не способен любить. Но все вы глубоко ошибаетесь. Я хорошо знаю Нолина, и мне можно верить. Он способен полюбить так сильно, что сам боится этого и подавляет свои чувства. Уверяю тебя, что тот, кто сможет разбить скорлупу его аскетизма, найдет путь к его сердцу и увидит, что оно полно нежности и любви. Хем, дорогая, ты ведь не девочка, а взрослая образованная девушка. Ты сама следуешь учению моего Нолина. Я умру спокойно, если увижу тебя его женой. Боюсь, после моей смерти он уже не женится. Представь себе, что с ним будет тогда. Он погибнет! Я знаю, ты уважаешь Нолина. Зачем же отвергать его?

— Я не стану возражать, если вы считаете меня достойной вашего сына, — сказала Хемнолини и опустила глаза.

Кхемонкори привлекла к себе девушку и поцеловала в голову. Больше они не возвращались к этому разговору.

— Хоридаши, эти цветы... — начала Кхемонкори, но, оглянувшись, заметила, что девушка исчезла. Во время разговора она неслышно выскользнула из комнаты.

Разговор с матерью Нолинокхо смутил Хемнолини, она чувствовала себя стесненно в ее присутствии и решила не задерживаться.

— Мать, я должна уйти сегодня пораньше. Отец плохо себя чувствует, — сказала она, прощаясь.

— Ступай, ступай, дорогая, — сказала Кхемонкори, благословив девушку.

Когда Хемнолини ушла, Кхемонкори послала за сыном.

— Нолин, я не могу ждать больше, — сказала она.

— Что случилось? — спросил Нолинокхо.

— Сейчас я говорила с Хем. Она согласна. И я не буду больше слушать твоих отговорок. Ты ведь знаешь, какое у меня здоровье. А я не успокоюсь, пока вы не будете помолвлены. По ночам я не сплю, все думаю о тебе.

— Хорошо, ма. Не волнуйся больше и спи спокойно. Все будет так, как ты желаешь.

Когда Нолинокхо ушел, Кхемонкори позвала Хоридаши. Девушка вышла к ней из соседней комнаты. Наступили сумерки, и царивший в комнате полумрак скрывал лицо Хоридаши.

— Поставь цветы в воду и укрась ими комнаты, — приказала Кхемонкори. С этими словами она передала букет Комоле, оставив себе розу.

Одну чашу с цветами Комола поставила в молельне Нолинакхо, другую на столике в его спальне. Затем она открыла платяной шкаф, положила оставшиеся цветы на деревянные сандалии Нолинакхо и в почтительном поклоне коснулась головой пола, из глаз ее полились слезы. Ничего в целом мире не было у нее, кроме этих сандалий, но скоро ее лишат права поклониться даже им!

Кто-то вошел в комнату. Комола вскочила, быстро захлопнула дверцу шкафа и оглянулась. Перед ней стоял Нолинакхо. Бежать было поздно. Сгорая от стыда, девушка желала слиться с темнотой наступающего вечера.

Застав в своей спальне Комолу, Нолинакхо тотчас же вышел, а она торопливо выбежала в другую комнату. Тогда Нолинакхо снова вернулся в спальню. Что делала эта девушка в его шкафу? Почему, увидев его, она поспешно захлопнула дверцу? Мучимый любопытством, Нолинакхо открыл шкаф и увидел свои сандалии, украшенные свежими цветами. Молодой человек молча закрыл дверцу и подошел к окну. Пока он смотрел на небо, вечерние сумерки быстро поглотили последние лучи зимнего солнца.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Дав согласие выйти замуж за Нолинакхо, Хемнолини старалась убедить себя, что это для нее большое счастье.

«Старые узы порваны; — тысячу раз мысленно говорила себе Хемнолини. — Омрачавшие небо моей жизни грозовые тучи рассеялись. Теперь я свободна! Я порвала с прошлым!» — настойчиво внушала она себе и наконец почувствовала радость отречения от мирских желаний. Когда погребальный костер с телом близкого перестает дымиться, человек на время освобождается от бремени житейских забот, вся жизнь ему кажется игрой и на какое-то время у него становится легко на душе, так было и с Хемнолини. Она наслаждалась покоем, который наступил, когда она окончательно отрешилась от прошлого.

«Будь жива моя мать, я порадовала бы ее своим освобождением. Но как мне открыться отцу?» — размышляла девушка, возвратившись в тот вечер домой.

Оннода-бабу, сославшись на нездоровье, рано лег. Хемнолини прошла к себе, достала дневник и до глубокой ночи писала.

«Запутавшись в тенетах смерти, я порываю с миром, — писала она. — Я не верила, что всевышний когда-нибудь освободит меня от старых оков и вдохнет в мою душу новую жизнь. Но сегодня, тысячу раз с благоговением припадая к его стопам, я полна решимости вступить на новый путь служения долгу. Я недостойна счастья, которое дарует мне судьба. О, дай мне силы, всевышний, сохранить его до конца моих дней! Я верю, что человек, с чьей судьбой должна соединиться моя ничтожная судьба, сделает мою жизнь полной и счастливой. Молю об одном, чтобы сама я смогла отплатить ему тем же».

Закрыв дневник, Хемнолини вышла в окутанный темнотой сад. Стояла тихая звездная прохладная ночь. Девушка долго ходила по усыпанным гравием дорожкам. Бескрайнее небо нашептывало слова успокоения ее омытой слезами душе.

На следующий день, когда Оннода-бабу с дочерью собирался отправиться к Нолинакхо, к их дому подкатил экипаж. С козел спрыгнул один из слуг Нолинакхо и доложил, что прибыла его госпожа. Оннода-бабу поспешил навстречу гостье. Он появился в дверях своего дома, когда Кхемонкори уже вышла из экипажа.

— Сегодня мне выпало большое счастье! — приветствовал Оннода-бабу гостью.

— Я пришла благословить вашу дочь, — сказала Кхемонкори, входя в дом.

Оннода-бабу провел ее в гостиную и, заботливо усадив на диван, сказал:

— Посидите, пожалуйста, сейчас я позову Хем.

Хемнолини одевалась, готовясь ехать в гости, но, услышав о приезде Кхемонкори, она торопливо выбежала в гостиную и поздоровалась с почтенной женщиной.

— Пусть будет жизнь твоя долгой и счастливой! Протяни мне свои руки, дорогая, — сказала Кхемонкори и надела на них два массивных золотых браслета, изобра-

жающих чудовище макара. Браслеты, звеня, свободно повисли на тонких руках девушки. Хемнолини распростерлась ниц, благодаря будущую свекровь за подарок. Кхемонкори взяла в обе ладони ее лицо и поцеловала девушку в лоб. От этой ласки и благословения на душе Хемнолини сделалось хорошо и радостно.

— Дорогой мой, — обратилась Кхемонкори к Онноде-бабу, — приглашаю вас с дочерью завтра к себе.

На следующее утро Оннода-бабу с Хемнолини, как обычно, сидели в саду за чаем. Изнуренный болезнью, Оннода-бабу за одну ночь порозовел и помолодел от счастья. Время от времени он поглядывал на умиротворенное лицо дочери, и ему начинало казаться, что сегодня своей кротостью и нежностью оно сильно напоминает лицо его покойной жены, недавние слезы лишь смягчили блеск радости Хемнолини, сделали ее более глубокой.

Все мысли Онноды-бабу были заняты предстоящим визитом. Он боялся опоздать, и Хемнолини то и дело приходилось уверять его, что времени у них много. И в самом деле, было всего лишь восемь часов утра.

— Нет, нет... Собираться нам придется долго, — возражал Оннода-бабу. — Лучше прийти раньше, чем позже.

В это время к воротам подъехал груженный чемоданами и прочими вещами экипаж. С криком «дада приехал» Хемнолини бросилась навстречу. Из экипажа вылез улыбающийся Джогендро.

— Здравствуй, Хем. Как поживаешь?

— Кого ты привез с собой? — спросила Хемнолини.

— Это рождественский подарок папе, — рассмеялся Джогендро.

На ступеньках экипажа появился Ромеш. При виде его Хемнолини обратилась в бегство.

— Не убегай, Хем! Выслушай меня... — крикнул вслед ей Джогендро.

Но она ничего не слышала и мчалась так быстро, будто за ней гналось привидение.

Несколько секунд Ромеш стоял ошеломленный, не зная, что делать: то ли догонять девушку, то ли снова сесть в экипаж.

— Пойдем, Ромеш. Отец здесь, в саду, — сказал Джогендро и, взяв его за руку, подвел к Онноде-бабу.

Тот еще издали узнал Ромеша. Появление молодого человека вконец расстроило его.

«Опять новое препятствие», — подумал он, проводя рукой по волосам.

Ромеш поклонился. Оннода-бабу жестом пригласил его сесть и обратился к сыну:

— Ты приехал вовремя, Джожен. Я как раз сегодня собирался послать тебе телеграмму.

— Зачем? — спросил Джожендро.

— Скоро свадьба Хем с Нолинакхо. Вчера его мать приходила благословить Хем.

— Что ты говоришь, отец! Неужели все решено? Разве вы не могли посоветоваться со мной?

— Трудно предугадать, что ты скажешь, Джожендро! — воскликнул Оннода-бабу. — Я еще не был знаком с Нолинакхо, а ты изо всех сил сватал его Хемнолини.

— Верно! Но стоит ли об этом вспоминать! Еще ведь не поздно помешать этой свадьбе! Прежде всего я должен многое тебе объяснить. Сначала выслушай меня, а потом поступай, как сочтешь нужным.

— Хорошо, как-нибудь потом поговорим. Сейчас у меня нет времени. Мне нужно ехать.

— Куда?

— Мать Нолинакхо пригласила нас. Ты можешь пообедать, Джожендро, и...

— Нет, нет. Обо мне не беспокойся! — перебил его молодой человек. — Мы с Ромешем поедим где-нибудь в ресторане. Надеюсь, к вечеру вы вернетесь? Мы тогда придем к вам.

Оннода-бабу не мог заставить себя хоть из приличия заговорить с Ромешем. Он не мог даже взглянуть на него. Ромеш тоже не проронил ни слова. Когда настало время прощаться, он молча поклонился Онноде-бабу.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

— Я пригласила к нам на обед Хем и ее отца, дорогая, — еще накануне сообщила Кхемонкори Комоле. — Давай подумаем, чем угостить их. Гостю нужно показать, что его дочь голодать у нас не будет. Что ты на это ска-

жешь, милая? Я знаю, ты прекрасная кухарка и меня не подведешь. Не помню, чтобы раньше сын мой обращал внимание на то, как приготовлена пища. А вчера он не находил слов для похвалы твоему обеду. Почему у тебя такой утомленный вид? Тебе нездоровится?

— Нет, я здорова, ма, — отвечала Комола, пытаюсь изобразить на своем печальном личике подобие улыбки.

Кхемонкори с сомнением покачала головой.

— Мне кажется, будто ты чем-то опечалена. Все может быть, и тебе не надо смущаться. Не смотри на меня, как на чужую, ведь я отношусь к тебе как к родной дочери. Почему ты не расскажешь мне, что тебя огорчает? Может быть, ты хочешь навестить своих родственников?

— Нет, ма! — взволновалась Комола. — Единственное мое желание — служить вам.

Но Кхемонкори словно не слышала ее слов.

— Не погостить ли тебе несколько дней у своего дяди? — продолжала она. — А потом, если захочешь, снова вернешься ко мне.

— Ма! — взмолилась встревоженная Комола. — Когда я с вами, мне не надо никого на свете! Если я в чем-нибудь провинилась, накажите меня, но не отсылайте от себя даже на один день.

Кхемонкори ласково потрепала девушку по щеке.

— Вот потому-то я и говорю, что ты была моей матерью в другом рождении. Иначе мы не смогли бы с первого взгляда так привязаться друг к другу. А теперь ступай, девочка, пораньше ложись спать. За целый день ты не знаешь и минуты покоя.

Придя к себе в спальню, Комола закрыла дверь, погасила лампу и в темноте опустилась на пол. Так она сидела долго и многое передумала.

«По вине судьбы я потеряла все права на мужа, — думала Комола, — по я должна заботиться о нем, если даже мне придется отказаться от своего счастья. И если хоть когда-нибудь представится возможность услужить ему, мой долг отдать этому все свои силы. Да поможет всевышний мне выполнить его с улыбкой и не думать о большем. Надо радоваться тем крохам счастья, которые выпадают на мою долю, иначе я потеряю все».

Комола тщательно продумала все, и в душе ее созрело определенное решение.

«С завтрашнего дня в моем сердце не будет места скорби, с лица уйдет печаль. Я не стану оплакивать свои несбывшиеся мечты и буду ему служить до конца жизни. Больше я ничего не хочу, не хочу, не хочу!»

Комола легла спать, но никак не могла уснуть и долго ворочалась с боку на бок. Ночью она несколько раз проснулась и снова начинала шептать: «Больше я ничего не хочу, не хочу...»

Проснувшись на рассвете, девушка снова собрала всю свою решимость и, сжимая руки, повторила:

— До самой смерти я буду тебе служить! И больше я ничего не хочу, не хочу!..

Комола быстро ополоснула руки и лицо, сменила сари и прошла в молельню Нолинакхо. Краем сари она стерла пыль с вещей, расстелила циновки, а затем побежала к Ганге выкупаться. Кхемонкори, внявшая наконец неотступным просьбам Нолинакхо, прекратила свои омовения перед восходом солнца. И теперь ранним холодным утром Комолу провожал Умеш.

После купания Комола пришла к Кхемонкори и приветливо поздоровалась с ней. Старая женщина еще только собиралась идти к Ганге.

— Зачем ты бегала на реку так рано? — сказала она Комоле. — Могла бы подождать и пойти вместе со мной.

— Сегодня много работы, ма, — оправдывалась Комола. — Мне нужно приготовить овощи и послать Умеша кое-что докупить на рынке.

— Ты прекрасно все обдумала, дорогая, — похвалила Кхемонкори. — К приходу гостей все будет готово!

В это время появился Нолинакхо. И Комола, набросив на влажные волосы край сари, удалилась.

— Ма, ты, кажется, собралась купаться? — сказал он. — Лучше повремени несколько дней.

— Забудь, что ты врач, Нолин. Люди не становятся бессмертными, отказываясь от омовения в Ганге, — возразила Кхемонкори. — Ты, я вижу, собираешься уходить. Возвратись пораньше...

— Зачем, ма?

— Я забыла предупредить, что сегодня Оннода-бабу придет благословить тебя.

— Благословить? — изумился Нолиакхо. — К чему такая торжественность? Я вижу его каждый день.

— Я подарила вчера Хемнолини два браслета и благословила ее, — объяснила Кхемонкори. — Почему бы и Онноде-бабу не поступить так же? В общем, не задерживайся. Гости будут к обеду.

На этом они расстались. Кхемонкори пошла купаться, а Нолиакхо, опустив голову, полный раздумий, зашагал в город.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Увидев Ромеша, Хемнолини убежала к себе в спальню, прикрыла за собою дверь и опустилась на постель. Когда прошло первое смятение, ею овладел стыд.

«Отчего я не смогла без смущения встретиться с Ромешем? Почему так неожиданно во мне заговорило чувство, в которое я уже не верю? — спрашивала себя девушка. — Значит, я не могу доверять самой себе? Нет, я не могу позволить себе такую нерешительность!»

Хемнолини встала и вышла из комнаты.

«На этот раз я не сбегу. Я одержу победу над собой!» — уговаривала себя девушка, направляясь в сад, чтобы встретиться с Ромешем.

Потом, что-то вспомнив, она вернулась в спальню, вынула из шкатулки и надела подаренные матерью Нолиакхо браслеты. Вооружившись таким образом, готовая вступить в бой, Хемнолини вышла в сад, гордо подняв голову.

— Ты куда, Хем? — увидев ее, спросил Оннода-бабу.

— А где Ромеш-бабу и дада?

— Они ушли.

Узнав, что уже нет надобности испытывать собственную волю, девушка с облегчением вздохнула.

— Сейчас... — заговорил Оннода-бабу.

— Да, да, отец, я мигом буду готова, — перебила его дочь. — С купанием не задержусь, посылай пока за экипажем.

Такой энтузиазм Хемнолини по поводу предстоящего визита был неожиданным и каким-то неестественным.

Прозвучавшее в ее голосе искусственное воодушевление не обмануло Онноду-бабу, и им вновь овладело беспокойство.

Хемнолини поспешно выкупалась, оделась и вышла к отцу.

— Экипаж не подали, отец? — спросила она.

— Нет еще.

В ожидании экипажа Хемнолини вышла в сад прогуляться. А Оннода-бабу уселся на веранде, то и дело нервно проводя рукой по волосам.

Около половины одиннадцатого они подъехали к дому Нолиакхо. Сам доктор еще не вернулся, и Кхемонкори пришлось одной развлекать гостей. Она расспрашивала Онноду-бабу о его здоровье и семейных делах, изредка бросая взгляды на Хемнолини. Почему лицо девушки не сияет от счастья, как румяная заря перед восходом солнца? Ее задумчивый взгляд затуманен печалью. Кхемонкори это было неприятно и больно ранило ее душу.

«Любая девушка была бы счастлива выйти замуж за Нолиакхо. А эта возомнила себя чересчур образованной и, видимо, считает, что слишком хороша для него. Чем еще можно объяснить ее задумчивость и рассеянность? — размышляла Кхемонкори. — А всему виной я сама. На старости лет стала нетерпеливой, не могла повременить! Решила женить Нолина на девушке со сложившимся характером, а не попыталась узнать ее лучше. Правда, у меня нет времени для размышлений. Надо поскорее устроить все свои мирские дела и приготовиться к уходу из этого мира».

Все эти мысли ни на минуту не покидали Кхемонкори и мешали ей вести беседу с Оннодой-бабу.

— Мне кажется, не следует спешить со свадьбой, — сказала она гостю. — Наши дети достаточно взрослые, чтобы решать подобные вопросы. Не нужно торопить их. Я не знаю, как относится к этому Хем, но что до Нолина, могу сказать, он с этой мыслью еще не вполне освоился.

Последние слова предназначались главным образом для Хемнолини. Ведь девушка не выразила особой радости по поводу предстоящей свадьбы, и Кхемонкори не хотела, чтобы Хем и ее отец думали, что сын ее безмерно счастлив.

Перед тем как отправиться в гости, Хемнолини собрала все свои душевные силы, чтобы казаться радостной и веселой, но это ей не удалось. Минутное оживление сменилось глубокой печалью. Придя в дом Кхемонкори, девушка почувствовала, что ею овладевают сомнения, а жизненный путь, на который ей предстоит вступить, казался трудным, тернистым и бесконечным.

Пока старшие обменивались любезностями, в душе Хемнолини родилось неверие в свои силы, и она сильно страдала от этого. Когда Кхемонкори предложила отложить свадьбу, в душе девушки началась борьба двух противоречивых чувств. С одной стороны, ей казалось, что чем быстрее будет заключен брак, тем скорей она освободится от всех своих мучительных колебаний и сомнений. Однако при известии, что свадьба откладывается на неопределенный срок, Хем почувствовала невольное облегчение.

Кхемонкори не сводила глаз с девушки, стараясь определить, какое впечатление произведут на Хемнолини ее слова. И, заметив на лице ее выражение успокоенности, почувствовала против Хемнолини раздражение.

«Слишком дешево я оценила своего Нолина!» — подумала Кхемонкори и обрадовалась, что сын запаздывает.

— Видишь, какой Нолин? — сказала Кхемонкори, взглянув на Хемнолини. — Ведь прекрасно знал, что вы сегодня приедете, и задерживается. Мог освободиться пораньше. А стоит мне заболеть, он бросает все и остается дома, несмотря на то что терпит убыток.

Заявив, что ей нужно взглянуть, готов ли обед, Кхемонкори покинула гостей. Она решила оставить Хемнолини на попечение Комолы, чтобы переговорить с Оиной-бабу наедине.

Обед был готов и стоял на слабом огне. В уголке тихо сидела Комола, погруженная в глубокую задумчивость. При неожиданном появлении Кхемонкори она вздрогнула и в полной растерянности вскочила на ноги.

— Да ты совершенно поглощена своей стряпней, Хоридаши. — воскликнула Кхемонкори.

— Все готово, ма, — ответила Комола.

— Почему же в таком случае ты сидишь здесь в одиночестве? Оиода-бабу — старик, тебе его стыдиться не-

P. Tarop
(1906)

чего. С ним пришла Хем. Позови-ка ее к себе в комнату и займи разговором. Зачем заставляешь ее скучать со мной, старухой!

Раздражение против Хемнолини удвоило нежность Кхемонкори к Комоле.

— О чем же мне с ней разговаривать? — испуганно спросила Комола. — Она ведь образованная, а я ничего не знаю.

— Подумаешь! — воскликнула Кхемонкори. — Ты не хуже других, девочка. Пусть Хем гордится своей ученостью, но не много найдется таких привлекательных девушек, как ты. Любая, начитавшись книг, может стать ученой, но не станет от этого красивее тебя. Пойдем, Хоридаши. Но погоди, ты плохо одета, я одену тебя как нужно.

Оскорбленная Кхемонкори горела желанием унижить гордую Хемнолини во всем. Ей хотелось, чтобы красота ее поблекла перед очарованием этой простой девушки. Не слушая возражений Комолы, старая женщина с большим вкусом и умением облачила ее в бирюзовое шелковое сари и по моде причесала. Затем принялась вертеть девушку во все стороны, любуясь своей работой, и в восхищении поцеловала ее в щеку.

— Ты такая красавица, что достойна стать женой раджи.

— Мать, они сидят там совсем одни, — напомнила ей Комола. — Мы и без того заставили их ждать.

— А, пусть сидят! Пока я тебя не одену, мы не двинемся с места.

Наконец девушка была готова.

— Ну, а теперь идем, милая! И не смущайся! — говорила Кхемонкори. — Перед тобой поблекнет любая окончившая колледж красавица. Можешь высоко держать голову!

Кхемонкори ввела упирающуюся Комолу в гостиную, где сидели Оннода-бабу с дочерью. Оказалось, что и Нолинакхо уже вернулся и беседует с ними. Комола попыталась убежать, но Кхемонкори удержала ее.

— Не смущайся, дорогая. Здесь все свои.

Старая женщина гордилась красотой и нарядом Комолы. Она решила изумить всех ее видом. Хемнолини пренебрегла ее сыном, оскорбила ее материнское тщесла-

вие, и Кхемонкори была рада унижить девушку в глазах Нолинакхо.

Красота Комолы в самом деле поразила всех. Когда Хемнолини впервые увидела Комолу, та была одета скромно, смущена и старалась казаться незаметной, к тому же Хемнолини не успела как следует рассмотреть ее. Но сегодня внешность девушки поразила Хемнолини. Она встала и посадила оробевшую Комолу рядом с собой.

Кхемонкори торжествовала. Все присутствующие в душе должны были согласиться с тем, что Комола прекрасна.

— Можешь пойти к себе в комнату и поговорить с Хем, — предложила она Комоле. — Я сама все сделаю.

Комола с волнением думала о том, как отнесется к ней Хемнолини. Ведь скоро она войдет в этот дом женой Нолинакхо, станет хозяйкой. И для Комолы ее расположение было далеко не безразлично. Комола упорно не разрешала себе думать о том, что по праву хозяйкой в этом доме должна быть она сама. Даже тень ревности не пускала она к себе в душу. Для себя Комола ничего не требовала. Но когда она шла с Хемнолини, ноги ее дрожали.

— Мать все рассказала мне о тебе, — ласково обратилась к ней Хемнолини. — Мне очень жаль тебя. Теперь ты должна считать меня своей сестрой. Есть у тебя сестра?

— Родной нет, только двоюродная, — ответила Комола, ободренная лаской и дружелюбием, звучавшими в голосе Хемнолини.

— И у меня нет, — сказала Хемнолини. — Моя мать умерла, когда я была совсем еще маленькой. Сколько раз, в радости, в горе ли, мечтала я, чтобы рядом со мной находилась хотя бы сестра, раз не суждено мне иметь мать. С детства я всегда все таила в себе, и в конце концов так к этому привыкла, что не умею быть откровенной. А люди считают меня заносчивой. Но ты, дорогая, так обо мне не думай. Просто мое сердце привыкло молчать.

Смущение Комолы окончательно прошло после признания Хемнолини.

— Вы будете меня любить, диди? — спросила она. — Ведь вы даже не подозреваете, какая я глупая!

— Когда ты меня узнаешь поближе, — улыбнулась Хемнолини, — то убедишься, что я тоже ужасно глупа. Я вызубрила несколько книг и больше ничего не знаю.

Прошу тебя, не оставь меня, если я перееду к вам в дом. Мне страшно даже думать, что все заботы по хозяйству лягут на меня.

— Предоставьте все хлопоты мне, — доверчиво, как ребенок, воскликнула Комола. — Я привыкла к домашней работе, и она не пугает меня. Мы будем вести хозяйство вместе, как две сестры. Вы станете заботиться о его счастье, а я буду служить вам обоим.

— Вот и прекрасно, дорогая, — сказала Хем. — Своего мужа ты, кажется, так и не видела. Не помнишь даже, какой он?

— Я не предполагала, диди, что мне необходимо его запомнить, — сказала Комола, избегая прямого ответа. — Но, поселившись в доме дяди, я очень подружилась с моей двоюродной сестрой Шойлой и увидела, как она преданно ухаживает за своим мужем. Тут я и осознала свой долг. Трудно это объяснить... Я почти не помню своего мужа, однако научилась любить его всей душой. И всевышний стал милостив ко мне — сейчас в душе моей живет ясный образ моего мужа. Пусть я не жена ему, но теперь он всегда со мной.

Слова Комолы, полные самоотверженной любви к супругу, глубоко тронули Хемнолини.

— Я прекрасно понимаю тебя, — заметила она. — Именно то, что чувствуешь ты, и есть истинное обладание. Все, что приобретается в корыстных целях, — недолговечно.

Трудно сказать, дошел ли до Комолы смысл слов Хемнолини. Некоторое время она молча смотрела на девушку, потом проговорила:

— Вы правы, диди. Я не разрешаю себе грустить и потому счастлива. Мне выпало небольшое на долю — но это небольшое принадлежит только мне одной.

Хемнолини взяла руки Комолы в свои:

— Мой наставник говорит: «Лишь тот познал истинное счастье, кто понял, что утрата и приобретение тождественны». Признаюсь тебе, сестра, я была бы по-настоящему счастлива, если б сумела достичь такого самоотречения, как ты.

Такое признание несколько удивило Комолу.

— Почему вы так говорите, диди? — спросила она. — Вы достойны многого, и у вас никогда не будет ни в чем недостатка.

— О, как бы я радовалась, получив только то немного, на что я имела право! — воскликнула Хемнолини. — Но получить больше — огромное горе и неизмеримая ответственность! Слова мои, конечно, кажутся тебе странными. Да я и сама себе удивляюсь! Но, вероятно, сам всевышний внушил мне подобные мысли. Сегодня весь день мне было очень тяжело, но после разговора с тобой стало как будто легче. Я чувствую, что обрела силы, потому и разоткровенничалась. Такого со мной никогда еще не случалось. Как это удалось тебе, сестра?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Вернувшись домой, Хемнолини нашла на столе в гостиной пухлое письмо на свое имя и по почерку догадалась, что оно от Ромеша. Взяв его с бьющимся сердцем, девушка прошла к себе в комнату, заперлась на ключ и принялась читать.

В письме Ромеш подробно излагал всю историю своих отношений с Комолой.

«Обстоятельства разорвали крепкие узы, которыми всевышний соединил наши жизни. Теперь ты отдала свое сердце другому. Я тебя не виню, но не осуждай и ты меня. Ни одного дня Комола не была моей женой. Но долг не велит мне скрывать от тебя, что меня все больше и больше влекло к ней! Да и сейчас я не знаю, прошло ли это влечение. Если бы ты меня не покинула, я нашел бы успокоение в твоей любви. Именно с этой надеждой, с истерзанной душой пришел я к тебе сегодня, но, увидев, что ты меня избегаешь, понял, как велико твое презрение. А когда узнал, что ты дала согласие на брак с другим, в моей душе вновь поднялись все прежние сомнения! Я убедился, что не могу забыть Комолу! Но как бы то ни было, страдать не должен никто, кроме меня. Мне никогда не забыть двух прекрасных девушек, которые так много значили для меня. Всю жизнь не перестану я вспоминать о них с любовью и благодар-

ностью. Сегодня утром мимолетная встреча с тобой глубоко взволновала меня. Я вернулся домой, чувствуя себя несчастнейшим в мире человеком. Но сейчас я понял, что это не так. С покоем и радостью в сердце расстаюсь я с тобой и прошу от всей души простить меня. Благодаря вам обоим и по милости всевышнего в этот час расставания я не чувствую горечи. Будь счастлива! Будь благословенна! Не презирай меня — я не заслуживаю презрения».

Прочитав письмо, Хемнолини отправилась к отцу. Оннода-бабу сидел в кресле с книгой в руках.

— Ты здорова, Хем? — спросил он, встревоженный видом дочери.

— Здорова, — коротко ответила девушка. — Я получила письмо от Ромеша-бабу. Прочти, а потом отдашь мне.

С этими словами Хем вышла. Оннода-бабу надел очки и несколько раз перечитал письмо. Отослав его со слугой к дочери, он глубоко задумался.

«Пожалуй, это даже хорошо, — решил Оннода-бабу. — Как жених Нолинакхо куда лучше Ромеша. Я рад, что Ромеш оставил Хемнолини в покое». Размышления Оннода-бабу прервал приход самого Нолинакхо. С тех пор как они расстались, не прошло и нескольких часов, и потому его появление озадачило Онноду-бабу.

«Должно быть, Нолинакхо очень увлечен Хем», — усмехнулся про себя старик.

Пока он придумывал предлог, чтобы устроить молодым людям встречу, а самому удалиться, Нолинакхо сказал:

— Как вы знаете, Оннода-бабу, предполагается мой брак с вашей дочерью. Но прежде я хотел бы поговорить с вами.

— Очень хорошо! — ответил Оннода-бабу. — Я слушаю вас.

— Я был уже женат.

— Знаю, но...

— Неужели вы знали об этом? Значит, вы считаете, что жена моя умерла. Однако быть вполне уверенным нельзя. Я лично убежден, что она жива.

— Молю всевышнего, чтобы это было так! — воскликнул Оннода-бабу. — Хем! Хем! — позвал он дочь.

— Что случилось, отец? — спросила Хем, входя в комнату.

— В письме, которое написал тебе Ромеш, есть часть...

— Пусть Нолинакхо-бабу прочтет все письмо от начала до конца, — сказала Хемнолини и, отдав письмо доктору, покинула комнату.

Закончив чтение, Нолинакхо не мог вымолвить ни слова.

— Такие печальные совпадения редко случаются, — первым нарушил молчание Оннода-бабу. — Разумеется, это письмо заставило вас снова страдать. Но было бы нечестно с нашей стороны скрыть его от вас.

Нолинакхо хранил молчание. Немного погодя он поднялся и простился. Покидая дом Онноды-бабу, он заметил на северной веранде Хемнолини. Вид ее порастил Нолинакхо. Девушка стояла неподвижная и спокойная, в то время как на душе у нее было так тяжело! О чем она думала сейчас? Нолинакхо хотелось спросить, не нуждается ли она в его помощи, но он не решился. Да и вряд ли могла она ответить на этот вопрос.

«В силах ли я дать ей утешение? — думал глубоко огорченный молодой человек. — Порой между людьми возникают непреодолимые преграды. До чего же одинока человеческая душа!»

Направляясь к своему экипажу, Нолинакхо нарочно сделал крюк, чтобы пройти мимо веранды, где стояла Хемнолини. Он надеялся, что девушка окликнет его. Но, когда он подошел к веранде, Хемнолини уже не было.

«Нелегко понять, что творится в сердце другого. Отношения между людьми крайне сложны», — подумал Нолинакхо и, печально вздохнув, сел в экипаж.

Почти сейчас же после его ухода появился Джогендро.

— Ты один, Джоген? — спросил Оннода-бабу.

— Интересно, кого еще ты ждешь? — в свою очередь, задал вопрос Джогендро.

— Как кого? А Ромеш?

— Для уважающего себя человека хватит и одного такого приема, какой ты ему оказал. После этого ему остается, по-моему, лишь броситься в Гангу у Бенареса и освободить душу от бременного тела. Больше я его не

видел. Лишь нашел у себя на столе клочок бумаги со словами: «Бегу, твой Ромеш». Я никогда не понимал поэзии подобного рода. Потому, боюсь, мне тоже придется бежать отсюда. В моей работе старшего учителя все ясно, определено, лишено и тени тумана.

— Но надо же что-нибудь решить относительно Хем, — попытался вставить свое слово Оннода-бабу.

— Опять! — раздраженно перебил его Джогендро. — Вы отвергаете все, что бы я ни предлагал. Мне эта игра надоела. Прошу вас не вовлекать меня больше в нее. Совершенно не выношу того, чего не понимаю, а Хем обладает удивительной способностью вдруг становиться непостижимой, что совершенно сбивает меня с толку. Завтра утренним поездом я уезжаю. По дороге заеду по делам в Банкипур.

Оннода-бабу молча провел рукой по волосам. Снова перед ним встал неразрешимый вопрос.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Перед отъездом из Бенареса Шойлоджа с отцом посетили Нолинакхо. Шойлоджа и Комола уединились в боковой комнате, там они долго и оживленно о чем-то шептались. Чоккроборти беседовал с Кхемонкори.

— Мой отпуск кончился, — сказал он. — Завтра я уезжаю в Газипур. Если Хоридаши вам надоест, вы...

— Что вы говорите, господин Чоккроборти, — прервала его Кхемонкори. — Неужели вы в самом деле так думаете? Или это лишь предлог отнять у меня вашу девочку?

— Я не из тех, кто отбирает назад подарки, — ответил дядя. — Но если вам кажется неудобным...

— Что-то вы хитрите, — сказала Кхемонкори. — Вы сами прекрасно знаете, что нет ничего приятнее, как иметь возле себя такую очаровательную девушку, как Хоридаши, но...

— Хорошо, хорошо, — не дал ей закончить Чоккроборти, — не будем больше говорить об этом. Меня учили! Я пустился на маленькую уловку, чтобы лишний раз услышать, как вы хвалите Хоридаши. Меня беспокоит

другое: не считает ли доктор Нолинакхо, что она свалилась к вам с неба на голову. Моя девочка очень гордая. И если Нолинакхо-бабу хоть чуть-чуть даст ей почувствовать, что ее присутствие его раздражает, ей будет тяжело.

— О, Хари! — воскликнула Кхемонкори. — Чтобы Нолинакхо был раздражен! Да он на это вовсе не способен.

— И очень хорошо. Но поймите меня! Я люблю Хоридаши больше жизни, — продолжал дядя. — И когда дело касается моей девочки, малым не довольствуюсь. Мне далеко не достаточно того, что она ему не мешает, ведь он не замечает ее. Я не перестану волноваться до тех пор, пока не уверюсь, что Нолинакхо-бабу видит в Хоридаши близкого человека. Она не стена, а человек, И если он не будет ни любить, ни ненавидеть ее...

— Господин Чоккроборти, — перебила его Кхемонкори, — вы не думайте, что мой Нолин не способен относиться к Хоридаши, как к родственнице. Со стороны этого не видно, но весьма вероятно, что он уже думал над тем, как сделать жизнь Хоридаши в нашем доме более приятной и счастливой.

— Тогда я спокоен, — сказал дядя, — но прежде чем уйти, мне хотелось бы поговорить с самим Нолинакхо-бабу. В мире редко встречаются мужчины, способные взять на себя заботу о счастье женщины. А Нолинакхо небо наделило всеми необходимыми для этого качествами. Я постараюсь ему внушить, чтобы он не сторонился Хоридаши из ложных опасений, а заботился о ней как о родном человеке.

Доверие, оказанное Чоккроборти ее сыну, пришлось Кхемонкори по сердцу.

— Из страха вызвать ваше недовольство я держала Хоридаши подальше от Нолинакхо. Но я знаю своего сына, можете в нем не сомневаться.

— Буду с вами откровенен, — сказал Чоккроборти. — Прошел слух, что Нолинакхо-бабу скоро женится. Говорят, невеста не так уж молода и училась больше, чем у нас принято. Вот я и думаю, как бы Хоридаши...

— Неужели я сама этого не понимаю! — перебила его Кхемонкори. — Но можете не беспокоиться, свадьба не будет.

— Неужели помолвка расстроилась?

— Там и расстраивать-то было нечего. Ведь Нолин никогда не хотел этого брака, — я настаивала. Но теперь сама отказалась от этой мысли. Человека насильно счастливым не сделаешь. Мне неизвестно желание всевышнего, но, судя по всему, я так и умру, не дождавшись свадьбы сына.

— Не говорите так! — воскликнул Чоккроборти. — А мы на что? Я и сам не откажусь от угощения и подарков, причитающихся свату!

— Вашими устами да мед пить, господин Чоккроборти, — вздохнула Кхемонкори. — Мне тяжело, что по моей вине Нолин до сих пор не обзавелся семьей. Вот я и поспешила с этой помолвкой, ничего как следует не обдумав. И, как видите, неудачно. Теперь займитесь этим вы, только торопитесь — долго я не проживу.

— И слушать вас не хочу, — возразил дядя. — Вы еще долго будете жить и собственными глазами увидите свою невестку. Я-то знаю, какая вам нужна: не очень юная, но чтобы уважала вас и во всем была покорна. Другая вам не понравится. Перестаньте же беспокоиться, с божьей помощью все устроится. Теперь, если не возражаете, я пойду к Хоридаши и дам ей несколько наставлений, как себя вести. А к вам пришлю Шойлоджу. С тех пор как она познакомилась с вами, она только о вас и говорит.

— Нет, вы лучше побеседуйте все вместе, у меня есть кое-какие дела.

— Мне повезло! — засмеялся Чоккроборти. — Не сомневаюсь, что немного погодя мы сможем ознакомиться с этими «делами». Признайтесь, вы идете готовить угощение для того счастливого брахмана, который найдет невесту вашему сыну.

Войдя в комнату, где беседовали подруги, Чоккроборти заметил, что глаза Комолы блестят от слез. Он молча сел рядом с дочерью и вопросительно взглянул ей в лицо.

— Папа, я сказала Комоле, что пришло время все открыть Нолинакхо-бабу, — объяснила Шойла. — А твой глупышка Хоридаши ссорится со мной из-за этого.

— Нет, диди, нет, — возразила Комола. — Умоляю тебя, не говори больше об этом. Это невозможно!

— Дурочка! — воскликнула Шойла в негодовании. —

ты будешь молчать, а Нолинакхо тем временем женится на Хемнолини! С самого первого дня твоей свадьбы ты только и знала одни страдания, едва не рассталась с жизнью! Зачем же подвергать себя новым мукам?

— Не рассказывай обо мне никому, диди, — просила Комола. — Я все могу вынести, только не позор. Я вполне довольна тем, что имею. И вовсе не несчастна. Но если ты все ему откроешь, как я останусь в этом доме? Как буду жить?

Шойла не нашлась, что возразить. Но, зная, что Нолинакхо женится на Хемнолини, молчать считала недопустимым.

— Еще неизвестно, состоится ли эта свадьба, — сообщил дядя.

— Что ты говоришь, отец? — изумилась Шойлоджа. — Ведь мать Нолинакхо-бабу уже дала свое благословение Хемнолини.

— Благодаря милости всевышнего оно потеряло свою силу, — объяснил дядя. — Оставь все свои страхи, дорогая Комола. Правда на твоей стороне.

Комола не могла понять, что сказал дядя, и смотрела на него широко открытыми глазами.

— Помолвка расстроилась! — объяснил Чоккроборти. — Нолинакхо-бабу не согласился на этот брак, а на его мать наконец снизошло просветление.

— Мы спасены, отец! — радостно вскричала Шойлоджа. — Вчера я не могла уснуть всю ночь, узнав о помолвке. Но долго еще Комола будет жить в своей семье как чужая? Когда же наконец все выяснится?

— Не нужно спешить, Шойла, — сказал Чоккроборти. — Все уладится в свое время.

— Мне и так хорошо, — вступила в разговор Комола, — лучше и быть не может. Я очень счастлива. Желая помочь, вы только сделаете мне хуже, дядя. Умоляю вас, никому ничего не говорите. Оставьте меня здесь, в укромном уголке, и забудьте о моем существовании. Я счастлива.

Слезы навернулись на глаза девушки.

— Ну, дорогая, зачем же плакать! — встревожился Чоккроборти. — Я прекрасно понял, что ты хотела сказать. Мы твоего покоя не нарушим. Всевышний со временем все поставит на свое место, и с нашей стороны

было бы безумием что-нибудь испортить. Не бойся! Я стар и знаю, как нужно поступать.

В эту минуту вошел Умеш со своей неизменной улыбкой на лице.

— Что тебе? — спросил дядя.

— Там пришел Ромеш-бабу и спрашивает доктора.

Комола побледнела. Чоккроборти поспешно встал со своего места.

— Не пугайся, дорогая, — сказал он. — Я все улажу.

Он спустился вниз и взял Ромеша под руку.

— Выйдем на улицу, — сказал Чоккроборти. — Там мы сможем поговорить.

— Как вы здесь очутились? — удивился Ромеш.

— Благодаря вам, — ответил дядя. — Я очень рад вас видеть. Пойдемте скорей, я должен вам кое-что сказать. — И он увлек Ромеша за собой.

— Зачем вы пришли сюда, Ромеш-бабу? — спросил Чоккроборти, когда они вышли из дома.

— Я хотел поговорить с доктором. Считаю своим долгом рассказать ему все о Комоле. Иногда мне кажется, что она жива.

— Предположим, что Комола на самом деле спаслась и встретится с Нолинакхо. Будет ему приятно услышать ее историю от вас? — сказал дядя. — У него старая мать, и если она узнает все подробности, вряд ли Комоле от этого станет лучше.

— Не знаю, как посмотрит на это общество. Но Нолинакхо должен знать, что Комола ни в чем перед ним не виновата. Если же она действительно погибла, Нолинакхо обязан чтить ее память.

— Не понимаю нынешнюю молодежь! — воскликнул дядя. — Если Комола умерла, какой смысл приставать к мужу? Тем более что и мужем ее он был всего одну ночь! А вот дом, где я живу. Зайдите ко мне завтра утром, и я все вам объясню. Только обещайте до встречи со мной не видеться с Нолинакхо-бабу.

— Хорошо! — согласился Ромеш.

Простившись с ним, дядя вернулся в дом Нолинакхо.

— Дорогая моя, завтра утром ты должна прийти ко мне, — сказал он Комоле. — Я хочу, чтобы ты сама все объяснила Ромешу-бабу.

Комола опустила голову.

— Я убежден, иначе нельзя,— продолжал Чоккробрти. — Понятие о долге у современной молодежи совсем иное, чем у людей старшего поколения. Отбрось свои опасения, дорогая. Сейчас никто, кроме тебя самой, не сможет отстоять твои права. Здесь ты сильнее нас.

Голова девушки опустилась еще ниже.

— Многое уже выяснилось, — продолжал дядя. — И ты смело должна смести оставшиеся ничтожные препятствия.

Послышались чьи-то шаги. Подняв глаза, Комола прямо перед собой увидела в дверях Нолинакхо. Взоры их встретились. Прежде Нолинакхо всегда спешил отвести глаза в сторону и уйти, но сегодня он не сделал этого. Он смотрел на Комолу всего лишь мгновение, но так, словно хотел что-то прочесть на ее лице. В его взгляде не было прежней нерешительности и смущения. Заметив Шойлоджу, Нолинакхо хотел удалиться, но Чоккробрти удержал его.

— Не уходите, Нолинакхо-бабу, — сказал он. — Мы считаем вас близким человеком. Это моя дочь Шойла. Вы лечили ее девочку.

Шойлоджа поклонилась Нолинакхо.

— Как здоровье вашей малютки? — спросил молодой человек, в свою очередь кланяясь ей.

— Она совершенно здорова, — ответила Шойлоджа.

— Вы никогда не дадите насладиться вполне вашим обществом, — начал Чоккробрти. — Но раз уж вы сегодня зашли, посидите немножко с нами.

Пока дядя усаживал доктора, Комола исчезла из комнаты. Мимолетный взгляд, подаренный ей Нолинакхо, наполнил ее душу радостным изумлением. Она удалилась к себе, чтобы наедине разобраться в своих чувствах.

— Господин Чоккробрти, я должна вас побеспокоить, — сказала вошедшая в комнату Кхемонкори.

— С того момента, как вы нас покинули, я все время поглядываю на дверь, в ожидании этого «беспокойства», — рассмеялся Чоккробрти.

После угощения, когда все вернулись в гостиную, дядя сказал:

— Посидите минутку, я сейчас вернусь.

И вскоре он появился, ведя за руку Комолу. За ними следовала Шойлоджа.

— Нолинакхо-бабу, — обратился старик к доктору, — вы не должны относиться к нашей Хоридаши, как к чужой. Я оставляю несчастную девушку в вашем доме, отнесите же к ней, как к родной. Ей ничего не надо, кроме права служить вам. Вы скоро убедитесь, что она никогда не причинит вам зла.

Комола покраснела и смущенно потупилась.

— Можете быть спокойны, господин Чоккроборти, — сказала Кхемонкори. — Хоридаши стала нам дочерью. До сих пор нам еще ни разу не приходилось задумываться над тем, какую поручить ей работу. Когда-то на кухне и в кладовой безраздельно властвовала я, теперь я ничто. Прислуга больше не считает меня хозяйкой. Прямо теряюсь в догадках, каким образом лишилась я своей былой власти. Ключи от дома всегда находились у меня, но Хоридаши и их сумела выманить. Скажите, чего еще хотите вы для своей маленькой разбойницы? Но если вы собираетесь отнять ее у нас — это будет величайшим грабежом на свете.

— Можете быть уверены, что она даже не пошевельнется, предложи я ей уехать отсюда. Вы так околдовали ее, что она забыла о существовании всех других людей на земле. В течение долгого времени она была очень несчастна и у вас наконец нашла успокоение. Да сохранит ей всевышний его, и пусть всегда ваше милосердие пребудет с ней. Вот мое прощальное благословение.

Глаза Чоккроборти наполнились слезами. Нолинакхо молча выслушал дядю. Когда гости ушли, он медленно направился в свою комнату.

Заходящее солнце залило спальню Нолинакхо алым, как румянец невесты, светом. Красный, словно кровь, он будто проникал в каждую частицу его тела и воспламенил его душу.

Еще утром один из друзей Нолинакхо прислал ему корзину роз. Кхемонкори поручила Комоле украсить ими комнаты. Один из букетов девушка поставила в спальне Нолинакхо, и теперь ее наполнил аромат роз. Тишина,

багровые лучи заходящего солнца, благоухание роз — все это взволновало Нолиакхо. Долгое время жил он в мире воздержания и суровой науки. И вот сейчас ему казалось, что где-то рядом неожиданно зазвучал барабан, а небо огласилось перезвоном браслетов на ногах невидимых танцовщиц. Нолиакхо отвернулся от окна. Взгляд его упал на поставленный у изголовья кровати букет роз. Ему показалось, что цветы, словно чьи-то глаза, взирают на него и несут свою безмолвную мольбу к вратам его сердца.

Нолиакхо вынул одну из роз. Это был еще не распустившийся, бледно-золотистый, благоухающий бутон. Он прикоснулся к цветку, и в ответ ему почудилось пожатие чьих-то нежных пальцев. Дрожь пробежала по всему его телу. Молодой человек прижал нежный, ароматный цветок к губам, к глазам...

Последние лучи заходящего солнца постепенно угасали на темнеющем небе. Собираясь покинуть комнату, Нолиакхо подошел к постели и, приподняв покрывало, положил розовый бутон на подушку. Уже уходя, он вдруг увидел по другую сторону кровати съежившуюся на полу фигурку, в смущении прикрывшую лицо краем сари. То была Комола! Она не знала, куда деваться от стыда. Поставив цветы в нишу и приготовив постель Нолиакхо, девушка уже собиралась уйти, но, услышав шаги доктора, торопливо спряталась за кровать. Теперь ей уже нельзя было ни убежать, ни спрятаться. Стыд словно пригвоздил ее к месту. Не желая смущать ее, Нолиакхо быстро вышел из комнаты, но, дойдя до двери, внезапно остановился. Затем медленно подошел к Комоле и сказал:

— Встань. И не стыдись меня.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

На следующее утро Комола пришла в дом дяди Чоккроборти. Оставшись наедине с Шойлой, она крепко обняла подругу.

— Почему, сестра, ты сегодня такая счастливая? — спросила Шойла.

— Сама не знаю, диди, — ответила Комола. — Но мне кажется, что все мои беды кончились.

— Расскажи все! — воскликнула Шойлоджа. — Мы ведь с тобой пробыли до самого вечера. Что же такое могло произойти после?

— Да ровно ничего. Только у меня такое чувство, будто теперь он принадлежит мне. Всевышний сжалился надо мной.

— Пусть будет так. Но все же не скрывай от меня ничего.

— Мне нечего скрывать, диди, — заверила ее Комола. — Просто не знаю, что тебе еще сказать. Прошла ночь, и, когда я утром проснулась, мне показалось, что жизнь приобрела для меня новый смысл. Я так счастлива! И работать было так легко, что невозможно выразить. Ничего больше мне не надо. Боюсь только, как бы не отняли у меня мое счастье. Не верится, что отныне каждый день моей жизни будет таким же светлым.

— Я тоже думаю, дорогая, что судьба не будет больше тебя обманывать, — сказала Шойла. — Ты заслужила свое счастье.

— Нет, нет! Не говори так, диди. Все заслуженное мной я получила и ни в чем не виню всевышнего. Больше мне ничего не надо!

В эту минуту в комнату вошел дядя.

— Дорогая, ты должна выйти к Ромешу-бабу, — обратился он к Комоле. — Он уже здесь.

До этого между Ромешем и Чоккроборти произошел следующий разговор.

— Я знаю ваши отношения с Комолой, — сказал дядя Ромешу. — И советую теперь, когда все выяснилось, забыть прошлое, связанное с ней. Предоставьте все воле всевышнего, а сами ничего не предпринимайте.

— Прежде чем забыть Комолу, я должен рассказать о ней Нолинакхо, — возразил Ромеш. — Не знаю, нужно ли вновь поднимать эту историю, во всяком случае, необходимо рассказать то немногое, что я знаю, и получить свободу.

— Хорошо, подожди меня здесь, я сейчас вернусь, — сказал дядя.

Ромеш сел у окна и стал рассеянно следить за движущимся по улице людским потоком. Услыхав позади себя шаги, он обернулся и увидел девушку, в поклоне

склонившуюся до земли. Когда она встала, Ромеш не сдержался и с криком «Комола» вскочил.

Комола стояла не шелохнувшись.

— Благодаря милосердию всевышнего все невзгоды Комолы остались позади. Счастье пришло на смену горю, — сказал вошедший влед за девушкой дядя. — Когда ей грозила опасность, вы помогли ей, хотя вам пришлось много перенести. В течение долгого времени ее жизнь была связана с вашей. И Комола не могла расстаться с вами, не попрощавшись. Она пришла просить вашего благословения.

Ромеш молчал.

— Будь счастлива, Комола, — наконец с трудом вымолвил он. — И прости мне мою невольную или умышленную вину перед тобой.

Девушка ничего не ответила, она стояла, прислонившись к стене.

— Скажи, может быть, тебе нужна моя помощь, — помолчав, спросил Ромеш. — Должен ли я кому-нибудь рассказать о тебе?

— Прошу вас, не делайте этого, — умоляюще сложила руки Комола.

— Я долгое время не рассказывал о тебе никому. Молчал, даже когда это грозило мне неприятностями. И лишь несколько дней назад, уверенный, что это не повредит тебе, я поведал о твоей судьбе одной семье. Но мне и сейчас кажется, что это обстоятельство скорее принесет тебе пользу, чем вред. Дядя, вероятно, слышал об Онноде-бабу и его дочери...

— Конечно, я знаком с Хемнолини! — прервал его дядя. — Так они все знают?

— Да, — подтвердил молодой человек. — Если необходимо еще что-нибудь сообщить им, я готов. А мне самому ничего не надо. Я потерял много времени, и многое от меня ушло. Теперь необходимо исполнить свой долг и обрести свободу. Свобода — главное для меня.

Дядя ласково пожал ему руку.

— Нет, Ромеш-бабу, — успокоил он его. — Ты уже выполнил свой долг. Ты много страдал и теперь свободен. Будьте счастливы, да сопутствует вам успех — вот вам мое благословение.

— Я ухожу, — сказал Ромеш, глядя на Комолу.

Девушка молча поклонилась ему до земли.

Словно во сне вышел Ромеш из дома Чоккроборти.

«Хорошо, что я встретил Комолу, — подумал он. — Эта история не кончилась бы добром, не узнай я, что она жива. До сих пор не могу понять, что заставило ее покинуть в ту ночь наш дом в Газипуре. Одно ясно — сейчас я лишний, я предоставлен самому себе и один вступаю в жизнь. С прошлым все кончено».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Вернувшись домой, Комола узнала, что у Кхемонкори сидят Оннода-бабу и Хемнолини.

— А вот и Хоридаши! — увидев ее, воскликнула Кхемонкори. — Проведи свою подругу к себе, дитя мое. А я напою чаем Онноду-бабу.

Как только девушки вошли в комнату Комолы, Хемнолини обняла ее.

— Комола!

Комола не выразила особого удивления, только спросила:

— Как вы узнали мое настоящее имя?

— Мне рассказал о тебе один человек. Трудно объяснить почему, но я сразу решила, что ты и есть та самая Комола.

— Сестра, я не хочу, чтобы кто-нибудь знал мое настоящее имя, — сказала Комола. — Оно стало для меня проклятием.

— Но только с его помощью ты сможешь восстановить свои права!

— Нет, — покачала головой Комола. — У меня нет никаких прав, и я не хочу ничего делать насильно.

— Ты, что же, так и не откроешься мужу? Почему не вверишь ему свою судьбу? Не следует ничего скрывать от него.

Комола изменилась в лице. Она беспомощно смотрела на Хемнолини, словно искала и не находила ответа. Затем медленно опустилась на циновку и тихо сказала:

— Всевышнему известно, что я не совершила никакого преступления. Почему же он заставляет меня тер-

заться от стыда? За что я так наказана? Ведь я ни в чем не согрешила! Но как мне поведать все мужу?

— Не наказание получишь ты, а обретишь покой, рассказав ему все, — уговаривала Хемнолини. — Пока ты таишь от него правду, ты пребываешь в сетях обмана. Смело разорви их, и всевышний ниспошлет тебе милость.

— При одной мысли потерять все у меня пропадает решимость, — призналась Комола. — Но я понимаю, что вы хотите сказать. Он узнает все.

И Комола крепко стиснула руки.

— Может, ты хочешь, чтобы это сделал за тебя кто-нибудь другой? — ласково спросила Хемнолини.

Девушка энергично покачала головой.

— Нет, нет! Нельзя, чтобы он услышал это от кого-нибудь постороннего. Я сама должна сказать ему о себе. И я найду в себе силы сделать это!

— Так будет лучше, — согласилась Хемнолини. — Не знаю, встретимся ли мы с тобой еще. Я пришла сообщить тебе, что мы уезжаем.

— Куда?

— В Калькутту. Не стану больше тебя задерживать. У тебя много дел по утрам. Смотри не забывай свою сестру.

— Напишите мне, — попросила Комола, схватив Хемнолини за руку.

— Конечно, напишу.

— Вы будете советовать мне, как поступать. Я знаю, ваши письма придадут мне силы.

— Об этом можешь не беспокоиться, — улыбнулась Хемнолини. — У тебя будет советчик лучше меня.

Сегодня Комола почувствовала жалость к Хемнолини. Спокойное лицо девушки было печально; глядя на нее, хотелось плакать. Но в то же время в Хемнолини было что-то неприступное, что мешало Комоле непринужденно разговаривать и расспрашивать ее. Она поведала Хемнолини свою тайну, но та вела себя очень сдержанно и ушла, исполненная безграничной печали и самоотречения, как будто вечные сумерки окутали ее душу.

Весь день Комола слышала ее голос, видела перед собой спокойные, ласковые глаза девушки. Комола ничего

не знала о жизни Хемнолини, кроме того, что ее помолвка с Нолинакхо расстроилась.

Утром Хемнолини принесла корзину цветов из своего сада. И Комола после купанья стала плести гирлянду. Пришла Кхемонкори, села с ней рядом.

— Ах, моя девочка! — тяжело вздыхала она. — Сегодня, когда Хем простилась со мной и ушла, не могу даже выразить, что творилось у меня на душе. Она все же милая девушка. Теперь я уже думаю, какое было бы счастье, стань она моей невесткой. Дело-то почти сладилось. Видно, моему сыну не суждено обзавестись семьей. Только он один знает, что заставило его изменить свое решение.

Кхемонкори не хотела сознаваться, что в конце концов она сама воспротивилась этому браку.

Услышав шаги за дверью, Кхемонкори крикнула:

— Это ты, Нолин?

Комола поспешно подобрала гирлянду и цветы в сари и накинула его конец на голову.

В комнату вошел Нолинакхо.

— Хем с отцом сегодня уезжают, ты видел их? — спросила Кхемонкори.

— Да, я только сейчас усадил их в экипаж.

— Как хочешь, дорогой, такие девушки, как Хем, редко встречаются, — сказала Кхемонкори таким тоном, словно Нолинакхо всегда ей возражал.

Молодой человек лишь улыбнулся.

— Ты еще улыбаешься! Я добилась для тебя согласия Хем, даже дала ей свое благословение. Но ты воспротивился и все разрушил. Неужели ты не раскаиваешься?

Нолинакхо бросил встревоженный взгляд на Комолу. Любящие глаза девушки были устремлены на него. Встретившись с ним взглядом, она смущенно потупилась.

— Неужели, ма, твой сын такой завидный жених, что любая помолвка, какую бы ты ни задумала, должна состояться. Ведь трудно полюбить такого неинтересного и угрюмого человека, как я.

При этих словах Нолинакхо Комола подняла голову и увидела, что его смеющийся взгляд обращен к ней. Девушка вновь подумала, что единственное для нее спасение сейчас — бегство.

— Ступай, ступай, нечего болтать, только сердишь меня! — упрекнула Кхемонкори сына.

Оставшись одна, Комола сплела большую гирлянду, положила ее в корзину, побрызгала водой и отнесла в комнату Нолинакхо.

Когда она вспомнила о том, что эти цветы прощальный подарок Хемнолини, глаза ее наполнились слезами.

Вернувшись к себе в комнату, девушка принялась раздумывать, что бы мог значить этот смеющийся взгляд Нолинакхо. Что он о ней думает? Комоле казалось, что он разгадал ее самые сокровенные мысли. Раньше, когда ей почти не приходилось видеть его, было лучше. А теперь она то и дело сталкивается с ним. Это наказание за то, что она скрывает от него правду.

«Наверное, он сейчас думает: «Откуда мать взяла эту Хоридаши? Более нескромной особы я не видел», — мучилась Комола. — Ужасно, если он хоть секунду будет думать обо мне так».

В эту ночь, ложась в постель, Комола твердо решила, что на следующий день во что бы то ни стало признается ему во всем. А там будь, что будет.

Встав на рассвете, Комола пошла купаться. Она ежедневно приносила с Ганги небольшой кувшин воды и, прежде чем приняться хлопотать по хозяйству, мыла и приводила в порядок молельню Нолинакхо. Сегодня, как всегда, она вошла в его кабинет, но застала там самого хозяина, чего раньше в такой ранний час никогда не случалось. Огорченная, что помешали ее уборке, она тихо вышла. Но, пройдя несколько шагов, вдруг остановилась и о чем-то задумалась. Затем медленно повернула назад и села на пол у дверей молельни. Она не знала, что удерживает ее здесь. Девушка не заметила, сколько времени она провела у дверей. Окружающий мир перестал для нее существовать. Неожиданно она увидела вышедшего из комнаты Нолинакхо, он остановился. В то же мгновение Комола поднялась и, упав на колени, прикинула к его ногам. Ее длинные, влажные после купанья волосы рассыпались по его стопам. Поднявшись затем с колен, девушка замерла, словно онемев. Она не заме-

тила, что конец сари упал с ее головы, не чувствовала, что Нолинакхо пристально смотрит на нее. Комолу словно озарил свет вдохновения. И голос девушки не дрогнул, когда она произнесла:

— Я — Комола.

Звук собственного голоса вывел ее из этого странного состояния, и вся ее целеустремленность мигом исчезла. Комола задрожала всем телом и опустила голову. У нее не хватало сил сдвинуться с места, хотя оставаться было еще мучительнее. Вся ее воля, все силы ушли на то, чтобы сказать: «Я — Комола». Она не знала теперь, куда спрятаться от стыда, и лишь надеялась на милосердие Нолинакхо.

Нолинакхо медленно взял ее руки в свои.

— Я знаю, ты моя Комола. Идем со мной.

Он привел ее в свою молельню и обвинил шею девушки гирляндой.

— Возблагодарим всевышнего, — воскликнул Нолинакхо.

И в тот момент, когда они оба опустились на колени и прикоснулись челом к беломраморному полу, в окно ворвались утренние лучи солнца, озарив их склоненные головы.

Поднявшись с колен, Комола снова взяла прах от ног мужа и почувствовала, что стыд уже больше не терзает ее. То не была восторженная радость — великий вечный покой освобождения в ее сознании сливался с радостным и ясным светом щедрого утреннего солнца. Безбрежная любовь переполняла ее сердце. Ее почитание было так велико, что, казалось, наполнило весь мир ароматом священных благовоний.

Комок подступил к горлу девушки, и слезы неудержимо полились по ее щекам. Комола плакала и не могла остановиться. Но сегодня то были слезы радости. Они уносили с собой тучи горя, омрачавшие ее жизнь, жизнь сироты.

Нолинакхо не сказал больше ни слова. Только с нежностью откинул упавшие на ее лоб пряди влажных волос и вышел из комнаты.

Жажда Комолы выразить свою любовь не была удовлетворена. Ей не терпелось дать выход переполнявшему

ее сердце горячему чувству. Пройдя в спальню мужа, она обвила своей цветочной гирляндой его сандалии, прижалась к ним головой и снова бережно поставила на место.

В тот день Комола хлопотала по хозяйству так, будто служила самому всевышнему. Каждое дело, которое она выполняла, несло на крыльях радости к небу.

— Что с тобой, Хоридаши? — удивлялась Кхемонкори. — Ты так старательно чистишь, скребешь и моешь дом, словно за один день хочешь превратить его в новый.

Вечером Комола не взялась, как обычно, за вышивание, а закрылась у себя в комнате. Вошедший к ней с корзиной лилий в руках Нолинакхо застал ее сидящей на полу.

— Поставь эти цветы в воду, Комола, — сказал он. — Не дай им увянуть. Сегодня вечером мы пойдем просить благословение у моей матери.

Комола опустила глаза.

— Ты ведь не знаешь всего, что со мной было...

— Ничего не рассказывай мне, я все знаю.

Комола закрыла лицо руками.

— Но мать... — начала она и умолкла, не в силах продолжать.

Нолинакхо отнял ее руки от лица.

— Ма за свою жизнь простила людям многие проступки. Она простит и ту, которая ничем не согрешила.

РАССКАЗЫ

(1893—1904)

М Р И Н М О Й И

I

Окончив колледж, Опурбо возвращался из Калькутты домой. Вот и небольшая речушка. Когда проходит сезон дождей, она обычно пересыхает, но сейчас, в конце срабона, вода в ней сильно поднялась, и река плескалась у самой деревенской ограды и зарослей бамбука.

Сегодня, впервые после длинной вереницы пасмурных дней, небо очистилось от туч и выглянуло солнце. Если бы в эту минуту мы могли заглянуть в душу сидящего в лодке Опурбокришны, то увидели бы, что там тоже, сверкая в лучах солнца и трепеща от ветерка, бурливой рекой текут молодые мечты.

Лодка причалила к деревенской пристани. Отсюда, с берега, сквозь листву деревьев виднелась старенькая крыша его родного дома. Там не знали о его приезде, поэтому на пристани никого не было. Лодочник собрался было взять чемодан Опурбо, но юноша отказался от его услуг и, сам взяв вещи, с радостной поспешностью вышел из лодки.

Берег в этом месте оказался вязким, и, едва ступив на него, Опурбо вместе с чемоданом сразу же упал в грязь. Тут неожиданно раздался мелодичный звонкий смех, он испугнул даже птиц в ветвях росших неподалеку деревьев. Смущенный Опурбо торопливо привел себя в

порядок и посмотрел по сторонам. Рядом, у лодки торговца, была свалена куча кирпичей, на ней сидела какая-то девушка: казалось, она лопнет сейчас от смеха.

Опурбо признал в ней Мринмойи, дочь их новой соседки. Раньше семья девушки жила далеко, на берегу большой реки, но после наводнения им пришлось уехать оттуда, и вот уже два или три года, как они поселились здесь, в деревне.

Много странного можно было услышать об этой девушке. Мужчины с добродушной снисходительностью называли ее взбалмошной девчонкой, женщины осуждали за неуравновешенный характер.

Она дружила только с мальчишками, презрение ее к сверстницам не имело границ. В детском царстве Мринмойи была настоящим маленьким деспотом.

То ли потому, что она была любимицей отца, то ли по другой причине Мринмойи росла очень своенравной. Мать частенько жаловалась знакомым на мужа, который баловал дочь, однако, помня, как отец любит ее, как глубоко огорчается, когда Мринмойи плачет, она и в его отсутствие старалась не доводить дочку до слез.

Мринмойи была смуглолицей, с короткими вьющимися волосами, всегда рассыпанными по плечам. Лицом она напоминала мальчика: в ее огромных черных глазах не было и тени смущения, страха или кокетства; она была высока ростом и хорошо сложена, от нее веяло силой и здоровьем, но никому и в голову не приходило поинтересоваться ее возрастом. Если бы это случилось, люди не преминули бы осудить ее родителей за то, что они так долго не выдают дочь замуж. Когда к деревенской пристани случалось пристать лодке незнакомого заминдара и всех жителей деревни охватывало смятение, а на лица женщин, стоявших на берегу, мгновенно опускались покрывала, Мринмойи с растрепанными волосами обычно спешила к берегу с чьим-нибудь голым младенцем на руках. Словно молодая лань, явившаяся из страны, где не знают опасностей, с бесстрашным любопытством рассматривала она незнакомца, чтобы потом подробно рассказать о нем своим друзьям.

Наш Опурбо, приезжая на капикулы, несколько раз видел эту упрямыцу и потом в свободное от занятий

время — и даже когда бывал занят — часто вспоминал о ней.

Мы видим великое множество лиц, но лишь немногие из них запоминаются. И не потому, что они красивы, а благодаря какому-то особому, присущему только им свойству. Это свойство, как мне кажется, — ярко выраженная индивидуальность. Очень трудно угадать характер человека с первого же взгляда. Но лицо, в котором светится сама душа, заметишь среди тысяч других, и оно мгновенно запечатлется в памяти. Безграничная женственность, точно резвая лань, мелькала в глазах Мринмойи, пронизывала весь ее облик. Раз увидев это живое личико, уже трудно было его забыть.

Разумеется, излишне говорить читателю, что смех Мринмойи, сколь мелодичен он ни был, показался Опурбо довольно неприятным. Торопливо сунув лодочнику вещи, с пылающим лицом, он быстрыми шагами направился к своему дому.

А фон, на котором разыгралась эта сцена, был так прекрасен: берег реки, осененный деревьями, щебет птиц, утреннее солнце и юность — всего двадцать лет! Правда, куча кирпича явно нарушала гармонию, однако сидевшая на ней девушка сумела придать этому жесткому, неудобному ложу какое-то своеобразное очарование. Но увы! При первой же попытке юноши вступить в этот мир вся поэзия превратилась в насмешку. Может ли судьба быть более жестокой!

II

В ушах Опурбо все еще звенел веселый смех, когда он, прячась в тени деревьев, с испачканным чемоданом и чадором в руках, добрался до своего дома.

Его овдовевшая мать безмерно обрадовалась неожиданному приезду сына. Тотчас же послали за свежим и топленым молоком, рыбой. Заметно было оживление и в соседних домах. После обеда мать завела разговор о свадьбе. Опурбо был готов к этому: сговор должен был состояться уже давно, однако юноша, верный духу времени, заявил, что не женится, пока не станет бакалавром.

Его мать слишком долго ждала этого дня, и теперь никакие отговорки не могли помочь.

— Сначала надо посмотреть невесту, а там и решать будем, — заметил Опурбо.

— Об этом можешь не беспокоиться, невеста уже есть, — ответила мать. Опурбо сразу догадался, что дело обстоит именно так, поэтому сказал:

— Нельзя ведь жениться, даже не увидев девушки.

Мать подумала о том, что ей никогда не приходилось слышать о подобных причудах, но согласилась.

Ночью Опурбо, погасив лампу, долго лежал без сна на своем одиноком ложе. Из безмолвных глубин дождливой ночи до его слуха снова донесся тот же звонкий, мелодичный смех. Ему захотелось во что бы то ни стало загладить впечатление от утреннего происшествия.

— Ведь девушка не знала, — говорил он себе, — что я, Опурбокришна, который много знает, долго жил в Калькутте; и если, случайно оступившись, я попал в грязь, то вовсе не заслуживаю насмешливого презрения, как какой-нибудь деревенский парень.

На следующий день Опурбо предстояло увидеться с невестой. Идти было совсем недалеко — дом, где жила девушка, находился в этом же квартале. Юноша оделся с особой тщательностью. Сняв дхоти и чадор, он облачился в расшитую шелком рубаху, надел тюрбан, новые лакированные туфли и с шелковым зонтиком в руках рано утром отправился в путь.

На пороге дома его будущего тестя Опурбо встретили с большой торжественностью. Наконец настал момент, когда к жениху вывели невесту — набеленную и нарумяненную перепуганную девушку с вплетенными в прическу украшениями, закутанную в легкие яркие одежды. Она забилась в уголок и сидела там молча, пригнув голову почти к самым коленям. Позади нее встала пожилая служанка, чтобы ободрить молодую госпожу. Тем временем брат невесты, подросток, весь ушел в созерцание тюрбана, цепочки часов и едва заметных усов господина, желающего стать членом их семьи. Некоторое время Опурбо теребил свои усики и наконец серьезно спросил:

— Что ты читаешь?

Однако от стыдливого вороха одежд никакого ответа не последовало. И лишь после того, как вопрос был повторен еще несколько раз, а также после многочисленных поощрительных подталкиваний в спину девушка одним дыханием выпалила:

— Вторую часть «Чарупатха», первую часть грамматики, географию, арифметику, историю Индии.

В это время снаружи раздались торопливые шаги, и через мгновение в комнате появилась запыхавшаяся Мринмойи. Не обращая ни малейшего внимания на Опурбокришну, она подошла к брату невесты и потянула его за рукав. Ракхал, всецело поглощенный в это время своей ролью наблюдателя, никак не желал подниматься. Стараясь, чтобы голос ее звучал как можно ласковее, служанка принялась шепотом бранить Мринмойи. Опурбокришна призвал на помощь всю свою важность и серьезность; его увенчанное тюрбаном чело осталось невозмутимым, а руки продолжали теребить цепочку карманных часов. Наконец, потеряв всякую надежду отвлечь своего приятеля от этой важной церемонии, Мринмойи звонко шлепнула его по спине и, сорвав с лица невесты покрывало, вихрем унеслась из комнаты. Служанка всполошилась, подняла крик, а мальчик принялся хохотать над своей сестрой, внезапно оказавшейся с открытым лицом.

За шлепок, полученный от Мринмойи, мальчик не был на нее в обиде: обмен подобного рода любезностями был у них делом обычным. Ведь нередко по его вине прическа Мринмойи оказывалась испорченной. А однажды мальчик потихоньку подкрался сзади и состриг несколько прядей волос Мринмойи. Девочка очень рассердилась, вырвала у него ножницы и сама обрезала оставшиеся локоны: крутые кольца ее волос, словно срезанные грозди винограда, тяжело упали на землю...

После ухода Мринмойи безмолвные смотрины приостановились. Сжавшаяся в комочек невеста кое-как выпрямилась и, в сопровождении служанки, удалилась на женскую половину дома.

Опурбо с чрезвычайно важным видом, покручивая свои редкие усики, встал и направился к выходу. Но, подойдя к дверям, он увидел, что его новых лакированных туфель нет на месте. Несмотря на все усилия, найти

их не удалось. Все в доме чувствовали себя очень неловко, на предполагаемую виновницу сыпались брань и упреки. Наконец после долгих и бесплодных поисков Опурбо не осталось ничего другого, как облачиться в старые, дырявые сандалии хозяина дома. В таком виде — с тюрбаном на голове, в чапкане, брюках и драных сандалиях он, осторожно пробираясь по грязной деревенской улице, направился домой. Проходя безлюдной тропинкой мимо пруда, он вдруг снова услышал громкий хохот.казалось, это любопытная лесная фея притаилась среди ветвей и теперь не могла удержаться от смеха при виде столь странных туфель.

Опурбо невольно остановился и в нерешительности стал оглядываться по сторонам. В этот момент дерзкая проказница появилась из густых зарослей и, поставив перед Опурбо его новые туфли, собралась было спастись бегством, но юноша кинулся за ней вдогонку и удержал за руки. Тщетно вырывалась Мринмойи. На ее озорное и смеющееся цветущее личико, обрамленное облаком волос, неожиданно упал ослепительно яркий луч солнца. Подобно тому, как любознательный путник, склонясь над искрящимся потоком, внимательно рассматривает его дно, так Опурбо испытующе всматривался в запрокинутое лицо Мринмойи, в ее ясные глаза. Затем пехотя разжал руки и выпустил пленницу. Если бы Опурбо в гневе побил ее, это ничуть не удивило бы Мринмойи, но он даже слова ей не сказал — девушка не могла постигнуть, в чем смысл этого странного наказания. Мелодичный смех, будто звон запястий танцовщицы-природы, наполнил воздух, и погруженный в задумчивость Опурбо медленными шагами направился к дому.

III

Весь день Опурбо под различными предлогами избегал мать и не являлся на женскую половину дома. Он даже поужинал у соседей и лишь поздно вечером вернулся домой.

Довольно трудно понять, зачем стремился Опурбо, столь искушенный в науках, рассудительный человек, открыть перед невежественной девчонкой благоденствие

своей природы и тайную гордость. Пусть она считает его самым заурядным человеком на свете, пусть насмехается над ним, а потом и вовсе позабудет о его существовании ради неуча Ракхала. Какое ему до всего этого дело? Разве так уж необходимо доводить до сведения Мринмойи, что Опурбо пишет пространные рецензии в ежемесячный журнал под названием «Светоч мира» и что в его чемодане вместе с духами, туфлями, разноцветной почтовой бумагой и «Руководством в игре на гармонiuме» притаилась, как грядущий рассвет в глубокой ночи, ожидая своего часа, густо исписанная тетрадка? Но сердце убедить трудно, и уважаемый бакалавр искусств Опурбокришна Рай ни за что не хотел признать своего поражения перед резвой деревенской девчонкой.

Когда в сумерки Опурбо явился на женскую половину дома, мать спросила его:

— Ну, как девушка, сынок? Понравилась тебе?

— Я видел нескольких, ма, — смущенно проговорил Опурбо, — и одна из них мне понравилась.

— Постой-ка, кого же еще ты там видел? — спросила мать с изумлением.

После многих недомолвок она наконец догадалась, что сыну понравилась Мринмойи, дочь соседки Шорот. Ну и вкус же у ее образованного сына!

Вначале Опурбо держался нерешительно, но, когда увидел, что мать против его выбора, робость его исчезла без следа. Он упрямо заявил, что не женится ни на ком, кроме Мринмойи. Стоит ему представить своей невестой ту, другую, неподвижную, словно кукла, как у него просыпается непреодолимое отвращение к браку вообще. Два или три дня прошло в спорах и пререканиях. Наконец после неоднократных отказов от пищи и нескольких бессонных ночей Опурбо все же одержал победу.

Мать утешала себя тем, что Мринмойи еще ребенок, и так как ее родители не в состоянии дать образование дочери, то после свадьбы Мринмойи перейдет жить в дом мужа. А тут ее можно будет быстро перевоспитать.

Постепенно ей даже удалось убедить себя в том, что Мринмойи красива. Но когда она вспоминала непослушные завитки волос невесты, сердце ее снова наполнялось отчаянием. Однако она надеялась, что если их туго стя-

нуть лентой и обильно смазать, то со временем и этот недостаток будет устранен.

Все соседи считали увлечение Опурбо несерьезным. Взбалмошная Мринмойи многим нравилась, но никто не считал бы ее подходящей невестой для своего сына.

В надлежащее время известили Ишана Моджумдара, отца Мринмойи. Он служил в одной из пароходных компаний и занимался отправкой товаров и продажей билетов в маленькой каморке на отдаленной речной пристани.

Узнав о замужестве своей Мринмойи, Ишан разрыдался. Горя или радости было больше в этих слезах — кто знает?

Ишан подал хозяину прошение об отпуске. Но сахиб считал свадьбу причиной слишком незначительной и отказал ему. Тогда Ишан отправил домой письмо, прося отложить свадьбу до праздника Пуджи, когда он сможет приехать домой. Однако мать Опурбо заявила, что в этом месяце есть как раз благоприятный день и они никак не могут медлить со свадьбой.

После вторичного отказа Ишан перестал возражать и с болью в сердце продолжал взвешивать товары и продавать билеты.

Тем временем мать Мринмойи и все пожилые женщины деревни читали девушке бесчисленные наставления о том, как она должна теперь себя вести. Они советовали ей забыть об играх, беготне, громком смехе, о болтовне с мальчишками и привычке вкусно поесть — словом, сумели представить замужество каким-то пугалом. Смущенной и испуганной Мринмойи казалось, что ее молодость заключили в тюрьму и приговорили к повешению. Упрямо склонив голову, словно норовистая маленькая пони, она твердо сказала:

— Замуж я не пойду.

IV

И все же ей пришлось выйти замуж. А затем началось воспитание. В одну ночь весь мир Мринмойи оказался заключенным в стенах онтохпура.

Свекровь приступила к перевоспитанию девушки. Сделав строгое лицо, она обратилась к ней:

— Помни, дочка, ты уже не ребенок, в нашем доме не принято себя плохо вести.

Но Мринмойи иначе поняла ее слова. Она решила, что в этом доме ей все запрещено, но на другие места этот запрет не распространяется. К вечеру ее и след простыл. Начали искать: где она, куда исчезла? Наконец предатель Ракхал извлек девушку из тайного убежища: она пряталась под хлебным деревом в развалившейся повозке Радхаканты Тхакура. Читатели и читательницы легко могут себе представить, как досталось Мринмойи от свекрови, матери и деревенских доброжелательниц.

К ночи небо покрылось тучами и начался проливной дождь.

Опурбо осторожно придвинулся к Мринмойи и ласково шепнул ей:

— Ты любишь меня, Мринмойи?

— Нет, — с жаром произнесла девушка, — никогда-никогда я не полюблю тебя!

Весь свой гнев за те упреки, которые ей пришлось выслушать, ударом грома обрушила она на голову Опурбо.

— Но почему же? Чем я виноват перед тобой? — спросил уязвленный юноша.

— Зачем ты на мне женился! — проговорила Мринмойи.

На такое обвинение трудно было дать удовлетворительный ответ. Однако Опурбо решил во что бы то ни стало покорить эту своенравную девушку.

На следующий день, заметив, что Мринмойи близка к бунту, свекровь заперла ее на ключ. Сначала девушка металась по комнате, словно пойманная птичка. Потом поняла, что бежать невозможно, в бессильном гневе сорвала с постели покрывало, изодрала его в клочки и швырнула на пол; затем сама бросилась на пол и, повторяя «отец, отец!», залилась слезами.

В это время кто-то тихо подошел к ней, сел рядом и хотел было бережно отвести со лба ее запыленные волосы. Но Мринмойи резко отвернулась, оттолкнула руки. Тогда Опурбо наклонился и шепнул ей на ухо:

— Я потихоньку открыл дверь. Давай убежим в сад за домом.

— Нет, — вся в слезах проговорила Мринмойи, тряхнув головой.

— Да посмотри хоть, кто пришел, — сказал Опурбо и, взяв ее за подбородок, попытался приподнять ей голову. Ракхал стоял у дверей и в замешательстве смотрел на сидевшую на полу Мринмойи. Не поднимая головы, девушка оттолкнула Опурбо.

— Мальчик пришел за тобой, разве ты не пойдешь с ним играть? — проговорил юноша.

— Нет, — резко ответила она.

Ракхал, чувствуя, что дольше оставаться неудобно, боком выбрался из комнаты и облегченно вздохнул. Опурбо же остался молча сидеть рядом с Мринмойи. Когда она, утомленная слезами, наконец задремала, Опурбо на цыпочках вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

На следующий день Мринмойи получила письмо от отца. Сожалея, что не смог приехать на свадьбу своей драгоценной Мринмойи, он посылал молодой чете свое благословение.

— Я поеду к отцу, — заявила Мринмойи свекрови.

Но та принялась отчитывать ее за такую странную просьбу.

— Вы только послушайте, — говорила она, — отец неизвестно где — даже адреса нет, а она: «Поеду к отцу». Странный каприз!

Девушка молча отошла от нее. Запершись в своей комнате, она без устали повторяла: «Возьми меня к себе, отец, я совсем одна, я умру, если останусь здесь!»

Так взывает к богу впавший в отчаяние человек.

Глубокой ночью, когда муж уснул, Мринмойи осторожно приоткрыла дверь и вышла из дому. По небу изредка скользили облака, но свет луны освещал дорогу достаточно ярко. Мринмойи совершенно не представляла, в каком направлении нужно идти, чтобы добраться до отца. Но она была твердо уверена, что можно разыскать любое место на земле, если держаться дороги, которой ходят скороходы-почталыоны. Поэтому Мринмойи двинулась по тропинке, ведущей к почте. Шла она долго и наконец почувствовала усталость. Ночь была на исходе.

Первые птицы встрепенулись в лесу и попробовали было робко запеть, но тут же примолкли, поняв, что еще слишком рано...

Мринмойи вышла к реке и оказалась на открытом месте, напоминавшем большую базарную площадь. Пока девушка раздумывала, куда идти дальше, послышались шаги. Это с сумкой за плечами, задыхаясь от быстрой ходьбы, спешил почтальон. Мринмойи торопливо подошла к нему и умоляющим голосом устало проговорила:

— Я иду к отцу в Кушигондж. Пожалуйста, возьми меня с собой.

— Я не знаю, где Кушигондж, — ответил почтальон.

Он растолкал заснувшего гребца, и лодка отчалила.

Тем временем базар и площадь ожили. Мринмойи спустилась к реке и обратилась к одному из лодочников:

— Не свезете ли вы меня в Кушигондж?

Но прежде чем тот успел ответить, какой-то человек с соседней лодки окликнул девушку:

— Эй, кто это? А, Мину¹, как ты сюда попала?

Задыхаясь от волнения, Мринмойи проговорила:

— Бономали, я иду к отцу в Кушигондж, отвези меня туда в своей лодке.

Бономали был гребец из их деревни. Он отлично знал эту своевольную девушку и сказал:

— Так ты собралась к отцу? Ну и хорошо. Садись, довезу.

Мринмойи села в лодку.

Гребец оттолкнулся от берега, и они отправились в путь. Неожиданно небо покрылось тучами и начался настоящий ливень. По-осеннему полноводная река волновалась, лодку стало качать, Мринмойи охватила дремота. Подстелив край сари, упрямая девушка улеглась на дно лодки и вскоре беззаботно уснула, убаюканная рекой, словно нежно любимое кроткое дитя природы.

Очнувшись от сна, Мринмойи увидела, что лежит на постели в доме мужа. Служанка заметила, что она открыла глаза, и окликнула кого-то. Явилась свекровь и начала строго отчитывать Мринмойи. Глядя на свекровь широко раскрытыми глазами, девушка молчала. Когда же

¹ М и н у — уменьшительное от Мринмойи.

та бросила ядовитое замечание насчет образования ее отца, Мринмойи выбежала в соседнюю комнату и заперлась там.

Опурбо подошел к матери и нерешительно заметил:

— Почему бы не отпустить жену на несколько дней к отцу, ма?

Мать назвала его дураком и выбрала за то, что он взял к себе в дом такого сорванца, когда в деревне есть столько хороших девушек.

V

На дворе весь день бушевала непогода. В доме тоже было по-прежнему беспокойно. Глубокой ночью Опурбо осторожно разбудил Мринмойи.

— Хочешь поехать к отцу?

— Хочу, — ответила Мринмойи и, с живостью схватив Опурбо за руку, приподнялась на постели.

— Тогда давай потихоньку сбежим, я приготовил лодку, — прошептал юноша.

С горячей признательностью взглянула Мринмойи на мужа. Затем поспешно встала и переменяла одежду. Вскоре она была уже готова. Чтобы успокоить мать, Опурбо оставил письмо, и вместе с женой они вышли из дома. Этой темной ночью на тихой и пустынной деревенской улице Мринмойи впервые доверчиво оперлась на руку мужа. Опурбо услышал радостное биение ее сердца.

Той же ночью на лодке они отправились в путь. Несмотря на радостное возбуждение, Мринмойи тотчас же уснула. А следующий день встретил ее свободой и счастьем! Сколько деревень по обоим берегам реки, площадей, нив и рощ, сколько лодок то и дело скользит мимо них. Каждая мелочь вызывала у Мринмойи сотни вопросов: «Что в этой лодке, откуда эти люди, как называется эта местность?» Ответы на подобные вопросы Опурбо не мог почерпнуть ни в одном колледже, с такими вещами ему не приходилось сталкиваться в его калькуттской практике. Друзья его устыдились бы, узнав, что Опурбо старался ответить на каждый вопрос, хотя большей частью его ответы не соответствовали истине. Он совершенно не

испытывал угрызений совести, называя кунжут льняным семенем, Панчбер — Райногором, а здание суда — конторой заминдара. И все эти ошибки ничуть не умаляли доверия к нему его великодушной слушательницы.

Вечером следующего дня они уже были в Кушигондже. В будке под железной крышей на плетеном стуле сидел Ишанчондро и при свете керосиновой лампы, склонившись над маленьким столом, где лежала толстая конторская книга, сводил счета. В это время на пороге покаказались молодые супруги.

— Отец! — воскликнула Мринмойи.

Никогда эта комната не слышала такого возгласа. Слезы блеснули в глазах Ишана и покатались по щекам. Зять и дочь казались ему принцем и принцессой. Он не знал, что делать, что говорить, как воздвигнуть среди груды тюков достойный их трон.

А потом угощение — об этом тоже следовало подумать! Бедный чиновник сам варит рис и горох, но сегодня такой праздничный день, чем угостить дорогих гостей?

— Мы будем готовить все вместе, папа, — заявила Мринмойи. Опурбо с воодушевлением откликнулся на это предложение.

В доме не хватало места, прислуги, еды, но подобно тому, как из узкой расселины родник бьет с удвоенной силой, так и на тусклом лице бедности радость сияет особенно ярко.

Так прошло три дня. В два часа обычно приходил пароход, принося с собой людей и суету. Зато к вечеру берег совершенно пустел и тогда... тогда они чувствовали себя по-настоящему свободными! Втроем они раздобывали продукты, не раз портили их, но в конце концов что-то приготавливали. Потом тесть и зять принимались за ужин, поданный заботливыми ручками Мринмойи, на которых весело звенели браслеты. Отец и муж подсмеивались над нерасторопностью молодой хозяйки, но именно их шутки являлись для Мринмойи источником шумной радости и предметом ребяческой гордости.

Наконец Опурбо заявил, что больше нельзя медлить с отъездом. Мринмойи умоляла остаться еще хоть на день, но Ишан сказал, что не следует этого делать.

В день отъезда Ишан, прижав дочь к груди, положил руку на ее голову и со слезами в голосе произнес:

— Дочь моя, своим присутствием ты, как Лакшми, должна осветить дом свекра. Веди себя так, чтобы никто не смог упрекнуть в чем-нибудь мою Мину.

Мринмойи уехала вся в слезах. А Ишан в своей тесной, ставшей еще более унылой каморке день за днем, месяц за месяцем продолжал взвешивать товары.

VI

Когда провинившаяся чета вернулась домой, мать Опурбо встретила их мрачным молчанием: она умела наказывать так, что невозможно было избежать наказания. Это немое осуждение, эта молчаливая обида невыносимой тяжестью легли на семью.

Наконец, не выдержав, Опурбо сказал однажды:

— Ма, скоро открывается колледж, мне нужно ехать изучать право.

— Как же ты собираешься поступить с женой? — холодно спросила она.

— Мринмойи останется здесь, — ответил Опурбо.

— Нет уж, господин, берите ее с собой, — заявила мать. Обычно она говорила сыну «ты».

— Хорошо, — ответил оскорбленный Опурбо.

К отъезду в Калькутту все было готово. Ночью накануне отъезда Опурбо подошел к постели, лег и увидел, что Мринмойи плачет. У него сразу же заныло сердце.

— Тебе не хочется ехать со мной в Калькутту, Мринмойи? — огорченно спросил он.

— Не хочется, — проговорила Мринмойи.

— Ты меня не любишь? — спросил юноша.

В большинстве случаев ответить на такой вопрос легко, но когда это бывает связано с очень уж сложными переживаниями, нечего ждать ответа.

— Тебе жаль расставаться с Ракхалом? — спросил Опурбо.

— Да, — простодушно ответила Мринмойи.

Ревность к мальчишке глубоко и незаметно, словно игла, вонзилась в сердце молодого бакалавра.

— Я долго не смогу приехать домой, — заговорил Опурбо, — может быть, года два, а может, и больше.

— Когда вернешься, обязательно привези для Ракхала ножик с тремя лезвиями, — потребовала Мринмойи.

Чуть приподнявшись на постели, Опурбо спросил:

— Ты у нас останешься?

— Я буду жить с мамой, — ответила она.

— Хорошо, — со вздохом проговорил Опурбо, — но имей в виду, я не вернусь, пока ты не напишешь мне. Теперь ты довольна?

Вероятно, Мринмойи сочла излишним отвечать мужу и вскоре задремала. Опурбо не спалось, и он долго сидел, облокотившись на подушку. Была глубокая ночь, когда взошла луна, и свет ее неожиданно упал на постель. Опурбо долго смотрел на Мринмойи. Она вдруг стала казаться ему принцессой, которую кто-то заморозил прикосновением волшебной серебряной палочки. И теперь только обладатель золотой палочки сможет разбудить ее спящую душу и обменяться с девушкой свадебными гирляндами. Серебряная палочка — это смех, а золотая — слезы.

На рассвете Опурбо разбудил Мринмойи.

— Мне пора, — сказал он, — пойдем, я провожу тебя к твоей матери.

Когда Мринмойи встала, Опурбо, взяв ее руки в свои, проговорил:

— У меня к тебе просьба. Я часто выручал тебя и теперь, в минуту прощанья, прошу небольшой награды.

— Чего же ты хочешь? — спросила Мринмойи.

— Поцелуй меня, тогда я буду знать, что ты меня любишь.

Услышав столь странную просьбу и видя, что Опурбо не шутит, Мринмойи залилась смехом. Потом она овладела собой, приняла серьезный вид и собралась было поцеловать мужа, но, приблизив к нему лицо, снова не выдержала и расхохоталась. Наконец после двух безуспешных попыток она, все еще смеясь, закрылась покрывалом. Опурбо в наказание дернул ее за ухо.

Трудную задачу задал себе Опурбо. Он считал ниже своего достоинства принуждать и грабить. Он, как боже-

ство, ничего не предпринимал и ждал добровольных приношений.

Мринмойи больше не смеялась. На заре Опурбо проводил девушку до ее дома, затем вернулся к матери.

— Я решил, что мне будет трудно заниматься, если я возьму жену с собой, — сказал он. — К тому же и подруг у нее там нет. Ты не хочешь оставлять ее у себя, поэтому я отвел Мринмойи к матери.

Мать и сын расстались, глубоко обиженные друг на друга.

VII

Мринмойи вернулась домой, но ничто там не радовало ее больше. Все в доме словно подменили. Время остановилось. Она не знала, чем себя занять, куда пойти, ей никого не хотелось видеть.

Мринмойи стало казаться, что во всем доме, во всей деревне никого нет. Словно среди бела дня исчезло солнце, по непонятной для нее самой причине ей вдруг очень захотелось поехать в Калькутту, а ведь еще прошлой ночью такого желания у нее и в помине не было! Жизнь в доме мужа, которая еще так недавно тяготила ее, представилась ей в совершенно ином свете. Прошрое отлетело легко и незаметно, как падает с дерева увядший осенний лист.

Говорят, существуют мастера, которые куют такие острые мечи, что человека можно разрубить пополам и он даже не почувствует, только когда дотронешься до тела, оно распадается на части. Таков и меч всевышнего: Мринмойи не заметила, когда он отсек ее детство от юности. Только теперь, испытав какую-то перемену в жизни, Мринмойи с горестным изумлением увидела, что жизнь Мринмойи-девочки осталась позади. Спальня в родительском доме казалась ей чужой: той Мринмойи, что жила здесь раньше, вдруг не стало. В памяти ее сердца жил другой дом, другая комната, о другом ложе тосковала она...

Теперь игры не шли на ум Мринмойи, никто не видел ее на улице. Не звенел больше ее смех. Ракхал стал бояться своей подруги.

— Отпусти меня в дом мужа, ма, — попросила однажды Мринмойи.

Между тем мать Опурбо все время вспоминала расстроенное лицо сына перед поездом, и ее материнское сердце ныло от тоски. Больше всего ее мучила мысль о том, что по ее вине невестка живет у своей матери.

Но вот однажды закутанная в покрывало Мринмойи явилась к ней и печально склонилась в почтительном приветствии. Свекровь со слезами на глазах поспешно подняла девушку, горячо обняла ее, и тотчас между ними состоялось полное примирение. Внимательно взглянув на невестку, мать Опурбо поразились: прежняя Мринмойи исчезла. Для заурядного человека такая перемена невозможна. Ведь нужна огромная сила воли, чтобы справиться с собой.

Свекровь надеялась со временем преодолеть недостатки в характере Мринмойи, но какой-то невидимый наставник использовал неизвестные, быстро действующие средства и словно заново создал девушку.

Теперь Мринмойи лучше понимала свекровь, и та, в свою очередь, смогла ближе узнать невестку. Все хозяйство они вели вместе и стали неразлучны, как ветка с деревом.

Спокойствием и женственностью дышал облик Мринмойи, и она начала ощущать нечто похожее на страдание. Горькая обида, от которой хотелось плакать, словно темная грозовая туча в начале ашарха, легла ей на сердце. От этой затаенной печали тень ее длинных темных ресниц, казалось, стала еще гуще.

«Я не могла понять себя, но почему ты меня не понял? Почему не наказывал меня, не заставлял слушаться? Зачем насильно не увез в Калькутту, когда я, негодная, не пожелала ехать? Зачем терпел все мои прихоти и капризы?»

Мринмойи вспомнила, как однажды ранним утром Опурбо поймал ее на пустынной тропинке у пруда и, ни слова не говоря, взглянул на нее. Она живо представила себе и пруд, и дерево у пруда, и утреннее солнце, и проникающий в сердце взгляд Опурбо. Теперь ей стал понятен смысл этого взгляда. Вспомнился ей и день отъезда

Опурбо, и поцелуй, которым она так и не наградила своего супруга. И теперь этот поцелуй преследовал ее, как преследует мираж пустыни птицу, мучимую жаждой. Ничто не могло утолить желаний Мринмойи. И Мринмойи мечтала о том, что могло бы произойти, если бы она тогда поступила иначе.

Раньше Опурбо мучился от того, что Мринмойи совсем его не понимает, теперь настала очередь Мринмойи мучиться. Обидно, горько и стыдно ей было, когда она думала о том, что муж считает ее капризной и глупой девчонкой и не видит в ней женщины, способной утолить жажду его любви со всем жаром молодого сердца. И свой долг — горячие страстные поцелуи — Мринмойи отдавала подушке Опурбо.

Прошло много времени.

Опурбо сказал, что не вернется домой, пока не получит от Мринмойи письма. Вспомнив об этом, молодая женщина однажды заперлась у себя в комнате, вынула цветную бумагу с золотым обрезом, которую дал ей муж перед отъездом, и задумалась. Затем она старательно, но криво разлиновала бумагу и, обмакнув палец в чернила, без всякого обращения, буквами самой различной величины вывела: «Почему ты мне не пишешь? Как ты живешь и приезжай домой. А что еще писать, я не знаю». Главное было написано. Но в обществе не принято говорить только о главном. Мринмойи тоже понимала это и потому после некоторого размышления прибавила еще несколько слов: «Теперь и ты мне напиши, пожалуйста, и как ты живешь, напиши и возвращайся домой, ма здорова, девочки и дети в деревне здоровы, наша черная корова вчера отелилась». На этом послание кончалось. Мринмойи сунула письмо в конверт и, поливая слезами каждую букву, с любовью вывела: «Господину Опурбокришне Раю». Как ни велика была ее любовь, она не могла сделать строчки прямыми, а буквы красивыми. О том же, что на конверте нужно писать еще что-то, кроме имени, Мринмойи не знала. Боясь, как бы письмо не попало на глаза свекрови или кому-нибудь другому, она отослала его на почту с верной служанкой.

Излишне говорить, что письмо это так и осталось без ответа.

Каникулы прошли, но Опурбо домой не приехал. Мать решила, что ее мальчик все еще сердится.

Мринмойи же была уверена, что он не приехал из-за нее, и готова была провалиться сквозь землю, вспоминая о своем письме. Оно было таким жалким, без единого умного слова. Мринмойи даже не сумела выразить в нем того, что думала. Теперь Опурбо будет считать ее еще большим ребенком и еще более невежественной. Эта мысль поразила ее словно стрелой.

— Ты снесла на почту письмо? — снова и снова спрашивала Мринмойи у служанки.

— Ну конечно, я своими руками бросила его в ящик, — уверяла ее девушка, — наверное, господин уже получил его.

Но вот однажды мать Опурбо позвала Мринмойи и сказала ей:

— Дорогая моя, Опурбо долго не был дома, и я хочу съездить к нему в Калькутту. Поедешь со мной?

Мринмойи в знак согласия кивнула головой и, убежав к себе в комнату, заперла дверь. Затем она бросилась на кровать, заключила в объятия подушку и, дав волю своей радости, звонко рассмеялась. Но мало-помалу она притихла и, вконец расстроенная, преисполненная всевозможных опасений, залилась слезами.

Ничем не известив Опурбо, раскаявшиеся женщины отправились в Калькутту молить его о снисхождении. Мать Опурбо остановилась в доме своего зятя.

Тем временем Опурбо, не дождавшись письма от Мринмойи, решил нарушить свое обещание и однажды вечером сам принялся за письмо. Однако он никак не мог подобрать нужных слов. Ему хотелось выразить и свою любовь, и в то же время обиду, но Опурбо не нашел ничего подходящего, отчего его непочтение к родному языку стало еще сильнее.

Как раз в это время он получил письмо от мужа сестры, который сообщал, что приехала мать Опурбо и просит его сегодня же прийти к ним ужинать. В конце сообщалось, что дома все в порядке. Несмотря на это

уверение, Огурбо преисполнился мрачных опасений и отправился к сестре немедленно.

Едва увидев мать, он спросил:

— Ничего не случилось, ма?

— Все благополучно, — ответила она, — просто ты давно не был дома и на каникулы не приехал. Вот я и решила сама приехать за тобой.

— Незачем было пускаться из-за этого в такое утомительное путешествие, — заметил Огурбо, — я готовился к экзаменам.

Во время обеда сестра обратилась к Огурбо:

— Послушай, дада, почему ты не привез с собой жену?

— Занятия правом... — начал было юноша с серьезным видом.

— Что за глупости! — рассмеялся муж сестры. — Ты, видно, побоялся показать ее нам!

— А ты и в самом деле страшный, — прервала его жена. — Ребенок тебя увидит, тут же пугается!

Разговор продолжался в том же шутливом тоне. Но Огурбо по-прежнему был мрачен. Шутки его раздражали. Он думал о том, что, если бы Мринмойи хотела, она легко могла бы приехать. Наверное, мать даже пыталась уговорить ее, но Мринмойи не согласилась. Огурбо мучился сомнениями, но расспрашивать мать не решался. Вся жизнь и все, что его окружало, казалось ему сплошным обманом. Когда ужин подошел к концу, поднялся сильный ветер и хлынул дождь.

— Оставайся сегодня у нас, дада, — предложила Огурбо сестра.

— Не могу, — ответил юноша, — дела.

— Какие могут быть ночью дела, — возразил муж сестры. — Отчитываться тебе не перед кем, так что можешь не беспокоиться.

После долгих препирательств Огурбо наконец согласился.

— Ты, я вижу, устал, — обратилась к нему сестра, — не задерживайся, иди спать.

Это предложение вполне соответствовало желанию Огурбо. Ему казалось, что наедине с самим собой, в тем-

ной спальне он, может быть, хоть немного забудется. Принимать участие в разговоре ему не хотелось.

Переступив порог спальни, Опурбо очутился в темноте.

— Ветром задуло огонь, — сказала сестра, — принести лампу?

— Не нужно, — ответил Опурбо, — я сплю без света.

Сестра ушла, и Опурбо осторожно двинулся к постели. Он уже собирался лечь, как вдруг услышал звон брашлетов: нежные руки заключили его в тесные объятия, и чьи-то губы, напоминавшие лепестки, неожиданно прильнули к его лицу. Бесчисленные, смешанные со слезами горячие поцелуи помешали юноше выразить свое изумление.

В первый момент Опурбо был поражен, а потом понял, что обещание, которое когда-то нарушил смех, сегодня помогли исполнить слезы.

РАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

I

Кришногопал Шоркар из Жиранкота, возложив на своего старшего сына обязанности заминдара и главы семьи, отбыл в Бенарес.

Горько сетовали бедняки всей округи по этому поводу. Второго такого доброго и справедливого господина в наше время не найдешь.

А новый заминдар Бипинбихари, сын Кришногопала, человек современный. Он образован, получил бакалавра, отпустил бороду и носит очки. Держится особняком. Поведения примерного — даже не курит, в карты не играет. Внешность у него приятная. Но характер строгий. И арендаторы скоро это почувствовали. Старый хозяин был добр к ним. А новый не прощал ни одной не выплаченной в срок пайсы. Более того, он не соглашался отсрочить уплату долга даже на день.

В делах Бипинбихари обнаружил полный беспорядок. Отец раздавал землю брахманам, а налога не взимал. Многим крестьянам он уменьшил арендную плату.

«Отец был слишком мягок, — думал Бипинбихари. — Он выполнял любую просьбу. Но я положу этому конец и не допущу, чтобы арендаторов освобождали от налога. Во-первых, — убеждал он себя, — кому нужны бездельники, которые лишь пользуются доходами от земли, а сами ничего не делают. Жалеть их — только поощрять лень и праздность. Во-вторых, все теперь стало дороже, жить труднее,

а требования к порядочным людям гораздо выше. Чтобы поддержать свое достоинство, приходится тратить раза в три-четыре больше. Нельзя разбрасывать пригоршнями деньги, так можно промотать состояние. Я постараюсь вернуть все, что было роздано отцом. Это мой долг».

И Бипин неуклонно следовал велению долга. Он стал отбирать у арендаторов все, что подарил им отец, и только нескольким арендаторам оставил дарственную отца, определив срок ее действия.

Кришногопалу одно за другим шли письма, в которых арендаторы горько жаловались на свою судьбу. Некоторые даже отправились в Бенарес, чтобы со слезами упасть к ногам своего бывшего хозяина.

Кришногопал написал сыну, что так вести дела не годится. Сын возражал. «Раньше, — писал он отцу, — когда доходы поступали из многих источников, заминдары и арендаторы шли на взаимные уступки. По новым же законам заминдару оставлено только право сбора налогов. Вместе с тем на заминдара возложены всякие почетные обязанности, и если я не буду взимать налог со всею строгостью, то как же мне жить? В нынешние времена арендатор не уплатит лишнего и помещик ничего ему не прибавит. Между нами устанавливаются совершенно определенные отношения. Мы разоримся, если будем заниматься благотворительностью, и потеряем не только состояние, но и фамильную честь».

Такие серьезные, соответствующие духу времени, перемены сначала вызвали у Кришногопала беспокойство. Но затем он решил, что современные молодые люди лучше знают, как нужно действовать по теперешним временам; и то, что было раньше, вероятно, больше не годится. «Если я начну вмешиваться, — подумал он, — сын скажет: «Управляй сам», — а мне уже это не под силу».

И старик решил провести остаток жизни в молитвах.

II

Между тем жизнь шла своим чередом. Затеяв множество судебных споров и тяжб, Бипинбихари выиграл почти все дела.

Арендаторы были запуганы и подчинились. Упрямылся один лишь Озимуддин Бишшаш, сын Мирзы Биби.

И на него обрушил весь свой гнев Бипинбихари. Если бы отец освободил от налога какого-нибудь брахмана, это Бипинбихари еще мог бы понять, но с какой стати мусульманин бесплатно пользуется землей?

Этот простой парень, сын вдовы, едва научился грамоте на средства деревенской общины и уже возомнил себя таким счастливицом, что не желает ни с кем считаться.

Семья Бишшаша издавна пользовалась расположением старого хозяина. Это Бипину сказали его старшие служащие. Но почему так случилось, они не знали.

Видно, одинокая вдова сумела разжалобить Кришно-гопала. Но Бипину такие привилегии представлялись совершенно неуместными. Тем более что Бипин понятия не имел о том, как они жили прежде. Он видел лишь, что достаток этой семьи день ото дня растет, видел и их непонятную гордость. Ему казалось, что семья Бишшаша бессовестно обманула его добросердечного отца и украла у него часть состояния.

Озимуддин был твердым юношей.

— Я лучше умру, — заявил он, — чем хоть на йоту отступлюсь от своих прав.

Между ним и Бипином завязалась ожесточенная борьба. Мать уговаривала Озимуддина не ссориться с заминдаром.

— Ведь это благодаря ему мы столько времени жили, горя не зная. Надо смириться, — говорила она, — уступи ему хоть в чем-нибудь.

— Ма, ты ничего не понимаешь, — возражал сын.

Он проигрывал тяжбу за тяжбой, но это лишь увеличивало его упорство. Чего только не делал Озимуддин, чтобы спасти свое имущество!

А его мать, Мирза Биби, захватив немного овощей в подарок, однажды тайком побывала у Бипина-бабу.

Старуха словно ласкала Бипина своим жалобным, полным материнской любви, взглядом.

— Ты наш отец, Бипин-бабу, да благословит тебя аллах. Не губи Озима. Зачем это тебе? Я вручаю тебе судьбу своего сына. Пожалей его, как младшего брата, неразумного, помоги ему. И не обижайся, что ему досталось немножко от твоего огромного богатства.

Появление старой женщины, которая так смело разговаривала с ним, очень рассердило Бипина.

— Ты женщина и ничего не понимаешь, — ответил Бипин, — лучше пришли ко мне Озимуддина.

От совершенно чужого ей человека Мирза Биби услышала то же, что и от сына: «Ты ничего не понимаешь». Утирая слезы и твердя про себя имя аллаха, женщина вернулась домой.

III

Дело перешло из уголовного суда в гражданский, из гражданского в окружной, а оттуда — в верховный. Полтора года длилась тяжба. Наконец, когда Озимуддин по уши увяз в долгах, апелляционный суд решил дело частично в его пользу.

Но едва юноша отбился от тигра — заминдара, на него напали крокодилы — кредиторы. Почуввав подходящий момент, ростовщики предъявили векселя.

Для распродажи имущества Озимуддина был назначен аукцион, который должен был состояться в понедельник, в базарный день.

Базар расположился на берегу небольшой реки. Был период дождей, и река широко разлилась. Торговля шла везде — на берегу и на лодках. Шум стоял невообразимый. Особенно много привезли плодов хлебного дерева и рыбы.

День выдался отличный, но торговцы на случай дождя устроили навесы на бамбуковых шестах.

Пришел на базар и Озимуддин, хотя у него не было ни пайсы в кармане. Зная, что в долг ему сегодня никто ничего не даст, он принес с собой топор и медное блюдо, чтобы оставить их в залог и добыть хоть немного денег.

Наступил вечер. Бипин-бабу в сопровождении стражников, вооруженных палками, отправился погулять, его привлек шум толпы. Остановившись у входа на базар, Бипин завел разговор с караульным.

В этот момент его увидел Озимуддин. Подняв топор, он зарычал, как тигр, и ринулся на врага. Но его тут же схватили и передали в полицию. А торговля шла своим чередом.

Нельзя сказать, чтобы Бипин-бабу не был рад этому происшествию. Подумать только! Преследуемый замахнулся на преследователя. Подобное нарушение норм морали и правил хорошего тона требует сурового наказания. Теперь негодяй получит по заслугам.

Возмущению женщин в доме Бипина не было границ.

— Вы послушайте только, как ведет себя этот незаконнорожденный наглец! — говорили они. Их успокаивало лишь то, что Озимуддина теперь как следует накажут.

А в осиротевшей хижине вдовы стояла крошечная тьма. Есть было нечего. Арест сына заслонил от несчастной женщины все остальные события в мире. Другие давно забыли об этом — кто обедал, кто лег спать или просто отдыхал. И в целом свете некому было защитить ее сына.

Осунувшаяся от горя женщина одиноко сидела в темной хижине. В глубоком отчаянии билось ее испуганное сердце.

IV

Прошло несколько дней. Наконец помощник судьи назначил судебное разбирательство. Бипин должен был выступить в качестве свидетеля. Раньше заминдарам никогда не приходилось стоять на свидетельских подмостках. Но Бипин согласился дать показания.

Наступил день суда. Бипин прибыл в паланкине. На нем был тюрбан и часы с длинной цепочкой.

Зал ломился от народа: давно уже не было такого громкого процесса.

Перед началом судебного заседания к Бипину подошел стражник и что-то шепнул ему на ухо. Бипин встревожился, пробормотал: «Сейчас вернусь», — и вышел.

Под баньяновым деревом стоял его старик отец, босой, полунагой. В руках он держал четки с именем Вишну. Казалось, его высохшее тело излучает сияние. Лицо светилось спокойной добротой.

Бипин, затянутый в тесную куртку и узкие брюки, с трудом ему поклонился. Тюрбан съехал ему на нос, часы вылезли из кармана. Он поспешно привел себя в

порядок и попросил отца войти в комнату для адвокатов. Кришногопал отказался:

— Я исполню свой долг здесь.

Слуги Бипина оттеснили любопытных.

— Ты должен освободить Озимуддина и вернуть ему все, что было отнято, — сказал Кришногопал.

Пораженный Бипин спросил:

— И для этого вы приехали из Бенареса? Почему вы так беспокоитесь о них?

— Сынок, какая будет польза, если ты об этом узнаешь?

Бипин не признавал себя побежденным.

— Отец, у скольких людей, в том числе и брахманов, я отобрал все, что вы им дали, и вы не вмешивались. Почему же вы теперь так встревожились? Дело зашло очень далеко. Что скажут люди, если Озимуддина освободят и он получит все обратно?

Кришногопал помолчал некоторое время, потом, быстро перебирая дрожащими пальцами четки, нетвердым голосом сказал:

— Если нужно, я все открою людям. Озимуддин твой брат и мой сын.

— Мусульманин?! — вскричал пораженный Бипин.

— Да, сынок.

Бипин долго не мог прийти в себя.

— Потом поговорим. А пока зайдите, пожалуйста, в дом, — сказал он наконец.

— Нет, — ответил Кришногопал, — я сейчас же уеду обратно. Надеюсь, ты выполнишь свой долг.

Он благословил сына и, дрожа всем телом, едва сдерживая слезы, ушел.

Бипин не знал, что делать, о чем говорить с судьей, и стоял в раздумье. «Вот они, праведники, — думал он. — Все это результат несоблюдения основных принципов». И заминдар подумал, что ни образованием, ни характером отец не может сравниться с ним.

Бипин вернулся в зал суда и увидел изможденного, с сухими, бледными губами и горящими глазами Озима. Он был в грязных лохмотьях и стоял под охраной двух стражников с ружьями. И это его брат!

Бипин дружил с помощником судьи. Процесс был прекращен. Озиму вернули все его имущество. Все были изумлены таким оборотом дела. Не знал причины этого и Озим.

Весть о появлении в деревне Кришногопала быстро распространилась. Сплетни передавались из уст в уста.

Проницательные адвокаты разобрались в этом деле. Особенно им заинтересовался адвокат Рамтарон. Он учился на средства Кришногопала, и его не раз одолевали сомнения. «Итак, если как следует покопаться, — думал он, — можно найти причину добродетели каждого святого. Пусть перебирают четки сколько угодно, но они ничем не отличаются от меня. Разница лишь в том, что святые прикидываются, а простые смертные более искренни».

Итак, всем известная добродетель Кришногопала насквозь фальшива. Придя к такому выводу, Рамтарон подумал, что решил наконец трудную задачу.

Не знаю, в силу каких умозаключений, но это значительно облегчило бремя благодарности, тяготившее Рамтарона. Он успокоился.

СВЕТ И ТЕНИ

I

Вчера весь день шел дождь. Сегодня дождь перестал, и кажется, будто солнце и разорванные облака попеременно водят длинной кистью по полям почти зрелого раннего риса. От прикосновения света широкое зеленое полотно вспыхивает яркой белизною, но уже в следующее мгновение все покрывается густой тенью.

На небесной сцене всего два актера — облако и солнце, каждый из них исполняет свою роль, но не счесть, в скольких местах и сколько пьес разыгрывается одновременно на сцене земли.

Там, где над небольшой пьеской из жизни мы подняли занавес, у края деревенской дороги стоит дом, окруженный ветхой оградой. Только в одной из его комнат, той, что выходит на улицу, стены кирпичные. В остальных — стены глиняные. С улицы сквозь оконную решетку видно, что на кушетке сидит полуобнаженный юноша, он погружен в чтение книги, которую держит в правой руке, в левой у него пальмовый лист: время от времени он обмахивается им, спасаясь от зноя и мошкары.

Перед окнами прохаживается девочка в полосатом сари, она ест сливы, которые одну за другой вынимает из поднятого края сари. По выражению ее лица видно, что она хорошо знакома с юношей, который сидит на ку-

шетке с книгой; ей хочется любым способом привлечь его внимание и своим молчаливым пренебрежением дать ему почувствовать, что сегодня она всецело занята сливами и не замечает его.

Но, к несчастью, прилежный молодой человек близорук, и молчаливое пренебрежение девочки не оказывает на него никакого действия. Девочка, вероятно, знает об этом, потому через некоторое время перестает ходить взад-вперед и начинает пригоршнями бросать сливы в окно. Когда имеешь дело со слепым, трудно сохранить чувство собственного достоинства!

Вот несколько слив будто случайно стукнулись о деревянную дверь, молодой человек поднял голову. Хитрая девочка догадалась об этом и с удвоенным вниманием принялась выбирать спелые сливы. Молодой человек прищурился и, присмотревшись, узнал девочку; он отложил книгу, подошел к окну и, улыбаясь, позвал:

— Гирибала!

Но Гирибала сосредоточенно перебирала сливы и, поглощенная этим занятием, стала медленно удаляться от дома.

Близорукому юноше нетрудно было понять, что это наказание за какое-то неумышленно совершенное им преступление. Он выбежал на улицу:

— Эй, Гирибала, что ж, сегодня мне слив не будет?

Не обращая на него внимания, Гирибала взяла сливу, внимательно ее обследовала и с невозмутимым видом отправила в рот.

Эти сливы были из сада Гирибалы и являлись ежедневной данью юноше. Кто знает, может быть, сегодня Гирибала забыла об этом, во всяком случае, ее поведение ясно говорило о том, что сегодня угощать юношу она не собирается. Но зачем же тогда она ест сливы под чужим окном? Молодой человек подошел к девочке и взял ее за руку. Изогнувшись, Гирибала попыталась высвободить руку, но тут у нее из глаз брызнули слезы, и, бросив сливы на землю, она вырвалась и убежала.

К вечеру игра солнца и облаков прекратилась, белые пушистые тучки собрались на краю неба, и лучи заходящего солнца заблестели на листьях деревьев, на поверхности пруда, на каждой частице умытой дождями приро-

ды. И снова перед решетчатыми окнами ходит та же девочка, а в комнате сидит все тот же молодой человек. Однако теперь у девочки в сари нет слив, а в руке у юноши нет книги. Впрочем, произошли и некоторые другие, более значительные изменения.

Трудно сказать, с какой целью разгуливает девочка на этот раз. Но, кажется, ей вовсе не хочется завязать разговор с юношей, сидящим в комнате. Скорее она пришла посмотреть, не пустили ли ростки сливы, брошенные ею утром.

Ростки не появились главным образом потому, что теперь сливы лежали на кушетке перед юношей, и, когда девочка, время от времени наклоняясь, разыскивала какие-то невидимые, воображаемые предметы, юноша, смеясь про себя, с серьезным видом выбирал сливы одну за другой и усердно их уничтожал. Но вот несколько косточек, как будто случайно, упали около девочки и даже ударили ее по ногам. Гирибала поняла, что юноша мстит ей за ее пренебрежение. Но разве это хорошо! Разве не жестокость — создавать препятствия на ее таком трудном пути, в то время как она, подавив всю гордость своего маленького сердца, искала предлога, чтобы помириться. Пришла, чтобы уступить ему! Кровь прилила к щекам девочки, она стала думать, под каким бы предлогом убежать, но в это время юноша вышел из дому и взял ее за руку.

Так же, как утром, девочка попыталась вырвать руку, но теперь она не плакала. Наоборот, покраснев и спрятав голову за спину своего притеснителя, она вдруг громко рассмеялась, а потом, словно подчинившись его силе, вошла в дом, будто пленница в темницу.

Как на небе обычна игра солнца и облаков — так естественна и непостоянна игра этих двух существ на земле. Но так же, как игра солнца и облаков необычна, пожалуй, это даже не игра, а подобие игры, так и коротенькая история этих двух неизвестных людей в праздный осенний день не похожа на сотни происшествий, случающихся в человеческом обществе, хотя кажется точно такой же. Тот древний великий невидимый бог, который с невозмутимым ликом сплетает с вечностью вечность, в те памя-

ные утро и вечер заронил в смех и слезы девочки семена счастья и горя на всю жизнь. Тем не менее эта беспричинная обида казалась совершенно непонятной не только зрителям, но и главному герою пьесы — вышеупомянутому юноше. Нелегко было понять, почему девочка то сердится, то проявляет бесконечную нежность, то увеличивает ежедневные приношения, то вообще прекращает их. Сегодня она пускает в ход все свое воображение, ум и способности, стараясь доставить юноше удовольствие, а завтра призывает на помощь всю свою силу и твердость, чтобы уязвить его. Если девочка не в силах причинить ему неприятность, настойчивость ее увеличивается вдвое, когда же ей это удастся, твердость ее разбивается на сотни кусочков, растворяется в слезах, превращаясь в поток бесконечной нежности.

Первая незначительная история этой маленькой игры солнца и облака коротко излагается в следующей главе.

II

Все жители деревни разделены на враждебные группы. Они ведут интриги друг против друга и выращивают сахарный тростник, пишут ложные доносы и торгуют джутом. Своими чувствами и литературой занимаются только Шошибхушон и Гирибала.

Их дружба ни у кого не вызывает удивления или любопытства, потому что Гирибале всего десять лет, а Шошибхушон недавно получил звание магистра искусств и бакалавра прав. Они соседи.

Отец Гирибалы, Хоркумар, когда-то арендовал землю в родной деревне, но потом впал в нужду, распродал все, что у него было, и поступил служить наибом к своему заминдару, который сам никогда в деревне не жил. Деревня Хоркумара входила в округ, где он собирал арендную плату, так что переселиться ему не пришлось.

Получив звание магистра искусств, Шошибхушон выдержал экзамен и по юриспруденции, но никаким делом не занялся. Он ни с кем особенно не сближался, а если встречался с людьми или бывал на собраниях, то не произносил и двух слов. Из-за близорукости он никого не узна-

вал и вечно шурился, а люди считают это признаком высокомерия.

Если человек живет одиноко, погруженный в собственные мысли, в таком людском море, как Калькутта, это придает ему особую значительность, но в деревне подобное поведение расценивается совсем иначе.

Когда все усилия заставить Шошибхушона работать ни к чему не привели, отец привез его в деревню и поручил ему следить за хозяйством. Шошибхушону пришлось выслушать немало насмешек и упреков от деревенских жителей. И этому была своя причина: Шошибхушон любил покой, тишину и потому не хотел жениться, а обремененные дочерьми родители видели в его нежелании нестерпимый эгоизм, который никак не могли ему простить.

Однако, чем сильнее надоедали Шошибхушону, тем большим домоседом он становился. Обычно он сидел на кушетке в одной из угловых комнат, а вокруг него были разбросаны английские книги, которые он читал, когда вздумается. В этом, собственно, и заключалась его работа. А хозяйство, думал он, и без него как-нибудь обойдется.

Как мы уже говорили, единственным человеком, с которым юноша поддерживал отношения, была Гирибала.

Братья Гирибалы учились в школе и часто, вернувшись домой, спрашивали свою глупую сестренку о том, какой формы земля или что больше: земля или солнце. Когда же она давала неверные ответы, они с презрением поправляли ее. Очевидность противоречит тому, что солнце больше земли, но стоило Гирибале высказать свои соображения на этот счет, как братья с еще большим презрением заявляли:

— Какая умная! Так в книге написано, а ты...

Услышав, что так написано в книге, пораженная Гирибала умолкала, — больше ей не требовалось никаких доказательств.

Ей очень хотелось самой научиться читать. Иногда она садилась в своей комнате, брала книгу, раскрывала ее, начинала бормотать, делая вид, что читает, и быстро листала страницы.

Маленькие непонятные черные буквы стояли рядами, как стража у ворот в таинственный мир, подняв над головой значки для «и», «ой» и «р» и не отвечали ни на один вопрос Гирибалы. «Котхамала» не говорила изнывающей от любопытства девочке ни слова из своих сказок о тигре и шакале, осле и лошади, а «Акхенмончжори» со своими историями смотрела на нее так, словно дала обет молчания.

Гирибала попросила братьев поучить ее читать, но они и слышать об этом не хотели. А Шошибхушон помог ей.

Вначале Шошибхушон был для Гирибалы таким же непонятным и таинственным, как «Котхамала» и «Акхенмончжори». В маленькой комнате с железными решетками на окнах, окруженный книгами, сидел юноша. Гирибала стояла на улице и, ухватившись за решетку, с изумлением смотрела на этого необыкновенного, погруженного в чтение человека; судя по количеству книг, которые лежали возле юноши, он был намного учнее ее братьев. А это казалось совершенно непостижимым. Гирибала несколько не сомневалась в том, что Шошибхушон с начала до конца прочел «Котхамалу» и другие самые важные на свете книги. Шошибхушон переворачивал страницу за страницей, а Гирибала стояла неподвижно, тщетно стараясь определить границы его знаний.

В конце концов близорукий Шошибхушон обратил внимание на девочку. Однажды он раскрыл книгу в ярком переплете и сказал ей:

— Гирибала, иди, я покажу тебе картинки!

Гирибала тотчас убежала.

Но на следующий день она снова надела полосатое сари, пришла к окну и с тем же молчаливым вниманием стала наблюдать за юношей. Шошибхушон опять позвал ее, и опять она, тряхнув косичками, убежала.

Так завязалось их знакомство, но необходимо специальное историческое исследование, чтобы рассказать, как это знакомство перешло в дружбу, когда девочка наконец оторвалась от решетки, вошла в комнату Шошибхушона и заняла место на его кушетке среди груды книг.

Шошибхушон учил Гирибалу не только читать, но и писать. Все, однако, стали бы смеяться, если бы узнали, что, кроме этого, он переводил своей маленькой ученице произведения великих поэтов и спрашивал ее мнение о них. Понимала ли что-нибудь девочка — известно одному всевышнему, но, без сомнения, ей это нравилось. Смешивая понятное с непонятым, ее детское воображение создавало прекрасные картины. Молча, широко раскрыв глаза, она внимательно слушала юношу, время от времени задавала совершенно неуместные вопросы или делала свои замечания. Шошибхушон никогда не мешал этому, ему доставляло большое удовольствие выслушивать мнение маленького критика о великих произведениях. Во всей деревне эта девочка была единственным человеком, который понимал его.

Когда Гирибала познакомилась с Шошибхушоном, ей было восемь лет, теперь ей уже десять. За два года она выучила английскую и бенгальскую азбуки и прочла несколько начальных книжек. Что же касается Шошибхушона, то эти два года жизни в деревне он не мог пожаловаться на одиночество.

III

Отношения между отцом Гирибалы, Хоркумаром, и Шошибхушоном складывались неблагоприятно. Сначала Хоркумар приходил к Шошибхушону — этому магистру и бакалавру — советоваться по поводу различных тяжб и судебных процессов, но бакалавр не заинтересовался ими и не постеснялся признаться управляющему в своем невежестве по части юриспруденции. Тот решил, что это только отговорка. Так прошло около двух лет.

И вот однажды появилась необходимость усмирить одного непокорного арендатора. Наиб стал приставать к Шошибхушону с вопросами относительно жалобы, которую он собирался подать на арендатора за различные проступки, совершенные им в разных местах. Шошибхушон не только не дал ему никакого совета, но спокойно и решительно сказал Хоркумару несколько таких слов, которые никак не могли показаться тому лестными!

Хоркумар не выиграл ни одной тяжбы, затеянной против арендатора. Он был твердо уверен, что Шошибхушон помогал его противнику. И наиб дал себе слово выжить юношу из деревни.

По полю Шошибхушона стали бродить коровы, кто-то поджигал его бобы, с ним начали спорить о границах его участка, арендаторы стали задерживать арендную плату и даже собирались подать на него ложный донос; дело дошло до того, что пошли слухи, будто Шошибхушона избьют, если он выйдет как-нибудь вечером на улицу, а ночью подожгут его дом.

В конце концов миролюбивый, спокойный Шошибхушон решил перебраться в Калькутту.

Он уже совсем было собрался ехать, когда в деревню прибыл окружной судья. Его посыльные, слуги, полицейские, собаки, лошади, конюхи взбудоражили всю деревню.

Дети, как стая шакалов, следующая за тигром, с любопытством и страхом толпились возле дома, в котором остановился судья.

Господин наиб, запоминая, как обычно, расходы, связанные с оказанием гостеприимства, снабжал судью курами, яйцами, маслом, молоком. Господин наиб старательно поставлял окружному судье пищу в размерах, значительно превышающих потребности, но когда однажды утром пришел подметальщик судьи и потребовал для собаки сахиба четыре сера масла, Хоркумар не выдержал. «Если собака сахиба и может без угрызений совести переварить масла намного больше, чем местные собаки, все же такое количество нежного продукта вредно для ее здоровья», — сказал он подметальщику и не дал масла.

Подметальщик пожаловался своему господину, сказал, что он пошел к наibu узнать, где можно достать для собаки мяса, но наиб на глазах у всех прогнал его прочь за то, что он низшей касты, и пренебрежительно отозвался о самом сахибе.

Кастовая гордость брахманов, естественно, невыносима для сахибов, а тут еще наиб осмелился оскорбить его подметальщика, этого судья уж никак не мог стерпеть и тотчас отдал приказ: «Позвать управляющего!»

Весь дрожа, повторяя про себя имя Дурги, Хоркумар явился к дому сахиба. Вышел судья.

— Почему ты прогнал моего подметальщика? — громко спросил он по-бенгальски с английским акцентом.

Хоркумар, сложив руки, торопливо сообщил сахибу, что он никогда не мог бы позволить себе такой наглости; правда, вначале, заботясь о благе четвероногого, он вежливо отказался дать масла для собаки, но потом послал людей собрать те четыре сера, которые просил подметальщик.

Сахиб спросил, кого и куда он послал. Хоркумар немедленно назвал первые пришедшие ему в голову имена. Сахиб приказал своим людям выяснить, правда ли это, а наиба задержал у себя. После полудня посланные вернулись и сообщили, что никто никуда не ходил. У судьи не оставалось никакого сомнения в том, что все слова наиба ложь и что подметальщик сказал правду.

— А ну-ка возьми его за ухо да заставь обежать вокруг дома! — гневно крикнул судья подметальщику.

Тот, не теряя времени, на глазах у любопытных, столпившихся возле дома, выполнил приказ сахиба.

Весть о случившемся немедленно разнеслась по всей деревне. Придя домой, оскорбленный Хоркумар не мог даже есть и как мертвый повалился на постель.

Из-за его должности у него было много врагов, и это происшествие доставило им большую радость. Но когда обо всем узнал Шошибхушон, собравшийся в то время ехать в Калькутту, он пришел в негодование. Всю ночь юноша не мог заснуть.

На следующее утро он явился к Хоркумару. Тот схватил Шошибхушона за руку и в волнении заплакал.

— Судью нужно привлечь к ответственности за оскорбление. Я буду твоим защитником.

Услыхав, что нужно подать в суд на самого сахиба судью, наиб испугался. Но Шошибхушон не отступал.

Хоркумар попросил дать ему время на размышление. Но когда он узнал, что слух о его унижении распространился уже повсюду и что враги его ликуют, он решился и пришел за помощью к Шошибхушону.

— Бабу, я слышал, ты собираешься ехать в Калькутту. Не делай этого. Когда в деревне есть такой человек, как ты, мы чувствуем себя гораздо смелее. Во всяком случае, ты должен помочь мне смыть это оскорбление.

IV

И вот, тот самый Шошибхушон, который вечно прятался от людей, сегодня сам явился в суд. Выслушав Шошибхушона, судья позвал его в свою комнату и очень почтительно предложил:

— Шоши-бабу, не лучше ли потихоньку уладить это дело?

Прищурившись, Шошибхушон внимательно посмотрел своими близорукими глазами на переплет лежавшего на столе Свода законов.

— Я не могу дать такой совет моему клиенту. Он был оскорблен публично. Как же это можно «уладить потихоньку»?

После недолгого разговора сахиб понял, что этого молчаливого и близорукого человека нелегко переубедить.

— Олл райт¹, бабу, посмотрим, что из этого выйдет!

Назначив день судебного разбирательства, судья вышел из комнаты.

Между тем окружной судья написал заминдару:

«Твой наиб оскорбил моего слугу и тем самым проявил непочтение ко мне. Надеюсь, ты примешь соответствующие меры».

Заминдар потребовал Хоркумара к себе, и тот рассказал ему все, что произошло. Заминдар страшно разгневался.

— Почему ты немедленно, без разговоров не дал подметальщику четыре сера масла? Ты что, разорился бы от этого?

Хоркумар не мог не согласиться, что это не нанесло бы его состоянию никакого ущерба, и, признав свою вину, добавил:

¹ Хорошо (англ.).

— Видно, звезды мне не благоприятствовали, поэтому я и совершил такую глупость.

— А кто тебе посоветовал подать жалобу на сахиба?

— Ваша милость! Я не хотел жаловаться. Это Шоши из нашей деревни. У него нет никакой судебной практики, и мальчишка сам, без моего согласия, затеял этот скандал.

Заминдар очень рассердился на Шошибхушона: этот новоиспеченный адвокат-бездельник готов на любую авантюру, только бы добиться известности! И заминдар приказал наibu немедленно умиловать и местного и окружного судью и прекратить тяжбу.

Взяв с собой в качестве подарка фрукты, Хоркумар явился к окружному судье и заявил ему, что подавать на сахиба жалобу совершенно не в его характере. Это безусый молокосос-адвокат из их деревни по имени Шошибхушон, не сказав ему ни слова, позволил себе такую наглую выходку. Сахиб был возмущен поведением Шошибхушона и вполне удовлетворен извинениями наиба. Он сказал, что учинил ему наказание под влиянием гнева и теперь сожалеет об этом. Сахиб недавно с отличием выдержал экзамен по бенгальскому языку и теперь разговаривал с простыми людьми высоким стилем.

Наиб ответил, что он совсем не обижен, — ведь бывает же, что родители, рассердившись, наказывают детей, но потом снова обнимают и ласкают их!

Оделив подарками слуг окружного судьи, Хоркумар отправился к местному судье. Узнав о наглости Шошибхушона, судья сказал:

— Я тоже был удивлен. Я всегда знал наиба-бабу как умного человека, и вдруг мне сообщают, что он не согласен уладить это дело и затевает тяжбу. Я ушам своим не поверил! Но теперь мне все понятно.

Под конец судья спросил наиба, не является ли Шоши членом Конгресса. Хоркумар, не моргнув глазом, ответил: «Да».

Сахибу, у которого был весьма своеобразный склад ума, стало ясно, что все это — дело рук Конгресса. Агенты Конгресса только и ищут случая как-нибудь спрово-

цировать скандал, а потом напечатать об этом в «Амрита базар» и начать перебранку с правительством. Он считал индийское правительство очень слабым и в душе осуждал его за то, что оно не дало в его руки власти, достаточной для того, чтобы одним ударом расправиться со всеми заговорщиками. А имя конгрессиста Шошибхушона судья запомнил.

V

Когда в мире происходят большие события, то и маленькие дела, словно жаждущие влаги растения, протягивают корешки, не упуская случая заявить о своих правах.

Пока Шошибхушон был занят делом Хоркумара, извлекал из пухлых томов законы, мысленно репетировал свою речь, вызывал свидетелей на перекрестный допрос, а потом, дрожа от волнения и обливаясь потом, представлял себя на открытом судебном процессе перед лицом огромной толпы зрителей и заранее наслаждался своим полным триумфом в сражении, — его маленькая ученица каждый день приходила в определенное время к дверям его дома, держа в руке истрепанный учебник, исписанную чернилами тетрадку и захватив с собой то фрукты, то цветы из своего сада, то сладости из кокосового ореха или маринад из кладовки матери, то ароматные, особо приготовленные специи.

В первые дни Шошибхушон рассеянно перелистывал страницы большой, мрачной книги без картинок, и Гирибале было совершенно ясно, что он читает ее без всякого интереса. Прежде, что бы он ни читал, он все старался объяснить Гирибале. Почему же теперь в этой толстой черной книге нет ни одного слова для нее! Неужели потому лишь, что эта книга такая большая, а она, Гирибала, совсем маленькая!

Сначала, чтобы привлечь внимание учителя, Гирибала пела, писала и во весь голос читала написанное, раскачиваясь при этом из стороны в сторону, — никакого

результата. Она очень сердилась в душе на толстую черную книгу. Эта книга представлялась ей безобразным, злым, безжалостным существом. Каждая непонятная страница в ней казалась Гирибале лицом дурного человека, который смотрел на нее с немим презрением за то, что она маленькая. Если бы какой-нибудь вор украл эту книгу, она утащила бы из кладовой матери все сладости, чтобы наградить его. С какими только молитвами не обращалась она ко всевышнему, чтобы он уничтожил эту книгу. Но боги не слышали ее, и я не вижу никакой необходимости приводить здесь эти молитвы.

Тогда огорченная девочка решила несколько дней не ходить к учителю. Но однажды, чтобы выяснить, как это подействовало на Шошибхушона, Гирибала под каким-то предлогом прошла мимо его дома и украдкой заглянула в окно: Шошибхушон стоял посреди комнаты и, размахивая руками, обращался к железным прутьям решетки с речью на иностранном языке. Вероятно, он хотел испробовать на этом железе, удастся ли ему растопить сердце судьи. Знавший жизнь только по книгам, Шошибхушон думал, что если в прежние времена Демосфен, Цицерон, Барк, Шеридан и другие ораторы совершали чудеса своими речами, стрелами своих слов поражали несправедливость, обличали насилие, ниспровергали гордыню, то и в наш век, век торгашей, в этом нет ничего невозможного. Стоя в своем маленьком ветхом домишке в небольшой деревеньке, он представлял себе, как перед лицом всего мира пристыдит этого опьяненного властью высокомерного англичанина и заставит его раскаяться. Смеялись ли боги в небесах, слушая его, или слезы лились из их божественных глаз — никто не знает.

Поэтому он так и не заметил Гирибалу в тот день, слив у девочки тоже не было, — она разочаровалась в их действии. Теперь, если Шошибхушон с самым безобидным видом спрашивал: «Гири, сегодня слив не будет?» — ей казалось, что он смеется над ней, и девочка, коротко ответив: «Уходи», — убегала. Итак, поскольку у нее не было слив, ей пришлось прибегнуть к хитрости. Внезапно она устремила взгляд вдаль и громко закричала:

— Шорно, подожди, я сейчас приду!

Читатель может подумать, что эта фраза относилась к какой-нибудь подруге, которая шла поодаль, но читательницы легко догадаются, что там никого не было, а тот, кому предназначались эти слова, находился рядом. Но, увы, слепой человек не понял этой хитрости. Шошибхушон не то чтобы не слышал слов девочки, он просто не понял их смысла. Он думал, что девочка собирается поиграть с подругой, и не хотел ее отвлекать, потому что в тот день он искал острые стрелы для некоторых сердец. Но как стрелы, пущенные маленькой рукой девочки, не попали по назначению, так не достигли цели и стрелы ученого человека,— читатели уже знают об этом.

У слив есть преимущество: если бросить подряд пять штук, одна непременно попадет в цель. Но сколь воображаемой ни была бы Шорно, оставаться на месте уже невозможно, когда крикнешь: «Я сейчас приду». Иначе, естественно, возникнут подозрения относительно существования Шорно. Поэтому Гирибале пришлось немедленно уйти. Но тем не менее по ее походке нельзя было заметить той радости, которая появляется при искреннем желании встретиться с подругой. Гирибала как будто старалась, не оглядываясь назад, почувствовать, идет кто-нибудь за ней или нет. Когда же поняла, что сзади никого нет, она, все еще надеясь на что-то, обернулась и, ничего не увидев, в отчаянии и досаде разорвала на мелкие кусочки и выбросила на дорогу растрепанный учебник, а вместе с ним и последнюю надежду. Если бы она могла вернуть Шошибхушону все знания, полученные от него, она швырнула бы их к нему под окно так же, как сливы. Девочка твердо решила, что, прежде чем она снова увидится с Шошибхушоном, она забудет все, чему он ее выучил. Он будет ее спрашивать, а она не сможет ответить ни на один вопрос. Ни на один, ни на один! Тогда он поймет!

Глаза Гирибалы наполнились слезами. Мысль о том, как огорчится Шошибхушон, когда узнает, что она все забыла, несколько успокоила ее измученное сердце, но, подумав о будущем несчастной Гирибалы, ставшей невеждой по вине Шошибхушона, она преисполнилась жалости к самой себе.

По небу плыли тучи — в сезон дождей такие тучи можно видеть каждый день.

Спрятавшись за деревом у края дороги, Гирибала плакала от обиды. Сколько девочек ежедневно проливают такие беспричинные слезы! В них нет ничего примечательного.

VI

Для читателей не тайна, почему юридические изыскания и ораторские упражнения Шошибхушона оказались напрасными: жалоба, поданная на имя судьи, неожиданно была взята обратно. Хоркумар был назначен почетным судьей своего округа. Теперь, надев грязный чапкан и замасленный тюрбан, он часто отправлялся в суд, не забывая, однако, подойти и поклониться сахибам.

Через несколько дней над черной толстой книгой Шошибхушона начало сбываться проклятие Гирибалы — она была переселена в темный угол и, преданная забвению, покрылась слоем пыли. Но где же Гирибала, где та девочка, которая обрадовалась бы такому невниманию к книге?

В тот день, когда Шошибхушон закрыл Свод законов, он наконец заметил, что Гирибала исчезла. Постепенно он припомнил всю историю этих нескольких дней. Он вспомнил, как однажды солнечным утром Гирибала принесла в сари еще влажные от дождя новогодние цветы бокула, а он даже не взглянул на нее и продолжал читать. Она вначале растерялась, но потом вытащила из края сари иголку с ниткой и, склонив голову, стала делать гирлянду, низывая один цветок за другим; делала она это очень медленно, но наконец все же кончила. Наступил вечер, Гирибале пора было идти домой, а Шошибхушон все еще не отрывался от книги. Опечаленная девочка положила гирлянду на кушетку и ушла. Юноша догадался, что с каждым днем ее самолюбие страдало все больше, поэтому она перестала даже заходить к нему и лишь иногда проходила по дороге мимо его дома; наконец она совсем перестала появляться, с тех пор прошло уже несколько дней. Самолюбие девочки не могло выдержать столь длительного испытания. Шошибхушон глубоко

вздыхнул и как потерянный прислонился к стене. Теперь, когда не было его маленькой ученицы, у него пропал всякий интерес к чтению. Он брал книгу, прочитывал две-три страницы и клал ее на место, начинал писать, но, поминутно вздрагивая, смотрел на дорогу, словно ждал кого-то, и бросал начатое.

Потом Шошибхушон испугался, не заболела ли Гирибала. Но, осторожно наведя справки, он узнал, что его беспокойство напрасно: Гирибале теперь нельзя выходить из дому — скоро ее свадьба.

Утром, на следующий день после того, как Гирибала разорвала учебник и бросила его на грязную деревенскую дорогу, она торопливо вышла из дому, завернув в край сари сладости. Не спавший из-за жары всю ночь Хоркумар с самого рассвета сидел во дворе, обнаженный до пояса, и курил.

— Ты куда? — спросил он Гири.

— К Шоши-даде.

— Нечего ходить к Шоши-даде, иди в дом.

Он начал ругать ее: взрослая девица, скоро пора переселяться к свекру, а стыда не знает! С тех пор ей запретили выходить на улицу. Теперь у нее уже больше не было возможности сломить свою гордость. Сгущенный манговый сок, маринованный лимон были возвращены на прежнее место. Начались дожди, отцвели цветы бокула, спелые гуавы висели на деревьях, расклеванные птицами зрелые сливы усеяли землю. Увы, растрепанного учебника больше не было!

VII

В тот день, когда пела флейта на свадьбе Гирибалы, не приглашенный на празднество Шошибхушон плыл в лодке по направлению к Калькутте.

С тех пор как Хоркумар взял обратно свою жалобу, он возненавидел Шоши. Он был убежден, что тот его презирает. Он видел тысячи воображаемых признаков этого на лице Шошибхушона, в выражении глаз, во всем его поведении. Ему казалось, что все жители деревни давно забыли о его позоре, только один Шошибхушон помнит, и наиб не смел взглянуть в глаза юноше. При встречах

с ним Хоркумару становилось неловко, но в то же время он злился на Шошибхушона. И Хоркумар дал себе слово выжить Шоши из деревни.

Заставить такого человека покинуть свой дом нетрудно. И цель господина наиба вскоре была достигнута. Однажды утром Шоши погрузил в лодку книги и несколько железных сундуков. Ту единственную нить, которая связывала его с деревней, разорвала сегодняшняя свадьба. Он не представлял себе раньше, как крепко эта нежная нить обвилась вокруг его сердца. Когда лодка отчалила от берега и вершины знакомых деревьев стали скрываться вдаль, а звуки праздничной музыки доносились все слабее, сердце его вдруг переполнилось слезами, что-то сдавило горло, жилки на висках учащенно забились, и весь мир расплылся перед ним обманчивым миражем.

Дул сильный встречный ветер, поэтому лодка, хотя и плыла по течению, продвигалась вперед очень медленно. В это время на реке произошло событие, прервавшее путешествие Шошибхушона.

Недавно открылась новая пароходная линия, соединяющая железнодорожную станцию с соседним округом. Шумно вращая колесами и вздымая волны, вверх по реке шел пароход. На нем находились молодой сахиб — управляющий новой линией — и несколько пассажиров. Среди пассажиров были земляки Шошибхушона из его деревни.

Какой-то торговый баркас пытался обогнать пароход и то нагонял его, то снова отставал. Лодочник все больше входил в азарт. Над первым парусом он поставил второй, над вторым — третий, маленький. Под напором ветра длинная мачта гнулась вперед, разрезаемые лодкой высокие волны с плеском бились о ее борта, и баркас несясь, как конь, закусивший удила. В одном месте, где река делала небольшой поворот, баркас бросился наперерез пароходу и обогнал его. Облокотившись о перила, сахиб с интересом следил за этим состязанием. Когда скорость баркаса достигла предела и он на несколько локтей¹ обогнал пароход, сахиб вдруг поднял ружье и, прицелившись в надувшийся парус, выстрелил. Мгновенно парус

¹ Локоть — мера длины, равная 0,5 метра.

разорвался, и баркас перевернулся. Пароход исчез за поворотом реки.

Трудно сказать, почему сахиб это сделал. Мы, бенгальцы, не можем понять, что доставляет радость англичанам. Может быть, он не мог перенести победы индийского баркаса; или зрелище мгновенно разрываемого в клочья большого вздувшегося паруса доставило ему жестокое наслаждение; возможно, было какое-то дьявольское удовольствие в том, чтобы сразу оборвать игру бойкого суденышка, сделав в нем несколько дырок, — не знаю. Но несомненно одно: англичанин был твердо уверен, что эта его шутка пройдет ему безнаказанно, так как считал, что и хозяин баркаса, и его команда, собственно говоря, не люди.

Когда сахиб выстрелил и баркас перевернулся, Шошибхушон был рядом с местом происшествия и все видел. Он поспешно подплыл к перевернувшемуся баркасу и подобрал лодочника и гребцов. Не удалось спасти только одного человека — он находился в момент крушения под навесом и растирал пряности.

Кровь закипела в жилах Шошибхушона. Правосудие движется чрезвычайно медленно — оно как большая и сложная машина; взвешивая все «за» и «против», оно собирает доказательства и с полным равнодушием налагает наказания, в нем не бьется человеческое сердце. Но Шошибхушону казалось, что разделять наказание и гнев так же неестественно, как отделять насыщение от голода и удовлетворение от желания. Есть много преступлений, которые требуют немедленного вмешательства, в противном случае свидетеля преступления ждет возмездие всеведущего бога, который живет в его собственной душе. Тогда бывает мучительно стыдно тешить себя надеждой на правосудие. Но и машина правосудия и пароход увозили управляющего все дальше от Шошибхушона. Не знаю, выиграло ли от этого события общество, но «индийскую меланхолию» Шошибхушона оно, без сомнения, лишь укрепило.

Шоши вернулся со спасенными в деревню. Баркас вез джут. Шошибхушон послал людей вытащить груз и предложил лодочнику подать жалобу на управляющего.

Лодочник не соглашался.

— Баркас потонул, что ж мне теперь самого себя топить? — спрашивал он. — Во-первых, надо будет платить, потом — не есть, не спать, не работать и все время проводить в суде, да, кроме того, один только всевышний знает, чем все это кончится.

Но в конце концов, когда он узнал, что Шошибхушон сам адвокат и все расходы берет на себя, что все факты налицо и потому суд непременно вынесет решение возместить ущерб, он согласился. Однако односельчане Шошибхушона, ехавшие на пароходе, ни за что не соглашались быть свидетелями. Они говорили Шошибхушону:

— Господин, мы ничего не видели, мы были на другой стороне парохода, из-за шума машины и плеска воды там не было слышно выстрела.

Проклиная в душе соотечественников, Шошибхушон сам подал жалобу на управляющего.

В свидетелях не оказалось никакой надобности. Управляющий признался, что он действительно выстрелил. Он сказал, что увидел в небе стаю журавлей и прицелился в них. Пароход шел полным ходом и в момент выстрела был уже не в том месте, где река делает поворот. Следовательно, управляющий не мог знать, ворону ли он убил, журавля подстрелил или баркас потопил. В воздухе и на земле столько добычи для охотника, что ни один умный человек не станет тратить пулю — хотя бы она стоила четверть пайсы — на «дерти рэг», то есть грязную тряпку.

Сахиб был оправдан и, попыхивая сигарой, отправился в клуб играть в вист. Труп человека, растиравшего пряности, нашли выброшенным на берег в девяти милях от места происшествия. С разбитым сердцем вернулся Шошибхушон в свою деревню.

В тот день, когда он возвратился, для Гирибалы была приготовлена лодка, чтобы отвезти ее в дом свекра. Хотя никто не приглашал Шошибхушона, он все же побрел на берег. Около пристани стояла толпа, он не пошел туда, а прошел дальше. Когда лодка отчалила и проплыла перед ним, он на мгновение увидел невесту, которая сидела, низко опустив голову, лицо ее было скрыто покрывалом. Долгое время Гирибала лелеяла надежду, что перед отъездом ей как-нибудь удастся встретиться с Шо-

шибхушоном, но теперь ей и в голову не могло прийти, что ее учитель стоит на берегу, совсем недалеко, и смотрит на нее. Девочка ни разу не подняла глаз, только беззвучно плакала, и слезы текли по ее щекам.

Лодка уплывала все дальше и дальше и наконец совсем скрылась из виду. Лучи утреннего солнца засверкали на воде; рядом, в ветвях мангового дерева, громко пела свою бесконечную песню папийя; перевозчик снова стал ездить от одного берега к другому, забирая груз и людей; женщины, которые пришли к пристани за водой, громко обсуждали отъезд Гири в дом свекра. Шошибхушоп снял очки, вытер навернувшиеся на глаза слезы и побрел в свой домик с железными решетками на окнах, стоящий на краю дороги. Вдруг ему показалось, что он слышит голос Гирибалы: «Шоши-дада!» Где она, где? Нигде ее нет! Ни в доме, ни на дороге, ни в деревне — только в его переполненном слезами сердце.

VIII

Шошибхушон снова собрал свои вещи и отправился в Калькутту. Дел у него в Калькутте никаких не было, спешить ему туда, собственно, было незачем, поэтому он решил отправиться не по железной дороге, а по реке.

Сезон дождей был в самом разгаре. Бенгалия, словно сеть, покрылась тысячами извилистых потоков. Сосуды страны наполнились кровью, повсюду буйно разрослись юные лианы, травы, кустарники, рис, джут, сахарный тростник.

В узких извилистых протоках, по которым скользила лодка Шошибхушона, вода сровнялась с берегами. Луга, а местами и поля были затоплены. Вода вплотную подступала к деревенским изгородям, зарослям бамбука и манговым садам, казалось, небесные нимфы стремятся напоить корни деревьев всей Бенгалии.

Когда Шошибхушон начал свое путешествие, омытые дождями деревья весело блестели в лучах солнца, но вскоре собрались тучи и пошел дождь. Куда ни взглянешь — везде все уныло и грязно. Как коровы во время половодья стоят в узких, грязных, окруженных водой за-

гопах и, жалобно глядя, терпеливо мокнут под струями дождя, так и Бенгалия молчаливо и грустно мокла в непроходимых, залитых топкой грязью джунглях. В это время года крестьяне выходят на улицу, надев на голову току; женщины, ежась от дождя и холодного ветра, спешат по хозяйственным делам из дома в дом или, осторожно ступая по скользкой дороге, промокнув насквозь, несут воду с реки, а оставшиеся дома мужчины сидят у дверей и курят; они выходят лишь в крайних случаях, обернув чадор вокруг бедер, взяв в руки туфли и раскрыв зонт над головой, — давать зонт слабой женщине не в обычаях этой славной страны, то сжигаемой солнцем, то заливаемой дождями.

Дождь не ослабевал. Шошибхушону надоело сидеть в лодке, забившись под навес, и он решил дальше ехать поездом. Он причалил к берегу в том месте, где одна река впадает в другую, привязал лодку и пошел искать чего-нибудь съестного.

Когда хромой попадает в яму, виновата в этом не только яма, но и сам хромой, которого будто тянет в яму. В тот день Шошибхушон доказал это.

В месте слияния двух рек рыбаки поставили большую сеть, привязав ее к прибрежному бамбуку. Лишь в одном месте остался проход для лодок. Рыбаки с давних пор ловили рыбу таким способом и платили за это соответствующий налог. На беду, старшему полицейскому чиновнику вдруг понадобилось плыть именно этим путем. Заметив его лодку, рыбаки стали кричать полицейскому, чтобы он объехал сеть. Но лодочник сахиба не привык считаться ни с какими препятствиями, созданными людьми, и направил лодку прямо на сеть, сеть опустилась и пропустила лодку, но весло застряло. Чтобы вытащить его, потребовалось бы совсем немного времени и усилий.

Но сахиб вышел из себя и приказал остановить лодку. Выражение лица у сахиба было такое, что рыбаки разбежались кто куда. Сахиб приказал своим гребцам уничтожить сеть, которая стояла не менее семисот рупий, и они тут же разрезали ее на мелкие кусочки.

Сорвав таким образом свой гнев, сахиб потребовал привести к себе рыбаков. Полицейский не нашел никого из убежавших и задержал первых попавшихся ему на

глаза четырех человек. Сложив руки, они умоляли сахиба отпустить их, уверяя, что ничего не знают. Но полицейский начальник приказал взять их с собой. В это время Шошибхушон, не успев даже застегнуть рубашку и шлепая туфлями, запыхавшись, подбежал к лодке сахиба и дрожащим голосом проговорил:

— Вы не имели права портить сеть и издеваться над людьми!

Начальник что-то грубо ответил ему на языке хинди. В тот же момент Шошибхушон прыгнул с высокого берега в лодку, бросился на сахиба и принялся колотить его, как мальчишка, как сумасшедший.

Что произошло потом, он не помнит. Очнулся он в полицейском участке, и вряд ли нужно говорить, что то обращение, которому он там подвергся, не принесло ему ни морального удовлетворения, ни физического облегчения.

IX

Отец Шошибхушона нанял адвоката и прежде всего взял сына на поруки. После этого начались хлопоты, связанные с судебной тяжбой.

Рыбаки, которым принадлежала сеть, уничтоженная сахибом, жили в том же округе, что и Шошибхушон, и были подвластны тому же заминдару. Когда с кем-нибудь из них случалось несчастье, они приходили к Шоши за советами. Те, кого задержал сахиб, тоже были знакомы Шошибхушону.

Когда Шоши позвал их и попросил быть свидетелями на суде, они очень испугались: у каждого из них семья, дети, где им искать спасения, если они поссорятся с полицией? Голова на плечах ведь одна! Убыток они понесли, это верно, тут уж ничего не поделаешь, но зачем им на горе себе выступать свидетелями?

— Господин, из-за тебя мы попали в большую беду, — говорили они, но после долгих уговоров все же согласились сказать на суде всю правду.

Когда Хоркумар отправился как-то по делам в суд и зашел поклониться сахибам, англичанин-полицейский, смеясь, сказал ему:

— Наиб-бабу, я слышал, твои арендаторы собираются давать ложные показания против полиции?

Наиб испугался:

— Как, да разве это возможно! До чего же обнагле-ли эти грязные нищие!

Вскоре из газет стало известно, что на суде адвокат не сумел защитить Шошибхушона.

Рыбаки один за другим заявили, что сахиб сеть не резал, а только подозвал их к лодке и записал имена.

Но это еще не все! Несколько односельчан Шошибхушона показали, что они в то время как раз ехали с женихом на свадьбу и собственными глазами видели, как Шошибхушон ни с того ни с сего набросился на охрану сахиба.

Шошибхушон признал, что, после того как ему нанесли оскорбление, он вошел в лодку и ударил англичанина. Но главной причиной было то, что сахиб разрезал сеть и арестовал невинных рыбаков.

При таких условиях нельзя было считать несправедливым приговор, вынесенный Шошибхушону. Приговор был суров, так как Шошибхушон обвинялся в нескольких преступлениях: побои, незаконное вторжение в лодку, сопротивление законным действиям полиции. Имелись неопровержимые доказательства всего этого.

Пришлось Шошибхушону оставить свои любимые книги в маленьком домике и пять лет провести в тюрьме. Его отец хотел подать апелляцию, но Шошибхушон этому решительно воспротивился:

— Я рад, что иду в тюрьму. Железные цепи хоть не лгут, а «свобода» обманула меня, бросила в беду. К тому же в тюрьме не столько лжецов и неблагодарных, как на воле, хотя бы потому, что там меньше места.

Х

Вскоре после того, как Шошибхушон был заключен в тюрьму, умер его отец. Больше у него никого не осталось. Правда, был еще брат, но он давно уже работал в Центральных провинциях: там он построил себе дом,

обзавелся семьей и возвращаться на родину не собирался. Все имущество, оставшееся после отца Шошибхушона, захватил при помощи различных уловок и ухищрений наиб Хоркумар.

Видно, судьбе было угодно, чтобы в тюрьме Шошибхушон перенес больше страданий, чем другие заключенные. И все же долгие пять лет прошли.

Снова наступил период дождей. Исхудавший, с опустошенным сердцем, вышел Шошибхушон из тюрьмы. Он получил свободу. Кроме нее, за стенами тюрьмы у него ничего и никого не было. Бездомному, одинокому, выброшенному из общества Шошибхушону большой мир показался бесприютной пустыней.

Он стоял и размышлял, как ему связать разорванную нить жизни, с чего начать. Внезапно перед ним остановился большой экипаж, запряженный парой лошадей. Вышедший из него слуга спросил:

— Ваше имя Шошибхушон-бабу?

— Да.

Слуга распахнул дверцу экипажа и вытянулся, ожидая, пока он сядет.

— Куда вы меня повезете? — спросил изумленный Шошибхушон.

— Вас приглашает мой хозяин.

Любопытство прохожих было Шошибхушону невыносимо, поэтому, не вступая со слугой в дальнейшие разговоры, он сел в карету. «Конечно, здесь какое-то недоразумение, — думал он, — но ведь надо же куда-нибудь идти. Может быть, эта ошибка и будет началом моей новой жизни».

И в тот день облака играли с солнцем; а на тянувшихся вдоль дороги затопленных дождями темно-зеленых рисовых полях сменялись свет и тени. Около базара стояла старая колесница, неподалеку от нее, у бакалейной лавки, несколько нищих вишнуитов пели под аккомпанемент гупиджонтры и барабана:

О, явись передо мною,

о, явись мне, явись!

В истомившееся сердце,

о, вернись же, вернись!

Экипаж двигался, и песня доносилась уже издалека:

О жестокий мой и ласковый,
вернись поскорей,
Освежающий, как тучка,
в сердце влагу пролей!

Слова песни слышались все слабее и неразборчивее, — их уже нельзя было понять. Но ритм ее взволновал Шошибхушона, и он продолжал напевать про себя, придумывая строфу за строфой, словно не в силах оборвать песню.

Счастье вечное и горе,
подойди, улыбнись.
Ты — мучение и радость,
о, вернись же, вернись!

Ты — желанная навеки —
в сердце вновь поселись.
Ты — любимая навеки, —
о, вернись же, вернись!

О неверная и вечная,
в объятья приди,
Дай очам тебя увидеть,
дай прижать к груди.

О, войди в мой дом и в грезы,
о, наполни мне жизнь!
О, верни мне смех и слезы,
о, вернись же, вернись!

Стань любовью и обманом,
стань гордыней моей,
Свет пролей, верни мне память,
о, вернись же скорей!

Стань моей заботой, верой
и стремлением ввысь,
Будь мне жизнью, будь мне смертью,
но вернись же, вернись!

Карета въехала в обнесенный оградой сад и остановилась перед двухэтажным домом. Шошибхушон перестал петь.

Не спрашивая ни о чем, он последовал за слугой.

В комнате, куда он вошел, вдоль стен стояли застекленные шкафы с рядами книг в разноцветных переплетах.

При виде их Шошибхушону показалось, что он еще раз обрел свободу. Эти красивые книги с золотым тиснением казались ему знакомыми воротами, украшенными драгоценными камнями, за которыми скрывался мир счастья.

На столе лежали какие-то предметы. Наклонившись, близорукий Шошибхушон увидел сломанную грифельную доску и на ней — несколько старых тетрадок, истрепанный «Дхарапат», «Котхамалу» и «Махабхарату» Каширама Даша.

На деревянной рамке грифельной доски большими буквами было написано почерком Шошибхушона: «Гирибала Деби». Это же имя было написано его почерком на тетрадях и книгах.

Шошибхушон понял, куда он попал. Сердце его учащенно забилося. Он посмотрел в окно, и ему почудилось, будто он снова видит маленький с решетками на окнах дом, выбитую деревенскую дорогу и маленькую девочку в полосатом сари... Шошибхушон вспомнил свою спокойную, безмятежную жизнь.

В той счастливой жизни не было ничего необыкновенного или исключительного: в незаметной работе, в маленьком счастье шли дни за днями, и среди незначительных событий его жизни на фоне его собственных занятий особенно выделялась маленькая ученица. Одинокая жизнь в домике на краю дороги, этот покой, это маленькое счастье, это маленькое личико маленькой девочки — все снова засияло перед ним, как недоступная, несбыточная мечта. Картины и воспоминания тех дней, сливаясь со светом сегодняшнего хмурого утра и нежным мотивом вишнуйтской песни, звучали в его душе прекрасным, сияющим напевом. Печальное, гордое личико обиженной девочки, стоящей посреди грязной узкой дороги, пролегающей в джунглях, встало перед его глазами, как прекрасный образ, созданный самим богом. Снова послышались жалобные звуки песни, и ему показалось, будто на лице деревенской девочки отразилось безысходное горе всего мира. Закрыв лицо руками, Шошибхушон забылся в воспоминаниях о тех днях.

Послышались легкие шаги. Молодой человек поднял голову. Перед ним, держа на серебряном подносе фрукты и сладости, в молчаливом ожидании стояла Гирибала,

одетая в белое вдове сари без всяких украшений. Она опустила перед Шошибхушоном на колени, низко склонив голову.

Когда вдова поднялась и с любовью посмотрела на измученного, исхудавшего Шошибхушона, слезы наполнили ее глаза и потекли по щекам.

Шошибхушон хотел задать ей обычный вопрос о здоровье, но не мог вымолвить ни слова. Комок подступил к горлу, — невыплаканные слезы и невысказанные слова застыли в сердце...

Толпа нищих паломников остановилась перед домом и запела, повторяя снова и снова:

Вернись, о, вернись!

ИСКУПЛЕНИЕ

I

Между небом и землей есть некое, никому не подвластное царство, где обитает царь Тришанку и где высятся бесчисленные воздушные замки. Имя этой обширной страны, окруженной воздушными крепостными стенами: «Если бы да кабы».

Благословен тот, кто совершил великие дела и обрел бессмертие! Благословен и тот, кто, обладая скромными способностями, в числе других обыкновенных людей незаметно исполняет свои повседневные обязанности. Но горе тому, кто по недосмотру судьбы застрял посредине. Для них нет спасения. Они могли бы стать чем-либо, если бы да кабы... Однако именно поэтому из них никогда ничего не получается.

По капризу судьбы наш Онатхбондху очутился именно в этом срединном царстве. Никто не сомневался в том, что этот молодой человек, стоило ему лишь захотеть, мог бы добиться успеха на любом поприще. Но он никогда и никак не проявлял подобного желания и ничего не достиг. Тем не менее всеобщая вера в его незаурядность осталась непоколебимой. Все говорили, что он первым выдержит экзамены. Но экзаменов он сдавать не стал. Все были убеждены в том, что он легко сможет занять самый высокий пост на любой службе, — стоит ему только поступить! Но ни на какую службу он не поступил.

Он презирал обыкновенных людей за то, что они слишком обыкновенны, но при этом он нисколько не уважал и людей выдающихся, так как считал, что мог бы достичь еще большего, — стоит ему только пожелать! Слава и почет, удача и счастье Онатхбондху хранились где-то вне времени и пространства. В царстве же действительности небо даровало ему лишь богатого тестя и преданную жену. Звали ее Биндебашины.

Имя жены не нравилось Онатхбондху. И вообще он считал, что по своим внешним и внутренним данным она ему не пара. Зато Биндебашины безгранично гордилась тем, что судьба послала ей такого необыкновенного мужа. Она свято верила, что в мире нет никого лучше ее супруга; в этом же был уверен и он сам, благо окружающие придерживались того же мнения.

Биндебашины всегда боялась, как бы кто-нибудь не унижил достоинств ее супруга. Если бы она могла вознести мужа на высочайшую вершину своей непоколебимой преданности и держать его там вдали от косых взглядов невежественных обитателей земной равнины, она бы со спокойной душой посвятила такому беззаветному служению всю свою жизнь. Но в этом меркантильном мире невозможно удержать на вершине предмет поклонения одним только поклонением. В этом мире довольно часто попадались люди, которые не считали Онатхбондху образцом, и Биндебашины немало страдала от этого.

Онатхбондху, будучи студентом, жил у тестя. Когда наступила пора экзаменов, он на них не явился, а на следующий год и вовсе оставил колледж. Биндебашины было очень неловко перед людьми, и как-то вечером она мягко сказала мужу:

— Было бы лучше, если бы ты сдал экзамены.

В ответ Онатхбондху пренебрежительно усмехнулся:

— А что, у меня выросла бы вторая пара рук, как у Вишну, если бы я сдал? Экзамены сдают и такие, как наш Кедар!

Это успокоило Биндебашины. Действительно, разве слава Онатхбондху увеличится от экзаменов, если их сдают всякие ослы!

Но когда соседка Комола восторженно сообщила своей подруге детства Бинде, что ее брат Ромеш успешно

выдержал экзамены и теперь будет получать стипендию, Биндебашини почему-то решила, что подруга не просто радуется, а тайком насмехается над ее мужем. Поэтому она не разделила восторгов Комолы, а, напротив, с легким вызовом объяснила ей, что курсовой экзамен нельзя считать экзаменом. В английских колледжах, например, вообще не сдают экзамены ниже, чем на бакалавра!

Излишне говорить, что все эти сведения и аргументы Бинде почерпнула от мужа.

Комола сначала была несколько озадачена, получив от горячо любимой подруги подобный отпор именно тогда, когда она хотела поделиться с нею радостной вестью. Но она была женщиной и мгновенно уловила намек Бинде. Обидевшись за брата, Комола не подала виду, но с кончика ее языка закапал тончайший яд.

— Мы, милая, за границу не ездили, — ворковала она, — замуж за англичан не выходили — откуда ж нам это знать? Мы женщины глупые. Но зато мы точно знаем, что бенгальские молодые люди должны сдавать курсовые экзамены. А это, дорогая, далеко не всем удается!

Комола проговорила все это самым невинным и дружеским тоном, а затем удалилась. Последнее слово осталось за ней, и Бинде пришлось признать свое поражение. Она ушла к себе в комнату и там в одиночестве расплакалась.

Почти одновременно произошло еще одно событие. В Калькутту приехал богатый дальний родственник Раджкумара-бабу, отца Бинде, и ненадолго остановился у них в доме.

Все торжественно готовились к приезду гостя. Раджкумар-бабу попросил зятя перейти на несколько дней из большой гостиной, которую тот занимал во внешней половине дома, в комнату брата Раджкумара. Отец Бинде хотел оказать приезжим особый почет.

Но эта простая просьба уязвила самолюбие Онатхбондху.

В отместку он отправился к жене и бранил Раджкумара-бабу до тех пор, пока не довел Биндебашини до слез. Затем он стал выражать свою обиду еще более сильными средствами: не являлся к столу и делал другие подобные вещи. Биндебашини сгорала от стыда. Она обла-

дала врожденным чувством собственного достоинства, и это чувство подсказывало ей, что нет ничего унижительнее таких демонстраций по столь незначительному поводу. Она молила мужа, плакала, останавливала, и лишь с большим трудом удалось ей успокоить его.

Бинде была не глупа и нисколько не винила своих родителей. Она понимала, что дело пустяковое и совершенно естественное. Но теперь ей стало казаться, что пребывание в доме тестя лишает Онатхбондху почтения со стороны родственников.

С этих пор она неустанно твердила мужу:

— Переедем к твоим родным! Здесь я больше не останусь!

Онатхбондху отличался большим самомнением, но чувства собственного достоинства у него не было. Точно так же у него не было ни малейшего желания возвращаться в свой дом и жить в бедности. Но на этот раз жена проявила твердость.

— Если ты останешься, — сказала Биндебашини, — я поеду одна.

Сдерживая раздражение, Онатхбондху вынужден был начать приготовления к отъезду в далекую деревушку, где находился его глинобитный, крытый соломой, родительский дом.

Раджкumar-бабу и его жена всячески упрашивали дочь пожить у них еще немного. Но Биндебашини молчала, опустив голову и не поднимая глаз. Ее молчание красноречивей всех слов говорило, что это невозможно.

Такая внезапная твердость дочери встревожила родителей: уж не обидели ли ее чем-нибудь невзначай?

— Дочка, — спросил ее огорченный Раджкumar-бабу, — может, мы тебя огорчили нечаянно, причинили тебе боль?

Биндебашини ласково взглянула на отца.

— Что вы! — сказала она. — Я была здесь так счастлива, все меня только баловали.

И Биндебашини заплакала. Тем не менее ее решение уехать осталось неизменным.

Родители повздыхали, подумали и решили: «Сколько мы ни заботились о дочери, сколько ни баловали ее, а стоило ее выдать замуж, и она стала нам чужой!»

Наконец Биндебашини, с глазами, полными слез, попрощалась со всеми и села в паланкин. Позади остался милый сердцу родительский дом, родные, подруги детства, домочадцы.

II

Разница между богатым калькуттским домом и деревенской хижинкой весьма ощутима. Но Биндебашини ни одним словом, ни одним движением ни разу не выказала недовольства. С первого дня она весело принялась помогать свекрови по хозяйству.

Отец знал, что дочь едет в бедный дом, и, взяв на себя расходы, послал с ней служанку. Но Биндебашини, добравшись до деревни, тотчас отправила ее обратно. Ей была невыносима мысль о том, что прислуга из богатого дома, увидев бедность ее свекрови, будет все время воротить нос.

Свекровь пыталась избавить Бинде от тяжелой работы по дому, но невестка проворно и неумолимо принимала участие во всех хлопотах по хозяйству, словно это доставляло ей большое удовольствие. Скоро она завоевала сердце свекрови, а все женщины в деревне были от нее в восторге.

Однако старания Бинде привели совсем не к тому, чего она добивалась. Законы жизни не похожи на изложенные хорошим литературным языком прописные истины из первой главы учебника этики. Дьявол — безжалостный насмешник — появляется в решительный момент и смешивает все правила, искажая их до неузнаваемости.

Потому-то праведные дела далеко не всегда приносят хорошие плоды: бывает, что они неожиданно создают одну лишь неразбериху.

У Онатхбондху было двое младших и один старший брат. Старший брат работал за пределами деревни и на свое жалованье в пятьдесят рупий содержал семью и платил за обучение младших братьев.

Вряд ли стоит говорить о том, что в наше время на пятьдесят рупий семья не может жить хорошо. Но для жены старшего брата Онатха, Шемашонкори, было достаточно одного сознания, что ее муж кормит всю семью.

Он круглый год работает, и жена его имеет право круглый год отдыхать. И она никогда ничего не делала, а если и бралась за что-нибудь, то с таким видом, словно все кругом были обязаны именно ей. Как же — ведь это ее муж приносит в дом деньги!

Когда в семье появилась Биндебашины и стала целыми днями хлопотать по хозяйству, как Лакшми, Шемашонкори была уязвлена. Почему — понять трудно. Возможно, она решила, что невестка из знатной семьи занимается самой неприятной работой по дому только для того, чтобы унижить ее, Шемашонкори, в глазах людей. Как бы там ни было, Шемашонкори, имевшая мужа с жалованьем в пятьдесят рупий, невзлюбила невестку из богатого дома. Даже кротость Бинде, по мнению Шемашонкори, свидетельствовала о ее огромном самомнении.

А тут еще Онатхбондху, едва появившись в деревне, организовал библиотеку, собрал десятка два юнцов, основал какое-то общество, сам объявил себя председателем и принялся отправлять телеграммы во все газеты. Мало того, чтобы поразить жителей деревни, он сделался специальным корреспондентом сразу нескольких английских газет. Но в дом он не приносил ни гроша и лишь без толку тратил деньги.

Биндебашины все время упрашивала мужа поступить на какую-нибудь службу. Но он не обращал на ее просьбы никакого внимания. Он говорил, что подходящее для него место, конечно, нашлось бы, но английское правительство на все высокие должности из предубеждения назначает только знатных англичан, а бенгальцу — будь он хоть семи пядей во лбу — не на что надеяться.

При таком положении Шемашонкори могла без конца в глаза и за глаза поносить деверя и его жену. Тщеславная женщина, бравируя собственной бедностью, заявила:

— Мы — бедные люди, где уж нам прокормить дочь знатных родителей и их зятя! У тестя было лучше: жили — горя не знали. А здесь — одни неприятности да горох с рисом.

Побаиваясь старшей невестки, свекровь не отважилась вступить за слабую сторону. И Бинде приходилось тер-

петь и горох с рисом, и ядовитые насмешки Шемашонкори.

Тем временем приехал в отпуск старший брат Онатха, который сразу же стал жертвой пламенного красноречия своей жены. Ни одной ночи она не давала ему спокойно уснуть и в конце концов добилась своего. Однажды он позвал Онатха и спокойно, по-дружески сказал ему:

— Надо бы тебе поискать какую-нибудь службу. Одному мне трудно кормить всю семью.

Онатхбондху в ответ зашипел как змея, на которую наступили ногой:

— Как? Мне еще приходится терпеть попреки из-за нескольких горсточек риса? Да и тот дают всего два раза в день! Нет уж, хватит с меня!

И он решил тотчас уехать к тестю.

Однако Биндебашини отказалась наотрез. Она сказала, что младший брат может есть рис старшего брата и что младшая невестка может сносить попреки старшей, как-никак это родня мужа. Но жить за счет тестя — позорно!

Биндебашини могла смиренно жить у свекрови, но в доме отца ей хотелось ходить с высоко поднятой головой, не роняя своего достоинства.

В это время в деревенской начальной школе освободилось место третьего учителя. Старший брат и Биндебашини вдвоем принялись уговаривать Онатхбондху не отказываться от этого места. Но результат получился совсем не тот, какого они ожидали. Когда Онатх услышал, что его собственный брат и законная жена считают такую ничтожную работу вполне подходящей для него, им овладело дикое упрямство. Если так, то ему вообще наплевать на любую работу.

На этот раз его пришлось успокаивать дольше, чем обычно. В конце концов все сошлись на том, что разговаривать с ним бесполезно и самое лучшее — оставить его в покое: пусть живет, как знает!

Отпуск кончился, и дада вернулся на службу. Шемашонкори готова была лопнуть от злости и придумывала новые каверзы. Как раз в это время Онатхбондху пришел к жене и заявил:

— В наше время, если не съездить за границу, никакой приличной работы не получишь. Так что я решил поехать в Англию. Придумай что-нибудь. Надо раздобыть у твоего отца денег.

Желание Онатха уехать поразило Бинде, как удар грома. К тому же она не могла представить себе, как попросит у отца денег! От одной этой мысли ей становилось стыдно!

Онатхбондху из самолюбия не хотел сам просить денег у тестя, он был уверен, что дочь, несомненно, сможет вытянуть их у отца с помощью какой-нибудь уловки. По этому он без конца приставал к жене, заставляя ее страдать и лить слезы.

Так шло время в заботах и в душевных переживаниях. Приближались осенние праздники. Раджкumar-бабу торжественно пригласил к себе зятя и дочь и прислал за ними великолепный экипаж.

Теперь все в доме ухаживали за зятем куда больше, чем тогда за богатым родственником. Биндебашини могла наконец снять покрывало и смотреть домашним прямо в глаза. Непрерывные заботы родных и предпраздничная суета исполнили ее радостным волнением.

И вот настал шестой день месяца ашчин — канун праздника Пуджи. Везде шум, суета. Близкие и дальние родственники заняли все комнаты. В знак особого почета мать Бинде поместила молодых не в их прежней комнате, а в своей собственной спальне.

Бинде очень устала и не слышала, когда Онатхбондху лег: она к тому времени уже крепко спала. А едва забрезжил рассвет, в доме зазвучали флейты. Однако музыка не разбудила уставшую после вчерашнего дня Биндебашини. Обе подруги Бинде, Комола и Бхубона, тщательно ждали, когда она проснется, и в конце концов принялись громко хохотать за ее дверью. Бинде открыла глаза и увидела, что муж уже ушел. Застыдившись, она проворно соскочила с постели... Но что это? Сундук матери раскрыт... Шкатулка с деньгами исчезла...

Бинде вспомнила, что вечером у матери пропала связка ключей, из-за чего поднялась суматоха во всем доме. Значит, этот же вор украл и деньги! Внезапно

ей стало страшно, а вдруг вор что-нибудь сделал с Опат-ком! Сердце Бинде сжалось. И тут она увидела возле ножки кровати письмо, а на письме — пропавшие ключи. Надпись на конверте была сделана рукой ее мужа. Бинде поспешно схватила письмо и развернула.

С помощью одного друга, писал Онатхбондху, он набрал денег для билета на пароход, но не знал, на какие средства он будет жить в Англии. Он не мог ничего придумать, а потому вчера ночью взял деньги тестя, спустился по деревянной лестнице с балкона во внутренний дворик, перелез через стену и скрылся. Его пароход уходит сегодня рано утром...

Кровь стыла в жилах Биндебашини, пока она читала это письмо. Дочитав, она опустилась на пол, схватившись за ножку кровати. В ушах у нее стоял звон, словно цикады пели в безмолвной, беспросветной ночи. А со двора, из соседнего дома, из далеких зданий — отовсюду доносились веселые громкие звуки флейты: ликующая Бенгалия встречала Пуджу! И любопытный, игривый лучик осеннего солнца танцевал в опустевшей спальне.

Тем временем Бхубона и Комола, видя, что дверь, несмотря на поздний час, все еще закрыта, начали громко подшучивать над Биндебашини и стучать. Никакого ответа не последовало. Тогда, обеспокоившись, они стали звать подругу:

— Бинде! Бинде!

Биндебашини ответила сдавленным голосом:

— Я не выйду. Уходите!

Подруги решили, что Бинде заболела, и позвали ее мать.

— Что случилось, дочка, почему ты не открываешь дверь? — спросила мать.

— Позови отца! — ответила молодая женщина, сдерживая слезы. — И сама приходи вместе с ним...

Не зная, что и думать, мать немедленно привела Раджкумара. Бинде впустила их в комнату и тут же снова заперла дверь.

Она упала к ногам отца, задыхаясь от слез и чувствуя, что сердце ее разрывается на части.

— Отец, прости меня! — воскликнула Бинде. — Я украла деньги из твоего сундука.

Родители от изумления сели на кровать.

— Я сделала это, чтобы отправить мужа в Англию, — продолжала Биндебашини.

— Но почему ты просто не попросила денег? — спросил отец.

— Потому что вы не дали бы ему уехать.

Раджкумар-бабу был разгневан, мать плакала, дочь рыдала, а в это время во всех уголках Калькутты звучала разноголосая веселая музыка праздника Пуджи.

В этот день стали прахом под ногами знакомых и незнакомых честь супруги и дочери, достоинство Биндебашини. Онатхбондху, заранее все обдумав, украл, как мошенник, ключи, а ночью взял деньги и сбежал за границу. И Бинде ему помогала! За это ее клеймили позором все родственники Раджкумара-бабу, заполнившие дом. Подробности им сообщили Бхубона, Комола и прочие родичи, соседи и служанки, которые все подслушали, стоя у запертой двери. Вполне естественно! Когда взволнованные хозяева дома побежали в комнату зятя, это не могло не возбудить всеобщего любопытства.

Теперь Биндебашини не показывалась на людях. Она лежала в запертой комнате и не хотела ни есть, ни пить. Но никто ее не жалел. Все были поражены коварством заговорщицы и толковали о том, как ловко скрывала она свой подлинный характер.

Так прошел праздник Пуджи в безрадостном доме Раджкумара-бабу.

III

Подавленная горем и стыдом, Биндебашини вернулась к свекрови. Общая беда сроднила вдову, опечаленную отъездом сына, и жену, разлученную с мужем. Они сблизились еще больше и теперь, погруженные в свое горе, безропотно исполняли самую грязную работу по хозяйству. Но насколько близка стала Бинде свекровь, настолько же далеки ей стали калькуттские родственники.

«У свекрови нет ничего, и у меня тоже, — думала Бинде. — Мы одним горем связаны. А родители так богаты, что им нашей беды не понять!»

Дело было, конечно, не только в том, что Бинде жила очень бедно по сравнению со своими родителями. С тех пор как она взяла на себя вину за кражу, они не могли относиться к ней по-прежнему. Кто знает, в силах ли супружеская любовь выдержать такое испытание?

Что же касается Онатхбондху, то сначала он писал жене из-за границы довольно регулярно. Но постепенно письма стали приходить все реже, и в них начало все явственнее проскальзывать пренебрежение к Бинде. Его способностями, его внешностью и умом восхищались многие английские девушки, которые по образованию и уму, по достоинствам и красоте намного превосходили его необразованную, вечно занятую хозяйством жену. Не удивительно, что Онатхбондху вскоре еще более утвердился в мысли, что смуглая, закутанная в скромное сари супруга — ему не пара.

Но когда украденные деньги стали подходить к концу, он без колебаний послал телеграмму своей недостойной бенгальской жене. Оставив себе только пару стеклянных браслетов, Бинде продавала свои украшения и высылала ему деньги. Самые дорогие ее украшения остались в отцовском доме, потому что деревню нельзя было считать вполне безопасным местом для хранения ценностей. Под предлогом того, что ее приглашают то те, то другие родственники мужа, Биндебашини забирала эти украшения одно за другим из родительского дома. В конце концов она распродала все, вплоть до серебряных запястий, бенаресского сари и шали, и написала мужу подробное письмо, в котором многие строки расплзлись от слез, капавших на бумагу. В этом письме она смиренно молила его вернуться домой.

Получив к тому времени диплом адвоката, чисто выбритый, коротко остриженный, одетый в пиджак и брюки, Онатхбондху действительно вернулся, но остановился в отеле. В родительском доме он жить не мог: во-первых, там не было для него подходящего места, а во-вторых, человеку, потерявшему касту, в деревне вообще нечего делать. Что же до семьи тестя, то она состояла из слишком правоверных индуистов, и они не могли принять к себе человека, утратившего касту.

Вскоре, однако, недостаток средств вынудил Онатхбондху перебраться из отеля в более скромное жилье. Но жену он и сюда не допускал. После возвращения из-за границы он виделся с матерью и женой всего раза два три и больше встречаться с ними не желал.

Огорченным женщинам оставалось одно утешение: Онатхбондху вернулся в родные края и живет теперь недалеко от своих близких. Вместе с тем слава Онатха, которого они считали выдающимся адвокатом, была предметом их безграничной гордости. Биндебашини опять стала считать себя недостойной женой знаменитого мужа, еще больше увеличивая этим самомнение Онатха.

Душа Бинде страдала, но гордость ее была удовлетворена. Она терпеть не могла европейских манер, однако, глядя на мужа, часто думала: «Сейчас почти все стали выдавать себя за сахибов. Только это никому не удастся. А мой Онатхбондху — вылитый английский сахиб! Даже не скажешь, что он бенгалец!»

Когда деньги Онатхбондху стали подходить к концу, когда он убедился, что в этой проклятой Индии совсем не ценят истинного таланта и что его коллеги из зависти мешают его успехам, когда мясо в его меню уступило место вегетарианским блюдам, а жареная курица была вытеснена поджаренным рисом; когда блеск его костюмов и горделивое сияние чисто выбритого лица заметно потускнели, а туго натянутые струны на люثне его жизни вместо самых высоких тонов начали издавать лишь жалобные звуки, — тогда в семье Раджкумара-бабу произошло непоправимое несчастье, которое разом изменило весь ход жизни Онатхбондху, окончательно зашедшего в тупик. Погиб единственный сын Раджкумара-бабу — Хоркумар. Он возвращался на лодке от дяди, который жил на берегу Ганги; лодка столкнулась с пароходом, и Хоркумар, его жена и сын утонули.

У Раджкумара-бабу теперь осталась только дочь Биндебашини.

Когда Раджкумар пришел немного в себя после этого страшного потрясения, он навестил Онатхбондху и обратился к нему с просьбой:

-- Сын мой, тебе нужно совершить покаяние и

вернуться в касту. Кроме вас, у меня никого не осталось.

Онатхбондху с восторгом принял это предложение. Он прежде всего подумал о том, что теперь непременно отомстит тем соотечественникам-адвокатам, которые завидуют ему и не питают должного почтения к его исключительным интеллектуальным способностям.

Раджкумар-бабу посоветовался с пандитами. Они ответили, что если Онатхбондху не употреблял в пищу мясо коровы, то можно вновь принять его в касту.

Хотя мясо запретного четвероногого отнюдь не было исключено из числа любимых блюд Онатхбондху, он без колебаний заявил, что ни разу не совершил этого святотатства. Близким же друзьям он объяснил:

— Если обществу угодно выслушать ложь, почему бы мне не подчиниться? Я не вижу в такой лжи ничего плохого. Наше общество требует, чтобы язык человека, который ел коровье мясо, был очищен двумя отвратительными вещами — коровьим навозом и лживыми словами. Зачем же мне нарушать эти правила?

И вскоре был назначен день, благоприятный для церемонии очищения. К тому времени Онатхбондху не только сменил европейский костюм на дхоти и чадор, но вскоре стал чернить европейцев и во всем обелять индусов, ловко подбирая различные доводы и афоризмы. Всем это весьма пришлось по душе. И любящее, нежное сердце Биндебашини вновь расцвело от гордости и счастья. Она говорила себе: «Те, кто пожил за границей, возвращаются настоящими европейцами — в них и не узнаешь бенгальцев. А вот мой муж совсем не изменился. Наоборот, он теперь еще больше привержен к индуизму, чем прежде».

В назначенный день брахманы и пандиты пришли в дом Раджкумара-бабу. Он не жалел денег: были приготовлены угощения, подарки, в общем, все, как полагается.

Не было конца торжественным приготовлениям и на женской половине. Во всех двориках и покоях кипела жизнь; все были заняты — одни готовили пищу, другие ухаживали за приглашенными. Возбужденное личико Бин-

дебашини сняло от радости среди всего этого шума и суеты, как легкое облачко в лучах осеннего солнца. Сегодня в центре всех земных дел — ее муж! Сегодня вся Бенгалия превратилась в сцену, занавес поднялся, и перед изумленными зрителями показался главный, единственный герой — Онатхбондху! Очищение — это не признание совершенных грехов, а выражение доброжелательности. Он приехал из Англии и сегодня возвращается в общину индусов, приумножая тем самым славу всего индуизма. Блеск этой славы тысячами лучей озаряет всю страну и отражается на любящем личике Биндебашини. Далеко позади остались все большие и малые невзгоды ее горькой жизни! Сегодня, на глазах у всех родственников в переполненном гостями родительском доме, она с поднятой головой приближается к подножью славы. Сегодня величие мужа сделало и его недостойную жену предметом всеобщего уважения.

Итак, церемония свершилась. Онатхбондху приняли в касту. Приглашенные брахманы и гости сели с ним за один стол и с аппетитом принялись за угощение.

После трапезы родственницы вызвали зятя на женскую половину дома, чтобы посмотреть на него. Онатхбондху поднялся, непринужденно жуя бетель, и с самодовольной улыбкой на устах, ленивой, медлительной походкой направился к ним, волоча чадор по полу.

Брахманам начали готовить подарки — дакшины, и они, усевшись в гостиной, принялись шумно доказывать свою ученость. Раджкumar-бабу пришел посидеть с пандитами и немножко отдохнуть. Он прислушивался к их спору о смрити — своде религиозных законов индустов, когда к нему подошел привратник и подал визитную карточку.

— Пришла какая-то мэм-сахиб, — сказал он на хинди.

Раджкumar-бабу удивился. Затем он бросил взгляд на карточку, там по-английски было написано «миссис Онатхбондху Шоркар», что значит «жена господина Онатхбондху».

Раджкumar-бабу долго и внимательно смотрел на карточку, но никак не мог уловить смысла. В это время только что приехавшая англичанка сама вошла в гости-

ную. Краснощекая, рыжеволосая, голубоглазая, белая, как молоко, и изящная, как газель, она остановилась посреди комнаты, всматриваясь в окружающих и не находя столь знакомого и дорогого ей лица.

При виде мэм-сахиб пандиты разом смолкли, прекратив спор. В гостиной воцарилась зловещая тишина. И тут все той же ленивой, медлительной походкой, волоча чадор по полу, на сцену вновь вышел Онатхбондху.

Англичанка мгновенно подбежала к нему, крепко обняла и запечатлела на его красных от бетеля губах звонкий супружеский поцелуй.

В тот день пандиты больше не спорили.

СУДЬЯ

I

Человек, у которого после долгих скитаний Кхирода нашла убежище, бросил ее, как негодную тряпку.

Мысль о том, что ей снова придется ради куска хлеба и крова над головой искать нового покровителя, вызвала у Кхироды глубокое отвращение. Она была уже не молода.

С уходом молодости в жизни наступает прекрасная пора, подобная солнечной осени, — спокойная и глубокая. В эту пору созревает нива жизни и поспевают плоды. Весеннее сумасбродство юности становится тогда неуместным. Мы словно завершаем создание своего земного дома. В эту пору все пережитое — хорошее и плохое, радостное и горестное — изменяет наше сознание. Мы отрешаемся от заблуждений волшебного мира грез, от сказочных желаний и устраиваем жизнь так, как это позволяют наши ограниченные возможности. Манящий взгляд новой возлюбленной уже не влечет нас, и мы начинаем больше ценить старые привязанности. Свежесть юности к тому времени уже блекнет, а нестареющая душа человека после долгой совместной жизни все яснее проступает в выражении лица и глаз. Голос, улыбка, взгляд становятся теперь совсем другими и гармонируют с внутренним миром человека. Мы расстаемся с несбывшимися надеждами, перестаем горевать о тех, кто нас покинул,

прощаем тем, кто нас обманул. И тогда мы отдаем наше сердце тому, кто находится рядом, кто полюбил нас, кто остался верным после всех жизненных бурь и горьких разлук, мы ощущаем тихую радость и покой, когда остаемся в милом кругу давно испытанных, верных друзей. И горе тем, кто вынужден в эти мягкие сумерки жизни тщетно гнаться за новыми привязанностями и приобретениями, у кого не приготовлено ложе для отдыха, для кого не зажжен свет, когда вечером он возвращается домой.

Когда Кхирода, проснувшись утром, обнаружила, что ее любовник сбежал, прихватив заодно все ее украшения и деньги, и что теперь ей нечем уплатить за квартиру и не на что купить молока для трехлетнего сына; когда она подумала, что ей уже тридцать восемь лет, что у нее нет на свете ни одной близкой души и она не может даже умереть в своем доме; когда она представила себе, что сегодня ей снова придется, вытерев слезы, накрасить ресницы, губы и щеки и, всячески скрывая свой возраст, весело улыбаться, с бесконечным терпением сплетая сеть иллюзий для сердца мужчины, она заперла дверь и, рухнув на землю, забила голову о пол.

Весь день она ничего не ела и лежала как мертвая. Наступил вечер. В комнате стало темно. Случайно забрел к ней один из ее прежних любовников.

— Кхиро! — позвал он. — Открой мне, Кхиро!

Женщина распахнула дверь и, рыча, как тигрица, выскочила на улицу с метлой в руках. Любвеобильный юнец поспешил ретироваться.

Но шум разбудил мальчика, который, проплакав весь день от голода, забрался под топчан и там уснул.

— Мама! — закричал он пронзительно. — Ма, ма!

Кхирода схватила горько плакавшего ребенка, крепко прижала его к груди, выбежала на улицу и бросилась в колодезь.

На шум сбежались соседи с фонарями. Кхироду и ребенка быстро вытащили. Мать была без сознания, но мальчик умер.

В больнице Кхироду вылечили. А когда она вышла оттуда, судья привлек ее к ответственности за убийство ребенка.

Судья Мохитмохон Дотто был видным правительственным чиновником. Он вел судебное разбирательство по всей строгости закона, и Кхироду приговорили к повешению. Напрасно адвокаты говорили о горестном положении несчастной и пытались ее спасти, — они ничего не добились. Судья не нашел никаких оснований для снисхождения.

На это у судьи были свои причины. Он хоть и называл индусских женщин богинями, но в душе не доверял им. Судья полагал, что все они склонны к нарушению семейных уз.

Стоит только ослабить за ними надзор — и в обществе не останется ни одной порядочной женщины.

Такое убеждение сложилось у судьи не случайно. Чтобы понять, почему это произошло, нам придется вспомнить некоторые события его юности.

Мохитмохон Дотто, студент второго курса колледжа, был в то время совсем не таким, как сейчас. Теперь на темени у него сверкает плешь, а затылок украшает тики. Острая бритва каждое утро уничтожает всякие следы растительности на лице. А тогда... Золотые очки, борода, усы и европейская прическа делали его похожим на бога Карттикея в издании XIX века. Он тщательно следил за своей внешностью, не питал отвращения ни к вину, ни к мясу и обладал еще кое-какими слабостями.

Неподалеку от его дома жило семейство, в котором томила дочь-вдова по имени Хемшоши, совсем молоденькая, лет четырнадцать — пятнадцать.

Синеющие, покрытые лесом берега кажутся с моря сказочными и прекрасными. Вдовство заставило Хемшоши держаться вдали от реального мира, потому он казался ей дворцом на далеком берегу, полным заманчивых тайн и веселья. Она не знала, что механизм этого мира жесток и сложен, что счастье в нем отравлено горечью и отчаянием, сомнениями и опасностями. Жизнь представлялась ей легкой, как прозрачный поток, а дороги мира — широкими и прямыми. Ей казалось, будто счастье обитает только там, за ее окнами, а здесь, в ее нежном

и пылком сердце, теснятся одни лишь неудовлетворенные желания. Свежий ветерок юности веял тогда в просторах ее души и наполнял всю всеleyнную переливами весенней радуги. В биении ее сердца отражалась лазурь небес, и мир раскрывался в благоухании ее души, как нежные лепестки красного лотоса.

У нее были отец, мать и два младших брата. Братья, позавтракав, уходили в школу, потом возвращались, обедали и снова уходили в вечерние классы повторять уроки. Отец на свое скромное жалованье не мог взять для них репетитора.

В свободное время Хем любила сидеть в одиночестве в своей комнатке. Она жадно разглядывала прохожих, сновавших по тротуару, прислушивалась к звонким голосам уличных торговцев, и ей казалось, что все люди счастливы. Она думала, что нищие — это просто вольные птицы, а уличные торговцы — лишь актеры, мелькающие на радостной сцене жизни, и им вовсе не нужно в поте лица зарабатывать себе на пропитание.

По несколько раз в день она видела, как под окном проходил, высокомерно выпятив грудь, одетый с иголки Мохит. Ей он казался похожим на великого Индру, самым счастливым и самым лучшим из всех мужчин. Она была уверена, что этот гордый, прекрасно одетый юноша обладает всем и на все имеет право. Мысленно она обожествляла Мохита, украшая его всевозможными добродетелями, и забавлялась этим, как маленькая девочка, играющая с куклой.

Как-то вечером Хем увидела, что окна в доме Мохита ярко освещены. Оттуда доносился звон браслетов танцовщиц и голоса певиц. Всю ночь она не спала, глядя жадными глазами на движущиеся тени в доме напротив, и сердце ее ныло и трепетало в груди, как птица в клетке.

Она не осуждала свое божество. Нет, как бабочки летят на огонь, принимая его за свет звезд, так и Хем принимала ярко освещенные окна квартиры Мохита, откуда доносились зовущая к наслаждениям музыка и пение, за райскую обитель. Бодрствуя в ночной темноте, она создавала из света и теней, музыки и собственных желаний и грез какое-то волшебное царство. На трон

она возвела своего кумира и взирала на него с изумлением и восторгом. В своем безмолвном одиноком жилище она сжигала на углях своих желаний, словно на жертвенном огне, жизнь и молодость, настоящее и грядущее, счастье и горе. Поклоняясь своему божеству, она не знала, что в особняке напротив среди вихря развлечений и веселья царят безмерная усталость, пресыщенность, нечистые желания и губительный порок.

Юная вдова не знала, что в эти бессонные, залитые огнями ночи в роскошном особняке ведется смертельная игра и звучит жестокий лицемерный смех.

Хем могла бы всю жизнь провести в одиночестве у окна, мечтая об этом иллюзорном царстве и своем божестве. Но, к несчастью, божество смилостивилось, и небо стало снижаться. Соприкоснувшись с землей, небо исчезло; но с ним погибла и та, которая так долго создавала его в своих мечтах.

Я не вижу необходимости подробно рассказывать о том, как жадный взор Мохита заметил эту мечтательную девочку у окна, как он слал ей письма с фальшивой подписью Бинодчондро, как получил наконец робкое и взволнованное ответное послание, полное взбудораженных чувств и орфографических ошибок, и какая вслед за этим поднялась буря внутренней борьбы: восхищения и застенчивости, надежд и опасений, сомнений и страха. Весь мир закружился вокруг Хемшоши, опьяненной губительным счастьем. Он кружился вокруг нее все быстрее и быстрее, пока не превратился в какую-то бесплотную тень, и в конце концов, оторвавшись от вертящегося колеса жизни, молодая женщина оказалась отброшенной далеко в сторону.

Однажды глубокой ночью, оставив отца, мать и братьев, Хемшоши вместе с Мохитом, назвавшим себя Бинодчондро, села в экипаж. Когда идол из глины, соломы и мишуры предстал перед нею во плоти, Хемшоши готова была провалиться сквозь землю от стыда и угрызений совести. Не успел экипаж тронуться, как Хем со слезами обняла ноги Мохита и стала упрашивать:

— Умоляю тебя, оставь меня дома, умоляю!

Тогда встревоженный Мохит зажал ей рот, и экипаж помчался,

Словно перед глазами утопающего, пропосились перед Хемшоши во мраке закрытого экипажа картины ее жизни: вот отец по утрам дожидается ее к завтраку; вот вернулся из школы ее младший брат, она кормит его, а он доволен и смеется; вот утром они с матерью готовят бетель, а когда наступает вечер, мать причесывает ее. Она так ярко представляла себе все уголки своего дома, все свои маленькие повседневные дела! Ее тихая, уединенная жизнь в скромной семье теперь казалась ей раем... Приготовлять бетель, причесываться, обмахивать отца веером во время еды, выдергивать у него седые волосы, когда он дремлет после обеда в свободные от работы дни, — даже это, даже шалости братьев — все казалось ей таким мирным, таким полным и теперь — увы! — таким далеким счастьем.

Как могла она не понять, что иного счастья, обладая всем этим, и искать было нечего!

Она подумала о том, что теперь во всех домах порядочные девушки уже спят. Почему она раньше даже не подозревала, какое это блаженство — спать спокойно на своей постели, в своей комнате!

Завтра с утра все женщины без помех займутся своим обычным делом. А где кончится эта бессонная ночь для Хем, убежавшей из дома?

Когда наступит безрадостное утро и веселые, мирные лучи солнца заиграют бликами на стенах домика на углу в переулке, все будет внезапно открыто. Какой позор! Сколько проклятий обрушится тогда на нее, сколько будет пролито слез!

Сердце Хем разрывалось от боли. Рыдая, она стала умолять Мохита:

— Сейчас ночь! Мама и братья еще не проснулись! Отвези меня обратно!

Но божество ничего не хотело слышать. Оно усадило ее в вагон второго класса, наполненный дребезжащим скрипом колес, и увезло туда, где должен был находиться давно ожидаемый рай.

А еще через некоторое время божество и рай, снова усевшись в вагон второго класса, уехали по другой дороге. И Хем осталась одна, по горло в грязи.

Я напомнил лишь об одном эпизоде из прежней жизни Мохитмохона. Чтобы не повторяться, не стану рассказывать о других.

Сейчас нет никакой нужды перетряхивать все эти старые истории. Ведь вряд ли есть на свете человек, который помнит прежнего Бинодчондро. А теперешнее поведение Мохита безупречно: он ежедневно совершает религиозные обряды и постоянно изучает шастры, он учит йоге своих детей и строго следит за женщинами, закрытыми во внутренних покоях, куда нет доступа даже солнцу, луне и ветру. Когда-то Мохит провинился перед несколькими женщинами, и поэтому теперь он сурово наказывает их за малейшие проступки по отношению к обществу.

Через несколько дней после вынесения смертного приговора Кхиросе судья, большой любитель поесть, отправился за овощами на тюремный огород. Кроме того, ему хотелось узнать, испытывает ли узница угрызения совести, вспоминая грехи, совершенные ею за свою преступную жизнь.

Мохит вошел в женское отделение тюрьмы и еще издали услышал шум и крики. Войдя в камеру, он увидел, что Кхиросе переругивается с надзирательницей. Судья усмехнулся:

«Ну и характер у этих женщин. Даже перед лицом смерти они не упустят возможности поскандалить. Они и в царстве Ямы, наверно, будут браниться с его служителями».

Мохит подумал, что соответствующими наставлениями и увещеваниями следовало бы вызвать у осужденной раскаяние. Но когда он подошел с этой благородной целью к Кхиросе, она умоляюще сложила руки и жалобно сказала:

— О господин, прошу тебя, скажи ей, пусть вернут мне кольцо!

Надзирательница объяснила, что кольцо было спрятано в волосах Кхиросы, она случайно его заметила и отобрала.

Мохит еще раз мысленно усмехнулся.

«Ей завтра идти на виселицу, а она все еще думает о каких-то кольцах. Видно, для женщин нет ничего дороже побрякушек!»

— А ну, покажи, что там за кольцо, — приказал он надзирательнице.

На одной стороне кольца была миниатюра на слоновой кости — портрет юноши с бородкой и усами. На другой стороне на золоте было выгравировано «Бинодчондро».

Судья вздрогнул, словно коснулся рукой раскаленного угля.

Оторвав взгляд от кольца, он внимательно посмотрел на Кхироду. Мохит вспомнил нежное, влюбленное и стыдливое личико, залитое слезами, которое он видел двадцать четыре года назад. Да, несомненно, лицо было то же самое!

Судья Мохитмохон Дотто еще раз взглянул на кольцо, и когда потом он медленно поднял голову, падшая женщина, озаренная отблеском маленького кольца, засияла перед ним, как золотое изваяние богини.

ВТОР ЖЕНИЕ

Как-то утром у дороги спорили двое мальчишек. Один из них хвалился, что совершит подвиг — сорвет цветок с куста мадхоби в храме. «Никогда тебе не сделать этого», — говорил другой.

Читатель должен кое-что узнать, чтобы понять, почему так трудно было сделать это пустяковое на первый взгляд дело.

Хозяйкой деревенского храма Радханатха была Джойкали Деби, вдова учителя санскритской школы Мадхобчондро, носившего звание Торкобаккошпоти. Блестящий оратор, Мадхобчондро был беспомощен, когда спорил с женой. Правда, кое-кто из пандитов утверждал, что он был все-таки достоин своего звания. Дело в том, что Джойкали не любила разговаривать, но умела несколькими словами, а то и просто одним взглядом остановить поток самого пылкого красноречия. Но ведь он был ее мужем, стало быть, он владел и плодами ее талантов.

Никто не сомневался в способностях этой высокой, крепкого телосложения женщины, обладавшей не только острым носом, но и острым умом. При жизни ее мужа храм пришел в запустение. Вдова сумела собрать все долги, вернуть храму все принадлежавшие ему земли и имущество. Теперь никто не осмеливался недодать хотя бы грош. У этой женщины, во многом похожей на мужчину, не было достойных подруг. Соседки ее побаивались. Вдова терпеть не могла сплетен, болтовни и хныкания. Избегали ее и мужчины — она могла взглянуть на богатого

бездельника, праздно шатавшегося вокруг храма, таким презрительным взглядом, что даже у самых тупых и бесчувственных холодели сердца.

Да, эта пожилая вдова умела не только презирать, но и выразить свое презрение. Она могла словом, жестом просто испепелить провинившегося.

Джойкали была неременной участницей всего печального и радостного, что случалось в деревне, она везде без всяких усилий занимала самое почетное место, причем ни она сама, ни кто из присутствующих не сомневался, что это место должно принадлежать именно ей.

Джойкали умела искусно ухаживать за больными, но больные боялись ее, как бога Яму. Гнев ее, обратившийся на того, кто нарушил режим или диету, жег сильнее, чем болезнь.

Эта худощавая, суровая вдова была словно карающий меч провидения, занесенный над каждым человеком в деревне. Никто не осмеливался ей перечить или проявить к ней хоть какие-нибудь теплые чувства. И хотя она была связана с каждым жителем деревни, не было человека более одинокого, чем Джойкали.

Вдова была бездетна и воспитывала двух племянников-сирот. Никто не мог бы сказать, что их воспитание страдало от отсутствия мужчины в доме или от слепой любви тетки.

Старшему племяннику исполнилось восемнадцать лет. Ему уже не раз засылали сватов, да и сам он был не прочь жениться. Но тетка не поощряла его. В ее воображении не возникали, как у других женщин, трогательные картины счастья юной супружеской пары. Она с неудовольствием думала о том, что ее племянник станет праздно сидеть дома, а заботы жены будут лишь тешить его тщеславие. «Пусть Пулин сперва научится зарабатывать, а потом уже приводит жену в дом», — строго говорила она. Ее наставления приводили в отчаяние соседских девушек.

Но главным в жизни Джойкали был храм. Она не допускала малейших отклонений от установленных ритуалов. Прислуживавшие идолу два брахмана боялись этой женщины гораздо больше, чем божества. Раньше божеству доставалось далеко не все то, что ему предназнача-

лось, ибо у брахманов был еще один тайный идол, которого звали Нистарини. Масло, молоко, творог, мука — все делилось поровну между раем и адом.

Но теперь, когда здесь безраздельно властвовала Джойкали, божество получало все сполна. А полубоги должны были искать пропитания в другом месте.

Благодаря заботам вдовы двор храма сверкал чистой, нигде не было ни травинки. У постамента идола вился куст мадхоби. От зоркого взгляда вдовы не ускользал ни один пожелтевший листок, который тут же выбрасывался. Джойкали казалось невозможным нарушение святости храма.

Раньше деревенские ребяташки, играя, любили прятаться в храме; забегали во двор и козлята, чтобы полакаться нежной корой мадхоби. Теперь же детей пускали сюда только во время богослужения, а голодные козлята, получив удар палкой и жалобно бляя, убегали в поисках матери-козы.

Совершившие какой-нибудь грех, пусть даже это были ближайшие родственники Джойкали, в храм больше не допускались. Как-то Джойкали выгнала приехавшего навестить ее шурина (он любил полакомиться курицей, приготовленной не индусом) и чуть не рассорилась из-за этого навсегда с родной сестрой.

Такой педантизм и набожность, по мнению многих, граничили с помешательством.

Суровая и непреклонная Джойкали совершенно преобразилась в храме. Перед идолом она становилась матерью, женой и служанкой, внимательной, нежной и покорной. Этот каменный храм и каменное изваяние были единственным кумиром, на который она обращала скрытые порывы своей женской души. Идол был для нее мужем, сыном, всей ее семьей.

Теперь читатель легко поймет, какое рискованное предприятие затеял мальчик, споривший утром у дороги со своим приятелем. Это был Нолин, сын младшего брата Джойкали. Он хорошо знал свою тетку, но это лишь разжигало его озорную натуру. Нолина всегда влекла опасность и возможность нарушить какой-нибудь запрет. Говорят, что в детстве у тетки был точно такой же характер.

...Когда Нолин крался к кусту мадхоби, тетка сидела на веранде и, перебирая четки, с благоговением и материнской нежностью взирала на идола.

Цветов на нижних ветках уже не было — их собрали для богослужения. Тогда Нолин осторожно взобрался на деревянные подмости и потянулся к цветам, уцелевшим на верхней ветке, но тут ветхое сооружение не выдержало тяжести, и мальчик рухнул вместе с кустом на землю.

Подбежавшая Джойкали сразу поняла, что натворил ее племянник, с силой подняла мальчика с земли и безжалостно его отшлепала. Она била мальчика, не желая видеть, что он расшибся и ему без того больно. Ведь те ушибы ему нанесла слепая сила...

Мальчик не проронил ни одной слезы и все вынес молча. Тогда тетка втащила его в дом, заперла в комнате и лишила ужина. Напрасно служанка Мокхода со слезами на глазах умоляла простить мальчика. Джойкали была беспощадна, а в доме не было смельчака, который решился бы накормить голодного ребенка тайком, без ведома хозяйки.

Джойкали послала за мастером, чтобы починить подмости, и снова уселась с четками перед идолом. Опять подошла Мокхода. Она просила разрешить дать голодному мальчику теплого молока. Каменное лицо Джойкали оставалось непреклонным.

Из комнаты доносился жалобный плач. Потом послышался громкий рев Нолина. Тетка, поглощенная молитвой, словно ничего не слыхала.

Теперь слышался лишь глухой хрип. Неожиданно совсем близко раздался чей-то отчаянный крик. Он смешался с шумом откуда-то бегущих людей, и на дороге, напротив храма, поднялась возня.

Вдруг во дворе храма послышался шорох. Тут Джойкали повернулась и увидела, что листья лежавшего на земле куста мадхоби слегка колыблются. «Нолин», — сердито позвала она, думая, что упрямый мальчишка неведомо как сбежал из-под замка, чтобы снова ее позлить.

Джойкали сердито сжала губы, подошла к кусту и опять позвала: «Нолин». Ответа не было. Тогда она раздвинула ветки и увидела там дрожавшего от страха грязного поросенка. Прекрасный куст, который в уменьшен-

ном виде напоминал роши Вриндавана, в благоухании распустившихся цветов которого чудился аромат дыхания пастушек, пробудившихся после волшебных снов на берегу Калинды, куст, возвращенный на священной земле, этот предмет неустанных забот вдовы, был осквернен...

Подошел брахман с палкой, чтобы прогнать животное, но Джойкали властным движением руки остановила его. Вдова быстро подошла к воротам храма и заперла их изнутри. Вскоре у ворот зашумела толпа пьяных из касты доми. Они требовали вернуть им жертвенное животное.

— Убирайтесь прочь, не смейте осквернять храм! — крикнула им Джойкали.

Они не верили своим глазам — Джойкали дала приют в храме Радханатха нечистому животному.

Это маленькое происшествие вызвало довольную улыбку у великого творца вселенной. Но маленький божок, именуемый деревенской общиной, был не на шутку встревожен.

1904

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем томе два социально-психологических романа — «Песчинка» («Чокербали») и «Крушение» и шесть рассказов были написаны Р. Тагором в конце XIX — начале XX века.

В истории Индии этот период характеризуется дальнейшим развитием капиталистических отношений и усилением колониальной эксплуатации, ростом крестьянского движения, первыми организованными выступлениями рабочего класса, созданием всеиндийских политических организаций и, прежде всего, партии Индийский национальный конгресс, сплочением демократических сил, поддерживающих стремление народных масс к национальному и социальному освобождению.

Экономические, социальные и политические изменения в стране, естественно, оказывали определенное воздействие на развитие многонациональной индийской литературы, в том числе литературы бенгали. К началу XX века бенгальская литература сумела преодолеть условный классицизм с его традиционными образами и мифологическим сюжетом.

Среди новых художественных жанров в Бенгалии второй половины XIX века особую популярность приобрел исторический роман. Создателями романа явились Бхудеб Мукхопаддхай (1825—1894) и Ромешчондро Дотто (1848—1909), но художественное совершенство, яркий национальный колорит этот жанр получил только в творчестве Бонкимчондро Чоттопаддхая (1838—1894) — по выражению индийских критиков, «бенгальского Вальтера Скотта».

В основу своих романов «Дочь полководца» (1865), «Чондрешекхор» (1875), «Обитель радости» (1882), «Радж Сингх» (1893) Бонкимчондро положил реальные события близкого и далекого героического прошлого индийского народа, его справедливую борьбу против иноземных завоевателей. Написанные в романтическом духе, произведения Бонкимчондро развивали патриотические чувства индийцев, утверждали их веру в свои силы, в конечное торжество освободительных идей.

Наряду с романтизмом, господствовавшим как в прозе (например, исторические романы), так и в поэзии (стихи и поэмы Бихарилала Чоккроборти, Оккхойкумара Борала, Модхушудона Дотто, Хемчондро Бондопаддхайя), в бенгальской литературе конца XIX века постепенно складывается направление реалистическое, представленное сатирой Оккхойкумара Дотто (1820—1886) и Калипрошонно Шинхо (1840—1870), драмами Модхушудона Дотто (1824—1873) и Динобондху Миттро (1830—1873) и социально-бытовыми романами Тарокнатха Гонгопаддхая (1843—1891) и Бонкимчондро Чоттопаддхая.

Исторические и социально-бытовые романы Бонкимчондро и его современников подготовили благодатную почву для дальнейшего расцвета романа в Бенгалии.

В числе последователей Бонкимчондро выступил и Рабиндранат Тагор. Его первые прозаические произведения на историческую тему — «Берег Бибхи» (1882) и «Раджа-мудрец» (1887) создавались под несомненным воздействием творчества этого большого и многогранного художника.

И к «Берегу Бибхи» и к «Радже-мудрецу» сам Тагор относился весьма критически, считая их далеко не совершенными, и нужен был пятнадцатилетний перерыв после их выхода в свет, чтобы писатель вернулся к жанру романа.

В середине 90-х годов Тагор вступил в зрелую пору своего творчества, когда имя его как драматурга, поэта, музыканта и публициста получило широкую известность во всех слоях индийского общества. В это же время Тагор предстает перед читателем и как автор замечательных рассказов, в которых правдиво и ярко отразилась жизнь простого народа.

В данный том вошли рассказы «Мринмойи», «Разгаданная загадка», «Вторжение», «Свет и тени», «Искупление» и «Судья». Все они были созданы Тагором в течение 1893—1904 годов. Как эти, так и многие другие его рассказы отличаются подлинной реалистичностью, актуальностью содержания, гуманностью на-

правления и занимательностью сюжета. Их критический пафос не утратил своего общественного значения и для современной Индии.

Тагор обличает и развенчивает фальшь и лицемерие членов индуистской общины, раскрывает истинные причины их благотворительности («Разгаданная загадка»); ополчается против носителей старой феодальной морали, воспринявших к тому же все пороки западной буржуазной цивилизации («Искупление»).

Трагична судьба вдовы в современном Тагору обществе. Не имея права вторично выйти замуж, она вынуждена либо отказаться от личного счастья, от любви, либо встать на путь бесчестья, который нередко приводит ее к гибели («Судья»).

Сообщения в местных газетах о том, что один англичанин изрубил сеть рыбаков, а другой для забавы открыл стрельбу по рыбацкому баркасу и потопил его, вызвали глубокое возмущение писателя. В статье «Расплата за оскорбление», опубликованной в журнале «Шадхона» в 1894 году, и в рассказе «Свет и тени» Тагор выступил с гневным протестом против безнаказанных действий колонизаторов в Индии, решительно осудил тех, кто, вопреки человеческому достоинству, раболепствует перед англичанами, равнодушно взирая на горькую судьбу своих соотечественников.

В рассказе «Свет и тени» нельзя не увидеть освободительных идей «свадешы», которые десятью годами позже вдохновили народы Индии на борьбу против иностранного господства. Но в то время герой рассказа Шошибхушон, искренне желающий счастья своему народу и всячески стремящийся добиться правды и справедливости, был одинок в своей борьбе и потому потерпел поражение.

Действительные события положены и в основу рассказа «Вторжение». В 1893 году в Индию приехал юноша-швед, который решил посвятить свою жизнь бескорыстному служению индийскому народу. Вскоре, однако, он умер и в своем завещании просил, чтобы останки его были сожжены по индийскому обычаю. Эта невинная, казалось бы, просьба умершего вызвала бурю негодования у членов индуистской общины, которые сочли бы себя оскверненными, если бы погребальный обряд был совершен над чужеземцем. В ответ на это Тагор написал статью «Иностранцы гости и наше гостеприимство», а вслед за тем рассказ «Вторжение» на ту же тему.

В 1900 году вышла в свет повесть «Разрушенное гнездо», повесть о сложных и очень противоречивых отношениях в индийской семье. Она явилась переходной ступенью от жанра короткого рассказа к роману, причем роману социально-психологическому. В этой повести, как и в последующих романах, в том числе и в романе «Песчинка», выразителями передовых идей выступают женщины. Из тесных стен онтохпура они рвутся к свету, к знаниям, мечтают о большой любви и подлинной свободе.

В первоначальном черновом варианте, относящемся к началу 1900 года, роман «Песчинка» назывался «Бинодини» по имени его главной героини. Затем, после неоднократной авторской переработки, произведение получило название «Чокербали» («Соринка в глазу») и в 1901—1902 годах было впервые опубликовано по частям в журнале «Бонгодоршон».

Известно, что вопрос об эмансипации индийской женщины, освобождении ее от домашнего рабства, неоднократно поднимали в печати выдающиеся общественные деятели Индии — Раммохон Рай, Ишшорчондро Биддашагор и другие. Во времена Тагора эта проблема не утратила своей остроты.

Трагический образ обездоленной и всеми презираемой женщины-вдовы в 70-х годах XIX века нашел художественное воплощение в романах Бонкимчондро «Ядовитое дерево» и «Завещание Кришноканто». Этот образ не мог не найти своего отражения и в творчестве Рабиндраната Тагора.

Перед нами героиня «Песчинки» — Бинодини, красивая, умная и очень способная женщина. Несмотря на бедность, родители дали ей хорошее образование, однако обеспечить дочери приданое не могли. Опасаясь, что Бинодини не выйдет замуж, родители готовы выдать ее за кого угодно. Вскоре после свадьбы Бинодини остается вдовой. Она обречена на одиночество и полунищенское существование в глухой деревушке. Однако обстоятельства складываются так, что она попадает в Калькутту и здесь, преодолевая многочисленные препятствия, с удивительной настойчивостью и энергией добивается выполнения своего заветного желания — любви скромного и благородного юноши — Бихари, который готов соединить с ней свою жизнь. Казалось, еще шаг — и победа на стороне Бинодини! Но молодой вдове слишком дорога чистая любовь Бихари, и она не хочет приносить ее в жертву кастовым и религиозным предрассудкам.

«...наш брак невозможен, — говорит Бинодини. — Общество и религия никогда не признают его... Если ты женишься на мне, тебя изгонят из касты, ты окажешься отверженным».

Столь категорический и неожиданный отказ Бинодини от вторичного замужества некоторые бенгальские критики (например, Пробхаткумар Мукхопадхай) склонны объяснять стремлением самого Тагора по возможности ослабить ту отрицательную реакцию, которую мог вызвать в обществе того времени роман с вполне счастливой для героини-вдовы развязкой.

На наш взгляд, подобное объяснение страдает весьма существенным недостатком, поскольку целиком и полностью строится на догадке. Мотивировку действий и поступков героини, в том числе ее отказ вступить в брак с любимым и любящим человеком, мы усматриваем не во внешних, привходящих обстоятельствах, а в художественном закономерном развитии этого сложного и противоречивого образа, в той напряженной внутренней психологической борьбе между чувством и долгом, которая ни на минуту не прекращается в душе героини.

Теплыми красками нарисован в романе и другой женский образ — образ Аши. Так же как Бинодини, Аша стремится к самостоятельности и относительной свободе.

Роман «Песчинка» относится к весьма примечательным и качественно новым явлениям в бенгальской литературе. В отличие от целого ряда произведений индийских авторов того времени, где действиями и поступками героев управляют фантастические, сверхъестественные и божественные силы, в «Песчинке» на первый план выдвигаются психологические моменты. Проникновенное и глубокое раскрытие внутреннего мира героев, их многообразных душевных качеств составляют несомненную заслугу Тагора-романиста. Раджлокхи и Аннапурне, Аше и Бинодини, Мохендро и Бихари знакомы любовь и ревность, страдание и радость. Перед читателем проходят живые люди, и каждый из них по-своему выражает протест против индуистской ортодоксальной морали, сковывающей развитие человеческой личности.

В художественном отношении «Песчинка» отличается композиционной стройностью, строгостью отбора художественных деталей и образностью языка, в котором не последнюю роль играют использованные писателем афористические жанры народного творчества.

Через два с половиной года после выхода в свет «Песчинки» в том же журнале «Бонгодоршоп» появляется роман Р. Тагора «Крушение» (1903—1905).

Само название романа раскрывает главную мысль автора — неминуемое разрушение патриархальных устоев, ломка и крушение старинных нравов, обычаев, верований и понятий под мощным напором новых общественных отношений.

В «Крушении» Тагор значительно раздвигает тематические рамки своего повествования и касается не только проблемы семьи и брака, как это было в «Песчинке», но и многих других проблем. Здесь особое внимание писатель уделяет жизни и быту индийской интеллигенции, вопросам религии и морали.

Чтобы понять сложность ситуации, в которой очутились герои романа Ромеш и Комола, надо иметь в виду, что по моральным кодексам индуизма женщина, получившая приют в доме постороннего мужчины, не может возвратиться к мужу и обречена на одинокую жизнь.

Несмотря на это, Комола отправляется на розыски своего мужа. Ради встречи с ним она готова на любые страдания и лишения.

В оппозиции к старому патриархальному укладу находятся и другие герои романа. Ромеш, которого отец принудил жениться на Шушילה, не может побороть в себе искренних и глубоких чувств к Хемнолини. Хемнолини, в свою очередь, является противницей брака «по сговору», а Нолинакхо, несмотря на то, что Комолу на некоторое время приютил Ромеш, готов принять ее в свой дом.

В психологии и поступках главных героев «Крушения» отражается то новое, что появилось и начало укрепляться в духовной жизни Индии на рубеже XIX—XX веков.

Известное влияние на роман оказали идеи религиозно-реформаторского и просветительского общества «Брахма-Самадж», в деятельности которого непосредственное участие принимали сам Тагор, его дед и отец.

В «Крушении» писатель показал, какую популярность приобрело общество «Брахма-Самадж» среди бенгальской интеллигенции. Недаром проповеди брахмасамаджиста доктора Нолинакхо находят горячий отклик в сердце Хемнолини и ее отца Ояноды-бабу. Идеи «Брахма-Самаджа» оказывают также определенное воздействие на Ромеша, дядюшку Чоккроборти и даже на правоверную индуистку — мать Нолинакхо, которая при

всем своим благочестии не может не считаться со взглядами сына.

Однако не везде и далеко не во всем Тагор усматривал благотворное влияние «Брахма-Самаджа». Вследствие возникших внутри общества разногласий, его религиозные и этические доктрины постепенно утратили свое прогрессивное значение. По мнению писателя, идеалы «Брахма-Самаджа» не всегда могли служить целям воспитания воли и характера человека и нередко толкали его на самые противоречивые поступки.

Ярче всего это проявилось в жизни одного из героев романа «Крушение» — Нолинакхо. Проповедник идей «Брахма-Самаджа», Нолинакхо, тем не менее, всецело подчиняется воле матери, сторонницы ортодоксального индуизма, и всячески поддерживает ее традиционный уклад жизни.

Среди героев романа наибольшей симпатией Тагора пользуются представители простого народа. Комолу писатель наделяет благородством, скромностью, чувством собственного достоинства, постоянством характера и удивительным упорством в достижении намеченной цели. В отличие от Хемнолини, она — цельная, сильная и энергичная натура.

С большой душевной теплотой и выразительностью нарисованы в романе второстепенные персонажи: заботливый и отзывчивый дядюшка Чоккроборти, прообразом которого послужил один из друзей Тагора, сметливый и добрый Умеш.

Так же как «Песчинку», роман «Крушение» бенгальские критики совершенно справедливо считают важной вехой в истории индийской литературы, в развитии и укреплении в ней реалистического метода.

В. Новикова

КОММЕНТАРИИ

ПЕСЧИКА

Стр. 8. *Благоприятный взгляд* — часть индийского свадебного обряда, когда невеста открывает лицо.

«Мэм» — здесь: в значении воспитательница-англичанка.

Стр. 9. *Медж-боу* — жена среднего брата.

Стр. 11. *Пан* — особо приготовленная смесь из листьев бетеля и специй. Жевать пан — привычка, широко распространенная в Индии.

Стр. 12. *Дхоти* — национальная мужская одежда; кусок ткани, обернутый вокруг бедер и спускающийся ниже колен.

Бабу — господин, обычно прибавляется к мужскому имени.

Чойтро — первый месяц нового бенгальского календаря, соответствует марту — апрелю.

Стр. 13. *Чадор* — широкий шарф, часть верхней мужской одежды.

Стр. 14. *Лакими* — в индийской мифологии богиня счастья и процветания, идеал верной жены и безукоризненной хозяйки.

Луци — лепешки из пшеничной муки, жаренные в топленом масле.

Стр. 17. *Диди* — старшая сестра, часто употребляется как обращение сестер или близких подруг друг к другу.

Стр. 22. «*Чарупатх*» — книга для начального чтения, составленная Оккхойкумаром Дотто (1820—1886).

Стр. 24. *Ботхан* (или боутхан, будиди или боуди) — почтительно-ласковое обращение к жене старшего брата или друга.

Стр. 28. «*Прекрасней рая*» — выражение из пословицы, популярной в Бенгалии: «Родная деревня — прекрасней рая».

Стр. 29. *Тари* — сок пальмового дерева.

Бонким — Бонкимчондро Чоттопаддхай (1838—1894) *Динобондху Миттро* (1830—1873) — классики бенгальской литературы.

Стр. 32. *Дурга* — богиня, супруга бога Шивы; культ богини Дурги широко распространен в Бенгалии.

Стр. 35. *Она встала и прикрыла лицо краем сари...* — Согласно обычаям, существующим в индийских семьях, женщины должны закрыть лицо или покинуть комнату, если входит посторонний мужчина.

Стр. 41. «*Ядовитое дерево*» — роман Бонкимчондро Чоттопаддхая, в котором рассказывается, как одна из героинь, вдова, невольно становится причиной разрушения семьи.

Кундо — имя молодой вдовы из романа «Ядовитое дерево».

Стр. 44...*сегодня чакора предпочитает облако луне?* — По преданию, птица чакора влюблена в луну и кормится только лунным светом (здесь Бинодини сравнивает Ашу с чакорой, Мохендро с луной, а себя — с облаком).

Стр. 50. *Раджпуты* — народ, населяющий область Раджпутаны в центральной Индии, а также название военно-земледельческой касты, к которой принадлежит значительная часть феодальной знати.

Стр. 55. *Онтохпур* — женская половина дома.

Стр. 67. *Это будет для меня поистине «приятное чтение»* — намек на буквальное значение слова «Чарупатх», что значит «приятное чтение».

Стр. 81. *Лакшман* — один из героев индийской эпической поэмы «Рамаяна». Брат Рамы, сопровождавший его в изгнание и деливший с ним все лишения и опасности.

Чатака — птица, поющая во время дождей. Согласно легендам, питается каплями дождя.

Стр. 86. *Синдур* — красная краска, которой замужние женщины красят пробор.

Стр. 91. *Тхакурпо* — здесь: почтительное обращение.

Стр. 94. *Фальгун* — двенадцатый месяц нового бенгальского календаря, соответствует февралю — марту.

Стр. 100. *Яма* — бог смерти и правосудия в индийском пантеоне.

Стр. 108. *Только что тут резвился бог любви, и теперь его вторично обратили в пепел* — намек на известную легенду о боге любви Камадеве, который был испепелен Шивой за то, что посмел послать в него стрелу любви.

Стр. 110. *Вишнуиты* — почитатели Вишну, бога-хранителя.

Стр. 122. *«Припадаю к твоим лотосоподобным стопам»* — одно из широкораспространенных в Бенгалии обращений в письме.

Стр. 126. *«Обитель радости»* — исторический роман Бонкимчондро Чоттопаддхая.

Стр. 128. *Голдигхи* — пруд в северной части Калькутты.

Стр. 129. *«Копалокундола»* — роман Бонкимчондро Чоттопаддхая.

Стр. 139. *Шастры* — священные книги индуизма, содержащие сведения философского, религиозного и нравоучительного характера.

Стр. 144. *...в ушах победно звучали раковины...* — Некоторые виды крупных морских раковин используются в Индии в качестве музыкальных инструментов.

Стр. 156. *Бхишма* — один из героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

Стр. 164. *...на запад* — то есть на север Индии.

Стр. 168. *Пураны* (от санскр. пурана, букв. древний) — памятники древнеиндийской литературы, посвященные божествам Вишну и Шиве. Написаны на санскрите. Пураны создавались в течение длительного периода. Уже в VII веке они пользовались широкой популярностью в Индии. Пураны — наиболее живая и демократическая форма религиозно-эпической литературы. В отличие от вед, чтение пуран разрешалось женщинам и представителям «низших» каст. Всего известно восемнадцать пуран. Наиболее популярна Бхагавата-пурана.

Стр. 169. *Анкуш* — железный крюк, которым погоняют слонов.

Стр. 177. *Бали* — пригород Калькутты.

Стр. 180. *Гуру* — духовный наставник, учитель.

Стр. 185. *Мать Хару*. — В Бенгалии служанок часто называют по имени их детей, обычно — старшего сына. Хару — сын служанки, о которой идет речь.

Стр. 189. *Гаруда* — в индийской мифологии царь птиц, на нем ездит бог Вишну.

Ашарх — четвертый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому июню—июлю.

Стр. 193. *Да, милый, огонь скоро понадобится, но не для этого!* — Имеется в виду индийский погребальный обряд — сожжение умершего на костре.

Стр. 199. *Золотая вина* — струнный музыкальный инструмент. *Вриндаван* — священная роща на берегу реки Джамуны, где, по преданию, происходили игры бога Кришны с пастушками.

Стр. 200. *Бессмертная пастушка*. — Имеется в виду Радха — возлюбленная бога Кришны.

Стр. 208. *Давай же откыне называть тебя Бинод-Бихари* — игра слов: Бинод-Бихари в переводе означает «тот, кто наслаждается Бинод».

Стр. 209. *Я стану отшельницей, чтобы заслужить тебя в следующем рождении* — согласно религиозно-философским представлениям индусов, человек не умирает, а только перевоплощается, рождаясь в форме иного живого существа или человека. Судьба и положение в жизни каждого человека находятся в прямой зависимости от того, какой образ жизни вел он в своем прошлом существовании.

Стр. 213. *Пальмовый лист* — В Индии пальмовые листья употребляются в качестве тарелок.

К Р У Ш Е Н И Е

Стр. 225. *Сарасвати* — богиня мудрости и красноречия, покровительница наук.

«Брахма-Самадж» — религиозная организация, основанная в 1828 году видным просветителем и публицистом Индии Раммохоном Раем. Сторонники «Брахма-Самаджа» призывали к отказу от многих традиций и предрассудков ортодоксального индуизма.

Стр. 226. *Дада* — старший брат, а также обращение к старшему.

Стр. 230. *Падма* — один из самых крупных рукавов Ганги при впадении в Бенгальский залив.

Стр. 250. *Пуджа* — осенний праздник в честь богини Дурги. На это время (около десяти дней) закрываются учреждения и учебные заведения.

Стр. 252. *Индуизм* — одно из наиболее распространенных в Индии религиозных верований. Ортодоксальный индуизм предусматривает строгое соблюдение обрядности и кастового деления.

Стр. 257. *Майдан* — площадь в центре Калькутты.

Стр. 265. *...их сердца обменяются гирляндами верности...* — По индийскому свадебному обычаю, жених и невеста надевают на шею друг другу цветочные гирлянды — символ любви и верности.

Стр. 270. *Деодар* — гималайский кедр.

Стр. 278. *Бонти* — специальный нож для резки овощей и фруктов.

Стр. 298. *Каяста* — каста писцов, одна из привилегированных каст высшего сословия.

Кхичури — тушеные овощи с рисом.

Шил-нора — два плоских камня для растирания пряностей.

Стр. 299. *...он и раньше совершал такого рода грех.* — По законам индуизма, человек из высшей касты не имеет права пользоваться посудой членов низших каст или людей, исповедующих иную религию.

Стр. 301. *Не то ты говоришь!..* — Согласно индийской семейной традиции, жена не должна называть мужа по имени, чтобы не навлечь на него несчастья.

Стр. 302. *Мадхусудан* — эпитет бога Вишну.

Стр. 303. *Пайса* — мелкая индийская монета.

Стр. 308. *Лакшман и Рама* — см. примечание к стр. 81.

Стр. 309. *Калинга* — название древнего государства на Коромандельском берегу, недалеко от Мадраса.

Стр. 317. *Пиринг и бего* — сорта салата; *Чоччори* — соус из баклажанов, тыквы, листьев цветочной капусты и другой зелени.

Стр. 323. *Брахманы* — каста жрецов, высшая из четырех основных каст в Индии.

Стр. 324. *Аннапурна* — одно из воплощений Дурги. По религиозным верованиям индусов, Аннапурна кормит весь мир.

Стр. 325. *Тамаринд* — дерево. Мякоть плодов тамаринда используют для приготовления лимонадов, сиропов и соусов.

Стр. 327. *Баньян* — дерево, ветви которого дают многочисленные воздушные корни; врасая в землю, они образуют новые стволы.

Стр. 328. *Ним* — дерево, листья которого обладают целебными свойствами.

Учхе — овощи, употребляемые для приготовления острой приправы, в которую добавляют также специи, называемые суктуни.

Яджурведа — второй сборник вед, древнейшего памятника индийской литературы. Яджурведа — веда обрядовых гимнов и жертвенных заклинаний.

Стр. 362. *Пронам* — поклон, выражающий почтение и любовь. Совершающий пронам поднимает к лицу сложенные ладони рук.

Стр. 370. *Индра* — один из главных богов ведического пантеона; бог-громовержец.

Стр. 374. *Филипп Сидней* (1554—1586) — английский поэт, погиб, сражаясь за независимость Нидерландов.

Стр. 381. *Калидаса* (V в.) — выдающийся индийский поэт и драматург, писал на санскрите, его основные произведения: поэма «Облако-вестник», драмы «Шакунтала», «Малявика и Аग्нимитра» и др.

Ума — героиня эпической поэмы Калидасы: «Кумара — самбхава» («Рождение бога войны»).

Стр. 382. *Шанкарачарья* (788—820) — знаменитый комментатор ведической литературы.

Стр. 391. ...*взяла прах от их ног.* — Так обычно в Индии выражают почтение старшим или уважаемым людям.

Стр. 394. *Миробалан* — плод крупного дерева из семейства молочайных, растущего в Индии. Миробаланы очень богаты таннидами (дубильными веществами).

Стр. 400. *Гхат* — ступенчатый спуск к воде.

Стр. 403. *Заминдар* — землевладелец, помещик.

Стр. 407. *Огрохайон* — девятый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому ноябрю — декабрю.

Стр. 409. *Шива* — одно из основных божеств индуистской триады, бог созидания и разрушения.

Стр. 416. *Магх* — одиннадцатый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому январю — февралю.

Стр. 419. *Поуш* — десятый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому декабрю — январю.

Стр. 424. *Хари* — одно из имен бога Вишну.

Стр. 440. *Паеш* — сладкое блюдо, приготовленное из риса, сахара и молока.

Стр. 448. *Саньяси* — аскет, отшельник.

Стр. 458. *Макара* — мифическое животное с головой антилопы и туловищем рыбы.

РАССКАЗЫ

МРИНМОЙИ

Стр. 489. *Срабон* — пятый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому июлю — августу.

СВЕТ И ТЕНИ

Стр. 520. *Наиб* — управляющий именем.

Стр. 522. ...*подняв над головой значки для «и», «ой» и «р».* — Буквы «и» и «ой» бенгальского алфавита имеют надстрочные знаки, буква «р» в ряде случаев пишется над другими буквами.

«Котхамала» — сборник басен, написанный Ишшорчондро Биддашагором (1820—1891) по мотивам басен Эзопа.

«Акхенмончжори» — книга для начального чтения, составленная Ишшорчондро Биддашагором.

Стр. 524. *Сахиб* — господин, обычно европеец, англичанин.

Стр. 527. *Конгресс* — партия Индийский национальный конгресс, основана в 1885 году. Ныне правящая партия Республики Индии.

Стр. 528. *«Амрита базар патрика»* — название газеты.

Стр. 531. *Чалкан* — мужская верхняя одежда, надеваемая в торжественных официальных случаях.

Стр. 537. *Тока* — широкополая шляпа из пальмовых листьев.

Стр. 540. *Гуплиджонтра* — музыкальный инструмент.

Стр. 542. *«Дхаранат»* — начальная книга по арифметике.

Каширам Даш — бенгальский поэт XVI века, пересказывавший на бенгальском языке древнеиндийский эпос «Махабхарату».

ИСКУПЛЕНИЕ

Стр. 544. *Тришанку* — мифический царь-мудрец, по преданию, захотел еще при жизни попасть на небо, но разгневанные боги сбросили его оттуда. Однако он не упал на землю, а повис между небом и землей, обратившись в одно из созвездий южного полушария.

СУДЬЯ

Стр. 561. *Тики* — пучок волос на макушке у брахманов.

ВТОРЖЕНИЕ

Стр. 567. Торкобаккошпоти — буквально мастер речи и спора.

Стр. 569. *Нистарини* — буквально: дающая освобождение, избавительница.

Стр. 571. *Доми* — одна из низших каст.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Р. Тагор и его жена.
2. Р. Тагор (1903).
3. Шантиникетон — школа искусств.
4. Р. Тагор среди учащихся и преподавателей Шантиникетона (1905).
5. Жилой дом одного из преподавателей в Шантиникетоне.
6. Р. Тагор с друзьями и сыном.
7. Р. Тагор (1905).
8. Р. Тагор (1906).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСЧИНКА. Роман. Перевод Е. Смирновой и И. Товстых	7
КРУШЕНИЕ. Роман. Перевод Е. Смирновой и И. Товстых	225

РАССКАЗЫ

Мринмойи. Перевод Е. Смирновой	489
Разгаданная загадка. Перевод А. Гнатюка-Да- нильчука	510
Свет и тени. Перевод Е. Алексеевой	517
Искушение. Перевод А. Гнатюка-Данильчука	544
Судья. Перевод А. Гнатюка-Данильчука	559
Вторжение. Перевод А. Гнатюка-Данильчука	567
В. Новикова. Послесловие	572
Комментарии	581
Список иллюстраций	589

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 3

Редактор С. Хохлова
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор Ж. Примак
Корректоры Р. Пунга и А. Юрвева

*

Сдано в набор 21/IV 1962 г. Подписано
в печать 29/VIII 1962 г. Бум. 84×108 ¹/₃₂.
18,5 печ. л. = 30,34 усл. печ. л. 29,22
уч.-изд. л. + 8 вклеск = 29,62 л. Тираж 100 000.
Зак. 328. Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

*

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29

